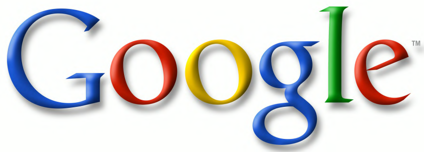

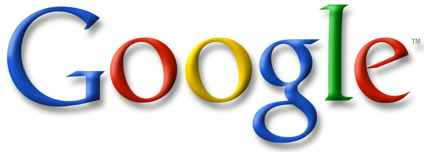

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
1817

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
1817

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
1817

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
1817

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
1817

В. В. Волкъ-Карачевскій.

Борьба Польши съ Козачествомъ

во второй половинѣ XVII и началѣ XVIII вѣка.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра.
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., д. № 4.
1899.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Университета Св. Владиміра.
Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій 1899 г.

А. П. Волкъ-Карачевской

этотъ свой первый трудъ

посвящаетъ мужъ.

Предисловіе.

„Добра хочю Братьи и Русскѣй землѣ“.
(Владиміръ Мономахъ).

Приступая къ выполненію принятой на себя задачи, я считаю ьимъ долгомъ выяснить тѣ мотивы и причины, которые побудили ня выбрать для своей работы названную въ заглавіи моего сочине- і эпоху. Тема, разрабатываемая мною, казалось бы, очень избитая. якій въ правѣ сказать: „Такъ много говорилось и писалось по этому просу, что стоитъ ли переписывать все, давно ужъ извѣстное“. На омъ дѣлѣ это было бы несправедливо. Костомаровъ въ своихъ ве- кихъ произведеніяхъ занимался, большею частію, исторіей лѣваго рега—исторіей постепеннаго и медленнаго соединенія лѣвобережной раины съ Москвой, а затѣмъ Россійской Имперіей; если онъ на ти касался событій на правомъ берегу, гдѣ главнымъ образомъ оисходила вся борьба съ Польшей, то только, насколько требовала го излагаемая имъ исторія лѣваго берега. Проф. Антоновичъ въ своей ботѣ описалъ только моментъ послѣдняго проблеска борьбы съ Поль- ей. Такимъ образомъ мы видимъ, что чувствуется пробѣлъ въ систе- тическомъ изложеніи разбираемаго нами вопроса. Это былъ одинъ ь мотивовъ, побудившихъ меня взяться за эту работу. Другой мо- въ заключается въ томъ, что, какъ мы это сейчасъ увидимъ, эпоха, торая имѣла своимъ исходнымъ пунктомъ смерть Богдана Хмель- цкаго и конечнымъ—первую четверть XVIII вѣка—такъ называемое рое запустѣніе Украины,—представляетъ въ жизни правобережной раины, боровшейся все время непрестанно съ Польшей, процессъ,

уничтожившій въ ней совершенно козачество и превратившій ее изъ автономной области въ простую польскую провинцію, сдѣлавшуюся, послѣ раздѣла Польши, губерніей Россійской имперіи. Такое же точно превращеніе произошло гораздо позже на лѣвомъ берегу, но путемъ мирной нивеллирующей работы русскаго провительства; на правомъ же берегу козачество, а съ нимъ и самостоятельность утрачены были путемъ именно этой борьбы съ Польшей во второй половинѣ XVII и первой четверти XVIII столѣтія.

Въ послѣдней четверти XVI столѣтія, со времени Люблинской Уніи, юридическія условія всего крестьянскаго населенія литовско-русскихъ областей кореннымъ образомъ измѣнились: оно очутилось вдругъ прикрѣпленнымъ къ землѣ и лишеннымъ личной свободы. „Отсюда естественно родилось стремленіе, какъ говоритъ В. Б. Антоновичъ, сойти со старыхъ мѣстъ жительства и поискать новой безпанской земли“. Толпы переселенцевъ начинаютъ стремиться въ украинныя воеводства, гдѣ, благодаря козацкой организаціи, населеніе было болѣе или менѣе уже обезпечено отъ прежнихъ, раззорявшихъ Украину, татарскихъ набѣговъ,—убѣгаютъ туда, въ надеждѣ найти свободную землю, свободный трудъ и самоуправленіе—все это за отбываніе въ пользу государства воинской повинности.

Но не только одни крестьяне обратили на Украину свои взоры, какъ на землю обѣтованную—кинулись туда и дворяне. Недоступная для нихъ прежде, плодородная, но вслѣдствіе постоянныхъ татарскихъ набѣговъ и послѣдняго нашествія Мехметъ-Гирея совершенно обезлюженная пустыня, сдѣлавшаяся теперь безопасной, все благодаря той же козацкой организаціи, Украина начала привлекать къ себѣ и дворянскіе аппетиты, вопервыхъ, благодаря массѣ свободной плодородной земли, а затѣмъ и постоянно увеличивающемуся контингенту рабочаго населенія, искавшаго тамъ свободной земли и свободнаго труда.

И вотъ паны начинаютъ тщательно разыскивать въ семейныхъ архивахъ документы на право владѣнія землей въ Украинѣ, предъявляютъ эти документы и или сами отправляются, или посылаютъ своихъ слугъ разыскивать свои пустыя селища и прихватывать побольше пустопорожней земли. Другіе, у которыхъ не было старыхъ документовъ, выпрашиваютъ у сейма и короля дарственныя на обширныя пространства и захватываютъ ихъ въ потомственную собствен-

ность [1]). Такимъ образомъ возникаютъ на Украинѣ обширныя панскія помѣстья. Съ другой стороны, народъ не можетъ помириться съ мыслью, что онъ, какъ говорится, попалъ изъ огня, да въ полымя: вмѣсто свободной земли и личной свободы, онъ встрѣтилъ опять тѣ же условія прикрѣпленія къ панской землѣ и подчиненіе своей свободы панской волѣ. Это то столкновеніе интересовъ дворянъ съ крестьянскими и было первымъ и главнымъ мотивомъ будущей вѣковой казацко-польской борьбы [2]). Сначала дворяне, видя невозможность сразу закрѣпостить поселенцевъ, открываютъ широкое право „слободы"— исторія, повторяющаяся впослѣдствіи два раза въ правобережной Украинѣ, а казачество старается уложиться въ реестровыя рамки и довольствоваться небольшой оставленной имъ по закону территоріей; недовольные же уходятъ подальше въ степи и стараются свить гнѣздо въ Запорожьи. Такимъ образомъ роковой конфликтъ нѣсколько отдаляется. Все это были только палліативы: ни дворяне не могли отказаться отъ своихъ правъ на личность и трудъ населенія, ни козачество не могло оторваться отъ той среды, которая его породила и съ которой оно было связано узами національности, вѣры, языка и привычекъ. Кромѣ того Брестская унія породила другой мотивъ для борьбы—мотивъ религіозный, которымъ и стали, какъ главнымъ знаменемъ, прикрываться козацкія движенія. Роковой конфликтъ разразился въ полной силѣ въ половинѣ XVII вѣка, когда началось возстаніе Богдана Хмельницкаго. Десятилѣтняя борьба достигла того, чего хотѣла: Богданъ освободилъ край отъ Польши, ненавистные паны были поголовно изгнаны изъ Украины, и населеніе сдѣлалось свободнымъ. Но Богданъ не довершилъ своего дѣла—онъ умеръ, оставивъ его неоконченнымъ; онъ успѣлъ разрушить оковы, но не создалъ ничего, что могло бы укрѣпить народную свободу. Договоръ съ Москвой, отдававшій Украину подъ протекцію Москвы, не могъ, конечно, обезпечить свободы отъ притязаній Польши. Дѣло борьбы не было окончено—это былъ только ея первый актъ. Было бы, конечно, совершенно неестественнымъ, если бы Польша такъ скоро и легко отказалась отъ владѣнія такой плодородной и богатой областью, какъ Украина. Изгнанные паны, главныя богатства которыхъ заключались въ украинскихъ помѣстьяхъ, составляли въ то же время и главную

[1]) Антоновичъ Грановщ.. стр. 76.

[2]) Антоновичъ, Грановщ., стр. 77.

силу въ Рѣчи Посполитой; не могли же они отказаться отъ своихъ богатствъ. Уже 24 іюня 1657 года, т. е. за три дня до смерти Богдана, между польскими гетманами состоялась „дума", на которой составлены были слѣдующія четыре статьи „о козацкой погибели". 1) Посылать такова посла до казаковъ, чтобы обѣщалъ имъ всякія милости, именно: гетману запорожскому—удѣльное княжество, полковникамъ—староства, другимъ козакамъ—шляхетство и вольности по ихъ волѣ. Когда они учинятъ присягу, черезъ годъ или два идти войной на Москву, а если не захотятъ, то самихъ ихъ воевать въ соединеніи съ татарами. 2) Ссорить старшину съ черныо, указывая на то что они отъ своей старшины терпятъ болѣе притѣсненій, чѣмъ отъ ляховъ. 3) Всякими мѣрами стараться поссорить Украину съ Москвой чтобы самимъ выиграть въ этомъ. И такъ мы видимъ, что Польша начавшая къ 1656 году оправляться отъ тяжелыхъ ударовъ, нанесенныхъ ей козаками и шведами, была во всеоружіи—готова опять къ борьбѣ. Что же могла противупоставить имъ въ этой борьбѣ Украина? Мало политически-образованный малорусскій народъ въ состояніи былъ, конечно, стряхнуть съ себя ненавистное иго, но создать что нибудь цѣльное изъ своихъ стихійныхъ стремленій къ свободѣ что могло бы служить ему вѣрнымъ оплотомъ въ этой вновь предстоящей борьбѣ—не могъ. Старшина козацкая, до-нельзя деморализованная быстрымъ успѣхомъ, легкимъ обогащеніемъ, какое давала ей десятилѣтняя борьба, ничуть не думала о благѣ народномъ, а только о своихъ личныхъ интресахъ. Польша въ своемъ шляхетскомъ строѣ давала ей яркій и заманчивый примѣръ богатаго и безпечальнаго существованія Отчего ей было не идти на компромиссы съ Польшей? Первый яркій примѣръ такого компромисса мы видимъ въ Гадячскомъ договорѣ Выговскаго, который создавалъ на Украинѣ, по образцу Польши, частью ея, съ такимъ же шляхетствомъ, только ужъ изъ среды козацкой старшины. Другая часть старшины, старшина лѣваго берега, тоже стремившаяся къ власти, нашла болѣе выгоднымъ подслуживаться московскому правительству. А народъ искренно стремился соединиться съ Москвой, видя въ ея центральной власти возможность уравненія всѣхъ слоевъ. Кромѣ того и Польша не предъявляла почти своихъ претензій на лѣвый берегъ, которому только въ нѣсколькихъ случаяхъ пришлось принять участіе во второмъ актѣ борьбы съ Польшею. Вся тяжесть ея пала на плечи правому берегу. Такимъ образомъ Польшѣ въ новой борьбѣ пришлось уже имѣть дѣло не съ

цѣлымъ народомъ, совершившимъ во времена Богдана свое особожденіе отъ чужеземнаго ига, а только съ половиной. Да и половина эта была обезсилена постоянными распрями, какъ въ средѣ старшины, такъ и въ средѣ самого козачества.

Дѣло освобожденія отъ Польши было совершено совмѣстными съ посполитымъ народомъ усиліями; а теперь, въ новыхъ договорахъ при соединеніи съ Польшей, старшина, искавшая въ нихъ только личныхъ выгодъ, принимала во вниманіе только одно козачество, создавая для посполитыхъ новое панское сословіе уже изъ собственной среды. Такимъ образомъ козачество само собой отдѣлялось отъ народа и его интересовъ и, естественно, теряло свою силу, которую оно имѣло, когда являлось представителемъ народныхъ интересовъ. Въ средѣ одной части козачества, которая оставалась вѣрна старымъ традиціямъ народныхъ интересовъ, естественно сталъ вспыхивать протестъ противъ Польши, подавлять который приходилось самому же козачеству другой болѣе сильной партіи, и такимъ образомъ силы еще и еще раздѣлялись и уменьшались. Кромѣ того частое появленіе въ средѣ того же козачества смѣлыхъ авантюристовъ, ничего не искавшихъ кромѣ кратковременнаго успѣха и вызывавшихъ всегда болѣе или менѣе кровопролитныя столкновенія между партіями, все это настолько ослабляло силы козачества, что и рѣчи не могло быть о томъ, кто останется побѣдителемъ въ этой вновь возникавшей борьбѣ.

Единственнымъ человѣкомъ, понимавшимъ народные интересы, былъ послѣдній правобережный гетманъ Дорошенко—но, вопервыхъ, онъ, какъ и всѣ другіе, слишкомъ оставлялъ въ сторонѣ посполитый народъ, и, стремясь къ федеральной автономіи, во главѣ которой кромѣ того долженъ былъ стоять онъ самъ, а не кто другой, онъ принималъ во вниманіе въ своихъ проектахъ только одно козачество, не могшее уже имѣть прежней силы, интересы котораго, какъ уже мы видѣли, являлись оторванными отъ народныхъ. Къ тому же Дорошенко былъ поставленъ въ невозможно тяжелыя условія. Ни Польша, ни Москва не могли дать ему того, чего онъ желалъ; это значило бы для той и другой отказаться отъ своей исторической миссіи. Наконецъ, Андрусовскій договоръ, отдававшій правобережную Украину во власть Польши, заставилъ его обратиться къ помощи и покровительству Турціи, что было фатальнымъ для правобережной Украины. Покровительство это привело правый берегъ къ полнѣйшему опустошенію и уничтожило тамъ козачество. Вновь превращенная въ пустыню плодородная Украина

начала мало по малу заселяться. Паны владѣльцы начали зазывать на „слободы“, и вновь въ Украинѣ возродилось козачество, возсозданное королемъ Яномъ Собѣсскимъ для борьбы съ Турціею. Во главѣ этого вновь созданнаго козачества становятся люди, дѣйствительно понимавшіе народные интересы; выдвигается народный герой Палій. Но лишь только столкнулись два такіе элемента, какъ шляхетскій и малорусскій, въ принципѣ не терпѣвшій никакого панства, тотчасъ же возникла борьба, и опять борцами за народную свободу явилось вновь созданное козачество. Вскорѣ Палій погибъ жертвой происковъ своего соперника Мазепы, который въ противовѣсъ ему, представителю демократическихъ стремленій народа, явился представителемъ шляхетско-панскихъ принциповъ,—и оставшееся безъ пастыря стадо продолжало единичную, мелкую борьбу съ шляхтой. Возвратившійся изъ ссылки Палій не могъ уже вдохнуть прежней силы и энергіи въ козачество, и, наконецъ, по Прутскому договору 1714 года, край былъ снова уступленъ Польшѣ, всѣ жители были переведены на лѣвый берегъ, и исчезло тамъ естественно и козачество. Такимъ образомъ мы видимъ, что со времени смерти Хмельницкаго вся историческая жизнь правобережной Украины сводится къ непрестанной борьбѣ съ Польшей,—борьбѣ, которая въ концѣ концовъ совершенно уничтожила въ ней козачество, исчезнувшее тамъ въ первой четверти XVIII вѣка.

Изъ всего вышесказаннаго, мнѣ кажется, становится яснымъ, насколько важенъ и интересенъ этотъ процессъ, совершенно измѣнившій судьбы правобережной Украины, уничтожившій первоначальные элементы борьбы противъ ненавистнаго ига Польши, но ничуть не уничтожившій духа протеста, который и вызвалъ къ жизни въ половинѣ XVIII вѣка новые элементы для борьбы, выразившейся теперь въ гайдамацкихъ движеніяхъ. Отсюда становится также ясной конечная цѣль моей работы, которая, изобразивъ борьбу Польши съ козачествомъ въ означенную въ заглавіи эпоху, тѣмъ самымъ уясняетъ, какъ изъ автономной области правобережная Украина превратилась въ простую польскую провинцію, правда, еще разъ протестовавшую противъ польскаго гнета въ гайдамацкихъ движеніяхъ, а затѣмъ послѣ раздѣла Польши, мирно вошедшую въ составъ Россійской имперіи.

Переходя теперь къ обзору источниковъ, которыми я пользовался для своей работы, я, конечно, долженъ сказать, что не всѣ источники относящіеся къ разбираемому мною вопросу, исчерпаны мною, такъ

сказать, до дна—этого, мнѣ кажется, не можетъ сказать даже ученый первой руки, а не только такой новичекъ въ научномъ дѣлѣ, какимъ являюсь я... Во всякомъ случаѣ могу сказать, что было въ моихъ силахъ, что только могъ достать и прочесть, я все привлекъ къ своему труду;—въ этомъ можно убѣдиться, читая мою работу. Источники, которыми я пользовался, могутъ быть раздѣлены на три категоріи. Къ первой категоріи относится такъ называемый актовый матеріалъ, т. е. матеріалы, извлеченные изъ различныхъ архивовъ и напечатанные подъ редакціей различныхъ ученыхъ. Непечатанными архивными матеріалами я не имѣлъ ни времени, ни возможности пользоваться. Всѣ матеріалы изъ кіевскаго архива, касающіеся козачества, уже извлечены различными изслѣдователями, а архивами другихъ городовъ пользоваться я не имѣлъ возможности. Но возращаюсь къ матеріаламъ. 1) Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи, извлечены изъ рукописей архива министерства иностранныхъ дѣлъ и архива министерства юстиціи; т. IV—XV заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія, начиная съ Выговскаго и кончая двумя чигиринскими походами, изложенными въ XIII томѣ. О важности и интересѣ сообщаемыхъ въ этомъ и вообще источникахъ, относящихся къ отдѣлу актоваго матеріала, я распространяться не буду. 2) Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи, т. V, даютъ много интересныхъ подробностей относительно занимающей насъ эпохи. 3) Памятники, издаваемые временной коммиссіей для разбора древнихъ актовъ,—заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія, извлеченныя изъ Кіевскаго Центральнаго архива т. III и IV, ч. III, и обнимаютъ собой время Выговскаго, Юрія Хмельницкаго и Тетери. 4) Архивъ Юго-Западной Россіи, т. II, ч. III, обнимаетъ собой время отъ 1669 года по 1716, время возобновленія козачества и вторичнаго его уничтоженія; матеріалъ особенно цѣнный, извлеченный и изданный профессоромъ Антоновичемъ. 5) Объявленіе объ услугѣ Рѣчи Посполитой Криштофа Перетятковича—реляція о посольствѣ этого шляхтича къ Выговскому, относящаяся ко времени Гадячскаго договора, сообщающая массу интересныхъ подробностей и дающая нѣсколько новое освѣщеніе времени Выговскаго. 6) Załuski — Epistolae historico-familiares, т. I—IV, заключаютъ переписку различныхъ должностныхъ лицъ Рѣчи Посполитой, обнимающую собой время отъ 1667 по 1700 годъ. Весьма важный и интересный матеріалъ, дающій массу свѣдѣній о гетман-

ствѣ Дорошенка, Острожской коммиссіи, времени Палія и т. д. Жаль только, что вся масса заключающихся тамъ писемъ переведена на латинскій языкъ, что совершенно отняло у нихъ мѣстный колоритъ. 7) Augustin Theiner—Monuments historiques relatifs au reignes d'Alexis-Michailovitch, Feodor III et Pierre le Grand, tirés des archives du Vatican et du Naple—матеріалы, извлеченные изъ ватиканскаго и неапольскаго архивовъ, заключающіе въ себѣ реляціи папѣ польскихъ іезуитовъ, даютъ нѣсколько свѣдѣній относительно Чудновскаго происшествія и затѣмъ о первыхъ попыткахъ возобновленія козачества Яномъ Собѣсскимъ. 8) Матеріалы Судіенка—заключаютъ въ себѣ переписку съ Мазепой различныхъ лицъ, стоявшихъ близко къ Петру I, и сообщаютъ интересныя свѣдѣнія о событіяхъ въ правобережной Украинѣ въ началѣ XVII ст., т. II. 9) Нѣсколько актовъ, разсѣянныхъ въ „Кіевской Старинѣ". 10) Дневникъ прилуцкаго полковника Михаила Мовчана, напечатанный въ „Кіевской Старинѣ" за 1885 годъ, сообщенъ Антоновичемъ. Нѣсколько интересныхъ, хотя и мелкихъ свѣдѣній о времени второго Вѣнскаго похода и Палія. 11) Ал. Барсуковъ—Родъ Шереметевыхъ—это хотя и прагматическое изложеніе, но изобилуетъ матеріалами, добытыми изъ неизданнаго портфеля Г. Ѳ. Карпова и неизданныхъ также рукописей московскихъ архивовъ, даетъ массу интересныхъ, совершенно новыхъ свѣдѣній относительно времени Выговскаго и Юрія Хмельницкаго, т. V. 12) Первыя русскія вѣдомости. 13) Чтенія при Императорскомъ Московскомъ Обществѣ исторіи и древностей, 1858 года, книга 1, сообщается нѣсколько документовъ, касающихся Дорошенка. 14) Чтенія тѣ же 1859 г. книга I, нѣсколько документовъ, касающихся Палія и Самуся. 15) Маркевичъ—Исторія Малороссіи, т. III—IV: здѣсь сведены всѣ документы, начиная съ гетманства Хмельницкаго до конца гетманщины.

Ко второй категоріи источниковъ относятся всѣ лѣтописи, мемуары, записки современниковъ и т. д. 1) Лѣтопись Самовидца изданіе 1878 г., самая достовѣрная изъ всѣхъ малорусскихъ лѣтописей 2) Краткое описаніе Малороссіи—небольшая лѣтопись, изданная при лѣтописи Самовидца, во многомъ весьма сходная съ лѣтописью Грабянки. 3) Лѣтопись Грабянки, изд. въ 1854 году Лѣтопись эта написана гадячскимъ полковникомъ Григоріемъ Грабянкой, который жилъ во времена Петра I, Петра II и Екатерины I Лѣтопись его, какъ это явствуетъ изъ заглавія, имѣла первоначально

15-216

цѣлью описать время Хмельницкаго, такъ что эта эпоха отличается связностью изложенія и попыткой систематизировать лѣтописный матеріалъ; чѣмъ дальше, тѣмъ разсказъ пріобрѣтаетъ болѣе лѣтописный характеръ и заканчивается 1709 годомъ, т. е. временемъ избранія въ гетманы Ивана Скоропадскаго. Свѣдѣнія, сообщаемыя лѣтописью, очень интересны. 4) Лѣтопись Самоила Велички, т. I—IV, изд. 1848 года. Очень интересная и подробная лѣтопись, обнимающая событія по 1700 годъ, изобилуетъ массой бытовыхъ подробностей, приведена масса документовъ, многіе изъ нихъ безусловно вѣрны, даже по сличеніи съ Полнымъ Собраніемъ законовъ. Конечно, пользоваться надо съ извѣстной осторожностью, потому что нѣкоторыя свѣдѣнія невѣрны датами, нѣкоторые документы также не вѣрны, но по подробностямъ и массѣ бытовыхъ мелочей, эта лѣтопись единственная въ своемъ родѣ. 5) Лѣтопись Боболинскаго, извлеченія изъ этой лѣтописи обнимаютъ собой первый чигиринскій походъ; напечатана при лѣтописи Грабянки. 6) Лѣтопись Рубана, изданная Василіемъ Рубаномъ въ 1773 году, представляетъ собой перифразъ изъ Краткаго Описанія Малороссіи. 7) Черниговская Лѣтопись, изданная въ первый разъ Бѣлозерскимъ въ Сборникѣ Южнорусскихъ лѣтописей въ 1856 году, а во второй разъ напечатана по новооткрытымъ спискамъ А. М. Лазаревскимъ въ „Кіевской Старинѣ“ 1890 г., кн. IV и V, особенно интереснаго ничего не представляетъ. 8) Лѣтоизобразительное описаніе, напечатано въ „Сборникѣ“ того же Бѣлозерскаго. 9) Сборникъ лѣтописей. относящихся къ исторіи Южной и Западной Россіи, изданный подъ редакціей проф. Антоновича въ 1888 году, заключаетъ въ себѣ: а) лѣтопись Лизогубовскую—названную такъ проф. Антоновичемъ, по имени автора, Якова Лизогуба; b) лѣтопись событій въ Южной Руси, львовскаго каноника Яна Юзефовича, обнимаетъ собой событія по 1700 г., даетъ много подробностей относительно занимающей насъ эпохи; с) 10 писемъ королевскаго секретаря Доминика Вильчка изъ Львова къ королю Яну Собѣсскому, заключающія въ себѣ свѣдѣнія о походахъ Самуся и Палія противъ татаръ въ 1694—95 годахъ. 10) Лѣтописныя повѣствованія о Малой Россія, Ригельмана, позднѣйшая компиляція изъ различныхъ лѣтописей, главнымъ образомъ Грабянки, издана Бодянскимъ въ 1846 г. 11) Joachim Jerlicz latopisiec, мемуары русскаго шляхтича, жившаго во второй половинѣ XVII вѣка, ведшаго дневникъ своей жизни и записывавшаго иное по слухамъ,

отчего не всегда отличается вѣрностью, хотя и сообщаетъ иногда свѣдѣнія, не встрѣчающіяся въ другихъ источникахъ—такъ напримѣръ, подробное описаніе двухъ возстаній Ивана Поповича, полковника, а затѣмъ и священника паволочскаго. 12) Annalium Poloniae Climaeteres, т. I и IV, а Kochowo-Kochowski. Авторъ-поэтъ, довольно извѣстный своего времени; все сочиненіе написано по латыни, исключая IV тома, переведеннаго на польскій языкъ—этимъ томомъ я не могъ пользоваться, за невозможностью его достать (утерянъ изъ кіевской фундаментальной Университетской библіотеки). Разсказъ не вездѣ вѣренъ съ дѣйствительностью. 13) Wojna domowa—Samuela Twardowskiego. Авторъ тоже поэтъ, сочиненіе его, служившее однимъ изъ источниковъ Лѣтописи Величка, написано все въ стихахъ и касается главнымъ образомъ войны съ Богданомъ, и только послѣдняя глава посвящена Выговскому и Гадячскому договору. 14) Historia panowania Jana-Kazimierza, неизвѣстнаго автора, изданная Эдуардомъ Рачинскимъ въ 1840 г., представляетъ собой перифразъ Climaeter'овъ Коховскаго и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, даже большей частью, простой переводъ этого сочиненія. 15) Zeleniewicki—Memorabilis victoria de Szeremetho reportata, представляетъ собой дневникъ о войнѣ Чудновской, веденный патеромъ Зеленевицкимъ. 16) Ambroży Grabowsky—Oyczyste spominki, 2 тома. Это изданные извѣстнымъ польскимъ археологомъ различные дневники, письма, реляціи, діаріуши, касающіеся времени Юрія Хмельницкаго и Петра Дорошенка; одна реляція о Чудновской войнѣ представляетъ, по словамъ Костомарова, оригиналъ другой, очень рѣдкой реляціи Swirsk'аго, которой воспользоваться я не имѣлъ возможности. 17) Ambroży Grabowsky—Starożytnoscie historiczne polskie, представляетъ собой изданіе того же самого польскаго археолога различныхъ писемъ и реляцій. 18) Pamiętnik Jana Chryzostoma Paska—дневникъ одного польскаго шляхтича, записывавшаго погодно различныя событія, въ которыхъ, между прочимъ, онъ самъ принималъ участіе. Интересны здѣсь свѣдѣнія изъ біографіи Мазепы. 19) Pamiętnik Jermiołowskiego. 20) Grabowski i Przezdziecki, т. I, Zrzódla do dziejow polskich—изданіе упомянутыхъ въ заглавіи польскихъ историковъ различныхъ документовъ, относящихся къ польской исторіи. Что касается разсматриваемаго нами вопроса, то тутъ, между прочимъ, приведена очень интересная инструкція Ивану Мазепѣ, будущему гетману, котораго отправляли посломъ къ Тетерѣ. 21) Mali-

nowski i Przezdziecki—Zrzódła do dziejów polskich. По смерти Грабовскаго, его мѣсто занялъ Малиновскій и продолжалъ начатое изданіе. 22) Sękowski — Collectanea z dziejopisow tureckich. Очень интересный источникъ. Авторъ, профессоръ-оріенталистъ, издалъ матеріалы, почерпнутые имъ изъ турецкихъ источниковъ, обнимающіе собой походъ подъ Каменецъ въ 1672 г., затѣмъ походъ въ 1674 г., окончившійся раззореніемъ Умани, Ладыжина и др. городовъ. 23) Pikulski—Sukcess albo historia uniwersalna—представляетъ собой попытку систематическаго изложенія всеобщей исторіи; но чѣмъ ближе ко времени, когда жилъ авторъ, тѣмъ исторія начинаетъ все болѣе касаться мѣстныхъ вопросовъ. Издана книга въ 1800, а написана и готова была для печати въ 1763 году. 24) Tagebuch des Generalen Patrick Gordon—дневникъ шведскаго офицера, попеременно переходившаго на службу отъ одного государства къ другому. Подробно описано въ дневникѣ Чудновское дѣло, когда Гордонъ находился на службѣ у Польши, и оба Чигиринскіе похода, когда Гордонъ былъ уже русскимъ офицеромъ и находился въ самомъ Чигиринѣ, гдѣ въ послѣдній моментъ послѣ убійства Ржевскаго къ нему перешла даже главная команда. Свѣдѣнія, сообщаемыя имъ, достовѣрны, потому что онъ былъ совершенно хладнокровный очевидецъ. 25) Zubricki—Kronika miasta Lwowa—сводъ различныхъ свѣдѣній, изложенныхъ въ лѣтописной формѣ. Къ этому же разряду источниковъ я отношу 26) Volumina legum—сводъ сеймовыхъ постановленій, получавшихъ силу закона, т. IV—VI. 27) Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи—источникъ, не требующій комментарій, 28) Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ; также не требуетъ комментарій, т. IV. М. 1828 года. 29) Максимовичъ и Щекатовъ—Географическій словарь, статья „козаки"—трактуется обо всѣхъ сортахъ козаковъ; причемъ относительно украинскихъ козаковъ изложена еще и ихъ исторія въ лѣтописной формѣ, даетъ нѣсколько незначительныхъ свѣдѣній. 30) Максимовичъ—Историческія пѣсни малорусскаго народа, и 31) Антоновичъ и Драгомановъ—Историческія пѣсни малорусскаго народа, даютъ намъ свѣдѣнія о томъ, какъ отразилась въ народной памяти исторія. 32) Кулишъ—Записки о Южной Руси принадлежатъ къ такому же разряду источниковъ, какъ и два предыдущихъ. 33) Путешествіе въ св. землю Іоанна Лукьянова. Авторъ проходилъ черезъ Украину на пути туда и обратно въ 1700—1701 г., и сообщаетъ

свои впечатлѣнія, полученныя имъ при этомъ. 34) Krajewski — Historia Jana-Kazimirza, почти аналогична съ двумя другими исторіями этого царствованія, о которыхъ мы говорили выше.

Третья категорія источниковъ, которыми я пользовался при моей работѣ, это сочиненія уже обработанныя. На первомъ мѣстѣ нужно, конечно, поставить Костомарова съ его трудами: 1) Гетманство Выговскаго, 2) Гетманство Юрія Хмельницкаго, 3) Руина и 4) Мазепа. Пускаться въ критику и передачу содержанія этихъ произведеній не стану, они достаточно извѣстны. 5) Антоновичъ—Послѣдніе времена козачества на правой сторонѣ Днѣпра. Трудъ тоже достаточно извѣстный, чтобы о немъ распространяться. 6) Антоновичъ—Грановщина, эпизодъ изъ исторіи Брацлавщины, напечатано въ „Кіевской Старинѣ“ за 1888 г. книга I. 7) Соловьевъ—Исторія Россіи; т. XII, XIII, XIV, XV и XVI. Трудъ также хорошо извѣстный, чтобы о немъ говорить. 8) Максимовичъ—Собраніе сочиненій, т. II и III, заключающіе въ себѣ массу статей извѣстнаго ученаго, касающихся различныхъ вопросовъ занимающей насъ эпохи. 9) Лазаревскій—Малороссійскіе посполитые крестьяне—изслѣдованіе, дающее яркую картину постепеннаго закрѣпощенія посполыства своею же старшиною и ярко иллюстрирующее постепенное отчужденіе козачества отъ народныхъ интересовъ. 10) Костомаровъ—Исторія козачества въ памятникахъ народнаго творчества. Превосходная статья, дающая систематизацію и обработку сырого матеріала—народныхъ пѣсенъ. 11) Rulikowsky—Opis powiatu Wasylkowskiego, исторія Васильковщины, дающая много свѣдѣній относительно Хвастовщины, гдѣ разыгрался послѣдній актъ борьбы козачества съ Польшею. 12) Przezdziecki—Podole, Wołyn y Ukraina. Описаніе въ беллетристической формѣ упомянутыхъ въ заглавіи мѣстностей, причемъ приводится нѣсколько документовъ, касающихся занимающей насъ эпохи. Затѣмъ въ „Кіевской Старинѣ“ за всѣ вышедшіе годы находимъ массу различныхъ мелкихъ статей и замѣтокъ—перечислять которыя нѣтъ никакой надобности; онѣ просто будутъ цитироваться при случаѣ.

Относительно упомянутыхъ мною сочиненій Костомарова и Антоновича скажу — что они сослужили мнѣ великую службу, помогли мнѣ, неопытному въ научномъ дѣлѣ новичку, разобраться въ массѣ матеріала, съ которымъ мнѣ пришлось имѣть дѣло. Вели-

кое имъ спасибо! Помимо помощи, которую они мнѣ оказали, они послужили мнѣ еще отдаленнымъ идеаломъ, къ которому я—сознаю это—тщетно стремился. Въ заключеніе обзора повторяю, что не все, конечно, исчерпано мною въ моемъ трудѣ, но „quod potui, feci — faciant meliora potentes“.

ГЛАВА I.

—

Гетманство Выговскаго.

Я позволяю себѣ начать свой трудъ съ этого именно момента потому, что съ гетманства Выговскаго начинается новая эпоха въ малорусской исторіи—эпоха упадка. Со смертью Богдана настало время подводить итоги всему, что было достигнуто вчернѣ десятилѣтними усиліями,—самому Богдану не удалось довести дѣло свое до конца, что бы онъ сдѣлалъ—Богъ вѣдаетъ; если принимать во вниманіе, что Выговскій былъ ближайшимъ человѣкомъ къ Богдану, то можно, пожалуй, подумать, что дальнѣйшая политика Богдана склонилась бы къ федеративному соединенію съ Польшей. По крайней мѣрѣ во время смерти Богдана въ Чигиринѣ находился Беневскій, человѣкъ, съ такимъ искусствомъ черезъ годъ всего создавшій Гадячскій договоръ. Но всякія предположенія на этотъ счетъ отходятъ въ сферу гаданій. Можно сказать только, что Богданъ скончался не во время, да вдобавокъ не оставилъ послѣ себя такого преемника, каторый бы дѣйствительно могъ заступить его мѣсто. Нельзя, конечно, считать преемникомъ Юрка, который черезъ 3 года на дѣлѣ показалъ, что онъ вовсе не способенъ стать во главѣ Украины, да еще въ такой трудный моментъ. Моментъ этотъ былъ труденъ потому, что и Польша и Москва понимали, что со смертью Богдана теряется сильная руководящая рука, которая защищала народные интересы. Польша совершенно ясно сознавала, что теперь настаетъ самый удобный моментъ вернуть оторванную отъ нея Украину въ лоно Рѣчи Посполитой, и она не

ошиблась;—во главѣ Украины сталъ человѣкъ, который пошелъ навстрѣчу желаніямъ Польши и принялъ на себя всю трудную борьбу, которая предстояла бы Польшѣ, при желаніи вновь возвратить Украину, будь на его мѣстѣ другой человѣкъ. Дѣло было обдѣлано такъ, что Украина сама съ собой боролась, сама проливала свою кровь и тратила и безъ того утраченныя силы для того, чтобы создать договоръ, соединявшій ее съ Польшей, договоръ, который, это стало яснымъ черезъ годъ послѣ его составленія, былъ совершенно непригоденъ и нецѣлесообразенъ для Украины и послужилъ даже къ гибели самого его составителя.—Богданъ скончался 27 іюля 1657 года [1]). Причина его смерти остается до сихъ поръ неизвѣстной; малорусскія лѣтописи утверждаютъ, что онъ былъ отравленъ подосланнымъ изъ Польши шляхтичемъ, который явился подъ видомъ жениха дочери Богдана; одинъ источникъ называетъ этого отравителя даже по имени—Хржонщовичъ [2]). Принимая во вниманіе договоръ польскихъ гетмановъ „о козацкой погибели," который мы процитировали въ предисловіи, одна статья изъ котораго гласитъ: „слѣдуетъ подсылать смѣлыхъ передовщиковъ, которые могли-бы начальнѣйшихъ головъ тайно отравить" [3]), я не нахожу ничего неправдоподобнаго въ этомъ извѣстіи. Одно только, по моему мнѣнію, невѣрно, это то, что онъ былъ женихомъ дочери Богдана, ихъ всего у него было тогда двѣ, и обѣ замужемъ—одна за Даниломъ Выговскимъ, а другая за Иваномъ Нечаемъ.—Хмельницкій, какъ мы уже сказали раньше, не оставилъ послѣ себя наслѣдника, который могъ бы быть достойнымъ его замѣстителемъ. Старшій сынъ его, Тимошъ, былъ убитъ во время похода его въ Молдавію въ Сочавскомъ замкѣ; младшій, Юрій, былъ совсѣмъ молодъ, ему было только 16 лѣтъ, при томъ больной, страдавшій эпилепсіей и грыжей, и еще кромѣ всего человѣкъ весьма ограниченный. Естественно, что послѣ смерти Богдана должны были возникнуть распри изъ за того, кому быть гетманомъ, распри, которыя были на руку прежде всего польскому правительству, начинавшему оправляться послѣ ударовъ, нанесенныхъ ему козаками и шведами. Очевидно что и Богданъ сознавалъ это, потому что предъ смертью своей онъ озаботился о томъ, чтобы устранить какъ нибудь угрожающую опасность. Малорусскія лѣтописи и

---

[1]) Костомаровъ. Гетманство Выговскаго.
[2]) Сборникъ лѣтописей, изд. 1888 г., стр. 18.
[3]) Кіев. Стар. 1888 г., № 7, стр. 24, отд. 3

народная память передаютъ, что онъ передъ смертью созвалъ раду съ цѣлью назначенія себѣ преемника, хотя въ сущности извѣстія объ этой радѣ весьма недостовѣрны; объ радѣ этой въ изданныхъ до сихъ поръ документахъ ничего не говорится: въ письмахъ къ воеводѣ Зюзину Выговскій, сообщавшій о смерти Хмельницкаго, ничего не говоритъ объ этой радѣ [1]), а кому бы, какъ не ему, знать объ ней? Очевидно народная память смѣшала рады, происходившія 24 и 27 августа для избранія гетмана уже послѣ смерти Богдана, съ тѣмъ, что онъ передъ смертью, можетъ быть, и имѣлъ совѣщаніе со старшиной, гдѣ назначилъ Юрія гетманомъ, а Выговскаго опекуномъ. Событіе это такъ изложено у лѣтописца и въ народныхъ думахъ: передъ смертью Богданъ, обратясь къ собравшейся радѣ, говорилъ о томъ, что онъ десять лѣтъ не жалѣлъ своихъ силъ и здоровья для служенія отечеству, благодарилъ своихъ сотрудниковъ, козаковъ, за ихъ вѣрность, постоянство, съ которыми они служили народному дѣлу, и просилъ избрать тутъ же ему преемника: „мнѣ будетъ легче умирать“, говорилъ онъ, „если я буду знать, въ чьи руки попала дальнѣйшая судьба Украины“ [2]). Тутъ же онъ назвалъ нѣсколько лицъ, могущихъ занять его мѣсто: Ждановича, Выговскаго, Пушкаря и Тетерю [3]). Раздались крики, что не желаютъ гетманомъ никого, кромѣ Юрія, и хотя Богданъ отказывался, но въ концѣ концовъ, благодаря усиленнымъ настояніямъ рады, согласился, съ тѣмъ условіемъ, чтобы къ Юрію за молодостью лѣтъ приставлены были опекуны, имена которыхъ точно неизвѣстны. Несомнѣнно только, что въ числѣ опекуновъ и, можетъ быть, самымъ главнымъ былъ Выговскій. Польскій историкъ приводитъ даже довольно оригинальныя соображенія, изъ за которыхъ Богданъ счелъ нужнымъ вручить Выговскому опекунство надъ своимъ сыномъ [4]): возлагая на Выговскаго роль руководителя молодымъ Юріемъ, онъ надѣялся подѣйствовать на его великодушіе и въ то же время дать полное удовлетвореніе его честолюбію. Несомнѣннымъ явилось только то, что послѣ смерти Богдана, какъ писалъ Выговскій Зюзину отъ 16 августа 1657 г.,—„гетманомъ всѣ старшины оставили пока что Юрія Хмѣльницкаго, а впредь какъ будетъ—не вѣдаю. Вскорѣ по погребеніи бу-

---

[1]) Акты Юж. и Зап. Россіи, т. IV, № 4, стр. 3.

[2]) Костомаровъ. Богданъ Хмѣльн., т. Ш, стр. 257.

[3]) Антоновичъ и Драгомановъ—т. П, стр. 123.

[4]) Hist. pan. Jana-Kaz т. I, стр. 308.

детъ рада всей старшины и нѣкоторой части черни, а что на ней усовѣтуютъ—не вѣдаю“ [1]). Такимъ образомъ открывалось широкое поле для всякихъ честолюбивыхъ желаній и побѣдителемъ вышелъ Выговскій. Выговскій по происхожденію былъ мелкій малорусскій шляхтичъ, изъ такъ называемой околичной шляхты. Постоянно видя примѣръ веселой и беззаботной жизни польскихъ пановъ, онъ всѣми своими симпатіями тянулся къ Польшѣ и, когда, послѣ пораженія Острянина подъ „Масловымъ Ставомъ“, назначены были на Украину польскіе коммиссары вмѣсто гетмана, онъ состоялъ писаремъ при одномъ изъ такихъ коммиссаровъ. Тутъ познакомился съ нимъ Хмельницкій и, вѣроятно, тутъ уже замѣтилъ его выдающіяся способности: этимъ только можно объяснить ту быстроту, съ которой онъ впослѣдствіи вошелъ въ расположеніе и довѣріе Богдана. Въ битвѣ при „Жовтыхъ Водахъ“ онъ находился въ польскихъ войскахъ и былъ взятъ въ плѣнъ татарами; Хмельницкій выкупилъ его изъ плѣна за кобылу, какъ сообщаетъ украинскій лѣтописецъ [2]). Попавъ въ такое положеніе, онъ увидѣлъ, что нужно до поры до времени скрывать свои симпатіи, считая такое поведеніе наиболѣе соотвѣтствующимъ своему настоящему положенію. А Богдану нужны были люди съ образованіемъ, въ виду предстоящихъ сношеній съ иностранными державами,—онъ беретъ Выговскаго писаремъ и тотъ сразу дѣлается его довѣреннымъ лицомъ. Всячески старается онъ достигнуть популярности, какъ въ средѣ старшины, такъ и между козаками. Понимая, что у народа можетъ быть популяренъ только человѣкъ безъ гонору, онъ держитъ себя просто и не гордо, никогда не отказывается отъ попойки, часто даже изображаетъ изъ себя нетрезваго человѣка, что съ нимъ, впрочемъ, никогда не бывало, такъ какъ онъ былъ человѣкъ очень воздержанный; такимъ образомъ мало-по-малу онъ пріобрѣтаетъ репутацію человѣка простого и обходительнаго [3]). Хитрый, способный, хотя способности исключительно направлены на личныя выгоды, никогда прямо не идущій къ цѣли, политикъ, въ основѣ котораго лежала ложь, жестокій съ врагами и льстивый передъ силой, — таковъ былъ человѣкъ, которому суждено было принять булаву послѣ Богдана. Онъ ясно понималъ, что нужно создать что-нибудь автономное для

---

[1]) Акты Юж. и Зап. Россіи, т. IV, № 4, стр. 3.

[2]) Лѣт. Величка, т. I, стр. 303 и 304.

[3]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. I, стр. 318.

Украины, что въ этомъ заключается его задача. Весь проникнутый идеями шляхетства, онъ не могъ себѣ представить другого образа свободнаго государства, какъ то, которое онъ видѣлъ въ Рѣчи Посполитой. Онъ не могъ составить себѣ другого идеала, какъ аристократическая республика, да кромѣ того идеалъ этотъ вполнѣ соотвѣтствовалъ его личнымъ видамъ. И вотъ онъ задался цѣлью создать совершенно нѣчто подобное изъ Украины, не желая понимать, что это совершенно непримѣнимо въ дѣлѣ ея объединенія. Не хотѣлъ онъ принять во вниманіе, что глубоко демократическій духъ малорусскаго народа не переноситъ никакого привилегированнаго положенія; ненависть къ панамъ, будь то свои или чужіе, происходитъ не отъ дикости и непросвѣщенности, какъ то думали позднѣйшіе поборники того направленія, первымъ представителемъ котораго былъ Выговскій, а объясняется тѣмъ, что сословій въ тѣсномъ смыслѣ этого слова не существовало и создавать ихъ, при любви народа къ свободѣ, противорѣчило народнымъ идеаламъ о равноправности. Слишкомъ былъ Выговскій проникнутъ государственными идеями, господствовавшими въ Рѣчи Посполитой, которыя выгодны были для старшины, но непримѣнимы были къ народу, и къ созданію автономіи по образу Польши и сводилась его задача. Мы сказали уже, что въ виду гетманства Юрія представлялось широкое поле для тѣхъ, кто стремился къ захвату власти. Не такой человѣкъ былъ Выговскій, чтобы не воспользоваться этими обстоятельствами. Поддерживаемый Тетерею [1]), онъ рѣшился дѣйствовать, не отступая, но благодаря своей природной хитрости, скрываетъ свои планы, пользуясь Юркомъ, какъ ширмою. Да и выступать особенно на видъ сразу ему было не резонъ. Булава была такая лакомая вещь, что вся безъ исключенія старшина стремилась къ достиженію ея [2]). Этого, конечно, было недостаточно, чтобы достигнуть гетманства, нужны были кромѣ желанія и данныя для того, чтобы это желаніе могло быть приведено въ исполненіе. Но были у Выговскаго и серьезные соперники: прежде всего и самый опасный былъ—Юрій. Долго онъ продержаться не могъ, скоро должна была сдѣлаться ясною несостоятельность его въ дѣлѣ управленія Украиною, но первое время обаяніе его имени, память Богдана, этого человѣка, такъ хорошо умѣвшаго понимать народъ и такъ много сдѣлавшаго для него, могла

---

[1]) Объяв. объ усл. Рѣчи Поспол., стр. 9.

[2]) Ригельманъ, т. I, стр. 217.

сохранить ему булаву, а за это время соперники Выговскаго много могли успѣть сдѣлать въ свою пользу, тѣмъ болѣе, что на лицо имѣлся уже и примѣръ. Григорій Лѣсницкій, посланный Богданомъ за болѣзнью противъ татаръ въ качествѣ наказнаго гетмана, узнавъ о его смерти, не хотѣлъ отдавать булавы и бунчука, даже сыну Богдана—Юрію, тогда еще гетману, и старшина насильно должна была принудить его вручить эти клейноты по назначенію [1]). Выговскому надо было спѣшить, если онъ хотѣлъ добиться своего. Кромѣ того и обстоятельства благопріятствовали ему въ этомъ: время было для Украины тревожное, нуждалась она въ сильной рукѣ, которая могла бы вести дѣло обороны отъ внѣшнихъ враговъ. Еще 16 августа получилъ Выговскій извѣстіе отъ Стефана, господаря молдавскаго, что поляки, какъ только услышали о смерти Богдана, вознамѣрились двинуться на Украину [2]), гетманы ихъ подвигаются къ Каменцу. Съ другой стороны, и татары, очевидно, понимая затруднительное положеніе Украины, готовятся заодно съ валахами напасть на нее; 17 августа получаетъ Выговскій объ этомъ извѣстіе отъ брацлавскаго полковника Зеленскаго, который въ видѣ подробности сообщаетъ, что силистрійскій паша пододвинулся къ Тягину [3]). 23 августа татары показались подъ Сушковкою, недалеко отъ Умани, но пока не показывали никакихъ враждебныхъ дѣйствій [4]). 17 августа видѣли татаръ подъ самымъ Чигириномъ [5]). А съ другой стороны и турки не хотятъ оставаться въ покоѣ и готовятся напасть на Украину [6]). Тучи надвигаются отовсюду, нельзя дольше оставаться въ ожиданіи. Выговскій, отлично понимая желаніе каждаго изъ старшинъ добиться булавы, идетъ на встрѣчу ихъ желаніямъ и побиваетъ ихъ ихъ же собственнымъ оружіемъ. Они уговариваютъ Юрія отказаться отъ булавы, оправдываясь молодостью и неопытностью; рада по этому поводу собирается въ Чигиринѣ. Старшина собирается вся, козаковъ и посполитыхъ пустили мало, объясняя это недостаткомъ мѣста, а въ сущности старшинѣ неудобно было большое стеченіе народной массы. Рада происходила на дворѣ Хмельницкаго. Юрій выходитъ къ народу, кладетъ булаву передъ собраніемъ, благодаритъ

---

[1]) Акты, относ. къ истор, Юж. и Зап. Россіи, т. IV, № 40, стр. 56.
[2]) Акты, т. IV, № 1, стр. 1.
[3]) Акты, т. IV, № 4.
[4]) Ibid. т. IV, № 5.
[5]) Ibid. т. IV, № 6.
[6]) Ibid. т. IV, № 8.

за оказанную ему честь, но отъ дальнѣйшаго несенія гетманскихъ обязанностей отказывается наотрѣзъ [1]). „Я еще молодъ и неопытенъ", говорилъ онъ, „и предоставляю вамъ право избрать того, кого вы находите наиболѣе достойнымъ и способнымъ нести всѣ трудности гетманскаго уряду". Съ этими словами онъ удалился въ свои покои. Слѣдомъ за нимъ отказываются отъ своихъ должностей и три главныхъ должностныхъ лица козацкаго войска: Выговскій—писарь, Лѣсницкій—судья и Носачъ—обозный; всѣ три сложили передъ радою знаки своего достоинства и удалились вслѣдъ за Юріемъ. Толпа пришла въ ужасъ: послѣ такого управленія, каково было Богданово, и вдругъ полная анархія. Правда, многіе изъ старшины безъ колебанія взяли бы булаву, да не было къ нимъ довѣрія народнаго. Опять просятъ Юрія принять булаву, но онъ вторично отказывается, поддерживаемый въ своемъ упорствѣ Выговскимъ. За третьимъ разомъ Юрій, наконецъ, согласился, но съ тѣмъ, чтобы ближайшимъ совѣтникомъ и опекуномъ избранъ былъ Выговскій, который въ трудныхъ обстоятельствахъ долженъ былъ становиться полновластнымъ гетманомъ и въ такомъ случаѣ называться—„гетманъ на тотъ часъ войска запорожскаго" [2]). Выговскій потребовалъ три дня на размышленіе. Конечно, нельзя было сомнѣваться, что это была только уловка, что для Выговскаго и такая власть гетмана, хоть бы и „на тотъ часъ", нужна была какъ ступень, черезъ которую надо было перешагнуть, чтобы сдѣлаться настоящимъ гетманомъ. Черезъ три дня онъ вынесъ утвердительный отвѣтъ. Булава и клейноты были ему вручены. „Вычти же намъ теперь, сказали старшины, жалованную грамату Его Величества, гдѣ говорится о нашихъ вольностяхъ". Выговскій исполнилъ это желаніе; въ рѣчи, сказанной имъ по этому поводу, онъ заявилъ, что принимаетъ булаву, какъ вѣрный слуга Москвы, и будетъ держать ее твердо, и потакать какимъ-нибудь незаконнымъ попыткамъ и стремленіямъ онъ не намѣренъ [3]). Уже изъ этихъ словъ ясно можно видѣть, какъ онъ смотрѣлъ на это временное избраніе. Такимъ образомъ, Выговскій подъ видомъ опекуна былъ избранъ въ гетманы. Но этого ему было недостаточно, онъ не хотѣлъ и не могъ понять торжества наполовину, да къ тому же у него были и соперники, которые постоянно могли угрожать его

---

[1]) Ригельманъ, ч. I, стр. 218.

[2]) Лѣт. Самовидца, изд. 1878 г., ст. 54.

[3]) Акты, т. IV, № 9, стр. 11.

опекунству въ надеждѣ достичь не опекунства только, но и гетманства. Покуда онъ былъ „гетманомъ на тотъ часъ", и Лѣсницкій, и Пушкарь могли постоянно думать, что на другой радѣ болѣе многочисленной кто-нибудь изъ нихъ былъ бы избранъ въ гетманы. И вотъ Выговскій рѣшается на вторую раду. Въ то же время, по крайней мѣрѣ, въ оффиціальныхъ сношеніяхъ съ Москвою, онъ скрываетъ не только свое избраніе, но даже и притязаніе на гетманскую булаву. 16 августа въ письмѣ къ Зюзину, воеводѣ путивльскому, онъ говоритъ, что гетманомъ будетъ Юрій, а онъ не желаетъ занимать никакой должности въ войскѣ запорожскомъ [1]). Позднѣе, когда онъ былъ уже собственно гетманомъ, онъ тщательно скрываетъ свое избраніе: въ письмѣ къ Бутурлину онъ утверждаетъ, что избранъ не онъ, а Юрій [2]). Заявлять при такой политикѣ, что новая рада собирается для избранія гетмана, было неловко, необходимо было найти благовидный предлогъ. За этимъ дѣло не стало. Предлогъ былъ поданъ самой Москвой, которая сама все время давала Выговскому оружіе въ руки для достиженія своихъ цѣлей. Еще при Богданѣ посланъ былъ въ Москву Павелъ Тетеря [3]), ему дано было дипломатическое порученіе отъ шведскаго короля и въ частности просьба прислать ратныхъ людей [4]). Въ началѣ сентября явился къ Выговскому посолъ изъ Москвы, Артемонъ Матвѣевъ, съ порученіемъ козацкому правительству явиться посредниками между Москвою и Швеціей. Кромѣ того онъ сообщалъ, что Царь для своихъ „государевыхъ дѣлъ" присылаетъ въ Украину воеводу казанскаго, Трубецкаго, и окольничаго, Богдана Хитрово, [5]), а согласно просьбѣ, поданной Тетерею, идетъ къ нимъ съ войскомъ Ромодановскій [6]). Къ извѣщенію присовокупленъ былъ приказъ приготовить торжественный пріемъ для первыхъ и побольше провіанту для второго. Выговскій отвѣчалъ, что все будетъ исполнено; а между тѣмъ Матвѣевъ давалъ ему тотъ предлогъ, котораго онъ искалъ: во-первыхъ, въ грамотѣ онъ назывался писаремъ [7]), а онъ былъ уже тогда хоть и „на тотъ часъ", но все же гетманъ; въ этомъ обращеніи онъ видѣлъ оскорбленіе какъ

---

[1]) Акты, т. 4, № 3.
[2]) Ibid., т. IV, № 6.
[3]) Ibid., т. IV, № 15, стр. 21.
[4]) Ibid., т. IV, № 15, стр. 23.
[5]) Ibid., т. IV, № 15, стр. 23.
[6]) Ibid., т. IV, № 15, стр. 24.
[7]) Акты, т. IV, № 15. стр. 21.

себя, такъ и воли народной. Во-вторыхъ, появленіе Трубецкого безъ всякой видимой надобности должно было заронить въ душу старшины подозрѣніе, что Москва хочетъ наложить руку на ихъ вольности и права. 30 сентября собралась рада въ Корсунѣ. Выговскій вышелъ передъ собраніемъ, положилъ булаву и заявилъ что не желаетъ быть гетманомъ, потому что царь желаетъ отнять ихъ права и вольности, а въ неволѣ онъ быть не желаетъ [1]). Отказъ произвелъ большую сенсацію. Случилось такъ, какъ Выговскій ожидалъ, отказъ не былъ принятъ. Всѣ надежды другихъ претендентовъ на булаву лопнули и судья генеральный, Самойло Богдановъ, вручилъ ему булаву теперь уже какъ полновластному гетману; при этомъ онъ заявилъ, что за свои права и вольности они будутъ стоять до послѣдней капли крови [2]). Надо замѣтить, что рада на этотъ разъ была многочисленная; воеводы въ своихъ донесеніяхъ называютъ ее посполитою [3]). На ней присутствовала не только вся безъ исключенія старшина, но и представители ото всѣхъ козацкихъ полковъ: съ каждымъ сотникомъ явилось по двадцати человѣкъ. Принявъ булаву, Выговскому надо было сдѣлать какую-нибудь диверсію, чтобы увеличить свою популярность. Онъ распространился на ту тему, что при Богданѣ не было рады и совѣщаній относительно тѣхъ или другихъ мѣропріятій, всѣ они рѣшались волею одного человѣка; теперь же онъ, выбранный радой, будетъ во всѣхъ своихъ поступкахъ сообразоваться съ ея совѣтами [4]). Затѣмъ онъ предложилъ на разсмотрѣніе слѣдующіе вопросы: изъ Швеціи только что вернулся Юрій Немиричъ съ предложеніемъ отъ шведскаго Короля принять ихъ въ свое подданство [5]). Выговскій предлагаетъ на разсмотрѣніе этотъ вопросъ и присовокупляетъ, что отъ Царя получена грамота, въ которой онъ „ганьбитъ“ козаковъ за ихъ шаткость и измѣны [6]). Очевидно, у Выговскаго была скрытая цѣль: поселить въ радѣ неудовольствія противъ Москвы и тутъ то показать на дѣлѣ свою вѣрность московскому престолу. Такъ и случилось. Мнѣнія старшинъ раздѣлились: Дорошенко, полковникъ прилуцкій, Гуляницкій—нѣжинскій,—полтавскій—Пушкарь и переясловскій—Тетеря

[1]) Акты, т. IV, № 26, стр. 35.
[2]) Ibid., т. IV, № 26, стр. 35.
[3]) Ibid, т. IV, № 30, стр. 40.
[4]) Ibid., т. IV, № 35, стр. 43.
[5]) Ibid., т. IV, № 26, стр. 36.
[6]) Ibid., т. IV, № 35, стр. 46.

высказались за вѣрность Москвѣ; трое, въ томъ числѣ и знаменитый Богунъ, утверждали, что необходимо отпасть отъ Москвы, мотивируя свое мнѣніе несправедливымъ отношеніемъ московскаго правительства. Выговскій сердито оборвалъ ихъ: „не до речі, панове, промова ваша, ви тильки смуту чините у війську“. Однако рада оставалась въ недоумѣніи. „Зробимо такъ, якъ порадишь намъ, пане гетмане“, былъ всеобщій крикъ. Тутъ Выговскій распространился на тему о необходимости оставаться вѣрными Москвѣ. На этомъ и окончилась эта рада. Юрій отправленъ былъ учиться [1]). Выговскій же похитилъ зарытыя въ землю сокровища Богдана Хмельницкаго [2]) и воспользовался ими для своихъ личныхъ цѣлей. Какъ же случилось, что Выговскій достигъ такъ легко булавы, вѣдь онъ, какъ человѣкъ съ польскими тенденціями, не былъ особенно популяренъ, хотя всячески и старался добиться этой популярности! Неужели не было людей болѣе преданныхъ народному дѣлу? Конечно, были, но дѣло въ томъ, что не было формы выбора. Когда Хмельницкій умеръ, это отсутствіе формы выбора особенно рѣзко сказалось и долго было причиной смутъ на Украинѣ. Существовало собственно три способа: во-первыхъ, старшина говорила, что право выбирать имѣютъ только тѣ люди, которые пользуются извѣстнымъ положеніемъ; другіе требовали одобренія всего козацкаго сословія; наконецъ, третьи требовали допущенія всѣхъ посполитыхъ, которые могли попасть на раду. Такая рада называлась „чорною“. И вотъ изъ за одного только способа выбирать возникали пререканія, бывшія часто причиною междуусобій. Послѣ смерти Богдана возникли пререканія между старшинами, которыя старались объяснить тѣмъ, что одни, стояли за Выговскаго, другіе за Хмельницкаго, дѣло же объясняется гораздо проще: въ виду молодости и неопытности Юрія каждому хотѣлось стоять ближе къ нему, что значило de facto быть гетманомъ, никто не хотѣлъ уступать своего мѣста. Всѣ эти пререканія дали возможность Выговскому успѣшно повести свое дѣло и, уговоривъ молодого Юрія на время отказаться отъ булавы, самому стать на его мѣсто. И такъ 30 сентября 1657 года Иванъ Выговскій былъ уже полновластнымъ гетманомъ, заступившимъ мѣсто Богдана. Какъ увидимъ дальше, свое польскія симпатіи онъ до поры до времени старается скрыть: онъ отлично понимаетъ, что теперь прямо и открыто

[1]) Ригельманъ, ч. II, стр. 2.
[2]) Маркевичъ, т. II, стр. 7.

ворить о соединеніи съ Польшей на какихъ бы то ни было условіяхъ ѣтъ никакой возможности. Только что освободившійся отъ польской ;воли народъ уничтожилъ бы всякаго, кто бы заикнулся о какомъ-ібудь союзѣ съ Польшей. Выговскому еще памятно было то обсто-:ельство, что когда вернулись съ Виленскаго съѣзда козацкіе упол-)мочениые, не будучи допущены къ участію въ переговорахъ, и когда юшелъ слухъ о томъ, что хотятъ снова отдать Украину въ руки ольши, какую это произвело сенсацію. Не только народъ, но и вся :аршина была въ ужасѣ,—отецъ Выговскаго, Евстафій, валялся въ огахъ у Богдана и молилъ его не отдавать народъ на поруганіе. Самъ ыговскій показалъ себя ярымъ поборникомъ Москвы [1],—невозможно ыло теперь сразу перемѣнить знамя, это окончательно убило-бы его вторитетъ. Надо было дѣйствовать медленно, проводить свой планъ сподволь, и тогда только можно было надѣяться, что ему удастся)стичь конечной цѣли своихъ стремленій—-соединить снова Украину съ юльшей. Такимъ образомъ вся его дальнѣйшая дѣятельность пред гавляетъ собою строго задуманный планъ обратнаго соединенія съ ольшею, т. е., уничтоженія десятилѣтнихъ трудовъ и усилій народа,— ю не было такихъ условій, на которыхъ искренно и безповоротно могли тоять тогдашняя Польша и Украина. Паны не могли бы равнодушно реносить свободы хлоповъ, которыхъ они считали существами низшаго рядка, ни малоруссы не могли подчиниться польскому гнету, который сомнѣнно явился бы результатомъ соединенія такихъ двухъ разно-цныхъ элементовъ.—Тѣмъ не менѣе Польша, „обратившаяся, по вы-женію Перетятковича", „туда за облегченіемъ зла, откуда оно нача-ѳь", выбрала какъ разъ удобный моментъ. Не тратя на капли своихъ ѳъ, кромѣ дипломатическихъ ухищреній, она достигла того, что Укра-а, усиліями своей старшины, во главѣ которой стоялъ Выговскій, со-инилась съ ней на основаніи Гадячскаго договора, что было только рвымъ шагомъ для Польши. Не прошло и года послѣ составленія до-вора, какъ она потребовала уже измѣненій; Гадячскій договоръ зрушился самъ сабой, Выговскій былъ сброшенъ и Польша имѣла ѳедлогъ вооруженной рукой требовать подчиненія тѣхъ, которые не полнили договора. Теперь она могла надѣяться на успѣхъ такого ана, потому что время Выговскаго съ его кровопролитными междуобіями совершенно ослабило и раздѣлило украинскія силы. Еще при

[1]) Костомаровъ. Богд. Хмельн., т. III, стр. 236—37.

жизни Богдана, когда въ Чигиринъ пріѣзжалъ Беневскій для переговоровъ относительно отозванія Ждановича, посланнаго на помощь Ракочему въ дѣлѣ его противъ поляковъ, Выговскій писалъ коронному канцлеру, что онъ всѣ свои силы употребитъ, „чтобы исправить и привести въ порядокъ всѣ отношенія для уничтоженія распрей“ [1]. Первое посольство Беневскаго только и достигло того, чего желало, благодаря помощи Выговскаго и Тетери, которые помимо вліянія, которое они оказывали на Богдана, еще и защищали посла отъ насилія черни [2]). Не смотря на то, что въ оффиціальныхъ письмахъ къ королю [3]), Беневскому [4]) и архіепископу гнѣзненскому [5]) онъ показываетъ себя вѣрнымъ слугою Москвы; но по показанію Перетятковича, онъ въ то же время „отозвался о своемъ усердіи королю и отечеству“ и немедленно далъ знать Беневскому, чтобы онъ пріѣзжалъ въ Чигиринъ для переговоровъ о мирѣ [6]). Беневскій поѣхалъ туда уже въ августѣ и пробылъ тамъ почти всю осень [7]). Въ теченіи всего перемирія,—которое, какъ полагаетъ Костомаровъ, было заключено еще при Богданѣ [8]), а не Беневскимъ съ Выговскимъ, какъ сообщаетъ Перетятковичъ [9]),—Тетеря „по волѣ Выговскаго и всего войска запорожскаго“ пріѣзжалъ въ Корецъ и Межиричъ, гдѣ находилися Беневскій, для преговоровъ [10]). Въ Чигиринѣ постоянно находился львовскій мѣщанинъ, грекъ Ѳеодосій Томкевичъ, который, вкравшись въ довѣріе къ Выговскому, служилъ ему постояннымъ посредникомъ между нимъ и Беневскимъ [11]). Кромѣ того Перетятковичъ, нарочито для этой цѣли назначенный Польшею писарь, ѣздилъ постоянно съ различными предложеніями и, получивши письменные отвѣты, отвозилъ Беневскому, который въ свою очередь немедленно отправлялъ ихъ къ королю и гетманамъ. Все выше сказанное даетъ мнѣ право утверждать, что тогда, когда Выговскій получалъ булаву, его планы и намѣренія были

---

[1]) Пам. Кіев. Ком., т. III, отд. 3, № 32.
[2]) Объяв. объ услугѣ Рѣчи. Поспол., ст. 8.
[3]) Пам. Кіев. Ком., т. III, отд. 3, № 36.
[4]) Ibidem, № 37.
[5]) Ibidem, № 38.
[6]) Объяв. объ усл. Рѣчи Посп., стр. 9.
[7]) Ibidem.
[8]) Костомаровъ. Богданъ Хмельницкій, т. III, стр. 251.
[9]) Объяв. объ усл. Рѣчи Поспол., стр. 9.
[10]) Ibidem.
[11]) Пам. Кіев. Ком., т. III, отд. 3, № 51.

рого и ясно опредѣлены и что тогда уже у него крѣпка была мысль соединить Украину съ Польшей и что вся его дѣятельность клонилась именно къ этому. Прежде всего Выговскому необходимо было утвердить свой авторитетъ;—добиться избранія на радѣ посредствомъ сильной партіи, составлявшейся въ тѣ времена всевозможными средствами, — это было не трудно; вся трудность положенія была впереди, и онъ ясно понималъ это. Это между прочитъ можно видѣть изъ позднѣйшихъ писемъ его къ Королю и Беневскому [1]), въ которыхъ онъ высказываетъ свой взглядъ на свое положеніе. Онъ сознавалъ, что ему предстоитъ бороться съ оппозиціей. Оппозиціи онъ боялся съ двухъ сторонъ: со стороны отдѣльныхъ личностей, завидовавшихъ его положенію, оппозиціи, впрочемъ, менѣе страшной, чѣмъ другая, шедшая изъ нѣдръ самого народа. Она была тѣмъ болѣе опасна, что самыя завѣтныя стремленія Выговскаго шли въ разрѣзъ съ народными. Руководимый такими опасеніями, онъ рѣшилъ до поры до времени ладить съ народомъ. Взоры его прежде всего обратились на Запорожье, миръ съ которымъ былъ ему особенно важенъ. Немедленно по своемъ избраніи посылаетъ онъ туда грамоту, въ которой сообщаетъ о своемъ выборѣ и о смерти Богдана, обѣщая ни на шагъ не уклоняться отъ политики своего предшественника, которая ему очень хорошо извѣстна [2]). Хотя объ этомъ фактѣ упоминается только въ одномъ источникѣ, а именно въ лѣтописи Величка, къ которому надо относиться весьма осторожно, но онъ мнѣ кажется достовѣрнымъ потому, что совершенно не противорѣчитъ тогдашнему положенію вещей. Запорожье было гнѣздо свободы, очагъ, гдѣ сохранялся народный идеалъ равенства и братства, его роль въ дѣлѣ предыдущаго возстанія, освободившаго Украину, была очень почтенна, его авторитетъ очень широкъ; естественно Выговскому надо было сохранить съ нимъ добрыя отношенія, потому что онъ боялся оппозиціи вообще, а тѣмъ болѣе запорожцевъ. Впослѣдствіи мы увидимъ, какъ запорожцы первые стали интриговать противъ Выговскаго. Отвѣтъ запорожцевъ гласилъ, что, хотя они и не участвовали въ выборахъ, однако лично противъ него ничего не имѣютъ, пока онъ останется вѣрнымъ народному дѣлу, какъ его понималъ Богданъ [3]). Таковы были первые

---

[1]) Пам. Кіев. Ком., т. III, стр. 169.
[2]) Лѣтопись Величка, т. I, стр. 305.
[3]) Лѣтопись Величка, т. I, стр. 308.

шаги Выговскаго въ дѣлѣ внутренней политики. Во внѣшней политикѣ, какъ мы уже говорили, Выговскій рѣшилъ до поры до времени скрывать свои планы и свои симпатіи и показывать себя вѣрнымъ союзникомъ Москвы. Да кромѣ того и съ практической стороны это было выгодно: союзъ съ Польшею былъ еще гадателенъ, а тутъ, какъ уже намъ извѣстно, грозило столкновеніе съ Крымомъ, да и съ Польшей въ началѣ 1658 года чуть не произошло конфликта сначала изъ за Пинскаго повѣта, а потомъ изъ за пограничныхъ отношеній [1], — чтобы ни случилось, а Москва въ крайности могла подать помощь. Въ показаніяхъ своей вѣрности Москвѣ Выговскій дошелъ до того, что сообщая о томъ, что у него находятся польскіе послы, въ то же время сообщаетъ, что желалъ бы ихъ задержать и отправить въ Москву; а между тѣмъ послы дѣлали свое дѣло: они помимо сношеній съ самимъ Выговскимъ постоянно убѣждали старшину, что козацкіе подвиги перемѣнили мнѣніе Польши о казакахъ: теперь, молъ, польское правительство чтитъ въ нихъ такихъ же храбрыхъ рыцарей, какъ и сами поляки, и готово идти на равноправное соединеніе—стоитъ этого только пожелать малорусскому народу. Для старшины, не имѣвшей тогда никакихъ нравственныхъ устоевъ и стремившейся только къ личнымъ выгодамъ, было, конечно, очень лестно превратиться сразу въ пановъ; Москва имъ этого дать не могла,—очевидно, что число приверженцевъ Выговскаго и его плановъ должно было увеличиваться. Это была одна сторона дѣятельности Выговскаго въ пользу своихъ плановъ. Другой методъ—было поссорить народъ съ московскимъ правительствомъ, а самому оставаться въ тѣни. Въ этомъ ему помогала сама Москва, которая слишкомъ откровенно старалась стать въ положеніе управителя къ управляемымъ. Еще до избранія Выговскаго первое неудовольствіе возникло въ Бѣлоруссіи: посполитые никакъ не могли освободиться отъ мысли о всеобщемъ равенствѣ, зародившейся въ ихъ сознаніи во время Богдана; сознаніе это крѣпло въ виду того, что дѣло освобожденія несли на своихъ плечахъ одинаково какъ козаки, такъ и посполъство, а между тѣмъ послѣ возстанія разграниченіе это вошло опять въ силу. Въ Бѣлоруссіи посполитые массами стали записываться въ козаки, власти не препятствовали этому, но московскому правительству это было не на руку. Началось „не-

[1]) Пам. Кіев. Ком., т. III, отд. 3, № 41.

щадное битье батоги и ослопы“, какъ тѣхъ, такъ и другихъ. [1]). Такое отношеніе вызвало съ одной стороны жалобы къ Алексѣю Михайловичу, а съ другой — въ народѣ начали циркулировать слухи, что Москва хочетъ отбирать права и вольности народныя. При приводѣ жителей Стараго Быхова къ присягѣ Выговскій принужденъ былъ издать универсалъ, въ которомъ опровергались всѣ выше помянутые слухи [2]). Неудовольствія возникали также и на Украинѣ, напр., у жителей г. Конотопа [3]) и т. д. Вслѣдъ за избраніемъ гражданскимъ должна была послѣдовать санкція со стороны духовенства, таковъ былъ козацкій обычай. Кромѣ того съ Корсунской рады отправлены были въ Москву посланцы, корсунскій эсаулъ, Юрій Миневскій съ товарищами, просить утвержденія Выговскаго [4]). Для него это былъ лишній поводъ показать свою вѣрность Москвѣ. Благословеніе отъ церкви Выговскій долженъ былъ принять въ Кіевѣ. 13 октября пріѣхали изъ Корсуня въ Кіевъ Выговскій и съ нимъ много старшинъ подъ предлогомъ погребенія сестры Выговскаго, жены Тетери [5]). Бутурлинъ встрѣтилъ ихъ очень радушно и тутъ же его пригласили на слѣдующій день въ Братскій монастырь. Обѣдню совершалъ Лазарь Барановичъ, послѣ обѣдни правили торжественный молебенъ. Принесли булаву, пожалованную Царемъ еще Богдану, саблю Выговскаго и бунчукъ; всѣ эти аттрибуты гетманской власти были освящены, послѣ чего Барановичъ вручилъ ихъ Выговскому, при чемъ сказалъ, что онъ надѣется на него, какъ на вѣрнаго слугу московскаго престола, какъ на твердаго правителя и устроителя судебъ малорусскаго народа; затѣмъ осѣнилъ его крестнымъ знаменіемъ и на этомъ окочилась церемонія. Послѣ церемоніи былъ парадный обѣдъ у Выговскаго, гдѣ присутствовалъ Бутурлинъ и всѣ прочія московскія власти. Говорилась масса взаимныхъ любезностей, при чемъ козацкая старшина напирала на то, что она надѣется на царскую милость, въ дѣлѣ утвержденія своихъ правъ и вольностей; а Выговскій только и старался о томъ, чтобы показать свою вѣрность Москвѣ.

---

[1]) Акты, т. IV, № 12, стр. 15.
[2]) Ibid., т. IV, № 16, стр. 26.
[3]) Ibid., т. IV, № 14, стр. 19.
[4]) Ibid., т. IV, № 28, стр. 37.
[5]) Ibid., т, IV, № 36, стр. 44.

Теперь нѣсколько словъ о вторженіи Москвы въ дѣла церковнаго управленія. Съ давнихъ поръ существовало право выбора митрополита кіевскаго, и вообще все духовенство было выборное. Теперь московское правительство сдѣлало попытку вмѣшаться въ это дѣло. Оно требовало, чтобы выборы совершались не иначе, какъ съ разрѣшенія московскаго патріарха. Еще не успѣли совершиться похороны Богдана, какъ Бутурлинъ пишетъ Выговскому о недопущеніи такихъ, по его мнѣнію, нелегальныхъ выборовъ, но Выговскій, не смотря на то, что угожденіе Москвѣ входило въ его планы, видитъ, что требованіе это неисполнимо. По этому поводу возгорѣлась длинная переписка и, въ заключеніе, Выговскій, ни слова не говоря о разрѣшеніи Никона, пишетъ Бутурлину, что посылаетъ своихъ выборныхъ на выборы кіевскаго митрополита, такъ какъ и козаки имѣли право на участіе въ этихъ выборахъ. Выборы состоялись 18 октября [1]), собрались всѣ епископы, а Москва выразила свой протестъ тѣмъ, что представители ея отказались присутствовать на этихъ выборахъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что не имѣютъ указа на то изъ Москвы. Выборы кончились ничѣмъ и были отложены на декабрь. Между тѣмъ Выговскій еще раньше задумалъ поссорить Москву съ Польшей. Онъ воспользовался тѣмъ, что Польша не исполнила одного изъ пунктовъ Виленскаго договора, на основаніи котораго Алексѣй Михайловичъ былъ избранъ „электоромъ“ короны польской [2]). Польша не только не заботилась объ исполненіи этого пункта, но Выговскій получилъ даже извѣстіе, что Янъ Казимиръ обѣщалъ свой престолъ послѣ смерти императору австрійскому, за что и получаетъ отъ него вспомогательныя войска [3]). На основаніи такихъ извѣстій, Выговскій начинаетъ совѣтовать Москвѣ послать въ Польшу посла съ требованіемъ немедленнаго исполненія вышеупомянутаго пункта и наказанія Канцлера, виновнаго въ неисполненіи его [4]). Но скромный отвѣтъ Польши, не желавшей впутываться въ новую войну, не далъ возможности Москвѣ найти серьезнаго повода къ разрыву мирныхъ отношеній и планъ Выговскаго разрушился. Изъ Кіева Выговскій поѣхалъ прямо на лѣвую сторону, для свиданія съ Ромодановскимъ, главнокомандующимъ

---

[1]) Акты, т. IV, № 36, стр. 46.
[2]) Собр. госуд. грам. и догов., т. 4, № 1.
[3]) Акты, т. IV, № 2, стр. 2.
[4]) Лѣтопись Величка, Hist. pana Jana-Kaz. и Wojna domowa.

московскихъ силъ въ Малороссіи. Въ Переяславъ, гдѣ была главная квартира московскихъ войскъ, прибылъ онъ 25 октября, а свиданіе состоялось 26-го въ присутствіи многихъ лицъ изъ старшины. Были тутъ обозный Носачъ и Павелъ Тетеря, двоюродный братъ Выговскаго, и судья Самойло Богдановъ и эсаулъ Ковалевскій. Бояринъ упрекалъ Выговскаго за то, что во все время пребыванія его въ Малороссіи, вотъ уже семь недѣль, ни ему, ни его товарищу Льву Ляпунову, который стоитъ на полѣ подъ Пирятинымъ лагеремъ, не доставляется никакой помощи со стороны козаковъ. А вѣдь пришли-то они только ради просьбы козаковъ помогать и защищать ихъ отъ враговъ. Выговскій, отвѣчая ему, вовсе не держалъ уже того тона, какой былъ у него на Корсунской радѣ; теперь онъ очень былъ покладливъ и говорилъ о томъ, что не будучи полновластнымъ гетманомъ, не могъ доставлять того, что отъ него требовали. Потомъ зашелъ разговоръ относительно военныхъ дѣйствій противъ татаръ и поляковъ. Выговскій усиленно приглашалъ Ромодановскаго перейти черезъ Днѣпръ и дѣйствовать противъ враговъ, на подмогу онъ обѣщалъ ему помощь полковъ— Брацлавскаго, Уманскаго и Бѣлоцерковскаго, самъ же онъ не можетъ принять участія въ этой экспедиціи, потому что ему надо двигаться по направленію къ Запорожью для усмиренія бунта. Запорожцы, по его словамъ, возмутились и хотѣли побить всю старшину и поддаться крымскому хану. Ромодановскій на всѣ просьбы Выговскаго отвѣчалъ, что безъ царскаго указа за Днѣпръ ни за что не пойдетъ [1]). Теперь намъ надо вернуться нѣсколько назадъ и объяснить слова Выговскаго относительно бунта на Запорожьи. Эти первые бунты были первыми отблесками той зловѣщей зари междуусобій, которыя потомъ, съ легкой руки Пушкаря, охватили Украину и довершили паденіе и полное уничтоженіе автономіи. Мы уже говорили, что Трубецкой и Хитрово „для государевыхъ дѣлъ“ должны были двинуться на Украину. Ихъ еще не было и близко, а ложная молва далеко предшествовала имъ. Изъ донесенія нѣкоторыхъ добровольныхъ корреспондентовъ московскаго правительства мы можемъ заключить, что это была за молва. Роль добровольнаго доносчика и корреспондента взялъ на себя нѣжинскій протопопъ Филимоновъ (интересно, что и впослѣдствіи этимъ качествомъ особенно отличаются прото-

---

[1]) Акты, т. IV, № 38, стр 48 50

попы и притомъ нѣжинскіе)[1]). Еще 2-го октября въ письмѣ его къ Ртищеву онъ сообщаетъ, что ходитъ молва, будто Трубецкой идетъ съ тѣмъ отъ государя, чтобы всѣхъ чиновниковъ замѣнить московскими. Этимъ-то народа не испугаешь, прибавляетъ отъ себя Филимоновъ, потому что не особенно сладко имъ живется и подъ своими; одного только опасаются — это незнанія московскими чиновниками мѣстнаго быта и характера отношеній [2]). Да и дѣйствительно народъ можно было не особенно испугать тѣмъ, что пришлютъ московскихъ чиновниковъ — свои-то, и правда, были не лучше; но старшина, конечно, не могла допустить такого урону своимъ интересамъ. Выговскому же такое недовольство старшины было на руку и онъ терпѣливо ждалъ удобнаго момента для исполненія своего плана. Первый, воспользовавшійся молвою и дѣйствовавшій въ руку Выговскому, былъ Григорій Лѣсницкій, бывшій его соперникъ. Уже 4-го октября разсылаетъ онъ по сотнямъ своего полка универсалы, въ которыхъ говоритъ о томъ, что Царь хочетъ оставить только 10,000 козаковъ и то на Запорожьи [3]). Всѣ подати, шедшія раньше на короля, какъ съ людей, такъ и со скота, будутъ взиматься въ такомъ же количествѣ на государя; всѣ козаки, кромѣ вышеупомянутыхъ 10,000, должны обратиться въ солдатъ и драгуновъ, а кто не согласенъ—долженъ переходить въ мѣщанское или холопское состояніе. Вслѣдъ за этими универсалами разсылались другіе, въ которыхъ говорилось, что прежніе нужно оставить безъ вниманія, что старшина сама позаботится обо всемъ и къ государю будутъ посланы уполномоченные, которые уладятъ всѣ недоразумѣнія. Такимъ путемъ Лѣсницкій совершенно сбивалъ народъ съ толку, надѣясь при состояніи недоумѣнія умовъ народныхъ успѣшнѣе повести свое дѣло. Когда онъ, наконецъ, рѣшилъ, что въ достаточной степени достигъ своей цѣли, то велѣлъ собираться на раду въ Миргородъ всѣмъ сотникамъ и начальнымъ людямъ своего полка. На радѣ онъ прочелъ присланные будто бы изъ Москвы „пунты,“ въ которыхъ говорилось объ отнятіи вольностей, о которыхъ говорилось раньше въ его универсалахъ, и спросилъ,—кому хотятъ они поддаться: крымскому хану или королю польскому; но козаки и мѣстная

---

[1]) Акты, т. IV, № 22, стр. 31.
[2]) Акты, т. IV, № 23, стр. 31.
[3]) Акты, т. IV, № 25, стр. 33.

старшина, понявъ, будто бы, что „пунты“ подложные, отвѣчали: „що ми зробимо безъ черни“? Тутъ между прочимъ ясно видно, что желанія старшины и черни были совершенно разныя [1]). Тогда Лѣсницкій, все таки не желая отказываться отъ разъ начатаго дѣла, велѣлъ каждому сотнику отдѣльно собирать у себя раду, надѣясь такимъ образомъ распропагандировать свою идею. Но и такимъ путемъ они ничего не достигли, вездѣ получался одинъ отвѣтъ: мы присягали Царю и останемся ему вѣрны. Лѣсницкій въ то же время хотѣлъ показать, что въ его дѣлѣ принимаетъ участіе и самъ Выговскій, что это дѣло не его личное, а вообще, что въ виду ходящихъ слуховъ ни Выговскій, ни старшина не намѣрены ни на шагъ отступать отъ сохраненія своихъ вольностей и будутъ защищать ихъ до послѣдней капли крови. А въ Москвѣ послы Выговскаго объясняли бунтъ Лѣсницкаго желаніемъ послѣдняго подорвать авторитетъ Выговскаго [2]), а въ сущности казалось бы, что это было сдѣлано съ согласія Выговскаго, которому хотѣлось сдѣлать первую пробу, отторженія народа отъ Москвы. Видя недоброжелательство народное, Лѣсницкій рѣшилъ отказаться отъ полковничества, онъ собралъ снова раду и положилъ было перначъ, но его заставили опять взять его, хотя чернь, собравшаяся вокругъ двора, гдѣ собралась рада, „лаяла его матерно“, по выраженію актовъ [3]). Вообще популярность старшины въ народѣ совершенно упала. Добровольные корреспонденты изъ Украины въ Москву, протопопъ Филимоновъ и черниговскій воевода Мещериновъ, выражаютъ желаніе, чтобы изъ Москвы были присланы воеводы и головы, заведены кабаки и вообще, по ихъ словамъ, народъ желаетъ болѣе близкаго попечительства Москвы, думая отдохнуть отъ притѣсненія собственной старшины [4]). Рогозинъ, московскій стряпчій, поѣхавшій на Украину подъ видомъ извѣщенія о рожденіи царевны Софіи, въ сущности же съ порученіемъ—собрать свѣдѣнія относительно состоянія умовъ, вездѣ слышалъ недовольство существующей властью [5]) и Выговскимъ въ частности. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ вспоминаютъ объ отставленномъ Юріи и выражаютъ желаніе присылки московскихъ начальныхъ людей [6]), о чемъ уже и раньше имѣли извѣстіе въ Москвѣ

[1]) Акты, т. IV, № 43, стр. 63—70.
[2]) Ibid., т. IV, № 40, стр. 56.
[3]) Акты, т. IV, № 43, стр. 73.
[4]) Ibid., т. IV. № 32—33, стр. 41 и 42.
[5]) Ibid., т. IV, № 43.
[6]) Ibid., т. IV, № 43, стр. 70.

отъ Филимонова и Мещеринова. Между тѣмъ и Запорожье не оставалось въ покоѣ; и его начали волновать слухи объ оставленіи только 10,000 козаковъ, именно запорожцевъ; имъ это было на руку и они думаютъ подкопаться подъ Выговскаго въ надеждѣ ничего не проиграть, подслужившись московскому правительству. По свидѣтельству Юрія Миневскаго на Запорожьи всего только и было 5,000 человѣкъ [1]), а слѣдовательно если бы слухи оправдались, они ничего кромѣ выгоды не получили бы отъ этого. И вотъ посланы были въ Москву послы помимо гетмана; послы эти заявили, что ихъ желанія и желанія всей черни совершенно аналогичны и тутъ же начали приносить свои жалобы на Выговскаго и всю городовую старшину и просили смѣнить какъ того, такъ и другихъ. Выборы Выговскаго состоялись безъ вѣдома со стороны запорожцевъ; теперь старшина не дозволяетъ ни рыбы ловить свободно, поотдавали всѣ рыбныя ловли въ аренду, пооткрывали кабаки [2]). Ведя интригу противъ Выговскаго, запорожцы стараются въ то же время скрыть отъ него свои поступки. Въ письмѣ своемъ къ Выговскому Барабашъ, кошевой запорожскій атаманъ, сообщаетъ объ усмиреніи смуты въ войскѣ запорожскомъ, говоритъ, что зачинщики смуты пришли изъ Миргородскаго полку, ободранные и несчастные, а мы „зимовчаки“ и не думаемъ бунтовать [3]). Таково то положеніе Выговскаго, которое становится съ часу на часъ затруднительнѣе; протестъ начинаетъ подниматься изъ самыхъ нѣдръ народа, протестъ, долженствовавшій принести много вреда ему.

Между тѣмъ Юрій Миневскій съ товарищами прибыли въ Москву. Всячески старались они внушить побольше довѣрія и къ себѣ, и къ пославшему ихъ. Во всѣхъ поступкахъ Выговскаго старались поставить они на видъ его доброжелательство и вѣрность Москвѣ [4]). Вопреки получавшимся отовсюду свѣдѣніямъ о недовольствѣ Выговскимъ они говорили: бунтовъ мы никакихъ противъ гетмана не чаемъ, вѣдь выбрали его добровольно, а не по принужденію, но самъ гетманъ желаетъ, чтобы выборы эти были перепроизведены наново въ присутствіи уполномоченнаго отъ московскаго правительства, который долженъ санкціонировать козацкій выборъ [5]). Недоразу-

[1]) Акты, т. IV, № 40, стр. 57.
[2]) Ibid., т. VII, № 66, 67—70.
[3]) Акты, т. VI, № 41, стр. 60
[4]) Акты, т. IV, № 40, стр. 52.
[5]) Ibid., т. IV, № 40, стр. 58.

мѣніе было только относительно мѣста, гдѣ должна была совершиться рада. Запорожскіе послы выражали неудовольствіе, что рада была безъ ихъ участія и требовали, чтобы новая рада собралась неподалеку отъ Лубенъ, въ урочищѣ Солоницѣ [1]). Московскіе бояре спросили у пословъ Выговскаго, гдѣ прежде происходили выборы гетмана и гдѣ избранъ былъ Хмельницкій и запорожецъ ли онъ? Послы отвѣчали, что Хмельницкій былъ избранъ на Запорожьи и что онъ самъ былъ запорожецъ [2]). Въ общемъ же послы были приняты любезно и отпущены съ неменьшей любезностью. Имъ была вручена грамота, составленная буквально по статьямъ, заключеннымъ съ Богданомъ, и обѣщано, что пріѣдетъ Хитрово уполномоченнымъ отъ Москвы.

Что касается извѣстій относительно нападенія крымцевъ, то оно не воспослѣдовало; напротивъ того запорожцы перехватили посланца Выговскаго съ письмами къ хану, въ которыхъ онъ просилъ помощи. Письма были отправлены въ Москву, а посланца утопили [3]). Донской козакъ Григорій, по прозвищу Зять, показалъ въ Москвѣ, что ханъ перевезся въ Очаковъ черезъ Днѣпръ и идетъ на соединеніе съ Выговскимъ, чтобъ воевать противъ московскаго народа [4]). Такъ окончился ноябрь мѣсяцъ. Самое начало декабря ознаменовалось избраніемъ митрополита кіевскаго. Выбранъ былъ Діонисій Балабанъ, епископъ луцкій, сторонникъ Выговскаго [5]). Между тѣмъ на горизонтѣ собиралась гроза, начиналось возстаніе Пушкаря. Хотя Пушкарь исходилъ изъ желанія чисто личнаго,—онъ хотѣлъ свергнуть Выговскаго и самъ стать на его мѣсто, но онъ своей попыткой возстанія показалъ, въ чемъ заключается неосновательность всѣхъ аристократическихъ стремленій, совершенно несвойственныхъ глубоко демократическому духу малорусскаго народа, когда ненависть черни, такъ долго пылавшая противъ польскихъ пановъ, теперь запылала яркимъ пламенемъ противъ своихъ собственныхъ. Пушкарь собралъ у себя въ полтавскомъ полку раду, на радѣ этой прикрылся онъ своей вѣрностью Москвѣ и обратился къ народу съ вопросомъ, кому онъ хочетъ служить, русскому Царю или польскому Королю; затѣмъ

---

[1]) Ibid., т. VII, № 70, стр. 192.
[2]) Ibid., т. IV, № 40, стр. 57.
[3]) Акты, т. VII, № 67, стр. 185.
[4]) Ibid., т. IV, № 49, стр. 80.
[5]) Ibid., т. IV, № 46, стр. 77.

онъ объявилъ, что Выговскій измѣнникъ, сносится съ крымскимъ ханомъ и польскимъ королемъ, и такимъ образомъ поднялъ знамя бунта противъ Выговскаго. Но Пушкарю недостаточно было однихъ козаковъ, всю свою силу онъ рѣшилъ основать на простомъ народѣ. Посыпались универсалы, приглашавшіе козаковать всѣхъ, кому только было угодно. Но желая въ то же время оправдаться передъ Москвой, онъ отправилъ туда съ доносомъ нѣкоего Стрынджу, а въ Запорожье послалъ просить помощи: явилось 600 человѣкъ „доброго товариства“ подъ предводительствомъ Барабаша [1]). Между тѣмъ универсалы Пушкаря было искрой, брошенной въ бочку пороха. Онъ не ошибался, когда центръ своего возстанія рѣшилъ утвердить въ простомъ народѣ. Со всѣхъ сторонъ массами потянулись къ нему недовольные. Вся голота, несчастныя сироты, порожденныя предыдущими войнами, всѣ эти бездольные, не имѣвшіе гроша за душой, голодные, босые, неодѣтые, вооруженные кто чѣмъ попало, часто вовсе ничѣмъ, но съ страшной ненавистью въ сердцѣ ко всѣмъ богатымъ и обезпеченнымъ, все это откликнулось на зовъ Пушкаря. Съ быстротой молніи составилась двадцатитысячная толпа, изъ которой былъ составленъ пѣхотный полкъ подъ заглавіемъ дейнековъ; это была толпа дикая, жестокая, необузданная, которая позади ничего не имѣла, кромѣ нищеты и лишеній, и которой поэтому нечего было терять.

Съ такими то силами выступилъ Пушкарь противъ своего врага [2]). Никакія увѣщанія Выговскаго не помогали и возстаніе росло, ширилось и широкою волною охватывало пространство нынѣшней Полтавской губерніи. Въ отчаяніи Выговскій кинулся на лѣвую сторону. Пріѣхавъ въ Гадячъ онъ сразу сдѣлалъ ошибку: схвативъ нѣкоторыхъ лицъ причастныхъ, по его мнѣнію, къ дѣлу возстанія, казнилъ ихъ. Затѣмъ онъ послалъ Тимоша, намѣстника гадячскаго, къ Пушкарю съ просьбой не воевать и покончить дѣло миромъ; на не тутъ то было,—Пушкарь и слушать не хотѣлъ ни о какомъ мирѣ [3]). Тимоша заковали и отправили къ воеводѣ Колонтаеву [4]). Такъ окончился 1657 годъ; много новаго принесъ онъ Украинѣ, много вреда и горя сдѣлалъ онъ ей. Завязалось дѣло еще невиданное въ исторіи Украины:

[1]) Величко, т. I, стр. 317.
[2]) Величко, т. I, стр. 328.
[3]) Ibid., т. I, стр. 324.
[4]) Ibid., т. I, стр. 325.

братъ возсталъ на брата. Починъ былъ сдѣланъ и междуусобія начались; говорятъ, что только первый шагъ труденъ, это оправдала на себѣ исторія Украины съ ея междуусобіями, приведшими къ уничтоженію ея самобытности. И такъ конецъ 1657 года совпалъ съ началомъ великой и страшной драмы.—Не смотря на такое затруднительное положеніе Выговскаго, послы, приходившіе отъ него въ концѣ декабря, утверждали, что популярность его нисколько не пострадала и что всѣ недовольные элементы, хотя они и были, теперь примирились, „добили челомъ“, какъ говорили бояре [1]). Яркая черта для характеристики Выговскаго.—Пока на Украинѣ разгорается огонь междуусобій, къ ней приближается человѣкъ, который, по мнѣнію московскаго правительства, могъ успокоить и привесть въ порядокъ украинскія дѣла. Если Москва дѣйствительно хотѣла чего-нибудь достигнуть въ дѣлѣ упорядоченія отношеній на Украинѣ, то ей слѣдовало послать человѣка болѣе тактичнаго и даже болѣе умнаго, чѣмъ былъ Богданъ Матвѣевичъ Хитрово; а то онъ своей безтактностью только окончательно закрѣпилъ на время за Выговскимъ гетманскую власть. Изъ его статейнаго списка о раздачѣ соболей можно выбрать свѣдѣнія о его маршрутѣ: 17 января онъ былъ въ Лубнахъ, 25-го въ Переяславѣ. Выговскому, противъ котораго на лѣвомъ берегу Днѣпра существовала уже сильная оппозиція, неловко было назначать раду въ Переяславѣ [2]), и вотъ онъ присылаетъ къ Хитрово посла съ просьбой, что бы рада была назначена въ какомъ-нибудь другомъ городѣ. А Хитрово въ то же время вовсе не на руку ѣхать на правый берегъ, и вотъ онъ даритъ послу нѣсколько соболей съ тѣмъ, чтобы онъ уговаривалъ гетмана ѣхать въ Переяславъ [3]). Выговскому не хотѣлось вступать въ пререканія и онъ пріѣхалъ туда. Сначала онъ употребилъ всѣ усилія, чтобъ распустить слухи, что Москва хочетъ скинуть его съ уряду и на его мѣсто назначить своего боярина. Въ самый день рады, состоявшейся въ началѣ февраля, самъ Выговскій не пріѣхалъ, онъ уполномочилъ нѣкоего монаха Петронія принести передъ радой его отказъ отъ должности. Отказъ этотъ произвелъ разительное дѣйствіе. Въ немъ увидѣли посягательство на право свободнаго выбора гетмана; всѣ страшно возмутились, нашлись смѣльчаки, ко-

---

[1]) Акты, т. IV. № 50, стр. 82.
[2]) Акты, т. IV, № 58, стр. 100.
[3]) Ibid., т. IV, № 58, стр. 101.

торые въ довольно грубой формѣ выразили это передъ бояриномъ: „а бодай ніхто того не диждавъ, щобъ Выговскаго зъ булави запорозьскої скинули; а ні цареві, а ні тобі, воеводо, козаки нічого не зробили, щоб ви наше право обранья гетмана зъ рук у нас видерли“ [1]). Вообще желаніе было такъ энергично и такъ ясно выражено, что смутившемуся воеводѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ только утвердить этотъ выборъ и высказать только требованіе, чтобы Выговскій поѣхалъ въ Москву получить санкцію на свое гетманство изъ рукъ самого Царя.—Уже давно требованіе это высказывалось. Еще не состоялась рада, какъ путивльскій воевода Зюзинъ требовалъ пріѣзда въ Москву Выговскаго, на что тотъ отвѣчалъ, что ему невозможно поѣхать, такъ какъ возстаніе Пушкаря еще не усмирено.— Бояринъ, оправившись отъ смущенія, началъ выкладывать данныя ему порученія. Прежде всего говорилъ онъ о томъ, что необходимо прислать воеводъ во всѣ малорусскіе города и измѣнить нѣсколько порядокъ сбора податей, доказывалъ, что такой порядокъ вещей будетъ очень полезенъ для Украины. Нечего дѣлать, приходилось слушаться [2]). Затѣмъ дѣлалъ выговоръ за частое пребываніе въ войскѣ какого-то мнимаго монаха Даніила, о которомъ говорили еще запорожскіе послы, бывшіе въ Москвѣ въ ноябрѣ прошлаго года, выговаривалъ за сношенія съ Крымомъ, Польшей и Швеціей [3]). Выговскій отрекался отъ всего и говорилъ, что они готовы во всемъ слушаться московскаго правительства и поступать такъ, какъ оно прикажетъ. Послѣднее порученіе было очень и очень непріятно для козацкаго самолюбія: оно состояло въ томъ, чтобы вывести козацкія силы изъ тѣхъ мѣстъ Бѣлоруссіи, именно стараго Быхова, гдѣ онѣ водворились. Кромѣ того воевода указывалъ, что крестьяне изъ пограничныхъ уѣздовъ московскихъ владѣній бѣгутъ на Украину, въ поискахъ тамъ воли, и козаки ихъ принимаютъ. Царь требовалъ, чтобы впредь этого не было [4]). Что было на это отвѣчать! Такова была эта рада.—По другому извѣстію, лѣтописи Самовидца, Выговскій устроилъ такъ, что „тилько полковники съ иншою старшиною опричь черни“ съѣхались на новую раду въ Переяславѣ и Хитрово, будучи „укontентованъ

[1]) Hist. pana Jana-Kaz., т. I, стр. 321.
[2]) Акты, т. IV, № 58.
[3]) Ibid., т. IV, № 58. стр. 99.
[4]) Акты, т. IV, № 58, стр. 96.

словами лестивыми яко и подарунками", подтвердилъ „оному гетманство въ Переяславлю, любо на тое войско не позволяло" [1]).—А что же дѣлалъ въ это время Пушкарь? Намъ нужно нѣсколько возвратиться назадъ. Послѣ попытокъ къ мирному соглашенію Выговскій увидѣлъ, что ничего больше не остается, какъ взяться за оружіе. Сначала онъ отправилъ противъ Пушкаря два полка,—Нѣжинскій и Стародубскій, но экспедиція эта кончилось ничѣмъ: козаки отказались поднимать оружіе противъ своихъ братьевъ [2]). Увидѣвъ, что на козаковъ надежда плоха, Выговскій обратился къ наемнымъ войскамъ, которыми онъ тогда располагалъ. Должно быть тутъ у него явилась мысль, что собственными силами онъ ничего не сдѣлаетъ, что козаки въ междуусобной войнѣ очень ненадежное войско и безъ татаръ ему не обойтись. Въ то же время онъ началъ умножать контингентъ наемныхъ войскъ; часть денегъ, утаенныхъ изъ скарба Хмельницкаго, употреблено было на наемъ нѣмецкой пѣхоты. На первый случай имѣлись у него сербы и волохи, такъ называемые „затязці", оставшіеся еще со временъ Богдана; подъ начальствомъ Ивана Сербина и Богуна имъ было поручено напасть тайнымъ образомъ на Полтаву; отправлены они были изъ Миргорода, гдѣ находился Выговскій, ожидая отвѣта отъ Пушкаря. Первые шаги были удачны, но къ несчастью они заблудились и, отправившись по ошибкѣ къ Великимъ Будищамъ, промедлили цѣлый день. Это промедленіе и сгубило ихъ. Пушкарь, узнавъ объ ихъ движеніи, отправилъ противъ нихъ Барабаша, который, какъ извѣстно, присланъ былъ запорожцами ему на помощь: съ частью запорожцевъ и частью городовыхъ козаковъ Барабашъ двинулся къ Диканкѣ и 27-го января утромъ напалъ на Богуна и Сербина въ урочищѣ „Жуковомъ Байракѣ", за долиною Голтвы. Нападеніе было неожиданное, ничего не чаявшіе сербы готовили себѣ обѣдъ и благодушествовали. Нападеніе страшно смутило ихъ. 300 человѣкъ легло на мѣстѣ, остальные, бросивъ свой таборъ, убѣжали въ Миргородъ. Такъ неудачно было первое столкновеніе съ силами Пушкаря [3]). Пушкарь выступилъ изъ Полтавы и двинулся къ Днѣпру, стараясь все время находиться въ районѣ своего полка; но когда услышалъ, что въ Переяславѣ собирается рада съ участіемъ царскаго боярина,

---

[1]) Лѣтоп. Самов., стр. 53. изд. 1878 г.

[2]) Акты, т. IV. стр. 54.

[3]) Акты, т. IV, № 55, стр. 91. Величко, т. I, стр. 325.

онъ остановился въ Гадячѣ. Оттуда онъ началъ посылать доносы на Выговскаго. Хитрово возвращаясь встрѣтился съ нимъ 5 марта въ Лубнахъ и убѣждалъ не бунтовать, даже дарилъ его деньгами и соболями, чтобы онъ только успокоился [1]); но тотъ не хотѣлъ угомониться. Между тѣмъ Выговскій, ловко выпутавшись отъ необходимости немедленной поѣздки въ Москву и получивъ послѣ принесенія присяги въ Переяславскомъ соборѣ изъ рукъ Хитрово булаву и прочіе клейноты, посылалъ въ Москву жалобу за жалобой на Пушкаря и запорожцевъ. Тѣ не оставались въ долгу и отвѣчали ему тѣмъ же. Хотя преимущество послѣднихъ было въ томъ, что они могли предложить Москвѣ гораздо больше, чѣмъ Выговскій, имъ ни по чемъ было ввести Москву въ самотѣснѣйшее управленіе Малороссіей, однако Москва не рѣшалась давать предпочтеніе бунтарямъ передъ законной властью; въ этомъ было бы нарушеніе ея собственнаго принципа. Изъ Москвы полетѣли грамоты къ Пушкарю и запорожцамъ, чтобъ они не „вчинали" никакихъ бунтовъ и повиновались бы гетману [2]). Выговскаго же между тѣмъ звали ѣхать въ Москву, а Пушкарь съ своей стороны доносилъ, что Выговскій и не думаетъ ѣхать, а выдумываетъ всякіе предлоги, чтобы только отложить эту поѣздку. Положеніе было весьма неловкое: ѣхать въ Москву, это значило отказаться отъ всѣхъ самыхъ завѣтныхъ плановъ, согласиться на все, что ему тамъ предложатъ, не ѣхать— значило разжигать московскія подозрѣнія. И вотъ онъ отправляетъ въ Москву пословъ, на этотъ разъ людей очень значныхъ: поѣхали Лѣсницкій, Богунъ и Бережецкій [3]). Лѣсницкій къ этому времени отказался отъ миргородскаго полковничества и на его мѣсто выбрали Довгаля, яраго приверженца Пушкаря; такимъ образомъ контингентъ бунтующихъ увеличивался. Универсалъ Выговскаго къ жителямъ миргородскаго полка, чтобы они готовы были двигаться по приказанію гетмана, не возымѣлъ дѣйствія [4]). Довгаль отправлялъ доносъ за доносомъ въ Москву на Выговскаго, какъ измѣнника [5]). Лѣсницкому поручено было своими предложеніями, весьма и весьма пріятными

---

[1]) Акты, т. IV, № 58, стр. 102.
[2]) Ibid., т IV. № 63, стр. 112.
[3]) Акты, т. IV, № 61, стр. 107.
[4]) Ibid., т. IV, № 60, стр. 105.
[5]) Ibid., т. IV, № 60, стр. 106.

Москвѣ, такъ сказать, составить оппозицію Пушкаревымъ и, мнѣ кажется, тутъ была еще другая цѣль, которая собственно потомъ и оправдалась: предложенія Лѣсницкаго были весьма обидны для козацкаго самолюбія, когда Москва захотѣла бы приводить ихъ въ исполненіе, это бы весьма вооружило козачество противъ нея и такимъ образомъ дало бы Выговскому еще одинъ лишній шансъ въ дѣлѣ присоединенія къ Польшѣ. Лѣсницкій предлагалъ прислать воеводъ, при чемъ согласились на 6 пунктовъ, произвести регистрацію всѣхъ козаковъ въ числѣ 60,000, а остальныхъ, самовольно записавшихся въ козачество, исключить изъ этого списка, предлагалъ произвести опись всѣмъ статьямъ дохода, съ которыхъ должны были взиматься подати [1]). Несмотря на все это Выговскій чувствовалъ, что все это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что могъ предложить московскому правительству Пушкарь, и потому всякую минуту опасаясь, что послѣдній выиграетъ дѣло передъ московскимъ правительствомъ, онъ счелъ за лучшее найти себѣ союзниковъ, обезпечивающихъ его побѣду надъ Пушкаремъ. Такіе союзники всегда были готовы. Соглашеніе съ татарами состоялось въ самомъ началѣ 1658 г. Въ Чигиринъ пріѣзжалъ изъ Крыма мурза Карачъ-бей, съ 600 татаръ для заключенія союзнаго договора; Выговскій созвалъ всѣхъ заднѣпровскихъ полковниковъ на раду по этому поводу, не пріѣхалъ, конечно, одинъ только Пушкарь [2]). Слѣдствіемъ этого соглашенія было появленіе того же самаго Карачъ-бея 23 апрѣля съ 40,000 татаръ. При рѣчкѣ Иркисѣ встрѣтилъ его Выговскій, долго они говорили потатарски между собою и, наконецъ, Выговскій пригласилъ его въ свою палатку, гдѣ передъ всѣмъ собраніемъ Выговскій и козаки присягали въ вѣчной дружбѣ татарамъ. Потомъ Карачъ-бей отправился въ свой станъ при Цыбульникѣ, гдѣ въ присутствіи двухъ сотниковъ татары были приведены къ аналогичной присягѣ или шерти [3]). Кромѣ Карачъ-бея пришелъ еще изъ Крыма Нуррединъ-султанъ съ 20,000 [4]). Тутъ случился, по свидѣтельству польскаго историка, эпизодъ, чуть не стоившій Выговскому жизни. По поводу прихода татарскихъ силъ Выговскій затѣялъ попойку, былъ тамъ и Джеджалы, старый спод-

[1]) Акты, т. IV, № 61, стр. 107—111.

[2]) Барсуковъ—Родъ Шер, т. V, стр. 7, изъ разспросн. рѣчей.

[3]) Ригельманъ, ч. II, стр. 5

[4]) Hist. pana Jana-Kaz., т. I. стр. 322.

вижникъ еще временъ Хмельницкаго. Выговскій, какъ мы уже говорили, добиваясь популярности, имѣлъ иногда привычку прикидываться пьянымъ, такъ было и теперь. Прикинувшись пьянымъ, онъ удалился ото всѣхъ, будто-бы желая лечь спать. Джеджалы прокрался къ тому мѣсту, гдѣ, по его мнѣнію, лежалъ пьяный гетманъ, и въ темнотѣ, при этомъ пьяный, пронзилъ копьемъ пустую постель и, вышедъ изъ палатки, началъ кричать въ восторгѣ: „лежишь, собако, що кровь козацьку ляхамъ и татарві запродувавъ, тепер у чорта гроши личитимешь“ [1]). Выговскій въ это время сѣлъ на коня и убѣжалъ въ станъ Карачъ-бея. Такой поступокъ Джеджалы можетъ быть объясненъ только самымъ характеромъ его: это былъ старый козакъ, демократъ до глубины души, популярность его въ простомъ народѣ была громадна; припомнимъ битву при Берестечкѣ, когда послѣ бѣгства Хмельницкаго часть козаковъ и черни оказалась запертою на маленькомъ островкѣ,—въ эту трудную минуту Джеджалы былъ избранъ гетманомъ. Онъ не могъ не видѣть аристократическихъ тенденцій Выговскаго, не могъ не понимать, куда онъ ведетъ народъ, да при этомъ природный татаринъ, онъ, быть можетъ, понялъ то, что по-татарски говорилъ Выговскій съ Карачъ-беемъ. Дальнѣйшая его судьба неизвѣстна, съ тѣхъ поръ имя его не попадается въ исторіи [2]).

Между тѣмъ Пушкарь не унимался; онъ продолжалъ писать въ Москву доносы на Выговскаго, при чемъ ссылался въ нихъ на свидѣтельство Юрія Хмельницкаго [3]); а дейнеки его тѣмъ временемъ жгли и разоряли окрестности и имущества зажиточныхъ людей. Лѣсницкій, пріѣхавъ въ Москву, приносилъ однако отъ имени Хмельницкаго жалобу на Пушкаря за то, что его люди разграбили его имущество; жалоба эта разрушала свидѣтельство Пушкаря и доказывала виновность его дейнековъ [4]). Какъ доказательство набѣговъ дейнековъ, далеко не ограничивавшихся райономъ своей стоянки, можно привести набѣгъ нѣкоего Донца на Чигиринскій полкъ. Между тѣмъ приходъ татаръ не могъ не произвести сенсаціи на Украинѣ. Со всѣхъ сторонъ понеслись объ этомъ извѣстія, какъ въ самую Москву, такъ и ея чиновникамъ [5]). Народъ тоже начинаетъ

---

[1]) Ibid., т. I, стр. 323.
[2]) Костомаровъ, гетм. Выговскаго, стр. 40.
[3]) Акты, т. IV, № 57, стр. 93.
[4]) Ibid., т. IV, № 67, стр. 120.
[5]) Ibid., т. IV, № 65, стр. 115.

безпокоиться. Татарскіе загоны начинаютъ нападать на украинскія селенія на лѣвомъ берегу [1]). Чтобы успокоить Москву на счетъ появленія татаръ, Лѣсницкій на обратномъ пути изъ Путивля пишетъ въ Москву и, въ видѣ объясненія прихода татаръ, говоритъ, что они приглашены только для обороны отъ Пушкаря, что сама жизнь гетмана безъ этой обороны находилась бы въ опасности. Татары будутъ стоять и никому не чинить зла до самаго появленія Шереметева [2]), который былъ, согласно предложеніямъ Лѣсницкаго въ Москвѣ, назначенъ регистровать и провѣрять списокъ козаковъ [3]). Въ такомъ положеніи находились дѣла въ половинѣ мая. Москва явно показывала расположеніе къ Выговскому, какъ законному представителю власти; къ Пушкарю же помимо грамоты посланъ былъ даже посолъ, Иванъ Алфимовъ, убѣждать его покориться гетманской власти и не бунтовать [4]). Тѣмъ не менѣе въ Москвѣ начали казаться двухсмысленными нѣкоторые поступки Выговскаго, начали доноситься смутные толки о его сношеніяхъ съ Польшею. Еще Лѣсницкаго спрашивали, куда и зачѣмъ посланъ Тетеря, наконецъ, это приглашеніе татаръ,—все это наводило Москву на довольно непріятныя мысли [5]). Москва рѣшила, что недурно было бы на мѣстѣ имѣть человѣка, который бы за всѣмъ наблюдалъ и доносилъ по начальству. Въ половинѣ мая отряженъ былъ стольникъ Скуратовъ [6]), на котораго именно и была возложена вышеупомянутая миссія. Онъ засталъ Выговскаго уже въ походѣ противъ Пушкаря и съ ужасомъ увидѣлъ, что подозрѣнія оправдывались. Несомнѣнно было то, что отношенія Выговскаго перемѣнились: тонъ разговора былъ рѣзкій и дерзкій. Прежней вѣжливости и предупредительности не было и слѣда. Отыскивались малѣйшіе пункты для того только, чтобъ можно было привязаться и упрекать Москву и ея чиновниковъ въ несправедливомъ отношеніи; онъ упрекалъ даже въ томъ, что Москва показываетъ больше расположенія Пушкарю, чѣмъ ему, что было, конечно, несправедливо, потому что возвратившійся Лѣсницкій разсказывалъ о томъ предпочтеніи, которое оказано было ему передъ Пушкаревымъ посломъ—Искрою. Но Выговскій не

---

[1]) Акты, т. VII, № 78, стр 222
[2]) Ibid., т. IV, № 67, стр. 121.
[3]) Ibid., т. VII, № 75, стр 200.
[4]) Ibid., т VII, № 78, стр. 221.
[5]) Ibid., т. IV, № 64.
[6]) Акты, т. IV, № 69, стр. 124.

соблюдалъ теперь даже правилъ вѣжливости, такъ что Скуратову приходилось напоминать ему о нихъ: такъ, онъ покушался сидѣть при чтеніи царской грамоты; съ пренебреженіемъ отнесся онъ къ грамотѣ, которая была черезъ него передана Пушкарю съ увѣщаніемъ сдаться,—однимъ словомъ, время скрываться—прошло [1]), теперь наступило время разрыва, и Выговскій искалъ только предлоговъ къ нему.—17 мая двинулся Выговскій изъ подъ Голтвы, куда прибылъ къ нему Скуратовъ; но этого послѣдняго не хотѣлъ брать съ собою, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что въ походѣ быть опасно, неровенъ часъ, все можетъ случиться. Миссія Скуратова, такимъ образомъ, не могла быть выполнена [2]). По свидѣтельству Скуратова, съ Выговскимъ былъ и Карачъ-бей, а съ нимъ 6,000 татаръ. Козаковъ было пять полковъ, изъ нихъ Бѣлоцерковскій полковникъ со своимъ полкомъ возвратился еще съ дороги; полки Нѣжинскій и Прилуцкій двинулись подъ Лубны. Жители Лубенъ, думая, что ихъ пришли воевать, заперлись въ городѣ, но городъ былъ взятъ, полковникъ Павелъ Швецъ убѣжалъ, многіе были перебиты, масса потонула въ Сулѣ. Мѣщане были пощажены. Миргородцы, испугавшись участи Лубенъ, связали полковника своего Довгаля, а на его мѣсто выбрали нѣкоего Козла и били челомъ гетману на покорности [3]). Пушкарь съ Барабашемъ засѣли въ Полтавѣ, посады они сожгли, а сами сидѣли въ укрѣпленномъ городѣ. Выговскій пододвигался къ Полтавѣ. Еще раньше онъ разсылалъ универсалы въ полтавскій полкъ, убѣждая покориться. Передъ самымъ отправленіемъ въ походъ, онъ отправилъ послѣдній универсалъ съ тѣмъ же предложеніемъ, окончить дѣло миромъ.

18 мая Выговскій сталъ лагеремъ въ Полузоряхъ, въ 10 верстахъ отъ Полтавы; тутъ произошла и первая стычка съ людьми Пушкаря. Татары потерпѣли сильный уронъ, но тѣмъ не менѣе два знамени и литавры достались въ руки Выговскаго [4]). Каково же было настроеніе народной массы? Изъ донесенія Скуратова видно, что въ народѣ замѣчалось раздвоеніе: одни были за Выговскаго, другіе противъ. Правобережцы были болѣе склонны къ нему, чѣмъ лѣвобережцы; тамъ даже выражалось желаніе, чтобы пришли воеводы управлять

---

[1]) Акты, т. IV, № 69, стр. 124—127.
[2]) Ibid., т. IV, № 69, стр. 126.
[3]) Ibid., т. IV, № 69, стр. 126.
[4]) Акты, т. IV, № 69, стр 127.

ими, между тѣмъ какъ на правомъ берегу о воеводахъ и слышать не хотѣли [1]).—Оставивъ всѣ татарскія силы въ Сокольихъ Байракахъ, Выговскій двинулся дальше; въ Полузоряхъ онъ оставилъ два полка нѣмецкой пѣхоты со всѣмъ обозомъ, а самъ, переваливши черезъ гору, остановился между Жуками и Рыбцами, всего въ одной верстѣ отъ Полтавы. Пушкарь, засѣвшій въ Полтавѣ, всячески отговаривалъ своихъ дейнековъ отъ открытаго нападенія, мало довѣряя возможности побѣды съ такими силами въ открытомъ бою. Но очевидно дейнекамъ не сидѣлось на мѣстѣ. Первое нападеніе было удачно, войско Выговскаго было выбито изъ обоза и только сильный его натискъ заставилъ было дейнековъ податься назадъ, но тутъ подоспѣлъ Барабашъ и принудилъ Выговскаго отступить. Между тѣмъ дейнеки овладѣли обозомъ, нашли тамъ горѣлку и начали пьянствовать. Сначала было Выговскій двинулъ на нихъ нѣмецкую пѣхоту, но та ничего не сдѣлала и, отраженная, отступила и двинулась прямо домой. Тогда Выговскій ударилъ на нихъ съ татарами. Къ этому времени уже всѣ дейнеки были мертвецки пьяны. Послѣ непродолжительнаго боя Пушкарь былъ разбитъ на голову. Голота бѣжала, бросая оружіе; Барабашъ отступилъ заранѣе. Голова Пушкаря, отрубленная какимъ-то козакомъ, въ видѣ трофея была брошена къ ногамъ Выговскаго. Онъ вступилъ въ Полтаву. 4 дня продолжалось раззореніе и рѣзня, татарамъ было позволено брать яссыръ въ окрестностяхъ. Наконецъ, само войско Выговскаго, видя такую бѣду соотечественниковъ, начало роптать. Между тѣмъ татары повели плѣнниковъ въ Крымъ, на дорогѣ на нихъ напали козаки и масса плѣнныхъ была освобождена. Говорятъ, совершилось это съ тайнаго разрѣшенія Выговскаго. Полковникомъ въ Полтаву назначенъ былъ Филонъ Горкуша. Уже послѣ паденія Пушкаря московское войско подъ начальствомъ Ромодановскаго вступило въ Украину, расположилось около Прилуки и пробыло тамъ около 3-хъ недѣль [2]). Пробывши нѣсколько времени въ Полтавѣ, Выговскій двинулся домой въ Чигиринъ, распуская по дорогѣ сегобочные и тогобочные полки. По дорогѣ онъ захватилъ съ собой Скуратова и вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ въ Чигиринъ, куда они прибыли 21 іюня.

---

[1]) Акты, т. IV, № 69, стр. 127.
[2]) Величко, т. I, стр. 327—333.

Начиналась новая эра въ политикѣ Выговскаго; на горизонтѣ обозначался гадячскій договоръ. Съ Москвою онъ уже не церемонился. По дорогѣ услышавъ, что идетъ воевода въ Бѣлую Церковь, онъ страшно возмутился и началъ кричать передъ Скуратовымъ, что не надо ему воеводъ, не надо ему постороннихъ людей, отъ нихъ только бунтъ. А вѣдь Лѣсницкій на Москвѣ самъ просилъ воеводъ. Скуратовъ напомнилъ ему объ этомъ, Выговскій опять началъ кричать, что на Москвѣ смѣются надъ его письмами, что онъ просилъ помощи противъ бунтарей, а не воеводъ. Не только гетманъ, но и старшина возвысила голосъ; Богунъ говорилъ: „зачѣмъ намъ воеводы, женъ и дѣтей нашихъ пріѣхали переписывать, что-ли! И ты, стольникъ, къ намъ въ Чигиринъ воеводою ѣдешь, нездоровъ выѣдешь". Въ Чигиринѣ Выговскій велъ себя очень откровенно по отношенію къ Москвѣ; очевидно ему хотѣлось, чтобы Москва первая начала разладъ. При Скуратовѣ пріѣзжалъ посолъ отъ хана просить помощи противъ Ракочія; ожидался польскій посолъ — Беневскій [1]). Въ такомъ положеніи находилось дѣло, когда пріѣхалъ въ Кіевъ Шереметевъ на мѣсто Бутурлина и, между прочимъ, въ качествѣ составителя переписи. Это еще подлило масла въ огонь. Шереметевъ былъ человѣкъ крутой, по-московски самонадѣянный, по-московски грубо-откровенный, весь проникнутый сознаніемъ своего народнаго достоинства; онъ грубо обращался не только съ простыми козаками, но и со старшиною и любилъ похвастать, что онъ здѣсь главное лицо, а не Выговскій;—все это было впослѣдствіи поставлено Выговскимъ въ строку. Да и присутствіе Ромодановскаго было для него очень хорошимъ предлогомъ для придирки. Въ самомъ дѣлѣ, когда нужна была помощь— ея не было, а когда Выговскій самъ распорядился со своимъ врагомъ, тогда явилось войско и стояло безъ всякой видимой причины. Къ тому же Ромодановскій и велъ себя безтактно: всѣ болѣе или менѣе видные участники бунта Пушкаря были у него и были почти свободны. [2]). Все это давало Выговскому поводъ говорить, что злоумышляютъ на его жизнь. Вообще Москва сама давала поводъ и оружіе Выговскому въ дѣлѣ его отпаденія.—Итакъ, главный врагъ былъ сраженъ, теперь можно было подумать объ окончательномъ выполненіи своихъ плановъ. Пушкарь, самъ того не сознавая, сослужилъ

---

[1]) Акты, т. IV, № 69, стр. 127–130.

[2]) Акты, т. IV, № 74.

Выговскому большую службу: возстаніе его, возстаніе чисто демократическое, направленное противъ притязаній старшины, еще смутно сознанныхъ, сплотило старшину въ одно цѣлое вокругъ такого яркаго представителя старшинныхъ интересовъ, какимъ былъ Выговскій, и ускорило составленіе союза съ Польшей, упрочивавшаго власть и вліяніе старшины. Уже въ іюня мѣсяцѣ въ Польшу посланъ былъ Тетеря съ объявленіемъ, что Выговскій совершенно готовъ къ соглашенію. 2 іюля Беневскій писалъ секретно къ королю Яну Казимиру, что Выговскій склонилъ уже многихъ старшинъ на сторону Польши и старается только ускорить рѣшеніе союза; онъ даже готовъ идти войной вмѣстѣ съ поляками противъ Москвы, на столько сильна его рѣшимость оторваться отъ Москвы [1]). Наконецъ, послѣ окончанія Пушкаревой экспедиціи, Перетятковичу, который былъ постояннымъ посредникомъ между Выговскимъ и Польшею, поручено было передать, чтобы прибыли коммиссары для окончательнаго совершенія договора. 22 августа отбыли въ Украину Беневскій и Евлашевскій, каштелянъ Брестскій [2]). Совершенно естественно было опасаться, что какъ только въ Москвѣ станетъ извѣстнымъ, что Выговскій измѣнилъ, она не станетъ церемониться. Выговскому надо было поговорить съ народомъ на генеральной радѣ, да собирать ее было неловко. Что было дѣлать! А отношенія между тѣмъ все болѣе и болѣе обострялись. Уже Скуратовъ писалъ, что народъ раздѣлился надвое: одни за Выговскаго, другіе противъ него. Диверсія Выговскаго относительно присылки воеводъ удалась какъ нельзя лучше,— козацкое сословіе, за немногими исключеніями, видѣло въ этомъ нарушеніе своихъ вольностей. Между тѣмъ Выговскій уже открыто показывалъ свою вражду Шереметеву; онъ видитъ въ поступкахъ этого послѣдняго нерасположеніе къ себѣ Московскаго правительства. Въ такомъ именно духѣ высказывается онъ игумену Мгарскаго монастыря, которому поручено было переговорить съ нимъ. На лѣвомъ берегу начинаютъ вспыхивать то тамъ, то сямъ огоньки возстанія придушенной партіи Пушкаря и Барабаша. Выговскій видитъ, что надо быть наготовѣ. Посыпались приказы, чтобы войска собирались. Распущенные было козацкіе полки начинаютъ стягиваться къ Чигирину. Между тѣмъ въ Москвѣ начинаютъ замѣчать, что что-то неладно.

---

[1]) Пам. Кіев. Ком., т. Ш, отд. 3, стр. 270—271.

[2]) Объяв. объ усл. Рѣчи Посп., стр. 10.

Ссора съ Шереметевымъ одно, а всеобщее настроеніе—это другое. 26-го іюля летитъ къ Выговскому новый посолъ, Яковъ Портомоинъ, съ похвальной грамотой за вѣрную службу и съ увѣщеваніемъ не вѣрить польскимъ прельщеніямъ. Портомоинъ попалъ не во время; теперь было не до любезныхъ пріемовъ московскихъ пословъ,—войска собирались. Въ разговорѣ съ Портомоинымъ Выговскій не ограничился уже однѣми жалобами на Шереметева и своихъ враговъ, онъ уже угрожалъ: „пошлю, говоритъ, брата своего подъ Кіевъ, пусть выгонитъ оттуда Шереметева и насыпанный имъ городъ уничтожитъ". Выговскій рѣшилъ между тѣмъ, что когда войска соберутся, онъ немедленно двинется на ту сторону: оттуда грозила опасность, тамъ находилось зерно оппозиціи, тамъ надо было и присутствовать. Въ Москвѣ же услыхали, что войска продолжаютъ собираться. Прискакалъ новый посолъ Тюлюбаевъ съ вопросомъ, что все это значитъ? Выговскій ничего не отвѣчалъ. 11 августа войска тронулись изъ Чигирина. Угроза Выговскаго была не напрасна,—19-го августа Данило, братъ его, доносилъ, что онъ уже подъ Кіевомъ и занимается отбитіемъ конскихъ табуновъ [1]). Это занятіе помѣшало ему врасплохъ завладѣть Кіевомъ. Изъ донесенія Шереметева видно, что 20 августа подошли къ Кіеву Богунъ и Саблинъ, а 23-го явился и самъ Данило; всѣхъ людей было съ нимъ 60,000, татаръ 40,000 и 20,000 козаковъ. Приступъ, однако, былъ неудаченъ: не только всѣ приступы были отбиты, но москвичи, сдѣлавъ вылазку, на голову разбили козацкія войска, много людей потонуло въ Днѣпрѣ, 47 знаменъ, бунчуки и 9 пушекъ достались въ руки побѣдителямъ. Самъ Данило едва успѣлъ спастись по Днѣпру, по выраженію донесенія „самъ—семь" [2]). Данило Выговскій едва добрался до Триполья, а оттуда уже на подводѣ въ Бѣлую Церковь. Туда же начали сходиться бывшіе съ нимъ въ осадѣ Кіева полковники. Положеніе ихъ было довольно жалкимъ, такъ напр. Богунъ пришелъ „босъ и въ одной рубахѣ", а Гоголь съ Левенцами сбился съ дороги и прежде, чѣмъ попалъ въ Бѣлую Церковь, блуждалъ по окрестностямъ. При Данилѣ въ концѣ концовъ оказалось только 5,000 козаковъ; остальные разбѣжались [3]). Другое столкновеніе съ московскими войсками случилось 14 августа: Ромодановскій отправилъ съ

---

[1]) Акты, т. IV, № 95 стр. 191.
[2]) Акты, т. VII, № 54, стр. 251.
[3]) Барсуковъ—Родъ Шер., т. V, стр. 7. Арх. Мин. Юст., стр. 5850.

сильнымъ конвоемъ Барабаша къ Шереметеву, вдругъ на дорогѣ напало на нихъ 200 человѣкъ козаковъ подъ начальствомъ полковника Джулая, отбили Барабаша и помчали въ Переяславъ [1]). Портомоинъ и Тюлюбаевъ были схвачены и посажены подъ стражу [2]). Выговскій нарушилъ даже международное право о неприкосновенности пословъ. Между тѣмъ войско двигалось на лѣвый берегъ. Польскіе историки къ этому времени относятъ случай, который еще больше помогъ Выговскому вооружить козаковъ противъ Москвы. По Днѣпру плылъ будто-бы „почтарь“ изъ Москвы съ письмами и указомъ Шереметеву схватить Выговскаго и прислать его въ оковахъ въ Москву. Приложенъ былъ также списокъ полковниковъ, которыхъ надо было схватить. Почта эта была перехвачена, въ кругу собравшейся рады прочелъ Выговскій это письмо, обратилъ вниманіе всѣхъ на печать и на стиль. Всѣ остолбенѣли, когда, наконецъ, спрошенный почталіонъ сказалъ, что письмо исходитъ отъ самого Царя; негодованіе козаковъ не знало границъ. Послышались яростные крики, имя Москвы приводило въ бѣшенство. Выговскій кричалъ „теперъ, панове, маемо час визволитись з окрутства московского, вона хоче, згубивши старшину, повернути увесь люд у неволю“. Козацкое негодованіе Выговскій старался поддержать, выкативши имъ нѣсколько бочекъ горѣлки, и въ это время ходилъ по рядамъ и убѣждалъ, что только въ соединеніи съ Польшею ихъ спасеніе отъ московской неволи [3]). Всеобщее негодованіе росло, росла съ нимъ и популярность Выговскаго. Войско продолжало двигаться; когда оно 31 августа достигло Камышни, явился новый посолъ, дьякъ Василій Михайловичъ Кикинъ [4]). Онъ явился уже съ выговоромъ за собраніе войска и за прочіе неблаговидные поступки. Приняли его также очень нелюбезно, отовсюду слышалъ онъ выраженіе неудовольствія противъ Москвы. При немъ прибыли польскіе послы—Евлашевскій и Беневскій. Отпуская московскаго посла, Выговскій сказалъ, что будетъ дожидаться царской милостивой грамоты 4 недѣли. Передъ отъѣздомъ Кикину доносили, что существовалъ умыселъ отдать его въ плѣнъ татарамъ. Между тѣмъ, вопреки такому извѣстію Кикина, по свидѣтельству Перетятковича

---

[1]) Акты, т. IV, № 76, стр. 141.
[2]) Акты, т. IV, № 95, стр. 192
[3]) Hist. pana Jana-Kaz., т. I, стр. 340—341.
[4]) Акты, т. IV, № 79, стр. 144.

польскіе послы, прибывшіе въ лагерь въ то время, какъ тамъ находился Кикинъ, тоже приняты были не очень любезно. Благодаря вліянію родственниковъ Выговскаго многіе козаки, а также и старшина, желавшая угодить черни, склонялись на сторону „москаля", обѣщавшаго имъ отъ имени Царя массу чрезмѣрныхъ вольностей. Перетятковичъ говоритъ, что въ теченіе недѣли, пока былъ тамъ московскій посолъ, они находились въ такой опасности, что у каждаго въ головахъ стояло по самопалу. Бывавшіе у нихъ козаки подъ видомъ шутки извѣщали ихъ о различныхъ видахъ смерти, ихъ ожидавшей, или объ отсылкѣ къ Царю. Наканунѣ заключенія договора послы были въ такомъ страхѣ, что считали себя погибшими. По совѣту Перетятковича они написали на открытомъ королевскомъ листѣ отъ имени короля просьбу къ Карачъ-бею посодѣйствовать союзу съ козаками. Задобренный деньгами, Сосницкій переводчикъ Карачъ-бея вызвался идти къ нему просить для пословъ аудіенціи. Когда аудіенція состоялось, то Карачъ-бей выразилъ знаками, что онъ во всемъ готовъ содѣйствовать посламъ: тотчасъ явились гетманъ и полковники и всѣ вмѣстѣ, выйдя изъ шатра, начали совѣщаться. Дѣло кончилось въ пользу Польши и тутъ же заключены были условія, которыя на другой день были объявлены при пушечной пальбѣ. [1]). Извѣстіе это противорѣчитъ всѣмъ рѣшительно источникамъ, а потому принято за достовѣрное быть не можетъ. По другимъ извѣстіямъ, болѣе достовѣрнымъ, дѣло происходило такъ: едва успѣли выпроводить Кикина, какъ началась рада, которая собралась 6 сентября подъ Гадячемъ. Въ кругъ Выговскій ввелъ пословъ, и Беневскій началъ говорить весьма кудрявую рѣчь; въ ней онъ излагалъ всѣ выгоды, которыя получитъ Украина отъ соединенія съ Польшею, указывалъ на неестественность соединенія съ Москвою и на всѣ ея притѣсненія, и въ заключеніе нарисовалъ картину того блалосостоянія, какимъ процвѣтетъ Украина, соединившись съ Польшей [2]). Не будемъ входить въ критику этой рѣчи, она сама за себя говоритъ. Рѣчь эта была на столько замысловата, что большинство участниковъ рады ея не понимало, да и въ самомъ дѣлѣ, могли-ли простые козаки критически отнестись къ пространной рѣчи искусившагося въ діалектикѣ польскаго дипломата. Всѣ были ошеломлены краснорѣчивымъ потокомъ словъ, а тутъ Вы-

[1]) Объяв. объ усл. Рѣчи Посп., стр. 12.

[2]) Hist. pana Jana-Kaz., стр. 342—346.

говскій не давши опомниться спросилъ„: а що як уподобалась Вам, панове молодці, рація сего пана коммиссара?“ „Гараздъ говорить!“ раздались крики [1]). Тогда, говоритъ польскій лѣтописецъ, Выговскій съ разрѣшенія рады отвѣчалъ, какъ бывшій юристъ, пространной рѣчью, въ которой благодарилъ Короля и Рѣчь Посполитую за милость. Началось составленіе договора, который извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ Гадячскихъ статей [2]). Договоръ этотъ касался 4-хъ сторонъ жизни государства: политическаго положенія, внутренняго устройства, вѣры и просвѣщенія. Статьи эти гласили, что приблизительно третья часть Украины, воеводства—Кіевское, Черниговское и Брацлавское, т. е., нынѣшнія губерніи: Полтавская, Черниговская, Кіевская, восточная часть Волынской и южная Подольской,—объявлялась Великимъ Княжествомъ Русскимъ, наравнѣ съ княжествомъ Литовскимъ, такъ что отнынѣ Польша должна была состоять изъ трехъ равноправныхъ частей, управляемыхъ однимъ королемъ. Духовенство малорусское на сеймѣ было равноправно съ польскимъ. Враги должны были быть общіе и сражаться надо было даже съ Москвою, если бы она вздумала наложить свою руку. Относительно внутренняго правленія—это былъ сколокъ, мнѣ кажется, съ Польши: тѣ же министры, канцлеры, маршалки и подскарбіи, всѣ должны быть выборные, но непремѣнно мѣстнаго происхожденія, относительно гетмана нечего и говорить. Судопроизводство также было свободное, судьи мѣстные, мѣстная отдѣльная монета. Владѣльцы получаютъ утвержденіе своихъ правъ отъ гетмана.—Унія должна быть уничтожена и всѣ отнятыя Уніей имущества должны быть возвращены. Пунктъ этотъ былъ камнемъ преткновенія для переговоровъ и впослѣдствіи Польша долго не хотѣла исполнять этого пункта. Не забыто было также и просвѣщеніе: учреждены были 2 академіи съ правами и на манеръ Краковской и дозволено открывать неограниченное количество училищъ и типографій. Казалось бы договоръ весьма и весьма выгодный, чего лучшаго хотѣть, ничего, казалось, не забыто, все оговорено, а межъ тѣмъ мы увидимъ, что онъ не только не приведенъ былъ въ силу, но даже погубилъ своего составителя. Очевидно, чего-то въ немъ недоставало, что-то было позабыто, позабыто было самое главное—народъ. Договоръ былъ несомнѣнно весьма

---

[1]) Hist. pana Jana-Kaz., т. I, стр. 345.

[2]) Ibid., т. I, стр. 346—347. Акты, т. IV и VII, №№ 77—85. Ierlich, стр. 17—31, Wojna domowa, Лѣт. Величка, стр. 335—337.

выгоденъ для старшины, въ этомъ отношеніи онъ былъ безупреченъ, но о народѣ ни слова, ни слова объ упорядоченіи отношеній, ни слова объ облегченіи быта народнаго. Власти были выборныя, но кто долженъ былъ ихъ выбирать, какова была форма этого избранія, какъ народъ могъ выразить свое желаніе относительно того или другого выбора—неизвѣстно; эта сторона не была оговорена,—изъ безконтрольной власти польскихъ пановъ народъ попадалъ въ не менѣе безконтрольную власть своихъ пановъ. Спрашивается, чѣмъ это было лучше? Договоръ былъ для козаковъ, но не для народа, а потому не могъ имѣть силы и въ самомъ существѣ своемъ носилъ зародышъ гибели. Правда, была одна статья, которую Костомаровъ считаетъ весьма важной, въ смыслѣ чисто народныхъ интересовъ. Дѣло въ томъ, что гетманъ могъ представлять королю для нобилитаціи, т. е. воспроизведенія въ дворяне, не больше ста человѣкъ впрочемъ, такимъ образомъ со временемъ все козачество должно было обратиться въ дворянство, а козаки пополнялись изъ народа, слѣдовательно статья эта касалась и народа. Но вѣдь собственно такого благополучія достигали весьма немногіе, это была капля въ морѣ, а въ массѣ положеніе вещей оставалось прежнимъ и ничуть не улучшалось. Гадячскій договоръ—это была попытка высшаго сословія создать свое государство, поработивъ народъ. Ошибка была въ томъ, что государства создаются не сословіями, а народомъ, и забывать народъ, не терпѣвшій неравенства, народъ съ глубоко-демократическимъ духомъ, создавать у него аристократію и при томъ такую, которая бы властвовала,—этого въ Украинѣ нельзя было достигнуть. Зашла потомъ рѣчь о расширеніи предѣловъ Украины. Требовали присоединенія воеводствъ Русскаго, Подольскаго и другихъ; начались препирательства и дѣло чуть было не разстроилось. Тутъ Тетеря своей остроумной выходкой помогъ дѣлу; онъ понималъ, хотя, можетъ быть, самъ не сознавая этого, что часто какое нибудь простое остроумное словечко рѣшаетъ очень важныя дѣла. „Згодимося, панове молодці, зъ ляхами", крикнулъ онъ, „більшъ будемо мати, покірливе телятко дві матки ссе" [1]). Слова эти имѣли рѣшающее значеніе. „Згода, згода"! закричали козаки и договоръ былъ заключенъ. Тотчасъ по заключеніи договора послы поскакали въ Торнъ, гдѣ находился король; съ

---

[1]) Hist. pan Jana-Kaz., т. I, стр. 348.

ними поѣхали Тетеря, Ковалевскій и Каплунскій. Статьи хотя и были приняты благосклонно, но нѣкоторыя изъ нихъ вызвали неудовольствіе, особенно тѣ, которыя касались уничтоженія Уніи и раздачи урядовъ. Но неудовольствіе это было скрыто отъ присутствовавшихъ козацкихъ пословъ, которые были отпущены щедро одаренными [1]). Послѣ рады Выговскій двинулъ свои войска къ границѣ. Перейдя ее, онъ остановился подъ Каменнымъ и отсюда началъ посылать письмо за письмомъ къ путивльскимъ воеводамъ, чтобы они удовлетворили его требованіямъ о вознагражденіи за всякія мелкія обиды. Между тѣмъ, стоя въ предѣлахъ московскаго государства, поневолѣ начинались враждебныя дѣйствія: во первыхъ, еще раньше начали глуховцы дѣлать набѣги на великорусскіе городки, а теперь войска Выговскаго сдѣлали нападеніе на Олешню и на самое Каменное, но оба окончились, впрочемъ, неудачно. Тѣмъ временемъ татары на Украинѣ, наскучивъ сидѣть безъ дѣла, занимались грабежами, такъ что козаки въ таборѣ начали волноваться; Выговскій изъ за этого поссорился съ Гуляницкимъ и, наконецъ, видя всеобщее недовольство, рѣшилъ, что стоять больше нельзя, отступилъ и сталъ лагеремъ между Веприкомъ и Зиньковымъ [2]). По мѣрѣ отступленія изъ-подъ Каменнаго Выговскій, видя, что ничего не достигъ своимъ вторженіемъ въ московскіе предѣлы, которымъ онъ разчитывалъ испугать москалей, рѣшилъ перемѣнить тактику и въ письмахъ своихъ къ Путивльскому воеводѣ Долгорукому онъ говоритъ, что расположеніе его къ Москвѣ нисколько не измѣнилось и все жалуется на Шереметева [3]). Долгорукій же, отвѣчая ему, больше всего упрекалъ его за задержку Портомоина и Тюлюбаева. Выговскій отвѣчалъ, что онъ вовсе ихъ не задерживалъ, а они остались по своей волѣ [4]). 11 октября Выговскій вернулся въ Чигиринъ; первымъ его дѣломъ было отпустить задержанныхъ московскихъ пословъ. Призвавъ ихъ 18 октября къ себѣ, онъ много говорилъ о несправедливостяхъ Москвы, о томъ уваженіи, которое тамъ оказываютъ Пушкаревымъ сообщникамъ (намекъ на Искру) и угрожалъ, что если Царь думаетъ послать на него войско, то онъ будетъ защищаться и ему будетъ помощь извнѣ.

---

[1]) Объяв. объ усл. Рѣчи Поспол., стр. 12.
[2]) Акты, т. IV, № 86, стр. 172–179.
[3]) Ibid., т. IV, № 83, стр. 170.
[4]) Ibid., т. IV, № 85, стр. 171.

Вслѣдъ за Портомоинымъ онъ обѣщалъ послать пословъ для улаживанія недоразумѣній, „а самъ пойду подъ Кіевъ на разговоръ“, прибавилъ онъ смѣясь. Но угрозы его были неосновательны: вездѣ на возвратномъ пути Портомоинъ слышалъ, что если прійдутъ московскія войска, то не встрѣтятъ сопротивленія со стороны народа [1]). Тѣмъ не менѣе Выговскій думаетъ овладѣть Кіевомъ. По показанію языковъ у Выговскаго было войско въ 50,000 человѣкъ да 6,000 татаръ. 30-го октября изъ обоза вышло приглашеніе Шереметеву дать открытый бой. Бой былъ данъ, но окончился не такъ, какъ ожидалъ Выговскій. Высланные Шереметевымъ ратные люди побили многихъ малороссіянъ, взяли два шанца и четыре знамени. Ошеломленный такимъ исходомъ битвы Выговскій не возобновлялъ боя и вступилъ въ переговоры съ Шереметевымъ. Переговоры ни къ чему не привели, дѣло окончилось тѣмъ, что Выговскій отступилъ отъ Кіева и распустилъ многихъ татаръ, оставя при себѣ только незначительное количество [2]). Гуляницкому былъ отданъ приказъ идти къ Глухову и Новгородъ-Сѣверску для обереганія отъ нападенія со стороны Москвы [3]). Тѣмъ временемъ Шереметевъ вышелъ изъ Кіева и дошелъ до Бѣлой Церкви, при чемъ взялъ даже въ плѣнъ бѣлоцерковскаго полковника [4]). Между тѣмъ состоялась рада, на которой Выговскій увидѣлъ, что на народъ плоха надежда и что ему нужно опираться только на крымцевъ; поэтому не состоялось и нападеніе на Кіевъ. А изъ Москвы вмѣсто всякихъ пословъ пришла грозная грамота, обращенная уже не къ нему, а ко всему войску запорожскому, наипаче къ жителямъ Полтавскаго полка, которые были первыми протестантами противъ Выговскаго; въ ней излагались всѣ его вины, начиная отъ подавленія возстанія Пушкаря, и народъ приглашался отстать отъ Выговскаго и дѣйствовать противъ него наряду съ московскими войсками [5]). Грамота эта была сигналомъ къ новому возстанію; оставшіеся приверженцы Пушкаря зашевелились. На сцену появился другъ Пушкаря—Искра, отпущенный теперь изъ Москвы;

---

[1]) Акты, т. IV, № 95. стр. 192.

[2]) Барсуковъ—Родъ Шерем. Моск Арх. Мин. Юст., ст. 5850.

[3]) Акты, т. IV, № 96, стр. 193.

[4]) Ibid., т IV, № 96, стр. 193.

[5]) Ригельманъ, ч. II, ст. 11, Собр. госуд. гр. и догов. т. IV, № 17, Лѣтопись Величка, т. I, стр. 379.

въ надеждѣ, что онъ будетъ гетманомъ, онъ началъ распускать универсалы противъ Выговскаго. Голота толпами стекалась къ нему, и полтавцы избрали своимъ полковникомъ сына Пушкаря—Кирилла. Между тѣмъ всѣ сношенія и свѣдѣнія изъ Украины были отрѣзаны и кромѣ писемъ Выговскаго ничего не доходило до Москвы; одинъ только разъ удалось Филимонову обманнымъ способомъ черезъ своего племянника донести въ Москву, что дѣлается на Украинѣ [1]). А Выговскій, приготовляясь къ войнѣ съ Москвою, постоянно извѣщалъ московскихъ воеводъ, что онъ готовъ быть вѣрнымъ, а во всѣхъ междуусобіяхъ виноватъ Шереметевъ [2]). Наконецъ, Москва рѣшила что пора принять рѣшительныя мѣры. Ромодановскій получилъ указъ идти съ войскомъ на Украину. Еще раньше своего прихода этотъ послѣдній отрядилъ Григорія Косогова и Ивана Донца по просьбѣ Кирилла Пушкаря; отрядъ этотъ впервые столкнулся съ татарами подъ Голтвою и послѣ непродолжительнаго боя Голтва была взята [3]). Ромодановскій вступилъ въ Украину, ему предшествовалъ грозный универсалъ, въ которомъ также, какъ и въ царской грамотѣ, убѣждался народъ не измѣнять Москвѣ [4]). Выговскій тоже не дремалъ: въ полтавскій полкъ посланъ былъ универсалъ, въ которомъ онъ уговаривалъ козаковъ не бунтовать и не противиться оставленному у нихъ полковнику Филону Гаркушѣ, угрожая въ случаѣ неповиновенія войной [5]). На пути къ Ромодановскому стекалась голота, изъ которой онъ составилъ новый полкъ—дейнецкій. Первые шаги его были счастливы: онъ взялъ Миргородъ, Сорочинцы и Лубны. Лубенскій полковникъ Швецъ едва успѣлъ спастись бѣгствомъ. Изъ Лубенъ войска его бросились на Мгарскій монастырь и разграбили его; Чернухи и Пирятинъ постигла та же участь [6]). Подъ Варвою стоялъ Гуляницкій, тамъ были незначительныя стычки. Наконецъ, Ромодановскій сталъ на зимнія квартиры въ Лохвицѣ. Дейнеки разсыпались по окрестностямъ, грабя и уничтожая имѣнія зажиточныхъ людей. Число дейнековъ росло со дня на день [7]). Такъ кончился 1658 годъ,

---

[1]) Акты, т. IV, № 102, стр. 201.
[2]) Ibid., т. IV, № 91 и 94.
[3]) Акты, т. IV, № 98, т. VII, № 89.
[4]) Собр. госуд. грам. и догов., т. IV, № 14.
[5]) Акты, т. IV, № 103.
[6]) Акты, т. VII, № 89, Величко, т. I, стр. 339
[7]) Величко, т. I, стр. 340.

зима на время прекратила военныя дѣйствія. Наказнымъ гетманомъ надъ вѣрными Москвѣ козаками былъ выбранъ или скорѣе назначенъ Безпалый. Запорожцы, услыхавъ о вступленіи Ромодановскаго въ Украину, не захотѣли оставаться въ бездѣйствіи и отправили къ нему цѣлый полкъ подъ начальствомъ Силки. Выговскій, не желая допустить ихъ до соединенія, двинулся къ Зинькову, гдѣ они засѣли, а Немирича отправилъ къ Лохвицѣ безпокоить постоянно Ромодановскаго, чтобы обезпечить себя отъ нападенія съ тылу. Немиричъ съ искусствомъ исполнилъ свое порученіе, между тѣмъ какъ Выговскій безуспѣшно осаждалъ запорожцевъ [1]. Этимъ временемъ, однако, онъ воспользовался, чтобы привести въ покорность много отставшихъ городовъ на лѣвомъ берегу; дѣйствовалъ онъ теперь не оружіемъ, а прелестными письмами и достигъ даже того, что миргородскій полковникъ Довгаль, заклятый его врагъ, убѣжденный краснорѣчіемъ посланца Выговскаго, попа Филиппа, отворилъ ему ворота Миргорода и самъ вышелъ къ нему на встрѣчу [2]. Засѣвши въ Лохвицѣ, Ромодановскій опасался, чтобы Безпалый, который былъ отправленъ охранять Ромны, не сдался [3]. Несмотря на такія враждебныя дѣйствія противъ Москвы, Выговскій посылаетъ туда письмо за письмомъ, умоляя о царской милости, и послалъ даже бѣлоцерковскаго полковника Кравченка для улаживанія недоразумѣній. Москва, наученная горькимъ опытомъ тоже вела довольно двухсмысленную политику, она любезно переписывалась съ Выговскимъ и принимала Кравченка, подавая Выговскому надежду на полное прощеніе, если онъ одумается, и въ тоже время давался указъ о доставленіи пороху и свинцу Безпалому, врагу Выговскаго [4]. Кравченка хотѣли отпустить уже, какъ вдругъ пришло извѣстіе о томъ что Скоробогатько уничтожилъ Искру, шедшаго къ Лохвицѣ на соединеніе съ московскими войсками [5]. Начали противъ Выговскаго готовить большое войско, начальникомъ назначенъ былъ Трубецкой и сборъ войскъ назначенъ былъ къ 1-му февраля въ Сѣвскѣ. 7 февраля посланъ былъ указъ Трубецкому постараться какъ нибудь миромъ уладить это дѣло и

---

[1] Величко, т. I, стр. 364—365.
[2] Акты, т. IV, № 115, стр. 122.
[3] Ibid., т. IV, № 115, стр. 222.
[4] Акты, т. IV, № 115, стр. 223.
[5] Величко, т. I, стр. 363.

даже присланы статьи весьма уступчиваго характера, лишь бы покончить дѣло миромъ. Между тѣмъ прошелъ весь февраль мѣсяцъ, а Трубецкой все еще стоялъ въ Сѣвскѣ, только 28-го тронулся онъ въ путь и пододвинулся къ Путивлю. Весь февраль прошелъ въ неприведшихъ ни къ чему переговорахъ, посылали посла къ Выговскому—Старкова, а Выговскому все это было на руку. Въ это время, какъ мы уже говорили, онъ занимался приведеніемъ въ повиновеніе городовъ на лѣвомъ берегу. Одинъ Зиньковъ не сдавался, такъ въ неудачной осадѣ и простоялъ подъ нимъ Выговскій и, наконецъ, 17 марта ушелъ оттуда, а къ концу марта вернулся въ Чигиринъ[1]). На пути между Лохвицею и Зиньковымъ онъ оставилъ Скоробогатька, уничтожившаго Искру, чтобы онъ не пропускалъ запорожцевъ, но застава оказалась ненадежная: запорожцы пробились сквозь эту преграду и соединились съ Ромодановскимъ [2]). Гуляницкій прямо изъ подъ Зинькова пошелъ въ Конотопъ и засѣлъ тамъ съ четырьмя полками: Нѣжинскимъ, Прилуцкимъ, Черниговскимъ, и Гоголевскимъ. Въ войскѣ Выговскаго было уже 3,000 поляковъ, приведенныхъ Тетерею, да Андрей Потоцкій стоялъ подъ Лисянкою съ 30,000 войска, ожидая случая, чтобы помогать новымъ союзникамъ [3]). Къ празднику Пасхи собрались къ Выговскому полковники съ поздравленіемъ; онъ собралъ ихъ на совѣтъ и спрашивалъ, какъ поступить, что дѣлать въ виду надвигающейся грозы. Порѣшили на томъ, чтобы разослать универсалы по правой сторонѣ, объясняющіе причину отпаденія отъ Москвы, а на лѣвомъ дѣйствовать силой оружія. Универсалы были двухъ редакцій: въ одной говорилось, что на основаніи статей, заключенныхъ въ Вильно, Украина должна быть отдана Польшѣ, такъ не лучше ли, спрашивается, на основаніяхъ вольныхъ присоединиться къ Польшѣ, чѣмъ быть отданными поневолѣ, въ другой говорилось, что Ромодановскому присланъ указъ всю старшину забрать, а весь народъ обратить въ неволю. Универсалы эти были разосланы только на правомъ берегу, на дѣйствіе ихъ за Днѣпромъ Выговскій не разсчитывалъ и только приватными письмами убѣждалъ заднѣпровскихъ полковниковъ стоять съ нимъ заодно. На народъ надежды его уже не распространялись [4]). Между тѣмъ Москва все медлила, только

[1]) Акты, т. IV, № 115, стр. 226.
[2]) Величко, т. I, стр. 365.
[3]) Акты, т. VI, № 115, стр. 226
[4]) Величко, т. I, стр. 366—367.

29 марта Трубецкой перешелъ границу Украины и пришелъ въ Константиновъ; здѣсь онъ имѣлъ свиданіе съ Безпалымъ, пріѣхавшимъ къ нему изъ Ромна, и убѣждалъ его быть вѣрнымъ Москвѣ, совѣтовалъ разсылать по городкамъ, сдавшимся Выговскому, универсалы и удерживать своихъ козаковъ отъ грабежа и насилій. А о Выговскомъ въ это время не было ни слуху, ни духу; единственный его серьезный партизанъ засѣлъ въ Конотопѣ, туда и обратились взоры Трубецкого. Въ это время пріѣхалъ въ станъ отпущенный изъ Москвы Кравченко; воеводы убѣждали его уговорить гетмана и полковниковъ кончить дѣло миромъ. Кравченко уѣхалъ, пообѣщавъ все, что отъ него хотѣли. 16 Апрѣля двинулся Трубецкой къ Конотопу; по пути лежало мѣстечко Смѣлое, здѣсь состоялось первое нападеніе татаръ на московскій таборъ, но безуспѣшно [1]). Между тѣмъ Ромодановскій съ Куракинымъ двинулись тоже къ Конотопу для соединенія съ Трубецкимъ. По дорогѣ, въ мѣстечкѣ Срѣбномъ, засѣлъ прилуцкій полковникъ Дорошенко, Ромодановскій отрядилъ противъ него князя Пожарскаго. Не долго сопротивлялся Дорошенко; послѣ непродолжительной битвы Пожарскій „роспудилъ" его отрядъ, по выраженію лѣтописца, и самого Дорошенка заставилъ спасаться бѣгствомъ по болотамъ. Жители Сребнаго были вырѣзаны до одного человѣка [2]). 18 апрѣля войска приблизились къ Конотопу, 19 число было употреблено для развѣдокъ и 20-го, наконецъ, Конотопъ былъ окруженъ. На предложеніе сдаться отвѣчали изъ города выстрѣлами и обѣщали не сдаваться до послѣдней возможности. Взятые на первой стычкѣ плѣнные показали, что людей съ Гуляницкимъ всего 4.000 человѣкъ, но первый же приступъ показалъ, что ихъ тамъ гораздо больше и что не такъ-то легко взять городъ. Потянулась правильная осада. Недѣли проходили за недѣлями; отъ нечего дѣлать Трубецкой посылалъ въ окрестности отряды завоевывать сдавшіеся Выговскому городки. Такимъ образомъ взята была Борзна, гдѣ сидѣлъ зять Хмельницкаго Золотаренко, была послана экспедиція подъ Нѣжинъ, кончившаяся, впрочемъ, ничѣмъ. А о Выговскомъ нѣтъ и нѣтъ никакихъ извѣстій. Трубецкой въ недоумѣніи, послано двое донскихъ козаковъ разыскивать его съ письмами; до 27-го іюня дѣло не подвинулось ни на шагъ, какъ вдругъ 27-го сторожевыя сотни, расположенныя

---

[1]) Ibid., т. IV, № 115.

[2]) Величко, т. I, стр. 372.

въ деревнѣ Сосновкѣ, подверглись нападенію козаковъ и татаръ [1]). Гдѣ же все это время былъ Выговскій, почему онъ до сихъ поръ не шелъ выручать изъ осады злополучнаго Гуляницкаго? Мы знаемъ уже изъ вышесказаннаго, что онъ не особенно полагался на козаковъ и народъ; уже рада въ октябрѣ прошлаго года показала ему, что надо ждать помощи извнѣ. И вотъ онъ дождался прихода татарскихъ силъ, такъ какъ своихъ козаковъ у него было только 16,000, а татаръ пришло 30,000 [2]), почему до вышеупомянутаго времени его и не было, а какъ только татары пришли, сейчасъ онъ двинулся на выручку. Подъ Шаповаловкою встрѣтилъ его сильный отрядъ московскаго войска, Выговскій его уничтожилъ. Придвинувшись къ Конотопу и обозрѣвъ мѣстность, онъ заранѣе составилъ планъ бытвы. Въ закрытомъ мѣстѣ за рѣкою Сосновкою, въ мѣстѣ, окруженномъ болотами и непроходимыми топями, расположилъ онъ большую часть козацкаго и татарскаго войска. Съ незначительнымъ отрядомъ переправился онъ черезъ рѣку и ударилъ на авангардъ московскаго войска. Небольшого труда стоило Пожарскому опрокинуть Выговскаго, да онъ и не особенно сопротивлялся, отрядъ его началъ отступать за рѣку; Пожарскій по пятамъ преслѣдовалъ его, разсчитывая на видимую незначительность войска; напрасно убѣждали его плѣнные козаки, что это только десятая часть войска; удача подъ Сребнымъ опьяняла его, онъ и слушать не хотѣлъ убѣжденія своихъ товарищей, которые, останавливая его, называли имена татарскихъ предводителей. „Давай ханишку, давай Ширинъ-бея, давай ихъ всѣхъ сюда! Всѣхъ ихъ .... матерей вырубимъ, выплѣнимъ!“ Наступленіе началось. Выговскій все отступалъ, Пожарскій слѣдовалъ по пятамъ. Едва успѣлъ онъ переправиться черезъ топкую, болотистую рѣчку, какъ положеніе перемѣнилось и отступленіе перешло въ наступленіе. Со всѣхъ сторонъ какъ тучи хлынули толпы козаковъ и татаръ; поле укрылось московскими трупами, Сосновка потекла кровью. Въ тылу московскаго войска козаки запрудили рѣчку, и выступившая изъ береговъ вода еще больше увеличила ихъ смятеніе. 30,000 московскихъ людей легло въ этой ужасной битвѣ. Пожарскій и князь Львовъ взяты въ плѣнъ, масса трофеевъ досталась побѣдителямъ. Пожарскій выругалъ хана непечатнымъ словомъ и былъ за это казненъ. „Отозвались ему“,

---

[1]) Акты, т. IV, № 115, стр. 213 - 238.

[2]) Hist. pan Jana-Kaz., т. II, стр. 21.

говоритъ лѣтописецъ, „сребрянскія слёзы“ [1]). Выговскій бросился на обозъ Трубецкого, но тотъ успѣлъ окопаться и нападеніе ничѣмъ не кончилось. 2-го іюня Трубецкой началъ отступать къ границѣ и 10-го благополучно достигъ Путивля [2]). Выговскій не захотѣлъ его преслѣдовать въ московскихъ предѣлахъ. Онъ не довѣрялъ козакамъ и потому не хотѣлъ выступать изъ Украины. По мѣрѣ отступленія къ Днѣпру онъ разорилъ Ромны, Лохвицу, Глинскъ и Константиновъ и подступилъ къ Гадячу; три недѣли безуспѣшно осаждалъ онъ его и, наконецъ, 2-го августа ушелъ за Днѣпръ. Въ то время, когда на Украинѣ разыгрывались неизбѣжныя кровавыя послѣдствія вновь заключеннаго союза съ Польшею, собравшійся въ началѣ апрѣля 1659 года [3]) вальный варшавскій сеймъ показалъ, какъ непроченъ былъ союзъ съ Польшею и какъ неискренно шла она на этомъ союзъ, не будучи въ состояніи другимъ путемъ присоединить Украины. На сеймъ прибыли уполномоченные отъ Украины, во главѣ посольства стоялъ Немиричъ, которому поручено было, какъ человѣку наиболѣе искушенному въ діалектикѣ, говорить передъ панами рѣчь. Въ день торжественнаго пріема, когда послы приняты были въ сенатской залѣ, Немиричъ, выступивъ впередъ, дѣйствительно произнесъ рѣчь, очень кудрявую, въ которой описалъ яркими красками свободу, царящую въ Рѣчи Посполитой, которая собственно и послужила причиной того, что козаки снова рѣшили соединиться съ Польшею. Послѣ рѣчи, которая была покрыта рукоплесканіями, поданы были пункты и послы допущены къ королевской рукѣ. Цѣлый мѣсяцъ продолжались пренія,—оказалось, что въ пунктахъ, предъявленныхъ козаками, оговорены были всѣ статьи, не вполнѣ рѣшенныя во время составленія самого договора: такъ, козаки требовали полнаго уничтоженія Уніи, возврата земель и имѣній, захваченныхъ во время введенія Уніи, для чего должна была быть назначена особая коммиссія; іезуиты должны быть изгнаны изъ предѣловъ Княжества Русскаго; требовалось расширеніе предѣловъ Княжества Русскаго, т. е. присоединеніе воеводствъ—Волынскаго, Подольскаго и Русскаго [4]). Всѣ эти статьи, весьма непріятныя для польскаго самолюбія,

---

[1]) Величко, т. I, стр. 372—375, Hist. pan. Jana-Kaz., т. II.
[2]) Акты, т. IV, № 115, стр. 234.
[3]) Hist. pan. Jana-Kaz, т. II, стр. 25.
[4]) Пам. Кіев. Ком., т. III, отд. 3, стр. 315—328.

особенно статья объ уничтоженіи Уніи и вызвали серьёзныя пренія. Еще раньше, въ самомъ началѣ 1659 года, посланъ былъ Перетятковичъ съ измѣненными согласно желанію короля статьями къ Выговскому, но посольство это осталось безъ успѣха [1]). Теперь, въ виду возникшихъ преній, Беневскій, которому совѣтовали снова ѣхать въ Украину для измѣненія условій особенно относительно уніи [2]), возвысилъ передъ сенаторами свой голосъ и говорилъ въ томъ смыслѣ, что козаки теперь, еще такъ сильны сравнительно съ Речью Посполитой, что слѣдуетъ ихъ сначала приласкать, а затѣмъ уже можно будетъ все измѣнить [3]). Вѣроятно, вслѣдствіе ясно и откровенно высказаннаго взгляда пренія успоколись. Тѣмъ не менѣе составлены измѣненныя статьи для отправки ихъ Выговскому. Хотя въ точности и нельзя сказать, въ чемъ состояли измѣненія въ упомянутыхъ статьяхъ, но, мнѣ кажется, они были серьезны, что можно видѣть изъ слѣдующцаго разсказа человѣка, который возилъ эти статьи. 12 апрѣля отправленъ былъ Перетятковичъ къ Выговскому съ измѣненными статьями, кромѣ того ему была вручена грамота на Кіевское воеводство Выговскому, чтобы, задобрить его. Черезъ 2 недѣли прибылъ онъ въ Чигиринъ, оставляя по дорогѣ въ различныхъ мѣстахъ лошадей, вѣроятно, съ цѣлью скорѣйшей возможности возвращенія въ случаѣ преслѣдованія. Очевидно, посолъ ожидалъ, что измѣненныя статьи вызовутъ большое негодованіе. По пріѣздѣ Выговскій тайно призвалъ его къ себѣ и, прочитавъ привезенныя Перетятковичемъ грамоты, хотя и былъ обрадованъ грамотой на Кіевское воеводство, но потомъ сказалъ: „Ти з моею смертію пріихав". При этихъ словахъ онъ сѣлъ на кровать и заплакалъ. Очевидно, теперь уже онъ началъ сознавать, что далъ сильную ошибку, что все его зданіе построено на пескѣ и должно рухнуть. Потомъ, видя что отступать ему уже невозможно, онъ, упавъ на колѣни, сказалъ: „побачишь, що я зроблю для услуги Речи Посполитои". Въ тотъ же день призвалъ Перетятковича къ себѣ Ковалевскій, самый большой поборникъ Выговскаго, и сказалъ ему: „Пане—брате, зъ уніею-сь пріихавъ—не відаю якъ то воно буде". Черезъ день гетманъ собралъ всѣхъ полковниковъ и старшину, были здѣсь и отецъ его и братъ Данило, и

---

[1]) Объяв. объ услугѣ Рѣчи. Поспол., ст. 13.

[2]) Ibidem.

[3]) Костомаровъ. „Основа" 61 г., кн. 7, стр. 105.

объявилъ имъ о предложеніи Польши; это произвело большую сенсацію. Полковники говорили: „Адже-жъ вже зъ обохъ боківъ присягнули—не сіло, не пало, а вже й одминяти". Гетманъ сказалъ: „я на вашу волю даю, що зхочете, то й учините". Они ему отвѣчали: „Нехай-же, пане гетмане, нехай ся з собою нарадимо". Впродолженіе этого времени, покуда они совѣщались, гетманъ говорилъ, что онъ согласенъ, но между полковниками существуетъ оппозиція и особенно подъ вліяніемъ его отца и брата Данила. Чернь въ городѣ смотрѣла на Перетятковича, по его собственнымъ словамъ, какъ на волка. На третій день снова собралась старшина. Выговскій началъ говорить длинную рѣчь, въ заключеніе которой объявилъ, что онъ отказывается отъ булавы и предлагаетъ имъ выбрать кого пожелаютъ. Тогда вся старшина вскрикнула: „Уховай, Боже, щоб ми то учинити мали, але дійся воля Божа! Об тим тількі прохаемо, щоб у Чигирині, Переяславі, Корсуні и Білоі Церкви не було Уніи". Услыхавъ это, отецъ Выговскаго и Данило встали и, не говоря ни слова, вышли въ другую комнату, а черезъ минуту мать Выговскаго вышла и сказала: „Ивахну, уже-жъ ми поідемо". Гетманъ отвѣчалъ ей съ гнѣвомъ: „ідьте хоть до чорта, вы-бъ ради мене въ ложці води утопити за те, що я васъ панами поробивв". Послѣ этого совѣщанія Перетятковичъ былъ отпущенъ; на обратномъ пути въ дорогѣ настроеніе было настолько враждебно ему, что изъ Смѣлы онъ долженъ былъ спасаться бѣгствомъ. [1]) Такимъ образомъ мы видимъ, что измѣненія были довольно значительны, если могли произвести такое дѣйствіе. Между тѣмъ въ договорѣ, оффиціально утвержденномъ на сеймѣ, статья объ уничтоженіи Уніи продолжала существовать безъ всякихъ измѣненій, что заставляетъ меня утверждать, что Гадячскій договоръ не имѣлъ для Польши значенія ненарушимыхъ условій, а утвержденъ былъ съ предвзятой цѣлью его нарушить и измѣнить. Это между прочимъ ясно сказалось въ приведенной уже рѣчи Беневскаго на сеймѣ. Послѣ утвержденія началась присяга. Присягали король, сенаторы, всѣ члены правительства, а также и козаки. Въ присягѣ былъ одинъ пунктъ, дававшій силу Польшѣ, онъ гласилъ: если мы окажемся противными Гадячской коммиссіи, то теряемъ всѣ права и вольности; а Польша была увѣрена, что такая невѣрность должна была воспослѣ-

---

[9]) Объяв. объ усл. Рѣчи Поспол., стр. 13—18.

довать. Обласканные послы возвратились въ свое новое княжество Русское [1]), а оно пало при самомъ основаніи. Еще во время войны Выговскаго съ московскими войсками многіе города оказались на сторонѣ Москвы; послѣ изгнанія московскаго войска разставлены были „затяжныя" войска по городамъ: Нѣжину, Чернигову и другимъ.—Гадячскій договоръ не былъ понятенъ для большинства народа, да если бы и былъ понятенъ, то это бы не послужило для его популярности: онъ создавалъ новый видъ шляхетства; кромѣ того изгнанные владѣльцы—шляхтичи должны были возвратиться, а права ихъ и отношенія къ жителямъ не были оговорены; между тѣмъ народъ видѣлъ, что вновь совершился союзъ съ ненавистной Польшей, вновь на Украинѣ появились польскія войска, стоянка которыхъ къ тому же была очень тягостна для народа. То тамъ, то здѣсь вспыхивало недовольство. Враги Выговскаго поспѣшили воспользоваться такимъ народнымъ настроеніемъ, чтобы столкнуть Выговскаго и благодаря его паденію, самимъ стать на его мѣсто. Руководителемъ оппозиціи на лѣвомъ берегу сталъ Тимоѳей Цюцюра; другимъ соперникомъ былъ нѣжинскій полковникъ—Василій Золотаренко, желавшій сдѣлаться гетманомъ. Пока что онъ присталъ къ Цюцюрѣ, который хотѣлъ основать свое возвышеніе на угодничествѣ Москвѣ [2]). Цюцюра употребилъ довольно хитрый способъ для уничтоженія приверженцевъ Выговскаго: онъ призывалъ по одному значныхъ переяславскихъ козаковъ, предлагалъ имъ снова пригласить Трубецкого, когда получался отказъ, то Цюцюра велѣлъ связывать отказавшихся и убивать [3]). Между тѣмъ оппозиція выставила кандидатомъ на гетманство Юрія Хмельницкаго. По ихъ наущенію Юрій посылаетъ слугу, Ивана Мартыновича Брюховецкаго, впослѣдствіи гетмана, на запорожье просить сочувствія. Предложеніе его было принято, Запорожцы признали Юрка гетманомъ [4]). Поднѣстряне и Забужане, ближайшіе сосѣди поляковъ, на которыхъ прежде всего долженъ былъ отразиться Гадячскій договоръ, тоже зашевелились: собравшись въ Бряславлѣ на раду, они признали своимъ гетманомъ Юрія Хмельницкаго [5]). Почва ускользаетъ

[1]) Акты, т. IV, № 113 и 114.
[2]) Акты, т. IV, № 115.
[3]) Лѣтопись Величка, т. I, стр. 396.
[4]) Лѣтоп. Самовидца, изд. 1878 г., стр. 59.
[5]) Краткое описаніе Малороссіи, стр. 255

изъ подъ ногъ у Выговскаго; въ ужасѣ бѣжитъ онъ изъ Чигирина, по собственному выраженію, „въ одной сукманкѣ“ въ лагерь къ Андрею Потоцкому. Между тѣмъ въ Нѣжинѣ 1 сентября возмутившіеся посполитые при помощи переяславскихъ козаковъ, посланныхъ Цюцурой, которымъ они отворили ворота, перебили всѣхъ жолнеровъ, тамъ стоявшихъ; ихъ примѣру послѣдовали и другіе города [1]). Бѣжавшій регимeнтарь затяжныхъ войскъ, Юрій Немиричъ, былъ убитъ подъ Свидовцемъ [2]) (нынѣ мѣстечко Козелецкаго уѣзда Черниговъ. губ.). Выговскій рѣшился на послѣднюю отчаянную попытку удержать свою власть. Собравъ на раду подъ Германовкой войско, онъ явился туда подъ прикрытіемъ польскаго отряда и думалъ вернуть себѣ общественныя симпатіи чтеніемъ Гадячскихъ статей. Но не тутъ то было: чтецы— Сулима и Верещака изрублены были разсвирѣпѣвшими козаками, самъ Выговскій едва спасся отъ погибели, прикрытый польскимъ отрядомъ. Старшина на этой радѣ была противъ Выговскаго, боясь слишкомъ сильнаго его возвышенія: изъ зависимаго и выборнаго предводителя онъ дѣлался вдругъ княземъ Русскимъ; кромѣ того многіе старшины лично были противъ него вооружены. Простое козачество, которому обѣщано было при совершеніи договора дворянство, и не получившее его и видѣвшее только, что его получили нѣкоторые по произволу гетмана, чтобы властвовать надъ остальными, было вооружено противъ Выговскаго еще сильнѣе. Всѣ эти причины превратили раду, какъ мы уже сказали, въ междуусобную драку. Выговскій вмѣстѣ съ Андремъ Потоцкимъ двинулся въ Бѣлую Церковь; за нимъ послѣдовали всѣ козаки, бывшіе на радѣ въ Германовкѣ, и невдалекѣ отъ Бѣлой Церкви на Взиньи собрались на новую раду, на которой отрѣшили Выговскаго отъ гетманства, а выбрали гетманомъ Юрія Хмельницкаго. Послали посланцовъ къ Выговскому, чтобъ онъ отдалъ булаву; долго онъ не соглашался, наконецъ вручилъ булаву брату своему Данилу, съ условіемъ оставаться вѣрными королю. Полковники, бывшіе въ числѣ посланцовъ, обѣщали. Вслѣдъ за возвращавшимися послами Андрей Потоцкій послалъ Корчевскаго съ требованіемъ присяги на вѣрность королю, ввода во владѣніе польскихъ помѣщиковъ и выпуска изъ Чигирина жены Выговскаго. Козаки, встрѣтившіе пословъ, вначалѣ очень враждебно настроенные

[1]) Лѣтопись Самовидца, изд. 1878 г., стр. 60.

[2]) Ibidem.

противъ Выговскаго, успокоились, когда узнали, что Выговскій добровольно отказался отъ гетманства. Клейноты были вручены Юрію. Тотъ прежде всего обратился съ вопросомъ, кому желаютъ служить— польскому ли королю или московскому царю. Отвѣтъ получился въ пользу перваго [1]), но отвѣтъ этотъ былъ данъ вслѣдствіе немногочисленности рады, на слѣдующей радѣ оказалось, что большинство было вовсе не на сторонѣ короля. Такимъ образомъ Гадячскій договоръ нарушался самъ собой и давалъ право Польшѣ преслѣдовать козаковъ, какъ измѣнниковъ; это давало новое направленіе козацко-польской борьбѣ.

---

[1]) Пам. Кіев. Ком., т. III, отд. 3, стр. 378—382.

ГЛАВА II.

—

Времена Юрія Хмельницкаго и Павла Тетери.

Мы уже говорили о томъ, что оппозиція, возникшая на лѣвомъ берегу противъ Выговскаго, обратилась къ московской помощи: посланы были просьбы къ Трубецкому снова вступить въ Украину [1]). И дѣйствительно 5 сентября 1659 года Трубецкой вновь выступилъ изъ Путивля и пошелъ по направленію къ Переяславу. На этотъ разъ походъ его имѣлъ видъ тріумфальнаго шествія; изъ Прилукъ, вмѣстѣ съ готовностью присягнуть царю и престолу, присланы Трубецкому нѣмцы, оставленные тамъ Выговскимъ въ качествѣ гарнизона [2]); Борзна, Пирятинъ, Лохвица, Лубны, Ромны и Миргородъ выразили также полную готовность присягнуть царю. Вездѣ по дорогѣ, города открывали Трубецкому ворота и встрѣчали его какъ избавителя съ колокольнымъ звономъ и религіозными процессіями [3]). 15 сентября онъ торжественно вступилъ въ Нѣжинъ, гдѣ его встрѣтили съ такимъ же восторгомъ, какъ и въ другихъ городахъ, а 27-го онъ былъ уже въ Переяславѣ. Весь лѣвый берегъ фактически очутился въ его рукахъ и показалъ, что безусловно отдается подъ покровительство Москвы. По указу Алексѣя Михайловича Трубецкой явился въ Украину для того, чтобы въ его присутствіи состоялась рада, на которой бы про-

---

[1]) Величко, т. I, стр. 396.

[2]) Акты Южн. и Западн. Россіи, т. IV, № 115, стр. 00.

[3]) Акты Южн. и Западн. Россіи, т. IV, № 115, стр. 00.

изошло избраніе гетмана. Рада, по смыслу указа, должна была быть собрана въ Нѣжинѣ, или Переяславѣ. Москва, будто-бы, предоставляла козакамъ выбирать, кого имъ было угодно; не отнималось даже право избрать вновь Выговскаго [1]). Конечно, это была только уловка—Москва отлично понимала, что Выговскій-то ни въ какомъ случаѣ избранъ быть не можетъ. Получивъ письмо изъ-за Днѣпра отъ обознаго Носача и шести заднѣпровскихъ полковниковъ съ извѣстіемъ о томъ, что Хмельницкій готовъ идти на соединеніе съ Москвой, Трубецкой отправилъ къ нему посланца съ увѣщеваніемъ, чтобы онъ, помня образъ дѣйствій своего, блаженной памяти, родителя, также оставался вѣренъ Москвѣ и ея престолу, какъ и покойный Богданъ. Въ тоже время старшина правобережная—о лѣвобережной нечего и говорить, она на дѣлѣ показала свою вѣрность Москвѣ—поняла, что невозможно продолжать союзъ съ Польшей, что нужно идти на соглашеніе съ Москвой, и хотѣла только обдѣлать дѣло такъ, чтобы по возможности оградить свои права и вольности, укрѣпить свою автономію, хотя бы и находясь подъ властью царя Московскаго. Изъ-подъ Бѣлой Церкви, послѣ принятія Юріемъ гетманства, двинулось войско обратно къ Днѣпру. Въ требованіи Корчевскаго, чтобы были введены владѣльцы въ Украину, было отказано ему [2]); да оно и было вполнѣ естественно—это былъ одинъ изъ главныхъ пунктовъ несогласія съ Польшей у народа; но на требованіе выпустить изъ Чигирина жену Выговскаго послѣдовало согласіе, которое, какъ увидимъ дальше, не было тотчасъ же исполнено.

Невдалекѣ отъ Трехтемировскаго монастыря, на обширной долинѣ, называемой Жердева, собралась новая рада, на этотъ разъ болѣе многочисленная [3]). Прежде всего состоялось подтвержденіе избранія Юрія на гетманство; затѣмъ составлены были статьи, на основаніи которыхъ согласны были соединиться съ Москвой. Эти статьи явились той попыткой, которой хотѣла старшина оградить свои права и вольности, чтобы ничего не потерять вслѣдствіе расторженія Гадячскаго договора, столь для нея выгоднаго. Вновь составленныя статьи требовали, прежде всего, выполненія всѣхъ статей Переяславскаго договора Богдана Хмельницкаго. Затѣмъ, на основаніи новыхъ ста-

---

[1]) Костомаровъ, Гетманство Юрія Хмельницкаго, стр. 156.

[2]) Пам. Кіев. Ком., т. III, отд. 3-й.

[3]) Величко, т. I, стр. 399

тей, гетманъ долженъ былъ быть полновластнымъ, но выборнымъ господиномъ; ему и только ему должны были повиноваться всѣ жители войска запорожскаго, а особливо шляхта; онъ имѣлъ право сноситься съ иностранными державами, съ условіемъ чтобы списки со всѣхъ грамотъ и протоколы всѣхъ переговоровъ были отправляемы въ Москву. Избираться гетманъ долженъ былъ вольными голосами, исключительно войсковыхъ людей—никто, кромѣ лицъ, принадлежащихъ войску, не имѣлъ права голоса при гетманскомъ избираніи. Эта статья, конечно, вполнѣ ограждала старшину отъ вторженія въ ея среду какого-бы то ни было представителя истинно народныхъ интересовъ. Въ Украинѣ, ни въ одномъ городѣ, исключая Кіева, не должны стоять царскіе воеводы съ ратными людьми, все пространство Украины должно быть очищено отъ московскихъ войскъ. Никакія донесенія и письма, на которыхъ не было бы гетманской печати, не должны быть принимаемы въ Москвѣ. Должны быть сохранены всѣ права и вольности, дарованныя кѣмъ-бы то ни было съ самыхъ давнихъ временъ, людямъ всѣхъ состояній. На Украинѣ должны быть прощены всѣ тѣ, кто принималъ участіе въ только-что окончившихся смутахъ: должно быть дано полное „непамятозлобіе и запомненіе", какъ гласили статьи. Это, конечно, было необходимо, потому-что почти всѣ чувствовали, что мало кто не былъ замѣшанъ въ этихъ смутахъ". Наконецъ, что касается духовенства, то оно должно было быть подчинено константинопольскому патріарху [1]).

Изъ этихъ статей ясно видно, что старшина хотѣла и стремилась только къ тому, чтобы обезпечить права и преимущества исключительно для себя. Автономія, которую она желала создать, касалась только козачества, которое такимъ образомъ совершенно отрывалось отъ народа и его интересовъ. Такой разрывъ носилъ уже въ себѣ залогъ гибели козачества, которое, оторванное отъ народа и его интересовъ, не могло уже имѣть силы бороться противъ враждебныхъ ему элементовъ. Но старшина сильно ошиблась въ своихъ разсчетахъ, думая что Москва пойдетъ на соглашеніе на тѣхъ условіяхъ, которые она ей предлагала. Трубецкой изъ Переяслава посылалъ одно за другимъ требованія, чтобы Юрій со всей своей старшиной явился въ Переяславъ, гдѣ должна была состояться рада.

---

[1]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. IV, № 115.—Чтеніе въ Импер. Моск. Общ. ист. и древн. 1858 г., книга I, отд. II, стр. 102—103.

Но отправляться туда—значило совершенно отдаться въ руки Москвы. Лѣвый берегъ на дѣлѣ уже показалъ, что пойдетъ безусловно на всякое соглашеніе съ Москвой, такъ что еще въ виду присутствія тамъ сильной московской рати, старшина и козаки, поѣхавшіе туда на раду, были бы совершенно въ рукахъ Трубецкаго. Петръ Дорошенко, отправившись къ Трубецкому со статьями, на основаніи которыхъ желательно было соединеніе съ Москвой, повезъ въ то же время требованіе, чтобы Трубецкой явился на правый берегъ, на раду, долженствовавшую происходить у Трехтемирова монастыря [1]). Но Трубецкому также не выгодно было ѣхать на правый берегъ, на томъ же основаніи, на какомъ и правобережной старшинѣ не выгодно было ѣхать на лѣвый. Онъ отправилъ Дорошенка обратно съ прежнимъ требованіемъ. Но тотъ опять возвратился безъ Юрія и привезъ снова требованіе, чтобы Трубецкой отправился на правый берегъ [2]). Раздосадованный бояринъ оставилъ посланцевъ у себя и послалъ Юрію грамоту съ угрозою, что если онъ не пріѣдетъ; то царскія войска двинутся на правый берегъ противъ непокорныхъ козаковъ, а Шереметеву и Ромодановскому будетъ посланъ указъ двигаться немедленно со всѣми имѣющимися у нихъ ратными людьми туда же [3]). Угроза оказалась дѣйствительнѣе всякихъ увѣщеваній и Хмельницкій извѣстилъ, что онъ прибудетъ въ такомъ случаѣ, если присланы будутъ со стороны Москвы заложники, для того чтобы онъ могъ безопасно перебраться на лѣвый берегъ. Отправленъ былъ Бутурлинъ, да и то не въ качествѣ заложника, а съ порученіемъ привести къ присягѣ правобережныхъ козаковъ, и дано ему было приказаніе до тѣхъ поръ не переѣзжать на правый берегъ, покуда гетманъ и старшины не окажутся на лѣвомъ берегу Днѣпра. Когда Бутурлинъ добрался до Днѣпра, то тутъ снова возникли пререканія, относительно того, кому первому перевозиться: но въ концѣ концовъ Юрій таки переѣхалъ на лѣвый берегъ [4]). Несмотря на самыя настойчивыя требованія Трубецкаго, только весьма немногіе изъ правобережной старшины явились съ Юріемъ; пріѣхалъ только обозный Носачъ, вновь избранный судья Коровченко, да полковники: корсунскій — Яковъ

---

[1]) Акты Южн. и Западн. Россіи, т. IV, № 115.
[2]) Ibidem.
[3]) Собраніе Госуд. грамотъ и док., т. IV, стр. 63.
[4]) Акты Южн. и Западн. Россіи, т. IV, № 115.

Петренко и кальницкій—Иванъ Сирко. Остальные присутствовавшіе въ Переяславѣ на радѣ, черкасскій Андрей Одинецъ и каневскій Яковъ Лизогубъ [1]), были задержаны еще раньше, вмѣстѣ съ бывшимъ прилуцкимъ полковникомъ Дорошенкомъ. Очевидно, правобережная старшина понимала, чѣмъ кончится эта рада, и не желала принимать въ ней участія. Тѣмъ не менѣе Юрій заявилъ, что неявившіеся старшины не пріѣхали потому, что оставлены для обереганья отъ поляковъ и татаръ, и вмѣсто нихъ самъ Хмельницкій долженъ былъ приложить руку на статьяхъ новаго соглашенія [2]). Тотчасъ же по прибытіи гетмана, встрѣченнаго довольно торжественно, Трубецкой велѣлъ Шереметеву и Ромодановскому со всѣми имѣющимися у нихъ войсками спѣшить къ Переяславу [3]). Они явились 13 октября; къ этому же времени собрались всѣ лѣвобережные полковники съ безгласнымъ наказнымъ гетманомъ Безпалымъ и массою простого народа [4]). Такимъ образомъ Юрій и козаки очутились въ рукахъ Трубецкаго. Еще до начала рады, старшина прибывшая съ Юркомъ увидала, что дѣло клонится вовсе не туда, куда она хотѣла; при свиданіи съ Трубецкимъ передъ радой, послѣдній заявилъ о требованіи, чтобы совершенно поступили въ распоряженіе Москвы Новгородъ-Сѣверскій, Стародубъ, Почепъ и Черниговъ [5]). Несмотря на всѣ противорѣчія старшины, Трубецкой остался при своемъ непреклонномъ требованіи. Наконецъ, 17 октября 1659 г. собралась на полѣ за городомъ рада. Юрій, пріѣхавшая съ нимъ старшина и козаки увидали себя окруженными со всѣхъ сторонъ московскими войсками, лѣвобережными полками и массой посполитаго народа, инстинктивно тянувшаго къ Москвѣ. Прежде всего происходили выборы, окончившіеся избраніемъ Юрія, а затѣмъ уже приступили къ чтенію статей, которыя, въ виду описаннаго положенія, пришлось принимать безпрекословно, но которыя были весьма непріятны для козацкаго, а въ особенности старшиннаго самолюбія. Все войско, а также отдѣльные полки должны быть готовы по первому требованію царя идти, куда имъ прикажутъ, а безъ вѣдома царскаго, никакой помощи никому подавать не смѣютъ. Гетманы не имѣютъ права сноситься ни съ какими иностранными державами. Въ

[1]) Чтеніе въ Моск. Общ. ист. и древн. 1858 г., кн. I, отд. II, стр. 106.
[2]) Чтеніе въ Моск. Общ. ист. и древн. 1858 г., кн. I, отд. II, стр. 106.
[3]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. IV, № 115.
[4]) Ibidem.
[5]) Ibidem.

Кіевѣ, Черниговѣ, Нѣжинѣ, Переяславѣ, Браццлавѣ и Умани должны сидѣть московскіе воеводы, причемъ въ Нѣжинѣ и Переяславѣ они будутъ на своихъ кормахъ, а въ остальныхъ будутъ кормиться съ повѣтовъ, для сей цѣли назначенныхъ. Всѣ повинности, правда, возлагаются на посполитыхъ крестьянъ, а козаки отъ нихъ освобождаются. Въ случаѣ же какихъ-нибудь смутъ, гетманъ не имѣетъ права судить своимъ судомъ, а долженъ ждать царскаго чиновника для разбора дѣла. Полковники должны быть выбираемы изъ среды полчанъ и то цѣлой радой, и гетманъ не имѣетъ права разъ выбраннаго полковника смѣнять. Кромѣ того московское привительство требовало вывести козаковъ изъ Бѣлоруссіи, разыскать и возвратить всѣхъ бѣглыхъ крестьянъ изъ великорусскихъ уѣздовъ: Брянскаго, Рыльскаго и Карачевскаго и водворить ихъ на старомъ мѣстѣ жительства. Наконецъ, требовалась выдача всѣхъ Выговскихъ, и, кромѣ того, всѣ причисленные къ Выговскому сторонники: Гуляницкій, Лѣсницкій, Ждановичъ, Самойло Богдановичъ, Зарудный, Германъ и Лобода должны были на вѣчныя времена быть изъяты отъ возможности принимать участіе въ радахъ и какихъ-бы то ни было войсковыхъ дѣлахъ. Относительно статьи, представленной старшинами о томъ, чтобы никакія донесенія и письма, безъ гетманской печати не были принимаемы въ Москвѣ во вниманіе, переяславскія статьи даже не упоминали. Не выгодно было Москвѣ принимать эту статью, потому что и раньше и впослѣдствіи въ Украинѣ у нея была масса добровольныхъ корреспондентовъ, которые, помимо конечно гетмана, доносили обо всемъ, что дѣлается на Украинѣ.

На всѣ эти статьи, конечно, воспослѣдовало согласіе, послѣ чего онѣ были подписаны всей наличной старшиной, а за отсутствующихъ приложилъ руку самъ Юрій [1]). Затѣмъ произведена была присяга [2]) и вручены Юрію гетманскіе клейноты; послѣ чего онъ со всей правобережной старшиной возвратился въ Чигиринъ.

Въ Чигиринѣ, когда стали извѣстны всѣ условія присоединенія, произошли, конечно, сильныя несогласія. Не только возмущены были старые противники Москвы, но встревожились и тѣ, кто былъ за союзъ съ нею. Поднялся ропотъ противъ гетмана и старшины, бывшихъ на радѣ въ

---

[1]) Чтенія 1858 г., т. I, отд. II, стр. 109—114; Собр. госуд грамотъ и догов., т. IV, стр. 54—58.

[2]) Собр. госуд. грам. и догов., т. IV, стр. 59.

Переяславѣ [1]). Переяславскія статьи всю тяжесть различныхъ повинностей возложили на посполитый народъ, а эта мѣра отдѣляла козачество отъ народа и приготовляла ему постепенное разложеніе. Народъ, стихійно стремясь къ слишкомъ большому равенству, покорно подчинялся тому, что на него взваливали. Но старшина не могла потерпѣть такого урона для себя и своихъ выгодъ. Вѣроятно уже тогда у наиболѣе честолюбивыхъ возникла мысль новой измѣны и новаго соединенія съ Польшей, которое и совершилось черезъ годъ. Но тогда уже Польша являлась законодательницей въ этомъ новомъ соглашеніи, такъ что старшина опять мало выиграла, потому что условія, заключенныя ими, да и самое соединеніе съ Польшей вызвали новый протестъ въ средѣ народа. Рѣшили сдѣлать послѣднюю попытку къ мирному соглашенію съ Москвой. На радѣ, собравшейся въ Чигиринѣ, по возвращеніи Хмельницкаго изъ Переяслава, гдѣ читались вновь заключенныя статьи и гдѣ, по свидѣтельству Костомарова, многіе были такъ возмущены, что готовы были тутъ же расторгнуть вынужденный договоръ [2]), было рѣшено немедленно отправить пословъ въ Москву, съ просьбою отмѣны наиболѣе оскорбительныхъ и нарушающихъ козацкія права статей [3]). Въ качествѣ пословъ поѣхали: черкасскій полковникъ Андрей Одинецъ, Петръ Дорошенко и еще нѣсколько незначительныхъ лицъ. Въ ноября мѣсяцѣ 1659 г. отправились они въ Москву и въ инструкціи, данной имъ, строго было приказано стараться объ измѣненіи переяславскихъ статей. Но напрасны были ихъ труды: всѣ ихъ усилія разбились о непреклонную настойчивость московскихъ бояръ. Напрасно старались они добиться того, чтобы воеводы были только въ Переяславѣ и Кіевѣ, чтобы гетману разрѣшено было карать своимъ судомъ измѣнниковъ, чтобы дозволены были сношенія съ иностранными державами, и въ Москвѣ не принимались бы во вниманіе всякія донесенія безъ гетманской печати. Всѣ ихъ просьбы были отклонены боярами, подъ болѣе или менѣе благовидными предлогами. Единственная поблажка, данная козацкимъ посламъ, заключалась въ томъ, что дозволено было двумъ или тремъ козацкимъ уполномоченнымъ, но отнюдь не изъ бывшихъ сторонниковъ Выговскаго, присутствовать на ожидавшемся съѣздѣ съ по-

---

[1]) Величко, т. I, стр. 425.
[2]) Костомаровъ, Полное собраніе сочин., изд. 1872 г., т. XII, стр. 173.
[3]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. V, № 1.

ляками, долженствовавшемъ происходить въ Борисовѣ, для окончательнаго распредѣленія границъ. Да еще уважена была просьба гетмана о томъ, чтобы осужденные за измѣну, Данило Выговскій и другіе, были отпущены, и прощены ихъ вины; гетманъ же былъ обязанъ не допускать ихъ исполнять какія-либо должности и участвовать въ радѣ. Да и эта уступка могла быть исполнена только въ далекомъ будущемъ, такъ какъ сказано было, что указъ объ этомъ выйдетъ лишь тогда, когда Юрій явится самъ въ Москву [1]). Такъ, ничего не добившись, и уѣхали козаки. Неудача ихъ посольства еще болѣе озлобила старшину и еще болѣе укрѣпила въ ней мысль отпасть отъ Москвы, лишь только представится къ тому случай. А случай этотъ представился не далѣе, какъ черезъ годъ. Съ самаго времени лишенія гетманства Выговскій все-таки не унывалъ; весь конецъ 1659 г. онъ провелъ въ дѣятельной перепискѣ съ королемъ и канцлеромъ Рѣчи Посполитой, убѣждая ихъ не отказываться отъ Украины, а пріобрѣсть ее, если ужъ нельзя другимъ путемъ, то хоть силой оружія. Всю вину такого неудачнаго окончанія затѣяннаго имъ дѣла, Выговскій сваливаетъ на польское правительство, которое не озаботилось своевременно прислать ему достаточную военную силу, при помощи которой онъ могъ бы поддержать въ Украинѣ и свой, и польскій авторитетъ [2]). Но тѣмъ не менѣе, унывать нечего,—еще и теперь дѣло легко можно-бы поправить. Выговскій убѣждаетъ короля не затягивать дѣла и сейчасъ же, зимою, двигаться на Украину, пока враги сами не укрѣпились и не вторглись въ предѣлы Польши [3]). „Нечего", писалъ Выговскій, „бояться теперь козацкой силы: въ прошлые годы она ослабѣла волнуясь въ буряхъ междоусобій; самые большіе полки погибли: полтавскій, имѣвшій 40000, миргородскій—30000, прилуцкій и ирклѣвскій уничтожены въ конецъ, а города и села заросли крапивой" [4]). Постоянно ведя такого рода переписку, Выговскій въ тоже время и дѣйствовалъ. Въ началѣ ноября, вмѣстѣ съ обознымъ короннымъ Андреемъ Потоцкимъ и писаремъ Яномъ Сапѣгою, двинулся онъ къ Чигирину, гдѣ еще держался его собственный, нѣмецкій гарнизонъ. Но навстрѣчу имъ вышелъ изъ Кіева Шереметевъ и 26

---

[1]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т, V, № 12.
[2]) Памятн. Кіев. Ком., т. Ш, отд. 3, № 57, 88, 89.
[3]) Памятн. Кіев. Ком., т. Ш, отд. 3, стр. 407, 410, 413, 417.
[4]) Памятн. Кіев. Ком., т. Ш, отд. 3, стр. 405.

ноября, подъ мѣстечкомъ Хмельникомъ, на берегу Буга, разбилъ ихъ на-голову [1]). Остатки польскихъ войскъ отступили къ г. Дубно [2]). Это была, въ 1659 году, послѣдняя попытка Польши вооруженной рукой добиться новаго покоренія Украины. Мы увидимъ, что въ слѣдующемъ году попытки эти возобновились. Между тѣмъ ожидался съѣздъ въ Борисовѣ, и Польша рѣшила попробовать дѣйствовать на Юрка. Поручено это было тому же Беневскому, который такъ удачно велъ дѣло при Выговскимъ. Завязалась переписка. Прежде всего Беневскій старался расшевелить злобу противъ Москвы, указывая на то, какъ она поступила хотя бы съ Даниломъ Выговскимъ, зятемъ Юрія. По словамъ Беневскаго, а потомъ это извѣстіе, хотя и невѣрное, перешло и въ другіе источники, Данило былъ замученъ самымъ варварскимъ образомъ. Затѣмъ Беневскій старается склонить Юрія къ союзу съ Польшею, совѣтуя ему бояться не ея, а Москвы. Но до поры, до времени Юрій оставался вѣренъ Москѣ и писалъ къ Беневскому и расположенному къ Польшѣ митрополиту Діонисію Балабану, что пусть, если хотятъ, вѣдаются съ царемъ, а я, молъ, только что присягнувши, не намѣренъ тотчас же измѣнять. Очевидно, что старшина, руководившая, по моему мнѣнію, Юріемъ, какъ ей было угодно, находила, что еще не время отрываться отъ Москвы; а Юрій, незамѣтно для себя—какъ это всегда бываетъ съ бездарными и слабовольными людьми, былъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ болѣе способныхъ и талантливыхъ людей.

По извѣстію Величка, Польша уполномочила склонить къ союзу съ нею монаха Бузскаго, и онъ будто-бы настолько успѣшно повелъ свое дѣло, что склонилъ „младоумнаго" Юрія къ отпаденію отъ Москвы, но тотъ до поры—до времени таилъ свои планы [3]). Извѣстіе это, хотя и не встрѣчающееся въ другихъ источникахъ, кажется мнѣ довольно достовѣрнымъ, по крайней мѣрѣ дальнѣйшія событія показали, что старшина твердо рѣшила оторваться отъ Москвы.

Въ самомъ началѣ 1660 года открылся съѣздъ въ Борисовѣ, на которомъ должно было быть постановлено окончательное распредѣленіе границъ [4]). Но съѣздѣ этомъ, согласно уступкѣ, сдѣланной

[1]) Портфель г. Карпова (Выписки изъ дѣлъ Малор. Приказа, столбецъ 5843) тетр. 3.

[2]) Памятн. Кіев. Ком.. т. III, отд. 3, стр. 392.

[3]) Величко, т. II, стр. 12.

[4]) Лѣтоп. Самовидца, изд. 1878 г., стр. 61

посламъ, которые были зимой, 1659 года, въ Москвѣ, должны были присутствовать два или три депутата [1]) отъ козацкаго войска [2]). Послами на этотъ съѣздъ отъ войска запорожскаго командированы были Василій Золотаренко, полковникъ нѣжинскій, Федоръ Коробка и Константинъ Матюта [3]). Судя по инструкціи, данной этимъ депутатамъ, границы Малороссіи должды были быть окаймлены рѣками: Горынью, Случью и Бугомъ [4]). Но съѣздъ этотъ не могъ ни къ чему привести. Несомнѣнно должна была возгорѣться война. Виленскій договоръ, продолженіемъ и окончаніемъ котораго былъ Борисовскій съѣздъ, былъ уже нарушенъ поляками посредствомъ гадячскаго договора, потому что они, безъ согласія Москвы приняли подъ свою власть страну, уступленную Москвѣ по договору. Да кромѣ того, Польша конечно не отказалась бы отъ Украины, которую она было уже снова заполучила въ свое владѣніе. Военныя дѣйствія открылись въ Литвѣ. Чарнецкій съ Сапѣгой разбили князя Хованскаго подъ Ляховицами и двинулись противъ князя Долгорукаго, который стоялъ подъ Шкловымъ [5]). Когда вѣсть объ этомъ дошла до Борисова, то съѣздъ распался самъ собой. Между тѣмъ военныя дѣйствія должны были открыться также на югѣ—вѣдь вопросъ о владѣніи Украиной и былъ главнымъ спорнымъ вопросомъ. Въ январѣ мѣсяцѣ кварцяное войско двинулось изъ Дубна къ Кременцу и Збаражу, производя сильныя опустошенія на своемъ пути. Окрестности Олыки, Ковеля, Дубна и Ратна были совершенно опустошены и вся почти Волынь такимъ образомъ очутилась въ рукахъ поляковъ [6]). Чарнецкій разставилъ своихъ солдатъ на зимнія квартиры въ окрестностяхъ Дубна и Ратна. Въ февралѣ мѣсяцѣ Станиславъ Потоцкій и Андрей Потоцкій вторглись въ Подолію. Зима была лютая, ненависть противъ Польши были такъ велика, что крестьяне прятали свои запасы въ ямы, а сами спасались въ крѣпости, гдѣ запирались вмѣстѣ съ козаками. Край совершенно опустѣлъ—польское войско терпѣло страшныя лишенія отъ холода и голода [7]). Наконецъ рѣшено было осадить Могилевъ-

---

[1]) Чтеніе въ Моск. Общ. ист. и древн., 1882 г., кн. I, отд. II, стр. 121.
[2]) Лѣтоп. Самов., изд. 1878 г., стр. 62.
[3]) Чтен. въ Моск. Общ. ист. и древн., 1858 г., кн. I, отд. II, стр. 124.
[4]) Ibidem, 1858 г., кн. I, отд. II, стр. 125.
[5]) Latop. Jerlich, т. II, стр. 27.
[6]) Ibidem, стр. 28.
[7]) Памятн. Кiев. Ком., т. IV, отд. I, стр. 2

Подольскій [1]). Въ Могилевѣ засѣлъ Евстафій Гоголь и миргородскій полковникъ Кирило Андреевъ [2]); съ ними было 8000 козаковъ [3]). На выручку засѣвшимъ двинулся было Ханенко, но остановился въ селѣ Кубличѣ, въ виду многочисленности непріятельскаго войска [4]). Посланный же Шереметевымъ на выручку воевода, князь Козловскій, возвратился, не обнаживъ меча, такъ какъ польское войско отступило въ Польшу, не будучи въ состояніи продолжать войну, при такихъ невозможныхъ условіяхъ [5]). По дорогѣ попробовали было взять Шаргородъ, но и это предпріятіе осталось безъ успѣха. Военныя дѣйствія ограничивались пока мелкими стычками. Польскія силы были раздѣлены и отвлечены войной со Швеціей, которая все еще продолжалась. Татары, заключившіе союзъ съ Польшей, страшно безпокоились, почему она не продолжаетъ военныхъ дѣйствій, письма ихъ начальниковъ свидѣтельствуютъ о томъ, какъ они боялись, чтобы Польша не заключила мира съ Москвой. Очевидно, что ихъ безпокоилъ Борисовскій съѣздъ; да и Выговскій, который былъ главнымъ посредникомъ въ дѣлѣ заключенія мира между Польшей и татарами, тоже пріунылъ. Наконецъ, 23 апрѣля 1660 года, заключенъ былъ при посредствѣ Франціи, миръ со Швеціи въ городѣ Оливѣ и теперь Польша могла располагать всѣми своими силами для борьбы съ Украиной; теперь, кромѣ того, въ эту борьбу вовлечена была и Москва. „Военныя силы, говоритъ іезуитъ Даровскій, всей своей массой направлены были, согласно общему желанію, противъ Украины, чтобы вытѣснить оттуда московитовъ и одолѣть мятежныхъ козаковъ“ [6]). Теперь, дѣйствительно, это было всеобщее желаніе. Раньше, правда, раздавались отдѣльные голоса въ Рѣчи Посполитой о томъ, что лучше заключить миръ съ Москвой, лишь бы она отказалась отъ покровительства козакамъ. Еще въ 1659 году Андрей Потоцкій писалъ королю: „У козаковъ главная цѣль состоитъ въ томъ, чтобы не быть ни подъ властью вашей королевской милости, ни подъ властью царя, и этого они надѣются достигнуть, стращая короля царемъ, а царя королемъ“. Вотъ почему по его мнѣнію, которое раздѣляли и

---

[1]) Jerlich, т. II, стр. 30.
[2]) Акты Южн. и Западн. Рос., т VII, № 104.
[3]) Jerlich, стр. 30.
[4]) Акты Южн. и Западн. Россіи, т. VII, № 104.
[5]) Ibidem.
[6]) Барсуковъ, Родъ Шереметевыхъ, т. V, стр. 369.

его дядя коронный гетманъ Станиславъ Потоцкій и многіе другіе лица Рѣчи Посполитой, слѣдовало непремѣнно заключать миръ съ Москвой, хотя бы даже на невыгодныхъ для Польши условіяхъ, лишь бы она отказалась навсегда отъ покровительства надъ козаками, и чтобы такимъ образомъ Польша легче могла управиться съ ненавистнымъ ей врагомъ [1]). Тотъ же Андрей Потоцкій предлагалъ еще раньше королю проектъ поголовнаго уничтоженія козачества [2]). Очевидно, что новое его мнѣніе было въ связи съ прежнимъ. Теперь же послѣ Оливскаго мира всѣ, даже прежніе поборники мира съ Москвой для болѣе легкаго покоренія Украины, отказались отъ своей идеи.

Въ то же время и Москва дѣятельно приготовлялась къ войнѣ съ Польшей за Украину. При содѣйствіи пріѣхавшаго въ Москву Тимофея Цюцюры, составленъ былъ планъ войны, въ основаніи котораго лежало правило самого Алексѣя Михайловича: „не дать недругу войти съ свои города, чтобъ его встрѣтить въ его землѣ [3]). Очевидно, что Цюцюра и въ Москвѣ умѣлъ внушить такой-же планъ, и дѣйствовать въ такомъ же направленіи, какъ и впослѣдствіи съ Шереметевымъ. На помощь Шереметеву отправлены были два отряда, одинъ сухимъ путемъ, подъ начальствомъ князя Щербатова, а другой водой, подъ начальствомъ сына того же Щербатова [4]). Но прошла весна, а военныя дѣйствія не начинались. Войска собирались медленно; особенно медлили козацкіе старшины. По всей вѣроятности, это было дѣломъ уже созрѣвшаго плана—освободиться отъ московскаго владычества посредствомъ погибели Шереметева, а самимъ присоединиться къ Польшѣ. Иначе я не могу себѣ объяснить всѣхъ дѣйствій козацкихъ. Простые козаки инстинктивно были противъ союза съ Польшей, и убѣдить ихъ мирнымъ путемъ отпасть отъ Москвы и присоединиться къ Польшѣ было невозможно,—необходима была извѣстнаго рода диверсія, и диверсія эта вполнѣ удалась въ Слободищенскомъ дѣлѣ. Во всякомъ случаѣ, до самаго Слободищенскаго дѣла Юрій, покорное орудіе старшины, показывалъ себя вѣрнымъ слугою Москвы; старшины, очевидно, оказались талантливыми подражателями

---

[1]) Памятн. Кіев. Ком., т. III, отд. 3, стр. 300.
[2]) Ibidem. № 71.
[3]) Барсуковъ, Родъ Шеремет., т. V, стр. 270.
[4]) Ibidem, стр. 271.

политики Выговскаго, политики лжи и обмана. Да кромѣ того и сама Москва давала имъ въ руки оружіе—давала возможность вооружать противъ себя не только Юрія, но и простое козачество. Отправляя посланцевъ въ Москву съ перехваченной перепиской Выговскаго съ крымскими агами, Юрій просилъ отпустить плѣннаго Ивана Нечая, зятя своего,—но изъ Москвы отвѣчали, что этого сдѣлать нельзя, въ виду извѣстнаго образа мыслей Нечая, могущихъ оказаться очень вредными въ виду предстоящей войны[1]). Этотъ отказъ, конечно, долженъ былъ оттолкнуть Юрія—сестра вооружала его противъ Москвы; значные козаки роптали противъ переяславскихъ статей; старшина не пропускала ни одного случая, чтобы не поставить Хмельницкому на видъ непочтительное и даже небрежное отношеніе къ себя Шереметева, ратные люди котораго постоянно ссорились съ украинцами; духовенство, въ особенности Діонисій Балабанъ, опасавшійся вторженія Москвы въ духовные дѣла и какъ поборникъ Польши, еще увеличивалъ неудовольствіе противъ москвитянъ. Старшина, раздражая Юрія противъ Москвы, въ то же время вела дѣло такъ, чтобы погубить Шереметева и заставить простыхъ козаковъ, окруженныхъ польской силой, поневолѣ согласиться на соединеніе съ Польшей. Это выяснилось изъ всѣхъ дальнѣйшихъ событій. А злополучный Юрій, сбиваемый съ толку старшиной, вооружаемый сестрой и раздражаемый Шереметевымъ, колебался. Въ свою очередь и Беневскій старался всѣми силами внушить ему, что слѣдуетъ держаться за полы его королевской милости и что въ этомъ его единственное спасеніе; а посланный въ Украину монахъ Бузскій [2]), поселившись въ Чигиринѣ, расточалъ Юрію королевскія ласки и, обѣщая ему милости и награды, склонялъ также на сторону короля. Не трудно угадать, чѣмъ должно было окончиться дѣло, при такомъ положеніи вещей. Снова Польша должна была овладѣть половиной Украины, и на этотъ разъ положеніе ея было гораздо выгоднѣе, чѣмъ во время Выговскаго. Кромѣ сбора войскъ, она дѣятельно вела свою пропаганду на Украинѣ. Такъ же, какъ Беневскій и Бузскій, дѣйствовалъ и Выговскій—онъ началъ употреблять даже подкупы; старшина, и безъ того льнувшая къ Польшѣ, еще болѣе приставала къ ней, руководимая простой алчностью: въ одномъ письмѣ прямо говорилось, что

---

[1]) Акты Южн. и Западн. Россіи, т. V, № 18.

[2]) Костомаровъ, Истор. моногр. и изслѣд., т. XII, стр. 188.

Выговскій собираетъ на свою сторону козаковъ, стараясь привлечь ихъ подкупами и подарками [1]). Кромѣ того, въ Украинѣ появилась масса лазутчиковъ, которые такъ ловко вели дѣло, что черезъ нихъ стали извѣстны Польшѣ всѣ малѣйшія подробности положенія дѣлъ. Польскіе источники передаютъ подробно исторію однаго такого лазутчика, который вкрался въ довѣріе какъ москвичей, такъ и козаковъ. Онъ, будучи полякомъ, зналъ въ совершенствѣ русскій языкъ, прикидывался весельчакомъ, участвовалъ во всѣхъ пирушкахъ и ухитрялся пить вмѣсто водки чистую воду; онъ сдѣлался даже побратимомъ многихъ козаковъ [2]).

Мы уже сказали, что вся весна и часть лѣта прошли въ бездѣйствіи. По извѣстіямъ лѣтописей, въ Петровъ постъ [3]) а по донесенію Хмельницкаго, 7-го іюля [4]), собралась около города Василькова въ урочищѣ Кодачкѣ рада. Относительно этой рады, установилось мнѣніе, принятое и Костомаровымъ, на основаніи свидѣтельства польскихъ источниковъ, что она имѣла характеръ совѣта для рѣшенія вопроса, каковъ долженъ быть планъ военныхъ дѣйствій— оборонительный, или наступательный. Мнѣніе это мнѣ кажется невѣрнымъ: вотъ какъ источники описываютъ эту раду. Первымъ, подававшимъ свое мнѣніе по этому поводу, былъ Тимофей Цюцюра, который высказался въ пользу политики наступательной. Въ рѣчи своей онъ старался больше всего подѣйствовать на Шереметева, человѣка извѣстнаго своимъ болѣзненно-развитымъ самолюбіемъ и самоувѣренностью. Перечисливъ всѣ достоинства устроенныхъ Шереметевымъ московскихъ войскъ, онъ воскликнулъ: „Съ такимъ войскомъ, съ такими силами, какъ можно только ждать и защищаться!“ Далѣе онъ говорилъ о томъ, что поляки страшны только для тѣхъ, кто ихъ боится, а кто не боится, тому не страшны. Онъ приводилъ въ примѣръ козацкія войны послѣднихъ лѣтъ, указывалъ на несогласія, царящія въ Польшѣ, и въ частности даже въ самомъ войскѣ, которому не платятъ жалованья, и заключилъ тѣмъ, что навѣрное „мы не только побьемъ поляковъ, но и короля, и королеву въ полонъ возьмемъ“. Такая рѣчь очень понравилась Шереметеву. Тогда противъ

---

[1]) Барсуковъ, Родъ Шеремет., т. V, стр. 309.
[2]) Zelenevicius, стр. 4; Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, стр. 80; Ann. Pol. Climaet. II.
[3]) Лѣтопись Самовидца, стр. 62.
[4]) Акты Южн. и Западн. Россіи, т. I, № 16.

Цюцюры началъ говорить князь Козловскій. Онъ совершенно расходился во мнѣніи съ этимъ полковникомъ. По его мнѣнію, не слѣдовало идти въ Польшу, а дожидаться прихода польскихъ войскъ въ Украинѣ, гдѣ противъ нихъ, среди укрѣпленныхъ городовъ и замковъ, гораздо легче вести войну, чѣмъ въ чужой странѣ. Козловскій упиралъ, главнымъ образомъ, на сомнительную вѣрность козаковъ, которые своими частыми измѣнами на дѣлѣ показали, какъ мало можно имъ вѣрить, и на неизвѣстность количества и силъ польскаго войска [1]). Но рѣчь его не оказала вліянія тѣмъ болѣе, что другой московскій воевода, князь Щербатовъ, высказался въ пользу похода въ глубь Польши. Далѣе, источники ничего не упоминаютъ о томъ, говорилъ ли гетманъ, или кто-нибудь изъ старшины, на этой радѣ. Если принимать достовѣрность этой рады, то было очень естественно, что старшина молчала. Цюцюра, можетъ быть и самъ того не сознавая, выразилъ ихъ желанія. Но дѣло въ томъ, что все описаніе этой рады кажется мнѣ не совсѣмъ достовѣрнымъ, и вотъ почему: по сообщенію Барсукова, основанному на источникахъ, въ которыхъ сомнѣнія никакого быть не можетъ, планъ веденія войны въ смыслѣ наступательномъ, а не оборонительномъ, былъ еще раньше предрѣшенъ въ Москвѣ [2]), а потому возбуждать этотъ вопросъ на радѣ, а тѣмъ болѣе Козловскому говорить что-нибудь противъ плана, санкціонированнаго верховной властью, было бы несовмѣстно съ московскими понятіями о повиновеніи царю. Да и въ донесеніи Хмельницкаго говорится только о томъ, что рѣшено въ походѣ раздѣлиться на два отряда [3]). Въ источникахъ говорится еще много о неприличныхъ выходкахъ Шереметева относительно Хмельницкаго [4]), и затѣмъ на пиру, бывшемъ на берегу рѣки Лыбеди, передъ походомъ,—но извѣстія эти имѣютъ анекдотическій характеръ, почему я и не нахожу нужнымъ подробно о нихъ говорить. Достовѣрно только то можно сказать, что рѣшено было двинуться двумя путями: Шереметевъ шелъ со всѣми московскими войсками и съ Цюцюрой во главѣ полковъ: переяславскаго, прилуцкаго и кіевскаго [5]); Юрій же Хмельницкій—

---

[1]) Zelenevicius, стр. 7—18; Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, стр. 81—82; Annal. Pol. Clim., II.

[2]) Барсуковъ, Родъ Шеремет., т. V, стр. 270.

[3]) Акты Южн. и Западн. Россіи, т V, № 16.

[4]) Величко, т. II, стр. 13.

[5]) Лѣтопись Самовидца, изд. 1878 г., стр. 62.

съ остальнымъ козацкимъ войскомъ долженъ былъ двигаться на Бердичевъ [1]) и затѣмъ по „Черному шляху" по мѣстности, носившей названіе „Гончариха". Но прошелъ еще цѣлый мѣсяцъ, прежде чѣмъ войска двинулись въ путь. Только въ августѣ выступилъ Шереметевъ изъ Кіева [2]). Относительно количества бывшаго съ нимъ войска источники глаеятъ весма различно. Такъ, польскіе мемуары Зеленевицкаго насчитываютъ у Шереметева, вмѣстѣ съ козаками Цюцюры 61000 человѣкъ [3]); послы Юрія Хмельницкаго показали въ Москвѣ, что съ Шереметевымъ пошло одиннадцать козацкихъ полковъ, а всего войска было 60000 человѣкъ [4]); показаніе это завѣдомо невѣрно уже потому, что съ Шереметевымъ было всего-на-всего три полка козацкихъ. Другія извѣстія польскія говорятъ, что у Шереметева было даже 100000 человѣкъ [5]). Всѣ эти извѣстія, конечно, значительно преувеличены. Изъ донесенія самого Шереметева [6]), которое сходится съ показаніемъ польскаго писаря Яна Сапѣги [7]) и съ оффиціальной реляціей изъ польскаго лагеря [8]), видно, что у Шереметева было 15000 великороссіянъ, да съ Цюцюрою шесть козацкихъ полковъ — всего 35000 человѣкъ. Такое же количество показалъ и Янъ Сапѣга, которому незачѣмъ было скрывать и уменьшать количество непріятельскаго войска; а оффиціальная реляція исчисляетъ войско въ 40000 человѣкъ.

Въ Польшѣ въ это время окончились всѣ пререканія и несогласія. Въ началѣ года войско польское раздѣлено было на два отряда: одинъ, подъ начальствомъ гетмана короннаго Станислава Потоцкаго, стоялъ у Тарнополя, а другой—подъ начальствомъ польнаго гетмана Юрія Любомірскаго, находился еще въ Пруссіи [9]). Войску, находившемуся подъ начальствомъ Любомірскаго, давно уже было неплачено жалованье, что возбуждало ропотъ, такъ что необходимо было произвести уплату, прежде чѣмъ вести войско на новую войну. Но

---

[1]) Лѣтоп. Самовидца, изд. 1878 г., стр. 63.
[2]) Барсуковъ, Родъ Шеремет., т. V, стр. 296.
[3]) Zelenevicius, стр. 24—27.
[4]) Акты Южн. и Западн. Россіи, т. V, № 14, стр. 28.
[5]) По Барсук. Род. Шерем., изд. Darowski—Compendium bel., и Swirski.
[6]) Портфель г-на Карпова, тетр. 14 (Барсуковъ, Родъ Шерем.).
[7]) Памятн. Кіев. Ком., т. IV, отд. III. стр. 66.
[8]) Acta historica resgestas Poloniae illustrantia, vol. II, tomi I, pag. 174.
[9]) Костомаровъ, Истор. Моногр., т. XII, стр. 190.

денегъ въ казнѣ не было—они всѣ были истощены за время только что окончившейся шведской войны. Предположено было побудить сборщиковъ податей скорѣе собрать недоимки [1]), чтобы этимъ способомъ изыскать деньги для уплаты жалованья войску. Но это было лишь одно бумажное распоряженіе. Недоимки взыскать было трудно, да и сборщики, по словамъ Костомарова, любили запускать руку въ общественную кассу. Въ концѣ концовъ, пришлось самимъ панамъ уплатить жалованье войску [2]), послѣ чего Любомірскій повелъ свой отрядъ для соединенія съ войсками Потоцкаго, передвинувшаго ихъ на Волынь. Истощенные прежними трудами жолнеры немного подправились на Волыни, гдѣ мѣстные землевладѣльцы, зная, что войска идутъ противъ козаковъ, принимали ихъ съ распростертыми объятіями, представляя имъ безплатно всякія удобства. Какъ на примѣръ такого пріема, можно указать на пріемъ, оказанный имъ въ Дубнѣ Беневскимъ [3]). Все количество польскаго войска, судя по письму войскового писаря Семена Голуховскаго къ стольнику Ивану Чаадаеву, простиралось до 30000 человѣкъ [4]). Но силы Польши не ограничивались одними польскими войсками—на сторонѣ ея находилась крымская орда, о привлеченіи которой болѣе всѣхъ старался Выговскій. Какъ мы уже говорили, онъ явился главнымъ устроителемъ союза Польши съ Крымомъ. Онъ убѣждалъ канцлера Пражмовскаго, что только при помощи татарскихъ силъ можно нанести московскимъ войскамъ такое пораженіе, какое они уже разъ потерпѣли подъ Конотопомъ [5]). Изъ переписки Выговскаго, перехваченной Юріемъ и отосланной въ Москву, становится яснымъ, что уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ готова была сильная орда идти на помощь польскимъ войскамъ, но что Выговскому никакъ не удавалось убѣдить Польшу принять условія союза, предлагаемаго ей татарами. „Войска наши“, писалъ крымскій ханъ Выговскому около 15 іюля, „уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ стоятъ въ Бѣлѣгородѣ, ожидаютъ вѣдомости; обнищали и сами, наги суть, такъ долго стоячи на мѣстѣ безъ дѣла“ [6]). Ага буджацкихъ татаръ писалъ Выговскому, что нужно какъ можно скорѣе извѣстить,

---

[1]) Zelenevicius, стр. 35—37.
[2]) Костомаровъ, Истор. Моногр., т. XII, стр. 191
[3]) Tagebuch vom Gordon, т. I, стр. 215.
[4]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. V, стр. 41.
[5]) Памятн. Кіев. Ком., т. IV, отд. 3, стр. 12.
[6]) Акты Южн. и Западн. Россіи, т. V, № 14, стр. 29.

согласна ли Польша на союзъ съ Крымомъ, а то невозможно удержать орду, которая, вотъ уже шесть мѣсяцевъ, пребываетъ „на моей головѣ“ [1]). Окончательное соглашеніе съ татарами состоялось въ концѣ іюля, когда дворъ переѣхалъ въ Львовъ по случаю чумы [2]). 26 августа 1660 года двинулись польскія войска въ походъ [3]). Возлѣ Чернаго Острова произошло соединеніе съ татарскими силами. Дѣло было 30 августа [4]). Количество прибывшей орды равнялось 40000 человѣкъ подъ начальствомъ Нурадинъ-султана и Сафетъ-Гирея [5]). Кромѣ этихъ 40000, явились еще цѣлыя полчища татаръ, на обязанности которыхъ лежало: пасти лошадей, оберегать добычу и, вообще, исполнять разныя службы [6]).

1-го сентября соединенныя войска двинулись въ путь отъ Чернаго Острова и 7-го остановились въ Староконстантиновѣ. Здѣсь вернулся посланный на рекогносцировку ротмистръ Кржесинскій съ пойманными языками [7]), которыхъ онъ захватилъ въ мѣстечкѣ Пяткахъ, недалеко отъ Бердичева. Языки показали, что Шереметевъ съ войскомъ въ 80000 человѣкъ двигается къ Чуднову и что въ войскѣ всѣ предводители увѣрены, что у Потоцкаго всего 6000 человѣкъ, Любомірскій находится далеко за Вислою, а о татарахъ вовсе не знаютъ [8]). 9-го сентября войско двинулось дальше на встрѣчу врагамъ, и когда миновали невдалекѣ отъ Любара Старую корчму, то оба предводителя взъѣхавъ на возвышенность, откуда открывался видъ на полторы мили въ окружности, завидѣли людей, которые шныряли между кустарниками, около Любара. Посланный на развѣдки отрядъ донесъ, что это непріятельское войско [9]). Между тѣмъ, какъ мы уже сказали, Шереметевъ двинулся въ походъ только 6-го августа; это произошло потому, что войска собирались къ нему очень медленно, хотя и „писано о томъ имъ было дважды“ [10]). Юрій Хмельницкій уговаривая Ше-

---

[1]) Ibidem, стр. 30.
[2]) Барсуковъ, Родъ Шеремет., т. V, стр. 311
[3]) Grabowsky, Oyczyste Spomin, т. I, стр. 141.
[4]) Ibidem.
[5]) Ibidem.
[6]) Барсуковъ, Родъ Шеремет., т. V, стр. 312.
[7]) Grabowsky, Oyczyste Spom., т. I, стр. 145.
[8]) Ibidem.
[9]) Ibidem, стр, 146.
[10]) Барсуковъ, Родъ Шереметев., т. V, 295. (Госуд. арх. столб. прик. тайн. дѣл., № 166, 279.

реметева какъ можно скорѣе идти противъ враговъ, самъ отговаривался отъ похода тѣмъ, что „итить ему недосугъ: управливается съ домашними непріятели“ [1]). Кто были эти домашніе непріятели—неизвѣстно; очевидно это былъ планъ старшины выпустить Шереметева одного на поляковъ, а самимъ до поры, до времени ждать, чѣмъ дѣло окончится. Ужъ послѣ выступленія, 8-го августа, въ Васильковѣ, Шереметевъ получилъ новое письмо отъ Хмельницкаго, въ которомъ онъ торопилъ его какъ можно скорѣе идти на враговъ, чтобы не допустить ихъ войти въ Украину [2]), а самъ, между тѣмъ, не двигался съ мѣста. 15 августа Шереметевъ находился уже подъ Котельнею, гдѣ съ нимъ соединился князь Козловскій, пришедшій изъ Умани [3]). Свѣдѣнія московскихъ военачальниковъ о количествѣ непріятельскаго войска и о мѣстѣ его пребыванія были самыя превратныя; о Хмельницкомъ не было никакихъ извѣстій, между тѣмъ, какъ ему давно слѣдовало приблизиться къ мѣсту соединенія, Слободищамъ. Посланный Шереметевымъ на развѣддки отрядъ, вмѣсто Хмельницкаго, встрѣтилъ у мѣстечка Пятки, не вдалекѣ отъ Бердичева, извѣстный уже намъ отрядъ ротмистра Кржесинскаго, и послѣ недолгой стычки, московскимъ людямъ удалось взять нѣсколько языковъ, отъ которыхъ Шереметевъ впервые узналъ, что къ полякомъ присоединились татары; да и то языки показали неправильную цифру пришедшій орды, всего 20000 [4]). Между тѣмъ, 6 сентября получено было Шереметевымъ вновь отъ Хмельницкаго письмо, въ которомъ тотъ увѣщевалъ его какъ можно скорѣе идти къ Межибожу, чтобы не допустить соединенія поляковъ съ татарами, а самъ гетманъ присоединится къ московскому войску тамъ же [5]). Того же числа Шереметевъ выступилъ къ Межибожу, надѣясь соединиться тамъ съ Хмельницкимъ. Въ Чудновѣ, 12 сентября, Шереметевъ получилъ письмо изъ Бара отъ Ханенка, Зеленскаго—полковника брацлавскаго, Гоголя—полковника подольскаго и Вершелецкаго—полковника кальницкаго, въ которомъ сообщалось, что вышепоименованные полковники стоятъ подъ Маковцами, въ 25 верстахъ отъ Межибожа и ожидаютъ только извѣстія отъ Шереметева, чтобы двинуться туда и вмѣстѣ съ московскими вой-

---

[1]) Ibidem, стр. 293.

[2]) Портфель г-на Карпова, тстр. I (Барсук., Родъ Шерем., т. V, стр. 299).

[3]) Барсуковъ, Родъ Шеремет., т. V, стр. 300.

[4]) Портф. г-на Карпова, тетр. I (Барсук., Родъ Шерем., т. V, стр. 317).

[5]) Ibidem, стр. 318.

сками ударить на поляковъ [1]). Всѣ эти обстоятельства, а именно: нежеланіе Хмельницкаго идти совмѣстно въ походъ, невѣрныя свѣдѣнія, получаемыя Шереметевымъ, наконецъ два послѣднія извѣстія, завѣдомо невѣрныя, дозволяютъ предполагать, что у старшины былъ нарочито составленный планъ погубить Шереметева, а самимъ, будто бы по неволѣ, будучи принужденными къ тому несчастными обстоятельствами, соединиться снова съ Польшею. А между тѣмъ, когда Шереметевъ получилъ послѣднее письмо, польское войско находилось отъ него всего въ 20 верстахъ, и черезъ два дня должно было произойти первое столкновеніе. Польское войско, послѣ военнаго совѣта, бывшаго 9-го сентября, двинулось по Гончарихѣ [2]) въ боевомъ порядкѣ [3]). Шереметевъ же, все еще не теряя надежды соединиться съ Хмельницкимъ въ Межибожѣ, думалъ пройти между Любаромъ и Краснополемъ, но когда узналъ, что поляки находятся уже на Гончарскихъ поляхъ, то двинулся 14 сентября прямо къ Любару [4]). Авангардъ его арміи былъ замѣченъ польскими военачальниками съ могилы на шляху. Первое столкновеніе произошло въ тотъ-же день на урочищѣ Шкуратовкѣ, недоходя пяти верстъ до Любара. Самъ Шереметевъ, донося царю объ этомъ сраженіи, не говоритъ о томъ, кто побѣдилъ, а говоритъ только, что онъ удержалъ за собой поле битвы и началъ тамъ строить окопы [5]). Вопреки донесенію Шереметева, что въ этомъ сраженіи участвовало все войско, польскіе источники сообщаютъ, что были только отдѣльные польскіе отряды въ соединеніи съ татарами [6]). Которое изъ этихъ извѣстій болѣе вѣрно—не берусь рѣшать.

На другой день Шереметевъ началъ окапываться; онъ хотѣлъ было отступать къ Любару, но помѣшалъ ему въ томъ сильный дождь [7]). Все складывалось такъ, что мѣшало Шереметеву и стѣсняло его дѣйствія. Послѣ необычайно жаркаго лѣта, настала сразу осенняя не-

---

[1]) Портфель г. Карпова (Баарсуковъ, т. V, стр. 321.

[2]) Костомаровъ, Истор. мон. и изслѣд., т. XII, стр. 193.

[3]) „Гончарихою" называлось плоскогоріе, раздѣляющее бассейны Ю. Буга и Припяти, тянущееся на западъ отъ Бердичева и къ югу отъ Стараго Константинова.

[4]) Барсуковъ, т. V, стр. 323.

[5]) Ibidem, стр. 324.

[6]) Grabowsky, Oyczyste Spom., т. I, стр. 145; Zelenevicius, стр. 47; Hist. pan. Jna-Kaz., т. II, стр. 86. Annal. Pol. Clim., II, стр. 415.

[7]) Барсуковъ, т. V, стр. 325.

погода. Проливные дожди испортили и разгрязнили всѣ дороги до того, что невозможно было ѣхать, даже въ простой телѣгѣ, налегкѣ. Еще наканунѣ, послѣ первой стычкѣ, поляки поймали какого-то начальнаго московскаго человѣка и отъ него узнали, что москвичи рѣшили окапываться [1]). На слѣдующее утро въ польскомъ лагерѣ собрался военный совѣтъ, на которомъ рѣшено было отложить до слѣдующаго дня генеральный приступъ, въ виду того, что благодаря распутицѣ не всѣ еще войска находились въ сборѣ [2]). А между тѣмъ въ московскомъ лагерѣ, подъ градомъ польскихъ выстрѣловъ, дѣятельно велись земляныя работы. Днемъ и ночью трудились ратные люди надъ насыпкою валовъ и впродолженіи ночи 15 сентября достигли того, что на утро валъ, насыпанный ими, казался полякамъ недоступнымъ [3]). 16 сентября съ утра началась сильная канонада. Поляки приступили было къ обозу, но ничего не могли сдѣлать: стойко защищались московскіе люди [4]). Въ то же время и изъ лагеря отвѣчали выстрѣлами, которые причиняли сильный вредъ въ польскихъ рядахъ. Когда гетманы пожелали было проѣхаться по рядамъ, то одинъ мурза посовѣтовалъ имъ убираться подобру—поздорову [5]) Шереметевъ вышелъ было изъ лагеря и ударилъ на правое крыло польской арміи, но не могъ долго продолжать своей вылазки и отступилъ въ порядкѣ въ свой лагерь [6]). Вслѣдъ за нимъ бросились на окопы польскія хоругви [7]), а съ лѣваго крыла была сдѣлана удачная аттака на шанцы, насыпанные козаками [8]). Здѣсь отличился генералъ Эрнестъ Гротгаузъ; онъ загналъ козаковъ въ лагерь, заставилъ ихъ очистить три шанца, но долго тамъ удержаться не могъ и принужденъ былъ отступить [9]). Ночь прекратила военныя дѣйствія. Потянулись долгіе дни, впродолженіи которыхъ не происходило никакихъ рѣшительныхъ сраженій, а время тянулось, прерываемое постоянными вылазками со стороны москвичей, а незначительными герцами.

---

[1]) Костомаровъ, т. XII, стр. 193.
[2]) Grabowsky, Oyczyste Spom., т. I, стр. 147.
[3]) Барсуковъ, т. V, стр. 326.
[4]) Histor. pan. Jana-Kaz., т. II, стр. 86. Annal. Pol. Clim., II, стр. 465.
[5]) Grabowsky, Oyczyste Spom., т. I, стр. 148.
[6]) Ibibem, стр. 147,
[7]) Zelenevicius, стр. 55.
[8]) Grabowsky, Oyczyste Spom., т. I, стр. 148.
[9]) Zelenevicius, стр. 55. Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, стр. 87.

Перебѣжчики изъ московскаго лагеря доносили, что между козаками и московскими людьми существуютъ несогласія; Шереметевъ настолько не довѣряетъ козакамъ, что посреди обоза велѣлъ насыпать валъ, отдѣляющій его обозъ отъ стана, гдѣ расположились козаки [1]). Польскіе военачальники вздумали воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы побудить козаковъ отстать отъ московскаго войска и тѣмъ совершенно обезсилить Шереметева. Обдѣлать это дѣло поручено было Стефану Немиричу, брату убитаго Юрія [2]). Тотъ написалъ письмо, которое было доставлено въ лагерь къ козакамъ Цюцюры. Въ письмѣ этомъ онъ прежде всего напиралъ на то, что онъ самъ по происхожденію козакъ, и поэтому желаетъ только добра козакамъ. Затѣмъ убѣждалъ ихъ оставить московскія войска, говоря, что пока они будутъ въ соединеніи съ Шереметевымъ, ихъ будутъ убивать, брать въ плѣнъ—дома ихъ будутъ подвергаться раззоренію; сравнивалъ то, что дала имъ Москва, съ тѣмъ, что можетъ дать польское правительство, и въ концѣ концовъ убѣждалъ бросить лагерь и идти съ поляками [3]).

Письмо это было прочтено среди козаковъ, и хотя открыто никто не рѣшался измѣнить и уйти изъ стана [4]), но отдѣльныя части козацкаго войска по одиночкѣ, а иногда и цѣлыми толпами или убѣгали въ польскій лагерь, или пробирались, болотами и лѣсами, къ себѣ на родину [5]), и тамъ разсказывали о бѣдственномъ положеніи Шереметева. Съ другой стороны и Шереметевъ не остался въ долгу у поляковъ. Онъ попробовалъ было склонить къ измѣнѣ Нурадинъ-Султана. Посланъ былъ къ нему плѣнный татаринъ [6]), который предлагалъ Нурадину богатые подарки [7]), и, по словамъ одного источника, даже тройную сумму противъ той, которую обѣщали поляки [8]), лишь бы только султанъ отступилъ отъ польскаго войска. Отвѣта на это не воспослѣдовало; а Нурадинъ перехватилъ посланнаго къ Хмельницкому Шереметевымъ гонца, и, отрѣзавъ ему уши и носъ, повѣсилъ

---

[1]) Hist. Pan. Jana-Kaz., т. II, стр. 87; Annal. Pol. Clim., II, стр. 467.
[2]) Annal. Polon. Climaet, II, 466; Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, стр. 87.
[3]) Zelenevicius, стр. 60—70.
[4]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. I, стр. 87; Annal. Pol. Clim., II, стр. 466.
[5]) Zelenevicius, стр. 70.
[6]) Grabowsky, т. I, стр. 148.
[7]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, стр. 86; Ann. Pol. Climaet. II, стр. 467.
[8]) Grabowsky, т. I, стр. 149.

съ прибитымъ ко лбу письмомъ, противъ обоза [1]). Шереметевъ понялъ, что нечего ему надѣяться на измѣну татаръ. Между тѣмъ, положеніе его ухудшалось съ каждымъ днемъ. Польскіе войска съ трехъ сторонъ тѣснымъ кольцомъ окружили московскій таборъ и безпрерывной пальбой не давали москвичамъ ни минуты отдыха. Никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій не препринималось ни съ той, ни съ другой стороны. Два раза козаки Цюцюры ходили на вылазку, но были отбиты. А Шереметевъ все ждалъ Хмельницкаго. 19 сентябри онъ получилъ письмо, что Хмельницкій находится въ 90 верстахъ отъ его стана, въ селѣ Бузовкѣ [2]). Съ его приходомъ Шереметевъ думалъ сдѣлать нападеніе на польскій лагерь. Но напрасны были его надежды: дни проходили за днями, а Хмельницкій не показывался. Въ станѣ началъ ощущаться недостатокъ даже въ конскихъ кормахъ. Всѣ дороги такъ густо были заняты татарскими отрядами, что даже гонца невозможно было выслать [3]). Для фуражировки, 19 сентября, вышелъ изъ московскаго стана трехтысячный отрядъ, но напавшіе на него татары заставили, съ большимъ урономъ, возвратиться въ таборъ [4]). А кольцо непріятельскихъ войскъ стягивалось все тѣснѣе и тѣснѣе съ каждымъ днемъ; для простой фуражировки, для того, чтобы добыть немного дровъ, необходимо было выходить въ полномъ боевомъ порядкѣ. 21 и 22 сентября были сдѣланы такія вылазки, но каждый разъ поляки прогоняли своихъ враговъ, съ большимъ урономъ, обратно въ таборъ [5]). Наконецъ татары принялись выжигать сѣно и рощи вокругъ табора, такъ что этимъ уничтожалась всякая возможность добывать фуражъ; надо было подумать о томъ, чтобы куда-нибудь двинуться. Въ послѣдніе дни, передъ началомъ своего отступленія, Шереметевъ постоянными вылазками, большею частью ночными, безпокоилъ поляковъ [6]). Два раза онъ пытался даже, пользуясь указаніями перебѣжчиковъ, напасть врасплохъ на польскій станъ, но попытка эта не удалась [7]); тогда онъ началъ готовиться къ отступленію. Между тѣмъ въ польскомъ лагерѣ отлично знали, когда Ше-

---

[1]) Барсуковъ, т. V, стр. 334.
[2]) Ibidem, стр. 332.
[3]) Барсуковъ, т. V, стр. 333.
[4]) Ibidem.
[5]) Ibidem, стр. 388.
[6]) Grabowsky, т. I, стр. 149.
[7]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, стр. 88.

ремстевъ начнетъ свое отступленіе. Какой-то драгунскій офицеръ, родомъ еврей, — перебѣжчикъ, извѣстилъ обо всемъ [1]), такъ что польское войско было наготовѣ пуститься по пятамъ отступающаго врага [2]). На разсвѣтѣ 26 сентября началось отступленіе. Ратные люди сравняли позади табора валъ, насыпанный ими [3]), и подъ проливнымъ дождемъ, въ полномъ порядкѣ, войско начало отступать по направленію къ Чуднову. Отступленіе совершалось въ такомъ образцовомъ порядкѣ, что даже сами враги приходили въ восторгъ отъ такого примѣрнаго мужества и стойкости и хвалили Шереметева, какъ великаго полководца [4]). Между тѣмъ польское войско готовилось идти вслѣдъ за врагомъ. Передъ выступленіемъ, военачальники, по словамъ Зеленевицкаго, обратились, подобно древнимъ императорамъ, къ войскамъ своимъ съ воодушевляющей рѣчью [5]). Они говорили, что настало время возвратить богатую и плодоносную страну, Украину, отнятую безъ всякаго права у Рѣчи Посполитой, что слѣдуетъ имъ, вѣрнымъ сынамъ католической церкви, постоять за честь ихъ вѣры, которая терпитъ ущербъ отъ возвышенія греческой схизмы. Возбужденные жолнеры отвѣчали, что готовы положить свои головы за вѣру и отечество. Польскіе военачальники, зная уже объ отступленіи войскъ непріятельскихъ, составили заранѣе планъ, по которому должны были быть расположены войска во время преслѣдованія [6]).

Шереметевъ такъ искусно построилъ свой обозъ, что онъ имѣлъ видъ движущейся крѣпости [7]). Впереди отступающихъ шли посланные Шереметевымъ люди съ топорами, мотыками и тому подобными орудіями, чтобы прочищать дорогу, такъ какъ надо было проходить черезъ довольно густой лѣсъ; передовые люди расчищали этотъ лѣсъ и равняли дорогу [8]). Поляки, кинувшіеся за ними, раздѣлили свое войско такъ: Потоцкій поскакалъ съ главными силами въ обходъ Шереметеву, чтобы ударить на него съ фронта, а Любомирскій долженъ былъ напасть на него съ тылу и съ лѣвой стороны [9]). Еще передъ

---

[1]) Gordon, т. I, стр. 219.
[2]) Ibidem.
[3]) Ibidem.
[4]) Zelenevicius, стр. 82.
[5]) Ibidem, стр. 74—78.
[6]) Костомаровъ, т. XII, стр. 197.
[7]) Annal. Pol. Clim., стр. 469.
[8]) Hist. Pan. Jana-Kaz., т. I, стр. 88.
[9]) Барсуковъ, т. V, стр. 353.

съ прибитымъ ко лбу письмомъ, противъ обоза [1]). Шереметевъ понялъ, что нечего ему надѣяться на измѣну татаръ. Между тѣмъ, положеніе его ухудшалось съ каждымъ днемъ. Польскіе войска съ трехъ сторонъ тѣснымъ кольцомъ окружили московскій таборъ и безпрерывной пальбой не давали москвичамъ ни минуты отдыха. Никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій не препринималось ни съ той, ни съ другой стороны. Два раза козаки Цюцюры ходили на вылазку, но были отбиты. А Шереметевъ все ждалъ Хмельницкаго. 19 сентябри онъ получилъ письмо, что Хмельницкій находится въ 90 верстахъ отъ его стана, въ селѣ Бузовкѣ [2]). Съ его приходомъ Шереметевъ думалъ сдѣлать нападеніе на польскій лагерь. Но напрасны были его надежды: дни проходили за днями, а Хмельницкій не показывался. Въ станѣ началъ ощущаться недостатокъ даже въ конскихъ кормахъ. Всѣ дороги такъ густо были заняты татарскими отрядами, что даже гонца невозможно было выслать [3]). Для фуражировки, 19 сентября, вышелъ изъ московскаго стана трехтысячный отрядъ, но напавшіе на него татары заставили, съ большимъ урономъ, возвратиться въ таборъ [4]). А кольцо непріятельскихъ войскъ стягивалось все тѣснѣе и тѣснѣе съ каждымъ днемъ; для простой фуражировки, для того, чтобы добыть немного дровъ, необходимо было выходить въ полномъ боевомъ порядкѣ. 21 и 22 сентября были сдѣланы такія вылазки, но каждый разъ поляки прогоняли своихъ враговъ, съ большимъ урономъ, обратно въ таборъ [5]). Наконецъ татары принялись выжигать сѣно и рощи вокругъ табора, такъ что этимъ уничтожалась всякая возможность добывать фуражъ; надо было подумать о томъ, чтобы куда-нибудь двинуться. Въ послѣдніе дни, передъ началомъ своего отступленія, Шереметевъ постоянными вылазками, большею частью ночными, безпокоилъ поляковъ [6]). Два раза онъ пытался даже, пользуясь указаніями перебѣжчиковъ, напасть врасплохъ на польскій станъ, но попытка эта не удалась [7]); тогда онъ началъ готовиться къ отступленію. Между тѣмъ въ польскомъ лагерѣ отлично знали, когда Ше-

---

[1]) Барсуковъ, т. V, стр. 334.
[2]) Ibidem, стр. 332.
[3]) Барсуковъ, т. V, стр. 333.
[4]) Ibidem.
[5]) Ibidem, стр. 388.
[6]) Grabowsky, т. I, стр. 149.
[7]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, стр. 88.

враговъ уже не было передъ ними [1]). Но несмотря на то, что польское войско было страшно истомлено трудами вчерашняго дня, предводители рѣшили не давать врагу опомниться и раннимъ утромъ бросились за нимъ въ погоню [2]). Шереметевъ, войдя въ Чудновъ, переправилъ войско свое черезъ Тетеревъ, рѣчку, протекающую у этого городка; самый городокъ былъ сожженъ, а замокъ оставленъ Шереметевымъ [3]). Это была большая съ его стороны ошибка. Поляки тотчасъ-же заняли городокъ и замокъ, который занималъ возвышенное, сравнительно съ Шереметевскимъ лагеремъ, мѣсто, откуда, какъ на ладони, было видно все, что дѣлается въ непріятельскомъ станѣ [4]). Поляки втащили въ замокъ пушки и палили въ лагерь [5]); они окружили лагерь со всѣхъ сторонъ; татары бродили по равнинѣ и не выпускали живой души выйти изъ лагеря [6]). Тамъ начался голодъ [7]). Кромѣ того день и ночь шли дожди, такъ что лошади и люди стояли по колѣни въ грязи. Теперь поляки не особенно и напирали на обозъ; они ограничивались одной канонадой, видя неминуемую гибель Шереметева, окруженнаго непріятелемъ со всѣхъ сторонъ и не имѣющаго совершенно никакихъ запасовъ. Наконецъ, Шереметевъ не выдержалъ и сдѣлалъ одну вылазку, при помощи которой добылъ нѣсколько запасовъ, хотя и вылазка эта сопровождалась страшнымъ боемъ [8]). Такъ прошло время вплоть до 6-го октября. У поляковъ явилась мысль отвести русло Тетерева и такимъ образомъ лишить московское войско воды; главнымъ руководителемъ въ этомъ дѣлѣ былъ Янъ Сапѣга [9]). Вдругъ татары привели плѣнныхъ козаковъ, которые показали, что Хмельницкій, съ сильнымъ войскомъ, идетъ на помощь Шереметеву [10]). Послѣ совѣщанія поляки рѣшили, чтобы вся пѣхота и артиллерія съ частью татаръ оставалась и держала Шереметева въ осадѣ, а осталь-

---

[1]) Костомаровъ, т. XII, стр. 199

[2]) Костомаровъ, т. XII, стр. 199.

[3]) Gordon, стр. 224.

[4]) Костомаровъ, т. XII, стр, 201.

[5]) Ibidem.

[6]) Ibidem.

[7]) Барсуковъ, т. V, стр. 367.

[8]) Zelenevicius, стр. 100; Grabowski. т. I, стр. 154.

[9]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, стр. 91; Annal. pol. Clim., II, стр. 472; Zelenevicius, стр. 108.

[10]) Ibidem.

ное войско, гдѣ находился и Выговскій со своимъ полкомъ [1]), должно было двинуться противъ Юрка [2]).

Между тѣмъ Хмельницкій двигался медленно; его окружали люди, готовые каждую минуту соединиться съ Польшей: то были все благопріятели Гадячскаго договора, осужденные Москвой на вѣчное изгнаніе изъ запорожскаго войска: Гуляницкій, Лѣсницкій, Махержинскій [3]), и др. Уже самое ихъ присутствіе въ войскѣ было нарушеніемъ Переяславскихъ статей. Да и въ самомъ дѣлѣ—какъ могли люди, осужденные Москвой на банницію, искренно относиться къ ея дѣлу и направлять безхарактернаго Юрія дѣйствовать въ ея пользу. Но въ то же время поспольство, простые козаки, инстинктивно были противъ союза съ Польшею. Еще прежде, языки, показавшіе въ польскомъ станѣ о приближеніи Хмельницкаго, говорили; „старшина и Хмельницкій хотѣли бы съ вами соединиться, да поспольство не хочетъ. Присягнули биться за москаля до послѣдняго!“ [4]). При такомъ положеніи дѣлъ, волей-неволей приходилось вести войско противъ козаковъ. Тѣмъ не менѣе, старшины, по моему мнѣнію, заранѣе были увѣрены, чѣмъ окончится эта исторія. Не могли они не знать, въ какомъ положеніи находится Шереметевъ: козаки, бѣжавшіе отъ Цюцюры, разнесли по всей Украинѣ вѣсть о его безвыходномъ положеніи [5]). Только одна быстрая помощь могла спасти Шереметева, а потому медленность, съ которою двигалось козацкое войско, ничѣмъ инымъ объяснена быть не можетъ, какъ желаніемъ окончательно погубить Шереметева, а самимъ, попавши будто случайно въ безвыходное положеніе, соединиться съ поляками.

Въ то время, какъ подъ Чудновымъ Шереметевъ терпѣлъ невыносимыя лишенія, таборъ козацкій достигъ Слободищъ, небольшого мѣстечка невдалекѣ отъ Чуднова и здѣсь расположилъ свой обозъ въ очень удобномъ мѣстѣ. Козаки стали на узкомъ пригоркѣ; съ одной стороны тянулась длинная, болотисто-вязкая долина, съ другой—раскинулись развалины мѣстечка. Остатки погребовъ, пивныхъ, бревна и различный мусоръ преграждали свободный доступъ къ козацкому ла-

---

[1]) Zelenevicius, стр. 114.
[2]) Annal. Pol. Clim, стр. 472; Grabowski, т. I, стр. 156.
[3]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, стр. 93; Annal. Pol. Clim., II, стр. 475.
[4]) Костомаровъ, Ист. мон. и изслѣд., т. XII, стр. 202.
[5]) Zelenevicius, стр. 70.

герю. Дорога, пролегавшая отъ города къ горѣ, гдѣ расположился козацкій таборъ, была настолько узка, что только трое всадниковъ могли по ней проѣхать [1]). 7-го октября поляки, подъ начальствомъ Любомирскаго, двинувшіеся изъ лагеря подъ Чудновымъ, неожиданно наткнулись на козацкій таборъ. Любомирскій не далъ времени, чтобы вступить въ какіе либо переговоры, а тотчасъ же на слѣдующее утро повелъ свое войско противъ козаковъ [2]). Хотя онъ, говоритъ Костомаровъ, и зналъ, что Хмельницкій и старшина вовсе не желаютъ помогать Шереметеву, но зналъ также и то, что простые козаки ненавидятъ поляковъ и готовы всегда измѣнить Рѣчи Посполитой, а потому хотѣлъ повести дѣло такъ, чтобы можно было законнымъ образомъ уничтожить Гадячскій договоръ, говоря, что козаки оружіемъ поляковъ потеряли свои права, пріобрѣтенныя ими отъ поляковъ силой своего оружія [3]). Построивъ свое войско въ боевой порядокъ, Любомирскій обратился къ своимъ жолнерамъ съ краткой рѣчью, въ которой побуждалъ ихъ отнять у козаковъ ихъ дворянскія права, чтобы козаки кровью смыли съ себя свое дворянское званіе [4]). Послѣ этого войска двинулись на приступъ. Лѣвое крыло польскаго войска сильно ударило на козацкіе шанцы, сломило отпоръ козаковъ и, ворвавшись въ таборъ, дошло даже до палатки Хмельницкаго [5]). Но тутъ козаки, собравшись съ силами, оттѣснили поляковъ и выгнали изъ лагеря [6]). На правомъ крылѣ дѣло шло не такъ счастливо. Несмотря на храбрость предводителя—Яна Собѣсскаго и на отчаянный приступъ, поляки принуждены были отступить съ большимъ урономъ, при чемъ пало очень много офицеровъ, даже изъ знатныхъ фамилій [7]). Предпріятіе Любомирскаго сразу сломить козацкую силу—не удалось; но въ козацкомъ лагерѣ дѣло само собой наладилось въ пользу поляковъ. Тамъ поднялась неописуемая неурядица. Старшины спорили, обвиняли Юрія [8]) и довели несчастнаго гетмана до того, что онъ въ отчаяніи

---

[1]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, стр. 92; Annal. Pol. Clim., II, стр. 473.

[2]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, стр. 92; Annal. Pol. Clim., II, стр. 474. Zelenevicius, стр. 147.

[3]) Костомаровъ, Истор. моногр. и изслѣд., т. XII, стр. 203.

[4]) Annal. Pol. Clim., II, стр. 474.

) Histor. pan. Jana-Kaz., т. II, стр. 93.

[6]) Ibidem.

[7]) Grabowski, Oyczyste Spom., т. I, стр. 156; Hist. pan. Jana-Kaz, т. II, стр. 94; Annal. Pol. Clim., II, стр. 476.

[8]) Костомаровъ, т. XII, стр. 204.

кричалъ: „Пойду въ чернецы, если только Богъ выведетъ меня изъ этого пекла! За что я одинъ буду отвѣчать за то, что другіе поступаютъ вѣроломно“ [1]). Услыхавъ о такихъ его словахъ, всѣ старшины собрались и Лѣсницкій сказалъ ему: „Послѣ будемъ думать о чернечествѣ, теперь подумать надо, какъ выпутаться изъ этого положенія. Остается намъ только просить милости поляковъ, а москали пусть сами раздѣлываются съ ними, какъ знаютъ“ [2]). Его поддерживалъ Носачъ, говоря, что Богъ, очевидно, помогаетъ полякамъ, а потому въ виду спасенія души слѣдуетъ имъ покориться [3]). Поспольство, ненавидѣвшее поляковъ, не соглашалось на союзъ съ Польшей и требовало, чтобы отправлены были посланцы къ Нурадинъ-султану съ предложеніемъ подчиниться Крымскому хану. Старшины исполнили желаніе черни, но посольство не имѣло никакого успѣха: Нурадинъ отдалъ письмо козаковъ Любомирскому, за что получилъ достодолжное вознагражденіе [4]). Находясь въ такомъ безвыходнымъ положеніи, козаки послали въ польскій лагерь для переговоровъ Дорошенка [5]). И въ то же время старшины отправили къ Шереметеву нѣкоего Мороза съ извѣстіемъ, что на нихъ напали поляки, и съ просьбой пододвинуться къ нимъ на помощь, къ мѣстечку Пяткамъ [6]). Сдѣлано это было для того, чтобы окончательно погубить Шереметева: вѣдь слишкомъ хорошо было извѣстно его безвыходное положеніе въ защищенномъ таборѣ, тѣмъ болѣе затруднительно было движеніе въ открытомъ полѣ. Между тѣмъ Дорошенко, допущенный къ Любомирскому, началъ говорить, что козаки явились не съ тѣмъ, чтобы помогать Шереметеву, а чтобы заставить Цюцюру покинуть московскій таборъ. Поэтому онъ удивляется, отчего поляки на нихъ нападаютъ [7]). Любомирскій довольно высокомѣрно отнесся къ козацкимъ посламъ. Тогда Дорошенко сказалъ ему: „Примите насъ, панъ гетманъ, въ лоно отечества, а то если будете нападать на насъ, то мы имѣемъ самопалы и сабли, и отчаяніе придастъ намъ мужества [8]). Смотрите, какъ бы

---

[1]) Hist. pan. Jana-Kaz., т II, стр. 95; Annal. Pol. Clim, II, стр. 477.
[2]) Annal. Pol. Clim., II, стр. 477.
[3]) Zelenevicius, стр. 124—125.
[4]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, стр. 95; Zelenevicius, стр. 126.
[5]) Ibidem, стр. 96, Annal. Pol. Clim., II, стр. 478.
[6]) Grabowski, т. II, стр. 157.
[7]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, стр. 96; Ann. Pol. Clim. II, стр 478.
[8]) Ibidem.

не выскочилъ изъ нашего оружія такой огонь, отъ котораго всѣ ваши надежды на побѣду станутъ дымомъ„ [1]). Пріѣхавшій на совѣщаніе Нурадинъ сразу принялъ на себя роль посредника между козаками и поляками [2]). Онъ началъ убѣждать Любомирскаго, что необходимо уважить просьбу козаковъ и принять ихъ вновь въ лоно Рѣчи Посполитой: „не стоитъ дразнить этихъ пчелъ", сказалъ онъ въ заключеніе, „лучше получать съ нихъ медъ. Самое выгодное--соединясь съ ними, угостить на славу непрошеннаго гостя, москаля" [3]). Любомирскій сдѣлалъ видъ, что только слова Нурадина убѣдили его; но въ то же время онъ всячески старался показать свою силу и могущество, чтобы заставить козаковъ заключить наиболѣе выгодныя для Польши условія [4]). Вотъ его слова: „Хотя козаки, за ихъ частые мятежи и измѣны Рѣчи Посполитой, и достойны того, чтобы ихъ карать, но я имѣю милостивое приказаніе короля Яна-Казимира; притомъ просьба Нурадинъ-султана заставляетъ меня прекратить военныя дѣйствія и помириться съ вами. Пусть Нурадинъ-султанъ, поручитель и ходатай за козаковъ, обяжетъ ихъ не бунтовать противъ Рѣчи Посполитой [5]). Нурадинъ ударилъ себя въ грудь и клялся, что козаки будетъ вѣрны Польшѣ. Затѣмъ, выхвативъ саблю, онъ подбѣжалъ къ Дорошенку и сказалъ: „Вотъ этой самой саблей нашъ татарскій ханъ будетъ мстить вамъ, если вы вздумаете еще разъ измѣнить Рѣчи Посполитой [6]).

Кто бы могъ подумать, что черезъ 6 лѣтъ эта самая сабля, вмѣстѣ съ Дорошенковой, обратится на погибель Рѣчи Посполитой, въ вѣрности которой онъ теперь заставлялъ клясться козаковъ. Любомирскій отпустилъ Дорошенка съ тѣмъ, чтобы были присланы коммиссары къ коронному гетману, а самъ двинулся на соединеніе съ оставленнымъ войскомъ [7]).

Между тѣмъ положеніе Шереметева съ каждымъ днемъ ухудшалось. Голодъ одолѣвалъ ратныхъ людей, не хватало пороху отстрѣливаться отъ безпрерывной канонады поляковъ. Лошади и люди

---

[1]) Annal. Pol. Clim., II, 479.
[2]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, стр. 96.
[3]) Annal. Pol. Clim., II, стр. 479.
[4]) Костомаровъ, т. XII, стр. 206.
[5]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, стр. 96
[6]) Ibidem, стр. 97.
[7]) Zelenevicius, стр. 126.

мерли сотнями въ обозѣ; трупы, которыхъ некуда было выбросить, распространяли въ лагерѣ невыносимый смрадъ [1]). Кромѣ того, ночью морозъ заставлялъ коченѣть ратныхъ людей, а днемъ лили непрерывные дожди, такъ что люди стояли по колѣни въ грязи. Надо было на что-нибудь рѣшаться. Уже два раза пробирался къ Шереметеву посланный Хмельницкимъ козакъ Морозъ и приглашалъ отступить къ Пяткѣ, для соединенія съ козацкимъ войскомъ [2]). Уже 13 октября поляки, черезъ перебѣжчика козака, знали, что Шереметевъ рѣшился на дальнѣйшее отступленіе и потому весь день и всю ночь напролетъ стояла одна дивизія на стражѣ [3]). 14 октября на разсвѣтѣ Шереметевъ снова выступилъ изъ лагеря въ полномъ порядкѣ [4]). За ночь ратные люди успѣли сравнять съ землею часть вала и въ образовавшееся отверстіе таборъ вышелъ въ поле [5]). Не успѣли москвичи пройти нѣсколько сотъ шаговъ, какъ на нихъ со всѣхъ сторонъ ударили поляки [6]). Польскіе копейщики болѣе всего имъ вредили: ихъ копья пронизывали навылетъ по два и по три человѣка заразъ [7]). Но воины отбивались безстрашно, продолжая въ то же время идти впередъ. Московскіе люди умирали съ полнымъ презрѣніемъ къ смерти, а поляки все-таки не могли разорвать все продолжавшій двигаться таборъ. На пути попалась разрушенная деревушка, возлѣ которой былъ прудъ; но плотина на немъ была прорвана и вода разлилась по лугу; грязь была такъ велика, что даже одной телѣгѣ двигаться было трудно, не то что цѣлому обозу [8]). Москвичи собрали всѣ свои силы и наперли на враговъ такъ, что очистили себя дорогу и выбрались на болѣе сухое мѣсто [9]). Но вдругъ, говоритъ очевидецъ, справа заиграла „султанская музыка“ [10]), и татары густымъ роемъ ринулись на таборъ. Туча стрѣлъ полетѣла въ глаза неустрашимымъ русскимъ. Поправились и поляки. Изъ табора отвѣчали такимъ гу-

---

[1]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, стр. 97; Zelenevicius, стр. 127.
[2]) Grabowski, Oyczyste Spom., т. I, стр. 157.
[3]) Ibidem.
[4]) Ibidem.
[5]) Gordon, т. I, стр. 239.
[6]) Grabowski, т. I, стр. 157; Zelenevicius, стр. 128.
[7]) Zelenevicius, стр. 129
[8]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, стр. 98.
[9]) Ibidem; Annal. Pol. Clim., II, стр. 481.
[10]) Grabowski, т. I, стр. 157.

стымъ огнемъ, что онъ имѣлъ видъ огненнаго дождя. Наконецъ таборъ распался. Поляки и татары ворвались въ середину и начали тащить оттуда возы, пушки и т. д. Татары, добравшись до телѣгъ съ денежными ящиками, предались грабежу [1]). Тогда русскіе, собравъ послѣднія силы, вытѣснили поляковъ изъ табора, бросили часть оторваннаго обоза и подъ непрерывнымъ градомъ ядеръ, которыми ихъ угощалъ Вульфъ, начальникъ польской артиллеріи [2]), они снова сомкнули ряды и, отступивъ къ лѣсу, находившемуся вблизи, стали окапываться [3]). Нѣсколько сотъ козаковъ пустились бѣжать черезъ лѣсъ, но татары ихъ всѣхъ переловили [4]). Побѣдителямъ досталась богатая добыча [5]). Много пало русскихъ: по одному извѣстію 1500 [6]), а по другому—до 3000 [7]). Но не менѣе значительны были и потери поляковъ [8]). Хотя они и побѣдили, но побѣда эта досталась имъ слишкомъ дорого. Чтобы отрѣзать путь оступающему войску, посланъ былъ къ мѣстечку Пяткамъ отрядъ, подъ начальствомъ Константина Вишневецкаго [9]).

Въ лагерѣ Хмельницкаго слышали канонаду [10]). Тамъ послѣ посылки Дорошенка не предпринималось пока ничего новаго; очевидно, большинство простыхъ козаковъ было все еще противъ подчиненія Польшѣ, но когда достигла туда вѣсть о пораженіи московскаго войска, то всѣ увидали, что волей-неволей приходится покориться ненавистной Польшѣ. 15 октября явились въ польскій лагерь коммиссары отъ Хмельницкаго и всего войска [11]). Когда они представились коронному гетману, прежде всего ихъ спросили, почему они послѣ Гадячскаго договора снова поддались Москвѣ? На это они отвѣчали: что когда, на основаніи Гадячскихъ статей, король нобилитовалъ только нѣкоторыхъ козаковъ, то въ козачествѣ возгорѣ-

---

[1]) Барсуковъ, т. V, стр. 387.
[2]) Grabowski, т. I, стр. 159.
[3]) Костомаровъ, т. XII, стр. 208.
[4]) Grabowski, т. I, стр. 159.
[5]) Ibidem.
[6]) Gordon, т. I, стр. 241.
[6]) Grabowski, т, I, стр. 159.
[7]) Gordon, т. I, стр. 241.
[8]) Grabowski, т. I, стр. 160.
[9]) Ibidem.
[10]) Ibidem.
[11]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, 98.

лась зависть. Не получившіе шляхетства стали досадовать, что прежній побратимъ вдругъ сдѣлался паномъ, и вотъ, на зло одинъ другому, они и предались москалямъ [1]). На основаніи этого отвѣта паны рѣшили, что княжество русское несообразно съ козацкими понятіями о правахъ и свободѣ, а потому Гадячскій договоръ долженъ быть сохраненъ, но уничтожена должна быть статья о княжествѣ русскомъ [2]). Оставить же Гадячскій договоръ, уничтоживъ въ немъ статью о княжествѣ русскомъ, это, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Костомаровъ [3]), значило лишить самый договоръ его сущности, потому что статьей о княжествѣ русскомъ создавалась федеративная связь Руси съ Польшей, а безъ этой и всѣхъ, изъ нея вытекающихъ, статей Гадячскій договоръ мало чѣмъ измѣнялъ прежнее положеніе вещей на Украинѣ и ставилъ козачество въ разрядъ простаго военнаго сословія, составлявшаго часть войскъ Рѣчи Посполитой. Такимъ образомъ, козачество совершенно отдѣлялось отъ народа и его интересовъ, и не имѣя внутри себя никакихъ связующихъ элементовъ гражданственности, да къ тому же совершенно, можно сказать, деморализованное, не могло поддерживать дальнѣйшей борьбы съ Польшей, которая должна была вновь возникнуть, и обречено было на распаденіе и гибель—что съ нимъ и случилось. Коммиссарами со стороны Польши были: брацлавскій воевода князь Михаилъ Чарторыжскій, хорунжій Янъ Собѣсскій и другіе [4]). Договоръ заключенъ былъ на слѣдующихъ условіяхъ: гетманы утверждали Гадячскій договоръ съ тѣмъ только, чтобы уничтожены были всѣ статьи, касающіяся княжества русскаго. Гетманъ козацкій со всѣмъ своимъ войскомъ отрекался отъ повиновенія царю московскому и долженъ былъ обратить свое оружіе, вмѣстѣ съ поляками, къ уничтоженію Шереметева. Съ своей стороны поляки прощали Цюцюру, если онъ по первому приказанію гетмана оставитъ таборъ Шереметева. Также полки нѣжинскій и черниговскій должны были немедленно оставить московскій лагерь. Въ случаѣ же неповиновенія, козаки должны дѣйствовать противъ нихъ, какъ противъ непріятеля. Гетманъ обязывался усмирять оружіемъ всякую попытку къ возстанію противъ Польши, если бы оно возгорѣлось на Украинѣ или въ Запорожьи. Наконецъ установлены были границы Крымскаго

[1]) Ibidem, стр. 99; Annal. Pol. Clim., 482.
[2]) Костомаровъ, т. XII, стр. 209.
[3]) Барсуковъ, т. V, стр. 393.
[4]) Ibidem.

ханства, которое козаки не смѣли тревожить, какъ союзное Рѣчи Посполитой [1]). Особенно въ этомъ договорѣ гибельна была для козачества статья объ усмиреніи возстаній. Статья эта порождала междоусобныя войны на Украинѣ и возводила ихъ въ законъ. Междоусобія ослабляли и безъ того уже слабыя силы Украины и подрывали въ народѣ авторитетъ козачества.

Тотчасъ же по заключенію договора посланы были въ козацкій лагерь князь Константинъ Вишневецкій и сендомирскій стольникъ Шомовскій, для приведенія къ присягѣ козаковъ [2]). Въ тотъ же день вечеромъ прибылъ и Хмельницкій въ лагерь къ полякамъ. Гетманы встрѣтили его очень радушно и съ большимъ уваженіемъ. На другой день совершена была съ обѣихъ сторонъ присяга [3]). Польскіе гетманы произнесли короткую присягу о соблюденіи статей Гадячскаго и Чудновскаго договоровъ [4]). Присяга же Хмельницкаго и всего козацкаго войска была болѣе подробна; въ этой присягѣ поименованы были всѣ главные пункты новаго Чудновскаго договора [5]). Послѣ присяги гетманы пригласили Юрія и прибывшихъ съ нимъ полковниковъ на пиръ, на которомъ угощали его съ большимъ вниманіемъ. Въ езуитской реляціи къ папѣ сохранилось подробное описаніе этого пира [6]). Къ Цюцюрѣ посланъ былъ приказъ немедленно выступить изъ Шереметевскаго лагеря и соединиться съ польско-козацкимъ войскомъ [7]). Въ то же время Юрій вытребовалъ у гетмановъ обѣщаніе, что Цюцюра съ козаками безопасно пройдетъ изъ московскаго лагеря [8]). 21 октября, по данному сигналу, Цюцюра вышелъ изъ своего табора и направился къ польскому. Вдругъ на него налетаютъ татары. Напрасно Цюцюра кричалъ, что онъ союзникъ поляковъ, напрасно и поляки убѣждали, что Нурадинъ обѣщалъ козакамъ безопасность [9]),—татары не унимались; они убили и захватили въ плѣнъ до 200 человѣкъ [10]), часть

---

[1]) Памятн. Кіев. Ком., т. IV, отд. 3, стр. 17—24; Hist pan. Jana-Kaz. Annal. Pol. Clim.

[2]) Grabowski, т. I, стр. 160.

[3]) Theiner, Memoires d'Archiv de Vatican, стр. 40.

[4]) Ibldem, стр. 39.

[5]) Ibidem.

[6]) Theiner, стр 40.

[7]) Ibidem.

[8]) Костомаровъ. т. XII, стр. 211.

[9]) Zelenevicius, стр. 154.

[10]) Grabowski, стр. 161.

повернула обратно въ московскій таборъ, и только 2000 человѣкъ съ Цюцюрой достигли польскаго лагеря [1]), да и то явились туда, по выраженію очевидца, „ut Adam in paradisum“ [2]). У Шереметева угасла послѣдняя надежда на спасеніе, такъ какъ положеніе его войска дошло до послѣдней крайности. Дольше терпѣть было невозможно. Силы человѣческія не въ состояніи были перенести тѣ лишенія и невзгоды, которыя одолѣвали злополучное московское войско. Въ виду такого ужаснаго положенія, Шереметевъ рѣшился вступить въ переговоры [3]), Ему отвѣчали: пусть онъ назначаетъ коммиссаровъ, а поляки также, съ своей стороны, назначутъ [4]). На утро съѣхались коммиссары; со стороны Польши Константинъ Вишневецкій, бѣльскій воевода, Бѣневскій, черниговскій воевода, и Шомовскій, староста сендомирскій, а со стороны москвичей—Козловскій, Щербатый и Акинфовъ [5]). Въ первые дни переговоры ни къ чему не привели. Татары показывали видъ, что вовсе не желаютъ мириться съ Москвой [6]). А тутъ московскимъ людямъ блеснула вдругъ надежда. Князь Юрій Барятинскій вышелъ изъ Кіева на помощь Шереметеву. Съ нимъ было всего 7000 человѣкъ [7]). Когда онъ дошелъ до Брусилова, то жители встрѣтили его выстрѣлами и не пустили въ городъ [8]). Тогда Барятинскій, узнавъ, что Хмельницкій измѣнилъ и соединился съ поляками, повернулъ обратно въ Кіевъ [9]); да и что онъ могъ сдѣлать съ такимъ незначительнымъ отрядомъ.

Послѣдняя надежда исчезла у москвичей. Когда коммиссары въ слѣдующій разъ съѣхались, то московскіе уполномоченные не предлагали уже никакихъ условій, а просили только смиловаться надъ ними Христа ради [10]). Бѣневскій, отъ лица всѣхъ коммиссаровъ, прочелъ московскимъ уполномоченнымъ нравоученіе, что они по заслугамъ наказаны, и затѣмъ потребовалъ, чтобы Москва отступилась отъ ко-

---

[1]) Gordon, стр. 245.

[2]) Theiner, стр. 41.

[3]) Grabowski, т. I, стр. 161.

[4]) Ibidem.

[5]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, стр. 100; Annal. Pol. Clim., II, стр. 485; Grabowski, т. I, 162. Zelenevicins, 159.

[6]) Grabowski, т. I, стр. 162.

[7]) Барсуковъ, т. V. стр. 414.

[8]) Grabowski, т. I, 162.

[9]) Ibidem.

[10]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, стр. 101.

заковъ и вывела бы свои войска изъ украинскихъ городовъ. На этомъ условіи имъ даруется жизнь и свободное возвращеніе домой, но безъ оружія [1]). Хотя это и были требованія, которыхъ Шереметевъ выполнить не могъ, но обстоятельства принуждали его согласиться,—и заключенъ былъ договоръ въ слѣдующемъ смыслѣ: всѣ московскія войска должны выйти изъ лагеря и положить оружіе. Изъ всѣхъ городовъ, гдѣ находятся царскія войска, они должны выйти въ Путивль, а пока не выйдутъ, Шереметевъ съ боярами останутся заложниками въ польскомъ лагерѣ, и все войско будетъ стоять въ Кіевскомъ воеводствѣ. Отъ козаковъ Москва должна отступиться совершенно и тѣ козаки, которые остались еще въ московскомъ таборѣ, должны сложить оружіе у ногъ польскихъ гетмановъ и находиться въ ихъ распоряженіи. Когда царскіе гарнизоны выйдутъ изъ Украина, тогда и войско будетъ отпущено; по дорогѣ никто ихъ не тронетъ, а ихъ ручное оружіе будетъ имъ вручено у стѣнъ Путивля; пушки же останутся побѣдителямъ [2]).

Тотчасъ по заключеніи договора, Шереметевъ написалъ Барятинскому, чтобы онъ самъ вышелъ изъ Кіева и вывелъ изъ другихъ городовъ гарнизоны [3]). Но Барятинскій не послушался его, и говорятъ, что получивши письмо, онъ сказалъ: „Мнѣ царь приказываетъ, а не Шереметевъ; много на Москвѣ Шереметевыхъ“ [4]). Между тѣмъ татары, не получивъ никакой добычи,—роптали. Нурадинъ, созвавъ своихъ мурзъ на совѣщаніе, рѣшилъ, что Польша измѣняетъ данному слову, входя въ союзъ съ Москвою [5]). Немного успокоились они, когда 3-го ноября захватили въ плѣнъ всѣхъ оставшихся въ московскомъ таборѣ козаковъ, которые вышли, чтобы положить оружіе [6]). 4-го ноября московское войско вышло изъ лагеря и складывало оружіе передъ Немиричемъ, который, сидя на бѣломъ конѣ, въ роскошномъ одѣяньи, изображалъ собой особу Яна-Казимира [7]). Другіе коммиссары, въ обозѣ отбирали у побѣжденныхъ московитовъ пушки. Послѣ этой церемоніи Шереметевъ съ боярами явился въ польскій обозъ. Раньше

---

[1]) Ibidem.
[2]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. V, стр. 40, № 21; Grabowski, т. I, стр. 163—164.
[3]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. V, № 21, стр. 39.
[4]) Барсуковъ, т. V, стр. 436.
[5]) Zelenevicius, стр. 158.
[6]) Theiner, стр. 42; Grabowski, т. I, стр. 162.
[7]) Hist. Pan. Jana-Kaz., т. II, стр. 102.

столь высокомѣрный, воевода не скрывалъ теперь своего отчаянія: всю вину своего пораженія онъ сваливалъ на козаковъ и, главнымъ образомъ, на Цюцюру [1]). Его отчаяніе было столь велико, что онъ даже ничего не ѣлъ, а выпилъ только полъ рюмки вина.

Между тѣмъ татары, успокоенные было тѣмъ, что имъ удалось захватить въ плѣнъ козаковъ, снова начали роптать, что не они получили добычи. Ропотъ поднялся и среди жолнеровъ, которымъ при началѣ похода обѣщаны были разныя блага, а въ концѣ концовъ они ничего не получили [2]). Нурадинъ-султанъ сталъ прямо требовать, чтобы ему отдали московскій обозъ, въ противномъ случаѣ онъ угрожалъ написать султану Калгѣ: „у него, говорилъ онъ, 30000 войска, а стоитъ онъ на границѣ Польши" [3]). Для охраны московскаго обоза, польскіе предводители послали стражу [4]). Тутъ уже жолнеры совершенно возмутились. Ночью собрался совѣтъ, на которомъ болѣе благородные изъ польскихъ военачальниковъ говорили, что нужно изыскать средство оберечь московскій обозъ, а то какъ бы не случилось такъ, какъ съ Ракочіемъ, обозъ котораго вопреки договору орда разграбила, и это легло чернымъ пятномъ на польскій народъ. Другіе, напротивъ, говорили, что несправедливо и жалко обижать орду; она вѣдь ничего не получила, а между тѣмъ перенесла много, чтобы помочь Польшѣ. Да кромѣ того Калга-султанъ можетъ надѣлать много бѣды. Лучше отдать татарамъ московскій таборъ. Послѣднее мнѣніе одержало верхъ, и было послано сказать татарамъ, что московскій обозъ въ ихъ власти. Отрядъ, посланный для охраны, получилъ приказаніе возвратиться. Татары съ жадностью бросились на московскій таборъ. Кто сопротивлялся, того убивали безъ пощады. Кто валялся въ ногахъ у татаръ, прося пощады, того брали въ неволю. Въ одну минуту весь таборъ былъ разграбленъ. Шереметева отдали Нурадинъ-султану [5]). Такъ окончился этотъ злополучный походъ.

Коронный гетманъ двинулъ войска свои въ Польшу по направленію къ Подгайцамъ [6]), а Любомирскій пошелъ въ Украину. Остановившись около Коростышева, онъ расквартировалъ свое войско по

---

[1]) Grabowski, т. I, стр. 163.
[2]) Костомаровъ, т. XII, стр. 218.
[3]) Hist. pan. Jna-Kaz., т. II, стр. 102.
[4]) Ibidem.
[5]) Ibidem, стр. 103—104; Annal. Pol. Clim., II, стр. 488—489.
[6]) Jerlich, т. II, стр. 58.

всей Украинѣ [1]). Козаки двинулись къ Корсуню, а татарскіе загоны разсыпались по Украинѣ, раззоряя и сожигая села и уводя въ плѣнъ жителей. Козаки старались отбиваться отъ нихъ—но безуспѣшно. Наконецъ, татары наткнулись на сильный отрядъ запорожцевъ, шедшій изъ Сѣчи на помощь Шереметеву. Произошла битва. Татары были разбиты. Запорожцы освободили массу плѣнныхъ, но дальше не пошли: цѣль ихъ похода была устранена. Они повернули въ Венгрію [2]). Между тѣмъ на Украинѣ въ виду всѣхъ происшедшихъ событій, вновь присоединившихъ ее къ Польшѣ, умы пришли въ волненіе. Народъ инстинктивно отвращался отъ союза съ Рѣчью Посполитой. Квартированіе войска давило всей своей тяжестью посполитыхъ, такъ какъ козаки были освобождены отъ постоя. Татарскіе загоны опустошали землю. Если ко всему этому прибавить еще необыкновенно холодную зиму и неурожай [3]), то совершенно понятнымъ станетъ то обстоятельство, что всѣ умы на Украинѣ пришли въ полное замѣшательство. Пронеслись слухи о рожденіи антихриста и концѣ міра; находились лица, которыя утверждали, будто антихристъ уже родился въ какой-то вавилонской землѣ и назначенъ былъ годъ и день страшнаго суда [4]).

Тотчасъ послѣ Чудновскаго договора, переяславскій полковникъ Якимъ Сомко, находившійся въ это время въ Бѣлой Церкви, поспѣшилъ на лѣвую сторону Днѣпра и старался тамъ поддержать авторитетъ московской власти [5]).

Въ виду такого положенія вещей, несчастный Юрій не зналъ, куда ему кинуться—оставаться-ли гетманомъ, или исполнить обѣтъ, который онъ сгоряча далъ подъ Слободищами [6]). Не такому безхарактерному и безвольному человѣку можно было удержаться съ честью на гетманскомъ посту въ такую трудную годину. Козачество теряло мало-по-малу свою связь съ народомъ, теряло роль представителей народныхъ интересовъ, а предводители его стремились только къ личнымъ цѣлямъ и заботились лишь о своихъ личныхъ выгодахъ Противъ Юрія настроены были всѣ старшины. Уже во время Чудновской коммиссіи

---

[1]) Ibidem.
[2]) Величко, т. II, сср. 15—16.
[3]) Ibidem, стр. 18.
[4]) Величко, стр. 16.
[5]) Ibidem, стр. 15.
[6]) Histor. pan. Jana-Kaz., т. II, стр. 90.

они говорили, что у нихъ на примѣтѣ есть человѣкъ достойный носить гетманскую булаву. Простое козачество не могло относиться съ уваженіемъ къ Юрію Хмельницкому. Въ своемъ предводителѣ оно прежде всего уважало матеріальную и нравственную силу, а въ Хмельницкомъ не было ни того, ни другого. Во всякомъ случаѣ, обстоятельства складывались такъ, что послѣ Чудновскаго дѣла необходимо было посовѣтоваться на радѣ, какъ быть, что дѣлать съ Украиной. Рада назначена была въ Корсунѣ и должна была состояться въ ноябрѣ. Делегатомъ на эту раду со стороны Польши назначенъ былъ Бѣневскій [1]), потому-что, какъ говоритъ Костомаровъ, самъ Юрій приглашалъ его, надѣясь, что этотъ ловкій человѣкъ съумѣетъ обдѣлать дѣло наилучшимъ образомъ [2]). Бѣневскій прибылъ въ Корсунь 7-го ноября. Объ этой радѣ мы имѣемъ подробную реляцію Бѣневскаго, напечатанную въ IV-го томѣ Памятниковъ Кіевской коммиссіи. Несмотря на то, что Бѣневскій былъ на лицо и повидимому все было готово, рада состоялась только 20-го ноября. Причиной такой долгой отсрочки было то обстоятельство, что, какъ объясняли старшины, не всѣ полковники находились въ сборѣ, а если не было на лицо хоть одного полковника и онъ не прислалъ на свое мѣсто уполномоченнаго, то рада, по козацкимъ обычаямъ, состояться не могла. Въ сущности же отсрочка происходила скорѣй отъ того, что многіе, думавшіе явиться претендентами на булаву, хотѣли оттянуть время, чтобы составить себѣ партію. Были между старшинами и приверженцы Выговскаго. Но всѣ претенденты, включая сюда и Выговскаго, были вовсе не на руку Польшѣ. Выговскій, создавшій нѣкогда Русское княжество, могъ снова возбудить вопросъ о немъ; другіе претенденты, неизвѣстно еще, какъ отнеслись бы къ Польшѣ. А Юрій былъ для нея самый удобный и выгодный человѣкъ, которымъ можно было вертѣть въ какую угодно сторону. По этому Бѣневскій рѣшилъ поддержать Юрія, и отстрочка рады какъ-разъ дала ему возможность повернуть дѣло такъ, какъ ему хотѣлось. Бѣневскій узналъ, что Хмельницкій желаетъ отказаться отъ булавы и что къ этому его побуждаютъ старшины, желая на его мѣсто избрать своего кандидата. Какъ мы уже сказали, Бѣневскому было важно, чтобы гетманомъ остался Хмельницкій, и вотъ, первымъ его дѣломъ было отклонить Юрія отъ

---

[1]) Theiner, стр. 43.

[2]) Костомаровъ, т. XII, стр. 221.

желанія отказаться отъ булавы. Для свиданія онъ нарочито выбралъ ночное время, чтобы совершенно наединѣ побесѣдовать съ Юріемъ. Дѣло было 19 ноября. Прежде всего Бѣневскій спросилъ Юрія, по какой причинѣ онъ желаетъ отказаться отъ гетманства. Юрій все сваливалъ на свою молодость и неопытность, „къ тому же я человѣкъ больной“, заключилъ онъ. (Дѣйствительно, онъ страдалъ подучей болѣзнью и грыжей). Тогда Бѣневскій началъ его убѣждать, что все это происки Выговскаго, и что если только его выберутъ, то конечно онъ постарается избавиться отъ Юрія. Юрій отвѣчалъ, что онъ не думаетъ, чтобы замыслы Выговскаго простирались такъ далеко. „Повѣрьте мнѣ, Ваша милость“, возразилъ Бѣневскій „полковники совершенно ясно, выразили мнѣ свои намѣренія. Лишь только Вы положите булаву, они тотчасъ его выберутъ. Вотъ спросите ихъ при мнѣ; они не посмѣютъ солгать мнѣ въ глаза“. Такой оборотъ дѣла придуманъ былъ оченъ ловко. Юрій послалъ за полковниками, которые въ присутствіи Хмельницкаго, да еще спрошенные неожиданно, конечно должны были подать голоса за Юрія. Такъ и случилось, Явились полковники, и Бѣневскій тотчасъ обратился къ нимъ съ слѣдующей рѣчью: „Вотъ я уговариваю пана гетмана, чтобы онъ поскорѣе собралъ раду. И панъ маршалъ (Любомирскій) не распускаетъ своего войска въ ожиданіи вашей рады. Кромѣ того онъ проситъ послать Носача развести войско по квартирамъ такъ, чтобы не было никакихъ обидъ козакамъ. Да вотъ еще уговариваю пана гетмана не бросать булавы, а то я ему сказалъ, что вы выберете *онаго*“. Полковникамъ некуда было изворачиваться и они прямо заявили, что если Юрій откажется отъ гетманства, то такъ какъ имъ безъ гетмана быть нельзя, то они выберутъ, какъ выражается Бѣневскій, „онаго“, и отдадутъ подъ его покровительство своихъ женъ и дѣтей. „Ну, пусть завтра будетъ рада“, объявилъ Юрій и отпустилъ полковниковъ. Когда Бѣневскій снова началъ съ нимъ разговаривать, то Юрій уже ни однимъ словомъ не заикнулся о томъ, что откажется отъ булавы. Всю вину присоединенія къ Москвѣ онъ сваливалъ на полкониковъ. Вдругъ Бѣневскій озадачилъ его, говоря, что знаетъ, что во многомъ виноватъ самъ Юрій, что дѣло протеста противъ Выговскаго начато его слугою, Брюховецкимъ, что даже теперь, на лѣвомъ берегу Сомко, его дядя, возмущая и привлекая на московскую сторону народъ, прикрывается его именемъ. Юрій началъ было изворачиваться и, признавъ себя виновнымъ только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, просилъ про-

стить его по молодости и неопытности. Кромѣ того онъ просилъ руководить имъ. Бѣневскій, какъ на руководителя, указалъ ему на Тетерю и сказалъ, что Голуховскаго, какъ завѣдомаго благопріятеля Москвы, слѣдуетъ отставить отъ писарства, а на его мѣсто назначить Тетерю. Хмельницкій просилъ только, чтобы имъ руководили. На утро собралась рада. Присутствовали на ней только полковники и сотники. Бѣневскій въ рѣчи своей сказалъ, что войско запорожское вновь поступило подъ власть своего природнаго государя, и что король уничтожаетъ всѣ постановленія московскаго правительства. Послѣ этого онъ прямо вручилъ булаву Хмельницкому, а всѣ старшины молча должны были согласиться: Хмельницкаго они выбрали сами, онъ не отказывался отъ булавы, а слѣдвательно незачѣмъ было и протестовать. Такъ окончилась эта рада; но она вызвала ропотъ среди простыхъ козаковъ: „что это за рада, роптали они, тамъ были только значные козаки; это противно извѣчнымъ козацкимъ правамъ; старшины должно быть замышляютъ что-нибудь противъ войска, что такъ „потай“ собираютъ раду“. Ропотъ этотъ достигъ Бѣневскаго и сильно его обезпокоилъ. Ему тотчасъ же пришелъ на память печальный конецъ Гадячскаго дѣла, когда простые козаки побили значныхъ, вслѣдствіе одного подозрѣнія, что тѣ противъ нихъ что-то замышляютъ. Онъ рѣшилъ, что единственнымъ исходомъ изъ этого положенія послужитъ собраніе черной рады. Когда Бѣневскій объявилъ объ этомъ гетману и старшинѣ, то тѣ пришли въ ужасъ. Въ это время въ Корсунѣ была ярмарка и ото всюду собралось множество народу. Старшина и слышать не хотѣла объ этой радѣ, а Бѣневскому, по всей вѣроятности, моментъ этотъ казался наиболѣе удобнымъ, чтобы однимъ ударомъ разрѣшить всѣ недоразумѣнія. Вопреки всѣмъ протестамъ даже, со стороны Хмельницкаго, который хотѣлъ употребить свою гетманскую власть, чтобы не позволить собирать раду, вопреки совѣтамъ поляковъ, которые съ нимъ были, Бѣневскій настоялъ на своемъ, и 21 ноября собралась рада. Гетманъ и полковники не пошли, и послали сказать Бѣневскому, что рада собралась,—пусть, молъ, самъ расхлебываетъ кашу, коли заварилъ ее. Бѣневскій ничего не подозрѣвая явился въ кругъ. Его приняли съ знаками всевозможнаго уваженія, и когда онъ спросилъ, гдѣ гетманъ и полковники, ему отвѣчали: „Ты, Ваша милость, на королевскомъ мѣстѣ, пошли за ними—они явятся“. Такъ дѣйствительно и случилось. Хмельницкій вошелъ въ кругъ, положилъ булаву и объявилъ, что по волѣ всего войска про-

изошло вновь соедиенніе съ поляками, и что поэтому король прислалъ своего коммиссара уничтожить въ козачествѣ всѣ московскіе порядки. Бѣневскій же началъ говорить длинную рѣчь, въ которой прославлялъ Польшу и бранилъ „Москаля", и наконецъ объявилъ отъ имени короля всеобщую амнистію. Это извѣстіе очень обрадовало козаковъ, и они клялись оставаться вѣрными королю и правительству и усмирять всякаго, кто вздумаетъ бунтовать. Послѣ это Бѣневскій объявилъ, что всѣ порядки, заведенные Москвой, уничтожаются, и король жалуетъ гетманствомъ Хмельницкаго. Вслѣдъ затѣмъ онъ поднялъ съ земли булаву и вручилъ ее Юрку. Народъ съ восторгомъ привѣтствовалъ гетмана. Носачу также была вручена булава, соотвѣтствующая званію обознаго. Послѣ этого отправились всей толпой въ соборъ, гдѣ произведена была всеобщая присяга. Послѣ присяги Хмельницкій пригласилъ Бѣневскаго и всѣхъ полковниковъ на пиръ, тянувшійся до поздней ночи. Палили изъ пушекъ; подгулявшіе полковники превозносили до небесъ братство съ поляками и очень удивлялись, что черная рада окончилась такъ благополучно. На другое утро снова собралась рада. Бѣневскій прочелъ пункты договора. Козаки, не понимавшіе въ сущности его содержанія, тѣмъ не менѣе выражали восторгъ. „Вотъ говорили они, еслибы его милость панъ воевода Кіевскій прочелъ намъ такъ эти статьи, то не было бы всей той колотни, какая случилась". Бѣдные, обманутые по своему простодушію простаки, они забыли, что Выговскій такъ же точно читалъ имъ эти статьи, но тогда они его чуть не убили. Послѣ чтенія статей отнято было писарство отъ Голуховскаго и печать вручена Тетерѣ. Ни тотъ, ни другой не ожидали такого оборота дѣла. Но Тетеря, этотъ черствый эгоистъ и вѣрный приспѣшникъ шляхетства, тотчасъ нашелся и сказалъ экспромтомъ, что онъ бывалъ въ Москвѣ и видѣлъ, что московское правительство готовитъ козакамъ, а потому, если они вздумаютъ бунтовать, то онъ не желаетъ не только писарства, но даже не желаетъ считаться козакомъ. Народъ кричалъ, что онъ уже не будетъ бунтовать и что во всемъ желаетъ повиноваться Тетерѣ и поручаетъ ему своихъ женъ и дѣтей. Народъ на все соглашался; всему готовъ былъ повиноваться [1]). Тутъ же на радѣ были написаны письма и отправлены къ московскимъ воеводамъ съ предложеніемъ, отъ имени всего запорожскаго войска, оставить Украину [2]). Разосланы

[1]) Памятн. Кіев. Ком., т. IV, отд. 3, стр. 40–49.
[2]) Ibidem.

были, кромѣ того, универсалы жителямъ лѣваго берега съ убѣжденіемъ не слушать Сомка, какъ измѣнника; къ переяславцамъ отправлено было особое воззваніе вырѣзать „москалей“, если они добромъ не выйдутъ [1]). Сомку же писалъ самъ Хмельницкій и угрожалъ ему, въ случаѣ неповиновенія, смертной казнью [2]). Ловко обдѣлалъ дѣло Бѣневскій—забылъ онъ только одно обстоятельство, что исторія народа создается не ловкими происками искусныхъ дипломатовъ, и что нельзя дипломатическими соображеніями передѣлать характеръ народа и всѣ его завѣтныя вѣковыя стремленія.

Мы уже говорили, что Сомко дѣятельно принялся за поддержаніе на лѣвой сторонѣ московскаго авторитета. Онъ собралъ раду въ Переяславѣ, гдѣ козаки объявили его наказнымъ гетманомъ и онъ тотчасъ же вступилъ въ дѣятельныя сношенія съ Москвой. Вся его дальнѣйшая дѣятельность сводится къ усердному стремленію достичь полнаго гетманства, котораго онъ надѣялся добиться съ помощью московскаго правительства. Съ этого времени, навсегда, Украина раздѣлилась на двѣ стороны, раздѣляемыя Днѣпромъ, и соединилась только тогда, когда перестала существовать, какъ политическая единица. Старшина лѣвобѣрежная, также какъ и на правомъ берегу, преслѣдовала свои личные, дворянско-аристократическіе интересы, но въ виду блзиости московскаго государства, въ виду инстинктивнаго стремленія въ Москвѣ народной массы, видѣвшей въ ней возможность уравненія всѣхъ сословій, достиженія того идеала, къ которому она стремилась, все это заставляло ее быть болѣе ими менѣе вѣрной Москвѣ. Но въ средѣ ея возникли интриги—соперники старались вредить другъ другу, посредствомъ доносовъ въ Москву.

А московское правительство тѣмъ временемъ тихо и осторожно, безъ видимыхъ насилій, совершало свою историческую миссію—приводило къ единообрѣзію управленія всѣ составныя части своей державы. Вся тяжесть борьбы съ Польшей ложится, такимъ образомъ, на плечи праваго берега. Съ этихъ поръ лѣвый берегъ принимаетъ въ ней участіе только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда Польша и союзная съ ней правобережная старшина начинаютъ простирать свои виды на лѣвый берегъ. Старшина на правомъ берегу,тоже стремившаяся къ наилучшему удовлетворенію своихъ узко-сословныхъ интересовъ, видѣла въ соединеніи съ Польшею возможность достиженія

[1]) Ibidem.
[2]) Ibidem.

своихъ идеаловъ. Простое козачество не понимало, куда его ведутъ; примѣромъ того, какъ легко было его обмануть, можетъ служить только-что описанная нами Корсунская рада. А народъ?.. Его и не спрашивали, на него и не думала обращать вниманія стремившаяся къ достиженію своихъ интересовъ старшина. Она принимала во вниманіе лишь одно козачество. И такъ мало по малу, теряя почву, будучи разъединяемо съ народомъ, разъѣдаемое узкими интересами, погибало въ борьбѣ съ Польшей правобережное козачество.

Не такъ-то легко было Сомку привести въ исполненіе свои планы. Только Черниговскій, Нѣжинскій и Переяславскій полки остались въ этомъ замѣшательствѣ вѣрными царю [1]); остальные подали голосъ за союзъ съ Польшею. Первымъ піонеромъ въ дѣлѣ отпаденія отъ Москвы былъ полтавскій полковникъ Ѳедоръ Жученко; въ лубенскомъ полку раздавались голоса: „Намъ все равно, москаль или ляхъ,—кто сильнѣе, за тѣмъ и будемъ" [2]). Въ данномъ случаѣ слова эти являлись совершенно правильнымъ выраженіемъ причины отпаденія; это доказали послѣдующіе факты. Да къ тому же и московскіе ратные люди, прогостившіе въ Украинѣ, произвели не хорошее впечатлѣніе на народъ; въ актахъ, относящихся къ исторіи Южн. и Зап. Россіи, можно почерпнуть массу свѣдѣній о томъ, какъ вели себя ратные люди на Украинѣ: они не щадили не только свѣтскихъ лицъ, но и духовныя и даже монастырскія имущества подвергались ихъ насиліямъ [3]).

Итакъ три четверти лѣваго берега показали себя приверженцами Польши. Но приверженцы Москвы остались тверды даже при такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Сомко и Золотаренко дѣятельно продолжали свои сношенія съ Москвой. Они умоляли Ромадановскаго прислать имъ подмогу, но тотъ не внялъ ихъ мольбамъ и отвѣчалъ, что ему велѣно стоять въ Сумахъ [4]). А на правомъ берегу готовились приводить въ покорность отпавшіе полки. Еще на Корсунской радѣ поручено было полкамъ, открыто объявившимъ себя на польской сторонѣ, вмѣстѣ съ частью полковъ чигиринскаго и каневскаго, вести дѣло подчиненія королю непокорныхъ [5]). Зимой 1660 года, лишь

---

[1]) Лѣтопись Самовидца, изд. 1878 г., стр. 63.

[2]) Костомаровъ, т. XII, стр. 231.

[3]) Акты Южн. и Западн. Россіи, т. V, № 32, 36 и т. д.

[4]) Ibidem.

[5]) Памятн. Кіев. Ком., т. IV, отд. 3, стр. 40.

только сталъ Днѣпръ, въ Украину вторгся съ довольно сильнымъ отрядомъ Чарнецкій. Онъ прошелъ территоріи черниговскаго и нѣжинскаго полковъ [1]), предпринялъ осаду Козельца и Чернигова, но безъ успѣха. На помощь Чарнецкому Хмельницкій отрядилъ Гуляницкаго, который былъ назначенъ наказнымъ гетманомъ [2]), съ козаками и татарами [3]). Гуляницкій разсылалъ универсалы, въ которыхъ старался склонить непокорныхъ къ повиновенію [4]). Козаки съ татарами осаждали Нѣжинъ, грабили села. А Золотаренко посылалъ письмо за письмомъ, прося у Ромодановскаго помощи—но помощи никакой не получалъ [5]). Въ переяславскомъ полку появились, посланные Хмельницкимъ, Бережецкій и Макуха, тоже съ козаками и татарами. Дѣло было въ великомъ посту. Сомко вышелъ противъ нихъ и разбилъ на голову. Макуха бѣжалъ за Днѣпръ, а Бережецкій былъ пойманъ и повѣшенъ [6]). Не довольствуясь этимъ, Сомко перешелъ черезъ Днѣпръ и разбилъ подъ Трехтемировымъ и Стайками своихъ непріятелей [7]). Кромѣ того и Чарнецкій не могъ долго удержаться въ Украинѣ. Солдатамъ давно не платили жалованья и они начали высказывать недовольство. Чарнецкій отступилъ [8]). Такимъ образомъ, лѣвая сторона освободилась отъ поляковъ и татаръ. Такъ прошли первые мѣсяцы 1661 года. Въ Польшѣ въ началѣ этого года собрался сеймъ, на которомъ утверждены были статьи Чудновскаго и Гадячскаго договоровъ [9]). На сеймъ этотъ командированы были послы съ инструкціей, на основаніи которой они должны были требовать исполненія одной весьма важной статьи Гадячскаго договора, а именно: возвращенія захваченныхъ уніатами имѣній епископскихъ и т. п. [10]). Повидимому, Польша не спѣшила выполненіемъ этой статьи договора, а между тѣмъ на сеймѣ постановлено было требовать отъ Хмельницкаго, чтобы онъ представилъ, не далѣе, какъ черезъ три мѣсяца, послѣ того какъ будутъ возвращены имѣнія, захваченныя уніатами,

---

[1]) Jerlich, т. II, стр. 57; Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, 105.
[2]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. V, № 26.
[3]) Лѣтопись Самовидца, изд. 1878 г., стр. 63.
[4]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. V, № 35.
[5]) Ibidem, стр. 26.
[6]) Величко, т. II, стр. 19.
[7]) Костомаровъ, т. XII, стр. 232.
[8]) Jerlich, т. II, стр. 57; Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, стр. 105.
[9]) Volumina legum, т. IV, стр. 357—359
[10]) Памятн. Кіев. Ком., т. IV, отд. 3, № 12.

полный реестръ всего козачества [1]). Этой мѣрой Польша хотѣла окончательно отдѣлить козачество отъ народа, устранить гетмана и старшину отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла народа и такимъ образомъ совершенно обезсилить козачество. Кромѣ того на сеймѣ дарована была всѣмъ полная амнистія.

Между тѣмъ послѣ отступленія Чарнецкаго и Гуляницкаго изъ за-Днѣпра тамъ началось дѣятельное приведеніе къ повиновенію Москвѣ всѣхъ отпавшихъ городовъ. Лишь только удалились поляки и татары, какъ всѣ раньше возмутившіеся противъ Москвы города и мѣстечки снова принялись выражать, одинъ за другимъ, покорность царской волѣ. Въ маѣ мѣсяцѣ вступилъ Ромадановскій въ Украину и занялъ Нѣжинъ [2]). Полтавскій полкъ весь покорился, безъ сопротивленія. Между тѣмъ у Сомка появился соперникъ: нѣжинскій полковникъ Золотаренко. Но протопопъ Максимъ Филимоновъ, продолжая свою тайную корреспонденцію съ Москвой, чернилъ доносами того и другого. Тогда возникъ третій соперникъ—претендентъ на булаву — Брюховецкій, котораго поддерживали запорожцы. Въ это время явился въ Москву посланецъ Хмельницкаго, нѣкто Суличенко, и привезъ письмо, въ которомъ Хмельницкій писалъ, что онъ поневолѣ долженъ былъ соединиться съ поляками, принуждаемый полковниками, но что теперь онъ проситъ не считать его виновнымъ, онъ будетъ стараться снова подчинить всю Украину царскому престолу [3]). На основаніи этого письма поручалось Сомку и Золотаренку войти въ сношеніе съ Хмельницкимъ и побуждать его къ покорности Москвѣ [4]). Въ то же время какое-то неизвѣстное лицо пишетъ Юрку изъ Москвы и совѣтуетъ ему покориться Москвѣ. „Я, пишетъ неизвѣстный авторъ, (по догадкѣ Костомарова, бывшій писарь Голуховскій [5]) недавно былъ Польшѣ и мнѣ по дорогѣ говорили многіе поляки: мы забрали всѣхъ козаковъ въ мѣшокъ, только еще не завязали“. Поэтому неизвѣстный корреспондентъ совѣтуетъ поскорѣе соединиться съ Москвой, тѣмъ болѣе что тамъ понимаютъ, что Слободищенскій договоръ былъ заключенъ Хмельницкимъ поневолѣ [6]). На самомъ же

[1]) Volumina legum, т. IV, стр. 358.
[2]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. V, № 34.
[3]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. V, стр. 40.
[4]) Ibidem.
[5]) Костомаровъ, т. XII, стр, 249.
[6]) Памятн. Кіев. Ком., т. IV, отд. 3, стр. 105.

дѣлѣ оказалось, что Хмельницкій посылалъ писмо съ Суличенкомъ только для того, чтобы выиграть время, такъ какъ союзъ съ Польшей не клеился. Польское правительство вовсе не довѣряло Хмельницкому. Въ письмахъ своихъ къ королю Юрій жалуется на то, что въ Польшѣ вѣрятъ всякимъ сплетнямъ и клеветамъ, распространяемымъ на его счетъ [1]). Между тѣмъ и обстоятельства складывались такъ, что возбуждали ропотъ народа. Первая попытка овладѣть лѣвымъ берегомъ окончилась полной неудачей. Ежеминутно можно было ожидать нападенія съ лѣваго берега, а обѣщанная помощь со стороны Польши не являлась, несмотря на постоянныя письма Хмельницкаго прислать эту помощь. Да и съ союзниками татарами надобыло быть очень осторожнымъ. Ушедшіе было, послѣ неудачнаго похода на лѣвый берегъ, татары снова появились на Украинѣ. Подъ видомъ гетманскихъ союзнкиовъ, загоны ихъ разсыпались по всей Украинѣ. Выйдя изъ Перекопа, они стали у Стрѣлицы. [2]). Наконецъ и самъ ханъ съ большимъ войскомъ вступилъ въ Украину. Не давая никому отчета, куда онъ идетъ, ханъ медленно сталъ подвигаться къ Торговицѣ. Окрестности Умани, Чигирина, Бѣлой Церкви и Корсуня переполнились татарскими наѣздниками. Онн не только грабили имущества, но забирали въ плѣнъ всѣхъ поголовно жителей [3]). Несмотря на всѣ просьбы Хмельницкаго перенести свои дѣйствія на лѣвый берегъ, ханъ отвѣчалъ, что онъ никуда безъ коронннаго войска не пойдетъ [4]). А о немъ нечего еще не было слышно. Вслѣдствіе неуплаты жалованья, польское войско роптало и не хотѣло никуда идти. Но и на Украинѣ татарскія опустошенія вызвали сильный ропотъ. Хмельницкій увидалъ, что такъ, или иначе, а нужно выйти изъ этого положенія. 17 сентября подъ Ставищамп соединился Хмельницкій съ ханскими войсками, и здѣсь же заключены были условія, на основаніи которыхъ ханъ долженъ расположиться подъ Германовкою и дожидать, покуда соберется козацкое войско. Татары его не должны трогать ни жителей праваго берега, пи провіанта, который будутъ провозить въ козацкій таборъ. То же условіе должно быть соблюдаемо и послѣ переправы на лѣвый берегъ. При добровольной сдачѣ какого-

---

[1]) Памятн. Кіев. Ком., т. IV, отд. 3, № 23.
[2]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. V, № 40.
[3]) Памятн. Кіев. Ком. т. IV, № 25, 26.
[4]) Ibidem.

нибудь города, татары не станутъ его грабить, а въ случаѣ сопротивленія, будутъ осаждать вмѣстѣ съ козаками не болѣе трехъ дней. Возвращаться татары должны по лѣвому берегу въ разстояніи мили отъ Полтавы [1]). Въ то же время Хмельницкій просилъ, чтобы прислана была отъ Польши помощь [2]). Въ концѣ октября переправился Хмельницкій черезъ Днѣпръ и пошелъ къ Переяславу. Соединенныя войска осадили Переяславъ, но всѣ усилія были тщетны: Сомко засѣлъ съ царскими воеводами въ городѣ и ни за что не хотѣлъ сдаваться [3]). Хмельницкій разослалъ свои отряды по окрестностямъ склонять города и мѣстечки къ покорности. Осада Переяслава ничѣмъ не кончилась. Хмельницкій началъ двигаться къ Нѣжину. Ханъ съ татарами остановился у Хорошаго Озера, а Юрій съ козаками—у села Крапивной [4]). Татарскіе загоны разсыпались по всей Украинѣ; появлялись они даже въ окрестностяхъ Мглина и Стародуба [5]). Наконецъ, проходивъ безъ успѣха по Украинѣ вплоть до 6-го января 1652 года, Хмельницкій съ ханомъ отступилъ на правый берегъ. Часть татаръ оставлена была въ Ирклѣевѣ [6]). По слѣдамъ Хмельницкаго пошелъ съ войскомъ Ромадановскій. Ирклѣевъ былъ взять—съ нимъ вмѣстѣ и Веремѣевка [7]). Въ Ирклѣевѣ схваченъ былъ оставленный тамъ Тимофѣй Цюцюра [8]). Около Крапивной попался въ плѣнъ начальникъ другого загона, оставленнаго на лѣвомъ берегу, какой-то Корощупъ [9]). Такъ окончилась новая попытка завладѣть лѣвобережной Украиной. Между тѣмъ отношенія Хмельницкаго къ Польшѣ все обострялись. Станиславъ Потоцкій доносилъ, что Юрій ищетъ у константинопольскаго патріарха разрѣшенія отъ присяги, данной въ Чудновѣ [10]). Послы отъ войска, прибывшіе въ Варшаву на сеймъ въ мартѣ мѣсяцѣ, привезли требованія, чтобы исполнена была статья объ отдачѣ имуществъ, захваченныхъ уніатами. Кромѣ того Юрій жаловался на разныя притѣсненія, чинимыя польскими помѣщиками [11]).

---

[1]) Памятн. Кіев. Ком., т. IV, № 28, 29 и 30

[2]) Ibidem № 30.

[3]) Костомаровъ, т. XII, стр. 263.

[4]) Лѣтопись Самовидца, изд. 1878 г. стр. 64; Ригельманъ, т. II, стр. 51.

[5]) Лѣт. Самовидца, стр. 64; Грабянка, стр. 175.

[6]) Ibidem.

[7]) Ригельманъ, т. II, стр. 51; Самовидецъ, стр. 65.

[8]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. V, № 47.

[9]) Ibidem.

[10]) Памятн. Кіев. Ком., т. IV, отд. 3, стр. 156, № 34.

[11]) Ibidem, № 35 и 36.

Очевидно, что притѣсненія были уже очень сильны и что они возбуждали слишкомъ большое негодованіе народа, потому что Хмельницкій не ограничивался однѣми жалобами королю, а самъ своей властью началъ отнимать у помѣщиковъ ихъ имѣнія и права. Онъ налагалъ свою руку даже на королевскія имѣнія и духовныхъ лицъ. Вновь возникалъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ отъ пановъ.— Раздраженная шляхта послала съ своей стороны на сеймъ пословъ, съ жалобой на такія дѣйствія гетмана [1]). Сеймъ принялъ ихъ сторону: имъ дано было обѣщаніе, что всѣ ихъ права и имѣнія будутъ возвращены, а всѣ привиллегіи, выданныя раньше козакамъ, должны быть уничтожены настоящей конституціей, и всѣ помѣщики будутъ введены во владѣнія своими имѣніями, лишь только коронныя войска вступятъ въ Украину [2]). Между тѣмъ требованія козаковъ, чтобы назначены были четыре коммиссара для окончанія, какъ сказано было въ инструкціи, „святаго дѣла", должны были кануть въ Лету [3]). Конституція сейма уничтожала таковую же прошлогоднюю, на основаніи которой козацкое начальство должно было раньше представить полный реестръ козаковъ, а затѣмъ уже будетъ рѣчь и объ уніи. Очевидно польское правительство рѣшило обмануть козачество относительно этой статьи. А козачеству въ то же время не было разсчета представлять реестръ, особенно до окончанія дѣла съ уніатскими имѣніями; оно не могло еще оторваться отъ народа, а реестровка, какъ мы уже говорили, лишала его, совершенно, единства съ народомъ. А между тѣмъ исхода не было. Соединяться съ Москвой не было возможности, такъ какъ ясно было, что она приметъ ихъ въ подданство не иначе, какъ на основаніи Переяславскихъ статей. Да кромѣ того у поляковъ на лицо были такіе грозные союзники, какъ татары, готовые въ случаѣ измѣны обрушиться на козаковъ, а на скорую присылку московской помощи трудно было разчитывать, чему живой примѣръ имѣлся на лѣвой сторонѣ. Всѣ эти обстоятельства ставили неразрѣшимые вопросы, создавали необычайныя затрудненія, и не Юрку Хмельницкому было ихъ разрѣшать. Въ половинѣ 1662 года Юрій, вмѣстѣ съ татарами и присланными ему польскими хоругвями, снова двинулся на лѣвый берегъ, приводить его въ вѣрность Польшѣ. На

---

[1]) Памятн. Кіев. Ком., т. IV, отд. 3, № 37, стр. 176.
[2]) Volumina legum, т IV, стр. 390.
[3]) Памятн. Кіев. Ком., т. IV, отд. 3, № 36.

этомъ разъ Хмельницкому пришлось имѣть дѣло сначала съ однимъ Сомкомъ, безъ помощи русскаго войска. Остановившись въ трехъ верстахъ отъ Переяслава, Хмельницкій расположился тамъ и стоялъ въ продолженіи цѣлаго мѣсяца, продолжая вести войну такъ, какъ и въ прошлый свой приходъ. Онъ разсылалъ по окрестностямъ отряды завоевывать города. А Сомко посылалъ въ Москву письмо за письмомъ, прося помощи. Наконецъ, въ половинѣ іюля Ромодановскій появился въ Украинѣ и, соединившись съ Золотаренкомъ, пошелъ къ Переяславу. Юрій узналъ о приходѣ московскихъ войскъ отъ татарскаго отряда, отправившагося подъ Пирятинъ и наткнувшагося на соединенное московско-козацкое войско. Тотчасъ же Юрій снялъ лагерь и началъ отступать къ Днѣпру. Приблизившись къ Днѣпру, онъ остановился не доходя Канева, противъ села Городища. Вслѣдъ за нимъ двигались Ромодановскій съ Золотаренкомъ и присоединившимся къ нимъ Сомкомъ. Враги сошлись 16 іюля. Бой открыли Сомковые козаки, которые сразу храбро ударили на полки Хмельницкаго. По свидѣтельству актовъ, у Юрія было 20000 козаковъ и 24 польскихъ хоругви. Татары его оставили и, переправившись черезъ Днѣпръ, пошли въ свою землю. Послѣ полуторачасоваго жаркаго боя, на Хмельницкаго ударили свѣжія силы Ромодановскаго. Не выдержали хмельничане, смѣшались и обратились въ бѣгство. Дружнѣй ударили на нихъ враги, били, вгоняли ихъ въ Днѣпръ, гдѣ погибали тысячи людей, а кому удавалось спастись, тотъ выходилъ на правый берегъ совершенно нагой. Тысяча человѣкъ нѣмецкой пѣхоты, запертые въ углѣ табора, не хотѣли сдаваться и легли всѣ до одного человѣка. Убитыхъ былъ такая масса, что, по свидѣтельству Самовидца, долго нельзя было подходитъ къ Днѣпру, вслѣдствіе смрада, распространяемаго трупами. Юрій бѣжалъ къ Черкасамъ [1]), а весь таборъ, съ 22 пушками, достался побѣдителямъ. Вслѣдъ за Хмельницкимъ пошелъ Ромодановскій съ Васютой Золотаренкомъ, который уговорилъ его не дожидаться Сомка, гулявшаго на радостяхъ въ Переяславѣ [2]). Города начали имъ покоряться. Сомко перешелъ на правый берегъ, но дойдя до Канева, оставилъ тамъ полковникомъ Лизогуба, а самъ вернулся во-

---

[1]) Описаніе похода составлено по слѣд. источникамъ: Лѣт. Самов., стр. 65—67; Лѣтопись Величка, т. II, сту. 27—28; Лѣт. Грабянки, стр. 176—177; Ригельманъ, т. II, стр. 52—53; Акты Южн. и Зап. Россіи, т. V, № 56, 57 и 58.

[2]) Лѣтоп. Самовидца, стр. 68.

свояси [1]). Ромадановскій, переправившись обратно у слободы Богушковой, послалъ кончать покореніе заднѣпровскихъ городовъ стольника Приклонскаго, который, переправившись черезъ Днѣпръ, прежде всего овладѣлъ Черкасами, и оставивъ тамъ полковникомъ Михаила Гамалѣя, двинулся внизъ по Днѣпру, покоряя по дорогѣ города. Такимъ образомъ дошелъ онъ до Бужина. По лѣвой сторонѣ Днѣпра радомъ съ нимъ шелъ Ромодановскій, и когда Приклонскій остановился у Бужина—Ромодановскій сталъ лагеремъ у Крюкова [2]). Тѣмъ временемъ Хмельницкій, прибывъ въ Чигиринъ, тотчасъ же послалъ за ордою. Явилось нѣсколько тысячь человѣкъ [3]). Юрій кинулся въ погоню за Приклонскимъ. Два раза нападалъ на него: въ первый разъ у Крылова, 1-го августа, онъ, по собственному донесенію, уничтожилъ до 3000 москвичей и дейнековъ и взялъ двѣ пушки; во второй разъ, подъ Бужинымъ, 3 августа, погибло, будто бы, по его же донесенію, 10000 человѣкъ; побѣдителямъ досталось 7 пушекъ и масса другихъ трофеевъ [4]). Приклонскій началъ переправляться, а Ромадановскій прикрывалъ его отступленіе пушечными выстрѣлами [5]). Донесеніе Юрія о своихъ успѣхамъ мнѣ кажется преувеличеннымъ, потомучто эти успѣхи нисколько не подняли его престижа на Украинѣ, да и Самовидецъ, (который, по утвержденію г. Левицкаго, издавшаго его лѣтопись [6]), несомнѣнно участвовалъ въ этомъ походѣ), ни слова не говоритъ о такомъ страшномъ пораженіи враговъ [7]). Такъ же преувеличеннымъ кажется и извѣстіе о томъ, что татары погнались за отступающимъ Ромадановскимъ и разбили его на-голову, причемъ взяли даже 8 пушекъ [8]).

Событія послѣдныхъ мѣсяцевъ произвели страшную сенсацію на правомъ берегу. Не только народъ, который тогда мало принимался во вниманіе, но и козаки, и старшина негодовали на Хмельницкаго. Подняли голову запорожцы. Хмельницкій, по свидѣтельству Величка, получилъ отъ нихъ длинное письмо, въ которомъ, перечисливъ всѣ его вины, они совѣтывали ему убираться изъ Чигирина

[1]) Ibidem.
[2]) Лѣтоп. Самов., стр. 69
[3]) Ibidem.
[4]) Прмятн Кіев. Ком., т. IV, отд. 3, стр. 193.
[5]) Лѣтопись Самовидца, стр. 69.
[6]) Опытъ изслѣд. о Лѣт. Самов., стр. 49.
[7]) Лѣтопись Самовидца, стр. 67—69.
[8]) Памятн. Кіев. Ком, т. IV, отд. 3, № 45.

по добру—по здорову [1]). „Не то“, заканчивали запорожцы, „маемъ способъ иншій, черезъ которій латво въ руки наши тебе загарбати, и яко пьявку непотребную из верши выкинути можемъ“ [2]). Бѣдный Юрій совершенно потерялъ голову. Со стороны Польши обѣщанное войско не являлось. Послѣднія дѣйствія польскаго правительства явно показывали, что оно обмануло козаковъ и не думаетъ исполнять требованій относительно свободы вѣроповѣданія. Не такой былъ человѣкъ Юрій, чтобъ сдѣлаться руководителемъ въ неминуемо долженствовавшемъ вспыхнуть конфликтѣ, порожденномъ обстоятельствами, которыя создались благодаря его же политикѣ. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше онъ запутывался. Орда, не думавшая уходить изъ Украины, страшно возмущала сердце народа противъ гетмана. Старшина и козачество тоже не мирились съ нимъ. По всей вѣроятности, огонь этотъ раздувалъ Тетеря, очевидно стремившійся стать гетманомъ. По крайней мѣрѣ, изъ одного письма его къ королю совершенно ясно видно, что онъ увѣренъ, что будетъ гетманомъ. Юрій же видѣлъ измѣну на каждомъ шагу. Онъ не довѣрялъ даже чигиринцамъ и своей старшинѣ: „и началъ отовсюду боятися и яко Каинъ трястися“ [3]). Чтобы сколько нибудь отвлечь орду, онъ водилъ ее къ Днѣпру выше Кіева, къ тому мѣсту, гдѣ въ него впадаетъ Десна [4]). Но и это мѣропріятіе ничуть не улучшило положенія вещей. Наконецъ онъ увидѣлъ, что дальше держаться нѣтъ возможности. Снова созвалъ Хмельницій козаковъ на послѣднюю раду. Выйдя къ собравшейся радѣ, Юрій сказалъ, что онъ, по молодости своей, не можетъ совершать такихъ дѣлъ, какъ отецъ, до тому же не имѣетъ и отцовскаго счастія; поэтому онъ, заботясь о спасеніи своей души, отказывается отъ булавы и идетъ въ монахи. Нѣкоторые козаки старались его отклонить отъ этого намѣренія, но большинство кричало: „пусть идетъ къ чорту! мы найдемъ себя такого гетмана, который постоитъ за нашу свободу“ [5]). Затѣмъ митрополитъ Гедеонъ Балабанъ постригъ Хмельницкаго подъ именемъ Гедеона [6]). Это было 6 января 1663 года [7]).

---

[1]) Лѣтопись Величка, т. 2, стр. 31—35.
[2]) Ibidem, стр. 36.
[3]) Лѣтоп. Величка, т. II, стр. 35.
[4]) Памятн. Кіев. ком., т. IV, отд. 3, № 49, стр. 223.
[5]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, стр. 189—190; Annal. Pol. Clim. II, 50—51.
[6]) Малор. Лѣтоп.
[7]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, стр. 190.

Вмѣстѣ съ отреченіемъ Юрія, открывалось свободное поле для искателей гетманской должности. По извѣстіямъ польскихъ источниковъ, такими претендентами явились: Выговскій, Павелъ Тетеря и Иванъ Нечай [1]); оба послѣдніе затья—покойнаго Богдана. Побѣдителемъ изъ этого соперничества вышелъ Павелъ Тетеря, который успѣлъ осилить своихъ соискателей при помощи подкуповъ и подарковъ, щедро раздаваемыхъ его супругой Еленой [2]). Коховскій передаетъ даже разсказъ о томъ, какъ Тетеря былъ вынесенъ полковниками на креслѣ, и какъ онъ швырялъ въ толпу пригоршнями мелкія деньги, и въ заключеніе, чтобы привлечь на свою сторону народъ, велѣлъ выкатить нѣсколько бочекъ горѣлки [3]). Изъ всего разсказа, очень характернаго въ смыслѣ изображенія того положенія. къ которому пришло тогдашнее козацкое общество, несомнѣнно невѣрнымъ является извѣстіе о томъ, что соперникомъ Тетери явился Иванъ Нечай. Взятый въ плѣнъ москвичами и отвезенный въ Москву, онъ приговоренъ былъ къ ссылкѣ въСибирь—обыкновенная мѣра, къ которой прибѣгало московское правительство для устраненія неудобныхъ лицъ. Приговоръ этотъ былъ исполненъ и Иванъ Нечай никогда уже не видалъ своей родины. [4]). Поэтому явиться соперникомъ Тетери во время выборовъ на гетманскій урядъ онъ никакъ не могъ. Что же касается того, что Выговскій былъ однимъ изъ претендентовъ на булаву, то это очень вѣроятно, хотя извѣстія объ этомъ, кромѣ двухъ польскихъ источниковъ, мы нигдѣ не встрѣчаемъ. Вѣдь еще недавно, въ 1660 году, послѣ Чудновскаго дѣла, партія Выговскаго была на столько сильна, что, какъ мы видѣли въ описаніи Корсунской рады, Бѣневскому пришлось употребить различныя дипломатическія ухищренія, чтобы сбить его съ позиціи. Несомнѣннымъ является и то, что Тетеря достигъ гетманства только благодаря своей щедрости, съ которой онъ раздавалъ деньги, чтобы привлечь на свою сторону побольше приверженцевъ. Въ козацкомъ обществѣ тогда, по свидѣтельству Величка, не существовало никакихъ нравственныхъ стимуловъ. Разсчетъ и выгода стояли выше всего. „Для сребра и злата, пишетъ Величко, не тилько зъ нихъ кождій далъ би виколоти око, але брата и отца

---

[1]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, стр. 190.
[2]) Ibidem, стр. 191.
[3]) Annal. Pol. Clim. II, стр. 53.
[4]) Кіев. Стар. 1890 г., кн. I, стр. 37.

своего не пощадилъ би“ [1]). Такое преобладаніе въ какомъ-нибудь обществѣ эгоистическихъ стремленій надъ гражданскими добродѣтелями свидѣтельствуютъ о полнѣйшемъ разложеніи и распаденіи этого общества. Что-же было причиной, что козачество дошло, такъ скоро, до такой степени разложенія?... Костомаровъ признаетъ, что причиной этого разложенія явилось то обстоятельство, что козацкое войско, не достигнувъ цѣли, къ которой оно стремилось, не въ состояніи было выдержать напора трехъ державъ, тянувшихъ его къ себѣ, а именно: Московскаго государства, Рѣчи Посполитой и мусульманскаго міра, олицетворявшагося въ образѣ Крыма и Турціи [2]). Мнѣніе это, конечно, справедливо; эта тройная тяга была *одной* изъ причинъ, приведшихъ козачество къ смерти. Но была и другая причина, гораздо болѣе важная, гораздо болѣе усиливавшая разложеніе козачества,— причина эта: разобщеніе козачества съ народомъ. Еще раньше, въ до-Богдановскую эпоху, козачество не въ состояніи было выносить борьбы съ Польшей, пока оно не вызвало къ протесту народъ. Какъ военная организація въ борьбѣ съ Крымомъ и турками, оно оказалось довольно сильнымъ, но когда пришлось отстаивать свои права передъ Польшей, то не смотря на всѣ свои усилія оно ничего не могло добиться. Эпоха Богдана показала, какую силу представляло собой козачество, явившись представителемъ чисто народнаго дѣла, поддерживаемое народомъ. Послѣ Богдана козачество снова замкнулось въ свои узкосословныя рамки, исключивъ изъ нихъ простой народъ, оставляя его постоянно безъ вниманія. Не допуская народъ, призываемый къ борьбѣ въ трудныя минуты, къ пользованію тѣми благами, которыя добывались усиліями и трудностями, ложившимися исключительно на народъ; не получая прилива свѣжихъ силъ отъ народа, этого неистощимаго источника, козачество, не имѣя само въ себѣ, какъ чисто военное сословіе, связующихъ элементовъ гражданственности, не встрѣчало сочувствія въ народѣ, который не видѣлъ для себя никакой пользы въ томъ, чтобы поддерживать козачество въ борьбѣ за политическую самобытность. Козачество неминуемо должно было разложиться и погибнуть. На правомъ берегу, гдѣ ему пришлось вести упорную борьбу съ Польшей, въ виду просто инстинктивнаго чувства демократизма, столь поротиворѣчившаго шляхетско-дворянскимъ стре-

---

[1]) Величко, т. II, стр. 36.
[2]) Костомаровъ, т. XII, стр. 275.

мленіямъ польской націи, оно погибло очень скоро. Уже къ 1680 году правый берегъ пришелъ въ совершенное запустѣніе.

Новый гетманъ, Павелъ Тетеря, былъ родомъ изъ Переяслава, сынъ простого козака и крестникъ Богдана Хмельницкаго [1]). Этимъ объясняется то обстоятельство, что онъ получилъ хорошее воспитаніе. 1645 годъ застаетъ его на службы въ луцкой гродской канцеляріи, гдѣ онъ пользовался особенными милостями Бѣневскаго, бывшаго тогда луцкимъ писаремъ [2]). Впослѣдствіи онъ сдѣлался даже регентомъ владимірскимъ, но вспыхнувшее возстаніе захватило и его, и онъ вскорѣ достигъ поста полковника переяславскаго [3]). Съ тѣхъ поръ, до самаго своего исчезновенія съ поприща политической дѣятельности, онъ является вѣрнымъ слугой и приспѣшникомъ польскаго правительства.

Такой образъ дѣйствія вполнѣ соотвѣтствовалъ личнымъ вкусамъ Тетери. Это былъ очень ловкій интриганъ и черствый эгоистъ, ничего не видѣвшій и не искавшій ничего, кромѣ обогащенія и удовлетворенія своихъ эгоистическихъ аппетитовъ. Женившись на вдовѣ Данила Выговскаго, Еленѣ, онъ сразу сталъ богачемъ, и рѣшилъ, что при помощи вѣрной службы Польшѣ, онъ още скорѣе достигнетъ осуществленія своихъ идеаловъ. Такой человѣкъ непремѣнно долженъ былъ стать побѣдителемъ въ такомъ обществѣ, какое, какъ мы только что видѣли, представляло изъ себя козачество. Добившись посредствомъ щедрыхъ подкуповъ гетманства, Тетеря видѣлъ въ украинскомъ народѣ только средство къ обогащенію. Онъ стремился къ тому, чтобы обобрать Украину, а потомъ бросить, что случилось и на самомъ дѣлѣ. Поэтому онъ является во все продолженіе своего короткаго гетманства вѣрнымъ и непоколебимымъ слугой Польши. А въ народѣ, между тѣмъ, союзъ наскоро составленный съ Польшей расползался, а тѣмъ болѣе за время гетманства Тетери, старавшагося поддерживать свой авторитетъ различными репрессаліями и опиравшагося исключительно на польскую вооруженную силу. Его гетманство является, такимъ образомъ, послѣднимъ актомъ вновь созданнаго союза съ Польшею. Уже въ его время вспыхивали то тутъ, то тамъ искры протеста противъ Польши, и эпоха, послѣдовавшая непосредственно за его гет-

манствомъ, явилась послѣднимъ актомъ борьбы съ Польшей, окончившейся полной гибелью козачества и такъ называемымъ *первымъ запустѣніемъ Украины*.

Во все время своего гетманства Тетеря держитъ себя передъ польскимъ правительствомъ, какъ человѣкъ совершенно чуждый тому народу, которымъ онъ призванъ управлять. Онъ согласенъ даже, если это нужно, оставить гетманскій постъ, какъ только этого пожелаетъ король и польское правительство [1]). Тотчасъ послѣ своего избранія, онъ отправляетъ посломъ въ Польшу Гуляницкаго. Въ инструкціи, данной ему, и еще раньше, въ письмахъ Тетери къ королю, онъ требуетъ исполненія статьи о возвращеніи духовныхъ имуществъ [2]). Не смотря на всю свою покорность Польшѣ, Тетеря не можетъ не сдѣлать этого, потому что иначе это совершенно могло бы погубить его и безъ того шаткую популярность. Но польское правительство совершенно ясно сознавало, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и конечно не думало объ исполненіи этой статьи. Кромѣ того и Тетеря, ясно понимая, что ему долго не удержаться, постоянно проситъ у Польши вспомогательныхъ войскъ. Положеніе дѣлъ въ Украинѣ очень незавидное: татары продолжаютъ ходить загонами по Украинѣ и опустошаютъ города и села, жителей же угоняютъ въ плѣнъ [3]). Тетеря боится, чтобы съ весной появленіе новыхъ татарскихъ силъ не вызвало переполоха на Украинѣ [4]). Въ маѣ мѣсяцѣ Украину постигло новое бѣдствіе—вторженіе калмыковъ, которые, дойдя до самаго Чигирина, ушли неизвѣстно куда [5]). Все это заставляетъ Тетерю все настойчивѣе и настойчивѣе просить присылки военной силы со стороны Польши [6]). Для защиты отъ лѣваго берега Тетеря укрѣпляетъ Кременчугъ [7]). Кромѣ того одно событіе показало Тетерѣ, что въ народѣ начинаетъ вспыхивать старая ненависть къ Польшѣ и что союзъ съ ней только вынужденный, а потому безъ помощи Польши ему долго не удержаться. Событіе это—первая вспышка протеста противъ Польши—возстаніе Паволочскаго полковника Ивана Поповича. Возстаніе

---

[1]) Памятн. Кіев. Ком., т. IV, отд. 3.
[2]) Ibidem, № 55, 56, 57 и 57, стр. 272 1 далѣе.
[3]) Памятн. Кіев. Ком., т. IV, отд. 3, № 55.
[4]) Ibidem.
[5]) Памятн. Кіев. Ком., т. IV, отд. 3, № 67 и 68, стр. 318 и д.
[6]) Ibidem.
[7]) Памятн. Кіев. Ком., т. IV, отд. 3, №№ 62, 63 и 64, стр. 293—303.

это носило совершенно демократическій характеръ и было первой вспышкой давно уже ходившаго недовольства союзомъ съ Польшей. Относительно этого возстанія существуютъ два небольшихъ изслѣдованія—г. Лянскоронскаго[1]) и Ив. Новицкаго[2]), изъ которыхъ первый видитъ въ возстаніи Поповича попытку остановить раздвоеніе Украины, а другой видитъ въ немъ одно изъ проявленій политики малорусской старшины, а въ самомъ Поповичѣ—орудіе старшинской партіи. Мнѣ же кажется, что это была одна изъ народныхъ вспышекъ—попытка избавиться отъ ненавистнаго ляшскаго ига. Еще въ самомъ началѣ 1663 года Поповичъ, будучи полковникомъ паволочскимъ, началъ въ своемъ полку разгонять шляхту и жидовъ[3]). Такого рода дѣйствія конечно обратили на себя вниманіе Тетери, и онъ хотѣлъ казнить Поповича, который будто-бы вступалъ въ сношенія съ Сомкомъ, хотя извѣстія объ этихъ сношеніяхъ довольно сомнительны. На это указываетъ Грабянка[4]), и конечно, возможно допустить, что Сомко, искавшій всякихъ случаевъ подчинить себѣ правый берегъ, вступилъ въ сношенія съ человѣкомъ, завѣдомо враждебнымъ полякамъ; но съ другой стороны—вполнѣ естественно, что Сомко, старавшійся подслужиться московскому правительству и выставлявшій на видъ каждое дѣйствіе, направленное на пользу Москвы, упомянулъ бы въ своихъ донесеніяхъ объ этихъ сношеніяхъ. Между тѣмъ въ V-мъ томѣ актовъ, относящихся къ исторіи Южной и Западной Россіи, мы ни слова не находимъ объ этихъ сношеніяхъ. Такимъ образомъ, сношенія Поповича съ Сомкомъ являются совершенно не доказанными. Не доказаны также сношенія его съ Брюховецкимъ., о которыхъ упоминается у Самовидца[5]). Въ письмѣ Брюховецкаго въ Москву, въ которомъ онъ говоритъ объ этомъ возстаніи, ни слова не упоминается о томъ, чтобы Поповичъ просилъ у него помощи[6]). Всѣ эти обстоятельства заставляютъ меня утверждать, что возстаніе это было явленіе чисто народное. Отъ казни въ этотъ разъ Поповичъ освободился только благодаря ходатайству нѣкоторыхъ старшинъ и даже митрополита кіевскаго, который взялъ съ него обѣтъ принять

---

[1]) Кіев. Стар. 1889 г., кн. 5—6, стр. 570—577.
[2]) Кіев. Стар. 1889 г., кн. 11, стр. 429—439.
[3]) Jerlich, т. II, стр. 74.
[4]) Лѣтоп. Грабянки, стр. 183.
[5]) Лѣт. Самовидца, изд 1878 г. стр. 78.
[6]) Акты Южн. и Запад. Рос. т. V, № 67.

священническій санъ[1]). Но не прошло и 4-хъ мѣсяцевъ, какъ Поповичъ снова поднялъ возстаніе въ паволочскомъ полку. По словамъ Грабянки, Поповичъ, видя, „что ляхи паки господствовати начаша“ [2]), сбросилъ съ себя священство и снова принялся за старое. По свидѣтельству, какъ польскаго историка[3]), такъ и малорусскаго лѣтописца[4]), толчокъ былъ данъ отъ кіевскаго воеводы и отъ Сомка. Поповичъ будто-бы получилъ отъ кіевскаго воеводы какую то царскую грамоту, или привилегію[5]). Но мнѣ кажется, что извѣстіе это является остроумной попыткой обоихъ источниковъ такъ или иначе объяснить возстаніе Поповича. Лишь только стала извѣстна новая рѣшимость Поповича, какъ къ нему массами начали стекаться приверженцы. Поповичъ идетъ къ Паволочи, истребляя по дорогѣ жидовъ и шляхту. Въ Паволочи въ это время сидѣлъ сендомирскій воевода Лисаковскій. Поповичъ, напавъ неожиданно на Паволочь, овладѣлъ ею, а Лисаковскій и многіе другіе польскіе урядники, масса евреевъ и богатыхъ мѣщанъ, были убиты. Толпы бунтовщиковъ разсыпались по Паволочскому полку[6]) и вскорѣ тамъ не осталось ни одного ляха и жида[7]). Но Тетеря въ страхѣ, чтобы это, въ началѣ такое незначительное, возстаніе не приняло потомъ болѣе крупныхъ размѣровъ, посылаетъ противъ него войско подъ начальствомъ Дорошенка[8]). По одному извѣстію, Поповичъ былъ выданъ вмѣстѣ съ другими пятнадцатью его соумышленниками, паволочскими мѣщанами, которымъ надоѣла продолжительная осада[9]), а по другому—онъ самъ сдался, не желая губить города[10]). Во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что возстаніе было подавлено[11]). Плѣнный Поповичъ былъ привезенъ въ Чигиринъ и подвергнутъ пыткѣ, съ цѣлью узнать, кто побудилъ его начать возстаніе[12]). Одно извѣстіе гласитъ,

---

[1]) Jerlich, т. II, стр 74.
[2]) Jerlich, т. II, стр. 75.
[3]) Грабянка, стр. 183.
[4]) Jerlich, стр. 75.
[5]) Ibibem.
[6]) Соловьевъ, т. II, стр. 137.
[7]) Памятн. Кіев. Ком., т. IV, отд. 3, № 71, стр. 332.
[8]) Jerlich, 75.
[9]) Самовид., изд. 1878 г. стр. 78; Грабянка, стр. 183.
[10]) Памятн. Кіев. Ком., т. IV, отд. 3, № 71, стр. 332.
[11]) Jerlich, т. II, стр. 80.
[12]) Памятн. Кіев. Ком., т. IV, отд. 3, № 72, стр. 336.

› будто онъ показалъ на многихъ старшинъ, какъ на своихъ со-
ıстниковъ [1]).

Хотя возстаніе это и было подавлено, но оно показало Тетерѣ,
ːово общественное настроеніе, и убѣдило, что положеніе его болѣе
ıъ шатко. Въ письмѣ своемъ къ Яну Казимиру, отъ 16 іюля, онъ
луется на то, что попалъ въ лабиринтъ всякихъ золъ и затруд-
ıій и что ежеминутно готовъ отказаться отъ гетманской должно-
ı, но пока проситъ о присылкѣ вспомогательныхъ силъ [2]). Потомъ
ь идетъ еще дальше. 25 іюля онъ посылаетъ пословъ въ Польшу съ ин-
›укціей, въ которой имъ велѣно умолять ею королевскую милость
ıно явиться въ Украину [3]). Появленіе короля съ войскомъ на Укра-
ѣ, писалъ Тетеря, разрѣшитъ всякія недоразумѣнія въ Украинѣ,
ıчтожитъ вліяніе московскихъ козней, укрѣпитъ татаръ, съ кото-
ми Тетеря уже раньше вошелъ въ переговоры [4]), и кромѣ того,
›оль, если захочетъ, то поставитъ кого ему угодно гетманомъ.
›й просьбой Тетеря ставитъ свое положеніе на карту—если походъ
›оля, о которомъ онъ просилъ, будетъ успѣшенъ, то положеніе его
›очится, въ противномъ случаѣ трудно будетъ ему удержаться на
емъ посту. Въ то же время Тетеря начанаетъ разсылать универ-
ːы на лѣвый берегъ, убѣждая жителей измѣнить Москвѣ и отдаться
сторону Польши [5]). А на лѣвой сторонѣ въ это время былъ из-
ıнъ гетманомъ достойный соперникъ Тетери—Иванъ Брюховецкій,
овѣкъ совершенно такого же пошиба, какъ и онъ, столкнувшій
ихъ соперниковъ, Сомка и Золотаренка, при содѣйствіи запорож-
ːъ, на черной радѣ, собравшейся подъ Нѣжиномъ 17 іюня 1663
а [6]). Очевидно, что просьбы Тетери возымѣли свое дѣйствіе, потому
въ слѣдующемъ письмѣ къ королю, отъ 20 іюня онъ, въ востор-
ıномъ тонѣ, описываетъ радость, которой прониклись всѣ жители
раины при извѣстіи о томъ, что имъ удастся лицезрѣть своего
дыку [7]). Подстрекаемый Тетерею, король хотѣлъ непремѣнно идти

---

[1]) Памятн. Кіев. Ком., т. IV, отд. 3, № 72, стр. 336.
[2]) Ibidem,—№ 75, стр. 355.
[3]) Ibidem,—№ 76, стр. 356—359.
[4]) Ibidem,—№ 70, стр. 324.
[5]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. V, № 81.
[6]) Малор. Лѣтоп.; Акты Южн. и Зап. Рос., т. V, № 70; Памятн. Кіев. Ком. V, № 72.
[7]) Памятн. Кіев. Ком., т. IV, отд. 3, № 79, стр. 370.

въ Украину, не смотря на протестъ со стороны многихъ пановъ, въ числѣ которыхъ былъ и знаменитый Любомирскій. Этотъ протестъ окончился ссорою его съ королемъ[1]), ссорою, которая впослѣдствіи послужила причиной междоусобной войны въ Польшѣ, конфедераціи.

Подъ Сокольниками сдѣланъ былъ смотръ польскому войску[2]). На видъ оно было очень красиво и хорошо устроено, но дѣло въ томъ, что жолнеры готовы были каждую минуту бунтовать, если только имъ не будетъ заплочено жалованье. Количество всего польскаго войска доходило до 24000[3]). Кромѣ того на цецорскихъ поляхъ ужъ давно стояли татарскія орды и ожидали только извѣстія, чтобы идти на войну[4]). Польское войско раздѣлено было на три отряда. Первымъ отрядомъ начальствовалъ коронный гетманъ Потоцкій и онъ долженъ былъ двинуться на Тарнополь; другой, подъ начальствомъ Стефана Чарнецкаго, долженъ былъ идти по направленію къ Дубно, и наконецъ третій отрядъ, подъ начальствомъ Яна Собѣсскаго, двинулся на Баръ[5]). Этотъ отрядъ соединился съ татарами и главный татарскій начальникъ Дедешъ-ага опредѣлилъ цифру татарскихъ войскъ въ 40000, присовокупивъ, что въ случаѣ надобности самъ ханъ готовъ двинуться на помощь полякамъ[6]). Самъ король, съ небольшимъ отрядомъ подъ начальствомъ Бокуна, двигался по направленію къ Подгайцамъ[7]).

А на Украинѣ дѣла складывались вовсе не такъ, какъ того желали бы поляки. Митрополитъ кіевскій Гедеонъ Балабанъ, большой благопріятель поляковъ, скончался, и на его мѣстѣ избранъ былъ Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій, человѣкъ преданный народному дѣлу и непріятель Польши[8]). Избраніе происходило въ Корсунѣ[9]). Тетеря ясно понималъ, что избраніе такого человѣка, какъ Тукальскій, очень невыгодно для Польши, а значитъ и для него, который только и держался при помощи польскаго правительства. Впослѣдствіи Тукаль-

---

[1]) Костомаровъ, т. XV, стр. 10.
[2]) Hist. pan. Jana-Kaz, т. II, стр. 230.
[3]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, стр. 237.
[4]) Annal. Pol. Clim., III, стр. 84.
[5]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, стр. 233; Annal. Pol. Clim., III, 84.
[6]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, стр. 235; Annal. Pol. Clim., III, 87.
[7]) Ibidem.
[8]) Памятн. Кіев. Ком. т. IV, отд. 3, № 82, стр. 383.
[9]) Лѣтоп. Величка, т. II, стр. 78; Лѣтоп. Самовидца, изд. 1878 г. стр. 84.

скій доказалъ на дѣлѣ, что опасенія Тетери были не напрасны. Онъ увидѣлъ, что несмотря на всѣ усилія[1]), въ дѣлѣ избранія Тукальскаго онъ ничего не можетъ подѣлать. Всеобщее желаніе такъ ясно было выражено, что самъ Тетеря, не присутствовавшій даже на выборѣ, припужденъ былъ подать голосъ за Тукальскаго[2]). Разъ выборъ состоялся, Тетерѣ не оставалось ничего болѣе, какъ просить Польшу не дѣлать затрудненій въ дѣлѣ выдачи Тукальскому изъ королевской канцеляріи привилегіи на митрополію[3]). Впослѣдствіи Тетеря сумѣлъ отдѣлаться отъ ненавистнаго ему митрополита инымъ способомъ.

Между тѣмъ польское войско вступило въ Украину. 8 октября король вошелъ въ Бѣлую Церковь[4]). Сюда явился и гетманъ Тетеря со всѣми полковниками, подвластными ему: былъ тутъ и Гуляницкій, и Ханенко, и Мелешко, и старый сподвижникъ Богдана—Богунъ[5]). Число полковниковъ, по одному польскому извѣстію, насчитывали до 13[6]), а по другому малорусскому ихъ было только 10[7]). Явилась сюда и депутація отъ духовенства съ Юріемъ Хмельницкимъ, теперь монахомъ Гедеономъ, во главѣ[8]). Тукальскій на дѣлѣ показалъ, что онъ не желаетъ кланяться полякамъ. Тутъ произошелъ интересный диспутъ между двумя представителями враждебныхъ вѣроисповѣданій. Этотъ диспутъ очень подробно приведенъ въ Лѣтописи Величка[9]). Затѣмъ состоялся военный совѣтъ, на которомъ, особенно благодаря настоянію Дедешъ-аги, рѣшено было перенести центръ войны на лѣвый берегъ[10]). Татарамъ хотѣлось поживиться въ нетронутомъ еще лѣвобережномъ краѣ. Правый берегъ уже достаточно былъ опустошенъ. Несмотря, однако, на такое рѣшеніе король еще болѣе мѣсяца простоялъ на правомъ берегу. За это время Тетеря посылалъ универсалы на лѣвый берегъ, увѣщевая жителей сдаться[11]). Но универ-

---

[1]) Памятн. Кіев. Ком., т. IV, отд. 3, № 82.
[2]) Ibidem, № 83.
[3]) Ibidem, № 74.
[4]) Кіев. Стар. 1885 г., кн. 1. стр. 71.
[5]) Annal. Pol. Clim., III, стр. 87.
[6]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, стр. 236.
[7]) Кіев. Стар. 1885 г., кн. 1, стр. 71.
[8]) Histor. pan. Jana-Kaz.. т. II, стр. 238.
[9]) Лѣтоп. Величка, т. II, стр. 42—76.
[10]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, стр. 235; Annal. Pol. Clim., III, 88.
[11]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. V, № 81.

салы эти не возымѣли своего дѣйствія; даже Кременчугъ, который, какъ намъ извѣстно, Тетеря старался удержать, какъ важный стратегическій пунктъ, и тотъ сдался сначала войсковому эсаулу Нужному, а потомъ туда подошелъ было самъ Брюховецкій, но услыхавъ о вступленіи въ Украину сильнаго польскаго войска, отступилъ въ Гадячъ [1]). Въ ноябрѣ началась переправа. Въ мѣстечкѣ Ставищахъ—ставшемъ впослѣдствіи очагомъ возстаній противъ Польши—сдѣланъ былъ складъ артиллерійскихъ снарядовъ и устроенъ центральный госпиталь для раненыхъ. Начальникомъ отряда, оставленнаго для обереганія этихъ учежденій, сдѣланъ былъ Себастіанъ Маховскій [2]). На правомъ берегу остался самъ Тетеря и съ нимъ нѣсколько польскихъ хоругвей [3]). Онъ послалъ на Запорожье письмо, увѣщевая запорожцевъ примкнуть къ союзу съ нимъ. Въ это время тамъ былъ кошевымъ знаменитый Сѣрко. Тамъ же находился и московскій стольникъ Косаговъ съ небольшимъ отрядомъ. Сѣрко сумѣлъ повернуть умы запорожцевъ въ пользу Москвы. Вмѣстѣ съ Косаговымъ они вышли изъ Запорожья, пожгли татарскіе улусы и разбили даже довольно сильный татарскій отрядъ, что и отклонило хана отъ мысли идти на помощь королю [4]). Переправа польскихъ войскъ черезъ Днѣпръ состоялась 13 ноября у Ржищева [5]), а татары ниже по Днѣпру, у Триполья [6]), переправлялись вплавь, держась, по своему обыкновенію, за хвосты лошадей. Сначала у поляковъ явился планъ овладѣть Кіевомъ, но потомъ этотъ планъ былъ оставленъ. Кіевъ былъ сильно укрѣпленъ, тамъ сидѣло 7000 человѣкъ гарнизону, и осада такой сильной крѣпости затянулась бы надолго; поэтому порѣшили, сначала заняться завоеваніемъ всего края, а затѣмъ, когда это удастся, то Кіевъ самъ собой сдастся [7]). Переправившись на лѣвый берегъ, поляки не встрѣтили ни московскаго, ни козацкаго войска. Шло польское войско налегкѣ, разсчитывая все продовольствіе достать въ непріятельской странѣ—но на дѣлѣ вышло совершенно иначе: стояла зима, такъ что на поляхъ достать ничего нельзя было, а каждый

[1]) Лѣтоп. Самовидца, изд. 1878 г. стр. 78—79.
[2]) Hist. pan. Jana-Kaz. т. II, стр. 235; Annal. Pol. Clim. III, 88
[3]) Ibidem.
[4]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. V, № 64.
[5]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, 240; Акты Южн. и Зап. Рос., т. V, 87.
[6]) Ibidem; Annal. Pol. Clim., III, стр. 91.
[7]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, стр. 241.

даже незначительный городокъ приходилось добывать съ бою. Всѣ эти обстоятельства сильно охлаждали пылъ польскаго войска: „полякъ, говоритъ польскій историкъ „горючъ, какъ солома, скоро загорается, но скоро и сгораетъ, а огня послѣ себя мало оставляетъ" [1]). Такъ вышло и теперь: воодушевленіе было сначала очень велико, а потомъ, когда пришлось вести медленную войну, при неблагопріятныхъ условіяхъ, то походъ окончился неудачно. Первымъ городкомъ, испытавшимъ на себѣ силу польскаго оружія былъ Воронковъ [2]), который былъ взятъ и разграбленъ войсковой прислугой [3]). Далѣе, на дорогѣ лежалъ Барышполь. Барышпольцы сначала храбрились и отвѣчали посланному передовому отряду, что они вѣдь не трогаютъ поляковъ, то пусть и поляки идутъ мимо ихъ города. Но когда войска пошли на приступъ, то Барышпольцы принуждены были просить пощады и выдать своего предводителя, нѣкоего сотника Собу. Хотя жители и были пощажены, но должны были голодному польскому войску доставить провіантъ [4]). Послѣ этого всѣ городки начали безъ сопротивленія сдаваться [5]). Такъ дошли поляки до Остра. Городъ этотъ былъ такъ удобно расположенъ между сліяньемъ трехъ рѣчекъ, что при той распутицѣ, которая была въ то время, взять его было очень трудно. Но на счастье поляковъ ударили морозы, рѣчки, окружающія Остеръ, замерзли, и поляки по льду могли приблизиться къ городу и начать его штурмовать. 5 декабря былъ генеральный штурмъ. Не долго держался Остеръ: на другое утро жители прислали парламентеровъ и сдались, убѣждая короля, что они поневолѣ должны были не покоряться ему, въ виду то, что въ городѣ находился московскій гарнизонъ [6]). Рѣшено было отдохнуть немного въ Острѣ, такъ какъ войско было очень утомлено. Самъ король провелъ Рождество въ простой хатѣ, выстроенной нарочно для него [7]). Во время стоянки въ Острѣ, отряды польскаго войска, подъ начальствомъ Чарнецкаго, отправились въ сторону отъ этого города, покорять окрестные города. Къ нимъ примкнули козаки подъ начальствомъ знаменитаго Богуна, стараго сподвижника Бог-

---

[1]) Annal. Pol. Clim., III, стр. 92.
[2]) Лѣтоп. Самовидца, изд. 1878 г., стр. 79.
[3]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, стр. 241.
[4]) Ibidem, стр. 241—242; Annal. Pol. Clim., III, 92—93
[5]) Лѣтоп. Самовидца, изд. 1878 г. 79; Ригельманъ, т. II, стр. 72.
[6]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, стр. 243—244; Annal. Pol. Clim., III, 94.
[7]) Ibidem.

дана. Отряженный Чарнецкимъ ротмистръ Тележинскій взялъ Роменъ, жители котораго впустили поляковъ черезъ одни ворота, а сами черезъ другія убѣжали, такъ что Тележинскому достался пустой городъ [1]). Вслѣдъ за Ромномъ начали сдаваться и другіе города. На всѣхъ производило обаяніе имя Богуна, бывшаго наказнымъ гетманомъ; до сихъ поръ этотъ человѣкъ пользовался широкимъ авторитетомъ [2]). Только Монастырище не хотѣло сдаваться. Оно было взято приступомъ и отдано татарамъ на разграбленіе [3]). Жители многихъ мѣстечекъ становились даже въ ряды козаковъ, находившихся подъ начальствомъ Богуна.

Такъ прошелъ декабрь 1663 года. Между тѣмъ татары, набравши достаточно полону, начали уходить восвояси и на всѣ просьбы короля остаться еще на нѣкоторое время султаны отвѣчали: „будетъ съ васъ, мы уже и такъ довольно помогли вамъ“. Въ видѣ утѣшенія одинъ мурза сказалъ, что будутъ, можетъ быть, присланы свѣжія татарскія орды [4]). Войско разбѣгалось. Стоять дольше было невозможно. Король послалъ Тетерѣ приказъ идти къ нему на лѣвый берегъ [5]), а литовскому войску также посланъ приказъ идти на соединеніе съ королемъ [6]). Въ первыхъ числахъ января король выступилъ изъ Остра и двинулся по направленію къ московской границѣ [7]). Мимо Нѣжина, который поляки боялись трогать въ виду его укрѣпленнаго положенія и многочисленнаго гарнизона изъ московскихъ ратныхъ людей и полковъ нѣжинскаго и зиньковскаго, войско прошло на Олишевку [8]). По дорогѣ Богунъ взялъ Борзну,—городъ этотъ сдался добровольно, такъ какъ тамъ засѣлъ лубенскій полковникъ, а много козаковъ изъ этого полка находились въ рядахъ Богуна [9]). По дорогѣ короля лежало мѣстечко—Салтыкова Дѣвица. Мѣстечко это расположено на берегу Десны [10]), и, по описанію польскаго историка, изъ сочиненія котораго мы и заимствуемъ описаніе этого по-

---

[1]) Ibidem.
[2]) Лѣтоп. Самовидца, изд. 1878 г. стр. 80; Ригельманъ, т. II, 72.
[3]) Лѣтоп. Самовидца, изд. 1878 г. стр. 80; Ригельманъ, т. II, стр. 72.
[4]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, стр. 244—245; Annal. pol. Clim., III, 95.
[5]) Лѣтоп. Величка, т. II, стр. 80.
[6]) Annal. Pol. Clim., III, стр. 95.
[7]) Ibidem.
[8]) Лѣтоп. Самовидца, изд. 1878 г. стр. 80; Ригельманъ, т. II, стр. 72.
[9]) Ibidem, стр. 81.
[10]) Ibidem.

хода, служило мѣстомъ сборища всякаго рода бродягъ и проходимцевъ [1]). Долго не сдавалось упрямое мѣстечко, и, по свидѣтельству того же польскаго историка, взято оно было только благодаря случайности, давшей возможность польскимъ жолнерамъ зайти съ тылу и ворваться въ замокъ, гдѣ были спрятаны козацкія жены и дѣти. Разсвирѣпѣвшіе отъ долгой осады жолнеры, несмотря на обѣщанную раньше пощаду жителямъ, если они сдадутся, теперь, когда жители бросали оружіе [2]) и умоляли о помилованіи, не щадили ни пола, ни возраста. По описанію же несомнѣнно-достовѣрнаго малорусскаго лѣтописца, Дѣвица сдалась послѣ долгой осады на слово; но поляки не сдержали слова и истребили всѣхъ жителей поголовно [3]).

Отсюда польское войско двинулось далѣе. По пути они узнали, что въ Сосницѣ находятся московскіе послы съ 30-ю возами, полными денегъ для раздачи жителямъ, съ цѣлью привязать ихъ къ Москвѣ. Войско пошло къ Сосницѣ, жители которой сдались безъ боя, такъ какъ ихъ сотникъ находился въ Березномъ [4]). Схваченные послы показали, что они не везутъ никакихъ денегъ, а напротивъ посланы въ Кіевъ забрать тамъ казну, образовавшуюся изъ податей. Однако ихъ посадили подъ стражу, а козаковъ Брюховецкаго, взятыхъ при этомъ, казнили смертію: поляки считали ихъ не иноземными врагами, но своими домашними измѣнниками [5]). Изъ Сосницы поляки двинулись на Мену, но по дорогѣ овладѣли безъ боя мѣстечкомъ Новыми Млынами, гдѣ и стали лагеремъ за селомъ [6]). Въ это время канцлеръ Пражмовскій, ѣхавшій къ королю, расположился здѣсь на ночлегъ. Провѣдалъ объ этомъ сотникъ Нужный и ворвался въ мѣстечко темной, зимней ночью. Пражмовскій едва спасся отъ плѣна. Козакамъ досталась его карета, множество серебра и даже серебряная канцлерская печать [7]). Изъ-подъ Новыхъ Млыновъ посланъ былъ подъѣздъ къ Батурину. Возвратившіеся подъѣздчики донесли, что Бату-

---

[1]) Hist. Pan. Jana-Kaz., т. II, стр. 247.

[2]) Hist. Pan. Jana-Kaz., т. II, стр 247—249; Krajewski, т. II, 2—9; Annal. Pol. Clim., III, 100—101.

[3]) Лѣтоп. Самовидца, изд. 1878 г. стр. 81; Лѣтоп. Грабянки, стр. 184; Ригельманъ, т. II, 72.

[4]) Лѣтоп. Самовидца, изд. 1878 г. стр. 81.

[5]) Krajewski, т. II, стр. 3—4; Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, стр. 250.

[6]) Лѣтоп. Самовидца, изд. 1878 г. стр. 81; Ригельманъ, т. II, стр. 73.

[7]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, 245—246; Annal. Pol. Clim., III, 96.

ринъ сильно укрѣпленъ и что у Брюховецкаго такъ много людей, что ихъ не допустили даже до хуторовъ, окружающихъ Батуринъ [1]). Это извѣстіе отклонило короля отъ намѣренія добывать Батуринъ и онъ двинулся было къ Путивлю, узнавъ, что московскія войска не пропускаютъ литовцевъ, шедшихъ, чтобы соединиться съ нимъ; но Путивля онъ осаждать не сталъ, а пройдя черезъ Новгородъ Сѣверскій двинулся подъ Глуховъ и занялся осадой этого города [2]).

Мы не станемъ останавливаться на этой осадѣ; она очень подробно и обстоятельно описана у Костомарова [3]). Скажемъ только, что осада эта, несмотря на всѣ усилія, ни къ чему не привела. Поляки потеряли массу людей. Зимняя стужа гибельно дѣйствовала на польскихъ жолнеровъ; провіанту достать было не откуда; люди страдали отъ голода; кони падали, не получая корму [4]). Наконецъ пришло извѣстіе, что на выручку Глухова идетъ Брюховецкій съ Ромодановскимъ. Рѣшили оставить осаду Глухова и готовиться къ бою. Бой этотъ произошелъ, по свидѣтельству Величка, 30-го января и окончился полнымъ пораженіемъ поляковъ [5]). Нѣтъ сомнѣнія, что бой этотъ происходилъ, потому что о томъ свидѣтельствуетъ царская грамота Брюховецкому на боярство, въ которой упоминается, что онъ вмѣстѣ съ Ромодановскимъ сражался противъ поляковъ [6]). Польское войско отступило къ Новгородъ-Сѣверску [7]). На пути къ этому городу, при переправѣ черезъ Десну, у села Пироговки, Брюховецкій съ Ромодановскимъ догнали отступавшее польское войско и сильно побили его. По свидѣтельству малорусскаго лѣтописца, подоспѣй изъ Путивля бывшіе тамъ воеводы съ войскомъ, то и самому королю не уйти бы отъ плѣна [8]). Новгородъ-Сѣверскъ не впустилъ польскаго войска [9]). Расположившись около него, собрали поляки военный совѣтъ, на которомъ порѣшили королю, съ частью войска, отступить за литовскій рубежъ, а Собѣсскому съ Чарнецкимъ возвратиться въ

[1]) Лѣтоп. Самовидца, изд. 1878 г., 81; Ригельманъ, т. II, 73; Грабянка, 184

[2]) Ibidem; Лѣтоп. Величка, стр. 80, 81.

[3]) Костомаровъ, т. XV, стр. 29—33.

[4]) Лѣтоп. Самовидца, изд. 1878 г. стр. 82.

[5]) Лѣтоп. Величка, т. II, стр. 80—83.

[6]) Полное Собр. Законовъ, т. V, стр. 633.

[7]) Лѣтоп. Самовидца, стр. 83; Ригельманъ, т. II, 73; Лѣтоп. Величка, т. II, 83.

[8]) Лѣтоп. Самовидца, стр. 82; Грабянка, стр. 185.

[9]) Ibidem.

правобережную Украину [1]), для усмиренія возстанія, о которомъ уже доносились вѣсти, и которое вспыхнуло тотчасъ, какъ король и Тетеря ушли на правый берегъ. Стоя подъ Новгородъ-Сѣверскомъ поляки обвинили, бывшаго въ королевскомъ войскѣ, полковника Богуна, будто онъ тайно передавалъ всѣ распоряженія поляковъ осаждаемымъ, и кромѣ того, сносился съ Ромодановскимъ, обѣщая ударить на враговъ съ тылу, когда они будутъ переправляться черезъ Десну [2]). Военный полевой судъ приговорилъ Богуна къ смерти и онъ былъ разстрѣлянъ [3]). Источники не сообщаютъ намъ, какимъ образомъ поляки узнали о дѣйствіяхъ Богуна. Думается, что это были происки Тетери, который, наученный примѣромъ Поповича, хотѣлъ устранить всѣхъ вліятельныхъ, авторитетныхъ лицъ, которыя могли бы взять въ свои руки дѣло протеста народнаго, уже разгоравшагося на правомъ берегу противъ Польши. Это мнѣніе можно подтвердить тѣмъ, что, какъ мы узнаемъ впослѣдствіи, Тетеря сумѣлъ избавиться отъ всѣхъ людей, казавшихся ему болѣе или менѣе опасными и вліятельными.

Такимъ образомъ и послѣдняя попытка поляковъ пріобрѣсть лѣвый берегъ окончилась неудачей. Эта попытка была послѣднимъ актомъ борьбы съ Польшей, въ которомъ принимало участіе лѣвобережное козачество. Съ этихъ поръ борьба эта, только въ нѣкоторыхъ случаяхъ косвенно, такъ сказать, своими послѣдствіями затрагивала его.

Теперь намъ нужно возвратиться нѣсколько назадъ. Когда Тетеря получилъ королевскій приказъ идти на лѣвый берегъ, онъ переправился черезъ Днѣпръ ниже Черкасъ [4]) и двинулся на востокъ, по направленію къ Гадячу. Города, занятые союзными или дейнецкими полками, сдавались ему, иные безъ сопротивленія, а другіе послѣ болѣе или менѣе продолжительной осады. Во время похода Тетеря старался, чтобы въ тылу у него не оставалось ни одного не взятаго города; дѣлалось это изъ опасенія нападенія на правый берегъ. Не сдавалась только одна Лохвица, да и Гадячъ, подъ которымъ сталъ Тетеря, добыть было очень трудно [5]). Наконецъ, услышавъ объ осадѣ

---

[1]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, стр. 267.

[2]) Lat Jerlicza, т. II, стр. 88—89.

[3]) Памятн. Кіев. Ком. т. IV, отд. 3, № 93, стр. 425—429.

[4]) Кіевск. Стар. 1885 г. кн. I, стр. 71 (Изъ дневника Мих. Мовчана).

[5]) Памятн. Кіев. Ком. т. IV, отд. 3, № 86, стр. 394—397.

Глухова, Тетеря оставилъ Гадячъ и по теченію рѣки Псла, двинулся на соединеніе съ королемъ [1]). Но короля подъ Глуховымъ онъ уже не засталъ. Тогда Тетеря быстро повернулъ обратно и пошелъ къ Днѣпру, куда его призывали вѣсти о разгоравшемся возстаніи.

Дѣло въ томъ, что, какъ мы уже говорили, отношенія съ Польшею были въ самомъ натянутомъ положеніи. Всякій союзъ съ Польшею отождествлялся съ возвращеніемъ въ имѣнія польскихъ помѣщиковъ, и потому Тетеря могъ держаться только благодаря польской вооруженной силѣ. Лишь только король со своимъ войскомъ удалился, лишь только ушелъ и самъ Тетеря, то нужна была одна искорка, чтобы вспыхнули всѣ недовольные элементы. Такой искрой явилась пропаганда идеи подчиненія Москвѣ и этой идеей прикрывались всѣ предводители возстанія,—а народъ стремился только къ тому, чтобы освободиться отъ ненавистныхъ пановъ и жидовъ, а о дальнѣйшемъ онъ не думалъ. Особенной ненавистью народа пользовался гетманъ Тетеря. Маховскій, въ письмѣ своемъ отъ 8-го февраля, приводитъ въ примѣръ одного козака, который, убивая польскаго пахолка, кричалъ: „такъ скоро будетъ и съ вашимъ гетманомъ“ [2]). Сѣрко вышедшій съ Косаговымъ изъ Сѣчи и разграбившій, какъ уже намъ извѣстно, перекопскіе улусы, теперь вступилъ въ Украину и кликнулъ кличъ, призывая народъ къ возстанію противъ поляковъ и къ подчиненію московскому царю [3]). Въ одинъ мигъ вспыхнуло возстаніе и охватило все пространство отъ Буга до Днѣстра. Появилась масса полковниковъ, то есть предводителей различныхъ ватагъ. Брюховецкимъ посланъ былъ Семенъ Высочанъ, называемый „гетманскимъ полковникомъ“ [4]). Сѣрко доносилъ Косагову, что весь край изъявилъ готовность покориться его царскому величеству [5]). Предводителями возстанія явились два какихъ-то полковника: Сулимка и Вареница. Число повстанцевъ росло съ каждымъ днемъ. Говорятъ, что у Сулимки было до 30000 человѣкъ [6]). Предводители возстанія прикрывались именемъ Выговскаго [7]). Началось повсемѣстное избіеніе пановъ и жидовъ.

---

[1]) Костомаровъ, т. XV, стр. 37.
[2]) Памятн. Кіев. Ком. т. IV, отд. 3, № 87.
[3]) Костомаровъ, т. XV, стр 42.
[4]) Акты Южн. и Зап. Рос. № 87, стр. 201.
[5]) Ibidem
[6]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, 264; Annal. Pol. Clim., стр. 116.
[7]) Памятн. Кіев. Ком., т. IV, отд. 3, № 91.

Взятъ былъ Трехтемировъ послѣ продолжительнаго штурма [1]), взята была Лисянка и наконецъ сдалось и Ставище [2]), важное тѣмъ, что тамъ оставлена была польская артиллерія для защиты. Маховскій вышелъ было на встрѣчу повстанцамъ, но не сладилъ съ Сулимкой и принужденъ былъ отступить; онъ заперся въ Бѣлой Церкви, гдѣ повстанцы держали его въ осадѣ четыре недѣли [3]). Польскій историкъ сообщаетъ, что повстанцы дошли даже до Чигирина и хотѣли заставить его сдаться, въ виду отсутствія Тетери [4]). Между тѣмъ, перейдя черезъ Днѣпръ, Тетеря остановился лагеремъ въ Ольховцахъ [5]); затѣмъ, пододвинувшись къ Бѣлой Церкви, соединился съ вышедшимъ къ нему Маховскимъ и ударилъ на повстанцевъ; они не выдержали напора соединеннаго войска и бѣжали, а самъ Сулимка сложилъ въ бою свою буйную голову. Побѣдители гнали повстанцевъ до Рокитной [6]).

Это возстаніе дало Тетерѣ возможность избавиться еще отъ одного человѣка, могущаго взять въ свои руки предводительство въ дѣлѣ народнаго протеста. Я не стану перечислять причинъ, вслѣдствіе которыхъ Тетеря ненавидѣлъ Выговскаго и которыя, по мнѣнію Костомарова [7]), послужили для Тетери побужденіемъ уничтожить его. Дѣло въ томъ, что Тетеря хотѣлъ удалить со сцены всѣхъ лицъ, которые могли имѣть какое-либо вліяніе народъ, ясно понимая, что покуда нѣтъ головы, всѣ возстанія подавить легко, и ничего особенно угрожающаго они не представляютъ. Богунъ уже палъ жертвою такой политики Тетери. Теперь настала очередь Выговскаго. Тетеря доноситъ королю, что причиной послѣдняго возстанія и его предводителемъ былъ Выговскій. Доказательствомъ служило какое-то письмо, какого-то игумена, въ которомъ говорилось, что Выговскій ждетъ только случая, чтобы поддаться царю [8]). Тетерѣ присланъ былъ приказъ, какъ можно усерднѣе заняться уничтоженіемъ предводителей возстанія. А между тѣмъ повстанцы распустили слухъ,

---

[1]) Hist. Pan. Jna-Kaz., т. II, 264; Krajewski, т. II, стр. 18.
[2]) Лѣтоп. Самовидца, изд. 1878 г., стр. 83; Грабян, стр. 186.
[3]) Hist. pan. Jna-Kaz., т. II, 264; Annal. Pol. Clim, III, стр. 116.
[4]) Ibidem.
[5]) Latop. Jerlicza, т. II, стр. 87.
[6]) Ibidem.
[7]) Костомаровъ, т. XV, стр. 43—46.
[8]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, 265; Annal. Pol. Clim., III, 117.

что они дѣйствуютъ отъ имени Выговскаго. Въ оправданіе себя отъ обвиненія, Выговскій, въ качествѣ воеводы кіевскаго, издалъ 1-го марта 1664 года универсалъ къ жителямъ своего воеводства, въ которомъ опровергалъ взведенныя на него обвиненія и въ доказательство приводитъ то обстоятельство, что вѣдь онъ самъ отказался отъ гетманскаго уряда [1]). Издавъ универсалъ, онъ сидѣлъ въ Фастовѣ, поджидая съѣзда шляхты, которую онъ сзывалъ на сеймикъ въ Житомиръ. Услышавъ о послѣднихъ событіяхъ, онъ пошелъ къ Бѣлой Церкви, но не засталъ уже тамъ ни Тетери, ни Маховскаго: они погнались за повстанцами до Рокитной. Туда же двинулся и Выговскій и здѣсь получилъ отъ Маховскаго приглашеніе явиться въ Корсунь. Здѣсь засталъ онъ и Тетерю и еще нѣсколько польскихъ офицеровъ. Зашла рѣчь о способахъ наилучшаго усмиренія возстанія. Выговскій началъ развивать свои мысли по этому поводу, какъ вдругъ Маховскій возвышаетъ голосъ противъ него и возводитъ на него обвиненіе въ измѣнѣ. Выговскій началъ оправдываться, но ему представили протоколъ допроса плѣнныхъ сообщниковъ Сулимки, гдѣ они указывали на Выговскаго, какъ на главаря возстанія. Вслѣдъ за тѣмъ прочли ему статью военнаго артикула, которая гласитъ, что за преступленія, въ которыхъ обвинялся Выговскій, полагается смертная казнь. Выговскій началъ было возражать, что они не имѣютъ права судить его, сенатора Рѣчи Посполитой, но на это не получилъ никакого отвѣта; судьи молча вышли, а Выговскаго отвели подъ карауломъ въ избу, служившую ему тюрьмою. На другое утро, несмотря на всѣ протесты и просьбы Выговскаго, чтобы ему позволили хотя бы умереть по-христіански, его вывели изъ избы, гдѣ онъ провелъ ночь, и на порогѣ нѣсколько жолнерскихъ пуль уложили его на мѣстѣ [2]). Насколько справедливы были обвиненія, взведенныя на Выговскаго, рѣшить трудно: показанія плѣнныхъ повстанцевъ настолько темны и сбивчивы, что на основаніи ихъ трудно рѣшить что-нибудь, а другихъ доказательствъ виновности Выговскаго, кромѣ вышеупомянутаго письма какого-то игумена, котораго нѣтъ ни подлинника, ни копіи,

---

[1]) Памятн. Кіев. Ком., т. IV, отд. 3, № 89, стр. 405—410.

[2]) Источниками для бунта Сулимки и гибели Выговскаго послужили: Памятн. Кіев. Ком., т. IV, отд. 3, № 88—91; Арх. Ю.-З. Россіи, т. VIII, ч. II, стр. 116—123; Лѣт. Самов., изд. 1878 г., 83—84; Лѣтоп. Грабянки, стр. 186; Ригельманъ, т. II, 74; Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, 264—267; Annal. Pol. Clim., III, 116—118; Krajewski, т. II, 18—21; Zeleniewicki, стр. 140—146; Latopislec Jerlicza, стр. 83—88.

не имѣется. Правда, въ одномъ источникѣ, какъ на доказательство виновности Выговскаго, указывается на его письма къ хану, выданныя послѣднимъ королю [1]), но опять таки обвиненіе это голословно. Поэтому всякія соображенія на счетъ того, былъ или не былъ Выговскій участникомъ только что описаннаго возстанія, относятся къ области болѣе или менѣе остроумныхъ гипотезъ. Несомнѣннымъ является только то, что король и вообще польское правительство повѣрило доносамъ Тетери на Выговскаго, и казнь его состоялась съ согласія короля. Было бы совершенно неестественно, если бы польское правительство, разъ дѣло было безъ его согласія, оставило безъ наказанія и даже безъ вниманія такое преступленіе, какъ судъ и казнь надъ сенаторомъ Рѣчи Посполитой, совершенные простымъ польскимъ офицеромъ. Къ тому же казнь эта произвела большую сенсацію въ народѣ не въ пользу, конечно, Польши, а потому, уже просто въ видахъ политики, слѣдовало обратить вниманіе на это вопіющее дѣло. Кромѣ того имѣется универсалъ короля Яна-Казимира, дарующій право на владѣніе имѣніями, принадлежавшими раньше Выговскому. Въ универсалѣ этомъ говорится, что Выговскій, признанный измѣнникомъ, былъ судимъ военнымъ судомъ и приговоренъ къ смерти [2]). Всѣ эти обстоятельства заставляютъ меня утверждать, что судъ и казнь надъ Выговскимъ состоялись съ согласія польскаго правительства.

Между тѣмъ польскія войска возвращались въ Украину, а Тетеря послѣ подавленія возстанія двинулся въ Чигиринъ, чтобы тамъ укрѣпиться въ виду ожидаемаго нападенія съ лѣвой стороны. Чарнецкій изъ подъ Новгородъ-Сѣверскаго пошелъ провожать короля до Могилева [3]), а коронный хорунжій Собѣсскій тотчасъ же возвратился въ Украину [4]); передъ собой онъ послалъ универсалъ и убѣждалъ жителей не воевать, предоставить дѣло веденія войны однимъ войсковымъ людямъ, а самимъ приниматься за свои обыденныя занятія. Они должны будутъ, пока совершится перемиріе, давать жолнерамъ продовольствіе, а тѣ между прочимъ будутъ вести себя смирно и не чинить никому обидъ, а напротивъ помогать тому, кто потребуетъ

---

[1]) Сборникъ Лѣтописей, изд. 1888 г., стр. 22.
[2]) Арх. Юго-Зап. Россіи, т. VIII, ч. II, стр. 132.
[3]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, стр. 267.
[4]) Ibidem.

этой помощи[1]). Но универсалъ этотъ не оказалъ своего дѣйствія. На правомъ берегу польское вліяніе сильно было только въ присутствіи войска, а теперь, когда королевскій походъ окончился неудачно, шансы польской партіи совершенно пали.

Первый проблескъ протеста совершился въ возстаніи Сулимки, а теперь, когда можно было надѣяться на помощь съ лѣваго берега, возстаніе должно было вспыхнуть ярче. Тетеря, а съ нимъ и старшинная партія доживали свои послѣдніе дни. Теперь они могли держаться только силой, опасаясь въ случаѣ неуспѣха за свою жизнь.

На возвращавшагося Собѣсскаго наскакивали толпы дейнековъ (этимъ именемъ со временъ Пушкаря назывались добровольныя ватаги, составлявшіяся изъ людей бездомныхъ, такъ называемой „голоты"). Самая сильная стычка была подъ Сосницей, гдѣ на Собѣсскаго напалъ со своей ватагой Скиданъ. Бой былъ неудаченъ для украинцевъ; самъ Скиданъ былъ взятъ въ плѣнъ и посаженъ на колъ [2]). Несмотря на одержанную побѣду, идти полякамъ было очень трудно,—дороги были скверныя; козаки не переставали нападать на нихъ, особенно гдѣ приходилось проходить черезъ лѣса, болота и переправляться черезъ рѣчки. Проводивъ короля до Могилева, Чарнецкій также возвращался въ Украину. Когда онъ подошелъ къ Днѣпру, то оказалось, что на правомъ берегу его поджидалъ Сѣрко. Между тѣмъ переправляться было очень трудно. Днѣпръ только-что растаялъ, плавали льдины, и при такомъ положеніи вещей было сомнительно, кто одержитъ верхъ. Поэтому Чарнецкій рѣшился на хитрость. На берегу, противъ Ржищева, онъ велѣлъ разложить огни, и когда козаки бросились туда, думая что именно тамъ находятся враги, Чарнецкій спустился внизъ по теченію Днѣпра и такъ быстро переправился, что когда козаки увидѣли свою ошибку, то было уже поздно,—Чарнецкій находился уже на правомъ берегу. Сѣрко хотѣлъ вступить съ нимъ въ бой, но тутъ ему донесли, что татары съ яссыремъ возвращаются въ Крымъ. Онъ бросился за ними въ погоню, разбилъ ихъ и отбилъ много плѣнныхъ [3]). Чарнецкій же расположилъ свои войска около Паволочи и Корсуня [4]).

---

[1]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, стр. 271; Krajewski, т. II, стр. 27.

[2]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, стр. 272.

[3]) Ibidem.

[4]) Ibidem, стр. 286.

Опасенія Тетери относительно того, что Брюховецкій вторгнется на правый берагъ, оказались не напрасными. 24 марта 1664 г. Брюховецкій издалъ универсалъ, въ которомъ сообщалъ, что по слѣдамъ бѣжавшаго и прогнаннаго польскаго войска идетъ онъ съ козаками и царскимъ войскомъ, чтобы привести Украину въ одно цѣлое подъ властью московскаго монарха [1]). Универсалъ этотъ и вообще извѣстія о томъ, что съ лѣваго берега идетъ помощь противъ поляковъ, должны были заставить поднять голову народъ, который такъ давно желалъ освободиться отъ ненавистной польской власти.

Началось вновь возстаніе, поддерживаемое московскими приверженцами, стоившее правобережной Украинѣ столько крови и потраченныхъ силъ, что она не могла уже послѣ него оправиться. Возстаніе не имѣло руководителя, а потому и дѣло его велось неудачно, въ смыслѣ достиженія какихъ-нибудь ощутительныхъ результатовъ. Нельзя же главой считать Сѣрка, который бросался изъ стороны въ сторону, что-бы только не дать заглохнуть духу протеста. Брюховецкій, переправившись у Сокирной, послалъ впередъ лубенскаго полковника Гамалѣя взять Черкасы. Лубенцы разграбили и сожгли городъ, и тѣмъ заставили и другіе города сдаваться безъ боя. Самъ Брюховецкій двинулся къ Чигирину и осадилъ его. Еще раньше, изъ Чигирина присылали къ Брюховецкому просить прійти и освободить ихъ отъ Тетери. Но нашлись такіе, которые дали знать о приходѣ гетмана Чарнецкому, и онъ отправилъ къ Чигирину нѣсколько хоругвей, при помощи которыхъ удалось отразить нападеніе Брюховецкаго [2]). Еще раньше, перейдя Днѣпръ, Брюховецкій посылалъ къ кіевскому воеводѣ просить помощи. Тотъ отправилъ нѣкоего нѣмца Страсбуха съ артиллеріей ему на подмогу; но имъ не удалось достигнуть своего назначенія. Въ селѣ Копылникахъ они наткнулись на польскій отрядъ, подъ начальствомъ Яна Собѣсскаго, который разбилъ ихъ на голову. Тутъ случился, между прочимъ, интересный эпизодъ, характеризующій духъ козаковъ: въ плѣнъ попался сотникъ Нужный, извѣстный своимъ нападеніемъ на канцлера Пражмовскаго. Поляки хотѣли его повѣсить, но онъ упросилъ ихъ посадить его на колъ, мотивируя это желаніе тѣмъ, что „такою смертью и батька мого скарано“ [3]).

---

[1]) Памятн. Кіев. Ком., т. IV, отд. 3, № 93, стр. 425—429.

[2]) Лѣтоп. Самовидца, изд. 1878 г., стр. 85.

[3]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, 291—292; Krajewski, т. II, 38—39; Annal. Pol. Clim., III, 139.

Между тѣмъ Чарнецкій видя что возстаніе все больше расширяется, понялъ, что собственными силами ему не сладить съ Украиной. Пославъ нѣсколько хоругвей на помощь Чигирину, онъ всего съ 13-ю человѣками бросился въ Крымъ за помощью. Но прибывъ туда, не засталъ хана, который въ это время, по приказанію султана, находился въ Угорской землѣ. Тогда Чарнецкій отправился въ Буджацкія степи, и здѣсь ему удалось найти одну орду, которая съ удовольствіемъ пошла съ нимъ [1]). Въ Украинѣ же, въ его отсутствіе, огонь возстанія разгорался и ширился все болѣе и болѣе. Появленіе Брюховецкаго произвело сенсацію. Видя въ союзѣ съ Москвой только возможность освободиться отъ ненавистныхъ ляховъ, города возставали одинъ за другимъ. Сѣрко съ Косаговымъ, какъ вѣстники возстанія, совершили торжественное шествіе вплоть до Каменца. Всѣ города открывали ворота: Межибожъ, Браславъ и Могилевъ присягнули царю и вырѣзали всѣхъ находившихся тамъ поляковъ и евреевъ [2]). Въ Городищѣ, въ ожиданіи возвращенія Чарнецкаго стоялъ Маховскій съ 8-ю хоругвями. Поспольство извѣстило объ этомъ Сѣрка. Маховскій успѣлъ во время затвориться, но козаки все-таки осадили городъ, предварительно спаливши предмѣстье. На счастье Маховскаго вблизи случайно оказался какой-то польскій отрядъ, который ударилъ на козаковъ и заставилъ ихъ снять осаду съ Городища [3]). Сѣрко съ Косачовымъ пошли въ Бужинъ [4]).

Чарнецкій же съ татарами, которыхъ онъ, по однимъ извѣстіямъ, привелъ 20000 [5]), а по другимъ—5000, двинулся къ Чигирину. Татарамъ въ видѣ платы отдавались на ясснрь всѣ города, которые будутъ сопротивляться польскому войску. Въ то же время онъ издалъ универсалъ, въ которомъ увѣрялъ, что Речь Посполитая усмиряетъ только бунты, а ко всѣмъ мирнымъ и вѣрнымъ подданнымъ относится съ полнымъ уваженіемъ; поэтому онъ убѣждалъ оставаться покойными и вѣрными [6]). Къ этому времени польскіе источники относятъ арестъ Тукальскаго и Юрка, и отправку ихъ сначала въ Варшаву,

---

[1]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. II. 286—287; Annal. Pol. Clim., III, 135—136.

[2]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. V, № 87.

[3]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, 287—288; Krajewski, т. II, 30; Annal. Pol. Clim., т. III, 137.

[4]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. V, № 87.

[5]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, 287.

[6]) Ibidem, стр. 289.

а оттуда уже въ заточенiе въ Марiенбургскую крѣпость [1]). Малорусскiя же лѣтописи относятъ это событiе ко времени Глуховского похода и указываютъ на то, что схваченныя личности были оклеветаны Тетерею и по приказу короля арестованы [2]). Я придаю болѣе вѣры послѣднему извѣстiю, потому что Тетеря, какъ мы уже видѣли, старался воспользоваться временемъ похода, чтобы избавиться отъ всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся и враждебныхъ ему людей. Когда Чарнецкiй съ татарами двинулся къ Чигирину—Брюховецкiй ушелъ оттуда, уклонившись отъ боя, и пошелъ къ Бужину [3]), гдѣ сидѣлъ Сѣрко съ Косачевымъ. Затѣмъ изъ Бужина онъ отправился въ Каневъ, гдѣ уже раньше былъ имъ оставленъ гарнизонъ [4]). Въ погоню за нимъ Чарнецкiй отправилъ нѣкоего Незабитовскаго съ Тетерею, а самъ принялся покорять окрестные городки. Онъ овладѣлъ Суботовымъ и велѣлъ выбросить изъ гробницъ тѣла Богдана и Тимоша Хмельницкихъ на растерзанiе псамъ [5]). Вслѣдъ за тѣмъ взятъ былъ Бужинъ, который очистили Сѣрко съ Косаговымъ [6]) и стали въ въ Смѣлѣ [7]). Послѣ Бужина Чарнецкiй осадилъ Стеблевъ. Впередъ онъ послалъ трубача, чтобы предложить жителямъ покориться, обѣщая въ случаѣ повиновенiя пощаду. Но жители отказались. Тогда разгнѣванный воевода началъ штурмовать городъ. На бѣду осажденныхъ, взорвало церковь среди города, гдѣ были сложены пороховые запасы. Во время этого переполоха, поляки вырубили браму и ворвались въ городъ. Жители въ ужасѣ бросили оружiе и молили опощадѣ [8]). Городъ былъ отданъ татарамъ на разграбленiе [9]). Во время дѣлежа добычи, ногайскiе и буждацкiе татары передрались между собой, такъ что Чарнецкому пришлось ихъ мирить [10]). Изъ Стеблева Чарнецкiй двинулся къ Каневу, гдѣ сидѣлъ Брюховецкiй, и, простоявъ

---

[1]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, 289—290; Annal. Pol. Clim., III, 134; Krajewski, т. II, 31; Сборн. Лѣт., изд. 1888 г., Кiевъ, 195.

[2]) Лѣт. Самовидца, изд. 1878 г., 84; Лѣт. Граб., 187; Лѣт. изд. Бѣлозерскимъ, стр. 31, 76; Ригельманъ, т. II, 75

[3]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, 292.

[4]) Лѣт. Самов., 86.

[5]) Лѣт. Грабянки, 186.

[6]) Ibidem.

[7]) Акты Южн. и Зап. Россiи, т V, № 87.

[8]) Hist. pan. Jana-Kaz, т. II, 293; Krajewski, 40.

[9]) Акты Южн. и Зап. Россiи, т. V, № 88.

[10]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, 293; Krajewski, 40.

тамъ нѣсколько времени, не будучи въ состояніи взять городъ, ушелъ въ Корсунь [1]), и занялся укрѣпленіемъ этого города, а также и Бѣлой Церкви и другихъ подвластныхъ Польшѣ городовъ [2]). Изъ Корсуня онъ отправилъ два отряда: одинъ подъ Лисянку, а другой подъ Умань [3]). Но въ первомъ засѣлъ, по свидѣтельству польскаго источника, какой-то Гладкій, который собралъ около себя ватагу въ 7000 человѣкъ [4]), а въ Умани—Яцко Туровецъ [5]). На выручку этимъ городамъ Брюховецкій послалъ въ Умань Сѣрка и Косагова. Татарскіе загоны разсыпались по Украинѣ, опустошая страну. Это обстоятельство еще болѣе побуждало народъ къ возстанію противъ Польши. По всей Украинѣ существовала такая ненависть противъ Польши, что даже самъ Чарнецкій писалъ королю, что Украина готова скорѣе умереть, чѣмъ поддаться Польшѣ [6]).

Между тѣмъ Чарнецкій двинулъ войска противъ города Ставищъ [7]), жители котораго выразили покорность и приняли было польскій гарнизонъ а потомъ перебили послѣдній и изъявили желаніе покориться Москвѣ. Отряды, посланные съ цѣлью овладѣть Лисянкой и Уманью—ничего не сдѣлали. Подъ Лисянкой убитъ былъ даже начальникъ отряда, племянникъ Чарнецкаго [8]). Самъ Чарнецкій съ Яномъ Собѣсскимъ двинулись къ Ставищу, угрожая на нихъ показать примѣръ суровости, если только жители вздумаютъ сопротивляться. Собѣсскій же, напротивъ, хотѣлъ дѣйствовать мирными средствами; его политика заключалась въ томъ, чтобы вліять на населеніе человѣчнымъ отношеніемъ и милосердіемъ. Посланъ былъ впередъ парламентеръ съ предложеніемъ сдаться. Но жители Ставищъ встрѣтили его насмѣшками. Въ Ставищахъ заперлись Дачко и Богунъ; оба были старые, опытные козаки, одинъ даже былъ долгое время въ плѣну у турокъ. Въ Ставища, по свидѣтельству польскаго историка, сбѣжалось все изъ Украины, что только въ состояніи было носить оружіе. Чарнецкій приказалъ насыпать валы и идти на штурмъ; но въ пер-

---

[1]) Ibidem.
[2]) Ibidem.
[3]) Ibidem.
[4]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, 295; Annal. Pol. Clim., III, 142.
[5]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. V, № 87.
[6]) Памятн. Кіев. Ком., т. IV, отд. 3, № 100, 4.
[7]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, 295; Annal. Pol. Clim., III, 142; Krajewski, т. II, 42.
[8]) Hist. Pan. Jana-Kaz., т. II, 295; Krajewski, т. II, 42; Annal. Pol. Clim., III, 142.

вый же день козаки сдѣлали настолько удачную вылазку, что побили много поляковъ и заставили ихъ срыть шанцы.

Чарнецкій велѣлъ татарамъ сжечь всѣ окрестные хутора и фольварки, такъ что Ставище представляло видъ оазиса въ пустынѣ. Первый штурмъ произошелъ 14 іюня. На другой день Чарнецкій опять послалъ къ Ставищамъ какого то шляхтича съ требованіемъ сдаться. Но и на этотъ разъ ему отвѣчали съ гордостью, что они сдадуться только тогда, когда поляки отступятъ и выведутъ изъ Украины всѣ свои войска. Такой отвѣтъ привелъ Чарнецкаго въ бѣшенство. „Спать не буду, ѣсть не буду, а добуду это гнѣздо бунтовщиковъ", въ ярости кричалъ онъ. Особенно раздражали его насмѣшки козаковъ. Когда Чарнецкій въ тигровой шкурѣ объѣзжалъ ряды своихъ войскъ, то изъ города слышались крики: „онъ глянь, братця, яка ряба собака на коні седить!" — Начались ежедневные штурмы. Козаки оборонялись съ бѣшенствомъ; всѣ приступы бывали отбиты съ большимъ урономъ для поляковъ. Вылазки изъ города, причиняли имъ также великія бѣды. Говорятъ, что тамъ легко до 3000 поляковъ. Чарнецкій на всѣ представленія своихъ соначальниковъ, что слѣдуетъ снять осаду, потому что жаль губитъ столько людей, отвѣчалъ, что „война людей не рожаетъ", и продолжалъ осаду. Онъ рѣшилъ выморить осажденныхъ голодомъ.

Ставища были такъ плотно окружены, что ни выйти оттуда, ни войти нельзя было. Къ тому же все время продолжалась сильная канонада. Въ это же время въ польскій станъ пріѣхалъ какой-то купецъ изъ Львова, Юзефовичъ, старый знакомый Чарнецкаго, который былъ хорошо знакомъ съ артиллерійскимъ дѣломъ; онъ тотчасъ взялъ на себя командованіе артиллеріей и своими мѣткими выстрѣлами наносилъ страшный вредъ жителямъ осажденнаго мѣстечка. Но наконецъ козакамъ удалось убить наносившаго имъ такой вредъ Юзефовича. Палъ и Дачко, и его смерть сильно повліяла на умы осажденныхъ; тѣмъ не менѣе Ставище продолжало держаться. Между тѣмъ Тетеря отправился приводить въ покорность отпавшіе города Поднѣстровья и Побужья. Напередъ онъ разослалъ универсалы, склонявшіе народъ къ покорности. Не имѣя главы и не получая помощи отъ Брюхо-

---

[1]) Описаніе осады Ставищъ составлено на основаніи: Акт. Южн. и Западн. Россіи, т. V, № 87; Hist. pan. Jana-Kaz., т. II, 294 — 299; Сборн. Лѣтописей, изд. 1888 г., стр. 194; Krajewski, т. II, 42—47; Annal. Pol. Clim., III, 142—146.

которыми находился и Носачъ—всѣ они отосланы были въ Каневъ, къ Брюховецкому [1]). Въ іюнѣ мѣсяцѣ Брюховецкій, при помощи калмыковъ, разбилъ на голову Яблоновскаго, заступившаго мѣсто Чарнецкаго, подъ Бѣлой Церковью [2]). Изъ Брацлава Тетеря такъ поспѣшно бѣжалъ въ Польшу, что не успѣлъ захватить съ собой всѣхъ своихъ сокровищъ. Вслѣдъ за нимъ явился Сѣрко и воспользовался оставленными богатствами Тетери. Съ этихъ поръ Тетеря изчезаетъ изъ исторіи. Когда и гдѣ онъ умеръ—неизвѣстно. Имѣемъ въ нѣкоторыхъ источникахъ сбивчивыя показанія о его судьбѣ, но навѣрное можно только сказать, что онъ умеръ не позже 1683 г. [3]).

---

[1]) Лѣтопись Самовидца, изд. 1878 г., 87.
[2]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. V, № 121.
[3]) Перетятковичъ, стр. 7.

ГЛАВА III.

—

Гетманство Дорошенка.

Послѣ бѣгства Тетери въ Польшу, Украина снова осталась безъ гетмана. Дѣла теперь пришли въ такое положеніе, что нечего было и думать о томъ, чтобы собирать раду для избранія новаго главы. Край буквально пылалъ: татарскіе загоны свободно расхаживали по Украинѣ, набирая полонъ и сжигая села и мѣстечки. Боровшіеся противъ Польши украинцы, какъ уже намъ извѣстно, собирались въ ватаги и у каждой такой ватаги являлись свои предводители. Но тѣмъ не менѣе чувствовалась, хотя и не сознавалась ясно, потребность въ главѣ, въ человѣкѣ, который бы могъ сплотить воедино всѣ силы народа, раздробленныя теперь до такой степени, что ничего, конечно, не могли достигнуть. Никто не зналъ, куда идти, къ чему стремиться, на что надѣяться... Народъ напрягалъ всѣ силы, чтобы освободиться отъ ненавистнаго ига Польши, но никакихъ ощутительныхъ результатовъ достичь не могъ. Всѣ его стремленія были инстиктивны и не оформленны; козачество, бывшее раньше во главѣ, теперь теряло мало-по-малу свой престижъ, да и само оно, не имѣло руководителя. А тутъ еще, помимо борьбы съ Польшей, татары опустошали страну. Минуты, переживаемыя Украиной, поистинѣ были ужасны.

Начавшіяся еще при Юркѣ переселенія въ небольшомъ количествѣ, стали теперь увеличиваться; жители искали на лѣвой сторонѣ спокойной и мирной жизни, но и тамъ не находили ее. Во всякомъ случаѣ требовалось, чтобы кто нибудь взялъ руководитель-

ство на себя; а въ виду невозможно тяжкихъ условій и такой массы вновь порожденныхъ возстаніями предводителей различныхъ ватагъ, все зависѣло отъ того, кто съумѣетъ собрать вокругъ себя большее количество сторонниковъ и найдетъ какую-нибудь сильную опору. Такой опорой для искателей-честолюбцевъ могла явиться находившаяся тогда въ краѣ татарская орда, и, дѣйствительно, искатели гетманства оперлись на эту силу.

Первымъ наиболѣе смѣлымъ честолюбцемъ, попытавшимся захватить въ свои руки гетманскую власть, явился нѣкій Степанъ Опара. Ватага его объявила его гетманомъ. Онъ соединился съ татарами, бывшими на Украинѣ, и, поддерживаемый ими, двинулся къ Умани. Уманцы, полковника которыхъ, Ивана Сербина, ужъ не было въ живыхъ, сдались на его льстивыя обѣщанія, обманутые слишкомъ преувеличенной цифрой прибывшей съ нимъ орды и впустили его въ Умань. Этотъ успѣхъ совершенно опьянилъ Опару, и онъ сталъ разыгрывать изъ себя настоящаго гетмана; онъ произвелъ выборы всей войсковой старшины и, желая утвердиться въ званіи гетмана, просилъ хана утвердить его въ этомъ званіи. Изъ Умани онъ двинулся къ Бѣлой Церкви, которую осаждалъ Брюховецкій [1]), что и заставило этого послѣдняго отступить къ Мотовиловкѣ, куда за нимъ двинулся и Опара.

Между тѣмъ событія въ Польшѣ совершенно измѣнили положеніе дѣлъ на Украинѣ и, такъ сказать, упразднили необходимость поднявшагося вновь возстанія противъ Польши. Давнишнее разногласіе короля съ знаменитымъ Любомирскимъ перешло теперь въ открытую ссору. Вся Польша раздѣлилась на двѣ партіи, одна за короля, другая за Любомирскаго, и король сталъ даже оружіемъ преслѣдовать своего ушедшаго заграницу соперника. Онъ потребовалъ къ себѣ войско, находившееся на Украинѣ; но войско это, не получая уже два года жалованья, не смотря на всѣ свои просьбы, взбунтовалось, составило такъ называемый „конфедераційный звязокъ“ и ушло изъ Украины въ Польшу, рѣшившись само себѣ добыть такъ долго не получаемое жалованье [2]). Только въ Бѣлой Церкви, Чигиринѣ и Корсунѣ оставлены были польскіе гарнизоны; но, собственно говоря, единственный пунктъ, гдѣ долѣе удержались поляки, была Бѣлая Церковь. Казалось, моментъ, описанный нами, былъ самый

---

[1]) Костомаровъ, т. XV, стр. 82.
[2]) Ibid., стр. 84—85.

удобный для того, чтобы окончательно сбросить съ себя иго Польши и достигнуть хоть какихъ-нибудь ощутительныхъ результатовъ за все время такой упорной и кровопролитной борьбы. Но въ исторіи Украины было что-то фатальное. Этимъ столь удобнымъ моментомъ она не могла воспользоваться: та же самая борьба съ Польшей лишила украинскій народъ единодушія. Козачество раздѣлилось на отдѣльныя ватаги и вышесказанный удобный моментъ совпалъ съ междоусобицей ,на Украинѣ и не принесъ никакой пользы. Когда же Украина вновь собралась съ силами, подъ руководствомъ одного вождя—удобный моментъ былъ потерянъ и она ничего не достигла, кромѣ полнѣйшаго запустѣнія.

Не долго продержался самозванный гетманъ Опара, у него появился соперникъ, человѣкъ талантливый, ловкій, съумѣвшій укрѣпиться, пріобрѣсти народныя симпатіи, а затѣмъ сломленный необычайно тяжелыми обстоятельствами, потерявъ, благодаря несчастному союзу съ турками, который былъ неизбѣженъ вслѣдствіе той же борьбы съ Польшею, всякій авторитетъ, онъ самъ добровольно отказался отъ гетманства, сошелъ съ поприща исторіи и доживалъ свой вѣкъ вдали отъ горячо любимой Украины.

Человѣкъ этотъ былъ Петръ Дорошенко. Внукъ знаменитаго Михаила Дорошенка, прославившагося побѣдоносными походами въ Крымъ въ 1628 г., онъ, достигнувъ зрѣлаго возраста, сталъ въ ряды козацкой старшины. 1657 годъ застаетъ его полковникомъ прилуцкимъ. Въ 1658 году онъ потерпѣлъ пораженіе подъ Сребнымъ отъ князя Пожарскаго. Очевидно, что его политическія и дипломатическія способности обращали на себя вниманіе современниковъ, потому что во всѣхъ затруднительныхъ дѣлахъ, мы видимъ его во главѣ различныхъ посольствъ: онъ былъ посланъ въ лагерь къ полякамъ во время Чудновскаго дѣла и съумѣлъ устроить перемиріе; затѣмъ опять является посломъ къ Трубецкому, и наконецъ участвуетъ въ посольствѣ въ Москву и выполняетъ порученіе озаботиться о томъ, чтобы отмѣнены были статьи Переяславскаго договора, состоявшагося при Юркѣ. Во времена гетманства Юрія, онъ былъ черкасскимъ полковникомъ, а въ гетманство Тетери онъ несетъ должность войскового эсаула. Человѣкъ необычайно честолюбивый, Дорошенко несомнѣнно желалъ блага своей родинѣ и стремился къ созданію для нея политической самобытности; онъ пошелъ далѣе своихъ предшественниковъ и видѣлъ, что политическая самобытность Украины въ союзѣ съ Польшею невозможна—поэтому вся

его дѣятельность прошла, такъ или иначе, въ борьбѣ съ Польшею. Но онъ все же не дошелъ до пониманія того, какъ слѣдуетъ относиться къ народу; онъ хотѣлъ навязать ему свои политическія теоріи, не заботясь о томъ, что это ставило народъ въ необычайно тяжелыя условія и заливало его, въ полномъ смыслѣ слова, потоками крови. Кромѣ того, какъ человѣкъ честолюбивый, онъ желалъ самъ, во что бы то ни стало, облагодѣтельствовать свою родину. Это то и сгубило и его, и его дѣло.

Опара, двинувшись противъ городковъ, находившихся во власти Брюховецкаго, т. е. Мотовиловки, Фастова и Василькова [1]), хвалился, что возьметъ и Кіевъ, такъ какъ съ нимъ идетъ 30000 татаръ. Дѣйствительно, вслѣдъ за нимъ входила въ Украину орда татаръ; онъ пошелъ навстрѣчу и сошелся съ ней въ Богуславѣ [2]). Но тутъ оказалось, что дѣло его проиграно. Дорошенко не замѣтно появился на исторической сценѣ. Пока шелъ Опара къ Богуславу, Дорошенко съумѣлъ, по выраженію лѣтописца „перееднать“ на свою сторону татаръ [3]). Явившійся къ мурзамъ Опара былъ схваченъ; его обвинили въ измѣнѣ, въ томъ, что онъ сносится съ Дрозденкомъ, завѣдомымъ врагомъ Польши (татары считали себя еще тогда польскими союзниками). Его заковали въ кандалы, а сами отправились, чтобы напасть на козацкій таборъ ватаги, приведенной Опарою. На слѣдующій день мурзы подъѣхали къ табору и предложили козакамъ въ гетманы Петра Дорошенка, угрожая въ противномъ случаѣ вызвать изъ Бѣлой Церкви и Чигирина находившихся тамъ поляковъ и вмѣстѣ съ ними уничтожить непокорныхъ козаковъ. Подумали-подумали козаки и согласились принять это предложеніе, тѣмъ болѣе, что Дорошенко былъ человѣкъ извѣстный, а Опара, кромѣ того, что былъ выскочка, „проява“ по малорускому выраженію [4]), находился въ плѣну у татаръ.—Такимъ образомъ гетманомъ сдѣлался Петръ Дорошенко.

Но такой способъ полученія гетманской должности изъ рукъ татаръ былъ, по справедливому замѣчанію Костомарова [5]), совершенно новъ и не могъ внушить къ себѣ въ Украинѣ никакого

---

[1]) Акт. Юж. и Зап. Рос., т. V, № 139.

[2]) Ibid., № 141.

[3]) Лѣтоп. Самовид., стр. 86.

[4]) Акт. Юж. и Зап. Рос., т. V, № 141—153; Лѣтоп. Сам., 86; Лѣт. Граб., 188—189; Бѣлозерскій, стр. 31 и 76; Ригельм., т. II, стр. 79.

[5]) Костомар., т. XV, стр. 89.

уваженія. Поэтому Дорошенку, пока не будетъ возможности собрать раду и на ней получить санкцію на захваченную самовольно гетманскую должность—слѣдовало объявить, на сторонѣ ли онъ Польши, или Москвы. Татары были союзниками Польши, поэтому и Дорошенку вначалѣ надо было объявить себя польскимъ союзникомъ. На это онъ рѣшился тѣмъ болѣе, что наученный опытомъ собственнаго поступка съ Опарой, онъ долженъ былъ опасаться и для себя такихъ же соперниковъ. Наиболѣе опаснымъ, конечно, могъ быть Дрозденко, человѣкъ побѣдоносно ведшій борьбу съ Польшей, и пользовавшійся вслѣдствіе этого извѣстнымъ авторитетомъ. Поэтому, объявивъ себя на сторонѣ Польши, Дорошенко рѣшилъ прежде всего избавиться отъ этого соперника.

Тотчасъ послѣ своего избранія Дорошенко двинулся къ Ладыжину, жители котораго сдались и выдали сообщниковъ Опары: какого-то Царя и Радочинскаго, носившаго званіе войскового судьи у Опары [1]). Вмѣстѣ съ Опарой, который былъ отданъ Дорошенку татарами, отправили ихъ въ Бѣлую Церковь, а комендантъ крѣпости отослалъ ихъ къ королю, давъ имъ въ качествѣ провожатаго вѣрнаго Польшѣ полковника Яська Кушаного. Они застали короля въ Ченстоховѣ и находившійся тутъ Тетеря просилъ короля, чтобы онъ велѣлъ выпустить на волю взятыхъ раньше Тукальскаго и Хмельницкаго. Не смотря на протесты многихъ пановъ, они были отпущены, а на ихъ мѣсто были посажены вновь привезенные плѣнники, причемъ Царь былъ вскорѣ казненъ за неоднократныя попытки къ побѣгу [2]). Къ Дорошенку массами стекались татары и не смотря на всѣ его просьбы расходились загонами по всей Украинѣ и опустошали села и мѣстечки [3]). Принося жителямъ страшный вредъ, они заставляли ихъ выселяться въ лѣвобережную Украину. Остававшіеся же поневолѣ подчинялись Дорошенку, изъ боязни этихъ ужасныхъ союзниковъ. Дорошенко двинулся на своего соперника Дрозда, который сталъ въ селѣ Кубличѣ [4]); самъ же расположился въ Доброй Долинѣ и послалъ противъ врага своего подъѣздъ, но тотъ передался Дрозду [5]). Затѣмъ, съ помощью

---

[1]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. VI, № 2.
[2]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. III, стр. 36.
[3]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. VI, № 2.
[4]) Ibid.
[5]) Ibid.

татаръ, онъ заставилъ Дрозда уйти въ Браславъ, а самъ сталъ у Краснаго Става въ пяти верстахъ отъ Браслава, угрожая не отступать до тѣхъ поръ, пока не возьметъ въ плѣнъ Дрозда[1]). Татары со своими загонами доходили до самой Мотовиловки[2]), гдѣ засѣлъ послѣ ухода Брюховецкаго, отправившагося въ Москву, Децикъ. Полѣсье также подверглось раззоренію[3]). Между тѣмъ Дорошенко продолжалъ осаждать Дрозда. Сначала положеніе послѣдняго было сносно, онъ имѣлъ возможность сообщаться съ Децикомъ, сидѣвшемъ въ Мотовиловкѣ[4]). Но чѣмъ далѣе, тѣмъ дѣла его становились хуже. Татары, разсыпавшіеся по Украинѣ, не давали никому возможности ни пройти, ни проѣхать въ Браславъ, откуда распространялись различные невѣроятные слухи: говорили, что Дроздъ разбилъ Дорошенка подъ Бубновымъ[5]), что Кальницкій полковникъ Мельникъ побилъ московскихъ пословъ и передался Дорошенку[6]); наконецъ стало извѣстнымъ, что Дроздъ, будучи не въ состояніи держаться, сдался, но не Дорошенку, а татарскому мурзѣ. Тогда они двинулись въ Рашковъ, гдѣ Дроздъ хотѣлъ взять како-то свой скарбъ, чтобы выкупить себя у татаръ. Но скарбомъ этимъ овладѣлъ Дорошенко и, заплативъ татарамъ 30000 злотыхъ, получилъ отъ нихъ Дрозда, котораго и привелъ съ собой въ Чигиринъ. Тамъ онъ велѣлъ Дрозда разстрѣлять[7]).

Съ того времени Дорошенко фактически утвердился въ Чигиринѣ. Край былъ ему болѣе или менѣе подвластенъ; только въ Каневѣ еще сидѣлъ полковникъ Ермолаенко[8]); а Децикъ изъ Мотовиловки ушелъ за Днѣпръ. Поляки хотѣли было занять Мотовиловку, но вышедшій изъ Кіева отрядъ сжегъ это село до тла[9]). Такимъ образомъ Дорошенко утвердился въ гетманствѣ. Но уже въ самомъ началѣ зародился корень зла, погубившій его дѣло. Угнетаемый татарами народъ, началъ массами выселяться за Днѣпръ. Казалось бы, что это послужитъ предостереженіемъ Дорошенку, но онъ

---

[1]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. VI, № 2.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid.
[5]) Акты Юж. и Зап. Рос., т. VI, № 2.
[6]) Ibid.
[7]) Ibid., № 2, 3, 5, 7, 8, 12, 16 и 18; Лѣт. Самов., стр. 89—90; Лѣт. Грабянки, стр. 189.
[8]) Акты Юж. и Зап. Рос., т. VI, № 16.
[9]) Ibid., № 7.

не обратилъ на это вниманія. Въ его умѣ возникла идея снова соединить распавшіяся стороны Украины, чтобы имѣть возможность болѣе успѣшно исполнить свои завѣтные планы. Приведя, болѣе или менѣе, въ покорность себѣ всю правобережную Украину, Дорошенко увидѣлъ, что силой долго удержаться не можетъ, а что необходимо привлечь на свою сторону народныя симпатіи. Покорностью Польшѣ, за которую онъ объявилъ себя въ началѣ, подъ давленіемъ обстоятельствъ, никоимъ образомъ нельзя было привлечь народныя симпатіи. Теперь уже не былъ возможенъ никакой союзъ съ Польшей и нельзя уже было обмануть народъ какими либо фиктивными благами. Понялъ это и Дорошенко и рѣшилъ идти на разрывъ съ Польшей. 22 февраля 1666 года собралъ онъ подъ Лисянкой раду, на которой рѣшено было не быть подвластными Польшѣ, и тотчасъ же были посланы письма въ Бѣлую Церковь съ требованіемъ къ коменданту вывести оттуда польскій гарнизонъ. Такое же требованіе послано было и въ другіе города, гдѣ находились польскіе гарнизоны [1]). Такимъ образомъ борьба съ Польшей въ принципѣ была рѣшена. Но сразу Дорошенко не счелъ возможнымъ приводить это рѣшеніе въ исполненіе—слишкомъ ослаблены были силы украинскаго народа, чтобы вдругъ открыто отказаться отъ повиновенія Польшѣ. Бѣлоцерковскій комендантъ и не думалъ исполнять требованія гетмана, а напротивъ, дѣятельно принялся за укрѣпленіе города, сгоняя всѣхъ жителей на земляныя работы [2]).

Источникъ, сообщающій намъ свѣдѣнія о Лисянской радѣ, ничего не говоритъ—производились ли тогда выборы Дорошенка въ гетманы, и мы ничего не знаемъ о томъ, какъ произошла санкція народа на самовольно захваченную должность. Въ лѣтописи Величка находимъ свѣдѣніе о томъ, что тотчасъ послѣ бѣгства Тетери была въ Чигиринѣ рада у старшины, и что они избрали гетманомъ Дорошенка, но что полные выборы отложены до 1666 года [3]). И дѣйствительно, 6-го января 1666 года собралась въ Чигиринѣ рада, на которой единогласно избранъ гетманомъ Дорошенко [4]). Сообщенія эти за вполнѣ достовѣрныя мы принять не можемъ, потому что въ дру-

---

[1]) Акты Юж. и Зап. Рос., т. VI, № 31.

[2]) Ibid., № 38.

[3]) Лѣтоп. Величка, т. II, стр. 89.

[4]) Ibid., стр. 94.

гихъ источникахъ не встрѣчаются, но они пополняютъ до извѣстной степени пробѣлъ, о которомъ мы только что говорили, и указываютъ на то, что занятіе Дорошенкомъ гетманскаго поста было санкціонировано общественнымъ мнѣніемъ.

Рѣшившись на борьбу съ Польшей, Дорошенко открыто не начиналъ ея, желая собраться съ силами. Какъ мы уже говорили, онъ лелѣялъ мечту соединить вновь распавшіяся стороны Днѣпра, ясно понимая, что отдѣльно ни та, ни другая сторона не въ состояніи чего либо достигнуть. Для достиженія своей цѣли онъ пользовался различными средствами. Помимо универсаловъ, которые онъ не скупился разсылать, какъ на лѣвую сторону, такъ и на Запорожье[1]), онъ попробовалъ мѣру, которая была ему такъ полезна во время приведенія въ покорность праваго берега. Еще въ концѣ прошлаго года начались набѣги татаръ на лѣвую сторону[2]), чѣмъ, помимо желанія приводитъ въ страхъ лѣвобережныхъ жителей, онъ хотѣлъ нѣсколько отвлечь орду отъ праваго берега, гдѣ она и такъ довольно много натворила бѣдъ—такъ что начавшееся переселеніе на лѣвый берегъ не прекращалось, и особенно усилилось въ серединѣ 1666 года[3]). Переселенцы все еще сваливали вину своего невозможно-тяжелаго положенія на правомъ берегу на поляковъ, хотя ихъ тамъ было уже очень немного.

Въ началѣ іюня начались переговоры о мирѣ между Москвой и Польшей[4]). Заключено было перемиріе, вслѣдствіе котораго прекращены были военныя дѣйствія съ той и другой стороны. Тутъ-то и возобновилъ Дорошенко свои набѣги на лѣвый берегъ, и помимо желанія наводитъ страхъ на лѣвобережныхъ жителей, онъ, быть можетъ имѣлъ, намѣреніе воспрепятствовать хоть немного миру Москвы съ Польшей, который ни въ какомъ случаѣ не могъ быть полезенъ для Украины. И дѣйствительно, его набѣги производили замѣшательство въ переговорахъ, о чемъ свидѣтельствуетъ переписка Москвы съ съ Брюховецкимъ[5]). Въ іюнѣ посланные Дорошенкомъ подъѣзды подошли подъ Миргородъ, Горошинъ и Буромль и, захвативъ много плѣнныхъ и достаточное количество добычи, возвратились домой[6]).

---

[1]) Акты Юж. и Зап. Рос., т. VI; Лѣт. Величка, т. II, стр. 95
[2]) Акты Юж. и Зап. Рос., т. VI, № 13.
[3]) Костомаровъ, т. XV, стр. 123.
[4]) Акты Юж. и Зап. Рос., т. VI, № 43.
[5]) Ibid., № 45.
[6]) Ibid., № 43.

Затѣмъ и самъ Дорошенко, собравши своихъ татаръ и козаковъ, перешелъ Днѣпръ и сталъ лагеремъ у села Вороновки, въ 15 верстахъ отъ Кременчуга, хотѣлъ взять городъ, въ которомъ засѣли вѣрные Москвѣ козаки и царскіе ратные люди. Но экспедиція эта окончилась неудачей. Дорошенко принужденъ былъ отступить за Днѣпръ [1]). Въ то же время по отношенію къ Польшѣ онъ продолжаетъ скрывать свое рѣшеніе бороться съ нею. Онъ посылаетъ къ королю просьбу прислать ему помощь, представляя ему возможность теперь покорить лѣвый берегъ [2]). Ему отвѣчали, что теперь невозможно продолжать военныхъ дѣйствій, вслѣдствіе переговоровъ о мирѣ съ Москвой. Но Дорошенко не послушался Польши и продолжалъ свои дѣйствія на Украинѣ, Въ то же время онъ отправилъ къ Крымскому хану просить помощи, и по всей вѣроятности въ умѣ его теперь уже зародилась мысль о подчиненіи мусульманскому міру. Возвратившійся на Украину Іосифъ Тукальскій, поселившись въ Чигиринѣ, вступилъ въ исполненіе своихъ обязанностей, и сойдясь съ Дорошенкомъ, сдѣлался его главнымъ совѣтникомъ и руководителемъ [3]). Это обстоятельство должно было поднять авторитетъ Дорошенка и его начинаній, которые были подъ покровительствомъ главы духовенства. Событія на лѣвомъ берегу давали понять Дорошенку, что скоро настанетъ время, когда онъ самъ собой пойдетъ на соединеніе съ правымъ, подъ властью Дорошенка.

Возвратившійся Брюховецкій началъ своимъ поведеніемъ, въ высшей степени жестокимъ и высокомѣрнымъ, возбуждать ненависть къ себѣ и къ своему управленію [4]). Вслѣдъ за нимъ наѣхали воеводы, которыхъ онъ, желая угодить Москвѣ, пригласилъ съ собой. Воеводы эти расположились во всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ городахъ Украины съ своими ратными людьми [5]), притѣснявшими жителей. Затѣмъ, за воеводами явились переписчики, которые переписали всѣхъ жителей на Украинѣ по городамъ и селамъ. Всѣ списки написаны были въ двухъ экземплярахъ: одинъ отправленъ

---

[1]) Акты Юж. и Зап. Рос., т. VI, № 43.

[2]) Ibid., № 50.

[3]) Zaluski—Epistolae historico-familiares, т. I, ч. I.

[4]) Костомаровъ, т. XV, стр. 124—125; Акты Южн. и Зап. Рос., т. VI, № 39, 40 и 41.

[5]) Лѣтоп. Самовидца, изд. 1878 г., 90; Лѣтоп. изд. Бѣлозерскаго, 77; Сборн. лѣтоп. изд. 1888 г., 24: Лѣтоп. Грабянки, стр. 190.

былъ въ Москву, а другой оставленъ у воеводъ, чтобы они по немъ могли собирать подати [1]). Всѣ эти обстоятельства неминуемо должны были вызвать вспышку протеста на Украинѣ. Такъ и случилось. Примѣръ въ этомъ дѣлѣ подали переяславцы. Они возмутились противъ своего полковника Ермолаенка, выбрали себѣ другого и хотѣли захватить въ плѣнъ переяславскаго воеводу Вердеревскаго; но тотъ во время заперся и на помощь ему явились посланные Брюховецкимъ полки. Мятежъ былъ усмиренъ: часть мятежниковъ была схвачена, а часть заперлась въ Золотоношѣ; вожди же возстанія ушли къ Дорошенку [2]). Дорошенко тѣмъ временемъ не прекращалъ своихъ военныхъ дѣйствій противъ лѣваго берега. Его козаки дѣлали неоднократные набѣги на лѣвобережье [3]), а самъ онъ разсылалъ универсалы туда же и на Запорожье, приглашая всѣхъ присоединиться къ нему [4]). Переяславское событіе показало ему, что не далеко уже то время, когда чаша терпѣнія лѣвобережцевъ переполнится и они пойдутъ на соединеніе съ нимъ. Но въ то же время его не оставляла мысль о томъ, куда ему идти въ своихъ стремленіяхъ къ политической самобытности, и все таки, всѣ его надежды останавливались на мусульманскомъ мірѣ. Въ первыхъ числахъ октября 1666 года [5]) явились къ Дорошенку, согласно его просьбѣ, 30000 татаръ, съ тремя ханскими братьями во главѣ. Онъ раздѣлилъ эту орду на двѣ части: одну часть, численностью въ 9000 человѣкъ онъ отправилъ на лѣвый берегъ, въ помощь засѣвшимъ въ Золотоношѣ бунтовщикамъ, а остальныхъ оставилъ при себѣ въ Чигиринѣ [6]). Такъ окончился 1666 годъ.

Въ началѣ 1667 года посланные Дорошенкомъ на лѣвый берегъ татары, разсыпавшись по прилуцкому полку и окрестностямъ Переяслава и Нѣжина, нигдѣ не получая отпора, вслѣдствіе малочисленности войска, набрали массу плѣнныхъ и разной добычи, и возвратились на правый берегъ [7]). Между тѣмъ, Дорошенко, видя настрое-

---

[1]) Ibid.

[2]) Лѣт. Самов., стр. 92; Акты Юж. и Зап. Рос., т. VI, № 45, 47 и 48; Лѣтоп. Грабянки, 191—192; Лѣтоп. Величка, т. II, 95.

[3]) Костомаровъ, т. XV, стр. 131.

[4]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. VI, № 53.

[5]) Лѣтоп. Самовидца, изд. 1878 г. стр. 92.

[6]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. VI, № 55.

[7]) Ibid.; Лѣтоп. Самовидца, стр. 92; Лѣтоп. Грабянки, 191.

ніе лѣвобережцевъ и чувствуя подъ собой почву, рѣшилъ, что настала пора открыто объявить себя врагомъ Польши.

Въ это время вступилъ въ Украину самый жестокій изъ польскихъ офицеровъ, Себастіанъ Маховскій, и сталъ огнемъ и мечемъ истреблять Брацлавщину, подъ предлогомъ приведенія жителей въ покорность Рѣчи Посполитой [1]). Дорошенко повелъ своихъ козаковъ и татаръ къ границамъ Польши. Къ коменданту Бѣлой Церкви вновь было послано требованіе вывести гарнизонъ изъ предѣловъ Украины. Но тотъ сжегъ городъ, а самъ заперся въ замкѣ. Въ это время Маховскій взялъ Ивангородъ и сжегъ его, а всѣхъ жителей велѣлъ перебить [2]). Тутъ ударило на него соединенное козацкое войско. По выраженію одного польскаго источника, Маховскій хотя и былъ храбрый человѣкъ, но извѣстенъ тѣмъ, что никогда еще не одержалъ побѣды [3]). Онъ началъ отступать со своимъ войскомъ, количествомъ тысячъ въ шесть, къ Ладыжину. Соединенное же татарско-козацкое войско значительно превосходило численностью его отрядъ. Подъ Браславомъ со всѣхъ сторонъ окруженный врагами Маховскій былъ разбитъ наголову. Самъ онъ попался въ плѣнъ и отданъ былъ татарамъ [4]). Дорошенко началъ разсылать универсалы, склоняя и соблазняя народъ призракомъ политической самобытности, подъ покровительствомъ крымскаго хана. Въ городѣ Торговицѣ, по приказанію хана, начали уже чеканить серебряныя деньги [5]). Этой мѣрой Дорошенко хотѣлъ еще болѣе привлечь на свою сторону народъ.

Между тѣмъ, 13 января 1667 года произошло событіе, совершенно измѣнившее ходъ дѣлъ на Украинѣ. Событіе это было Андрусовскій договоръ между Россіей и Польшей [6]). На основаніи этого договора правая сторона Днѣпра отдавалась совершенно во власть полякамъ, и московскій государь обязывался не вступаться въ дѣла правобережной Украины. Только одинъ городъ Кіевъ съ окрестностями на разстояніи нѣсколькихъ миль былъ выговоренъ Москвой на 2 года, по прошествіи которыхъ, т. е. къ 15 апрѣля 1669 года,

---

[1]) Антоновичъ, Послѣднія времен. козачества, стр. 2.

[2]) Лѣтоп. Самовидца, стр. 92.

[3]) Сборн. лѣтоп., изд. 1888 г. стр. 196.

[4]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. VI, № 58; Лѣт. Самов., 92; Hist. pan. Jana-Kaz., т. III, 85—89; Krajewski, т. II, 158-161.

[5]) Акты Юж. и Зап. Рос., т. VI, № 58.

[6]) Полн. Собр. Зак., т. I, стр. 657—675; Лѣтоп. Величка, т. II, 102—133.

и этотъ городъ долженъ былъ быть очищенъ и отданъ во власть Польши [1]). Какъ громомъ поразила вѣсть объ этомъ договорѣ Украину, по выраженію лѣтописца: „всѣмъ козакамъ не полезномъ Андрусовскомъ торгу“ [2]), „и встали шатости великія на Украинѣ“ [3]), и „нужно былю востати внутреннимъ и явственнымъ въ народѣ возмущеніямъ и смятеніямъ“ [4]). Такими словами характеризують лѣтописцы впечатлѣніе, произведенное на Украинѣ извѣстіемъ о заключеніи Андрусовскаго договора. Старшина, шедшая охотно на соединеніе съ Польшей, какъ можно было видѣть изъ предыдущаго разсказа, совершенно исчезла, а народъ весь, какъ извѣстно, былъ всегда противъ Польши. Отчаяніе овладѣло всѣми: двадцатилѣтняя кровавая борьба съ Польшей, вся эта масса усилій, пережитыхъ Украиной съ цѣлью освободиться отъ ненавистнаго ига, все это явилось какъ бы вычеркнутымъ, принесеннымъ въ жертву дипломатическимъ соображеніямъ московскихъ политиковъ. Снова наѣдутъ на Украину ненавистные паны и ксендзы, снова начнется невыносимый, моральный и экономическій гнетъ, снова подниметъ голову ненавистное шляхетство. Пронеслась было вѣсть, что вся Украина отдается Польшѣ; но когда стало извѣстно въ точности [5]), что отдана на жертву полякамъ только одна сторона, то еще большее уныніе овладѣло Украиной. Будь еще она вся отдана Польшѣ, то еще можно было бы думать о борьбѣ съ ней, но теперь это было невозможно. О союзѣ же съ Польшей не могло быть и рѣчи. Слишкомъ много было нанесено взаимныхъ обидъ, слишкомъ глубока была пропасть между демократической Украиной и шляхетской Рѣчью Посполитой, чтобы послѣдняя могла по человѣчески отнестись и обращаться съ вновь отданной ей Украиной, съ этими грубыми „хлопами“. Еще не былъ объявленъ Андрусовскій договоръ, какъ уже Маховскій огнемъ и мечемъ приводилъ въ покорность Брацлавщину—чего же было ожидать въ дальнѣйшемъ?!

Шансы Дорошенка, стремившагося во чтобы то ни стало добиться политической самобытности, должны были пойти теперь въ

---

[1]) Ibid.
[2]) Лѣтоп. Величка, т. II, 134.
[3]) Лѣтоп. Самовидца, изд. 1878 г., 95.
[4]) Лѣтоп. Грабянки, стр. 193.
[5]) Лѣтоп. Самовидца, стр. 95.

гору. Дѣйствительно, оно такъ и случилось: не впади Дорошенко сразу въ большую ошибку, неизвѣстно, что бы онъ сдѣлалъ и чего бы достигъ. Во всякомъ случаѣ необходимо было обойти Андрусовскій договоръ, уклониться отъ исполненія его. Но какъ было это сдѣлать, когда Москва, къ соединенію съ которой инстиктивно стремился народъ, обязалась не вмѣшиваться въ дѣла Украины. И вотъ у Дорошенка явилась мысль опереться на мусульманскій міръ—войти въ сношенія съ Турціей и Крымомъ и подъ ихъ протекціей создать самостоятельное вассальное княжество. Ошибка эта заключалась въ томъ, что Дорошенко не обратилъ вниманія на народъ, который не могъ идти на союзъ съ мусульманами, съ которыми ему пришлось слишкомъ долго бороться и слишкомъ много пролить крови въ этой борьбѣ. Союзъ съ татарами и турками былъ хорошо извѣстенъ народу, онъ оплачиваемъ былъ слишкомъ дорогой цѣной. Во времена Хмельницкаго, когда престижъ козачества у народа былъ очень великъ, народъ прощалъ ему даже союзъ съ татарами, но теперь союзъ этотъ былъ невозможенъ.

Дорошенко, стремясь къ политической самобытности и видя невозможность соглашенія съ Польшей, и необходимость борьбы съ нею, отдался подъ покровительство Турціи, думая, что Украина уживется подъ турецкою властью. Но вышло иначе, благодаря многовѣковымъ историческимъ условіямъ. Когда Дорошенко понялъ свою ошибку, то идти назадъ было уже поздно.

За два года, оговоренные въ Андрусовскомъ договорѣ для отдачи Кіева, Польша надѣялась повернуть дѣла на Украинѣ въ свою пользу; она разсчитывала, главнымъ образомъ, на то, что непостоянная орда перейдетъ вновь на сторону Польши и съ ея помощью можно будетъ покорить непокорную страну. Но вышло не такъ, какъ разсчитывала Польша. Объявивъ себя, послѣ пораженія Маховскаго, открыто противникомъ Польши, и, какъ мы видѣли, сдѣлавъ попытку даже чеканить крымскія деньги, Дорошенко продолжалъ искать у татаръ помощи противъ Польши. Но и Польша обратилась туда же. Согласно статьѣ Андрусовскаго договора и Польша, и Москва должны были дать знать о заключеніи договора въ Крымъ и Турцію. Посольство отъ Москвы не достигло своего назначенія: посолъ Ладыженскій былъ убитъ запорожцами. Отъ Польши отправленъ былъ посолъ Радзіевскій, который представлялъ султану, что Андрусовскій договоръ заключенъ съ цѣлью совершеннаго уничто-

женія козачества, какъ на правой, такъ и на лѣвой сторонѣ Днѣпра. (Не напрасенъ, значитъ, былъ слухъ о томъ же, распространившійся по Украинѣ тотчасъ по заключеніи договора). Кромѣ того, онъ представлялъ Портѣ всѣ невыгоды союза съ козаками и просилъ, чтобы константинопольскому патріарху воспрещено было сноситься съ Украиной подъ видомъ религіозныхъ дѣлъ. Хотя самому Радзіевскому не удалось окончить дѣло мира, такъ какъ онъ вскорѣ скончался въ Константинополѣ, но оставшійся послѣ него секретарь посольства Высоцкій довершилъ начатое дѣло и заключилъ между Польшей и Портой, такъ называемый, „вѣчный" миръ. По смыслу этого мира Польша обязывалась запретить запорожцамъ безпокоить турецкія и татарскія границы, а султанъ долженъ былъ воспретить татарамъ помогать козакамъ [1]). Ужъ изъ самаго смысла договора видно было, что миръ не можетъ быть „вѣчнымъ": какъ Польша, такъ и Турція брали на себя обязательства, которыхъ ни та, ни другая не въ состояніи была выполнить. Обстоятельства доказали это тотчасъ же. Въ Крымъ посломъ отправленъ былъ нѣкій Самуилъ Кобылецкій, но дѣло его не выгорѣло. Увѣренія и представленія Дорошенка взяли верхъ и изъ Крыма отряжена была сильная орда на помощь ему противъ Польши [2]). Данныя о количествѣ войска, собравшагося воевать Польшу по сообщенію польскихъ источниковъ, весьма сбивчивы; но такъ какъ мы не имѣемъ никакихъ другихъ свѣдѣній, то съ увѣренностью можно сказать, что численность непріятельскаго войска была преувеличена—поляки вообще любятъ преувеличивать число враговъ своей отчизны. По свидѣтельству одного польскаго источника, количество татаръ, вышедшихъ изъ Крыма, доходило до 40000 человѣкъ, а козаковъ было 24000 [3]). Другой источникъ исчисляетъ татарское войско въ 80000 [4]), и третій, наконецъ, насчитывалъ до 100000 человѣкъ [5]). Извѣстіе о вторженіи враговъ пришло въ Польшу въ первыхъ числахъ октября. Собѣсскій, назначенный тогда короннымъ гетманомъ, рѣшился двинуться въ Украину, чтобы не допустить врага въ глубь Польши и укрѣпить вѣрныя полякамъ крѣпости въ Украинѣ: Бѣлую Церковь,

---

[1]) Костомаровъ, т. XV, 167. (Заимствовано изъ польской Коронной Метрики).
[2]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. III, 124; Annal. Pol. Clim., III, 28.
[3]) Ibid., стр. 128—129.
[4]) Zaluski, т. I, ч. I, 9; Annal. Pol. Clim., III, 287; Сборн. лѣт. изд. 1888 г., 196.
[5]) Latopisiec Ierlicza, стр. 117.

Корсунь и Чигиринъ[1]). Кромѣ того, Собѣсскій надѣялся, что появленіе его съ войскомъ въ Украинѣ привлечетъ на его сторону много козацкой старшины, а также и козаковъ[2]). Но предположеніе его не сбылось: вступить въ Украину ему не удалось, и онъ принужденъ былъ остановиться въ Подгайцахъ, имѣніи Потоцкихъ, въ очень укрѣпленномъ и удобномъ для защиты мѣстѣ[3]). Количество его войска равнялось 16000[4]) человѣкъ, которыхъ онъ еще раздѣлилъ и разослалъ отряды къ Луцку, Дубну, Тарнополю и Львову[5]). Многіе паны считая, себя опытными въ военномъ дѣлѣ, протестовали противъ такого раздробленія и безъ того малочисленнаго войска[6]), но Собѣсскій остался при своемъ мнѣніи, говоря, что татары, встрѣчая вездѣ польскіе отряды, подумаютъ, что силы ихъ очень велики[7]). 8-го октября 1667 года непріятельскія войска показались у Подгайцевъ[8]). Еще раньше была стычка польскихъ войскъ подъ селомъ Нараевомъ[9]), но окончилась для нихъ благополучно[10]). И теперь, въ первый же день появленія непріятеля у окоповъ, поляки вышли въ поле и дали сраженіе. Горячъ былъ бой въ этотъ день. Отчаянно сражались, какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Орда, какъ бѣшеная, напирала на поляковъ, которые встрѣчали ее густымъ лѣсомъ сомкнутыхъ копій и сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Козаки тѣмъ временемъ напали на мѣстечко, оставшееся въ тылу у поляковъ, но ничего не могли сдѣлать. Изъ обоза же высыпала „luźna czeladz", такъ называемая войсковая прислуга, кто съ оружіемъ, а кто и съ дубиной и начала бить татаръ, которые лѣзли на шанцы, какъ обезумѣвшіе. Наступающая ночь прекратила этотъ первый бой. Поляки возвратились въ свой станъ, а козаки въ свой и принялись считать потери. У поляковъ убитыми оказалось только 400 человѣкъ, тогда какъ татары недосчитывалось нѣсколькихъ тысячъ своихъ соратниковъ.

---

1) Zaluski, т. I, ч. I, стр. 8.
2) Hist. pan. Jana-Kaz., т. III, стр. 125.
3) Сборн. лѣтоп. изд. 1888 г., стр. 196.
4) Hist. pan. Jana-Kaz., т. III, стр. 127.
5) Latopisiec Ierlicza, стр. 118.
6) Załuski, т. I, ч. 1, стр. 9.
7) Hist. pan. Jana-Kaz. т. III, стр. 127.
8) Zaluski, т. I, ч. 1, стр. 11.
9) Сборн. Лѣтоп. изд. 1888, стр. 197.
10) Ibid.

Это обстоятельство сильно подняло духъ польскаго войска. Послѣ этого перваго сраженія не послѣдовало никакихъ рѣшительныхъ военныхъ дѣйствій; татары задумали оцѣпить своихъ враговъ и морить голодомъ. Поляки, сидя въ осадѣ, предпринимали различные способы и придумывали различныя хитрости, чтобы напугать татаръ, которыхъ они считали наивными дикарями [1]). Но неизвѣстно, чѣмъ окончилась бы осада, если бы одно совершенно неожиданное событіе не измѣнило хода дѣлъ.

Событіе это должно бы было предостеречь Дорошенка, потому что оно показало, что союзъ съ мусульманами вовсе не въ духѣ народа. Услыхавъ, что орды вышли изъ Крыма, Сѣрко поспѣшилъ въ Запорожье, собралъ нѣсколько тысячъ братчиковъ [2]), сказалъ имъ горячую рѣчь о томъ, что теперь настало время вторгнуться въ Крымъ и освободить находящихся тамъ плѣнныхъ. „Я не другъ ляховъ“, говорилъ онъ, „а ихъ врагъ — но татары врагъ еще горшій“ [3]), и эти слова, по моему, явились яснымъ выраженіемъ всего народнаго міровоззрѣнія. И повелъ Сѣрко свою дружину въ Крымъ. Страхъ и трепетъ овладѣлъ татарскими улусами. Защищать ихъ было некому: вся сила, способная носить оружіе, ушла на помощь Дорошенку. Когда козаки подошли къ Перекопу, то тамъ встрѣтили ихъ оставшіеся татары. Произошелъ бой, татары были разбиты и запорожцы вторглись въ глубь Крыма. Самъ ханъ въ ужасѣ сѣлъ со своимъ гаремомъ на суда и бѣжалъ на Кавказъ. Масса украинскихъ плѣнныхъ была освобождена. Нагруженные несмѣтной добычей запорожцы поспѣшили возвратиться восвояси, опасаясь, чтобы находившіяся въ Украинѣ орды не преградили имъ пути на узкомъ перекопскомъ перешейкѣ.

Когда въ станѣ подъ Подгайцами стало извѣстно о вторженіи запорожцевъ въ Крымъ, татары массами начали убѣгать; нѣкоторые мурзы предполагали даже, что Дорошенко не безъ грѣха въ этомъ дѣлѣ Сѣрка, но Калга-султанъ удерживалъ ихъ, говоря, что „братъ не отвѣчаетъ за преступленіе брата“. Между тѣмъ, Дорошенко увидѣлъ, что Подгаецкое дѣло проиграно, и первый послалъ къ Собѣсскому предложеніе мира, обѣщая склонить къ тому же и татаръ.

---

[1]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. III, стр. 131.
[2]) Акты Южн. и Зап. Рос. т. VII, № 1.
[3]) Hist. pan. Jana-Kaz., т. III, стр. 130.

Собѣсскій, конечно, охотно согласился на такое предложеніе, но предварительно послалъ въ станъ къ татарамъ ротмистра Рущица, у котораго былъ тамъ братъ, принявшій мусульманство, и тотъ возвратившись привезъ свѣдѣнія, что татары всѣ настроены въ пользу примиренія и нѣкоторые даже выразили мысль, что это ихъ Богъ наказалъ за то, что они пошли воевать своихъ недавнихъ побратимовъ-поляковъ. Вслѣдствіе такого всеобщаго настроенія начались переговоры, которые окончились такъ называемыми Подгаецкими статьями. Одинъ достовѣрный польскій источникъ гласитъ, что козаки такъ опасались за исходъ переговоровъ, что явились на совѣщаніе послѣдними, озаботившись сначала о добропорядочномъ укрѣпленіи своего лагеря, на случай какой нибудь измѣны. 19 октября 1667 года заключенъ былъ договоръ, на основаніи котораго Собѣсскій обѣщалъ постараться, чтобы выплачены были деньги за пользованіе услугами татаръ, а эти послѣдніе обязывались удерживать свои загоны отъ вторженія въ предѣлы Польши и возвратить всѣхъ польскихъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ и региментаря Маховскаго. Затѣмъ состоялся договоръ съ Дорошенкомъ, на основаніи котораго Собѣсскій обѣщалъ выпросить у короля амнистію всѣмъ козакамъ, съ условіемъ, чтобы они отказались отъ всякаго другого покровительства, кромѣ Польши, и обязались возвратить всѣ королевскія и панскія имѣнія. Кромѣ того Собѣсскій обѣщалъ разслѣдовать всѣ обиды, нанесенныя Украинѣ Стахурскимъ, бѣлоцерковскимъ комендантомъ, и значительно уменьшить въ этой крѣпости гарнизонъ, для облегченія жителей. Обѣщано было также не нарушать привилегій русскаго духовенства. Окончательное же рѣшеніе всѣхъ недоразумѣній, касавшихся козацкаго вопроса, предоставлено было сейму, на который Дорошенко обязанъ былъ прислать въ Варшаву своихъ пословъ[1]). Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Дорошенко былъ вынужденъ только силой обстоятельствъ на заключеніе этого договора съ Польшей—онъ отлично понималъ, какъ мы уже неоднократно говорили, что союзъ съ Польшей невозможенъ ни на какихъ условіяхъ и въ

---

[1]) Описаніе Подгаецкаго дѣла со всѣми подробностями составлено на основаніи слѣдующихъ источниковъ: Акты Южн. и Зап. Рос., т. VII, № 1; Лѣтоп. Самовидца, изд. 1878 г., стр. 94--95; Лѣтоп. Грабянки, стр. 192--193; Лѣтопись Величка, т. II, стр. 145—158; Zaluski, т. I, ч. 1, стр. 8--17; Hist. pan. Jana-Kaz., т. III, стр. 125—140; Annal. Pol. Clim. т. III, стр. 285—297; Krajewski, т. II, стр. 184—195; Latopisiec Ierlicza, т. II, стр. 117—127; Сборн. Лѣтоп. изд. 1888 г., стр. 196—198.

договорѣ этомъ не было ни одной доли искренности. Договоръ этотъ вынудилъ его только помимо Крыма искать покровительства и помощи у болѣе сильной державы, Турціи, въ союзѣ съ которой онъ надѣялся разрушить ненавистный Андрусовскій договоръ, и въ то же время создать политическую автономію для Украины, къ которой онъ такъ стремился. Мы уже говорили, на сколько ошибочно было его стремленіе.

Непосредственно послѣ Подгаецкаго дѣла начались у Дорошенка сношенія съ Москвой; промелькнула на минуту возможность соединенія съ этой державой, соединенія, къ которому инстинктивно стремились какъ правобережцы, такъ и лѣвобережцы. Еще въ сентябрѣ Москва старалась повліять на Дорошенка, чрезъ архимандрита печерскаго Иннокентія Гизеля, очень уважаемаго среди малороссіянъ. Этотъ послѣдній писалъ къ Дорошенку и убѣждалъ его отступить отъ союза съ „агарянами“, говоря, что обязанность каждаго истиннаго христіанина бороться съ мусульманами, а потому совѣтовалъ ему отступить отъ нихъ и соединиться съ православнымъ московскимъ монархомъ [1]). Въ ноябрѣ 1667 года отпущенъ былъ изъ Москвы находившійся тамъ въ плѣну братъ Петра, Григорій Дорошенко, что очень польстило гетману и расположило его въ пользу Москвы [2]). Вслѣдъ за этимъ начались сношенія Дорошенка съ Москвой, чрезъ посредство пословъ, сношенія, которыя показали, что для Дорошенка невозможно было соединеніе съ Москвой. Явился сначала стольникъ Дубенскій, а потомъ Чекаловскій; въ разговорахъ съ этими послами Дорошенко высказывалъ желаніе находиться подъ рукой его царскаго величества, пилъ заздравные тосты, причемъ раздавалась торжественная пальба изъ пушекъ,—но въ каждомъ его словѣ сквозило такое непреклонное желаніе политической самобытности, что становилось яснымъ, что для Москвы принять Дорошенка на тѣхъ условіяхъ, какія онъ предлагалъ, значило отказаться отъ своей исторической миссіи. Послѣднему послу онъ даже выразилъ свою завѣтную мысль о соединеніи всей Украины съ Галиціей и столицей Кіевомъ [3]). Когда же въ Переяславъ прибылъ Василій Тяпкинъ и послалъ къ Дорошенку письмо, которое можно было понять, какъ при-

[1]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. VI, № 68.
[2]) Ibid. № 69.
[3]) Акты Южн. и Зап. Рос., т VI, № 71.

глашеніе поступить подъ московскую державу, онъ собралъ раду изъ полковниковъ и знатныхъ козаковъ, и на этой радѣ порѣшили не отступаться отъ союза съ крымцами. Къ Тяпкину Дорошенко написалъ письмо, полное упрековъ московскому правительству, а его посланцы къ Тяпкину Григорій Дорошенко и писарь Бускевичъ ставили условіемъ союза съ Москвой такія требованія, которыя вполнѣ обезпечивали политическую автономію Малороссіи, но дѣлали совершенно невозможнымъ для Москвы принятіе Дорошенка на такихъ условіяхъ [1]). Ни къ чему не привели переговоры московскихъ пословъ и съ митрополитомъ Тукальскимъ, который, какъ мы уже говорили, былъ во всемъ солидаренъ съ гетманомъ.

На время обстоятельства какъ будто улыбнулись Дорошенку; хоть на минуту онъ могъ подумать, что цѣль его достигнута и ему удалось соединить разъединенныя части Малороссіи. Послѣ Андрусовскаго договора и поѣздки Брюховецкаго въ Москву, народъ озлобился какъ противъ московскаго управленія, такъ и противъ самого гетмана. Уже Тяпкинъ, посланный развѣдывать о состояніи умовъ на Украинѣ, привезъ весьма неутѣшительныя вѣсти о настроеніи малороссіянъ: всѣхъ очень тревожила вѣсть о томъ, что Кіевъ будетъ отданъ полякамъ—въ этомъ видѣли самое безцеремонное отношеніе къ завѣтнымъ національнымъ стремленіямъ. Дорошенко, который по выраженію Костомарова „словомъ и дѣломъ вопіялъ противъ такого отношенія“, долженъ былъ войти въ силу. Порядки, заведенные Брюховецкимъ, еще болѣе озлобляли народъ. Наѣхавшіе съ нимъ воеводы и приказные люди, собиравшіе неслыханные налоги и беззастѣнчиво пускавшіе въ ходъ взяточничество, страшно возмущали народъ. Но не только они—козацкое управленіе также не менѣе вышеизложенныхъ причинъ налагало на народъ невыносимыя тягости [2]). Всѣ эти обстоятельства порождали такое настроеніе, которымъ весьма выгодно съумѣлъ воспользоваться Дорошенко. Самъ Брюховецкій, видя, что дольше ему не удержаться, вздумалъ войти въ сношенія съ Дорошенкомъ и измѣнить Москвѣ.

Сношенія эти начались при посредствѣ какого то монаха Якубенка [3]). Дорошенко и Тукальскій, для того, чтобы скорѣе затянуть

---

[1]) Костомаровъ, т. XV, стр. 181—185.

[2]) Костомаровъ, т. XV, стр. 185—190.

[3]) Лѣтоп. Самовидца, изд. 1878 г. ,стр. 97.

въ свои сѣти такого мелкаго честолюбца и разсчетливаго эгоиста, написали ему, что Дорошенко вовсе ужъ не такъ упорно настаиваетъ на томъ, чтобы булава оставалась за нимъ, онъ готовъ во всякое время уступить ее Брюховецкому, лишь бы злосчастная родина снова соединилась въ одно цѣлое и могла бы бороться противъ своихъ враговъ [1]). Въ самомъ началѣ января Брюховецкій собралъ раду у себя въ Гадячѣ и началъ рѣчь о томъ, какъ Москва хочетъ ихъ окончательно уничтожить и отдать полякамъ вмѣстѣ съ Кіевомъ. Порѣшили отказаться и отъ Москвы и отъ Польши и покориться турецкому султану [2]). Съ этой же рады отправилъ Брюховецкій Степана Гречаного въ Крымъ [3]), а Григорія Гамалѣю съ канцеляристомъ Леонтіемъ Камкуровичемъ, черезъ Бѣлгородъ въ Константинополь къ султану съ просьбой принять ихъ подъ свою сильную руку [4]). Возвратившіеся съ рады полковники начали ссориться съ московскими воеводами, и приглашать всѣхъ посполитыхъ, кому пожелается, въ козаки [5]).

Дорошенко въ началѣ января 1668 года также собралъ раду у себя въ Чигиринѣ, на которой присутствовалъ и посолъ отъ Брюховецкаго. Результаты этой рады были тѣ же, что и въ Гадячѣ: но тутъ уже Дорошенко пересталъ скрывать свои намѣренія, и сказалъ посланцу, что Брюховецкій долженъ будетъ отказаться отъ булавы, потому что повелъ дѣла такъ невыгодно для родины [6]). Открытое возмущеніе противъ московской власти началось въ Гадячѣ, гдѣ Брюховецкій обманнымъ образомъ избилъ весь находившійся тамъ гарнизонъ. Вслѣдъ за этимъ избіеніемъ начались нападенія на воеводъ въ другихъ городахъ, которые, не будучи въ состояніи сопротивляться— сдавались [7]). Въ то же время посольство въ Турцію увѣнчалось успѣхомъ: лѣвая сторона, какъ не имѣвшая никакого отношенія къ Польшѣ, съ которой Турція связана была вѣчнымъ миромъ, принята была подъ турецкую протекцію. Посланы были два чауша, одинъ къ Дорошенку, другой къ Брюховецкому — съ приказаніемъ заключить договоръ, на основаніи котораго вся лѣвобережная Украина обязана

---

[1]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. VIII, № 13.
[2]) Лѣт. Самов., изд. 1878 г., стр. 98; Лѣтоп. Величка, т. II, 160.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid., стр. 99.
[5]) Ibid.
[6]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. VII, № 11.
[7]) Костомаровъ, т. XV, стр. 201—206.

была поступить подъ власть падишаха. Изъ Крыма пришло обѣщаніе, что татары готовы явиться на помощь[1]). Всѣ эти событія совершились въ первой половинѣ 1668 года. Въ маѣ мѣсяцѣ явилась къ Брюховецкому обѣщанная орда въ количествѣ 7000 человѣкъ[2]). Но не смотря на это павшій авторитетъ Брюховецкаго не могъ уже подняться. Заднѣпряне послали къ Дорошенку просьбу придти и принять вмѣсто Брюховецкаго власть надъ ними[3]). Тотъ дѣйствительно перешелъ Днѣпръ и пошелъ по направленію къ Гадячу[4]). Между тѣмъ и Ромадановскій, посланный усмирять смуту, поднятую Брюховецкимъ, подошелъ къ Котельвѣ, но нашелъ ужъ тамъ сильный козацкій гарнизонъ, такъ что принужденъ былъ приступить къ осадѣ города[5]). Въ то же время Дорошенко отправилъ пословъ къ Брюховецкому, съ требованіемъ уступить ему булаву. Брюховецкій въ ярости велѣлъ заковать пословъ въ кандалы, а самъ двинулся будто бы противъ Ромадановскаго, но Дорошенко пошелъ ему на перерѣзъ и сталъ подъ Опошней[6]); Брюховецкому же опять послалъ новое посольство съ тѣмъ же требованіемъ. Брюховецкій, въ отвѣтъ на это схватилъ присланныхъ сотниковъ, а самъ двинулся къ Опошнѣ[7]). Но здѣсь произошла совершенно неожиданная для него катастрофа: онъ былъ убитъ разъяренной толпой, въ буквальномъ смыслѣ слова, растерзанъ[8]). Такимъ образомъ Дорошенко фактически сдѣлался гетманомъ обѣихъ сторонъ.

Я остановился на этихъ событіяхъ вскользь и описалъ ихъ только въ краткихъ чертахъ потому, что они не имѣютъ прямого отношенія къ описываемому мною времени, но относятся къ области побочныхъ обстоятельствъ, все же необходимыхъ для общей характеристики того времени. Послѣ убійства Брюховецкаго, Дорошенко спрашиваетъ у толпы, собравшейся на Опошнянскомъ полѣ, у кого желаютъ они быть въ подданствѣ: у московскаго царя, у польскаго короля или у

[1]) Костомаровъ, т. XV, стр. 210.
[2]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. XII. № 34.
[3]) Лѣтоп. Самов., изд. 1878 г., стр. 99.
[4]) Акты Юж. и Зап. Рос., т. VII, № 30.
[5]) Лѣт. Самовидца, изд. 1878 г. стр. 29.
[6]) Лѣтоп. Самовидца, изд. 1878 г., стр. 29.
[7]) Ibidem.
[8]) Малорос. Лѣт.; Костомаровъ, т. XV, 214; Акты Южн. и Зап. Рос. т. III, № 34

турецкаго султана? Изъ неяснаго крика толпы, раздавшагося въ отвѣтъ, онъ могъ заключить, что желаютъ подданства турецкому султану. Такъ не оформлены и неясны были стремленія массы [1]). Малорусскій лѣтописецъ передаетъ, что когда сошлись воедино оба стана—Брюховецкаго и Дорошенка, то въ толпѣ возгорѣлось намѣреніе убить и Дорошенка; но онъ ушелъ изъ стана и постарался усмирить расходившіяся страсти, выкативъ народу нѣсколько бочекъ горѣлки [2]). На утро Дорошенко двинулся къ Котельвѣ, противъ осаждавшаго этотъ городъ Ромадановскаго [3]), но не засталъ его уже тамъ; онъ ушелъ задолго до появленія Дорошенка [4]). Отъ Котельвы Дорошенко пошелъ къ Гадячу, раззоряя по пути маетности Брюховецкаго. Было у него намѣреніе идти къ Путивлю, противъ ушедшаго изъ подъ Котельвы Ромадановскаго, но одно обстоятельство, совершенно частнаго характера, разрушило всѣ его планы и заставило уйти за Днѣпръ, чѣмъ онъ окончательно проигралъ свое дѣло. Изъ Чигирина пришло извѣстіе, что его жена измѣнила ему [5]), и онъ, бросилъ все поспѣшилъ въ Чигиринъ, оставивъ наказнымъ гетманомъ Демьяна Многогрѣшнаго [6]), а въ Гадячѣ оставилъ брата своего Андрея [7]), также въ качествѣ гетманскаго намѣстника, и поручилъ имъ дѣло окончательнаго очищенія лѣваго берега отъ московскихъ воеводъ и ратныхъ людей. Съ этого момента начался какъ бы поворотъ къ худшему въ его дѣлѣ. Прежде всего оказалось, что не всѣ безусловно преданы Дорошенку—голосъ противъ него поднялся съ Запорожья, выставившаго ему соперника въ лицѣ Суховія. Это появленіе соперника, долженствовавшее сопровождаться непремѣнными междоусобіями, являлось доказательствомъ того, что подготовительное, такъ сказать, дѣло Дорошенка, въ смыслѣ объединенія Украины, для болѣе успѣшной борьбы съ Польшей, было проиграно.

Суховій, бывшій писарь войска запорожскаго, началъ убѣждать запорожцевъ, что они сами имѣютъ полное право избирать гетмана. Братчики, увлеченные его убѣжденіями, избрали его же самаго гет-

[1]) Костомаровъ, т. XV, стр. 217.
[2]) Лѣтоп. Величка, т. II, стр. 164.
[3]) Лѣтоп. Самовидца, изд. 1878 г., 100; Лѣтоп. Грабянки, 198 и др. лѣтоп.
[4]) Лѣтоп. Величка, т. II, стр. 166.
[5]) Лѣтоп. Самовидца, изд. 1878 г., стр. 100.
[6]) Лѣтоп. Грабянки, стр. 198.
[7]) Костомаровъ, т. XV, стр. 218.

маномъ и отправили отдѣльно, на свой страхъ, посольство къ хану, который съ удовольствіемъ и принялъ его, утвердилъ Суховія гетманомъ, отправилъ съ нимъ сильную орду и послалъ приказъ Дорошенку, чтобы онъ тотчасъ шелъ на лѣвый берегъ, для соединенія съ Суховіемъ [1]. Но не такой человѣкъ былъ Дорошенко, чтобы послушаться ханскаго приказа и уступить власть Суховію. Онъ отправилъ на лѣвый берегъ брата своего Григорія, который расположился въ Козельцѣ [2], а самъ сталъ лагеремъ у Сокирной, со всѣми вѣрными ему правобережными полками [3]. Между тѣмъ на лѣвомъ берегу, съ отсутствіемъ Дорошенка, дѣла приняли вовсе нежелательный ему оборотъ. Ромодановскій снова вступилъ въ Украину и дошелъ до Нѣжина, который оставленъ былъ жителями, такъ что Ромодановскій сжегъ „пустое мѣсто“ [4]. Оставленный наказнымъ гетманомъ, Многогрѣшный, вмѣсто того, чтобы продолжать дѣло, начатое Дорошенкомъ, счелъ для себя болѣе выгоднымъ, пойти на соглашеніе съ Москвой. Я не стану подробно описывать ходъ этого дѣла, обратнаго подчиненія Москвѣ, такъ какъ это не входитъ въ кругъ моей задачи, скажу только, что къ концу 1668 года соглашеніе это состоялось и Демьянъ Многогрѣшный явился претендентомъ на гетманскую булаву. Когда до Дорошенка дошли извѣстія о томъ, что Многогрѣшный съ козаками перешелъ на сторону Москвы, то онъ увидалъ себя въ очень затруднительномъ положеніи: ему приходилось бороться теперь уже съ тремя противниками—съ Суховіемъ, съ Многогрѣшнымъ и опять таки съ Польшей. Но и въ такомъ затруднительномъ положеніи онъ остался вѣренъ своей политикѣ. Вступивъ снова въ сношенія съ Москвой, черезъ присланнаго къ нему отъ Москвы Григорія Подымова [5], черезъ брата своего Андрея, сидѣвшаго въ Гадячѣ и сносившагося съ Москвой при помощи шляхтича Өеофила Бобровича [6], и наконецъ, черезъ постоянную переписку съ разными воеводами и боярами [7]) московскими, Дорошенко все таки продолжалъ

---

[1]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. VII, № 36; Лѣт. Самовидца, изд. 1878 г.. 101; Лѣтоп. Грабянки, 199; Лѣтоп. Величка, т. II, 168 и др. малорос. лѣтоп.

[2]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. VII, № 40; Лѣтоп. Самовидца, изд. 1878 г., стр 101.

[3]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. VII, № 30; Лѣт. Самов., изд. 1878 г. стр. 101.

[4]) Лѣт. Самов., изд. 1878 г. 101.

[5]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. VII, № 45.

[6]) Ibid., т. VIII, № 10.

[7]) Ibid., т. VII и VIII.

твердо стоять на своемъ, ставя условіемъ возможности соединенія съ Москвой полную автономію Украины. Москва, конечно, не могла согласиться на такія условія; ея политика шла въ разрѣзъ тому пути, по которому шелъ Дорошенко; поэтому она сочла гораздо болѣе удобнымъ, продолжая сноситься съ Дорошенкомъ, искать такого человѣка, который былъ бы покладистѣе безпокойнаго Петра. Такой человѣкъ оказался на лицо—это былъ Демьянъ Многогрѣшный, который сначала, ради большаго эффекта, отказывался отъ власти „якъ стара дѣвка отъ хорошаго жениха“ [1]), по выраженію лѣтописца, но въ глубинѣ души страстно хотѣлъ быть гетманомъ, Вначалѣ и онъ, плывя по общему теченію, требовалъ отъ Москвы устраненія воеводъ и ратныхъ людей изъ Украины, но потомъ сдался и въ февралѣ 1669 года на радѣ, собравшейся въ Глуховѣ, былъ выбранъ гетманомъ лѣвобережной Украины, причемъ статьи присоединенія приняты были тѣ, которыхъ желала Москва [2]). 9-го марта объ этомъ избраніи извѣщенъ былъ Петръ Дорошенко, который съ горестію увидалъ, что зданіе, возводимое имъ, рухнуло, что опять дѣло очутилось въ его первоначальномъ положеніи и что исхода нужно искать какъ нибудь иначе, потому что Андрусовскій договоръ оставался въ прежней силѣ, и съ Польшей, такъ или иначе, снова приходится вступать въ борьбу. Прежде всего настоятельная надобность была въ томъ, чтобы раздѣлаться съ самозваннымъ соперникомъ, Суховіемъ. Этотъ послѣдній занялъ урочище Липовую долину на лѣвомъ берегу [3]). Ему покорились полки: миргородскій, полтавскій, лубенскій и переяславскій, и онъ еще старался привлечь на свою сторону и полки вѣрные Демьяну. Съ нимъ находились, по его же собственному показанію, несмѣтныя полчища татаръ. Вначалѣ, до Дорошенка, стоявшаго у Сѣкирной, доходили весьма непріятные слухи: поговаривали, что Суховій ударилъ челомъ самому султану—что было очень не на руку Дорошенку, для котораго подданство Турціи дѣлалось теперь послѣднимъ возможнымъ исходомъ; говорили, что онъ даже принялъ мусульманство [4]), но слухи эти пока ничѣмъ не подтверждались. Наконецъ Суховій, которому надоѣло стоять безъ вся-

---

[1]) Лѣтоп. Самовидца, изд. 1878 г., стр. 102.
[2]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. VIII, № 20.
[3]) Ibid., т. VII, № 40.
[4]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. VII, № 51.

каго дѣла въ лѣвобережной Украинѣ, двинулся на правую сторону, противъ Дорошенка. Тотъ зналъ заранѣе о его намѣреніяхъ, и расположилъ свое войско такъ, что когда Суховій съ татарами подошелъ къ Чигирину, то увидалъ себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ. Его войско начало разбѣгаться. Козаковъ у него оказалось всего до 3,000 человѣкъ и въ общемъ войско его представляло теперь только жалкіе остатки той силы, съ которой онъ вступилъ въ правобережную Украину. Наконецъ они принуждены были отступить за Тясминъ[1]) но и здѣсь постигла ихъ неудача. Сѣрко, соединившись подъ Ольховцами[2]), съ братомъ Дорошенка, Григоріемъ, вернувшимся изъ Козельца[3]), разбилъ ихъ на-голову, такъ что Суховію едва удалось, самъ-пять, бѣжать съ поля битвы[4]). Такая побѣда надъ Суховіемъ, на время подняла было шансы Дорошенка и на лѣвой сторонѣ. Начали поговаривать, что гораздо выгоднѣе имѣть гетманомъ его, а не Демка Многогрѣшнаго[5]). Но, какъ мы уже знаемъ, всѣ эти толки не привели ни къ чему; не привелъ также ни къ чему универсалъ Дорошенка отъ 1-го января 1669 года, въ которомъ онъ, обращаясь къ жителямъ лѣваго берега, говоритъ, что всѣ, въ томъ числѣ и онъ, желаютъ быть въ покорности у московскаго царя, только съ условіемъ, что изъ Украины выведены будутъ всѣ московскіе ратные люди и удалены всѣ воеводы[6]). На Глуховской радѣ избранъ былъ все таки Демьянъ Многогрѣшный, но въ статьяхъ ничего не было сказано о выводѣ воеводъ и ратныхъ людей изъ Украины. Продолжая вести пріязненные переговоры съ Москвой по поводу выдачи находившихся у него послѣ смутъ на лѣвомъ берегу воеводъ и отпускѣ находившихся въ Москвѣ украинскихъ плѣнныхъ[7]), Дорошенко началъ мало-по-малу подготовлять общественное мнѣніе къ исполненію послѣдняго задуманнаго имъ плана, который послужилъ къ окончательной погибели его и его дѣла—борьбы съ Польшей съ цѣлью добиться политической самобытности для Украины, которую лишалъ этого Андрусовскій договоръ. Въ началѣ марта

---

[1]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. VIII, № 2.
[2]) Ibid., № 18.
[3]) Ibid., № 15.
[4]) Ibid., № 18.
[5]) Костомаровъ, т. XV, стр. 242—243.
[6]) Ibid.
[7]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. VII и VIII.

1669 года собралъ онъ близъ Корсуня на рѣкѣ Расавѣ раду, на которой присутствовало 500 человѣкъ знатныхъ правобережныхъ козаковъ и до 20 лѣвобережныхъ, въ числѣ которыхъ находился и лубенскій полковникъ Гамалѣй [1]. На этой радѣ вмѣстѣ съ Дорошенкомъ присутствовалъ и турецкій посолъ. Прочитана была грамота, въ которой предлагалось Украинѣ поступить подъ власть турецкаго султана, на правахъ вассальнаго княжества по примѣру Молдавіи и Валахіи. Грамота эта очень понравилась на радѣ и тутъ же рѣшено было быть въ пріязни съ Турціей, однако присяга ей принесена не была. Свѣдѣнія объ этой радѣ, которыя мы заимствуемъ изъ донесеній, приходившихъ въ Москву, весьма противорѣчивы. Что несомнѣнна была рѣшимость Дорошенка пристать къ Турціи, о томъ свидѣтельствуетъ доставленный въ Москву списокъ условій, на основаніи которыхъ желательно было присоединеніе къ Турціи: козаки входятъ въ союзъ съ Турціей по примѣру, блаженной памяти, Богдана Хмельницкаго, они не желаютъ быть ни рабами, ни данниками турецкаго султана, но хотятъ быть свободными отъ всякихъ податей; знамена же и булава, которыя должны быть присланы Дорошенку въ знакъ союза, показываютъ только, что козаки обязаны воевать противъ всякаго недруга его султанскаго величества. Турецкія войска, которыя будутъ приходить на помощь козакамъ, должны наравнѣ съ мѣстными войсками подчиняться волѣ гетмана; они не смѣютъ самовольно занимать себѣ мѣстъ, для стоянки, а довольствоваться только тѣмъ, что будетъ имъ назначено. Они должны вести себя мирно, и всякій, кто будетъ замѣченъ въ какомъ либо преступленіи противъ личности или имущества жителей Украины, тотъ будетъ казненъ смертію. Тѣ же правила относились и къ войскамъ молдавскимъ и валахскимъ, которыя будутъ входить въ Украину. И въ остальныхъ своихъ статьяхъ, касающихся, какъ духовенства, такъ выбора гетмана, судопроизводства и т. д., договоръ ревниво оберегалъ національно-политическія права Украины. Султанъ, не спросясь совѣта козаковъ, не смѣлъ входить ни въ какія условія и сношенія съ сосѣдними державами, въ особенности съ Москвой и Польшей; а если бы былъ заключенъ какой нибудь договоръ не выгодный для козаковъ, то они его не признаютъ. Въ заключеніе козакамъ давалась свобода, въ случаѣ какого нибудь коварства со стороны Турціи

---

[1] Акты Южн. и Зап. Рос. т. VIII, № 143

по отношенію къ ихъ правамъ, промышлять о своей свободѣ иными способами, прибѣгая, впрочемъ, къ силѣ оружія только въ крайнемъ случаѣ, будучи вызванными къ тому турецкими, или татарскими военными дѣйствіями[1]). Мы не знаемъ, поистинѣ ли достовѣрны эти условія, и на этихъ ли условіяхъ въ дѣйствительности впослѣдствіи состоялось подчиненіе Турціи, но во всякомъ случаѣ документъ этотъ намъ важенъ, какъ выраженіе того, къ чему стремился Дорошенко, рѣшаясь на этотъ послѣдній роковой для него шагъ. Во всѣхъ начинаніяхъ Дорошенка его поддерживалъ митрополитъ Тукальскій, который послѣ Корсунской рады разослалъ по всѣмъ церквамъ приказъ молиться на эктеніяхъ „о благочестивомъ и Богомъ данномъ гетманѣ Петрѣ“ [2]), поддерживая словомъ уважаемаго и любимаго человѣка и одобряя даже союзъ его съ Турціей.

Между тѣмъ, не смотря на союзъ съ Турціей, Дорошенку все таки пришлось опять перенести появленіе прежняго соперника Суховія. Какъ и въ первый разъ, запорожцы выбрали его гетманомъ на радѣ, собравшейся гдѣ то надъ Чертомлыкомъ, и онъ снова обратился за помощью въ Крымъ. Крымское правительство не обратило вниманія на союзъ Дорошенка съ Турціей, тѣмъ болѣе, что онъ не принялъ еще подданства, и отрядило ему въ помощь орду, съ Батырчей-мурзой во главѣ[3]). Тотчасъ послѣ избранія, Суховій послалъ къ Дорошенку требованіе, чтобы онъ шелъ на Запорожье и отдалъ клейноты, захваченные имъ у Брюховецкаго и, сдавъ свое гетманство, положился бы на выборъ вольными голосами, грозя ему въ противномъ случаѣ войной[4]). Его увлекало чувство мести къ Дорошенку, за понесенное пораженіе, и потому онъ бросился сначала на Дорошенка и оставилъ безъ вниманія возможность имѣть успѣхъ на лѣвой сторонѣ, гдѣ его сторону держали полки: миргородскій, полтавскій и лубенскій[5]). Татары подошли къ Чигирину; Дорошенко сразился съ ними, но не былъ въ состояніи сломить ихъ силы. Онъ ушелъ въ Чигиринъ, а противъ него шелъ Суховій съ козаками и запорожцами; полки: уманскій, бѣлоцерковскій, паволочскій и корсунскій[6])

---

[1]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. VIII, № 173
[2]) Бантышъ-Каменскій, т. II, стр. 121.
[3]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. VIII, № 18.
[4]) Костомаровъ, т. XV, стр. 284.
[5]) Акты Южн. и Зап. Рос., IX, № 13.
[6]) Акты Южн и Зап. Рос., т. IX, № 8.

передались на его сторону, только черкасскій, чигиринскій и наемный серденецкій оставались вѣрными Дорошенку[1]). Это все же была еще большая сила. Вся масса приставшихъ къ Суховію козаковъ не захотѣла признать выбора его въ гетманы, совершившагося на Запорожьи, и потянула къ Умани, чтобы собрать новую раду. На этой радѣ присутствовалъ и Юрій Хмельницкій, сбросившій уже съ себя монашеское платьѣ. Выборъ рады обошелъ Суховія и палъ на бывшаго уманскаго полковника Михаила Ханенка[2]).

Въ то время какъ происходили эти событія, Дорошенко ожидалъ пословъ отъ турецкаго султана, которые должны были привезти ему знаки гетманскаго достоинства; но послы, хотя уже и были на пути, не могли дойти до него, потому что остановлены были козаками Ханенка въ области рѣки Днѣстра и сидѣли въ слободѣ Цекуновкѣ[3]). Услыхавъ о постановленіи Уманской рады, Дорошенко и не думалъ повиноваться—его силы были еще настолько велики, что одинъ пѣхотный охотный полкъ достигалъ до 6000 человѣкъ[4]), не считая вѣрныхъ ему полковъ. Онъ вышелъ изъ Чигирина. Но не успѣлъ онъ переправиться черезъ Рось, какъ, у села Кончи, напала на него сильная татарская орда. Не сладилъ съ нею Дорошенко и принужденъ былъ запереться въ таборѣ, гдѣ орда его держала его въ осадѣ цѣлыхъ пять недѣль[5]). Наконецъ отъ чауша, шедшаго къ Дорошенку, изъ Сорокъ пришелъ приказъ султанамъ и мурзамъ начальствовавшимъ надъ татарами, немедленно снять осаду. Татары тотчасъ же повиновались и ушли въ Крымъ, а козаки отступили къ Умани. Освобожденный Дорошенко двинулся вслѣдъ за ними, приводя въ покорность отпавшіе полки[6]). Когда онъ подходилъ къ Умани, туда явился также и турецкій посолъ, который вручилъ Дорошенку знаки гетманскаго достоинства, булаву и саблю[7]), а также написанную весьма выспреннимъ языкомъ грамоту отъ султана[8]), въ которой онъ принималъ козаковъ подъ свое покровительство и обѣ-

---

[1]) Акты Южн. и Зап. Россіи, № 13.
[2]) Ibid., № 8 и 9.
[3]) Ibid., № 8.
[4]) Лѣтоп. Самов., изд. 1878 г., стр. 105.
[5]) Лѣтоп. Самов., изд. 1878 г. стр. 105; Лѣтоп. Грабянки, стр. 201-202.
[6]) Ibid.
[7]) Ibid.
[8]) Костомаровъ, т. XV, стр. 290-291.

щалъ защищать ихъ отъ всѣхъ враговъ, если они будутъ ему вѣрны. Уманцы не впустили Дорошенка въ городъ, и устроили между нимъ и Ханенкомъ соглашеніе, на основаніи котораго послѣдній долженъ былъ явиться въ Чигиринъ, куда долженъ былъ тотчасъ же отступить изъ подъ Умани и Дорошенко. Всѣ эти событія происходили въ іюлѣ 1669 года. Дорошенко ушелъ въ Чигиринъ [1]); но Ханенко и не думалъ туда являться, онъ бѣжалъ на Запорожье, а оттуда кинулся въ Крымъ искать новой помощи. Тамъ не трудно было ее найти—татары ежеминутно готовы были идти на войну куда бы то ни было. Съ довольно сильной ордой и запорожцами, Ханенко вновь бросился въ Украину. Дорошенко встрѣтилъ врага подъ Стебловымъ. Кромѣ козацкаго войска были у него и татары, присланные силистрійскимъ пашою. Бой окончился неудачно для Дорошенка—онъ принужденъ былъ отступить въ Стебловъ и тамъ запереться, а Ханенко принялся его осаждать. Осада велась удачно, такъ что по выраженію лѣтописца „южъ на валу козаки были", какъ вдругъ явилась Дорошенку неожиданная помощь, совершенно измѣнившая ходъ дѣла. На осаждающихъ сзади ударилъ неутомимый и непримиримый врагъ крымцевъ, Сѣрко, пришедшій на помощь Дорошенку со свѣжей бѣлгородской ордой. Не выдержали натиска осаждавшіе и обратились въ бѣгство. Побѣдители преслѣдовали бѣгущихъ вплоть до Умани. Двое изъ предводителей побѣжденнаго войска, Суховій и Ханенко, успѣли уйти на Запорожье, а Юрій Хмельницкій не избѣжалъ плѣна—его схватили бѣлгородскіе татары и отправили въ Константинополь, гдѣ онъ по приказу султана былъ посаженъ въ Едикулъ (семибашенный замокъ). Дорошенко расквартировалъ бѣлгородскую орду по Украинѣ и объявилъ, что намѣренъ идти на лѣвый берегъ съ цѣлью покорить его [2]). Не смотря на неудачу, постигшую его во время первыхъ попытокъ объединенія, онъ все еще не хотѣлъ отказаться отъ своей завѣтной мысли. На лѣвомъ берегу не всѣ еще были покорны новоизбранному гетману, Демьяну Игнатьевичу. Въ каждомъ почти полку, особенно въ ближайшихъ къ Днѣпру, были такіе города, которые оставались вѣрными Дорошенку [3]). Еще раньше, передъ вторженіемъ

---

[1]) Лѣтоп. Самов., изд. 1878 г., стр. 106; Лѣт. Грабянки, стр. 202.

[2]) Лѣтоп. Самов., изд. 1878 г., стр. 107; Лѣт. Грабянки, 202—203; Акты Южн. и Зап. Рос., т. IX, № 33 и 39.

[3]) Костомаровъ, т. XV, стр. 298—299.

Суховія и Ханенка, Дорошенко отправилъ на лѣвый берегъ Гамалѣя съ Маннгосомъ[1]) поддерживать духъ непокорности Многогрѣшному и покорности Петру Дорофеевичу. Теперь, послѣ побѣды надъ соперникомъ, онъ рѣшилъ въ послѣдній разъ попробовать покорить лѣвый берегъ, и отправилъ туда довольно сильный отрядъ козаковъ и татаръ. Мы не станемъ останавливаться на подробномъ описаніи этой послѣдней попытки Дорошенка объединять Украину, такъ какъ она подробно описана у Костомарова[2])—скажу только, что она ни къ чему не привела. Дорошенко, опасаясь за прочность своего положенія у себя дома, на правой сторонѣ Днѣпра, отозвалъ посланные на лѣвый берегъ отряды, послѣ чего городки начали одинъ за другимъ склоняться подъ власть Многогрѣшнаго[3]).

Не могу обойти молчаніемъ одной черты, весьма характерной, въ дѣйствіяхъ почти всѣхъ гетмановъ съ цѣлью пріобрѣтенія большей популярности. Стараясь добиться этой популярности въ средѣ духовенства, которое своимъ нравственнымъ вліяніемъ дѣйствовало бы на народъ, поднимая авторитетъ гетманскій, они осыпали духовенство и въ особенности монастыри различными грамотами, дававшими ему право владѣнія на различныя земельныя собственности. Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи (т. V), переполнены такими дарственными документами. Дорошенко также держался этой политики[4]). Интересно то, что такія дарственныя, возвышая гетманскій авторитетъ въ средѣ духовенства, въ то же время ложились всей своей тяжестью на народъ, населявшій села и мѣстечки, раздаваемыя щедрой рукой монастырямъ. Это только увеличивало тяжелое положеніе рабочаго люда, и конечно не могло вызвать въ средѣ его благодарности и преданности къ тому началу, которое налагало на него эту тяжесть. Такимъ образомъ, получался родъ какого то заколдованнаго круга: желая пріобрѣсти популярность, гетманы получали противное.

Итакъ, мы описали, такъ сказать, подготовительный періодъ, періодъ затишья въ борьбѣ съ Полышею, когда оба врага собирались съ силами. Мы видѣли, что Дорошенко ничего не достигъ въ дѣлѣ

---

[1]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. VIII. № 156, 157 и др.
[2]) Костомаровъ, т. XV, стр. 293, 294.
[3]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. VIII. послѣдніе номера.
[4]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. V, № 73, 74, 80, 82 и др.

объединенія Украины, что онъ пошелъ на послѣднюю мѣру, именно на соединеніе съ Турціею, которое было чисто искусственнымъ и не могло привиться народу. Изъ всего этого ясно можно было угадать, что новая борьба съ Польшей, къ которой Украина готовилась, должна была быть для нея фатальной. Польша, которая по Андрусовскому договору могла вступить во владѣніе Украиной, не спѣшила воспользоваться своимъ правомъ. Не спѣшила она также приводить въ исполненіе и статей Подгаецкаго договора. Дѣло въ томъ, что все это время тамъ царствовало безкоролевье. Янъ-Казимиръ отказался отъ престола и удалился во Францію [1]. Съ его отъѣздомъ началось междуцарствіе, во время котораго пріостановился нормальный порядокъ государственной жизни [2]; этимъ положеніемъ вещей и можетъ быть объясненъ наступившій перерывъ въ борьбѣ Польши съ Украиной.

Единственнымъ человѣкомъ, державшимъ во время этой анархіи, до извѣстной степени, въ рукахъ своихъ бразды правленія, былъ коронный гетманъ Янъ Собѣсскій. Дорошенко тоже не хотѣлъ нарушать перерыва, наступившаго въ борьбѣ съ Польшей. Въ оффиціальныхъ бумагахъ онъ продолжаетъ именовать себя польскимъ подданнымъ, а между тѣмъ борьба, даже въ этотъ мирный перерывъ, не прекращается. Послѣ заключенія Подгаецкаго договора, онъ далъ право бѣлоцерковскому коменданту на занятіе Бышева. Пользуясь этимъ правомъ, бѣлоцерковскій комендантъ, Стахурскій, занялъ это мѣстечко своими людьми, а Дорошенко, вдругъ, безъ всякаго повода, велѣлъ ихъ перебить [3]. Кромѣ того, онъ занялъ Васильковъ своими людьми [4], поставивъ тамъ 6 своихъ хоругвей [5], съ намѣреніемъ отрѣзать совершенно Бѣлую Церковь отъ Кіева, откуда, въ виду мирнаго договора поляковъ съ Москвой, могла быть въ крайнемъ случаѣ подана помощь бѣлоцерковскому гарнизону. Къ самому коменданту неоднократно посылалось предложеніе уйти въ Польшу, и притомъ распускались слухи, что готовится нападеніе на Бѣлую Церковь. Это приводило въ ужасъ бѣлоцерковскій гарнизонъ, а высту-

[1]) Załuski—Epistolae historico-familiares, т. I. ч. I. стр. 71 и 72.
[2]) Ibid.
[3]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. VII, № 9.
[4]) Ibid., т. VII, № 10.
[5]) Idid., т. VIII, № 126.

пить они не рѣшались изъ страха нападенія по дорогѣ со стороны козаковъ [1]).

Статья Андрусовскаго договора объ отдачѣ Кіева, приводившая въ такое замѣшательство украинцевъ, повлекла за собой назначеніе туда воеводы отъ Польши, хотя передача эта должна была совершиться только черезъ два года. Вновь назначенный воевода, Андрей Потоцкій, отправилъ впередъ полковника польской службы, Пиво-Запольскаго, съ отрядомъ въ 2000 человѣкъ, и велѣлъ ему занять м. Димеръ, находившееся невдалекѣ отъ Кіева. Когда Пиво подошелъ къ Димеру, то оказалось, что м. уже занято козаками Дорошенка, и такимъ образомъ Пиво оказался въ безвыходномъ положеніи. Когда же онъ попросился, чтобы его впустили въ Кіевъ, то ему отвѣчали, что въ Кіевѣ и такъ тѣсно, а если впустить туда двухтысячный отрядъ, то городъ будетъ переполненъ [2]). Не смотря на это Пиво не ушелъ въ Польшу, но остался въ краѣ. Это былъ прототипъ тѣхъ полковниковъ, которые появились впослѣдствіи, послѣ перваго запустѣнія Украины, и собирали полки по приповѣднымъ листамъ. Онъ оставался въ краѣ и велъ мелкую партизанскую войну, съ кѣмъ ему было выгодно. Присутствіе такого человѣка въ краѣ только озлобляло населеніе.

Борьба съ Польшей велась и дипломатическимъ путемъ—Дорошенко старался поссорить Москву съ Польшей. Когда стало извѣстнымъ, что въ Польшѣ наступило междуцарствіе, Дорошенко старался внушить Москвѣ мысль, что слѣдовало бы посадить на польскій престолъ московскаго царевича [3]). Онъ зналъ, что этотъ вопросъ много уже разъ служилъ причиной ссоръ между Москвой и Польшей, и надѣялся, что и теперь ему удастся этимъ путемъ поссорить эти державы. Въ Москву постоянно доходили слухи, что Дорошенко вступилъ въ дружбу и мирный союзъ съ польскимъ коронным гетманомъ Собѣсскимъ, что они согласились вмѣстѣ, купно съ татарами, воевать Москву [4]). Источники, дающіе намъ свѣдѣнія о распространеніи этихъ слуховъ, ни слова не говорятъ о томъ, откуда они шли. Думается мнѣ, что и это было дѣломъ Дорошенка, желавшаго хотя

---

[1]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. VII, № 6.
[2]) Ibid., т. VIII, № 139.
[3]) Ibid.
[4]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. VII, № 36.

бы воспрепятствовать окончательнымъ переговорамъ между Москвой и Польшей. Тѣмъ не менѣе, всѣ попытки поссорить эти два государства не привели ни къ чему; ничѣмъ окончился также и задуманный Дорошенкомъ планъ объединенія обѣихъ сторонъ съ цѣлью усиленія Украины для предстоящей борьбы съ Польшей.

Между тѣмъ Польша, хотя и находилась въ междуцарствіи и не хотѣла открыто задѣвать Украины, все же напоминала ей о необходимости рѣшить, такъ или иначе, надолго затянувшійся и, казалось бы, неразрѣшимый вопросъ. Вначалѣ Польша дѣлала напоминанія въ очень вѣжливой и, можно сказать, заискивающей формѣ. Въ Кіевъ явился отъ Польши намѣстникъ уніатскаго митрополита Васьянъ Савчакъ и привезъ Дорошенку самыя льстивыя обѣщанія и пожеланія, съ тѣмъ, чтобы какъ нибудь было разрѣшено это безконечное недоразумѣніе [1]). Вслѣдъ за Савчакомъ начали появляться одинъ за другимъ послы отъ Польши, которые приглашали козаковъ къ исполненію статьи Подгаецкаго договора, которая гласила о необходимости назначенія со стороны козаковъ уполномоченныхъ на сеймъ, на которомъ должно совершиться утвержденіе Подгаецкихъ статей и вообще окончательное разрѣшеніе козацкаго вопроса [2]). Покуда шла подготовительная дѣятельность Дорошенка, покуда въ Польшѣ было междуцарствіе, нечего было бояться съ ея стороны вооруженнаго нападенія и Дорошенко подъ разными предлогами отклонялъ ихъ требованія и приглашенія. Но теперь, когда потеряна была надежда на объединеніе Украины, когда дѣло о союзѣ съ Турціей зашло слишкомъ далеко, а въ Польшѣ окончилось междуцарствіе,— нужно было обратить вниманіе на требованія Польши.

Въ Польшѣ въ это время избранъ былъ Михаилъ Вишневецкій, сынъ знаменитаго Іереміи, подъ именемъ короля Михаила III-го. Тамъ уже начинали безпокоиться о событіяхъ на Украинѣ. Собѣсскій доносилъ, что Дорошенко поддался Турціи и что Нурадинъ—султанъ соединился уже съ козаками [3]). Очевидно, что, такъ или иначе, роковой конфликтъ долженъ былъ разразиться. Дорошенко отправилъ въ концѣ 1669 года, пословъ въ Турцію [4]): Бѣлогруда и

---

[1]) Акты Южн. и Зап. Рос., № 35.

[2]) Ibid., т. VIII, № 20.

[3]) Zaluski, Epistolae historico-familiares, т. I, ч. I, стр. 140.

[4]) Sękowski, Collectanea, т. II, стр. 1.

Портянку [1]), а въ Польшу тѣмъ временемъ также отрядилъ Петрановскаго и Тарасенка съ проектомъ примиренія между нею и козаками [2]). Въ виду такого его перваго шага назначена была Острожская коммиссія, долженствовавшая рѣшить вѣковой, неразрѣшимый вопросъ. Но и эта мѣра ни къ чему не послужила. Со стороны Дорошенка не было вовсе искренняго желанія соединиться съ Польшей; онъ ясно понималъ, что союзъ этотъ немыслимъ. А Польша не могла принять Дорошенка на предлагаемыхъ имъ условіяхъ, понимая, что этимъ онъ отнимаетъ у Польши возможность соединенія съ нимъ. Прежде всего Дорошенко потребовалъ заложниковъ, для обезпеченія безопасности уполномоченныхъ, которые отправлялись на Острожскую коммиссію. Самъ же онъ съ своей стороны не давалъ заложниковъ, и кромѣ того требовалъ, чтобы заложниками со стороны Польши были лица самыя знатныя, какъ напр., архіепископъ гнѣзненскій [3]). Собѣсскій, которому поручено было быть руководителемъ въ дѣлѣ предполагавшагося союза съ Дорошенкомъ, совершенно резонно отвѣчалъ ему, что вѣдь Польша много разъ посылала въ Украину своихъ уполномоченныхъ, не требуя никакого обезпеченія ихъ безопасности,—почему же Дорошенко предъявляетъ теперь такое несообразное требованіе [4]). И въ самомъ дѣлѣ, требованіе Дорошенка было настолько непомѣрно, что въ немъ можно видѣть только придирку и желаніе поставить какую нибудь преграду заключенію союза, который и не могъ совершиться. Въ то же время Дорошенко велъ переписку съ самимъ королемъ, что видно изъ отвѣтовъ королевскихъ, гдѣ говорилось о желаніи короля, чтобы всѣ части Рѣчи Посполитой были въ мирѣ, и выговаривались Дорошенку нѣкоторые его двухсмысленные поступки.

Затѣмъ Дорошенко сдѣлалъ еще разъ одну хитрую попытку поссорить Польшу съ Москвой. Изъ письма его къ Собѣсскому отъ 20 февраля 1670 года [5]), мы узнаемъ, что Дорошенко черезъ своихъ пословъ задавалъ польскому правительству коварный вопросъ о томъ, какъ ему быть съ Заднѣпровьемъ, въ виду желанія многихъ полковъ

---

[1]) Лѣтоп. Самов., изд. 1878 г., стр. 103; Сборн. лѣтоп., изд. 1888 г., стр. 27.
[2]) Лѣтоп. Величка, т. II, стр. 227.
[3]) Костомаровъ, т. XV, 308; Бант.-Каменскій, т. II. 120.
[4]) Ibid.
[5]) Oyczyste spominki, т. II, стр. 289, 300.

и городовъ быть подъ властью Польши. Не пожелаетъ ли король нарушить старый Андрусовскій договоръ, отдающій лѣвый берегъ Москвѣ—въ такомъ случаѣ Дорошенко употребитъ всѣ силы, чтобы подчинить лѣвый берегъ своей, а слѣдовательно и польской власти. Конечно, и рѣчи не могло быть о желаніи лѣвобережцевъ подчиниться польскому владычеству, но Дорошенко думалъ, что польское правительство попадется на его удочку и такимъ образомъ вовлечется въ войну съ Москвой, что будетъ очень выгодно для Украины. Въ то же время Дорошенко просилъ Собѣсскаго, чтобы Острожская коммиссія скорѣе приходила къ концу, такъ какъ татары могутъ вторгнуться въ Украину, тогда ужъ будетъ не до коммиссіи [1]). А коммиссію опять таки затягивалъ самъ Дорошенко, и татаръ приглашалъ онъ же, такъ что и въ этой просьбѣ видно было желаніе какъ-нибудь напакостить Польшѣ, тѣмъ болѣе, что прошло уже два мѣсяца со времени той первой просьбы, а Дорошенко все еще не назначалъ своихъ коммиссаровъ и 20 апрѣля началъ переписку съ острожскими коммиссарами и требовалъ отвѣта на слѣдующіе пункты: получили ли коммиссары полномочіе для совершенія и утвержденія трактата; требовалъ присылки копіи съ инструкціи, данной коммиссарамъ отъ правительства, чтобы, молъ, и ему знать какія инструкціи давать своимъ посламъ, и, наконецъ, повторялъ требованіе прислать заложниковъ для безопасности коммиссаровъ, которыхъ онъ назначитъ въ эту коммиссію [2]). 8-го мая онъ получилъ отъ коммиссаровъ отвѣтъ весьма уклончивый; они писали, что все, находящееся въ предѣлахъ возможности, будетъ даровано козакамъ, и въ этомъ смыслѣ дано имъ полнѣйшее полномочіе. Относительно заложниковъ они повторяли то же самое, что писалъ по этому же поводу Собѣсскій Дорошенку. Наконецъ, они добавляли, что уже 3-го мая они прибыли въ Острогъ и готовы приступить къ переговорамъ [3]). Очевидно, послѣ этого отвѣта Дорошенко понялъ, что дальше тянуть дѣла нельзя, а надо приступить къ переговорамъ; условія его, предложенныя Польшѣ, датованы 10 мая 1670 года.

Условія эти стремились создать изъ Украины совершенно самобытную и независимую политическую единицу. Они требовали стро-

---

[1]) Oyczyste spominki, т. II, стр. 289, 300.

[2]) Ibid., т. II, стр. 301.

[3]) Ibid., стр. 302

гаго очерченія границъ тѣхъ трехъ воеводствъ, въ которыхъ будутъ жительствовать козаки, отъ прочихъ земель Рѣчи Посполитой. Воеводства эти, какъ и въ Гадячскихъ статьяхъ, были: Кіевское, Черниговское и Брацлавское, гдѣ расположены будутъ полки: кіевскій, паволоцкій, брацлавскій, уманскій, кальницкій подольскій и тарговицкій, а также и стародавніе козацкіе полки: чигиринскій, черкасскій, каневскій и бѣлоцерковскій. Въ эти границы не только коронныя войска, но даже и паны—владѣльцы наслѣдственныхъ имѣній, ихъ слуги и довѣренныя лица не имѣютъ права въѣзжать и производить какіе бы то ни было поборы, а подати, долженствующія причитаться имъ отъ посполитыхъ, они будутъ получать разъ въ годъ, черезъ уполномоченныхъ отъ козаковъ. Въ границахъ этихъ воеводствъ козаки имѣютъ право жительствовать, какъ въ королевскихъ и духовныхъ, такъ и частныхъ имѣніяхъ, пользуясь правами собственности на поля, дома, хутора и другія статьи дохода. Всѣ козацкія имущества освобождались отъ всѣхъ рѣшительно повинностей, какія впредь будутъ налагаться на украинское посполитство, и зависѣть будутъ только отъ гетмана и лицъ, имъ назначенныхъ. Коронныя войска, являясь въ Украину, должны находиться въ полномъ повиновеніи у гетмана, и безъ его вѣдома не смѣютъ пребывать въ Украинѣ. Гетману разрѣшалось содержать охочее войско, конное и пѣшее, и на содержаніе его брать деньги съ имѣній королевскихъ и духовныхъ. Кромѣ того, на булаву и на гармату взымались доходы со старостваъ, въ гораздо большемъ размѣрѣ чѣмъ прежде; такой же доходъ опредѣлялся и для всей старшины, но не съ тѣхъ староствъ, которыя опредѣлены на гетманскую булаву и гармату. Затѣмъ гетманъ для войсковыхъ нуждъ имѣлъ право брать сколько угодно денегъ изъ имѣній дѣдичныхъ и королевскихъ. Вопросъ религіозный былъ поставленъ очень широко въ этихъ условіяхъ. Требовалось полнѣйшее уничтоженіе уніи, и возвращеніе всѣхъ мѣстностей, захваченныхъ ею. Православная вѣра должна пользоваться одинаковыми правами, наравнѣ съ католической, во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ только обитаетъ русскій народъ, какъ въ коронѣ польской, такъ и въ княжествѣ литовскомъ. Никто изъ духовныхъ лицъ не имѣлъ права строить уніатскихъ церквей. Православный митрополитъ, выбранный, какъ духовнымъ, такъ и мірскимъ чиномъ, долженъ вмѣстѣ съ другими пятью епископами засѣдать въ синодѣ, послѣ католическаго львовскаго епископа. Должностныя лица въ кіевскомъ воеводствѣ должны быть непремѣнно православнаго исповѣданія, а въ осталь-

ныхъ двухъ поперемѣнно—одинъ православнаго, а другой католическаго исповѣданія. Кіевская академія должна пользоваться одинаковыми правами съ Краковской; кромѣ того должна быть основана другая академія въ Могилевѣ, или какомъ либо другомъ городѣ, съ одинаковыми правами съ кіевской. Число школъ и типографій не ограничивалось, а іезуитскія школы должны были быть закрыты и открытіе новыхъ школъ имъ не разрѣшалось [1]). Вотъ, въ главныхъ чертахъ, статьи условій, которыя Дорошенко предлагалъ Польшѣ, и при исполненіи которыхъ считалъ возможнымъ соединеніе съ нею. Конечно, и самъ Дорошенко ясно понималъ, что Польша не можетъ принять этихъ условій—это значило бы отказаться отъ своего исторически-созданнаго, шляхетско-дворянскаго направленія. Украину же условія эти ставили на степень совершенно самобытной державы, совершенно исключали и уничтожали панскую власть надъ народомъ—а этого Польша допустить не могла. Будучи аристократической державой, она только и держалась властью пановъ надъ массой чернаго люда, и допустить такое поношеніе своихъ вѣками сложившихся принциповъ не могла. Въ этомъ и коренилась, главнымъ образомъ, невозможность успѣха Острожской коммиссіи, а не въ требованіяхъ широкой религіозной свободы, какъ то утверждаетъ Костомаровъ [2]). Во первыхъ, въ пользу моего мнѣнія говоритъ то обстоятельство, что еслибы даже исключить изъ статей договора пункты, касавшіеся уніи, то, еслибы были приняты остальныя условія, вопросъ объ уніи палъ бы самъ собой, потому что польское правительство и іезуиты, а также и паны, единственно поддерживавшіе унію, теряли всякое право на вмѣшательство въ дѣла Украины, и даже право въѣзда; а безъ ихъ поддержки, унія, для всѣхъ ненавистная, сама собой долго продержаться не могла бы. Сами поляки понимали, что не въ религіозномъ вопросѣ тутъ главная суть. У Залускаго мы находимъ драгоцѣнные документы, дающіе намъ понятіе о тѣхъ мнѣніяхъ, которыя существовали въ Польшѣ на счетъ Дорошенка и условій, предложенныхъ имъ Острожской коммиссіи. Документы эти явственно говорятъ въ пользу высказаннаго мною мнѣнія. Такъ, въ одномъ письмѣ говорится, что козаки больше всего стремятся къ свободѣ и желаютъ быть независимыми владѣтелями своего края, и въ этомъ лежитъ главнѣйшая причина

---

[1]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. IX, № 47; Лѣт. Величка, т. II, 227—232.

[2]) Костомаровъ, т. XV, стр. 311.

невозможности соглашенія съ Польшей, а никакъ не въ религіозномъ вопросѣ, потому что въ этомъ дѣлѣ Польша всегда готова идти на всяческія уступки [1]). Въ другихъ письмахъ, какъ короля, такъ и другихъ лицъ, ни слова не говорится о религіозномъ вопросѣ, между тѣмъ, какъ рѣчь идетъ, главнымъ образомъ, о вопросахъ независимости. Такъ, въ письмѣ подканцлера Ольшевскаго говорится: теперь стало извѣстно изъ свѣдѣній, получаемыхъ изъ всѣхъ рѣшительно полковъ, что козаки считаютъ, что они добыли себѣ свободу своимъ оружіемъ и поэтому не желаютъ пользоваться положеніемъ вещей, существовавшихъ доселѣ. Они желаютъ быть независимыми и требуютъ отъ Польши утвержденія Руси, въ смыслѣ отдѣльной и самостоятельной провинціи [2]). Въ письмѣ своемъ къ Ханенку король Михаилъ ясно указываетъ, какъ на причину отпаденія Дорошенка отъ Польши подъ власть Турціи, на то обстоятельство, что „Дорошенко не желаетъ, чтобы польскіе дворяне вступили въ свои наслѣдственныя имѣнія, а желаетъ, чтобы Украина была независима подъ его верховнымъ управленіемъ“ [3]). Всѣ эти обстоятельства заставляютъ меня настаивать на моемъ мнѣніи.

Самъ Дорошенко, какъ мы уже сказали, понималъ, что статьи условій, предложенныя имъ, не могутъ быть приняты Польшей, и дѣятельно продолжалъ сношенія съ Турціей, отдавая себя и Украину окончательно подъ ея покровительство. И Польша, не будучи въ состояніи принять условій Дорошенка, не хотѣла въ то же время стать съ нимъ сразу во враждебныя отношенія, такъ какъ интересы ея сходились съ интересами Дорошенка. И вотъ они начинаютъ прибѣгать къ хитростямъ, не разрывая мирныхъ отношеній и въ то же время не приходя ни къ какимъ рѣшительнымъ результатамъ. Такъ протянулось все лѣто 1670 года. Дорошенко, какъ мы уже знаемъ, требовалъ копію съ инструкціи, данной коммиссарамъ—ему была послана эта инструкція, и въ ней онъ прочелъ и понялъ отказъ на свои условія. Тѣмъ не менѣе переписка продолжалась. Но одно неожиданное происшествіе чуть было не разрушило этихъ хотя и не искреннихъ мирныхъ отношеній. Бѣлоцерковскій комендантъ Лобель, смѣнившій въ этой крѣпости прежняго коменданта Стахурскаго, вышелъ изъ

---

[1]) Zaluski, Epistolae historico-familiares, т. I, ч. I, стр. 289—292.
[2]) Ibid., стр. 294.
[3]) Zaluski, Epistolae historico-familiares, т. I, ч. I, стр. 303.

крѣпости и началъ грабить сосѣднія села и мѣстечки, результатомъ чего, кромѣ раззоренія многихъ жителей, явилось и раззореніе нѣсколькихъ церквей. Происшествіе это возмутило какъ Дорошенка, такъ и православное духовенство. Польша спохватилась: послано было въ Бѣлую Церковь уполномоченное лицо для умиротворенія и улаженія недоразумѣнія, съ приказомъ, въ крайнемъ случаѣ смѣнить Лобеля [1]). Такимъ образомъ мирныя отношенія не были нарушены.

Между тѣмъ Польша нашла выходъ изъ того затруднительнаго положенія, въ которое поставила ее Острожская коммиссія. Поляки, видя, что западная часть Украины отъ нихъ ускользаетъ, задумали, по выраженію лѣтописца, „хоть за хвостъ ее придержать“ [2]). Съ этой цѣлью польское правительство нашло самымъ удобнымъ выставить Дорошенку соперника, въ лицѣ Михаила Ханенка, бывшаго уманскаго полковника, который, какъ человѣкъ ищущій власти и уже, какъ мы знаемъ, разъ потерпѣйшій фіаско въ дѣлѣ съ Суховіемъ, долженъ былъ быть гораздо податливѣе и сговорчивѣе Дорошенка, ставившаго на первый планъ общественные интересы. Сами поляки понимали, что Ханенко былъ только подставное лицо въ этомъ дѣлѣ, и что роль его заключалась въ томъ, чтобы раздѣлить украинскія силы, дать, такъ сказать, точку опоры, на которую могли бы опереться недовольные элементы, которые начинали уже нарождаться благодаря союзу Дорошенка съ Турціей. Самъ король, въ одномъ изъ писемъ своихъ высказалъ такой взглядъ на Ханенка, что онъ, такъ сказать, „ложка дегтя, портящая цѣлую бочку меду“. Появленіе Ханенка дастъ возможность еще больше затянуть время, сильно ослабить Дорошенка, раздѣливъ и безъ того уже слабыя силы, дастъ возможность усилить за это время, въ сердцѣ Украины, бѣлоцерковскій гарнизонъ и такимъ образомъ, съ одной стороны, Ханенко, а съ другой—польскія силы довершатъ руину возведеннаго Дорошенкомъ зданія свободы [3]). „Правда“ сознавались польскіе дипломаты, „едва нѣсколько тысячъ козаковъ признаютъ Ханенка гетманомъ, но онъ своимъ титуломъ будетъ импонировать Дорошенку и татарамъ“ [4]). Задумано—сдѣлано. По первому же приглашенію со стороны Польши, Ханенко съ радостью при-

[1]) Zaluski, Epistolae historico-familiares, т. 1, ч. 1, стр. 253, 254.
[2]) Лѣтоп. Величка, т. II, стр. 238
[3]) Zaluski, Epistolae historico-familiares, т. I, ч. 1, стр. 251, 252.
[4]) Ibid., стр. 298.

нялъ союзъ съ нею—вѣдь союзъ этотъ давалъ ему давно желанный титулъ гетмана, котораго онъ никакъ не могъ раньше добиться.

Это было уже въ концѣ 1670 года. Польское правительство, желая санкціонировать свои дѣйствія, разослало универсалы къ полкамъ: уманскому и брацлавскому, увѣщевая избрать новаго гетмана, съ яснымъ указаніемъ на Ханенка. Кандидатура его прошла подъ сильнымъ польскимъ вліяніемъ [1]). Между тѣмъ Дорошенко продолжалъ упорствовать въ своихъ требованіяхъ—онъ по прежнему требовалъ отъ Польши аманатовъ, и просилъ, чтобы всѣ клейноты, захваченные въ былое время Тетерею, были возвращены [2]).

Въ то же время въ Острогъ явились посланные отъ Ханенка—это были: войсковой запорожскій судья Семенъ Богаченко съ товарищами: Яковомъ Ярошенкомъ, Романомъ Малюкомъ, Иваномъ Полтавцемъ и другими. Послы эти были очень любезно приняты коммиссарами и обласканы. Услыхавъ объ этомъ, Дорошенко поспѣшилъ и съ своей стороны снарядить и отправить туда же трехъ пословъ [3]); но въ инструкціи, данной имъ, онъ ни на іоту не отступалъ отъ своихъ первоначальныхъ требованій, а только пытался объяснить, что побудило его предъявлять такія требованія [4]). Конечно, посольство это, въ виду прибытія еще раньше Ханенковыхъ пословъ, не могло имѣть никакого значенія. Съ послами Ханенка заключенъ былъ договоръ, на основаніи котораго Польша признавала Ханенка гетманомъ войска запорожскаго. Въ этомъ договорѣ было много красивыхъ фразъ, говорилось о всеобщей амнистіи, объ отеческой заботливости польскаго правительста, но въ сущности отъ козаковъ требовалось гораздо больше обязательствъ, чѣмъ договоръ давалъ имъ правъ—достаточно сказать, что помѣщики вводились безпрепятственно въ свои наслѣдственныя владѣнія, унія должна была оставаться въ полной силѣ, гетманъ не имѣлъ права сноситься ни съ какими иностранными державами и войска козацкія должны являться по первому слову короннаго гетмана, а не по приказу короля, какъ того требовалъ Дорошенко [5]). 22 декабря 1670 года договоръ этотъ былъ утвержденъ сеймовой конституціей въ Варшавѣ.

---

[1]) Лѣтоп. Величка, т. II, 238; Антонов., Послѣдн. врем. козач., 6.
[2]) Костомаровъ, т. XV, стр. 213.
[3]) Лѣтоп. Величка, т. II, стр. 252, 253.
[4]) Костомаровъ, т. XV, стр. 314.
[5]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. IX, № 86.

А съ послами Дорошенка оффиціально даже не трактовали, вслѣдствіе того, что они не привезли оффиціальныхъ полномочій. Ихъ отпустили вручивъ имъ отвѣтъ Дорошенку на всѣ его требованія, главный смыслъ котораго былъ тотъ, что козаки сами не пожелали брать то, что имъ предлагалось [1]).

Въ началѣ января 1671 года Ханенку отправлены были клейноты съ посланцемъ Жальскимъ. Онъ долженъ былъ проѣхать по лѣвому берегу, но, не достигши до Сѣчи, принужденъ былъ возвратиться въ Польшу [2]).

22 февраля этого же года собралась въ Корсунѣ рада у Дорошенка, откуда посланъ былъ протестъ въ Сѣчь противъ дѣйствій Ханенка и запорожцевъ, согласившихся на союзъ съ Польшей. Протестъ этотъ заключалъ въ себѣ слѣдующее: „Изъ прочитанныхъ нами на радѣ, въ Корсунѣ, условій, мы узнали, что намъ даютъ тѣ же самыя вольности, что и до войны; объ такихъ вольностяхъ и говорить нечего. Всякій изъ насъ отлично знаетъ, какія это вольности. Если бы онѣ были хороши, то незачѣмъ было и затѣвать войны изъ за нихъ. Какъ же намъ теперь не стыдно, послѣ двадцатилѣтнихъ усилій, подставлять шею подъ то же ярмо! Нѣтъ! Мы всѣ, и съ прежними нашими гетманами, и съ теперешнимъ—Дорошенкомъ, который съ честью несетъ возложенную на него обязанность, желаемъ новыхъ вольностей, а не тѣхъ, что были до войны. Поэтому мы не считаемъ себя обязанными принимать то, что вы приняли на Острожской коммиссіи и рѣшаетесь снова впустить пановъ и старостъ въ ихъ владѣнія и властвовать надъ подданными по правамъ, существовавшимъ до войны“ [3]). Этотъ протестъ показывалъ, что Дорошенко и приверженное ему козачество объявляли себѣ рѣшительнымъ врагомъ Польши.

Не смотря на такое положеніе вещей, мирныя отношенія не разрывались. Въ Польшѣ начали ужъ безпокоиться слухами о подданствѣ Дорошенка Турціи; и подданство это дѣйствительно состоялось. Съ 1670 года въ Портѣ пребывали постоянные резиденты отъ Дорошенка [4]).

---

[1]) Лѣтоп. Величка, т. II, стр. 274—288.
[2]) Zaluski. Epist. hist.-famil., т. I, ч. 1, стр. 302.
[3]) Zaluski, Epist. hist.-famil., т. I, ч. 1, 289; Oyczyste spom., т. II, 303—305.
[4]) Лѣтоп. Самов., стр. 108; Лѣтоп. Грабянки, стр. 203 и др. малорус. лѣтоп. кромѣ Величка.

Въ томъ же году отъ константинопольскаго патріарха получено было утвержденіе Тукальскаго на митрополичій престолъ [1]).

Изъ Крыма вернулся нѣкій Карвонскій и привезъ весьма неутѣшительныя свѣдѣнія: Турція, какъ оказывалось дѣйствительно приняла Дорошенка подъ свое покровительство [2]). Тѣмъ не менѣе ни Польшѣ, ни Дорошенку не хотѣлось первыми прерывать мирныхъ отношеній. Дорошенко не могъ пока получить помощи отъ Турціи въ виду того, что турецкія силы были заняты войной въ западной Европѣ, а Польша по всей вѣроятности тоже не вполнѣ полагалась на свои силы. И снова начались переговоры между Польшей и Дорошенкомъ. На сеймѣ въ Варшавѣ весной 1671 года рѣшено было назначить новую коммиссію для веденія дѣлъ съ Дорошенкомъ [3]). Къ нему отправленъ былъ въ маѣ мѣсяцѣ уполномоченный, нѣкій панъ Расковскій, которому вручена была инструкція, какъ дѣйствовать [4]). Дорошенко хотя и выражалъ радость по поводу назначенія новой коммиссіи, хотя и писалъ Собѣсскому, что не знаетъ, какъ и радоваться, вслѣдствіе того, что именно Собѣсскому поручено вести дѣло переговоровъ [5]), но продолжалъ упорствовать въ своихъ требованіяхъ. Ему удалось привлечь на свою сторону присланнаго Расковскаго, который писалъ въ Польшу, что слѣдуетъ удовлетворить требованія Дорошенка и не отталкивать его [6]). Условія эти были присланы и прочитаны передъ сенаторами, которые изъ этого поняли, что съ Дорошенкомъ каши не сваришь [7]). Между тѣмъ Расковскій чуть было не надѣлалъ Польшѣ большихъ непріятностей—онъ захотѣлъ мирить Дорошенка съ запорожцами, и этимъ путемъ онъ могъ бы совершенно уничтожить такъ искусно поведенную Польшей интригу [8]). Кромѣ того онъ называлъ Дорошенку тѣхъ лицъ, которыя сочувствовали Польшѣ [9]). Очевидно, что его поступки произвели въ Польшѣ сенсацію, потому что король счелъ нужнымъ оповѣстить, что Расков-

---

[1]) Лѣтоп. Самовидца, стр. 109.
[2]) Zaluski, Epist. hist.-famil., т. I, ч. 1, стр. 283.
[3]) Oyczyste spominki, т. II, 136—137; Zaluski, стр. 298.
[4]) Ibid., стр. 307—308.
[5]) Oyczyste spominki, т. II, стр. 310.
[6]) Ibid., стр. 139—142.
[7]) Ibid., стр. 308—309.
[8]) Zaluski, т. I, ч. 1, стр. 297.
[9]) Ibid., стр. 298.

скій, посланный въ Бѣлую Церковь, былъ схваченъ Дорошенкомъ и принужденъ былъ силой такъ поступать[1]). Во всякомъ случаѣ переговоры и сношенія съ Дорошенкомъ ни къ чему не могли привести, и мирныя отношенія, такъ или иначе, должны были нарушиться.

Во первыхъ сношенія, съ Дорошенкомъ ставили въ весьма неловкое положеніе польскую креатуру Ханенка. Послѣдній писалъ, что если этимъ лѣтомъ ничего не будетъ совершено, то ему нельзя будетъ оставаться въ союзѣ съ Польшею. Онъ умолялъ двинуть войска къ Бѣлой Церкви[2]). Въ средѣ польскаго правительства многіе были противъ мирныхъ сношеній съ Дорошенкомъ; подканцлеръ Ольшевскій явственно высказывался за войну, указывая на необходимость поддержать Ханенка и на то, что съ козаками трактаты можно заключать только на полѣ битвы. Впрочемъ Собѣсскому предоставлялось рѣшать, что выгоднѣе—война или миръ[3]). Съ другой стороны, присутствіе Пива въ кіевскомъ Полѣсьи не обходилось безъ нарушенія мирныхъ отношеній. Солдаты этого офицера наводили ужасъ на окрестныхъ жителей—они раззорили Чернобыль, захватили Димеръ, дѣлали нападенія на Остеръ, Ольшанку и Новоселки, на Макаровъ, имѣніе Братскаго монастыря, и вообще дѣлали массу безчинствъ[4]). Очевидно, что при такомъ положеніи дѣлъ мирныя отношенія долго продержаться не могли.

Польша дѣятельно готовилась къ войнѣ. Разосланы были королевскіе универсалы въ различныя воеводства, призывающіе войска къ сбору[5]). Дорошенко же посылалъ приглашеніе за приглашеніемъ въ Турцію, прося прислать ему помощь. Но главныя силы Турціи были заняты войной въ западной Европѣ, такъ что надѣяться можно было только на помощь изъ Крыма. Кромѣ того Дорошенко убѣдительно просилъ силистрійскаго пашу прислать ему вспомогательное войско[6]).

5-го іюня 1671 года подъ лагерь черниговскаго каштеляна у села Могильницы подошелъ отрядъ козаковъ и татаръ. Польское вой-

---

[1]) Zaluski, т. I, ч. 1, стр. 304.

[2]) Ibid., стр. 283.

[3]) Ibid., стр. 298.

[4]) Oyczyste spominki, т. II, стр. 311.

[5]) Zaluski. т. I, ч. 1, стр. 299—300.

[6]) Лѣтоп. Самовидца, стр. 110; Лѣтоп. Грабянки, стр. 204 и всѣ остальн. лѣтописи.

ско вышло изъ лагеря, но возвратилось назадъ, не сдѣлавши нападенія, вслѣдствіе извѣстія, что орды болѣе 4000 человѣкъ. Схваченные языки показали, что это орда, пришедшая на помощь Дорошенку подъ начальствомъ Свинкажи-мурзы, по приказу силистрійскаго паши [1]). Но и этимъ инцидентомъ мирныя отношенія оффиціально еще не были нарушены. Вышедшая изъ Крыма помощь Дорошенку подъ начальствомъ самого хана Адиль-Гирея не дошла до Чигирина. На дорогѣ ихъ встрѣтили Ханенко и Сѣрко съ запорожцами, и послѣ трехдневнаго боя ханъ помирился съ Ханенкомъ [2]). Дорошенко послалъ въ Порту жалобу на этотъ поступокъ, ханъ Адиль-Гирей былъ смѣненъ и [3]) на его мѣсто назначенъ былъ новый ханъ Селимъ-Гирей [4]), который долженъ будетъ помогать Дорошенку. Такимъ образомъ, сильной помощи пока еще Дорошенко не получилъ. Самъ онъ находился въ Чигиринѣ. Польскіе источники передаютъ, что только 6000 серденятъ оставались ему вѣрны [5]); но извѣстіе это ошибочно, такъ какъ кромѣ войска, находившагося при самомъ гетманѣ, братъ его Григорій съ значительнымъ отрядомъ стоялъ почти на границѣ Польши, въ мѣстечкѣ Стѣнѣ [6]).

Продолжая вести переговоры съ Польшей, Дорошенко на каждомъ шагу показывалъ себя ея врагомъ. Такъ, въ Могилевъ на Днѣстрѣ пріѣхалъ львовскій епископъ Іосифъ Шумлянскій, глубоко преданный Польшѣ,—Дорошенко схватилъ его, привезъ въ Чигиринъ и только по просьбѣ митрополита Тукальскаго отпустилъ его; но тотчасъ вслѣдъ за нимъ выслалъ орду, такъ что Шумлянскій едва могъ уйти благополучно [7]). Наконецъ въ іюлѣ мѣсяцѣ Дорошенко съ козаками, бывшими при немъ, и съ незначительнымъ количествомъ бѣлгородской орды, не дождавшись хана, пошелъ къ Бѣлой Церкви и хотѣлъ принудить ее сдаться. Онъ не предпринималъ рѣшительныхъ штурмовъ, но обстрѣливалъ крѣпость и думалъ выморить гарнизонъ голодомъ. Кромѣ того, онъ старался, подъ видомъ переговоровъ, выманить коменданта къ себѣ, въ лагерь [8]). Скоро положеніе бѣлоцер-

---

[1]) Oyczisté spominki, т. II. стр 137.
[2]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. IX, № 107—108.
[3]) Sękowski, Collectanea, г. II, стр. 3.
[4]) Oyczyste spominki, т. II, стр. 312.
[5]) Zaluski, т. I, ч. 1, стр. 283—284.
[6]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. IX, № 100.
[7]) Лѣтопись Самовидца,, изд. 1878 г. стр. 110.
[8]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. IX, № 97—99.

ковскаго гарнизона стало дѣлаться все хуже и хуже—провіантъ началъ истощаться. А къ Дорошенку передался одинъ старый пушкарь изъ города и обѣщалъ взять его, позволяя убить себя въ случаѣ. если обѣщаніе это не будетъ исполнено [1]). Между тѣмъ комендантъ посылалъ въ Польшу, умоляя о присылкѣ подкрѣпленія, и угрожая, что если помощи не будетъ, то онъ не въ состояніи будетъ держаться долѣе октября [2]). Наконецъ въ крѣпость удалось войти Пиво-Запольскому и провезти туда довольно большое количество провіанта; кромѣ того прибывшее съ нимъ войско способствовало подъему духа въ осажденномъ гарнизонѣ [3]).

Между тѣмъ, пока Дорошенко осаждалъ Бѣлую Церковь, коронный гетманъ Собѣсскій и польный—Вишневецкій вошли съ войсками въ Брацлавщину съ цѣлью привести это воеводство въ покорность Польшѣ, подъ реиментъ Ханенка. Стоя подъ Бѣлой Церковью, Дорошенко опять вступилъ съ Собѣсскимъ въ переписку, полную упрековъ одного другому: Дорошенко упрекалъ Собѣсскаго, что онъ, въ то время какъ шли переговоры о мирѣ и къ нему былъ присланъ Расковскій, началъ войну, а его полковникъ Пиво грабилъ окрестности Кіева. Собѣсскій, оправдываясь въ своихъ поступкахъ, всю вину сваливалъ на Дорошенка, говоря, что если онъ хотѣлъ умиротворительной коммиссіи, то дорога къ ней вела не на Бѣлую Церковь, и упрекалъ въ томъ, что татары наносятъ страшное раззореніе [4]). Несмотря на эту переписку, Собѣсскій продолжалъ двигаться все далѣе и далѣе. Ханенко, который, какъ намъ уже извѣстно, отвратилъ хана отъ подачи помощи Дорошенку и сдѣлалъ довольно удачный походъ вмѣстѣ съ Сѣркомъ на Очаковъ [5]) и Асланъ [6]), пошелъ на соединеніе съ поляками. 20 августа къ Дорошенку въ лагерь подъ Бѣлой Церковью пришло извѣстіе, что въ Брацлавѣ осажденъ его братъ Григорій. Онъ тотчасъ же снялъ осаду Бѣлой Церкви и поспѣшилъ на выручку Григорію [7]), но до Брацлава почему то не дошелъ. Сначала онъ остановился подъ Ставищами, затѣмъ мы застаемъ его уже

---

[1]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. IX, № 97—99.
[2]) Załuski, т. I, ч. 1, стр. 306.
[3]) Ibid., стр. 307.
[4]) Oyczyste spominki, т. II, стр. 312—322.
[5]) Ibid., т. I, стр. 178.
[6]) Акт. Юж. и Зап. Рос., т. IX, № 100.
[7]) Ibid., № 104.

стоящимъ между Уманью и Кальникомъ [1]). Очевидно, что Григорію удалось уйти изъ Брацлава, потому что сейчасъ послѣ извѣстія о томъ, что онъ осажденъ въ Брацлавѣ, мы узнаемъ, что онъ находится въ Рашковѣ [2]), и потомъ, что онъ идетъ къ Бару, чтобы перерѣзать путь польскому войску [3]).

Снявши осаду съ Бѣлой Церкви, Дорошенко медленно подвигался навстрѣчу полякамъ; медленность эту можно объяснить малымъ контингентомъ вспомогательнаго татарскаго войска, а своихъ козаковъ, кромѣ наемнаго серденяцкаго полка было очень мало: союзъ Дорошенка съ бусурманами началъ мало-по-малу отвращать отъ него народныя симпатіи. А татаръ было всего 6000 человѣкъ, которые съ Нурадинъ-султаномъ стояли у Городища, близъ Корсуня [4]). Этимъ объясняется то обстоятельство, что Дорошенко отъ Буга возвратился назадъ. Есть, впрочемъ, извѣстіе, что въ то время было сильное разлитіе Буга, что и помѣшало Дорошенку перейти на другую его сторону [5]).

Польское войско, тѣмъ временемъ, не встрѣчая нигдѣ препятствія со стороны Дорошенка, кромѣ писемъ, получаемыхъ Собѣсскимъ, въ которыхъ излагалась просьба не идти дальше, съ угрозой, въ противномъ случаѣ, напасть на поляковъ съ большимъ войскомъ [6]), быстрыми шагами занимало города въ Брацлавщинѣ. Первымъ сдался Ладыжинъ безъ всякаго сопротивленія [7]). Когда къ нему приближалось польское войско, то горожане, у которыхъ была въ это время ярмарка, выслали депутацію, съ иконами и священниками во главѣ, и просили принять ихъ подъ польское покровительство [8]). Затѣмъ, въ тотъ же день, сдались м. Красное и Шаргородъ [9]). Изъ Брацлава находившіеся тамъ козаки бѣжали, а жители сдались [10]). Таже участь постигла: Ямполь, Стѣну, Могилевъ, Тимановку, Яругу, Винницу,

---

[1]) Акты Юж. и Зап. Рос., т. I, стр. 179.
[2]) Ibid., т. IX, № 109.
[3]) Oyczyste spominki, т. II, стр. 328.
[4]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. IX, № 110.
[5]) Костомаровъ, т. XV, стр. 327; Oyczyste spominki, т. I, стр. 179.
[6]) Oyczyste spominki, т. I, стр. 179.
[7]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. IX, № 104.
[8]) Oyczyste spominki, т. I, стр. 176.
[9]) Ibid., стр. 177.
[10]) Ibid.

Межибожъ, Баръ и др. [1]). Интересенъ эпизодъ о занятіи Браслава, въ которомъ раньше сидѣлъ Григорій Дорошенко. 10 октября туда прибылъ Собѣсскій изъ подъ Стѣны, и тотчасъ къ нему явились: Ханенко, Сѣрко, и остававшіеся въ Брацлавѣ, сначала вѣрные Дорошенку, а теперь изъявившіе готовность покориться Польшѣ, брацлавскій полковникъ Лисица, Зеленецкій и Искрицкій, и приняты были на аудіенціи гетманомъ. Когда же имъ предложили принять польскій гарнизонъ, то они съ гордостью отвѣчали: „Досыть вже того, що ми вамъ кланяемося, беремо вашу протекцію, а залоги лядскои не приймаемо". Такого мнѣнія держался и Ханенко. Тогда Собѣсскій рѣшился на слѣдующую хитрость. Онъ принялся заговаривать и угощать находившихся въ станѣ полковниковъ, а самъ, тѣмъ временемъ, послалъ довольно значительный отрядъ занять одни изъ городскихъ воротъ. Лишь только ворота были заняты, жители города ударили въ набатъ, но въ ту же минуту все войско подошло къ городу, а отрядъ, занявшій ворота, вступилъ въ самый городъ. Жители, видя, что сопротивленіе напрасно, сдались и приняли польскій гарнизонъ [2]). Изъ всѣхъ крѣпостей Брацлавщины не хотѣла сдаваться и такъ и осталась не взятой—крѣпость Кальникъ. Двинувшусь изъ Брацлава 14 октября, польскія войска 15-го подошли къ Ильинцамъ, гдѣ не застали ни одной живой души: все, что тамъ было, бѣжало въ Кальникъ. Городъ этотъ представлялъ весьма удобное мѣсто для защиты. Онъ состоялъ изъ трехъ, заключенныхъ одинъ въ другомъ городовъ, и окруженъ былъ рвами, прудами и высокими палисадами; надъ всѣмъ этимъ возвышался еще и крѣпкій замокъ. Къ отчаянному сопротивленію жителей Кальника побуждало еще и то обстоятельство, что Дорошенко, прося у хана помощи, выслалъ въ Крымъ 3000 человѣкъ Кальницкаго полка, для защиты Крыма отъ нападенія запорожцевъ—боясь, чтобы не повторилась Подгаецкая исторія [3]). Слѣдовательно, козаки эти находились какъ бы въ качествѣ заложниковъ у хана, и это побуждало кальничанъ не сдаваться. Вначалѣ поляки хотѣли подѣйствовать на нихъ убѣжденіями, но полковникъ кальницкій, Урбановичъ, наотрѣзъ отказался сдать городъ. Утромъ 17 октября поляки подступили подъ Кальникъ со стороны Поповки, а Ханенко съ Сѣр-

---

[1]) Акты Юж. и Зап. Рос., т. IX, № 114.
[2]) Oyczyste spominki, т. II, стр. 147–149.
[3]) Ibid., т. I, стр. 180.

комъ со стороны Дашева, и началась канонада. Въ городѣ загорѣлось много домовъ, но серденята сгоняли жителей тушить пожаръ, и въ то же время отвѣчали бойкимъ огнемъ изъ пушекъ и гаковницъ, который причинялъ большой вредъ въ рядахъ соединеннаго польско-козацкаго войска. Къ ночи поляки отступили въ лагерь. На другой день снова приступили къ городу, сжегши предварительно всѣ окрестные хутора и фольварки; но наступившая ночь снова заставила поляковъ отступить въ свой лагерь. Послѣ этого Собѣсскій отступилъ къ Илинцамъ, оставивъ у Кальника нѣсколько хоругвей, чтобы никого не выпускать изъ города. 20 октября разнесся слухъ, что Петрановскій подходитъ съ татарами на помощь Кальнику, и ему съ козаками удалось войти въ городъ, тогда какъ на орду, расположившуюся въ полѣ, за Кальникомъ, напали польскія хоругви и разбили ее на-голову. Схваченные поляками языки показали, что Дорошенко съ Нурадинъ-султаномъ, стоятъ подъ Смѣлой и ожидаютъ прихода Бѣлгородской орды [1]). Осада Кальника продолжалась весь октябрь и половину ноября. За это время взятъ былъ еще Рашковъ [2]). Наконецъ, 20 ноября полученъ былъ приказъ пріостановить военныя дѣйствія [3]). Подъ Илинцами собрана была рада Ханенкомъ и Сѣркомъ; на этой радѣ находились и делегаты отъ короннаго гетмана, которые вручили Ханенку клейноты и обѣщали отъ имени Польши сохраненіе украинскому народу старинныхъ правъ и привилегій [4]). „Конечно, говоритъ Костомаровъ, это было ничто для народа, искавшаго не старинныхъ правъ, а новой жизни“ [5]).

Послѣ этой рады Собѣсскій возвратился въ Варшаву, расквартировавъ свои войска по крѣпостямъ въ бассейнѣ рѣкъ Днѣстра и Буга. Такимъ образомъ, польскими гарнизонами оказались занятыми: Могилевъ, Баръ, Межибожъ, Винница, Ямполь, Черніевцы, Тульчинъ, Тимановка, Яруга и мн. др. [6]). Сѣрко послѣ рады пошелъ къ Бершади и занялъ этотъ городъ [7]), а Ханенко засѣлъ въ Ладыжинѣ [8]). Въ Польшѣ всѣ съ величайшимъ удовольствіемъ услыхали

---

[1]) Oyczyste spominki, т. I, стр. 180—183 и т. II, стр. 338, 341.
[2]) Ibid., т. II, стр. 149.
[3]) Костомаровъ, т. XV, стр. 329.
[4]) Акты Юж. и Зап. Рос., т. IX, № 117
[5]) Костомар., т. XV, стр. 330.
[6]) Oyczyste spom., т. I и II; Акты Южн. и Зап. Рос., т. IX, № 114.
[7]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. IX, № 109; Oyczyste spom., т. II, стр. 150.
[8]) Oyczyste spom., т. II, стр. 151.

о расквартированіи войскъ на зиму въ Брацлавщинѣ. Для истощенной Польши это была весьма полезная мѣра [1]). Начальствовать надъ оставленнымъ въ Украинѣ войскомъ назначенъ былъ польный гетманъ князь Димитрій Вишневецкій, который избралъ себѣ резиденціею Збаражъ.

Между тѣмъ Дорошенко, дождавшись наконецъ прихода Бѣлгородской орды, которой пришло до 20,000 человѣкъ и янычаръ—число коихъ по извѣстіямъ колеблется между 2,000—10,000 человѣкъ [2]), двинулся покорять отпавшіе города. Положеніе Бѣлой Церкви снова сдѣлалось затруднительнымъ, потому что всѣ окрестности оказались занятыми Дорошенковыми людьми, такъ что провіанту достать было трудно—его доставляли только изъ Лабуня и Полоннаго [3]), да и то въ очень ограниченномъ количествѣ. Дорошенко, переправившись черезъ Бугъ подъ Скибинцами [4]), въ концѣ ноября 1671 года, началъ склонять подъ свою власть отпавшіе городки; Черніевцы, Тульчинъ, Ямполь и др. безпрекословно сдавались [5]). Польскіе гарнизоны перешли въ болѣе сильныя крѣпости, какъ то: Рашковъ, Могилевъ, Шаргородъ, но не вступали въ открытый бой съ Дорошенкомъ и татарами. Дорошенко двинулся къ Ладыжину; его извѣстили тайно, что ладыжинцы готовы сдаться; но когда Дорошенко подошелъ къ городу, то Ханенко заперся въ замкѣ и Дорошенку не удалось взять его [6]). 24 декабря Дорошенко подошелъ къ Тростянцу, сжегъ „місто", при чемъ большая часть польскаго гарнизона погибла, а остальная заперлась въ замкѣ, такъ что и этотъ городъ остался не взятымъ [7]).

Послѣ новаго года Дорошенко ушелъ въ Чигиринъ. Одно польское извѣстіе сообщаетъ, что къ такому быстрому отступленію побудило его то обстоятельство, что въ Чигиринъ прибылъ паволоцкій полковникъ и объявилъ себя гетманомъ [8]). Вообще шансы Дорошенка въ народѣ сильно пошатнулись. Никакъ не могъ вѣрить народъ, чтобы тѣ бусурмане, съ которыми онъ такъ часто и долго боролся, вдругъ

---

[1]) Zaluski, т. I, ч. 1, стр. 309.
[2]) Акты Юж. и Зап. Рос., т. IX, № 128.
[3]) Oyczyste spom., т. II, стр. 153.
[4]) Oyczyste spom., т. II, стр. 153.
[5]) Ibid., стр. 158; Акты Юж. и Зап. Рос., т. IX, стр. 611.
[6]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. IX, № 129.
[7]) Oyczyste spom., т. II, стр. 157—161.
[8]) Ibid, стр. 161.

сдѣлались его союзниками и защитниками. Кромѣ того, приходъ этихъ союзниковъ никогда не обходился народу даромъ. Еще въ половинѣ 1671 года татарскія орды сильно опустошали Волынь и Подолію; страшно потерпѣли отъ нихъ окрестности Ямполя (волынскаго), Кременца, Вишневца, Олексинца и др. городовъ и мѣстечекъ [1]). Кромѣ татаръ польскій полковникъ Пиво наводилъ ужасъ на окрестности Кіева [2]). Новый приливъ татарскихъ силъ, ознаменовался новыми бѣдствіями для народа. Мало того что орды расходились загонами по Украинѣ, грабя и опустошая села, города и мѣстечки, убивая и уведя въ плѣнъ жителей цѣлыми массами, самъ Дорошенко отдавалъ имъ на жертву отдавшіеся Польшѣ города и мѣстечки [3]). Можно представить себѣ, какъ поступали татары съ этими несчастными, законно отданными имъ въ добычу. Украинцы, приведенные въ ужасъ этими бѣдствіями, угнетаемые нравственно союзомъ съ бусурманами, стремились массами за Днѣпръ, искать на лѣвомъ берегу спокойной и безопасной жизни. Толпы „прочанъ“ (такъ назывались тогда переселенцы съ праваго на лѣвый берегъ) тянулись къ Днѣпру, чтобы найти возможность переправиться на лѣвый берегъ. Вѣроятно переселеніе это достигло большой силы, если принудило Дорошенка издать 27 февраля 1672 года къ полковнику черкасскому слѣдующаго содержанія универсалъ: „Дошло до насъ, что прочане въ большомъ количествѣ притыкаются съ праваго берега на „тамтую сторону“, поэтому мы, какъ и въ первомъ универсалѣ нашемъ, приказуемъ чинить строжайшее наблюденіе за всѣми шляхами, находящимися въ черкасскомъ полку, чтобы не пропустить на лѣвую сторону „живаго духа“, кромѣ купцовъ; и у тѣхъ, кто будетъ стараться пробраться на лѣвый берегъ, отнимать все имущество, а самихъ заковывать въ кандалы. Кто же изъ черкасскаго полка ослушается нашего приказанія, то не только имущество его будетъ конфисковано, но и самъ онъ будетъ войсковымъ судомъ приговоренъ къ смертной казни“ [4]). Очевидно, что Дорошенко, на первыхъ порахъ, строгими мѣрами хотѣлъ остановить начавшееся переселеніе, но не въ состояніи былъ остановить ходъ исторіи.

---

[1]) Oyczvste spom., т. II, стр. 314.
[2]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. IX, № 140.
[3]) Ibid.
[4]) Кіев. Стар. 1887 г., февраль, стр. 368 и слѣдующ.

За все это время Дорошенко не прерывалъ мирныхъ сношеній съ Многогрѣшнымъ и московскимъ правительствомъ, не отнимая у него надежды, когда-нибудь поступить подъ высокодержавшую руку московскаго царя [1]). На лѣвомъ берегу конецъ 1671 и начало 1672 года ознаменовались паденіемъ гетмана Многогрѣшнаго, который, благодаря интригамъ старшины, былъ обвиненъ въ измѣнѣ и въ сношеніяхъ съ Дорошенкомъ, отвезенъ въ Москву, гдѣ его судили, пытали и, наконецъ, сослали въ Сибирь, на вѣчное житье [2]). На мѣсто его, въ началѣ 1672 года избранъ былъ на радѣ въ урочищѣ „Козачьей Дубровѣ", невдалекѣ отъ города Конотопа, Иванъ Самойловичъ [3]).

Между тѣмъ, козацкій вопросъ вызывалъ на сцену новыя событія и новыя лица. Давно уже Турція, принявъ козаковъ подъ свое покровительство, стала во враждебныя отношенія къ Польшѣ, но занятая различными предпріятіями, ограничивалась тѣмъ, что посылала Дорошенку помощь въ лицѣ татаръ и незначительнаго количества собственно турецкаго войска. Теперь война въ Западной Европѣ окончилась и козацко-польская борьба долженствовала вступить въ новый фазисъ—теперь въ ней должна была принять участіе и Турція. Польское правительство очень мало заботилось о томъ, что его ожидала такая опасность. Отряженный въ Порту посолъ, Высоцкій, долго не могъ выѣхать изъ Варшавы, его задерживали кредиторы до тѣхъ поръ, пока казна не уплатила его долги [4]). Надѣялись, что Высоцкій привезетъ весьма выгодный для Польши миръ. Въ это время въ Польщѣ царствовала полнѣйшая неурядица Слабовольный король Михаилъ не имѣлъ рѣшительно никакого вѣса. Сеймы, собиравшіеся при немъ, ни къ чему не приводили и были срываемы. Какъ громомъ поразило Польшу письмо, полученное королемъ отъ султана, въ самомъ началѣ 1672 года. Въ началѣ письма султанъ желалъ счастья его королевскому величеству, и затѣмъ говорилъ:—„Польшѣ извѣстно, что Дорошенко съ козаками поступилъ подъ защиту нашего высокаго порога, и теперь земля ихъ находится подъ нашимъ покровительствомъ. Не взирая на это, Польша всячески ихъ притѣсняетъ. Поэтому, хотя мы имѣемъ намѣреніе провести зиму въ Анатоліи, но

---

[1]) Костомаровъ, т. XV, стр. 318—326.

[2]) Лѣтоп. Самовидца, изд. 1878 г., 113. и всѣ др. источники.

[3]) Лѣтоп. Самовидца, стр. 116.

[4]) Zaluski, т. I, ч. 1, стр. 306.

если вы не прекратите вашихъ враждебныхъ дѣйствій, то мы принуждены будемъ всѣми силами обрушиться на васъ. Выбирайте одно изъ двухъ: или покой, или готовьтесь къ бою"!

Въ то же время Крымскому хану послано было 5000 червонцевъ „на сапоги", что аллегорически означало: готовьтесь въ походъ. Войска должны были стянуться въ Адріанополь къ 23-му апрѣля. 4-го мая 1672 года возвратился изъ Польши чаушъ Ахмедъ, возившій туда только что процитированные письмо. Онъ привезъ и отвѣтъ королевскій. Перечисляя всѣ труды, понесенные польскимъ правительствомъ, когда оно старалось отвлечь и удержать козаковъ отъ нападенія на турецкіе предѣлы, и всѣ невзгоды, которыя пришлось перенесть польскому краю, когда козаки вмѣсто турокъ обратили свое оружіе на нихъ, король старался доказать, что Украина испоконъ вѣку была наслѣдственной вотчиной польскихъ королей, а потому никто не смѣетъ принимать ее подъ свое покровительство Что касается Дорошенка, то это первостатейный негодяй и измѣнникъ, который сначала кинулся къ Москвѣ, но та его не приняла. Въ виду всѣхъ вышеизложенныхъ обстоятельствъ, король обѣщалъ въ наискорѣйшемъ времени отправить въ Турцію посла, для возможнаго устраненія недоразумѣній, обязываясь пока не трогать Дорошенка съ козаками, но въ случаѣ какого-нибудь непріязненнаго шага съ ихъ стороны — предоставитъ все на волю Божію. По полученіи этого письма—такъ какъ султану, по правиламъ отоманскаго этикета, не приличествовало во второй разъ писать по одному и тому же поводу—дѣло это поручено было великому визирю, который написалъ къ польскому канцлеру письмо, приблизительно такого же содержанія, какъ и первое, съ тою только разницею, что въ немъ визирь старался доказать несостоятельность мнѣнія, будто Украина представляетъ наслѣдственное достояніе польскихъ королей [1]). Вся эта переписка была вызвана, конечно, желаніемъ турокъ начать войну, поводомъ къ которой служили послѣднія военныя дѣйствія поляковъ противъ Дорошенка и настоятельныя представленія послѣдняго, черезъ своего резидента въ Константинополѣ, что теперь именно настало время побѣдить Польшу, которая весьма мало была готова къ войнѣ. Представленія Собѣсскаго—можетъ быть единственнаго чело-

[1]) Sękowski. Collectanea, т. II, стр. 6—21; Załuski, т. I, ч. 1, стр. 360—363, 372—375.

вѣка въ Польшѣ, понимавшаго положеніе вещей—о томъ, что слѣдуетъ приготовиться къ войнѣ, собрать войско, упорядочить артиллерію, и даже, въ крайнемъ случаѣ, путемъ уступокъ, отвлечь Дорошенка отъ Турціи, не возымѣли дѣйствія. Сеймъ, на которомъ внесены были эти предложенія, былъ сорванъ [1]).

А между тѣмъ угрозы, которыя высказывала Турція въ письмахъ падишаха и визиря, были не напрасны. Рѣшимость султана начать войну съ Польшей была очень тверда. Немедленно извѣщенъ былъ и Дорошенко объ этомъ рѣшеніи султана, и вслѣдъ за извѣствіемъ начали прибывать въ Чигиринъ татарскія и турецкія войска. Они вели себя весьма безчинно, грабили и жгли окрестности, брали въ неволю дѣтей, насиловали женщинъ [2]) и, вообще, вселяли ужасъ въ жителяхъ къ союзу, который такъ усердно пропагандировалъ Дорошенко. Естественно, что престижъ его съ каждымъ днемъ долженъ былъ падать. 22 мая двинулся авангардъ турецкой арміи изъ Адріанополя, а 25-го и самъ султанъ направился къ Дунаю. Когда послѣ перехода черезъ Дунай турки дошли до Днѣстра, который тогда былъ польской границей, и расположились лагеремъ на Цецорскихъ поляхъ, то получено было извѣстіе, что ханъ съ Дорошенкомъ одержалъ побѣду надъ поляками и Ханенкомъ и Ладыжина. Регментаремъ войска, оставленнаго на Подоліи, назначенъ былъ Радзишевскій, каштелянъ Подлясскій, человѣкъ весьма горячій и вспыльчивый, не пользовавшійся любовью своихъ солдатъ; современникъ его говоритъ, что жолнерамъ такъ хотѣлось идти подъ его начальство, какъ „волу подъ обухъ" [3]). Вмѣстѣ съ Ханенкомъ стояли они въ Ладыжинѣ, и количество жолнеровъ, кромѣ козаковъ, простиралось до 6000 человѣкъ. Услыхавъ, что изъ Бершади идетъ къ Ханенку козацкій полковникъ Перебійносъ и что онъ осажденъ по дорогѣ, въ слободѣ Четвертиновкѣ Григоріемъ Дорошенкомъ, они

---

[1]) Zaluski, т. I, ч. 1, стр. 315.

[2]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. IX, № 180.

[3]) Oyczyste spom., t. II, стр. 164; Лѣтопись Самовидца называетъ регментаремъ нѣкоего Лужицкаго, именуя его также каштеляномъ подлясскимъ;—то же мнѣніе принято и Костомаровымъ. Но принимая во вниманіе, что Лужицкій сдѣлался каштеляномъ подлясскимъ въ 1676 году (см. Niesiecki, т. II, 189), а въ то время каштеляномъ подлясскимъ былъ Радзишевскій (см. Niesiecki, т. I, 238), и также то обстоятельство, что польскіе источники (Grabowski и Salvandy) именно его называютъ участникомъ въ этомъ дѣлѣ, я позволяю себѣ опровергнуть мнѣніе Костомарова.

вышли изъ города и освободили осажденныхъ; но на возвратномъ пути, на знаменитомъ Батогскомъ полѣ, мѣстѣ пораженія Калиновскаго, потерпѣли полнѣйшее пораженіе отъ козаковъ и татаръ. По одному извѣстію, польскій региментарь увлекся погонею за татарами и неосторожно переправился черезъ Бугъ, въ то время, какъ Ханенко шелъ къ Ладыжину [1]), а по другому,—на возвращавшихся напали съ тылу татары и заставили ихъ смѣшаться [2]). Во всякомъ случаѣ пораженіе было полное. Масса легла убитыхъ, а сами предводители едва спаслись и заперлись въ Ладыжинѣ. Дорошенко съ ханомъ не тронули города и пошли прямо къ Каменцу-Подольскому [3]), куда направились и турецкія войска.

Кромѣ извѣстія о побѣдѣ, одержанной надъ Ханенкомъ, турки на первыхъ порахъ были обрадованы сдачей крѣпости Жванца, откуда польскій гарнизонъ бѣжалъ передъ многочисленнымъ непріятелемъ [4]). Отойдя отъ Ладыжина, они пошли на Баръ и приближались къ Гусятину. Польскій отрядъ, стоявшій тамъ, поспѣшилъ отступить къ Теребовлю. Между тѣмъ, турецкія войска, переправившись черезъ Днѣстръ, остановились на поляхъ Рудзскихъ и Ходоровскихъ, всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Каменца [5]). 4-го августа ханъ съ Дорошенкомъ присоединились къ султанскому войску, а 5-го августа Дорошенко впервые увидалъ ясныя очи падишаха. Въ отборныхъ выраженіяхъ старался онъ представить султану чувства благодарности, безконечной преданности и безпрекословнаго повиновенія высочайшей волѣ падишаха. Щедро одаренный богатыми подарками, Дорошенко съ честью былъ отпущенъ въ свой станъ [6]).

6-го августа войска подступили къ Каменцу и были встрѣчены такимъ сильнымъ и мѣткимъ огнемъ, что одно ядро чуть не пробило шатра самого падишаха [7]). Въ Каменцѣ гарнизонъ былъ вовсе не такъ великъ, чтобы выдержать напоръ такого страшнаго войска, каково было соединенное турецко-татарско-козацкое. Гарнизонъ Ка-

---

[1]) Oyczyste spomin., т. II, стр. 163.

[2]) Ibidem.

[3]) Лѣтоп. Самовидца, изд. 1878 г., стр. 114.

[4]) Collectanea, т. II, стр. 48; Акты Южн. и Зап. Россіи, т. IX, № 13; Oyczyste spom., т. II, 166.

[5]) Oychyste spom., т. II, стр. 167.

[6]) Collectanea, т. II, стр. 50.

[7]) Ibidem.

менца состоялъ, по исчисленію каменецкаго епископа, всего изъ 1100 человѣкъ, если не считать сбѣжавшихся въ крѣпость людей изъ окрестностей [1]). Въ тотъ же день послано было въ Каменецъ требованіе сдать городъ на условіи полной безопасности его защитниковъ, въ противномъ случаѣ угрожали не пощадить никого, если городъ взятъ будетъ силой [2]). Но комендантъ не сдавался, говоря, что онъ королевскій подданный и безъ приказа короля не можетъ сдать города. На утро началась отчаянная канонада. Турецкія войска тѣснымъ кольцомъ окружили Каменецъ и пушки, большія и хорошія, съ отличными пушкарями, чинили страшный вредъ жителямъ. Вдругъ на стѣнахъ показалось бѣлое знамя. Визирь въ отвѣтъ на это велѣлъ сказать, что онъ будетъ вести переговоры только въ томъ случаѣ, если даны будутъ изъ города заложники и взяты таковые же отъ турокъ. Но оказалось, что бѣлый флагъ была только хитрость со стороны осажденныхъ.

Они хотѣли въ самый жаркій моментъ остановить пальбу на нѣкоторое время, чтобы дать защитникамъ возможность немного отдохнуть. Но хитрость не удалась. Турки продолжали усердно бомбардировать городъ. Въ день посылали они до 400 ядеръ и по 150 гранатъ. Осажденные не имѣли времени даже утолить жажду, поѣсть или лечь отдохнуть. Одна граната упала на крышу лютеранской церкви, которая тотчасъ загорѣлась, и этотъ пожаръ еще ухудшилъ положеніе осажденныхъ. 12 августа туркамъ удалось сдѣлать брешь, и кромѣ того они начали подкапываться подъ городъ, на что и полагали главную надежду. Затѣмъ явились послы отъ Польши, Биневскій и Гуляницкій, и начали упрекать султана, что онъ нарушилъ миръ и безъ предупрежденія вторгнулся въ Польшу. Султанъ отвѣчалъ, что Польша получила предостереженіе, и отпустилъ пословъ, хотя и съ честью, но безъ всякихъ результатовъ. Въ тотъ же день Дорошенко съ ханомъ отправлены были ко Львову противъ короннаго войска. 14-го былъ сдѣланъ первый взрывъ подъ Каменецъ, но за взорванной стѣной турки увидѣли новую стѣну, и поняли, что придется дѣлать новые подкопы подъ самый городъ. Но дѣло до этого не дошло. Жители Каменца, видя, что помощи нѣтъ ниоткуда, и что долго имъ не продержаться, снова, 16-го августа, выбросили бѣлое

[1]) Oyczyste spom., т. II, стр. 169—170.
[2]) Collectanea, т. II, стр. 52.

знамя. Теперь визирь не хотѣлъ ужъ вѣрить, до тѣхъ поръ, пока не явились уполномоченные отъ города и не привели заложниковъ. На слѣдующій день приступили къ переговорамъ, которые окончились заключеніемъ слѣдующихъ условій: все войско, находящееся въ Каменцѣ выйдетъ изъ города съ оружіемъ, женами, дѣтьми и имуществомъ безпрепятственно, а городъ сданъ будетъ побѣдителю. Жители также могутъ, если пожелаютъ, выйти изъ Каменца совершенно свободно, забравъ съ собой все движимое имущество; турки же обязывались дать имъ подводы и провожатыхъ до мѣста, которое они укажутъ. Тѣ же жители, которые останутся въ Каменцѣ, будутъ невозбранно владѣть своимъ имуществомъ и не будутъ терпѣть отъ турокъ никакого оскорбленія. Что касается лицъ шляхетскаго и духовнаго званія, то всѣ эти условія распространялись и на нихъ, съ той только разницей, что остающіеся въ Каменцѣ будутъ изъяты отъ военнаго постоя. Для того, чтобы христіане могли невозбранно исполнять свои религіозные обряды, имъ будетъ оставлено нѣсколько церквей различныхъ вѣроисповѣданій, и ихъ духовные не будутъ терпѣть никакого притѣсненія. 19 августа, комендантъ крѣпости вручилъ ключи отъ города великому визиру, въ награду за что получилъ халатъ. Представлялись турецкимъ властямъ также и другія начальныя лица города Каменца. Въ день заключенія договора, въ Каменцѣ случилось несчастіе: взорвало нѣсколько бочекъ пороха, вслѣдствіе чего погибло, по однимъ извѣстіямъ—500, а по другимъ, 800 человѣкъ, между которыми, по выраженію современника, палъ и „Гекторъ“ Володыевскій. Источники разно гласятъ о причинѣ этой катастрофы, а потому и нельзя съ точность ихъ установить. Лицамъ, желавшимъ выйти изъ Каменца, дано было турками 300 подводъ и отрядъ янычаръ въ 3000 человѣкъ проводилъ ихъ до Ягельницы. Послѣ выхода польскаго войска, турки съ торжествомъ вступили въ Каменецъ. Впередъ былъ посланъ ага янычаръ, чтобы очистить шесть церквей и обратить ихъ въ мечети. Турки издѣвались надъ христіанскими святынями: они срывали иконы и замащивали ими грязь; и по такой-то мостовой въѣхалъ въ Каменецъ султанъ. 22 августа впервые раздался съ вновь устроенной мечети голосъ муэдзина. Изъ колоколовъ вылиты были пушки; нѣкоторые изъ нихъ подарены были Дорошенку. „Не заболѣло сердце его отъ такого безчестія образовъ Божіихъ, для своего несчастливого дочасного гетманства“, говоритъ о немъ лѣтописецъ. Не смотря на статью договора, что оставшимся

жителямъ не будутъ чинить никакихъ обидъ—взято было 800 мальчиковъ въ янычары, а дамъ и дѣвицъ шляхетскаго званія забирали въ гаремы, распредѣляя ихъ по степени красоты, однѣхъ султану, другихъ великому визиру и т. д. Въ Каменцѣ оставленъ былъ гарнизонъ подъ начальствомъ Али-паши, количество котораго колеблется, судя по источникамъ, между 15000—20000 [1]) человѣкъ.

Не смотря на рѣшеніе идти въ глубь Польши, турки не очень спѣшили, относясь съ полнымъ презрѣніемъ къ своимъ врагамъ, да послѣдніе и заслуживали этого, если судить по примѣру помѣщика Лянскоронскаго, который добровольно сдалъ туркамъ свое село Ягельницу [2]), гдѣ они обратили жителей въ своихъ невольниковъ. Наконецъ, войско двинулось отъ Каменца къ Жванцу, гдѣ султанъ занялся охотой [3]). Въ половинѣ сентября турки овладѣли Бучачемъ, который долго не хотѣлъ сдаваться [4]), а Гуссейнъ-паша взялъ Язловецъ [5]). Около 30 городовъ, мѣстечекъ и селъ безъ сопротивленія сдались туркамъ [6]).

Какъ мы уже раньше сказали, ханъ съ Дорошенкомъ двинулись по направленію къ Львову. Въ лагерь подъ Орынинымъ явились послы отъ Собѣсскаго, Вѣнявскій и Злотницкій, которые отъ имени короля просили хана быть посредникомъ въ дѣлѣ заключенія мира между королемъ и султаномъ. 5-го сентября ханъ отвѣчалъ, что онъ согласенъ быть посредникомъ, но только въ томъ случаѣ, если Польша уступитъ Подолію и обяжется платить ежегодную дань султану. Отвѣтъ этотъ привезъ одинъ Злотницкій, а Вѣнявскій остался при ханѣ [7]).—Войска продолжали свое побѣдоносное шествіе ко Львову; по дорогѣ городки сдавались имъ, а татары расходились загонами по окрестностямъ, грабя и уводя толпами жителей въ неволю [8]). 21 сентября турки подошли ко Львову. Между тѣмъ, по при-

[1]) Описаніе осады и взятія Каменца со всѣми подробностями составлено на основаніи слѣдующихъ источниковъ: Акты Южн. и Зап. Россіи, т. IX, № 1—6, 12, 13, 19 и др.; Лѣтоп. Самовидца, изд. 1878 г., стр. 114—115; Лѣтоп. Величка, т. II, стр. 330—331; Лѣтоп. Грабянки, стр. 206—207, и всѣ др. малорос. лѣтописи; Oyczyste spom., т. II, стр. 168—170, 172—175; Collectanea, стр. 21—67 и др.

[2]) Oyczyste spom., т. II, стр. 172.

[3]) Collectanea, т. II, стр. 68.

[4]) Ibid.

[5]) Ibid.

[6]) Костомаровъ, т. XV, стр. 421.

[7]) Oyczyste spom., т. II, стр. 170, 171, 174, 181.

[8]) Лѣтоп. Самовидца, изд. 1878 г., стр. 115.

казу Собѣсскаго изъ города были выведены всѣ женщины, дѣти и старики, а остались только люди, способные носить оружіе. Комендантомъ крѣпости былъ поставленъ Илья Лонцкій. Сначала турки, татары и козаки вступили въ переговоры и предлагали городу сдаться. Изъ города явились уполномоченные и принесли начальнику турецкихъ войскъ, Капланъ-пашѣ, подарокъ довольно комичнаго свойства: четыре хлѣба, 10 головъ сахару и боченокъ питнаго меду. Но Капланъ-паша не принялъ подарковъ, прогналъ уполномоченныхъ и потребовалъ ключи отъ города. Ему отвѣчали, что они королевскіе подданные и безъ воли короля отдать городъ не смѣютъ. Тогда войска окружили городъ со всѣхъ сторонъ и началась пальба. Количество непріятельскаго войска разно исчисляется. Одни источники даютъ свѣдѣнія, что число орды простиралось до 70000 чел., турокъ до 18000, а козаковъ до 8000, другіе,—что татаръ было 30000, турокъ 15000 и нѣсколько тысячъ козаковъ. Львовъ же могъ выставить весьма незначительное количество обороны. 25-го сентября началась канонада и продолжалась три дня.

Въ ночь на 29-е пріѣхали, наконецъ, давно жданные коммиссары отъ Польши: каштелянъ волынскій Францишекъ Любовицкій и коронный подскарбій Янъ Шомовскій. Прежде всего они озаботились о прекращеніи канонады. 30-го сентября начались переговоры; первый день не принесъ никакихъ результатовъ: султаны и аги поднимали такой шумъ и крикъ, что ничего нельзя было добиться. На слѣдующій день делегаты заговорили было о Дорошенкѣ и Украинѣ, но турки и ханъ не дали имъ говорить объ этомъ, а начали предъявлять свои требованія. Сначала они требовали уступки не только Подоліи, но и города Львова, со всѣмъ русскимъ воеводствомъ, но потомъ согласились, чтобы Львовъ заплатилъ за себя выкупъ въ количествѣ 20000 червонцевъ. Пріѣхавшіе изъ Львова уполномоченные униженно умоляли что-нибудь сбавить, представляя, что городъ настолько обѣднѣлъ, что если бы его разобрать по кирпичику, то такой суммы не наберется. Но побѣдители настояли на своемъ, и имъ уплочена была собранная по грошамъ сумма въ 5000 червонцевъ, а за остальную сумму даны были заложники, которыхъ немедленно отвезли въ Каменецъ. Татарскіе загоны массами разошлись по окрестностямъ Львова, грабя, раззоряя и сжигая мѣстечки и села, и уводя толпами жителей въ плѣнъ. Коммиссары попробовали было просить Капланъ-пашу, чтобы онъ остановилъ эти опустошенія татаръ. Но тотъ отвѣ-

чалъ: „На то война—зачѣмъ Польша не повѣрила предостереженіямъ". Интересенъ очень эпизодъ встрѣчи польскихъ коммиссаровъ съ козаками. Послѣ послѣдней сходки, поляки увидали Дорошенка и другихъ, верхомъ на лошадяхъ; между ними находился и Петрановскій, съ которымъ коммиссарамъ приходилось уже встрѣчаться. „Якъ ся маете, панове", привѣтствовали ихъ насмѣшливо козаки.— „Эхъ, господа, господа, отвѣчалъ на это Любовицкій, будьте мудры, подумайте, какой для васъ изъ всего этого конецъ выйдетъ" [1]).

Послѣ окончанія переговоровъ съ ханомъ, послы отправились въ султанскій лагерь подъ Бучачемъ, гдѣ и былъ заключенъ договоръ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ Бучачскаго. Вотъ онъ въ главныхъ чертахъ: Польша обязывалась уплачивать ежегодно 22000 злотыхъ къ сроку 26 октября, а султанъ долженъ удерживать своихъ подданныхъ отъ вторженія въ польскіе предѣлы; въ тотъ же годъ, когда обязательство это со стороны Турціи не будетъ выполнено, то и Польша освобождается отъ платы дани. Польша уступала Турціи Подолію въ ея стародавнихъ границахъ. Если выйдутъ по поводу границъ какія-нибудь недоразумѣнія, то будутъ высланы съ обѣихъ сторонъ порубежные судьи, которые, основываясь на показаніяхъ старожиловъ, обозначатъ границы навсегда. Далѣе оговаривались права и обязанности шляхтичей и вообще жителей Подоліи, которые пожелаютъ остаться на своихъ мѣстахъ, въ экономическомъ и религіозномъ отношеніи, и въ отношеніи личной свободы. Всѣ крѣпости, захваченныя турками внѣ границъ Подоліи, должны быть возвращены Польшѣ. Что касается Украины, то она вся уступалась козакамъ въ ея давнихъ рубежахъ, а въ случаѣ какихъ-нибудь пререканій на счетъ границъ, должно быть поступлено такъ же, какъ и относительно Подоліи. Всѣ войска и гарнизоны, занимающіе какія-нибудь крѣпости на Украинѣ, въ томъ числѣ и Бѣлую Церковь, должны выйти оттуда, оставивъ козакамъ всю артиллерію и боевые запасы; только изъ Бѣлой Церкви поляки имѣютъ право забрать пушки большого, средняго и малаго колибра. Козакамъ Ханенка разрѣшалось возвращаться на Украину, а самъ Ханенко не имѣлъ права являться туда, ни подъ какимъ видомъ [2]).

---

[1]) Описаніе осады Львова и переговоровъ составлено на основаніи слѣдующихъ источниковъ: Oyczyste spom., т. I, стр. 185—190, и т. II, стр. 179—181; Kronika miasta Lwowa, стр. 422; Лѣтопись Самовидца, изд. 1878 г., стр. 116 и др.

[2]) Collectanea, т. II, стр. 67—88.

Вотъ въ главныхъ чертахъ этотъ договоръ, по которому Польша единственный разъ отказалась оффиціально отъ Украины и давала ей ту независимость, изъ-за которой та такъ долго боролась. Первый актъ новаго фазиса козацко-польской борьбы окончился, казалось бы, съ полнымъ успѣхомъ для Дорошенка и его плановъ. Но успѣхъ этотъ былъ призрачный и держался только до тѣхъ поръ, пока турки были на лицо. Успѣхъ достигнутъ былъ слишкомъ большой цѣной, слишкомъ много крови и жизней стоилъ онъ Украинѣ, чтобы она могла быть имъ довольна. Союзъ съ турками, который на дѣлѣ показалъ, чего онъ стоитъ, помимо даже вѣкового антагонизма, окончательно убилъ престижъ Дорошенка у народа. Послѣдующія событія показали, что тогда, когда казалось-бы достигнуты были самые большіе результаты—дѣло Дорошенка было уже проиграно, и все благодаря той первоначальной ошибкѣ, о которой мы уже неоднократно говорили.

Начали носиться слухи, устрашавшіе народъ и еще больше отвращавшіе его отъ Дорошенка. Поговаривали, что теперь султанъ предъявляетъ Дорошенку непомѣрныя требованія: онъ хочетъ, чтобы край поступилъ въ его полное владѣніе, чтобы всѣ города и крѣпости были уничтожены, оружіе отобрано отъ жителей, и они подобно другимъ вассальнымъ славянскимъ народамъ, будутъ платить Турціи дань и жить посадами [1]). Бучацкій договоръ не былъ ратификованъ сеймовой конституціей [2]), и ни та, ни другая сторона не считала нужнымъ соблюдать его.

Послѣ заключенія этого договора послано было приказаніе въ лагерь подъ Львовомъ прекратить войну [3]); но татаръ не легко было остановить; ихъ загоны еще болѣе мѣсяца продолжали свою опустошительную дѣятельность. Польскія войска, дѣйствовавшія противъ нихъ, много хвастали, но полезнаго сдѣлали мало [4]). Противъ загоновъ только удачно боролись Ханенко и Собѣсскій. Первый, послѣ пораженія на Батоговскомъ полѣ [5]), сидѣлъ въ Ладыжинѣ; услыхавъ объ осадѣ Каменца, онъ хотѣлъ идти на выручку этого города, но на пути былъ остановленъ турками. Послѣ того онъ пробрался

---

[1]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. IX, № 41, 42.
[2]) Антоновичъ, Послѣднее время козачества, стр. 8.
[3]) Костомаровъ, т. XV, стр. 428.
[4]) Pamiętnik Paska, стр. 298—303.
[5]) Лѣтоп. Величка, т. II, стр. 330.

въ Дубно, гдѣ удачно отразилъ два турецкихъ нападенія [1]). Отсюда-то онъ и началъ свою энергичную дѣятельность противъ татарскихъ загоновъ. Первый его подвигъ заключался въ томъ, что онъ подъ Краснобродомъ разбилъ татарскій загонъ и освободилъ до 2000 плѣнныхъ [2]); затѣмъ пустился въ погоню за бѣжавшими татарами и подъ Томашовымъ совершенно уничтожилъ кошъ Батери-мурзы [3]). Не менѣе удачно расправлялся и Собѣсскій съ татарскими загонами—польскіе источники переполнены разсказами о его подвигахъ [4]). Насколько велико было количество захваченныхъ татарами плѣнныхъ, свидѣтельствуетъ то, что Собѣсскій подъ Наралемъ, уничтоживъ одинъ только загонъ, отбилъ 4000 плѣнныхъ [5]), а загоновъ такихъ были десятки. Вся страна до Щебрешина была опустошена [6]); сильно пострадали окрестности Перемышля и Санока [7])—значитъ, татарскіе загоны охватили всю восточную Галицію. Не только одни войска расправлялись съ татарами—народъ также принялъ въ этомъ дѣятельное участіе. Ремесленники и земледѣльцы составили ополченіе и били татаръ, гдѣ только было возможно [8]).

Послѣ заключенія договора султанъ отступилъ въ лагерь подъ Жванецъ, и здѣсь милостиво принималъ Дорошенка, бесѣдовалъ съ нимъ относительно причинъ ослабленія Украины, и о возможности овладѣть лѣвымъ берегомъ. Затѣмъ Дорошенку былъ подаренъ халатъ, шитый золотомъ, и онъ съ честью былъ отпущенъ [9]). Султанъ повернулъ восвояси, а Дорошенко съ ханомъ пошли къ Чигирину. Резидентомъ при султанѣ Дорошенко оставилъ Петрановскаго и писаря Влеховича [10]).

Не доходя нѣсколькихъ верстъ до Умани, въ слободѣ Христиновкѣ, остановился Дорошенко лагеремъ, а ханъ съ своими ордами повернулъ въ Крымъ [11]). Уманцы еще до турецкаго прихода переда-

---

1) Лѣтоп. Величка, № 32.
2) Oyczyste spom., т. II, стр. 183.
3) Ibid., стр. 185.
4) Zaluski, т. I, ч. I, стр. 398—404.
5) Oyczyste spom., т. II, стр. 183.
6) Ibid., стр. 179—180.
7) Ibid., стр. 187.
8) Ibid., стр. 188.
9) Костомаровъ, т. XV, стр. 429—430.
10) Ibid
11) Лѣтоп. Величка, т. II, стр. 332.

лись Ханенку, который, какъ извѣстно, раньше былъ уманскимъ полковникомъ, и вообще, фамилія его пользовалась значительнымъ авторитетомъ среди уманцевъ [1]). Ханенко назначилъ отъ себя уманскимъ полковникомъ Бѣлогруда [2]). Теперь, когда въ виду ихъ города появился Дорошенко, и при томъ въ силѣ, жители сочли за лучшее поклониться ему. Посланы были депутаты, которые принесли Дорошенку въ видѣ подарка „провіантъ, яко постный, такъ и скоромный“ и „привитали“ его въ обозѣ подъ Христиновкой. Дорошенко принялъ ихъ милостиво, пожурилъ немного за союзъ съ поляками и потомъ забралъ изъ города всю старшину, поставленную отъ Ханенка, часть ее казнилъ въ Чигиринѣ, и послалъ приказъ, кого казнить на мѣстѣ [3]).

Но въ Умани были Ханенковы запорожцы, которые въ количествѣ 500 человѣкъ ушли въ Бѣлую Церковь [4]). Коменданту этой крѣпости Дорошенко неоднократно посылалъ требованія выйти изъ города, какъ то и слѣдовало на основаніи договора [5]); но тотъ и не думалъ исполнять это требованіе. Вмѣсто этого, и какъ бы въ насмѣшку надъ договоромъ, отрядъ, посланный имъ, вышелъ изъ Бѣлой Церкви и сжегъ козацкія села: Фастовъ [6]) и Семеновское [7]). Такимъ образомъ, со стороны Польши договоръ былъ нарушенъ, тотчасъ по его заключеніи.

Въ концѣ ноября возвратился изъ похода Дорошенко къ себѣ въ Чигиринъ. Не веселое это было возвращеніе—по свидѣтельству польскаго источника, съ нимъ вернулось всего 200 человѣкъ козаковъ, да и тѣ, что называется „од вітру валились“ [8]). Конечно, извѣстіе это несомнѣнно преувеличено, но оно свидѣтельствуеть о томъ, какъ палъ престижъ Дорошенка. Теперь, послѣ этого перваго акта, новаго фазиса козацко-польской борьбы, должны были вступить въ силу его неизбѣжныя послѣдствія: о послѣдствіяхъ внутренняго свойства, т. е. объ отчаяніи народа, о стремленіи его къ переселенію, о паденіи въ средѣ его авторитета Дорошенка, мы уже говорили, теперь очередь за внѣшними послѣдствіями.

---

[1]) Костомаровъ, т. XV, стр. 430.
[2]) Лѣтопись Величка, т. II, стр. 332.
[3]) Ibid., стр. 332—334.
[4]) Oyczyste spom., т. II, стр. 190.
[5]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XI, № 32.
[6]) Ibid., № 36; Oyczyste spom., т. II, стр. 192.
[7]) Oyczyste spom., т. II, стр. 193.
[8]) Ibid., стр. 192.

Не смотря на всѣ просьбы Польши, въ началѣ турецкаго похода, о подачѣ помощи—какъ то слѣдовало по Андрусовскому договору—Москва не спѣшила подавать ее. Московскіе воеводы на всѣ письменныя просьбы со стороны польскихъ военачальниковъ, отвѣчали, что они ждутъ царскаго указа относительно движенія войскъ, а пока не получатъ его, то не могутъ двинуться съ мѣста [1]). Такъ они и не дождались вожделѣннаго указа. Но теперь, когда турецкій походъ окончился взятіемъ Каменца и заключеніемъ мирнаго договора, Москва встревожилась. Естественно было ожидать, что, покончивъ съ Польшей, турки и Дорошенко обратятъ свои взоры на лѣвый берегъ, а затѣмъ и на Москву. Изъ Украины начали приходить въ Москву тревожныя вѣсти о томъ, что скоро разразится грозное нашествіе турокъ и Дорошенка на Кіевъ и на лѣвый берегъ. Говорили, что Тукальскій уговариваетъ Дорошенка сдѣлать нападеніе на Кіевъ, представляя ему, что тамъ теперь людей мало и легко его взять [2]). О нападеніи этомъ говорили съ такой достовѣрностью, что указывали даже первый пунктъ, на который обрушится это нападеніе: сначала Гадячъ [3]), а потомъ Переяславъ [4]). Воевода Козловскій сообщалъ, что на лѣвомъ берегу появились „прелестныя“ письма Дорошенка [5]).

Въ то же время Дорошенко показывалъ, что онъ вовсе не желаетъ ссориться съ Москвой, о чемъ свидѣтельствуетъ его любезная переписка съ кіевскимъ воеводой [6]). Тѣмъ не менѣе Москва стала готовиться къ войнѣ. Кромѣ приготовленій посланы были посольства къ различнымъ западно-европейскимъ державамъ, приглашавшія ихъ къ войнѣ съ бусурманомъ [7]). Для обезпеченія же безопасности со стороны правобережной Украины, Москва сочла удобнымъ, такъ или иначе, покорить ее себѣ. Теперь это было не неудобно даже по отношенію къ Польшѣ, съ которой Москва была связана договоромъ,—вѣдь Украина уступлена была Турціи. Во всякомъ случаѣ народъ, помимо Дорошенка, охотно откликнется на призывъ Москвы—объ этомъ свидѣтельствовали, хотя бы постоянныя переселенія. Вообще моментъ

---

[1]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XI.
[2]) Ibid., т. XI, № 33.
[3]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XI, № 44. 45.
[4]) Ibid., № 71.
[5]) Костомаровъ, т. XV, стр. 433.
[6]) Ibidem.
[7]) Ibidem.

былъ самый удобный для распространенія своего вліянія. Составленъ былъ даже проектъ, какъ дѣйствовать, переданный Самойловичу черезъ нѣжинскаго протопопа Адамовича, въ которомъ предполагалось сначала вести мирно переговоры съ Дорошенкомъ, а затѣмъ, въ случаѣ надобности, пустить въ ходъ и оружіе [1]).

Дорошенко, какъ только узналъ, что въ Москвѣ что-то затѣвается на его счетъ, созвалъ у себя, въ Чигиринѣ, раду, на которой постановили не отставать отъ подданства Турціи ни въ какомъ случаѣ [2]). Но это постановленіе было, такъ сказать, самообольщеніемъ Дорошенка. Вѣсти, доносившіяся изъ Подоліи объ обращеніи турокъ съ жителями, ясно показывали народу, чего ему ждать отъ союза, на которомъ такъ настаивалъ Дорошенко. Турки поступали съ покоренными жителями по своему обычаю: они выжигали города, разрушали церкви и монастыри, загоняли населеніе въ плѣнъ цѣлыми массами, собирали дань дѣтьми и т. д. [3]). На все наложены были пошлины, даже жениться, или хоронить умершихъ и крестить дѣтей нельзя было, не заплативъ извѣстной пошлины. Наказывали по одному подозрѣнію, невинный отвѣчалъ за виновнаго [4]), и т. д. Понятно, что при такомъ положеніи вещей постановленіе Чигиринской рады о сохраненіи союза съ Турціей былъ только звукъ пустой. Даже среди старшины, которая была приближена къ Дорошенку, не было искренняго отношенія къ нему.

Первый примѣръ готовности измѣнить ему, показалъ одинъ изъ ближайшихъ къ нему людей—сватъ его Лизогубъ. Онъ вошелъ сначала въ сношенія съ переяславскимъ полковникомъ, Дмитрашкомъ-Райчемъ, предлагая привести въ повиновеніе царю каневскій полкъ. Тотъ сообщилъ объ этомъ Самойловичу, а изъ Москвы, въ началѣ 1673 г., прибылъ посланецъ Щеголевъ; но посольство это ограничилось одними разговорами [5]). Попытки Москвы относительно Дорошенка на время пріостановились.

Тѣмъ не менѣе онъ не могъ оставаться покойнымъ со стороны Польши. Лобель, вопреки договору, не сдавалъ бѣлоцерковской крѣпости, а Ханенко продолжалъ именоваться гетманомъ правобережной

---

[1]) Костомаровъ, т. XV, стр. 434.
[2]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т XI, № 86.
[3]) Максимовичъ и Щикатовъ, стр. 291; Бантышъ-Каменскій, т. II, 152.
[4]) Oyczyste spom., т. II, стр. 197, 198.
[5]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XI, № 55.

Украины. Умань снова отложилась отъ Дорошенка въ пользу Ханенка. Величко передаетъ длинный разсказъ о томъ, какъ убиты были начальники серденятъ, оставленные въ Умани Дорошенкомъ, Жеребило и Силичъ, и какъ уманцы передались Ханенку. Дѣло было во время Пасхи 1673 года. Ханенко назначилъ полковникомъ нѣкоего Макуху и вновь объявилъ себя врагомъ Дорошенка. Макуха началъ безпокоить окрестности Чигирина[1]). Какъ шатко было положеніе Дорошенка, доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ и теперь долженъ былъ послать въ Крымъ за помощью, а пока она не прибыла, послалъ въ Польшу письмо, въ которомъ предлагалъ соединиться съ нею на основаніи Гадячскаго договора. Письмо не дошло по назначенію; по дорогѣ оно было перехвачено и отослано турецкому султану, который немедленно послалъ къ Дорошенку чауша съ вопросомъ—что это это значитъ? Дорошенко отвѣчалъ, что это простая уловка съ цѣлью протянуть время[2]). Тѣмъ не менѣе изъ Польши посланъ былъ Іосифъ Шумлянскій, человѣкъ вполнѣ преданный Польшѣ[3]). Еще до его прибытія Дорошенко собралъ въ Лисянкѣ раду, на которой самъ не присутствовалъ, боясь за свою безопасность при большомъ стеченіи народа[4]), а послалъ вмѣсто себя Лизогуба, который изъ этой рады понялъ, что всѣ народныя симпатіи стремятся къ Москвѣ[5]). Когда же прибылъ Шумлянскій, Дорошенко собралъ новую раду уже въ Чигиринѣ, и вмѣсто того, чтобы трактовать о соединеніи съ Польшей, онъ перечислялъ всѣ оскорбленія, нанесенныя Польшей Украинѣ, и превозносилъ турецкаго монарха. Шумлянскій уѣхалъ ни съ чѣмъ[6]), а Дорошенко отправилъ къ турецкому султану письма, свидѣтельствующія о намѣреніи христіанскихъ державъ воевать противъ Турціи[7]).

Между тѣмъ Польша лишилась своей креатуры—Ханенка. Онъ стоялъ на Волыни у Корца[8]), но, наскучивъ бездѣятельностью, онъ занялъ Кіевское Полѣсье, подъ предлогомъ препятствовать Дорошенку

[1]) Лѣтопись Величка, т. II, стр. 339.
[2]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XI, № 66.
[3]) Oyczyste spom., т. II, стр. 217.
[4]) Ibidem, т. II, стр. 238.
[5]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XI, № 82.
[6]) Oyczyste spom., т. II, стр. 223.
[7]) Ibidem, стр. 221.
[8]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XI, № 93.

идти на помощь туркамъ[1]), которые снова вовлеклись въ борьбу съ Польшей. Во время похода козаки Ханенка грабили всю, безъ исключенія, шляхту, которая имъ попадалась[2]). Занявши островъ между Днѣпромъ и Чертороемъ[3]), Ханенко просилъ Самойловича разрѣшить ему пройти по лѣвому берегу въ Запорожье, а пока получено было это разрѣшеніе, онъ занялся тѣмъ, что отомстилъ своему личному врагу, извѣстному Пиво-Запольскому, съ которымъ Ханенко враждовалъ изъ за какой то плѣнной черкешенки, которую Пиво, обманнымъ образомъ, захватилъ себѣ. Ханенко пригласилъ этого послѣдняго въ станъ къ себѣ на пирушку и тутъ убилъ его[4]). Наконецъ, получилось отъ Самойловича давно жданное разрѣшеніе и Ханенко ушелъ на Запорожье[5]).

1673-й годъ ознаменовался новымъ столкновеніемъ Польши съ Турціей, которое окончилось весьма выгодно для Польши: сильная турецкая армія была разбита Собѣсскимъ у Хотина[6]). Но поляки не воспользовались своей побѣдой: 10 ноября скончался во Львовѣ король Михаилъ[7]) и войско, которое и такъ рвалось домой, вслѣдствіе зимней стужи, возвратилось восвояси. Бѣдный Дорошенко очутился въ ужасномъ положеніи, онъ не зналъ, куда идти и къ кому обратиться. Съ одной стороны, Собѣсскій прислалъ къ нему Савву Туптала уговаривать его отдѣлаться отъ Турціи, а съ другой—султанъ присылалъ строжайшія приказанія прибыть къ нему весной на помощь[8]).

А тутъ еще и Москва снова возобновила свои попытки. Самойловичъ, которому не нравился планъ идти на соглашеніе съ Дорошенкомъ и предоставить ему оставаться гетманомъ на правой сторонѣ, изъ опасенія, чтобы Дорошенко какъ-нибудь не втерся въ ми-

---

[1]) Zaluski, т. I, ч. 1, стр. 476.

[2]) Арх. Ю.-З. Рос., т. II, ч. 3, № 1, стр. 1.

[3]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XI, № 96.

[4]) Oyczyste spom., т. II, стр. 251.

[5]) Костомаровъ, т. XV, стр. 446.

[6]) Zaluski, т. I, ч. 1, стр. 489—505, 535—554.

Въ Лѣтописи Величка говорится о томъ, что Ханенко пошелъ противъ Дорошенка и имѣлъ съ нимъ сраженіе подъ Стебловымъ. Но, очевидно, лѣтописецъ смѣшалъ эпизодъ Стебловскаго дѣла съ Суховѣемъ (Лѣтопись Величка. т. II, стр. 339—340).

[7]) Zaluski, т. I, ч. I, стр. 480.

[8]) Костомаaовъ, т. XV, стр. 448.

лость московскому правительству и не столкнулъ бы его съ гетманства, началъ представлять Москвѣ необходимость вести дѣло съ Дорошенкомъ силою оружія. Такъ, онъ присылалъ въ Москву донесенія, что пойманы на лѣвой сторонѣ зажигатели, подосланные Дорошенкомъ, и что не слѣдуетъ вступать съ нимъ въ мирныя сношенія [1]).

Но Москва все же не теряла надежды кончить съ Дорошенкомъ миромъ. Да и самъ Дорошенко начиналъ уже понимать, что такъ или иначе, а ему въ концѣ концовъ нужно будетъ покориться Москвѣ. Въ августѣ 1673 г. къ нему прибылъ изъ Кіева монахъ Серапіонъ Палчовскій, которому поручено было склонять Дорошенка къ подданству Москвѣ. Въ разговорахъ въ этимъ монахомъ Дорошенко продолжалъ настаивать на тѣхъ же условіяхъ, что и прежде, требуя еще объединенія обѣихъ сторонъ Днѣпра подъ властью единаго гетмана, отдачи Кіева козакамъ и обороны отъ турокъ. И это посольство не имѣло никакого результата: Серапіонъ возвратился ни съ чѣмъ [2]).

Въ отвѣтъ на условія, переданныя Дорошенкомъ, пришла отъ царя грамота, гдѣ одобрялся планъ и желаніе Дорошенка поддаться Москвѣ, но на всѣ его требованія послѣдовалъ полнѣйшій отказъ. Снова Серапіонъ повезъ Дорошенку московскій отвѣтъ, но дѣло не приходило ни къ какому результату [3]). Самойловичъ продолжали убѣждать Москву въ необходимости дѣйствовать противъ Дорошенка оружіемъ; и наконецъ полученъ былъ указъ идти боярину Ромадановскому войной противъ Дорошенка [4]).

Походъ соединеннаго московско-козацкаго войска представлялъ тріумфальное шествіе: всѣ города съ ихъ старшинами и козаками сдавались и объявляли себя подданными московскаго государя. Такимъ образомъ сдались: Каневъ, Черкассы, Мошны, Триполье, Фастовъ, Мотовиловка, Черногородка [5]) и многіе другіе, кромѣ Паволочи и Чигирина [6]). Съ войсками Дорошенка, собиравшимися въ Корсунѣ и Лисянкѣ, подъ начальствомъ двухъ его братьевъ, произошло столкновеніе въ Медвинѣ. Здѣсь разбитъ былъ на голову Григорій Дорошенко, едва спасшійся въ Лисянку. Но и тамъ жители взбунтова-

---

[1]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XI, № 80.

[2]) Костомаровъ, т. XV, стр. 450—452.

[3]) Костомаровъ, XV, стр. 453.

[4]) Ibidem, стр. 454.

[5]) Ibidem, стр. 455—459; Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XI, № 112, 113.

[6]) Ibidem.

лись, схватили въ плѣнъ Григорія Дорошенка и объявили себя подданными Москвы. То же случилось и въ Корсунѣ, откуда приверженная Дорошенку старшина должна была спасаться бѣгствомъ [1]).

Казалось бы, что этотъ походъ долженъ былъ показать Дорошенку, что его роль окончена, что нечего и думать о продолженіи начатаго имъ дѣла; но онъ былъ слишкомъ честолюбивъ, чтобы сразу отказаться отъ власти. Онъ дѣлаетъ еще одну попытку, чтобы удержаться, но и эта попытка кладетъ на него пятно большой вины противъ родины, которую онъ привелъ уже въ полнѣйшее запустѣніе.

Московско-козацкое войско не долго стояло на правомъ берегу. Въ концѣ февраля оно отступило уже за Днѣпръ, къ Переяславу, мотивируя свое отступленіе близкой возможностью прибытія къ Дорошенку сильныхъ вспомогательныхъ татарскихъ силъ [2]). 15 марта, въ Переяславѣ [3]), согласно царскому указу [4]), собралась рада, на которой предстояло избрать гетмана для обѣихъ сторонъ Днѣпра. Прибылъ на эту раду и Ханенко [5]), но выборъ палъ на того же Самойловича. Послѣ выбора, были прочитаны статьи присоединенія, продиктованныя Москвой, и тутъ же составлена и послана была царю челобитная, съ просьбой, чтобы онъ потребовалъ отъ Польши вывода гарнизона изъ Бѣлой Церкви, и охранялъ бы ихъ отъ ляховъ, ненависть къ которымъ очевидно нисколько не уменьшилась [6]). Царь разослалъ успокоительныя грамоты, увѣряя правобережцевъ, что никогда они польской коронѣ уступлены не будутъ [7]).

А между тѣмъ польское войско вступило въ Побужье, подъ начальствомъ Мондржеевскаго. Поляки, узнавъ, что силы Дорошенка слабы, хотѣли попробовать захватить Украину. Польское войско утверждало свой авторитетъ въ злополучной Украинѣ огнемъ и мечемъ. Взяты были: Константиновъ, Винница, Баръ, Браиловъ и др. Край буквально стоналъ. Поляки раззоряли такимъ образомъ пространства Кальницкаго и Брацлавскаго полка. Несчастный народъ не зналъ, куда ему дѣваться. Такъ, полковникъ брацлавскій Лисица писалъ

---

[1]) Лѣтоп. Самовидца, изд. 1878 г., стр. 120, 121; Костомаровъ, т. XV, 459, 460.
[2]) Костомаровъ, т. XV, стр. 458.
[3]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XI, № 118.
[4]) Ibidem, № 116.
[5]) Арх. Ю.-Зап. Россіи, т. II, ч. 3, № 1, стр. 2.
[6]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XI, № 127.
[7]) Костомаровъ, т. XV, стр. 466.

Самойловичу, что скоро изъ Побужья весь народъ разбредется, ожидаются каждый день татары, а сверху наступаютъ ляхи [1]). Польскіе же полководцы доносили Самойловичу, что они явились только въ видахъ общей защиты отъ турокъ и татаръ [2]).

Между тѣмъ, послѣ Переяславской рады, Дорошенко, присылавшій Ивана Мазепу съ обѣщаніемъ, что онъ во всемъ будетъ повиноваться царской волѣ [3]), и не думалъ исполнять своего обѣщанія. Сначала Москва вступила съ нимъ въ мирные переговоры, которые ни къ чему не привели [4]); и снова, въ продолженіе цѣлаго мѣсяца объ немъ не было никакихъ извѣстій. Наконецъ, въ апрѣлѣ пришло извѣстіе, что къ Дорошенку явились татары, и онъ, выбравъ изъ нихъ 4000 человѣкъ, послалъ своего брата Андрея приводить въ покорность подчинившіеся уже царскому имени городки. Отправленный отрядъ овладѣлъ Балаклеей и Орловцемъ, которые сдались безъ боя на обѣщаніе помилованія; но, по приказу Дорошенка, жители были отданы въ плѣнъ татарамъ. Старшинамъ же тамошнимъ, въ наказаніе за измѣну, буравомъ буравили глаза [5]). Такіе ужасы можно поистинѣ объяснить только трагическимъ положеніемъ Дорошенка, желавшаго, какимъ бы то ни было образомъ, сохранить ускользавшую у него власть. Но было уже поздно. При извѣстіи о такихъ поступкахъ Дорошенка, Самойловичъ 18 мая 1674 года отправилъ Дмитрашку-Райча съ пятью лѣвобережными полками на правый берегъ, гдѣ онъ долженъ былъ соединиться въ Корсунѣ съ пятью правобережными полками и идти подъ Чигиринъ [6]). Въ то же время къ самому Дорошенку былъ еще разъ посланъ подъячій Тяпкинъ съ увѣщеваніемъ покориться. Но Дорошенко, не смотря на совѣты и даже требованія чигиринцевъ, которымъ онъ читалъ присланную съ Тяпкинымъ грамоту [7]), не послушался и велѣлъ засадить Тяпкина въ тюрьму [8]).

---

[1]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XI, №№ 116, 128, 129, 131, 132, 141.
[2]) Костомаровъ, т. XV, стр. 466.
[3]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XI, № 121.
[4]) Костомаровъ, т. XV, стр. 467.
[5]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XI, № 142.
[6]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XI, № 143.
[7]) Костомаровъ, т. XV, стр. 468.
[8]) Ibidem, стр. 470.

Между тѣмъ, какъ онъ съ братомъ Андреемъ, стоя подъ Балаклеею, разсылали универсалы къ правобережнымъ полкамъ, увѣщевая ихъ къ покорности[1]), посланный въ подъѣздъ Дмитрашко направился къ Смѣлѣ и дойдя туда, въ арріергардѣ оставилъ въ пяти верстахъ два полка: Уманскій и Гадячскій. Провѣдавъ объ этомъ, Андрей Дорошенко задумалъ уничтожить этотъ арріергардъ и, взявъ съ собой отборную конницу и 6000 татаръ, онъ поздней ночью хотѣлъ врасплохъ напасть на него, разсчитывая на испугъ коней. Но планъ его не удался. Напротивъ, когда онъ возвращался, послѣ неудачнаго нападенія, на него, у рѣки Ташлыка, всѣми силами обрушился Дмитрашко и, разбивъ его на голову, самого Андрея взялъ въ плѣнъ[2]). 5-го іюля Самойловичъ и Ромадановскій переправились черезъ Днѣпръ у Черкассъ и пошли осаждать Чигиринъ. Дорошенко заперся въ городѣ. Онъ не обращалъ вниманія на требованіе собравшагося народа, чтобы онъ сдалъ городъ и самъ покорился царю. Онъ засѣлъ въ верхнемъ замкѣ, обѣщая взорвать самого себя на воздухъ, но не сдаваться[3]). Чигиринъ оставался единственнымъ еще вѣрнымъ ему городомъ. Жаботинъ и Медвѣдовка сдались при приближеніи непріятельскаго войска. Паволочь же, гдѣ засѣлъ вѣрный сподвижникъ Дорошенка Гамалѣй, еще держалась[4]). Вся надежда Дорошенка сосредоточивалась на туркахъ. Но ханъ стоялъ еще за Ингуломъ[5]), а султанъ еще дальше, за Днѣстромъ. Султанъ шелъ собственно наказывать Польшу, но услыхавъ о тяжеломъ положеніи Дорошенка, рѣшилъ, что нужно спасать своего подручника, и послалъ хана впередъ на выручку Дорошенка[6]). Помощь явилась поздно вотъ почему: надѣясь только на помощь турокъ и татаръ, Дорошенко заранѣе отправилъ къ нимъ посла своего, войсковаго писаря Ивана Мазепу, и съ нимъ 15 христіанъ-невольниковъ въ подарокъ султану. Но тотъ не добрался до мѣста назначенія. Подарокъ его захватили запорожцы[7]), а самъ Мазепа былъ пощаженъ только благодаря настоятельнымъ

---

[1]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XI, №№ 132, 134, 135.

[2]) Ibidem, № 150; Лѣтопись Самовидца, изд. 1878 г., стр. 122; Лѣтопись Грабянки, стр. 215, 216; Сборн. Лѣт.. изд. 1888 г., стр. 29 и др.

[3]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XI, №№ 171—177.

[4]) Ibidem, № 159.

[5]) Ibidem.

[6]) Костомаровъ, т. XV, стр. 471.

[7]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XI, № 158.

просьбамъ Сѣрка[1]). Послѣ онъ былъ отправленъ къ Самойловичу и въ Москву, и всѣмъ успѣлъ понравиться, всѣхъ задобрить, и поэтому остался въ Украинѣ[2]).

Между тѣмъ Дорошенка выручилъ подольскій полковникъ Евстафій Гоголь. Этотъ престарѣлый сподвижникъ Хмельницкаго сначала покорился Москвѣ[3]), затѣмъ измѣнилъ ей въ пользу Польши[4]), а теперь вдругъ сталъ на сторону Дорошенка и во время извѣстилъ турокъ о безвыходномъ его положеніи[5]). Турецкія войска перешли Днѣстръ и первымъ пострадавшимъ отъ нихъ городомъ была Косница[6]), гдѣ они избили всѣхъ жителей. Затѣмъ сдалась имъ Стѣна[7]), затѣмъ турки подступили къ Куничному, гдѣ было собрано много людей, сбѣжавшихся изъ окрестностей. Только послѣ долгаго сопротивленія, взятъ былъ этотъ городокъ, и жители, также какъ и въ предыдущихъ, были всѣ истреблены[8]). Военачальники, стоявшіе подъ Чигириномъ, отрядили впередъ Дмитрашка-Райчу[9]) на помощь брацлавскому полковнику, который былъ осажденъ въ Тульчинѣ[10]). Но онъ дошелъ только до села Буки, и отсюда отправилъ наказнымъ Войцу Сербина съ 2000 человѣкъ въ Ладыжинъ, а самъ бросился назадъ въ Каневъ, черезъ Лисянку и Корсунь, услыхавъ отъ пойманныхъ языковъ, что непріятельскія войска идутъ къ Кіеву[11]). Войца Сербинъ вошелъ въ Ладыжинъ, гдѣ находился уже полковникъ Мурашко, посланный впередъ Самойловичемъ. Въ тотъ же день подступили къ городу турки и татары. Говорятъ, визирю данъ былъ самимъ султаномъ приказъ никого не щадить. Предмѣстья были сожжены и началась канонада. Вдругъ, въ самый разгаръ, на стѣнѣ взвилось бѣлое знамя; явились уполномоченные отъ мѣщанъ и умоляли пощадить ихъ, говоря, что въ сопротивленіи виноваты не они, а 2000 „барабашевцевъ", засѣвшихъ въ замкѣ. Визирь отвѣчалъ, что если они дѣйствительно покорны, то дол-

---

1) Лѣтопись Величка. т. II, стр. 342.
2) Костомаровъ, т. XV, стр. 473—475.
3) Ibidem, стр. 465.
4) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XI, № 143.
5) Лѣтопись Самовидца. стр. 122; Краткое описаніе Малороссіи, стр. 217.
6) Ibidem, стр. 123.
7) Zaluski, т. I, ч. 1. стр. 559.
8) Лѣтопись Самовидца, стр. 123.
9) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XI, № 179.
10) Ibidem, № 166, 167.
11) Ibidem, № 179.

жны выдать непокорныхъ, или отдѣлиться отъ нихъ. Пальба не прекращалась. Снова вышла изъ города депутація съ протопопомъ во главѣ, прося только выпустить ихъ съ семьями и пожитками. Но на этотъ разъ разсерженный визирь отвѣчалъ, что они должны выбирать одно изъ двухъ, или неволю, или смерть; и если они еще разъ придутъ ни съ чѣмъ, то ихъ встрѣтятъ картечью. И пальба возобновилась. Наконецъ, осажденные прислали сказать, что они сдаются безусловно—вышло 800 козаковъ и сложили оружіе. Ихъ заковали въ кандалы и отправили на галеры. Такая же участь постигла и мѣщанъ. Мурашко, запершись въ замкѣ, продержался еще нѣсколько дней, пока всѣ не легли[1]). По другому извѣстію, Мурашка самъ сдался и былъ казненъ за дерзкое отношеніе къ визирю[2]).

Изъ Ладыжина отправленъ былъ каймаканъ Мустафа-паша къ Умани, съ приказомъ взять этотъ городъ во что бы то ни стало, и если жители будутъ сопротивляться, то перебить всѣхъ до одного. Вмѣстѣ съ турками подъѣхали къ городу и Дорошенковы старшины и стали увѣщевать жителей сдаться. Прельщенный уманскій полковникъ, Яворскій, вышелъ со всей старшиной изъ города, и немедленно былъ схваченъ, такъ что городъ остался безъ начальника. Но когда турки бросились раззорять городъ, гдѣ было очень много хорошо вооруженныхъ жителей, то послѣдніе начали защищаться. Турки повели осаду отъ Грековаго лѣса: они насыпали шанцы въ уровень со стѣнами города и, поставивъ на нихъ пушки, начали палить. Въ то же время они вели подкопы и взрывомъ удалось разрушить часть замковой стѣны, съ лѣвой стороны отъ дороги. Напрасно осажденныя заваливали эту брешь, чѣмъ могли: возами, навозомъ, камнями—ничего не помогло. Турки какъ лавина, ринулись въ городъ. Но и тутъ каждый шагъ приходилось имъ добывать съ бою: дрались на улицахъ, въ домахъ, стрѣляли съ заборовъ, съ крышъ. Кровь ручьями лилась по улицамъ. Наконецъ остатки уманцевъ столпились у такъ называемой Рашевской брамы и защищались до тѣхъ поръ, пока турки всѣхъ не перебили. Нѣкоторые заползли въ погреба, но и здѣсь турки задушили ихъ дымомъ. Они разъѣзжали по улицамъ и добивали тѣхъ, кто былъ еще живъ. Говорятъ, погибло до 40000 человѣкъ. Только

---

[1]) Описаніе взятія Ладыжина на основаніи: Акт. Южн. и З. Россіи, т. XI, № 199; Collectanea, т. II, Лѣт. Самов., Грабянки, Величка и др.

[2]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XII, № 1.

небольшое количество пробилось сквозь турецкіе ряды и скрылось въ густыхъ лѣсахъ, окружавшихъ Умань [1]). Вслѣдъ за Уманью разорены были: Тростянецъ, Бершадь, Маньковка, Полонное Малое и другіе [2]). Такъ расправлялись съ Украиной тѣ союзники Дорошенка, при помощи которыхъ онъ хотѣлъ облагодѣтельствовать свою родину и доставить ей политическую самобытность.

А Дорошенко въ это время сидѣлъ въ Чигиринѣ, осажденный бояриномъ Ромадановскимъ и гетманомъ Самойловичемъ. Они насыпали высокіе шанцы, числомъ одиннадцать, и палили съ нихъ въ городъ, что причиняло большой вредъ, главнымъ образомъ, домамъ. Изъ города жители десятками бѣжали въ станъ къ Самойловичу. При Дорошенкѣ было всего 4000 войска, если не считать мѣщанъ и другихъ жителей, сбѣжавшихся сюда изъ окрестностей, числомъ около 15000. Но городъ все же продолжалъ держаться. Перебѣжчики доносили, что скоро на помощь Дорошенку прибудетъ самъ ханъ съ ордою. Вслѣдствіе этого военачальники вступили было въ переговоры съ Дорошенкомъ, заставивъ брата его Андрея написать ему увѣщевательное письмо. Но письмо это было отправлено съ простымъ стрѣльцомъ—Дорошенко обидѣлся и переговоры прекратились [3]).

Услыхавъ о приближеніи хана, Самойловичъ съ Ромадановскимъ, 9 августа, сожгли свой таборъ и отступили. 12 августа они достигли Днѣпра [4]). Тѣмъ временамъ ханъ подошелъ къ Чигирину. Встрѣтившій его Дорошенко привелъ ему въ подарокъ нѣсколько сотъ невольниковъ и позволеніе брать сколько угодно людей изъ тѣхъ городовъ, которые подчинились московской власти [5]). Вслѣдъ за тѣмъ, они двинулись въ погоню, и 13 августа догнали отступающія войска у Черкассъ; но послѣ незначительной стычки, ханъ съ Дорошенкомъ быстро отступили къ Чигирину [6]), а гетманъ съ бояриномъ поспѣшили въ одну ночь переправиться за Днѣпръ [7]). Уходя, они сожгли Черкассы,

---

[1]) Описаніе взятія Умани составлено по источникамъ: Лѣтоп. Самов., изд. 1878 г., стр. 123, 124; Лѣт. Величка, стр. 353, 354; Лѣт. Грабянки, стр. 215, 219 и всѣ др. малорусск. лѣтописи; Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XI, № 201; Collectanea, т. II, стр. 115-120; Zaluski, т. I, ч. 1, стр. 560.

[2]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XI, № 181.

[3]) Костомаровъ, т. XV, стр. 481—482.

[4]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XI, № 190.

[5]) Костомаровъ, т. XV, стр. 482.

[6]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XI. № 190.

[7]) Лѣтопись Самовидца, изд. 1878 г., стр. 125.

гдѣ укрѣпленія были сильно попорчены, а жители этого города всѣ ушли, вслѣдъ за войскомъ, на лѣвый берегъ; а далѣе спѣшили цѣлыми толпами правобережные прочане.

Ханъ направился къ Умани, а Дорошенко, распорядившись о поправкѣ укрѣпленій Чигирина, пошелъ вслѣдъ за нимъ [1]). Мимо разоренной и залитой кровью Умани прослѣдовалъ Дорошенко къ султану, расположившемуся станомъ у Ладыжина. У султанскаго шатра встрѣтила его масса украинскихъ невольниковъ и молила его о пощадѣ. Дорошенку удалось выпросить жизнь и свободу для нѣкоторыхъ изъ нихъ [2]). Послѣ аудіенціи у султана Дорошенко былъ отпущенъ, а съ нимъ и ханъ. Жестоко расправлялся Дорошенко съ городами и селами, измѣнившими ему въ пользу московскаго правительства. Они съ ханомъ подошли было уже къ Ржищеву и стали готовить переправу, но вдругъ ханъ повернулъ назадъ, услыхавъ, что на Крымъ напали донскіе казаки и калмыки [3]). Дорошенко расположился въ Корсунѣ [4]). Но положеніе его было поистинѣ трагическое: козаки въ Корсунѣ начинали бунтовать противъ него; самые вѣрные его приверженцы уходили на лѣвую сторону. Ушелъ Ѳедоръ Мовчанъ, начальникъ серденятъ, а съ нимъ много его полчанъ [5]). Да, тяжелое время переживала Украина—не даромъ въ народной памяти оно сохранилось подъ именемъ „руины" [6]).

Несчастной, растерянной Украинѣ не удалось ни минуты отдохнуть и послѣ ухода турецко-татарскихъ силъ. Тотчасъ послѣ ихъ ухода, вошелъ въ Украину съ войскомъ вновь избранный польскій король, Яни Собѣсскій. Поляки дошли до Бѣлой Церкви и Паволочи, и всѣ города, какъ-то: Могилевъ, Баръ, Кальникъ, Рашковъ, Немировъ и др. сдались имъ [7]) По городкамъ, занятымъ поляками, Собѣсскій разставилъ свои гарнизоны [8]), а самъ поспѣшилъ въ Краковъ на коронацію, оставивъ въ Украинѣ своихъ гетмановъ. Но успѣхъ поляковъ былъ только кажущійся. Жители бѣжали передъ польскимъ

---

[1]) Костомаровъ, стр. 000.
[2]) Лѣтопись Величка, т. II, стр. 355.
[3]) Костомаровъ, т. XV, стр. 487.
[4]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XII, № 31, 32.
[5]) Ibidem, № 36.
[6]) Кулишъ, Зап. о Южн. Россіи, т. I, стр. 83.
[7]) Лѣтопись Самовидца, изд. 1878 г., 126, 127; Zaluski, т. I, ч. 1, 161—565.
[8]) Zaluski, т. I, ч. 1, стр. 569.

владычествомъ, еще болѣе, чѣмъ передъ турецкимъ нашествіемъ. Собѣсскій попробовалъ было сойтись съ Дорошенкомъ; къ нему посланы были для переговоровъ Морштинъ и Іосифъ Шумлянскій [1]); но переговоры эти ни къ чему не привели, а только навели ужасъ на всѣхъ малороссіянъ, между которыми стали ходить слухи о приготовленіяхъ Польши къ уничтоженію всего козачества [2]).

Со времени послѣднаго похода, судьба Дорошенка быстрыми шагами стала стремится по наклонной плоскости. Все лѣто 1675 года онъ ломалъ съ Самойловичемъ копья на поприщѣ взаимныхъ универсаловъ, въ которыхъ взаимо попрекали и укоряли другъ друга [3]). Но эта переписка ни къ чему не приводила.

Между тѣмъ польскіе военачальники вступили въ переписку съ московскимъ правительствомъ по вопросу о подачѣ помощи Польшѣ. Ромадановскій вслѣдствіе этой переписки пододвинулся къ Днѣпру [4]), вмѣстѣ съ Самойловичемъ. Въ августѣ 1675 года они послали на правую сторону сильный подъѣздъ, при появленіи котораго серденята, бывшіе въ Корсунѣ, бѣжали въ Чигиринъ, а жители правобережныхъ городовъ толпами стремились на лѣвый берегъ [5]). Опустѣлъ совершенно Крыловъ [6]). Поляки вошли въ Корсунь и сожгли до основанія опустѣвшій городъ [7]). Положеніе Дорошенка съ каждымъ днемъ ухудшалось. 10 августа умеръ его единственный, до смерти вѣрный ему сподвижникъ Іосифъ Тукальскій [8]). Въ самомъ Чигиринѣ не оставалось человѣка, который бы симпатизировалъ ему, кромѣ его родичей и писаря [9]). На лѣвый берегъ перебѣжалъ писарь Василій Кочубей и привезъ самыя неутѣшительныя вѣсти о положеніи Дорошенка [10]). Послѣдній увидалъ, что ему нѣтъ другого исхода, какъ подчиняться Москвѣ. Даже жители вѣрныхъ ему городовъ: Жаботина и Медвѣдовки подали ему просьбу о позволеніи имъ переселиться на лѣвый берегъ, потому что тутъ ѣсть нечего [11]).

---

[1]) Ibidem, 564; Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XII, № 8.
[2]) Костомаровъ, т. XV, стр. 491; Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XII, № 75, 76.
[3]) Ibidem, стр. 492—493.
[4]) Ibidem, стр. 491—492.
[5]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XII.
[6]) Ibidem, № 10.
[7]) Лѣтопись Самовидца, изд. 1878 г., стр. 127.
[8]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XII, № 71.
[9]) Ibidem.
[10]) Ibidem, № 80.
[11]) Ibidem, № 122.

И вотъ Дорошенко рѣшается на послѣдній шагъ. Онъ отдается московскому царю, но прибѣгаетъ при этомъ къ уловкѣ, съ помощью которой онъ старается обезопасить себя, а быть можетъ въ глубинѣ души питая надежду поправить дѣло. Онъ исходилъ изъ слѣдующаго разсужденія. Отъ войска онъ получилъ булаву, войску же онъ и долженъ ее отдать. Но войска на правомъ берегу у него уже не было— всѣ или ушли на лѣвый берегъ, или предались Москвѣ. Тогда онъ обратился къ Запорожью, основываясь на томъ, что оно играло очень большую роль въ избраніи гетмана, и даже блаженной памяти Богданъ Хмельницкій получилъ свою булаву отъ запорожцевъ. Такого-же мнѣнія держался и Иванъ Сѣрко, который, пока былъ Ха́нонко, получившій власть первоначально отъ запорожцевъ, поддерживалъ его, а когда его не стало, то помирился съ Дорошенкомъ [1]). Когда въ Сѣчь пришло отъ Дорошенка предложеніе принять отъ него клейноты и вмѣстѣ съ тѣмъ присягу на вѣрность московскому царю, запорожцы радостно приняли это предложеніе, и 10 октября Иванъ Сѣрко съ 160-ю запорожцами и начальникъ донскихъ козаковъ Фролъ Минаевъ, бывшій тогда въ Сѣчи для войны съ крымцами, прибыли въ Чигиринъ. Въ ихъ присутствіи Дорошенко положилъ свои клейноты и присягнулъ на вѣрность Алексѣю Михайловичу. Сь своей же стороны запорожцы обѣщали, что Дорошенко будетъ милостиво принять его Царскимъ Величествомъ, останется совершенно цѣлъ и невредимъ со всѣмъ своимъ имуществомъ и сохранитъ свои гетманскіе клейноты, будетъ прощенъ за всѣ свои вины, и обороняемъ царскими людьми отъ всѣхъ враговъ: правый же берегъ снова заселится и будетъ процвѣтать такъ-же, какъ и лѣвый. Обо всемъ этомъ Сѣрко далъ знать въ Москву, прося, чтобы Дорошенко былъ милостиво принятъ, какъ то обѣщали ему запорожцы [2]). Очевидно Дорошенко понялъ, хотя и поздно, что главная сила лежитъ въ народѣ, а не въ какихъ-то союзникахъ, и союзъ съ запорожцами, которые всегда были на сторонѣ народа, хотя и не были настолько развиты, чтобы видѣть его нужды, явился такъ сказать, данью Дорошенка, отданной этому пониманію. Онъ надѣялся, что союзъ съ запорожцами и подчиненіе московскому царю заставитъ возвратиться ушедшихъ жителей, а тамъ, Богъ дастъ, можно будетъ какъ нибудь по-

---

[1]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. XII, № 122.
[2]) Idid., т. XII, №№ 91, 93, 94.

править дѣло. И дѣйствительно, примѣръ жителей города Мошны могъ подать ему эту надежду [1]).

Но ни Самойловичу, ни московскому правительству не понравилась такая версія. Самойловичъ излагалъ свое недовольство въ Москву, говоря, что эта исторія не болѣе, какъ уловка со стороны Дорошенка [2]). Изъ Москвы послали Сѣрку грамоту, въ которой упрекали его за то, что онъ вмѣшался не въ свое дѣло [3]).

Въ началѣ января 1676 года въ Москву пріѣхали посланцы отъ Дорошенка, Семенъ Тихій и Михаилъ Янепко, и привезли санжаки, подаренные Дорошенку турецкимъ султаномъ.

Въ XII томѣ Актовъ передана подробнѣйшая реляція о пріемѣ этихъ санджаковъ и о разговорахъ бояръ съ послами. Они говорили, что Дорошенко не рѣшался самъ ѣхать на лѣвую сторону изъ боязни такой же судьбы, какая постигла Сомка и Брюховецкаго [4]). Затѣмъ посланцамъ вручена была грамота, въ которой Дорошенка похваляли за его готовность служить царю, обѣщали полнѣйшую безопасность и позволеніе жить, гдѣ онъ захочетъ, но гетманомъ не будетъ, и кромѣ того долженъ пріѣхать на лѣвый берегъ и вторично присягнуть въ присутствіи гетмана и боярина [5]).

20 января 1676 года умеръ царь Алексѣй Михайловичъ и тутъ сначала рѣшили дѣйствовать милостиво съ Дорошенкомъ. Томъ XII Акт. Ю. и З. Рос. переполненъ документами, свидѣтельствующими о перепискѣ, возникшей между Москвой и Самойловичемъ по поводу Дорошенка. То посылали уполномоченнаго принять на мѣстѣ, въ Чигиринѣ, присягу Дорошенка, то снова перемѣняли свое рѣшеніе подъ вліяніемъ увѣреній Самойловича, которому весьма непріятна была милостивая политика Москвы съ Дорошенкомъ, то посылали къ Дорошенку посланцевъ съ увѣщевательными грамотами. И такъ прошла первая половина 1676 года [6]).

А о Дорошенкѣ бывавшіе въ Чигиринѣ посланцы доносили, что онъ подъ разными предлогами отклоняетъ свою окончательную сдачу. Очевидно, что онъ хотѣлъ какъ можно долѣе затянуть дѣло, ожидая результатовъ своей послѣдней уловки.

[1]) Акты Южн. и Зап. Рос., № 109.
[2]) Ibid., № 93, 96.
[3]) Костомаровъ, т. XV, стр. 598.
[4]) Акыт Южн. и Зап. Рос.. т. XII, № 134.
[5]) Ibid., № 136.
[6]) Ibid., №№ 140, 141, 143, 145 и др.

Въ этомъ помогало ему само московское правительство, которое, какъ мы только что видѣли, ни на что не рѣшалось и затягивало только бумажную волокиту. Весной Самойловичъ послалъ было на правую сторону подъѣздъ, но принужденъ былъ отозвать его [1]). Наконецъ, въ іюнѣ пришло извѣстіе, что Дорошенко объявилъ, что безъ рады онъ булавы не отдастъ. Начали носиться слухи о приготовленіяхъ къ этой радѣ, въ которой и Сѣрко принималъ дѣятельное участіе. Она должна была быть черная, и сначала мѣстомъ собранія назначали Переяславъ [2]), потомъ говорили, что Дорошенко хочетъ собрать раду на Расавѣ [3]) и, наконецъ, послѣдняя версія называла мѣстомъ имѣющей быть рады—Круковъ, невдалекѣ отъ Крылова [4]). Эти слухи окончательно всполошили Самойловича и онъ началъ усиленно переписываться съ Москвой, увѣряя, что пора кончить съ Дорошенкомъ, что постыдно тянуть такъ долго дѣло, что Дорошенко снова желаетъ обратиться къ помощи турокъ и татаръ и т. д. [5]).

Наконецъ, пришелъ давно желанный указъ дѣйствовать, посовѣтовавшись съ Ромадановскимъ, оружіемъ. Впередъ высланъ былъ сильный подъѣздъ подъ начальствомъ Косагова и Полуботка, которымъ приказано было перейти Днѣпръ и двинуться къ Чигирину. Вслѣдъ за ними шли гетманъ и бояринъ. Когда они приближались къ Вороновкѣ, жители выслали депутацію съ выраженіемъ покорности.

Между тѣмъ отправленный раньше подъѣздъ совершилъ побѣдоносный походъ до самаго Чигирина. Городки—Черкассы, Медвѣдовка, Жаботинъ и Субботовъ сдались имъ. Подступивъ къ Чигирину, они начали его штурмовать. Не долго длился бой, и былъ прекращенъ по знаку Дорошенка. На другой день выѣхалъ Дорошенко за три версты отъ Чигирина на рѣчку Янчарку, и здѣсь въ присутствіи Косагова и Полуботка присягнулъ на вѣрность московскому царю; послѣ чего возвратился въ Чигиринъ, и на слѣдующее утро прислалъ своего двоюроднаго брата Тарасенка и писаря Воеховича, прося отвезти ихъ къ Самойловичу. Они везли извѣщеніе о томъ, что вслѣдъ за ними прибудетъ самъ Дорошенко и привезетъ статьи, на основаніи которыхъ онъ поддастся Москвѣ. Въ нихъ была оговорена

[1]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. XII. № 163
[2]) Ibidem.
[3]) Ibidem. № 173.
[4]) Ibidem, № 181.
[5]) Костомаровъ, стр. 504, 505.

не только безопасность Дорошенка, но и всей его старшины и вѣрнаго ему поспольства, и чтобы всѣмъ сохранены были ихъ права и вольности. На другой день онъ самъ дѣйствительно пріѣхалъ въ станъ къ боярину и гетману, привезъ съ собой всѣ свои клейноты и 12 пушекъ. Съ нимъ прибыло 2000 человѣкъ, оставшихся ему вѣрными. Въ присутствіи боярина и гетмана онъ со всѣми прибывшими съ нимъ снова присягнулъ на вѣрность царю. Затѣмъ уѣхалъ въ Чигиринъ, куда спустя два дня сочли нужнымъ отправить военную силу, съ которой поѣхалъ и самъ Самойловичъ. Дорошенко встрѣтилъ ихъ за три версты отъ города, какъ радушный хозяинъ.

Размѣстивъ своихъ козаковъ, подъ начальствомъ черниговскаго полковника Борковскаго, и ратныхъ людей въ Чигиринѣ, Самойловичъ уѣхалъ на лѣвый берегъ.

Въ началѣ октября Дорошенко со всѣмъ своимъ семействомъ перешелъ на лѣвый берегъ и поселился въ Сосницѣ, а затѣмъ въ мартѣ 1677 года [1]) послѣ долгихъ пререканій между Самойловичемъ и Московскимъ правительствомъ, отвезенъ былъ въ Москву. Впослѣдствіи московское правительство отвело ему во владѣніе село Ярропольче, гдѣ онъ и прожилъ вплоть до 1698 года [2]).

Такъ закатилась звѣзда этого человѣка. Несомнѣнно желая блага своей родинѣ, онъ, будучи поставленъ въ небычайно тяжкія условія, хотѣлъ добиться своей цѣли, идя къ ней по намѣченному пути, во что бы то ни стало. Понимая невозможность союза съ Польшей и не желая идти на соединеніе съ Москвой на тѣхъ условіяхъ, какія ему предлагали, онъ пожертвовалъ ради своего плана созданными вѣками народными симпатіями, и хотѣлъ по своему повернуть ходъ исторіи—это-то его и сгубило. Несчастная его эпоха отразилась въ народной памяти въ видѣ аллегорическаго образа чайки, выведшей своихъ дѣтей у большой дороги [3]):

„Ой біда, біда, чайци небози,
Що вивела чаенятокъ при битий дорози“.

---

[1]) Послѣдняя судьба Дорошенка описана въ: Акт. Южн. и Зап. Рос., т. XII, № 201, 204; Лѣтоп. Самов., стр. 129, 130; Лѣт. Грабянки, стр. 221; Лѣт. Величка, т. II, стр. 397, 398; Сборн. Лѣтоп., изд. 1888 г., стр. 29 и вс. друг. лѣтоп.; Załuski, т. I, ч. 1, стр. 618.

[2]) Костомаровъ, т. XV, стр. 550.

[3]) Рус. Мысль 1880 г., кн. VI, стр. 37.

ГЛАВА IV.

—

Чигиринскіе походы. Утвержденіе Юрія Хмельницкаго на правомъ берегу и запустѣніе Украины. Первыя попытки обратной колонизаціи. Возобновленіе козачества на правой сторонѣ Днѣпра. Первые шаги возобновленнаго козачества.

Не долго пришлось отдыхать обездоленной правой сторонѣ Днѣпра послѣ отреченія Дорошенка. Не принесъ ей покоя союзъ съ Москвой и подчиненіе ея верховной власти. На минуту промелькнула было надежда на возможность возвращенія къ мирной жизни въ покинутой родинѣ. 30 октября 1676 года Самойловичъ издалъ универсалъ, которымъ разрѣшалось перешедшимъ съ праваго на лѣвый берегъ жителямъ снова возращаться въ свои мѣста и селиться только на пространствѣ земель, принадлежавшихъ Дорошенку [1]). Мы не знаемъ началась-ли тогда же обратная колонизація опустѣвшаго края, покрайней мѣрѣ, если и сдѣланы были попытки въ этомъ отношеніи, то осуществиться имъ не удалось, потому что не далѣе, какъ черезъ два года Украина представляла уже полнѣйшую пустыню. Ей пришлось еще испытать и перенести на своихъ плечахъ послѣдствія описанной нами борьбы съ Польшей, поставившей Дорошенка въ столь тяжелыя условія, что ничего лучшаго онъ не нашелъ какъ подчиниться Турціи. Мы говоримъ о событіяхъ, извѣстныхъ въ исторіи подъ именемъ Чигиринскихъ походовъ. Несомнѣнно, что Польша до извѣстной степени была не безъ грѣха въ этихъ турецкихъ походахъ. Отреченіе Дорошенка и подчиненіе его Москвѣ совпало въ ходѣ со-

[1]) Акт. Юж. и Зап. Рос., т XII, № 208.

бытій съ новой войной между Польшей и Турціей, которая сосредоточилась около мѣстечка Журавно, гдѣ находился польскій лагерь [1]). Лишь только тамъ стало извѣстно, что Дорошенко отрекся, немедленно же былъ посланъ въ турецкій лагерь гонецъ съ извѣщеніемъ о происшедшемъ [2]). Не думаю, чтобы это было сдѣлано съ цѣлью отклонить отъ Польши силы турокъ, такъ какъ въ то время дѣло дошло уже до заключенія договора. Во всякомъ случаѣ турки не могли проститъ такого поступка Дорошенку и допустить, чтобы правобережная Украина поступила подъ власть Москвы, тѣмъ болѣе что по Журавницкому договору вся Украина по Бѣлую Церковь и Коростышевъ уступалась туркамъ [3]). Турки, желая санкціонировать свои притязанія на Украину, порѣшили выставить такого человѣка, который, казалось имъ, по праву могъ предъявить свои права на Украину.

Уже въ декабрѣ 1676 года Дорошенко предостерегалъ Самойловича, что турки желаютъ сдѣлать Юрка Хмельницкаго гетманомъ на его мѣсто [4]). И дѣйствительно, какъ оказалось впослѣдствіи, турки воспользовались находившимся у нихъ въ Едикулѣ Юріемъ Хмельницкимъ и выставили его въ качествѣ претендента на Украину, давъ ему громкій титулъ князя „Малороссійской Украины". Въ сущности роль его сводилась только къ тому, чтобы быть для турокъ предлогомъ которымъ они прикрывались бы; но быть можетъ, въ глубинѣ души они надѣялись, что имя Юрка, по воспоминанію, пользовавшееся до сихъ поръ славой на Украинѣ, привлечетъ на ихъ сторону народныя симпатіи, тѣмъ болѣе что, какъ сообщалъ Дорошенко Самойловичу, въ Чигиринѣ, Медвѣдовкѣ и Жаботинѣ у Юрка много пріятелей и доброхотовъ [5]). Главное веденіе дѣла поручено было Ибрагимъ-пашѣ по прозвищу Шайтану [6]), а при злополучномъ Юркѣ вначалѣ было всего 120 козаковъ, да и тѣ были изъ невольниковъ, выпущенныхъ на волю. Готовность турокъ идти въ походъ на Украинѣ объясняли воздѣйствіемъ на турецкое правительство со стороны Польши, которая не будучи сама въ состояніи овладѣть страной, отдала ее во власть

---

[1]) Zaluski, т. I, ч. 1, стр. 601—619.
[2]) Ibidem, стр. 618.
[3]) Акты Юж. и Зап. Рос., т. XII, № 209.
[4]) Ibid., т. XII, № 203.
[5]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. XII, № 223.
[6]) Gordon, т. II, стр. 447.

туркамъ [1]). Въ то же время и со стороны Польши не прекращались враждебныя дѣйствія. То старалась она оклеветать передъ московскимъ правительствомъ запорожцевъ [2]) и Самойловича [3]), то разносились по Украинѣ слухи о томъ, что наставленный Польшей новый гетманъ, Остапъ Гоголь, собирается напасть на лѣвый берегъ [4]); а бѣлоцерковскій комендантъ продолжалъ наводить на окрестности ужасъ своимъ поведеніемъ [5]). Во всякомъ случаѣ, мирныя отношенія со стороны поляковъ оффиціально ничѣмъ не были нарушены; а Турція между тѣмъ принимала свои мѣры. Съ самаго начала 1677 года стали готовиться къ войнѣ. Уже 3-го марта Стефанъ Куницкій, староста немировскій, доносилъ Самойловичу, что въ его руки попалъ универсалъ, назначеннаго Юркомъ, наказнаго гетмана Астаматія, въ которомъ онъ приглашалъ всѣхъ жителей Украины къ повиновенію ихъ наслѣдственному князю, съ котораго по приказанію султана патріархъ снялъ монашеское званіе, и сообщалось, что несмѣтныя полчища идутъ подъ Чигиринъ, и на Днѣстрѣ у города Сорокъ строиться уже мостъ подъ наблюденіемъ того же Астаматія [6]). Затѣмъ Юрко велѣлъ выпустить изъ плѣна одного козака и поручилъ ему отвезти его универсалъ на Запорожье; въ универсалѣ этомъ онъ больше всего разсуждалъ о превратностяхъ судьбы человѣческой, напоминалъ о заслугахъ своего родителя, о всѣхъ бѣдствіяхъ, которыя ему пришлось перенести, покуда онъ не попалъ въ милость къ непобѣдимому султану, и подъ конецъ уже увѣщевалъ Сѣрка и запорожцевъ повиноваться ему и выслать на встрѣчу посольство; онъ требовалъ чтобы самъ Сѣрко былъ во главѣ этого посольства и привѣтствовалъ его. Любопытна печать, наново выдуманная турками для новаго княжества „Малороссійской Украины", которой былъ запечатанъ вышеизложенный универсалъ: печать изображала человѣка на конѣ съ поднятой рукой, въ рукѣ булава, налѣво корона, а передъ нимъ, на лошадиной головѣ, держава съ крестомъ; у лошади во лбу перо; около коня пѣшій человѣкъ съ мушкетомъ въ рукѣ [7]).

---

[1]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. XIII, № 1, стр. 1—3.
[2]) Ibidem, № 4, стр. 16—17.
[3]) Ibidem, № 5.
[4]) Ibidem, № 6.
[5]) Ibidem, № 5.
[6]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. XIII, № 12, стр. 47—52.
[7]) Ibidem, № 23, стр. 105—111.

Сначала въ Сѣчи не особенно дружелюбно приняли Юраськову грамоту, но потомъ, покричали, пошумѣли, да и надумались: нельзя-ли при помощи Юрка освободить изъ плѣна взятыхъ въ Ладыжинѣ украинцевъ. Въ заключеніе рада постановила отправить къ Юрку трехъ посланцевъ и просить его походатайствовать за плѣнныхъ собратьевъ [1]). Посланцы хотя и были приняты довольно любезно, но ничего не добились. Юрко на прощаніе обѣщалъ имъ устроить дѣло освобожденія плѣнныхъ, но въ результатѣ ничего не добился, потому что не имѣлъ никакого вѣса у турокъ и Ибрагимъ-паша его не послушался [2]). О сношеніяхъ съ Хмельницкимъ Сѣрко далъ знать Самойловичу, который въ отвѣтъ на это прислалъ ему грамоту, въ которой упрекалъ его за то, что онъ такъ не во время вздумалъ заботиться о плѣнныхъ [3]).

Въ Москву Самойловичъ посылалъ просьбу за просьбой о присылкѣ помощи и объ укрѣпленіи Чигирина въ виду наступающей грозы, тѣмъ болѣе, что если не занять Чигирина московскими ратными людьми, то на козаковъ правобережныхъ полагаться не слѣдуетъ [4]). 29 марта послѣдовало назначеніе въ Чигиринъ генерала Афанасія Трауернихта и съ нимъ трехъ стрѣлецкихъ головъ съ ихъ приказами [5]), въ которыхъ количество солдатъ доходило до 20,000 человѣкъ [6]). А Самойловичъ долженъ былъ послать туда 4.000 своихъ козаковъ [7]). Въ то же время въ Москвѣ старались въ точности предугадать, за неимѣніемъ вѣрныхъ свѣдѣній, куда двинется ожидаемое нашествіе. Спрошенный Дорошенко указалъ боярамъ два пути, по которымъ турки могли двинуться къ Кіеву [8]). 24 апрѣля боярину Ромадановскому послана была грамота, чтобы онъ въ виду наступающей грозы ежеминутно готовъ былъ къ походу и безпрерывно сносился бы по этому предмету съ Самойловичемъ. На подмогу имъ назначенъ былъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ [9]). Послѣ этихъ распоряженій дѣло на

[1]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. XIII, № 23, стр. 105—111.
[2]) Ibidem, № 59, стр. 226—228.
[3]) Ibidem, № 23 и 60, стр. 228, 232.
[4]) Ibidem, № 8.
[5]) Ibidem, № 19, стр. 80—92.
[6]) Gordon, т. II, стр. 434.
[7]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. XIII, № 19.
[8]) Ibidem, № 20, стр. 92—94.
[9]) Ibidem, № 74, стр. 275—277.

время затихло и только тянулась какъ всегда безконечная переписка. Сѣрко не шелъ къ Хмельницкому, но ссорился и съ Самойловичемъ, который жаловался на него въ Москву, упрекая его въ измѣнѣ, въ томъ, что онъ, на всѣ его приглашенія прибыть на лѣвый берегъ, отвѣчаетъ отказомъ, мотивируя этотъ отказъ тѣмъ, что онъ боится, какъ бы его подобно Дорошенку не схватили и не отправили въ Сибирь [1]). Но на жалобы эти не обращали особеннаго вниманія, и ограничились только тѣмъ, что заставили Дорошенка написать Сѣрку увѣщевательную грамоту, чтобы онъ вѣрою и правдою служилъ царю, и служба его не пропадетъ за царемъ. Въ примѣръ Дорошенко приводилъ самого себя, который не смотря на всѣ вины былъ прощенъ царемъ и теперь благоденствуетъ [2]).

Относительно движенія турокъ и татаръ получались самыя разнорѣчивыя свѣдѣнія, присылаемыя изъ разныхъ концовъ [3]). Поговаривали, между прочимъ, будто ханъ отказывался идти на войну до слѣдующаго урожая, но что султанъ велѣлъ отправить во всѣ крымскіе порты нѣсколько кораблей съ хлѣбомъ, чтобы отнять у хана возможность отказаться отъ похода [4]). Ему велѣно было идти лѣвымъ берегомъ, по Муравскому шляху, чтобы имѣть возможность добывать себѣ провіантъ [5]). Наконецъ въ половинѣ іюня пришли къ Самойловичу точнѣйшія свѣдѣнія, что Юрко съ турками переправился уже черезъ Днѣстръ и, пославъ впередъ соблазнительные универсалы къ жителямъ Немирова, Умани и Кальника, двигается къ Чигирину и скоро тамъ будетъ [6]). Доносили, кромѣ того, что впередъ, въ качествѣ наказнаго, отправленъ Астаматій, чтобы отобрать согласно договору у поляковъ крѣпости, и что онъ сдѣлалъ уже попытку добиться этого отъ немировскаго гарнизона, но безъ успѣха [7]). Въ то же время Самойловичъ доносилъ въ Москву, что король польскій совѣтуетъ султану, не мѣшкая идти войной на Украину, которую теперь легко покорить [8]). Въ Чигиринѣ между тѣмъ дѣятельно готовились къ оборонѣ. Прибывшіе туда войска сразу принялись за ис-

---

[1]) Акыт Южн. и Зап. Рос., т. XIII, № 45, стр. 174—181.
[2]) Ibidem, № 17, стр. 75—77.
[3]) Ibidem, № 21, 28, 32 и т. д.
[4]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XIII, № 204—207.
[5]) Ibidem, № 34, стр. 146—149.
[6]) Ibidem, № 38, стр. 155—157.
[7]) Ibidem, № 28, стр. 118—125.
[8]) Ibidem, № 34, стр. 146—149.

правленіе укрѣпленій. Они поставили сожженные раньше деревянные палисады, углубляли рвы и траншеи, насыпали новые валы, дѣлали новые лафеты для пушекъ, оставшихся безъ нихъ, устанавливали пушки и вообще дѣятельно приводили крѣпость въ порядокъ [1]). 28 іюля явился одинъ козакъ, который объявилъ, что онъ былъ взятъ раньше турками въ плѣнъ, но потомъ убѣжалъ. Онъ доносилъ, что турки имѣютъ намѣреніе въ три или четыре дня взять Чигиринъ, а затѣмъ идти подъ Кіевъ. Количество ихъ войска, кромѣ татаръ, исчислялось въ 100000 человѣкъ. Козакъ этотъ немедленно былъ отправленъ съ провожатымъ къ Ромадановскому. [2]) 30-го іюля показалось около 150 татаръ которые угнали 100 штукъ скота пасшагося на поляхъ около Чигирина [3]). 3-го августа появилась у Чигирина вся несмѣтная турецкая армія и расположилась съ восточной и южной стороны [4]). О количествѣ турецкаго войска разногласятъ источники, но по извѣстію, которое признается достовѣрнымъ современникомъ Гордономъ, у Шайтанъ-паши было 15000 янычаръ, 30000 турокъ и валаховъ и до 20000 татаръ [5]). Всѣ эти полчища окружили Чигиринъ, стали насыпать валы, шанцы и ставили на нихъ пушки; работа, благодаря массѣ людей, шла очень успѣшно.

Укрѣпленія эти начали возводиться на разстояніи 216 саженей отъ замка. Въ началѣ всѣ силы турокъ обратились на верхній городъ или замокъ [6]). Къ нижнему городу, или „місту,“ въ которомъ сосредоточены были украинскіе жители и козаки, Юрась отправилъ универсалъ, убѣждающій ихъ стоять смирно и не начинать никакихъ военныхъ дѣйствій противъ турокъ, а напротивъ, покориться имъ и ему, Юрасю. За это обѣщалось имъ полнѣйшее сохраненіе ихъ вольностей, правъ и привилегій [7]). Въ ожиданіи результатовъ этого посланія турки не дѣлали нападеній на нижній городъ: а въ верхнемъ городѣ вначалѣ не особенно довѣряли козакамъ, опасаясь чтобы универсалъ Хмельницкаго не произвелъ на нихъ извѣстнаго вліянія [8]).

[1]) Gordon, т. II, стр. 434.
[2]) Ibidem, стр. 435.
[3]) Ibidem.
[4]) Ibidem.
[5]) Ibidem, стр. 448.
[6]) Ibidem, стр. 435—436.
[7]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XIII, № 68, стр. 257 — 258; Gordon, т. II, стр. 436.
[8]) Gordon, т. II, стр. 437.

Наконецъ, въ то время, когда турки въ своихъ траншеяхъ пододвинулись всего на сто саженей отъ города, казакамъ поручено было въ ночь на 6-е августа сдѣлать вылазку на турецкія траншеи. Въ глухую полночь 1000 казаковъ, къ которымъ присоединено было 800 московскихъ ратныхъ людей, тихо вышли изъ города и кинулись убивать сонныхъ турокъ; оружіемъ служили ручныя гранаты и короткія полупики. Множество турокъ было перебито, а со стороны нападающихъ было только убитыми 30, а ранеными 48 человѣкъ [1]). Съ этого дня казакамъ повѣрили и поручили имъ охранять валъ со стороны рѣки [2]); а турки, узнавъ, что въ ночномъ нападеніи на ихъ траншеи принимали участіе и козаки, начали бомбардировать и нижній городъ, потерявъ надежду на то, что универсалъ Юрія возымѣетъ дѣйствіе [3]).

Въ то время, какъ турки осаждали такъ усердно Чигиринъ, бояринъ съ гетманомъ медленно пододвигались къ Днѣпру. 3-го августа послана была изъ Москвы Самойловичу грамота, съ приказомъ немедленно идти на помощь осажденному Чигирину [4]). Того же числа гетманъ отвѣчалъ, что они уже соединились съ бояриномъ, [5]), а 6-го доносилъ что татары подбѣгали уже подъ Каневъ, но такъ какъ ихъ было всего 300 человѣкъ, то они были отбиты; а когда плѣнные языки показали, что турки уже осаждаютъ Чигиринъ, поэтому они и двинулись къ Днѣпру, на помощь осажденному городу [6]).—Тѣмъ не менѣе осада Чигирина продолжалась, а о вспомогательныхъ войскахъ не было извѣстій. Въ осажденномъ городѣ царствовало страшное неудовольствіе, что помощь такъ медленно подвигается. Неудовольствіе это царило и между окрестными жителями. Такъ, сотникъ села Бѣлоозера схватилъ проходившихъ черезъ село московскихъ посланцевъ и держалъ ихъ взаперти до тѣхъ поръ, пока не услыхалъ о приближеніи московско-казацкаго войска [7]) Очевидно, что осажденные очень усердно просили Самойловича о помощи, если 16 августа, отправляя на выручку отрядъ, онъ пишетъ, что и самъ знаетъ, какъ трудно сидѣть въ осадѣ, но что дѣлать, нельзя же войску перелетѣть имъ на

---

[1]) Ibidem; Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XIII, № 73.
[2]) Ibidem.
[3]) Ibidem.
[4]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XIII, № 63, стр. 241—247.
[5]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. X III, № 64, стр. 247, 248.
[6]) Ibidem, № 65, стр. 249—254.
[7]) Ibidem, № 77.

помощь [1]). Отправленный имъ отрядъ, въ количествѣ 2000 человѣкъ, благополучно вошелъ въ городъ съ распущенными знаменами въ виду непріятельскаго войска [2]). Городъ между тѣмъ продолжалъ терпѣть непрерывную осаду. Кромѣ постоянной канонады, турки по своему обыкновенію вели въ городъ три подкопа.

Одинъ изъ этихъ подкоповъ, встрѣтивъ дикій камень, на которомъ построенъ замокъ, былъ пріостановленъ [3]). О второмъ осажденные узнали черезъ одного молдованина, перебѣжавшаго въ городъ. Осажденные, не умѣя рыть контрмины, прорывали надъ мѣстомъ, гдѣ сдѣлана была мина, глубокія отверстія для прохода воздуха, вслѣдствіе чего мина хотя и сдѣлала взрывъ, но не причинила никакого вреда [4]). О третьемъ подкопѣ знали также заранѣе, и лишь только взрывъ произвелъ брешь, она была занята сильнымъ отрядомъ въ 500 человѣкъ, которымъ и удалось отбить турокъ, бросившихся въ отверстіе [5]). Такъ протянулось время до 24 августа. Въ этотъ день осажденные замѣтили, что многіе осаждающіе оставили траншеи, многія палатки были сняты, а нѣкоторыя отодвинуты дальше вглубь лагеря. Изъ этого они заключили, что часть непріятельскаго войска пошла къ Днѣпру, чтобы помѣшать переправѣ подходившаго вспомогательнаго войска [6]). Такъ и было на самомъ дѣлѣ.—Бояринъ съ гетманомъ приблизились къ Днѣпру. Въ этотъ день они стояли еще у Чигиринъ—Дубровы, но потомъ переправились черезъ Сулу и дошли до Днѣпра противъ Бужина, что въ 10 верстахъ отъ Чигирина. Стоя на лѣвомъ берегу, они совѣщались о томъ, стрѣлять-ли по татарскимъ разъѣздамъ, появившимся уже на правомъ берегу, и не занять-ли своими людьми возвышеннаго берега, который вдается въ Днѣпръ треугольникомъ [7]). Покуда они совѣщались, турки заняли весь правый берегъ и начали палить по обозу, засѣвши въ кустахъ. Велѣно было привести суда для переправы, изъ Вороновки и Кременчуга; но противъ мѣста, занятаго турками, Днѣпръ такъ узокъ, что козакамъ пришлось перетащить суда по сухопутью. Въ отвѣтъ на непріятель-

---

[1]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. V, № 106, стр. 144, 145.
[2]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XIII, № 79; Gordon, т. II, стр. 441.
[3]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XIII, № 73.
[4]) Gordon, т. II, стр. 441.
[5]) Ibidem, стр. 443.
[6]) Ibidem, стр. 445.
[7]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. XIII, № 79.

скіе выстрѣлы и съ лѣваго берега принялись стрѣлять изъ всѣхъ имѣвшихся у нихъ пушекъ [1]). Такъ длилась перестрѣлка въ продолженіе 25 и 26 августа. Наконецъ Ромадановскій догадался спустить отрядъ на лодкахъ по Днѣпру и приказалъ ему, миновавъ турецкіе посты, высадиться на берегъ и зайдя съ тылу ударить на турокъ [2]). А сами они въ ночь на 28 августа такъ быстро переправились черезъ Днѣпръ, что турки вдругъ утромъ увидали, что всѣ непріятельскія войска уже на правомъ берегу [3]). Въ день переправы было еще нѣсколько мелкихъ стычекъ, но наконецъ турки обратили тылъ и быстро отступили къ Крылову [4]).—Между тѣмъ у Чигирина продолжалась пальба по городу. 25 августа турки усилили канонаду изъ всѣхъ батарей, какъ по городу, такъ и по замку, какъ бы желая скрыть отъ осажденныхъ, что часть ихъ войска вышла изъ лагеря [5]). На слѣдующій день осажденные замѣтили что осѣдлано множество верблюдовъ и лошадей, и стояли наготовѣ, думая, что турки готовятся къ генеральному штурму [6]). Но штурмъ не начинался; а между тѣмъ 28-го августа по городу сдѣлано было всего нѣсколько выстрѣловъ, да и то изъ небольшихъ пушекъ [7]). Когда на слѣдующее утро осажденные увидали, что турецкій лагерь горитъ и выслали изъ города людей узнать о причинѣ пожара то возвратившіеся объявили, что всѣ траншеи и апроши пусты, и что они нашли тамъ только одного турка, который спалъ, и при томъ былъ такъ глупъ, что не могъ даже объяснить, куда дѣвалось все войско [8]). 29 августа, рано утромъ прибѣжали въ соединенный лагерь 7 козаковъ и объявили, что турки подъ Чигириномъ сожгли свой станъ и ушли по направленію къ Ингулу. Въ тотъ же день бояринъ съ гетманомъ вступили въ Чигиринъ [9]). Прибывъ туда, они тотчасъ отправили сильный от-

---

[1]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XIII, № 80.
[2]) Костомаровъ, т. XV, стр. 558.
[3]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XIII, № 80.
[4]) Ibidem.
[5]) Gordon, т. II, стр. 445.
[6]) Ibidem.
[7]) Gordon, т. II. стр. 445.
[8]) Ibidem, стр. 446.
[9]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XIII, № 82. Подробное описаніе перваго чигиринскаго похода изложено въ донесеніи Самойловича царю, 20 окт. 1677 г., т. XIII, № 88, 361—368.

рядъ въ погоню за отступающимъ врагомъ. Отрядъ догналъ турокъ въ долинѣ между Большимъ и Малымъ Ингуломъ и, сразившись съ ними возвратился съ богатой добычей. Татары повернули къ Бугу и пошли въ свою землю, а турки тоже двинулись восвояси; за ними вслѣдъ былъ посланъ еще одинъ отрядъ, но онъ не засталъ уже турокъ [1]). Побывавъ раза три въ Чигиринѣ и распорядившись, чтобы заровняли всѣ ямы, вырытыя турками, бояринъ и гетманъ 10 сентября возвратились на лѣвый берегъ, оставивъ въ Чигиринѣ подкрѣпленіе и распорядившись о починкѣ крѣпости [2]). Въ Мошнахъ [3]) и Черкассахъ [4]) оставлены были гарнизоны. Въ Черкассахъ стоялъ отрядъ донскихъ козаковъ и запорожцевъ, которые вели себя такъ непристойно, что уже 26 сентября 1677 года Самойловичъ послалъ приказъ компанейскому полковнику Новицкому отпустить ихъ домой [5]). Нашествіе турокъ надолго поселило ужасъ въ сердцахъ населенія. Переселеніе продолжалось массами, такъ что, еще до прихода турокъ, изданъ былъ 19 іюня указъ, чтобы принимать на лѣвый берегъ всѣхъ желающихъ переселиться съ праваго берега [6]). Даже когда непріятель былъ прогнанъ, по Украинѣ разнесся слухъ, что турки ушли только для вида, но что они думаютъ вернуться и овладѣть Чигириномъ. Слухъ этотъ такъ упорно держался и распространялся, что дошелъ даже до Москвы. 17-го октября 1677 года гетманъ отдалъ приказъ компанейскимъ полковникамъ Новицкому и Павловскому отправить за Бугъ мелкіе отряды разузнать, правда-ли это? Покуда они вернутся, самъ Новицкій съ отрядомъ въ 300 человѣкъ долженъ былъ стать въ Каневѣ и разставить своихъ людей въ Мошнахъ, Деренковцѣ, Драбовкѣ и Черкассахъ, для спокойствія жителей. Но слухъ оказался ложнымъ, и 30-го октября Новицкій и Павловскій получили разрѣшеніе возвратиться [7]).

---

[1]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XIII, № 82.

[2]) Ibidem.

[3]) Ibidem.

[4]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. V, № 107, стр. 145.

[5]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. V, № 107, стр. 145.

[6]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. XIII, № 40, стр. 158—160.

[7]) Акты Южн. и Зап. Рос., т. V, № 108, стр. 145—147.

О первомъ чигиринскомъ походѣ, кромѣ процитированныхъ источниковъ, на основаніи которыхъ составленъ предлагаемый очеркъ, вскользь говорится еще въ слѣдующихъ источникахъ. Лѣтоп. Самов., стр. 136—140; Лѣтоп. Грабян., 222—225; Лѣтоп. Величка, т. II, 413—429; Сборн. Лѣтоп., стр. 30, 31; тоже повторяютъ Ригельманъ, Рубанъ, лѣтоп. изд. Бѣлозерскимъ и т. д

Первая чигиринская война и ожиданіе новаго непріятельскаго нашествія вызвали вопросъ о томъ, что дѣлать съ Чигириномъ. По взгляду московскаго правительства слѣдовало городъ этотъ снести, чтобы напрасно не тратить силъ на его оборону. Московское правительство тѣмъ болѣе лелѣяло эту мысль, говоритъ Костомаровъ [1]), что оно не было увѣрено, останется ли за нимъ правый берегъ Днѣпра, на который поляки не переставали предъявлять свои претязанія, и хотя московское правительство отвѣчало, что край ему достался не отъ Польши, а отъ Дорошенка, отдавшаго его во власть туркамъ, однако Польша не прекращала своихъ требованій. Поэтому московское правительство, не будучи увѣрено въ томъ, что край останется за нимъ, не хотѣло даромъ тратиться на поддержку и защиту того, чѣмъ ему не прійдется пользоваться.

Въ концѣ сентября посланъ былъ въ Украину стряпчій Василій Тяпкинъ разузнать мнѣніе старшины о томъ, слѣдуетъ ли разрушить Чигиринъ, или укрѣпить его. Вся старшина единогласно возстала противъ плана уничтоженія этого города. Самойловичъ въ пространныхъ рѣчахъ излагалъ причины необходимости удержать Чигиринъ: онъ указывалъ на историческое нравственное вліяніе Чигирина на малорусскій народъ: „За кѣмъ Чигиринъ, за тѣмъ Кіевъ и вся остальная Украина“;—„такое мнѣніе“, говорилъ онъ, „живетъ въ народѣ“, а поэтому если турки возьмутъ Чигиринъ, то и вся Украина покорится имъ. Если же, съ другой стороны, уничтожить Чигиринъ, то опять таки турки посадятъ на старомъ мѣстѣ Юрка и ему поклонится вся Украина. Тяпкинъ повезъ въ Москву единогласный отвѣтъ, что раззорять Чигиринъ ни въ какомъ случаѣ невозможно, но необходимо оставить его за собой, укрѣпить и усилить его, въ виду возможности новаго нападенія со стороны турокъ [2]). Вслѣдъ за этимъ, по поводу судьбы Чигирина возникла между Самойловичемъ и московскимъ правительствомъ длиннѣйшая переписка; посланъ былъ стольникъ Карандѣевъ, который имѣлъ продолжительныя конференціи съ Самойловичемъ, посылавшимъ черезъ него пространнѣйшія грамоты и т. д. [3]). Въ концѣ концовъ положено было рѣшеніе въ смыслѣ желаній Самойловича и всей старшины, т. е. сохра-

[1]) Костомаровъ, т. XV, стр. 561.
[2]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XIII, № 83, 317—341.
[3]) Ibidem, № 92, стр. 381—411.

нить за собой Чигиринъ и отнюдь не раззорять его. Вся эта волокита обняла промежутокъ времени съ 24 ноября по 18 декабря 1677 года [1]). Разъ принято было такое рѣшеніе, необходимо было его исполнить и озаботиться объ укрѣпленіи Чигирина, тѣмъ болѣе, что еще 29 октября Самойловичъ доносилъ въ Москву, что турки и татары не оставили своего намѣренія овладѣть Чигириномъ, и что съ наступленіемъ весны, новыя силы, вдвое или втрое больше прежнихъ, обрушатся на Украину [2]). Юрка Хмельницкаго турки оставили на зиму въ Волошской землѣ, въ городѣ Сорокахъ, для того, что бы онъ, находясь невдалекѣ отъ Украины, могъ составить себѣ значительное число приверженцевъ изъ козаковъ [3]).

Въ виду такихъ слуховъ и необходимости исполнить принятое рѣшеніе, Москва назначила въ Чигиринъ воеводу Ивана Ржевскаго съ пятью приказами стрѣльцовъ и однимъ драгунскимъ полкомъ [4]), да въ подмогу назначенъ былъ еще генералъ Патрикъ Гордонъ [5]), оставившій намъ весьма любопытныя и цѣнныя записки. Къ Самойловичу посланъ былъ приказъ доставить въ Чигиринъ 2000 четвертей ржи [6]), но онъ, не смотря на то, что такъ сильно настаивалъ на сохраненіи Чигирина, отвѣчалъ въ Москву, что не можетъ доставить этотъ хлѣбъ, потому что для перевозки его отъ Днѣпра потребовалось бы 200 подводъ, а ихъ теперь, при настоящемъ запустѣніи края, достать невозможно [7]). Его обязали доставить этотъ хлѣбъ до Бужина [8]).

Въ то же время, дѣлая приготовленія къ войнѣ, Москва не теряла надежды покончить съ Турціей спорный вопросъ миромъ. Къ роду такихъ попытокъ относится посольство Поросукова въ Турцію, которое окончилось совершенно неутѣшительнымъ результатомъ: Поросукова не пустили даже на глаза султану и прямо заявили, что если царь не уступитъ Турціи Чигирина и Украину, то война неизбѣжна [9]). Къ Самойловичу былъ посланъ приказъ, всякими путями

---

[1]) Ibidem, № 93, стр. 411.

[2]) Ibidem, № 91, стр. 370—381.

[3]) Лѣтопись Самовидца, изд. 1878 г., стр. 140.

[4]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XIII, № 95, 413; тоже повторяютъ всѣ малор. лѣтописи.

[5]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XIII, № 100, стр. 442.

[6]) Ibidem, № 95.

[7]) Ibidem.

[8]) Ibidem, № 118, стр. 509—511.

[9]) Ibidem, № 111, стр. 480—488.

разузнавать о намѣреніяхъ турокъ. Вслѣдствіе такого распоряженія Самойловичъ началъ списываться съ господарями Молдавскимъ и Волошскимъ, прося ихъ доставлять ему свѣдѣнія о намѣреніяхъ и движеніяхъ турокъ [1]). Кромѣ того онъ получалъ свѣдѣнія отъ немировскаго губернатора Куницкаго [2]), и наконецъ отправилъ ватаги изъ охотныхъ полковъ въ степи, чтобы добыть языка и узнать изъ вѣрнѣйшихъ источниковъ о туркахъ. Ватажники наткнулись въ степи на татарскій подъѣздъ, посланный съ такой же цѣлью, какъ и они, и отъ захваченныхъ языковъ узнали, что на мѣсто стараго хана, Селимъ-Гирея, назначенъ новый, Мурадъ-Гирей, и что на весну онъ готовится идти въ походъ противъ Украины [3]). Принимая во вниманіи всѣ эти свѣдѣнія въ совокупности, царь по совѣту съ патріархомъ и боярами издалъ указъ идти князю Ромадановскому къ Днѣпру, на защиту Чигирина; но не начиная военныхъ дѣйствій, попробовать вступить въ переговоры съ визиремъ (тогда было уже извѣстно, что самъ султанъ не пойдетъ на войну, во избѣжаніе неловкаго положенія, въ случаѣ неудачнаго похода [4]) и попробовать доказать ему, что турки не имѣютъ никакого права на Украину; въ случаѣ же, если переговоры ни къ чему не приведутъ, то попытаться защитить Чигиринъ; но если и это не удастся, то сравнять Чигиринъ съ землею, а жителей перевести на лѣвый берегъ; но сдѣлать все это такъ, чтобы не взбудоражить малороссіянъ, а съ султаномъ заключить условіе, чтобы на томъ мѣстѣ не строить никакихъ ни городовъ, ни укрѣпленій [5]). И въ Украинѣ дѣятельно готовились къ встрѣчѣ турокъ; но приготовленія эти были довольно оригинальнаго свойства: архіепископъ, Лазарь Барановичъ, разослалъ по всѣмъ церквамъ приказъ, каждую недѣлю, въ понедѣльникъ, среду и пятницу людямъ постить, и пребывать въ благоговѣйной молитвѣ [6]). Самойловичъ съ своей стороны разослалъ универсалъ ко всѣмъ жителямъ Украины, убѣждая ихъ быть твердыми и вѣрными царю и престолу [7]). Этимъ и ограничились всѣ приготовленія къ встрѣчѣ гроз-

[1]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XIII, № 112, стр. 480—488.

[2]) Ibidem, № 132, стр. 575—582.

[3]) Ibidem, № 134, стр. 584—590.

[4]) Ibidem, № 111.

[5]) Собраніе государ. грам. и договор., т. IV, 357 — 366; Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XIII, № 120, 518.

[6]) Лѣтопись Самовидца,, изд. 1878 г. стр. 141—142.

[7]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XIII, № 107, стр. 459—467.

наго врага. Въ концѣ мая бояринъ и гетманы соединились у Артополота [1]), издѣсь начали давать другъ другу пиры, на которыхъ видимое предпочтеніе оказывалось козакамъ, что сильно озлобляло московскихъ ратныхъ людей [2]).

12-го іюня соединенные войска стояли уже у Лубенъ, а впередъ отправили Косагова съ сильнымъ отрядомъ въ 12000 человѣкъ, съ приказаніемъ выбрать и занять удобное мѣсто на Днѣпрѣ для переправы [3]). Вслѣдъ за ними пододвинулись и главныя силы, узнавъ что 1-го іюля непріятель уже подошелъ къ Бугу. Но переправа состоялась не въ томъ мѣстѣ, которое выбралъ Косаговъ: предводители разсчитали, что если они переправятся на томъ мѣстѣ, то имъ долго придется идти къ Чигирину лѣсами и болотами. Они поднялись до Бужина и здѣсь началась переправа. Судовъ для переправы было заготовлено очень много, но количество войска было такъ велико, что переправа длилась цѣлыхъ четыре дня [4]). Въ то время, какъ войско уже находилось на правомъ берегу и было настолько близко, что не только могло помочь Чигирину, но моглобы прямо таки отвратить отъ него турецкое нападеніе, вдругъ полученъ былъ Ромадановскимъ указъ, не двигаться съ мѣста и ожидать прибытія князя Каспулата Мацуловича Черкасскаго съ калмыками [5]). Давно ожидаемые калмыки явились только 28 іюля, да и то не въ такомъ количествѣ, какъ ожидали [6]), а войска потеряли около мѣсяца драгоцѣннаго времени, оставаясь въ бездѣйствіи въ то время, какъ турки усердно осаждали Чигиринъ.

Теперь посмотримъ, что въ это время происходило въ Чигиринѣ. Назначенные туда воевода Ржевскій и генералъ Патрикъ Гордонъ прибыли въ концѣ апрѣля и, начиная съ этого времени, вплоть до самаго прихода турецкихъ силъ, Гордонъ дѣятельно занимался приведеніемъ въ порядокъ чигиринскихъ укрѣпленій [7]). Число гарнизона чигиринскаго, по исчисленію Гордона, превосходило 11500 человѣкъ [8]).

---

[1]) Gordon, т. II, стр. 467.
[2]) Ibidem, стр. 468.
[3]) Ibidem, стр. 545.
[4]) Gordon, т. II, стр. 546.
[5]) Ibidem, стр. 547.
[6]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XIII, № 151; Gordon, 547.
[7]) Gordon, т. II, 464—480.
[8]) Ibidem, 480.

Онъ устроилъ съ Москвой эстафетное сообщеніе, такъ что о всякихъ происшествіяхъ сообщалось туда. 8-го іюля появились у Чигирина передовые отряды турокъ, и въ первой стычкѣ, происходившей въ тотъ же день, палъ Серденецкій полковникъ Рубанъ. 9-го числа начали мало-по-малу прибывать турецкія полчища, и къ вечеру вся равнина передъ Чигириномъ на протяженіе почти десяти верстъ была густо покрыта турецкимъ лагеремъ [1]). По исчисленію одного перебѣжчика—Серба, количество непріятельскихъ войскъ простиралось до 55000 человѣкъ, кромѣ массы погонщиковъ и войсковой прислуги. Эта сильная армія была прекрасно вооружена и обучена, артиллерія находилась въ превосходномъ порядкѣ и вообще Чигирину угрожала большая опасность [2]).—На другой день отправлены были въ городъ два письма: одно къ московскимъ ратнымъ людямъ, а другое къ козакамъ; они написаны были въ стереотипной формѣ подобныхъ писемъ, и увѣщевали адресатовъ покориться и сдать городъ непобѣдимымъ войскамъ падишаха [3]). Письма эти не произвели ни малѣйшаго дѣйствія, и съ 10 іюля началась осада, длившаяся цѣлый мѣсяцъ. Турки по своему обыкновенно рыли траншеи, насыпали валы, шанцы, подводили мины и всю эту работу сопровождали безпрерывно канонадой, которая приносила страшный вредъ жителямъ. Въ отвѣтъ на турецкіе выстрѣли осажденные не могли отвѣчать такимъ же удачнымъ огнемъ: и пушки и пушкари были у нихъ гораздо хуже. Они могли только похвалиться, что съ большимъ успѣхомъ тушили пожары, вызванные гранатами. Такъ проходили дни за днями, а вспомогательныя войска не показывались, только въ городъ успѣли войти 1200 солдатъ ахтырскаго полка и 1000 человѣкъ серденятъ [4]).—А соединенное московско-козацкое войско все еще стояло у Днѣпра. 12-го іюля на нихъ напалъ присланный изъ подъ Чигирина турецкій отрядъ, но былъ отбитъ; и затѣмъ въ продолженіе пяти дней, отъ 15-го до 20-го іюля, между ними происходили незначительныя стычки, почти всегда оканчивавшіяся побѣдою русскихъ [5]). Они все ждали прибытія Черкасскаго. Наконецъ, 28 іюля онъ прибылъ, и на третій же день послѣ его прихода рѣшено было двигаться къ Чигирину.—Между тѣмъ

[1]) Gordon. т. II, стр. 482—483.
[2]) Ibidem, 483.
[3]) Ibidem, 487—488.
[4]) Ibidem, 489.
[5]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XIII, № 149, стр. 643—647.

въ Чигиринѣ становилось все труднѣе и труднѣе держаться. Турки бомбардировали городъ такъ усердно, что невозможно было успѣвать даже тушить пожары. 29 и 30 іюля произошло подъ рядъ два взрыва въ городѣ, но, благодаря предусмотрительности генерала Гордона, бреши, произведенныя этими взрывами, были во время завалены и турки отбиты отъ укрѣпленій [1]). День за днемъ посылали осажденные въ лагерь къ Ромадановскому, сообщеніе съ которымъ не прерывалось [2]), просьбы скорѣе приходить на помощъ, но онъ не показывался по извѣстной уже причинѣ.—Наконецъ, 2-го августа въ виду осажденныхъ, Капланъ-паша двинулся на встрѣчу подходящему соединенному войску [3]). Турки заняли высоты, окаймляющія долину, тянущуюся отъ самаго Днѣпра. Для того, чтобы добраться до Чигирина, необходимо было перейти черезъ эти горы. Турки на этихъ высотахъ установили артиллерію и начали палить въ подходящее войско. Первая попытка сбить турокъ съ позиціи не удалась, но 3-го августа рѣшено было ударить на нихъ всѣми силами. Раздѣливши свое войско на нѣсколько отрядовъ, бояринъ и гетманъ двумя крыльями ринулись на высоты. Первымъ взошелъ туда отборный отрядъ подъ начальствомъ генераловъ Шепелева и Коровкова. Первый палъ въ бою. 500 человѣкъ пѣхоты со всѣхъ сторонъ окружены были турками, и только благодаря напору стрѣльцовъ съ лѣваго крыла, удалось разогнать турокъ. Подъ конецъ на нихъ ударила конница и это довершило побѣду русскихъ. Турки въ безпорядкѣ побѣжали за Тясминъ, а ихъ преслѣдовали исконные враги крымцевъ—калмыки. Побѣжденные турки, перебѣжавши за Тясминъ, сожгли всѣ мосты, заранѣе устроенные на этой рѣкѣ. Много трофеевъ, въ томъ числѣ 28 пушекъ, досталось въ руки побѣдителей. Въ этомъ бою, продолжавшемся какихъ-нибудь три часа, пало по исчисленію Гордона до 8000 турокъ и около 1500 русскихъ и козаковъ [4]). Но побѣдители не сумѣли воспользоваться своей побѣдой. Въ тотъ день, когда они

---

[1]) Gordon, т. II, стр. 496–506.

[2]) Ibidem.

[3]) Ibidem, стр 507.

[4]) Описаніе этого боя составлено на основаніи слѣдующихъ источниковъ: Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XIII, № 151, 650—653; Gordon, т. II, 547—551; Лѣтоп. Самов., стр. 142—144; Кратк. Опис. Малор., стр. 283; Лѣт. Величко, т. II, 456—459; Лѣтоп. Граб., стр. 226–227; Лѣтоп. Боболинскаго. т. II, 305–308; Лѣтоп. Рубана, Лѣтоп. Бѣлозерскаго, Ригельмана и др.

такъ удачно разбили враговъ, турки въ Чигиринѣ взорвали двѣ мины, и черезъ брещи бросились въ городъ. На бреши встрѣтили ихъ защитники и послѣ полуторачасоваго жаркаго боя, имъ удалось отбить нападеніе [1]); но въ этотъ день, осколкомъ гранаты, былъ убитъ воевода Иванъ Ивановичъ Ржевскій [2]); командованіе перешло къ Гордону, который продолжалъ энергично вести оборону города, посылая ежедневно къ Ромадановскому просьбы ударить на турокъ.

Между тѣмъ бояринъ и гетманъ, переночевавъ послѣ одержанной побѣды, на другой день переправились черезъ Тясминъ и стали лагеремъ въ одной милѣ отъ Чигирина.—Мы не будемъ день за днемъ слѣдить за ходомъ военныхъ дѣйствій, скажемъ только, что вплоть до 11 августа Ромадановскій и гетманъ простояли въ бездѣйствіи подъ стѣнами осажденнаго Чегирина, не обращая вниманія на постоянныя просьбы и представленія Гордона о томъ, что если ударить теперь на турокъ, то легко можно ихъ прогнать. Вся помощь со стороны Ромадановскаго ограничивалась посылкой отдѣльныхъ вспомогательныхъ отрядовъ, которые ничего не достигали [3]). Роковымъ днемъ для Чигирина было 11 августа. Въ часъ пополудни взорвало мину, подведенную подъ валъ нижняго города. Находившіеся тамъ козаки, въ числѣ 500, всѣ погибли; другіе же, находившіеся далеко отъ мѣста взрыва, бѣжали: однихъ взрывъ засталъ спящими, а другихъ пьяными. Въ ужасѣ козаки бросились на мостъ, ведущій къ войсковому обозу; но тамъ ихъ сторожили турки, заранѣе пробравшіеся туда, черезъ болото. Мостъ былъ подпиленъ, подломился и масса козаковъ погибла. Въ нижній городъ, черезъ брешь, ворвались турки и поддерживали начавшійся отъ взрыва пожаръ. Находившіеся въ нижнемъ городѣ серденята бѣжали въ замокъ. Всѣ усилія Гордона отстоять погибавшій Чигиринъ ни къ чему не вели; никто ужъ его не слушалъ. Одинъ стрѣлецкій голова подошелъ къ нему и передалъ, что къ замку подходилъ посланецъ отъ боярина—но въ замокъ пройти не рѣшался— и передалъ словесное приказаніе боярина вывести гарнизонъ изъ верхняго города. Но Гордонъ остался непреклоненъ въ своемъ рѣшеніи и отвѣчалъ, что онъ не покинетъ города впредь до полученія

---

[1]) Gordon, т. II, стр. 508—510.

[2]) Gordon, т. II, 510; Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XIII, № 154, стр. 679; Лѣтоп. Самов., изд. 1878 г., стр. 144.

[3]) Gordon, т. II, стр. 512—530.

письменнаго приказа, и другимъ также не позволитъ сдѣлать этого. Чтобы убѣдить всѣхъ, что онъ говоритъ искренно, Гордонъ велѣлъ подать себѣ ужинать и поставить на столъ свой серебряный сервизъ. Въ 10 часовъ вечера доставленъ былъ письменный приказъ Ромодановскаго, вывести изъ замка гарнизонъ. Забравши съ собой пушки, и что полегче, а остальное закопавши въ землю, Гордонъ объявилъ объ этомъ приказѣ офицерамъ, собственноручно поджегъ магазины съ запасами и аммуниціей, и хотѣлъ уже дать сигналъ къ отступленію, какъ вдругъ стрѣльцы и ратные люди, съ крикомъ, побросавъ оружіе, побѣжали въ станъ. Турки гнались за ними и убивали массами. Самъ Гордонъ, съ саблей въ одной рукѣ и съ пистолетомъ въ другой, съ большимъ трудомъ пробился въ станъ. Первыя его слова при встрѣчѣ съ Ромадановскимъ, заключали въ себѣ упрекъ за то, что онъ во время, всѣми своими силами не ударилъ на турокъ и не спасъ городъ. Послѣ свиданія съ Ромадановскимъ, Гордонъ зашелъ къ своему земляку полковнику Бурнету, и вдругъ услышалъ страшный шумъ и трескъ въ оставленномъ городѣ. Оказалось, что взорвало пороховой магазинъ, и отъ этого взрыва, какъ узнали впослѣдствіи, погибло болѣе 4000 турокъ, поспѣшившихъ, послѣ выхода русскихъ, занять опустѣвшій городъ [1]).

12-го августа 1677 года началось отступленіе русскихъ войскъ отъ Чигирина. Построившись въ боевой порядокъ, съ обозомъ, огражденнымъ возами, отступали русскіе къ Днѣпру. Въ погоню за ними бросились турки и татары, но нападенія ихъ ни къ чему не приводили. Когда же войскамъ приходилось проходить черезъ лѣсистыя и болотистыя мѣста, то нападенія возобновлялись, но никакого ощутительнаго вреда русскимъ не приносили. Дойдя до Бужина, русскіе заняли свои старые окопы и хотѣли было уже переправляться, но оказалось что сзади, благодаря ихъ оплошности, турки заняли часть этихъ окоповъ отъ Днѣпра и палили въ обозъ. Пришлось отложить намѣреніе, и только бояринъ и гетманъ отправили на тотъ берегъ отряды ловить всѣхъ бѣжавшихъ изъ табора—а такихъ было очень много, и тотчасъ же наказывать плетьми. Такъ шли дѣла вплоть до 20 августа. Когда турки увидали, что всѣ ихъ усилія ни

[1]) Описаніе погибели Чигирина составлено на основаніи слѣдующихъ источниковъ: Акт. Южн. и Зап. Россіи, т. XIII, № 156, 681—661; Gordon, т. II. 530—545; Лѣт. Самов., изд. 1878 г., 144—145; Лѣтоп. Величка, т. II, 459—463; Лѣтоп. Граб., 228; тоже повторяютъ и другія малор. лѣтописи.

къ чему не приводятъ, они отступили и пошли обратно къ Чигирину, а оттуда ушли восвояси. Русскіе войска, благополучно переправившись черезъ Днѣпръ, разошлись по домамъ. Ромадановскій ушелъ въ Великороссію, а Самойловичъ распустилъ бывшіе съ нимъ полки; но въ виду угрожающихъ слуховъ о намѣреніяхъ Юрка вторгнуться съ татарами на лѣвый берегъ, собралъ къ оружію новые полки [1]). Я не стану входить въ критику того, справедливы-ли слухи, разошедшіеся по Малороссіи, будто Ромадановскій не защищалъ Чигирина нарочито, заинтересованный возвратомъ изъ плѣна сына своего Андрея, захваченнаго 10 лѣтъ тому назадъ татарами въ битвѣ подъ Гайворономъ противъ Суховѣя [2]). Величко сообщаетъ, что визирь обѣщалъ возвратить ему сына, въ томъ случаѣ, если Чигиринъ будетъ взятъ турками; въ противномъ случаѣ грозилъ прислать ему голову сына, набитую сѣномъ [3]).

Съ раззореніемъ Чигирина на время прекращается историческая жизнь праваго берега, въ смыслѣ какихъ-нибудь активныхъ проявленій ея. На время въ ней утверждается Юрій Хмельницкій; поддерживаемый турками, онъ укрѣпляется въ Немировѣ, разсадивъ своихъ приверженцевъ въ Корсунѣ и Кальникѣ; дѣлаетъ набѣги, при помощи татаръ, на лѣвый берегъ, съ цѣлью возвратить бѣжавшихъ жителей на опустѣвшій правый берегъ, это ему не удается, и къ 1679 году, край, послѣ похода Семена Самойловича, совершенно пустѣетъ [4]). Населеніе во всѣхъ этихъ перипетіяхъ играетъ совершенно пассивную роль: пассивно покоряется оно сначала Юрку, а затѣмъ также пассивно, по приказу Самойловича, все поголовно переселяется на лѣвый берегъ. Юрко продолжаетъ жить въ опустѣломъ краѣ вплоть до 1681 года, а съ этихъ поръ имя его безслѣдно исчезаетъ изъ исторіи. По сообщенію Величка, онъ былъ казненъ въ Каменцѣ, по жалобѣ одного еврея Оруна на слишкомъ жестокое обращеніе съ оставшимся населеніемъ [5]). Быть можетъ онъ и былъ каз-

---

[1]) Описаніе отступленія составлено на основаніи: Акт. Юж. и Зап. Рос., т. XIII, № 156, 681—691; Gordon, т. II, 552—558; Лѣтоп. Самов. изд. 1878 г., 145; Лѣт. Величка и др.

[2]) Лѣтоп. Самов. изд. 1878 г., 145; Лѣт. Величка и др.

[3]) Лѣт. Величка, т. II, стр. 466—467.

[4]) Лѣтоп. Самов., стр. 145—149; Ак. Юж. и Зап. Рос., т. XIII, № 158—169; Костомаровъ, т. XV, стр. 587—621.

[5]) Лѣт. Величка, т. II, стр. 546, 547.

ненъ, но во всякомъ случаѣ не въ Каменцѣ, потому что въ октябрѣ 1681 года встрѣтилъ Юрія Хмельницкаго, ведомаго по дорогѣ въ Константинополь, посланный въ Турцію шляхтичъ Голочевскій [1]).

Мы не станемъ вдаваться въ подробное описаніе всѣхъ этихъ перипетій—онѣ совершенно не относятся къ нашему вопросу, а постараемся шагъ за шагомъ прослѣдить постепенное запустѣніе Западной Украины. Первыя попытки переселенія малорусскія лѣтописи относятъ къ 1659 году, т. е. ко времени избранія Юрія Хмельницкаго на гетманство. Такъ, по сообщенію лѣтописи Грабянки: „Зо всего Заднѣпра, даже изъ за Днѣстра люди безчисленнiи на сюю сторону Днѣпра для завсегда тамъ будучихъ отъ ляховъ и татаръ войнъ, подъ царскую руку пущенни.“ Переселенцы эти, по словамъ той же лѣтописи, заселили такъ называемую слободскую Украину и были раздѣлены на пять полковъ съ обыкновенными войсковыми правами [2]). И такъ первыя переселенія начались благодаря борьбы съ Польшей и всѣ дальнѣйшія перипетіи этой борьбы, со всѣми ея послѣдствіями привели въ совершенное запустѣніе богатый край. На нѣкоторое время переселенія утихли—по крайней мѣрѣ никакихъ свѣдѣній мы объ этомъ не имѣемъ. Снова же переселеніе это началось, или быть можетъ оно и не прекращалось, а только достигло очень значительныхъ размѣровъ послѣ послѣдней попытки Польши овладѣть лѣвобережной Украиной, когда Тетеря и поляки принуждены были огнемъ и мечемъ водворять польскій авторитетъ на правомъ берегу.—Въ V-мъ томѣ актовъ Юж. и Зап. Россіи, имѣемъ массу свѣдѣній о томъ, какъ жители городовъ Корсуня, Черкассъ, Бѣлой Церкви и другихъ „нестерпимаго ради гоненія лядскаго“, массами бѣжами за Днѣпръ, чтобы хоть тамъ освободиться отъ ненавистной власти ляховъ, и найти тихую и безопасную жизнь [3]).—Наступившая вслѣдъ за этимъ несчастная эпоха Дорошенка еще больше усилила переселенія. Татары, которые даровали ему власть, разгуливали свободно по Украинѣ, убивая и уводя массами въ плѣнъ жителей. Къ іюню 1666 года переселенія до того усилились, что принудили Брюховецкаго донести объ этомъ въ Москву [4]). И теперь еще

---

[1]) Grabowskij, Ssaroż. hist. Polskie, m. II, стр. 528.
[2]) Лѣт. Граб., стр. 171; Сборн. Лѣтоп. изд. 1888, стр. 19.
[3]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. V.
[4] Костомаровъ, т. XV, стр. 123.

переселенцы всю вину невозможности жить на правомъ берегу всецѣло сваливали на поляковъ [1]). Опять на время прекратилось переселеніе въ промежутокъ изложенной нами подготовительной дѣятельности Дорошенка, когда престижъ его въ народѣ былъ великъ и народъ возлагалъ на него всѣ свои надежды. Но не долго продолжалась это счастливая эпоха въ жизни правобережной Украины. Обстоятельства, уже изложенныя нами, заставили Дорошенка пойти на союзъ съ Турціей, который былъ роковымъ для праваго берега. Переселенія снова начались и, постепенно усиливаясь, вызвали процитированный уже нами, универсалъ Дорошенка, изданный въ 1672 году [2]). Помимо движенія на лѣвый берегъ, народонаселеніе уменьшилось, благодаря присутствію въ краѣ союзной татарской силы которая расходясь во всѣ стороны загонами, опустошала край, уводя массами въ плѣнъ жителей. Къ сожалѣнію мы не имѣемъ точныхъ цифровыхъ данныхъ для того, чтобы наглядно изобразить, какъ быстро исчезало населеніе, но, принимая во вниманіе цифры, приведенные польскими источниками, относительно двухъ только загоновъ, изъ которыхъ одинъ былъ разбитъ Ханенкомъ [3]), а другой Собѣсскимъ [4]), можно смѣло сказать, что населеніе, путемъ захвата въ плѣнъ, исчезало десятками, даже сотнями тысячъ. Самъ Дорошенко отдавалъ цѣлыя мѣстечки и села на разграбленіе татарамъ, въ наказаніе за то, что они покорились полякамъ. Интересенъ одинъ эпизодъ, относительно города Кальника. Турки, получивъ въ свое владѣніе Подолію, вдругъ объявили Кальничанамъ, что они могутъ выселяться куда угодно изъ города, такъ какъ самый городъ имъ необходимъ [5]). Мы не знаемъ, достигло ли результатовъ это искусственное выселеніе, но оно могло имѣть весьма угнетающее вліяніе на населеніе, и еще болѣе способствовало росту переселенія или „мандрівки“. Переселенцы получили даже спеціальный терминъ „прочанъ“. Въ 1673 году страсть къ выселенію охватила даже мѣста, подвластныя Польшѣ, т. е. Волынь и Полѣсье. Такъ, около Любара, поляки остановили огромную партію „прочанъ“ и завернули ее вспять, не смотря на протесты Дорошенка, который самъ, по всей вѣроятности, думалъ не допустить ихъ до Днѣпра, а

[1]) Костомаровъ, т. XV, стр. 123.
[2]) Кіев. Стар. 1887 г. февраль.
[3]) Oyczyste spom., m. II, стр. 183.
[4]) Ibidem, стр. 185.
[5]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XII, № 54.

поселить на своей пустѣющей территоріи [1]).—Послѣ ухода Ханенка на Запорожье, многіе жители уманскаго полка покинули, по выраженію лѣтописца, „свои красніи жилища, угодія и всякія изобилія, съ великимъ жалемъ“ и переселились подъ высокую царскую руку [2]). Дальнѣйшія событія еще больше увеличили переселенія и разрѣжали и безъ того уже не густое населеніе. Первый походъ Самойловича на правый берегъ повлекъ за собой переселеніе массы жителей на лѣвый берегъ. Толпы „прочанъ“ являлись въ станъ къ предводителямъ лѣвобережнаго войска, и вслѣдъ за ними переправлялись на лѣвый берегъ [3]). Много усиливало переселеніе жестокое обращеніе Дорошенка съ жителями отдавшихся Москвѣ, а потомъ снова попавшихъ въ его руки городовъ и мѣстечекъ. Бурею пронеслось по Украинѣ второе вторженіе турокъ на помощь Дорошенку. Снова гибли жители—одни въ бою, другіе угоняемые въ плѣнъ безжалостными татарами! Развалины Ладыжина и Умани погребли подъ собой массу народа. Есть извѣстіе, что при взятіи Умани погибло болѣе 40000 человѣкъ [4]). Вмѣстѣ съ этимъ городомъ, опустошены были и его окрестности [5]). Дорошенко снова отдавалъ на разграбленіе татарамъ измѣнившія ему мѣстечки и села. Переселеніе достигло своего апогея. Опустѣлъ Крыловъ [6]), опустѣла совершенно Лисянка, этотъ сильный городъ, испытавшій такъ много и видѣвшій столькихъ враговъ подъ своими стѣнами [7]). Еще раньше, до прихода турокъ, вслѣдствіе вторженія поляковъ обезлюдѣло Побужье и Поднѣстровье [8]). Дорошенко то издавалъ универсалы, убѣждая жителей не переселяться [9]), то снова нападалъ на „прочанъ“ съ оружіемъ и жестоко наказывалъ и отдавалъ повѣрившія ему мѣстечки и села на жертву татарамъ [10]). Многіе жители доходили до такого отчаянія, что даже не пробовали переселяться, а просто сожигали свои дома и жилища пускались въ „волокіту“ „на мандрівку“ [11]). Такіе, конечно, мас-

[1]) Oyczyste spom., т. II, стр. 215.
[2]) Лѣтоп. Величка, т. II, стр. 340.
[3]) Костомар., т. XV, стр. 457.
[4]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XI, № 201.
[5]) Лѣтоп. Величка, т. II, стр. 355.
[6]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XII, № 10.
[7]) Кратк. Опис. Малороссіи, стр. 278.
[8]) Костомаровъ, т. XV, стр. 446.
[9]) Ibidem, стр. 485.
[10]) Ibidem, стр. 486.
[11]) Ibidem.

сами гибли въ той пустынѣ, которая начала образовываться изъ нѣкогда богатой и плодоносной Украины. Многіе въ отчаяніи бѣжали въ орду и отдавались въ плѣнъ татарамъ; такъ, Андрей Дорошенко воротилъ 3000 человѣкъ, которые сожгли свои села и шли въ орду [1]). Послѣ новаго вторженія поляковъ въ 1675 году, еще сильнѣе началось переселеніе. Такъ, жители Корсуня, съ своимъ полковникомъ Кандыбой во главѣ, переселились на лѣвый берегъ, и ихъ примѣру послѣдовали жители Мошенъ, а поляки вошли въ опустѣвшій городъ и сожгли его [2]). Палъ Дорошенко—новой грозой пронеслись по Украинѣ два Чигиринскіе похода, уничтожая, или обращая въ бѣгство остатки густого нѣкогда населенія. Доставшійся Юрку край былъ уже такъ пустъ, что онъ счелъ необходимымъ сдѣлать набѣгъ на лѣвый берегъ и переселить оттуда обратно 3000 человѣкъ въ окрестности Жаботина [3]). Погибъ Каневъ, не хотѣвшій сдаться Юрку. Его полковникъ Пушкаренко озаботился перевести жителей съ ихъ семьями на лѣвый берегъ, а остальныхъ турки уничтожили и самый городъ сожгли [4]).—Московское правительство и преданный ему Самойловичъ усердно поддерживали это переселеніе. На берегу Днѣпра поставлены были охотницкіе полки, которые, встрѣчая прочанъ, указывали имъ дорогу, куда идти [5]). Издавались указы принимать всѣхъ, желающихъ перейти на лѣвый берегъ [6]). Наконецъ, въ 1679 году, Семенъ Самойловичъ, сынъ гетмана, совершилъ походъ на правый берегъ, и перевелъ оттуда всѣхъ остававшихся еще жителей на лѣвый берегъ. Такимъ образомъ совершенно опустѣли—Чигиринъ, Черкассы, Жаботинъ, Мошны, Драбовка, Триполье, Ржищевъ и другіе [7]).

Вмѣстѣ съ посполитымъ населеніемъ исчезало и козачество. Послѣ ухода Ханенка въ 1675 году, новый польскій король Собѣскій, назначилъ съ своей стороны козацкимъ гетманомъ Евстафія Гоголя, покорившагося Польшѣ [8]). Но казаки не укрѣпились въ

---

[1]) Костомаровъ, т. XV, стр. 486.

[2]) Лѣт. Самовидца, стр. 127; Акты Зап. Россіи, с. V, стр. 135; Антоновичъ, Послѣд. время козачества, стр. 18.

[3]) Костомаровъ, т. XV, стр. 594.

[4]) Акты Зап. Рос., т. V, стр. 150, 151; Лѣтоп. Самов., стр. 146.

[5]) Акты Зап. Рос., т. V, № 96, стр. 131.

[6]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XIII, № 40, стр. 158—160.

[7]) Лѣт. Самов., изд. 1878 г., изд. 1878 г., 147; Лѣт. Грабянки, 230; Сборн. Лѣтоп., изд. 1888 г., 31; и остальн. лѣтоп.; Костомаровъ, т. XV, 600—604.

[8]) Zaluski, т. I, ч. 1, стр. 569.

Брацлавщинѣ, потому что она вмѣстѣ съ своимъ городомъ Брацлавомъ пришла въ такое же запустѣніе, какъ и остальная Украина. Козаки, приверженные Польшѣ, должны были оттуда уйти, и Польша поселила ихъ въ Дымерскомъ староствѣ на Полѣсьи, которое досталось ей отъ Турціи по Журавницкому договору [1]) и единственно изъ всей Украины осталось заселеннымъ. Польша обязалась давать своимъ козакамъ жалованье и сукно на одежду [2]). Но козаки, лишенные родины, не долго оставались на службѣ у Польши. Вскорѣ большинство ихъ перешло на лѣвую сторону и подчинилось Самойловичу [3]). 5-го августа 1679 года скончался Гоголь [4]), послѣ смерти котораго Польша уже не сочла нужнымъ назначать новаго гетмана. Ничтожное количество оставшихся въ Дымерѣ козаковъ пополнялось всякимъ сбродомъ. Ихъ было такъ мало, что получая жалованье изъ земскихъ сборовъ Кіевскаго воеводства, стоили они этому послѣднему только 1000 злотыхъ. Эти козаки сохранили только свое имя, а въ сущности находились на службѣ у шляхтичей Кіевскаго воеводства, которые употребляли ихъ на то, чтобы насильственнымъ путемъ собирать подымную и пошеляжную подать съ шляхты, не желавшей ее платить [5]). Роль этихъ козаковъ состояла еще въ томъ, что они нанимались то къ тому, то къ другому шляхтичу, помогали имъ въ наѣздахъ другъ на друга и вообще поддерживали ихъ шляхетскія безобразія. Такъ, дворяне Любовицкій и Издебскій напали на имѣніе Карла Тишкевича, мѣстечко Бышевъ, въ его отсутствіе, и разграбили дотла. Въ подвигѣ этомъ участвовало 30 дымерскихъ козаковъ [6]). Паны Немиричи, нанявъ дымерскихъ козаковъ, напали на кармелитскій Оливскій монастырь; панъ Пасербовичъ напалъ, съ помощью тѣхъ же козаковъ, на имѣніе Сапѣги, Чернобыль и т. д. [7]). Это ничтожное полушляхетское ополченіе—вотъ все, что осталось въ Украинѣ отъ многочисленнаго и сильнаго когда-то козацкаго войска. Такимъ образомъ, соединенныя усилія поляковъ, турокъ и Самойловича, сильно помогавшаго переселенію, превратили въ совершенную пустыню бога-

---

[1]) Ibidem.

[2]) Лѣт. Грабянки, 222; Лѣт. Рубана, 125; Лѣт. Самовидца, 133; Сборн. Лѣт., изд. 1888 г., стр. 30.

[3]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XIII, № 94, стр. 411, 712.

[4]) Лѣтоп., изд. Бѣлозер., 119; Максимовичъ, т. II, 276.

[5]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, № 3, стр. 6—13.

[6]) Ibidem, № 4, стр. 13—19.

[7]) Ibidem, № 5. 20—24; № 6, 25—32; № 7, 32—35.

тый и густо населенный когда-то край. Мы имѣемъ два краснорѣчивыя свидѣтельства, подтверждающія наше мнѣніе, двухъ очевидцевъ, видѣвшихъ западную Украину черезъ двадцать лѣтъ, когда обратная колонизація уже начала заселять пустыню. Вотъ что говоритъ Іоаннъ Лукьяновъ, путешественникъ во Святую землю въ 1700—1701 году [1]). Приводимъ дословно его описаніе: „и поидохомъ въ степь глубокую (изъ Паволочи въ Немировъ) и бысть намъ сіе путное шетсвіе печально и унылово, бяше бо видѣти ни града, ни села; аще бо и быша прежде грады красны и нарочиты села видѣніемъ—но нынѣ точію пусто мѣсто и ненаселяемо, не бѣ видѣти человѣка. Пустыня велія и звѣрей множество.... и земля зѣло угодна и хлѣбородна... и поидохомъ тою пустынею пять дней, ничтоже видѣхомъ отъ человѣка“ [2]). Довольно пустынное мѣсто, на которомъ, на протяженіи 5-ти дней пути, нельзя встрѣтить живой души.—А вотъ другое свидѣтельство такого-же очевидца, автора лѣтописи Величка, проходившаго по этой пустынѣ съ ополченіемъ во время войны съ шведами: „Проходя тогобочную иже отъ Корсуня и Бѣлой Церкви малороссійскую Украину, видѣхъ многіе грады и замки безлюдніе и пустіе вали, надись трудами людскими, аки горы и холми висипаніе, и толко звѣремъ дикимъ прибѣжищемъ и водвореніемъ сущіи. Мури зась яко то въ Гаманскомъ, въ Константиновѣ... видѣхъ едни малолюдніе, другіе весьма пустіи развалeніе къ землѣ прилпнувшіе, зплѣсняніе, непотребнимъ биліемъ заросліе, и тилко гноздящихся въ себѣ зміевъ и розныхъ гадовъ и червей содержащіе. Поглянувши паки видѣхъ пространніе тогобочніе поля и роспстіе долины, лѣси и обширніе садове, и красніе дубрави, рѣки, стави і езери запустѣліе, мхомъ поросшіе и непотребною ляданою заросліе... Видѣхъ же къ тому на розныхъ тамъ мѣстцахъ много костей человѣческихъ, сухихъ и нагихъ, тилко небо покровъ себѣ имущихъ, и рекохъ во умѣ: кто суть сія?—Тѣхъ всѣхъ, еже рѣхъ, пустихъ и мертвихъ насмотрѣвшися, поболѣхъ сердцемъ и душею, яко красная и всякими благами прежде изобиловавшая земля... во область пустынѣ Богомъ оставлена и насельници ея славніе предки наши безвѣстно явишася“ [3]). Обращенная въ пустыню Украина не интересна была никому,—всѣ госу-

---

[1]) Антоновичъ, Послѣдн. вр. козач., стр. 11, примѣч. 1.
[2]) Русскій Арх. 1863 г., стр. 47.
[3]) Лѣтоп. Величка, т. I, стр. 4—5.

дарства, боровшіяся изъ за нея, теперь готовы были отъ нея отказаться, но всѣмъ было интересно, чтобы она была нейтральна, никому не принадлежала; этимъ упразднялся спорный вопросъ изъ за обладанія ею.—Въ договорѣ, заключенномъ между Россіею и Турціею въ Бахчисараѣ 1681 года, сказано было: „А Кіевъ городъ, съ принадлежащими его изстари предѣлами и городками, и раззоренные городки Васильковъ, Триполье и Стайки, подъ его царскою державою быти, и отъ Кіева до Запорогъ, по обѣ стороны Днѣпра, городовъ и городковъ не дѣлать“ [1]). Еще опредѣленнѣе выражено было въ договорѣ между Россіей и Польшей въ 1786 году, гдѣ одна статья гласила, что начиная отъ мѣстечка Стаекъ внизъ Днѣпра по рѣкѣ Тясьмину, города Ржищевъ, Трехтемяровъ, Каневъ, Яготинъ, Сокольна, Черкассы, Боровица, Бужинъ, Воронковъ, Крыловъ, Чигиринъ и друг. „оставатись имѣютъ пустю, какъ нынѣ суть“ [2]). Такъ оставаться они должны были впредь, до „достаточнаго постановленія“ съ обѣихъ сторонъ [3]). Но дальнѣйшаго постановленія по этому поводу такъ и не послѣдовало [4]).

Такимъ образомъ дипломатическими соображеніями западная Украина обрекалась на вѣчное запустѣніе. Но дипломаты, создававшіе для нея такое положеніе, забыли, что дипломатія не дѣлаетъ исторіи и что существуетъ масса такихъ условій, которыхъ преодолѣть она не въ силахъ. Да и на самомъ дѣлѣ, могла-ли страна столь богатая и имѣющая за собой такое историческое прошлое оставаться долго пустой, повиноваться почерку пера, осуждавшаго ее на смерть? Могъ-ли народъ, ушедшій изъ нея, забыть свою покинутую родину и долго оставаться въ чужомъ для него краю, куда его бросили обстоятельства? Событія отвѣтили на этотъ вопросъ отрицательно.

Мы только что сказали, что существовали непреоборимыя условія для того, чтобы могло исполниться постановленіе процитированныхъ нами договоровъ о томъ, чтобы западная Украина на вѣчныя времена оставалась незаселенной. Условія эти коренились прежде всего въ томъ незавидномъ положеніи, въ которое попали переселенцы съ праваго берега на лѣвый. Дѣло въ томъ, что со времени возстанія Хмельницкаго, на лѣвомъ берегу начинаетъ мало-по-малу образовы-

---

[1]) Полное Собр. Зак., т. II, стр. 389.

[2]) Ibidem, стр. 776; Volum. legum., т. VI, 76, 77; Лѣт. Величка, 573—574.

[3]) Ibidem.

[4]) Антоновичъ, Послѣдн. вр. козач., стр. 22.

ваться, изъ козачества и его старшины, классъ землевладѣльцевъ. Одной изъ главныхъ причинъ, побудившихъ народъ кь борьбѣ съ Польшей, была инстинктивно присущая украинскому народу ненависть къ панамъ и стремленіе освободиться отъ панскаго гнета. Эти причины вызвали изъ нѣдръ народа такія силы, что противустоять имъ не могла шляхетская Польша, и принуждена была до извѣстной степени отказаться отъ своихъ правъ. Возстаніе на лѣвомъ берегу уничтожило разъ на всегда панскую власть и изгнало польскихъ пановъ. Не то было на правомъ берегу, гдѣ борьба съ Польшей продолжалась, и народъ, кромѣ того, мало-по-малу разочаровывался въ козачествѣ, стремившемся всѣ блага, добываемыя совмѣстными съ посполитымъ народомъ усиліями, обратить въ свою пользу, ничего не оставляя тому народу, который ему такъ много помогалъ. Поэтому борьба потеряла для народа значеніе жизненнаго вопроса, а разъ народъ охладѣлъ къ борьбѣ, то жить тамъ, гдѣ она происходила и подвергаться ея послѣдствіямъ, логически было непослѣдовательнымъ. И вотъ въ чемъ выразился протестъ народа противъ существующаго порядка вещей—начались переселенія на лѣвую сторону. Но переселявшійся народъ попалъ на лѣвомъ берегу въ такія самыя условія, которыя заставили его поднять борьбу съ Польшей, а затѣмъ потерять вѣру въ цѣлесообразность этой борьбы и бѣжать отъ нея куда-нибудь подальше. На лѣвомъ берегу, гдѣ не было такъ много борьбы и гдѣ мирное положеніе способствовало развитію извѣстныхъ формъ гражданскихъ отношеній, чего не могло быть на правомъ берегу, гдѣ, благодаря постояннымъ войнамъ, разъ выработанныя отношенія могли каждую минуту измѣниться,—все болѣе и болѣе ширилось движеніе въ смыслѣ выработки изъ привилегированнаго козачества, класса крупныхъ землевладѣльцевъ, и подчиненію себѣ остальной массы посполитаго народа и черни козацкой.

Со времени Хмельницкаго всѣ гетманы, заручившись верховной властью, раздавали права на владѣніе землями тѣмъ лицамъ, которые по ихъ мнѣнію, являлись болѣе заслуженными въ войсковыхъ дѣлахъ [1]). Вначалѣ появленіе такого рода помѣщиковъ мало обращало на себя вниманіе народа, масса земли была еще незаселена и пуста, и потому разъ новосозданный помѣщикъ вздумалъ бы стать къ народу въ непріятныя для послѣдняго отношенія, то народъ всегда могъ избѣг-

[1]) Лазаревскій, Посполитые крестьяне, стр. 15.

нуть его притязаній, имѣя вокругъ массу пустопорожней земли. Но мало по малу картина начинаетъ измѣняться. Край оставался незаселеннымъ только до половины XVII вѣка. Первые поселенцы, явившіеся на лѣвый берегъ, могли безпрепятственно захватывать сколько угодно земли—практиковался способъ и право „займанщины“, то есть захвата земли сколько сможешь [1]). Но по мѣрѣ прилива поселенцевъ, количество свободной земли уменьшалось, а въ концѣ концовъ вся земля оказалась занятой. Переселеніе же не прекращалось, приливъ его нисколько не уменьшался; теперь уже новые поселенцы должны были селиться не на пустопорожней землѣ, а на принадлежащей тому или другому лицу, что естественно ставило ихъ въ извѣстныя зависимыя отношенія къ владѣльцу земли, на которую они садились. Но при такомъ приливѣ населенія и желаніи найти мѣсто для жительства, землевладѣльцы увидали, что могутъ воспользоваться этимъ въ смыслѣ выработки извѣстныхъ помѣщичьихъ отношеній. Первыя попытки въ этомъ отношеніи столкнулись, конечно, съ народнымъ взглядомъ, полагавшимъ, что послѣ изгнанія польскихъ пановъ народъ представлялъ изъ себя свободныхъ мелкихъ землевладѣльцевъ [2]).

Вслѣдствіе этого, стремленіе землевладѣльцевъ подчинить себѣ крестьянъ, сидѣвшихъ хотя бы на земляхъ, дарованныхъ гетманскими граматами, а съ другой стороны обратить и козаковъ въ крестьянъ, пользуясь неточностью разграниченій этихъ сословій, [3]) встрѣтили протестъ, какъ со стороны народа, такъ и со стороны козаковъ. Тогда помѣщики начали прибѣгать къ такому способу. Они всячески тѣснили сидѣвшихъ на ихъ землѣ крестьянъ, такъ что тѣ снимались съ мѣста и уходили искать гдѣ-нибудь болѣе легкихъ условій жизни [4]). Но земля, оставленная ими, согласно гетманскимъ универсаламъ поступала въ полную власть помѣщика [5]). Этимъ то они и воспользовались. На опустѣвшихъ мѣстахъ они объявили право „слободы“, т. е. право на нѣкоторый заранѣе обусловленный срокъ свободнаго и ничѣмъ не обязаннаго владѣнія землею. По прошествіи этого срока крестьяне становились тяглыми и помѣщикъ, естественно, могъ гораздо болѣе съ нихъ требовать, чѣмъ съ ушедшихъ первоначальныхъ

[1]) Лазаревскій, стр. 23—26, 75—77.

[2]) Антоновичъ, Послѣдн. вр. козач., стр. 26; Лазаревскій, стр. 4.

[3]) Антоновичъ, стр. 26.

[4]) Лазаревскій, стр. 27.

[5]) Ibidem.

поселенцевъ—тѣ хоть могли основываться на первоначальномъ правѣ свободнаго владѣнія землею, а эти добровольно и безъ принужденія обязывали по истеченіи условленнаго срока закрѣпоститься [1]). Такое стѣснительное положеніе народа, какъ мы только что сказали, увеличивалось мало по малу и дошло до своего апогея во времена Самойловича, т. е. какъ разъ въ то время, когда совершенно запустѣла западная Украина. Все населеніе перегнано было на лѣвый берегъ, а земли свободной не было уже вовсе. Кромѣ уманцевъ, занявшихъ, по свидѣтельству Величка, пустопорожнія земли по рѣчкѣ Орели, въ территоріи полтавскаго полка [2]), остальнымъ пришлось селиться уже въ мѣстахъ населенныхъ. Населеніе же вездѣ было такъ густо, что когда явились послѣдніе переселенцы, то Самойловичъ принужденъ былъ обратиться къ московскому правительству съ просьбой позволить селить ихъ на Бѣлгородской чертѣ, въ Слободскихъ полкахъ, потому что въ Малороссіи больше мѣста нѣтъ. Естественно, что при желаніи съ одной стороны найти пріютъ, а съ другой при отсутствіи свободныхъ мѣстъ для поселенія, должны были ухудшить и сдѣлаться болѣе тяжелыми условія возможности поселенія на земляхъ того или другого владѣльца. Конкурренція была слишкомъ велика, чтобы имѣть возможность искать и требовать болѣе льготныхъ условій—приходилось брать то что было возможно, лишь бы только найти пріютъ. И вотъ мы видимъ, что отношенія и обязанности посполитыхъ къ владѣльцамъ земель, на которыхъ они селились, являются все болѣе и болѣе въ оформленномъ видѣ. Въ универсалахъ, выдаваемыхъ первыми гетманами на право владѣнія землею тому или другому лицу, хотя и упоминается объ извѣстнаго рода обязательствахъ со стороны крестьянъ владѣльцу, но обязательства эти совершенно не оформлены и потому особой тягости на обязанныхъ налагать не могли. Упоминается о „належномъ послуженствѣ“, которое должны отдавать крестьяне „при звыклой повинности“ своему владѣльцу [3]). Чѣмъ далѣе, тѣмъ повинности эти пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе оформленный характеръ, такъ, является обязанность крестьянъ служить помѣщику для „правованья гребли“, „воженья дровъ“, кошенья сѣна и иныхъ своихъ потребъ господарскихъ“ [4]). Кромѣ того появляются

---

[1]) Лазаревскій, стр. 87—91.
[2]) Лѣтоп. Величка, т. II, стр. 356.
[3]) Лазаревскій, стр. 17.
[4]) Ibidem, стр. 18, 19.

извѣстнаго рода подати: такъ крестьяне, обязаны были платить своему „державцѣ“ довольно значительный денежный чиншъ, давать „осепщину“, т. е. часть ежегоднаго урожая, сообразнаго съ количествомъ рабочаго скота, платить налогъ за всякія статьи дохода, какъ-то: гонку вина, пасѣку и т. д. [1]).

Всѣ эти притѣсненія, чинимыя простому люду со стороны помѣщиковъ и принимавшія форму законныхъ отношеній, вполнѣ совпадали съ характеромъ гетмана Самойловича. Современники изображаютъ его человѣкомъ гордымъ, самовластнымъ, корыстолюбивымъ, стремившимся, всякими правдами и неправдами, накопить себѣ и своему роду побольше богатствъ, пользуясь попавшей въ его руки властью. Онъ всегда окруженъ любимцами и родичами, которымъ разрѣшается, что только они захотятъ [2]). На простой народъ Самойловичъ, такъ же какъ и смѣнившій его Мазепа, смотритъ исключительно, какъ на орудіе, необходимое для поддержанія благороднаго шляхетскаго сословія. Вотъ что говоритъ современникъ: „А здирства вшелякими способами вымишляли, такъ самъ гетманъ, якъ и синове его, зостаючи полковниками: аренды, стаціе великіе, затяговалъ людей кормленіемъ,—барзо на людей трудность великая была отъ великихъ вымисловъ, не моглъ насытитися скарбами“ [3]).

По мѣрѣ роста притѣсненій, росло и недовольство народа, вспыхнувши наконецъ возстаніемъ противъ пановъ и арендаторовъ во всей Украинѣ, послѣ паденія Самойловича въ 1687 году. Всѣ украинскіе лѣтописцы вскользь упоминаютъ объ этомъ возстаніи [4]), которое тотчасъ же по избраніи Мазепы было усмирено этимъ гетманомъ [5]). Естественно, что при такомъ положеніи вещей, при бѣдственномъ положеніи народа, помнившаго еще свою оставленную родину, Западная Украина не могла долго оставаться пустынею. При первой же возможности поселиться на старыхъ мѣстахъ, при малѣйшей гарантіи на миръ и спокойствіе, населеніе волной должно было хлынуть обратно въ запустѣвшую страну. И дѣйствительно, лишь только

---

[1]) Лазаревскій, стр. 30—49.

[2]) Лѣтопись Самовидца, изд. 1878 г., стр. 169—171; Сборн. Лѣт., изд. 1888 г., стр. 33, 34.

[3]) Лѣтоп. Самов., изд. 1878 г., стр. 169.

[4]) Лѣт., изд. Бѣлозерск., 85, Лѣтоп. Самов., изд. 1878 г., 169; Лѣт. Рубана, стр. 142; Ригельманъ, ч. III, 9; Сборн. Лѣт., изд. 1888 г, 34; Лѣт. Величка, т. III, 53.

[5]) Лѣтоп. Самовидца, изд. 1878 г., 171; Сборн. Лѣт., изд. 1888 г., 34.

представилась эта возможность, народъ съ радостью воспользовался ею. Первая попытка колонизаціи отоосится къ 1681 году и принадлежитъ Турціи. Въ іюлѣ 1681 года, молдавскій господарь „Дука", какъ называетъ онъ себя въ своихъ универсалахъ, получилъ въ видѣ прибавки къ господарскому сану, еще и Украину, причемъ за этотъ подарокъ на него не налагалось никакой повинности, кромѣ доставленія вспомогательнаго войска, если ему удастся заселить людьми пустую область, не имѣвшую, какъ мы только что видѣли, въ глазахъ турокъ никакой цѣны [1]).

Дука рѣшилъ извлечь какъ можно болѣе пользы изъ доставшейся ему плодоносной пустыни. Но ее можно было утилизировать не иначе, какъ предварительно заселивши—и вотъ Дука дѣятельно принимается за ея заселеніе. Онъ начинаетъ зазывать на слободы, обѣщая возстановить всѣ разрушенные города и села [2]). Широкая свобода гарантируется имъ на пять лѣтъ [3]), а чтобы еще болѣе привлечь населеніе къ возвращенію въ опустѣвшую родину, онъ обѣщаетъ возстановленіе козачества со всѣми его широкими правами, такъ, какъ понималъ его народъ [4]). Назначенный имъ уже отъ себя гетманомъ Янъ Драгиничъ тотчасъ же назначилъ полковниковъ козацкихъ въ Корсунь и др. города, которые намѣревались возобновить [5]). Народъ толпами повалилъ на правую сторону—не только правобережные прочане спѣшили обратно, но туда валили толпы коренныхъ лѣвобережцевъ и даже жителей слободскихъ полковъ [6]). Самойловичъ встревожился и сообщилъ центральному правительству свѣдѣнія о начавшемся движеніи. Не понимая мѣстныхъ отношеній, въ Москвѣ думали, что народъ сманиваютъ позволеніемъ свободно гнать водку, и что если разрѣшить ему то же на лѣвой сторонѣ, то переселеніе прекратится [7]). Но народъ соблазняло не право свободнаго винокуренія. Онъ искалъ новой жизни, исполненія своихъ смутныхъ и неоформленныхъ идеаловъ, изъ-за которыхъ онъ такъ долго

---

[1]) Grabowski, Starożytn. hist. polskie, т. II, стр; 526.

[2]) Антоновичъ, Послѣдн. вр. козач., стр. 31.

[3]) Кіев. Стар. 1887 г., февраль, стр. 370.

[4]) Ambroży Grabowski, Staroż. hist. polskie, т. III, стр. 527.

Всѣ украинскія лѣтописи, назыв. Драгинича гетманомъ чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ Дуки, считая его отдѣльнымъ колонизаторомъ.

[5]) Костомаровъ, т. XV, стр. 622.

[6]) Ibidem, стр. 622, 623.

[7]) Ibidem, стр. 623, 624.

боролся съ Польшей, которыхъ онъ искалъ на лѣвомъ берегу, но не нашелъ. Кромѣ универсаловъ, Дука и его подставной гетманъ Драгиничъ употребляли еще довольно оригинальное средство для колонизаціи. Назначенный въ Чигиринъ полковникъ Уманецъ подсылалъ на лѣвый берегъ поджигателей, чтобы путемъ пожаровъ заставить народъ переселяться на правую сторону [1]). Но усилія его и первыя попытки колонизовать край ни къ чему не привели, вслѣдствіе энергическаго протеста со стороны Самойловича и московскаго правительства. Сначала Самойловичъ попробовалъ дѣйствовать на Дуку путемъ убѣжденія. Въ письмахъ своихъ онъ убѣждалъ послѣдняго не сманивать жителей съ лѣваго берега; на что Дука отвѣчалъ, что онъ и не думаетъ сманивать царскихъ подданныхъ, а только переводитъ на прежнія мѣста правобережныхъ людей, которые стали законными подданными Турціи, тѣмъ самымъ, что родина ихъ по мирному договору уступлена Турціи [2]). Тогда Самойловичъ приступилъ къ болѣе крутымъ мѣрамъ. Всѣхъ, кто занимался агитаціей на лѣвомъ берегу, хватали, садили въ тюрьму или казнили [3]). На самомъ берегу Днѣпра разставлены были сторожи; такъ, въ Чигиринѣ-Дубровѣ стоялъ охотницкій полковникъ Новицкій со своимъ полкомъ. Эти сторожи наблюдали, чтобы никто не переходилъ съ лѣваго берега на правый [4]). Не довольствуясь этимъ, всѣхъ переселенцевъ, которыхъ удавалось схватить, сажали въ тюрьму, а имущество ихъ конфисковалось. Наконецъ, отрядъ козаковъ, посланный на правый берегъ, сжегъ всѣ построившіяся тамъ наново мѣстечки и села, а жителей, которые тамъ поселились, перегнали снова на лѣвый берегъ [5]). Послѣ двухлѣтняго номинальнаго гетманства Дука исчезъ съ поприща исторіи, захваченный въ плѣнъ польскимъ отрядомъ, отправившимся грабить Молдавію во время Вѣнскаго похода Іоанна Собѣсскаго [6]). Вслѣдъ за нимъ исчезъ и Драгиничъ; по однимъ свѣдѣніямъ, умеръ онъ отъ пьянства [7]), а по другимъ—видя, что ему больше нечего дѣлать въ Украинѣ, переселился въ Яссы [8]). Съ ихъ исчезновеніемъ, окончилось затѣянное

---

[1]) Костомаровъ, т. XV, стр. 626; Соловьевъ, т. XIV.
[2]) Ibidem.
[3]) Антоновичъ, Послѣдн. вр козач., стр. 31.
[4]) Акты Зап. Россіи, т. V, № 140, стр. 172, 173.
[5]) Антоновичъ, Послѣдн. врем. козач., стр. 31.
[6]) Ригельманъ, т. II, стр. 177; Pamiętn. Paska, 346; Zaluski, т. I, ч. II, 873.
[7]) Ригельманъ, т. II, стр. 179.
[8]) Величко, т. II, стр. 548; Лѣтоп. Рубана, стр. 140.

ими дѣло колонизаціи и самая мысль объ ней на время исчезла. Но никакія усилія Самойловича не могли остановить естественнаго хода исторіи, и новая колонизація необходимо должна была снова явиться и возвратить къ жизни богатую пустыню. Съ нею повторилась та же исторія, что когда-то была съ Запорожьемъ. Какъ въ былыя времена недовольные панскимъ гнетомъ и существующимъ порядкомъ вещей протестанты уходили искать воли въ Запорожье, такъ и теперь, пустая западная Украина стала дѣлаться притономъ всѣхъ, кто не хотѣлъ на лѣвой сторонѣ покоряться существующему порядку вещей. Лѣтопись Грабянки на стр. 238—239, заключаетъ въ себѣ краснорѣчивое описаніе жизни этихъ „юнаковъ", которые „своею охотою уходили въ степи и здѣсь промышляли борьбой и войной съ турками и татарами" [1]). Но, конечно, вольница эта не могла явиться колонизаторомъ края—для этого требовались болѣе прочныя условія и болѣе сильная гарантія. И вотъ роль колонизатора беретъ на себя, совершенно неожиданно, Польша, въ лицѣ своего короля Яна Собѣсскаго. Этотъ послѣдній, обладая весьма серьезнымъ военнымъ талантомъ, не отличался способностями администратора и политика, столь необходимыми въ его званіи [2]). Въ всемъ онъ видѣлъ только средство для войны и притомъ для войны съ невѣрными, которую онъ поставилъ главной цѣлью своей дѣятельности. Въ виду такихъ своихъ качествъ онъ и не понималъ, что возобновленіе козачества на правой сторонѣ Днѣпра, которое онъ считалъ необходимымъ для своихъ постоянныхъ войнъ съ Турціей и которое не было возможно иначе, какъ послѣ колонизаціи края, было просто фатально для Польши. Народъ не могъ идти обратно въ страну, приглашаемый польскимъ правительствомъ, недовѣріе къ которому, созданное вѣками, было крѣпко въ народѣ, иначе какъ подъ гарантіей свободы личной, свободы совѣсти и свободы экономической. А такую гарантію давало ему, конечно, распространеніе козацкихъ правъ на населеніе. Казалось бы, это совершенно согласовалось съ намѣреніями Собѣсскаго. Но тутъ возникалъ другой вопросъ—вопросъ вѣкового антагонизма между шляхтой и народомъ малорусскимъ, а слѣдовательно и козачествомъ. Шляхтѣ предстояло или навсегда отказаться отъ притязаній на край и на

---

[1]) Лѣтоп. Грабянки, стр. 238—239; Ригельманъ, т. III, 13; Рубанъ, 145; Бѣлозерскій, 86.

[2]) Антоновичъ, стр. 33.

вновь заселившій его народъ, или же вступить съ нимъ снова въ многолѣтнюю тяжелую борьбу. Всѣ эти обстоятельства создавали совершенно неразрѣшимые вопросы, и Собѣсскій, не взвѣсивъ всѣхъ обстоятельствъ, не вникнувъ въ характеръ того народа, который онъ хотѣлъ усилить, и не принимая во вниманіе многовѣковыя историческія условія, увлекся только временной пользой, которую могло принести козачество, и создалъ вновь для шляхты необходимость борьбы, которая и не преминула возгорѣться. Естественно было, что новая колонизація могла имѣть успѣхъ только въ томъ случаѣ, если во главѣ ея явятся люди популярные—а популярностью своей, конечно, они могли пользоваться тогда только, если будутъ искренно преданы интересамъ народа. А разъ это такъ, то естественно рождался вопросъ—захотятъ-ли эти люди слѣпо подчинить свой народъ, въ случаѣ успѣха колонизаціи, польскому правительству, и что произойдетъ, когда столкнутся два такихъ враждебныхъ элемента, какъ шляхта и козаки. Но, какъ мы сказали, ни король, ни согласная съ нимъ шляхта не обратили вниманія на эти вопросы—имъ нужно было во что бы то ни стало увеличеніе военной силы, и они рѣшились начать колонизацію и возобновить козачество. Еще въ 1679 году, въ одномъ изъ своихъ проектовъ Янъ Собѣсскій предлагалъ предоставить заслуженнымъ полкамъ колонизовать опустѣлые мѣста Украины [1]). Но тогда не было особенной необходимости въ войскѣ, и вопросъ заглохъ самъ собой. Но готовясь къ походу 1683 года, окончившемуся пораженіемъ турокъ подъ Вѣной, Собѣсскій впервые сдѣлалъ попытку возстановленія козачества. Ему необходимъ былъ хоть одинъ вспомогательный козацкій отрядъ. Онъ посылаетъ въ Украину опытныхъ офицеровъ: Булыгу, Дружкевича, Менжинскаго, и поручаетъ имъ навербовать козацкій полкъ, обѣщая имъ хорошее жалованье. Королевскіе универсалы начинаютъ по этому поводу разсылаться по всему правому берегу и проникаютъ и на лѣвый [2]). Но эта попытка была неудачна. Вербовка шла медленно; Самойловичъ всякими мѣрами старался противустоять тому, чтобы универсалы, попадавшіе на лѣвый берегъ имѣли свое дѣйствіе. Очевидно, что Самойловичъ очень боялся, чтобы вновь не началось переселеніе, а

---

[1]) Zaluski, т, I, ч. II, стр. 761.

[2]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, № 9, стр. 39-40 и № 10, стр. 40—41; Антоновичъ, стр. 34; Грабянка, стр. 232.

народъ ждалъ съ нетерпѣніемъ зазыва на новую жизнь; поэтому король не успѣлъ еще обнародовать своихъ универсаловъ, какъ Самойловичъ издалъ свои, въ которыхъ убѣждалъ народъ не вѣрить польскимъ прельщеніямъ, и приглашеніямъ на жительство съ обѣщаніемъ различныхъ льготъ [1]). Онъ напоминалъ вѣковую вражду поляковъ къ украинскому народу, и вообще старался дискредитировать начинанія польскаго правительства въ глазахъ народа. Но не одними этими универсалами онъ ограничился. Онъ преслѣдовалъ всѣхъ, кто только желалъ идти, по приглашенію польскаго короля на войну противъ невѣрныхъ. Такъ, онъ смѣнилъ прилуцкаго полковника Стягайла, который готовъ былъ склониться на прельщенія поляковъ [2]); писалъ въ универсалѣ требованіе, чтобы ему доносили, кто желаетъ идти на службу къ польскому королю [3]) и т. д. Хотя на службу туда многіе и бѣжали, даже изъ числа старшины, такъ, напр., Ѳедоръ Мовчанъ, прилуцкій Эсаулъ [4]), но все же движеніе было весьма незначительно, потому что никакихъ прочныхъ гарантій не давалось, и оно было только временнымъ облегченіемъ, да и то для весьма немногихъ лицъ. И это предпріятіе не имѣло успѣха. Собравъ незначительное количество козаковъ, посланные Собѣсскимъ регментари опоздали къ походу. Они повстрѣчали королевское войско уже на возвратномъ пути. По приказанію короля они приняли участіе во второй, Парканской, битвѣ, затѣмъ были отправлены на помощь польскому войску, осаждавшему Унгваръ. Но скоро осада надоѣла имъ и они начали толпами разбѣгаться изъ лагеря. Весьма немногіе достигли родины. Большинство погибло отъ холода, голода и другихъ невзгодъ, а также въ горахъ Венгріи, отъ меча венгерскихъ дружинъ Текелія, помогавшаго туркамъ [5]).

Послѣ первой неудачной попытки, Собѣсскій попробовалъ обратиться къ той вольницѣ, о которой уже мы говорили. Этотъ способъ былъ тѣмъ удобнѣе, что вышеупомянутое войско было уже готово и не требовалось никакихъ усилій для его организаціи. Когда посланные Собѣсскимъ региментари набирали вспомогательные отряды козацкіе, они никакими мѣрами не могли заставить эту вольницу стать

---

[1]) Акты Зап. Россіи, т. V, № 135, стр. 166—167.
[2]) Ригельманъ, т. II, стр. 178.
[3]) Акты З. Россіи, т. V, стр. 167.
[4]) Кіевск. Стар.
[5]) Акты З. Р., т. V, № 150, стр. 179—180; Zaluski, т. I, ч. II, стр. 850, 851, 869.

въ ряды регулярнаго войска [1]). Все же Собѣсскій хотѣлъ извлечь изъ него пользу. Интереснѣе всего то, что Собѣсскій даже папу убѣдилъ въ томъ, что необходимо возобновленіе козацкаго войска для борьбы съ невѣрными, и послѣдующія ополченія, подъ начальствомъ Куницкаго и Могилы, получали благословеніе и денежныя субсидіи отъ папы [2]). Во всякомъ случаѣ Собѣсскій рѣшилъ испробовать счастья съ этой вольницей и призналъ его козацкимъ войскомъ на службѣ Речи Посполитой, назначивъ ей начальника, бѣглаго люблинскаго шляхтича [3]), Куницкаго, даровавъ ему громкій титулъ гетмана. Первые шаги Куницкаго направлены были по пути колонизаціи. Зазывальщики его, главнымъ образомъ, подъ различными предлогами ѣздили на лѣвую сторону Днѣпра и тамъ подстрекали людей къ переходу. Много нашлось недовольныхъ, которые съ удовольствіемъ послушались польскихъ подговоровъ. Не только въ земляхъ, подчиненныхъ гетманскому рейменту, но и въ слободскихъ полкахъ возникали волненія, и люди толпами бѣжали къ Куницкому, соблазняясь обѣщанными льготами [4]). Снова всполошился Самойловичъ и началъ всякими мѣрами удерживать переселеніе. На берегу Днѣпра снова разставлены были караулы, главные центры которыхъ находились въ городкахъ Песчаномъ и Золотоношѣ, и имъ приказано было ловить бѣглецовъ, угрожая смертію тѣмъ, кто будетъ сопротивляться [5]). Но зазывальщики, изъ которыхъ особенно дѣятельно вели пропаганду два посланца Іосифа Шумлянскаго—пойманные впослѣдствіи—Өеодосій Храпкевичъ и Іона Зарудный [6]), дѣлали свое дѣло. Бѣглецы ускользали отъ сторожи, пробирались „дикими“ степями, и снова въ опустѣлой правобережной Украинѣ стали появляться цѣлые поселки. Такъ появились дворы въ Мошнахъ, Рокитной и Богуславѣ. Въ Богуславѣ засѣла весьма дѣятельная и смѣлая женщина, жена Куницкаго: она принимала бѣглецовъ и отправляла ихъ къ своему мужу, жившему въ Немировѣ. Но не только изъ среды простаго народа стремились бѣглецы на правый берегъ; были и среди стар-

[1]) Антоновичъ, Послѣдн. вр. козач., стр. 35.

[2]) Theiner, Monuments des archives du Vatican et de Naples, стр. 248. 250. 280, 283.

[3]) Бантышъ-Каменскій. т. II, стр. 172.

[4]) Костомаровъ, т. XV, стр. 631.

[5]) Костомаровъ, т. XV, стр. 632.

[6]) Бантышъ-Каменскій, т. II, примѣч. стр. 31.

шины люди, сочувствовавшіе и помогавшіе народному волненію. Въ числѣ такихъ оказался и переяславскій полковникъ Войца Сербинъ. Къ нему пристали и другіе; но гетманъ, узнавъ заранѣе объ ихъ намѣреніи, велѣлъ арестовать. Затѣмъ онъ рѣшился отправить отрядъ на правый берегъ съ приказаніемъ захватить засѣвшую въ Богуславѣ и весьма опасную Куницкую. Но эта смѣлая женщина, узнавъ о распоряженіи Самойловича, успѣла оставить Богуславъ и бѣжать въ Немировъ къ своему мужу [1]). Съ тѣмъ вмѣстѣ прекращается и колонизація. Многіе бѣглецы, недовольные управленіемъ Куницкаго, задумали бѣжать обратно. Нѣкоторыхъ изъ нихъ Куницкій поймавъ велѣлъ казнить, а тѣ, которые избѣжали такой участи, не знали, куда дѣваться—идти обратно на лѣвый берегъ боялись, опасаясь преслѣдованія со стороны Самойловича, а къ Куницкому тоже страшно было идти, вѣдь они имѣли живой примѣръ въ повѣшенныхъ за такую же вину. Стали они по лѣсамъ и ярамъ составлять шайки, нападать на проѣзжихъ и грабить по большимъ дорогамъ [2]).—Всѣ эти явленія должны были, конечно, дискредитировать престижъ Куницкаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ должна была падать и колонизація, которая зависѣла исключительно отъ авторитета и довѣрія народа къ колонизаторамъ, какъ то въ недалекомъ будущемъ показалъ примѣръ Палія и Самуся. Вскорѣ исчезъ и самъ Куницкій. Назначая его гетманомъ и обѣщая ему жалованье, Собѣсскій указалъ ему на Молдавію и Буджацкія степи, изъ которыхъ татары ушли подъ Вѣну, гдѣ можно было найти легкую поживу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, раззореніемъ въ тылу турецкой арміи навести на нее страхъ [3]). Собѣсскому еще памятно было, какой эффектъ произвелъ на татаръ набѣгъ покойнаго Сѣрка на Крымъ, во время Подгаецкаго похода. И дѣйствительно, къ концу 1684 года Куницкій дѣятельно началъ готовиться къ походу. Собравъ довольно значительный отрядъ, количествомъ около 8000 [4]), Куницкій переправился черезъ Днѣстръ въ Рашковѣ [5]), и двинулся въ Буджацкія степи. Силы свои онъ увеличивалъ вербовкою молдаванъ и дойдя до Тегина (Бендеры) онъ встрѣтилъ опол-

---

[1]) Костомаровъ, т. XV, стр. 632.
[2]) Костомаровъ, т. XV, стр. 632—633.
[3]) Антвновичъ, Послѣдн. вр. козач., стр. 35.
[4]) Лѣтопись Величка, т. II, стр. 548.
[5]) Лѣтоп. Самов., изд. 1888 г., стр. 160.

ченіе турокъ и татаръ изъ Бѣлгорода и Тегина и, давъ имъ сраженіе, разбилъ ихъ на голову и взялъ въ плѣнъ около 10-ти мурзъ [1]). Затѣмъ онъ сжегъ до основанія Тегинъ и кинулся въ Буджакскія степи, оставленныя безъ защиты, и принялся опустошать ихъ съ необычайной жестокостью. Такъ дошелъ онъ до устья Дуная, какъ вдругъ услыхалъ, что съ тылу у него цѣлыя полчища татаръ подъ начальствомъ ханскаго сына [2]), узнавъ о вторженіи Куницкаго въ степи, идутъ на него. Онъ тотчасъ же бросился въ отступленіе, но не успѣлъ спастись. Около Прута, въ мѣстечкѣ Трояновѣ [3]), напали на нихъ татары и послѣ неудачной битвы, они поспѣшили окопаться въ своемъ станѣ. Молдаване начали разбѣгаться. Тогда, оставивъ свой отрядъ, бѣжалъ и самъ Куницкій въ Немировъ [4]). Оставшіеся козаки переправились кое-какъ черезъ Прутъ, „по тонкомъ леду на чревахъ своіхъ оній переползши“ [5]), и тоже явились въ Немировѣ. Изъ Немирова Куницкій писалъ отъ 9-го января 1684 года, что онъ для поддержки своего авторитета думаетъ предпринять новую расквартировку войска и проситъ прислать ему въ Немировъ обѣщанныя деньги, для раздачи жалованья козакамъ, обѣщая, что разъ деньги будутъ, то и у него будетъ вдвое больше козаковъ противъ прежняго [6]). Но ничто уже не могло спасти потеряннаго авторитета Куницкаго. Несмотря на то, что изъ Польши присланы были довольно значительные запасы хлѣба, для раздачи людямъ Куницкаго [7]), козаки созвали въ Могилевѣ раду, вызвали туда Куницкаго и здѣсь убили его [8]). На его мѣсто былъ провозглашенъ гетманомъ бѣжавшій съ лѣваго берега козакъ Могила [9]). Этотъ послѣдній ужъ никакъ не могъ выполнить миссіи колонизатора и возстановить козачество. Современники были о немъ самаго низкаго мнѣнія. Такъ, Мазепа пишетъ о немъ: „тотъ глупецъ не токмо пьяный, а и тверезий розуму не маетъ“ [10]). И дѣй-

---

[1]) Сборн. Лѣтоп., изд. 1888, стр. 206.

[2]) Лѣт. Грабянки, стр. 233.

[3]) Костомаровъ, т. XV, стр. 634.

[4]) Акты Зап. Россіи, т. V, стр. 175.

[5]) Лѣтоп. Величка, т. II, стр. 549.

[6]) Zaluski, т. I, ч. II, стр. 859—860; Сборн. Лѣтоп., изд. 1888 г., стр. 208.

[7]) Сборн. Лѣтоп., изд. 1888 г., стр. 208.

[8]) Лѣтоп. Самов., изд. 1878 г., стр. 160; Лѣт. Грабянки, стр. 208-209; и всѣ друг. лѣтописи.

[9]) Ibidem.

[10]) Лѣтоп. Величка, т. III, стр. 76—77.

ствительно, Могила даже не понималъ того, что вся его сила заключается въ колонизаціи. Онъ засѣлъ въ Немировѣ и вздумалъ вести мелкую партизанскую войну съ турками, сидѣвшими въ Каменцѣ. Но война эта окончилась совершенно неудачно для Могилы: заманивъ его въ засаду у села Студеницы, турки разбили его на голову, такъ что онъ съ остатками своего отряда въ 30 человѣкъ едва убѣжалъ въ Немировъ [1]). Здѣсь его ждала новая бѣда. Еще раньше Самойловичъ, желая переманить на свою сторону козаковъ, бѣжавшихъ на правый берегъ и сосредоточившихся около правобережнаго номинальнаго гетмана, поручилъ это дѣло наказному переяславскому полковнику Леонтію Полуботку. Тотъ отправилъ на правую сторону двухъ весьма ловкихъ козаковъ, братьевъ Дмитра и Ѳедора Яковенковъ, и поручилъ имъ устроить это дѣло. Тѣ, явившись на правый берегъ, съ инструкціей—если возможно и самого Могилу склонить къ возвращенію, пробрались въ Немировъ и здѣсь начали прикидываться сообщниками и посланцами переяславскаго полковника Войцы Сербина, который, какъ намъ извѣстно, дѣйствовалъ въ пользу движенія народнаго къ переселенію на правый берегъ. Такъ прожили они въ Немировѣ около пяти недѣль, и имъ удалось склонить на свою сторону полковниковъ: Палія, Дробязгу и Крамалѣя, съ которыми было до 4000 человѣкъ убѣжавшихъ съ лѣваго берега [2]). А тутъ еще подвернулась неудача Могилы у Студеницы. Когда онъ вернулся въ Немировъ, то здѣсь поднялся противъ него бунтъ. Козаки обвиняли Могиленка въ томъ, что онъ ихъ обманываетъ, что обѣщаннаго жалованья имъ не платитъ, что онъ погубилъ такъ много ихъ собратьевъ, ругали его и, наконецъ, начали его „за шию по базару волочити“ [3]). Послѣ этого козаки оставили его. Часть ушла въ Сѣчу съ Паліемъ [4]), а другая отправилась въ Трехтемировъ съ цѣлью испросить у Самойловича прощеніе и позволеніе перейти обратно на лѣвый берегъ [5]). Напрасно въ томъ же году Собѣсскій, стоя въ Яворовѣ, зазывалъ своими универсалами жителей лѣваго берега, указывая даже на религіозную обязанность идти войной на невѣрныхъ [6]).

---

[1]) Акты Зап. Россіи, т. V, стр. 176—177, № 147.
[2]) Костомаровъ, т. XV, 633—634.
[3]) Акты Зап. Россіи, т. V, № 147, стр. 176.
[4]) Костомаровъ, т. XV, стр. 134.
[5]) Акты Зап. Россіи, т. V, стр. 177.
[6]) Ibidem, № 149, стр. 178, 179.

Никто не сдавался и не шелъ на его приглашенія, а Самойловичъ торжествовалъ и на каждомъ шагу старался дискредитировать начинанія польскаго короля въ дѣлѣ возстановленія козачества, выставляя на видъ всѣ неудачи первыхъ попытокъ Булыги, Менжинскаго, Дружкевича, Куницкаго и Могилы [1]).—Послѣ только что описанной неудачи, Могила оставался еще нѣкоторое время въ Немировѣ. При немъ находились еще остатки бывшаго войска въ незначительномъ количествѣ, около 2000 человѣкъ. Онъ, все таки, занимался мелкой партизанской войной противъ турокъ, бывшихъ въ Подоліи, сопутствовалъ польскимъ войскамъ, и наконецъ въ 1686 году о немъ упоминается ужъ въ послѣдній разъ [3]).

Послѣ первыхъ неудачныхъ попытокъ возстановить козачество, Собѣсскій пробовалъ обратиться въ Запорожье и склонить братчиковъ помочь Польшѣ въ войнѣ противъ невѣрныхъ. Въ іюнѣ 1684 года явились въ Сѣчь посланные отъ Собѣсскаго паны Порадовскій и Монтковскій и привезли сѣчевикамъ гостинецъ отъ короля—1000 червонцевъ. То была уже не первая попытка: раньше король присылалъ съ такими же предложеніями Игнатія Макуху, бывшаго полковникомъ у Ханенка, и многіе запорожцы поддались тогда польскимъ увѣщаніямъ, но вскорѣ разочаровались. Теперь козаки не повѣрили обѣщаніямъ, находясь подъ вліяніемъ Палія, который, какъ уже извѣстно, ушелъ отъ Могилы въ Сѣчь и здѣсь скоро среди козаковъ пріобрѣлъ сильный авторитетъ [4]). Когда Порадовскій сталъ читать королевскую грамоту, въ которой обѣщались козакамъ всякія вольности и изъявлялась надежда, что король зиму проведетъ за Дунаемъ, а на весну отправитъ войско съ пушками подъ Очаковъ, рада, гдѣ читалась эта грамота, подняла ее на смѣхъ: „Вотъ какъ, кричали запорожцы, ничего еще не поймали, а всѣмъ уже управляете! Не видя отъ насъ согласія, уже и указы намъ даете“! Они не отвѣчали на грамоту, а Палій, въ обращеніи грубый, ударилъ даже Порадовскаго по лицу и кричалъ: „Вотъ тебѣ, за то, что пріѣхалъ къ намъ съ лядскимъ обманомъ, а не съ правдою“ [5]). Послѣ того какъ

---

[1]) Акты Зап. Россіи, т. V, № 150, стр. 179—180.

[2]) Акты Зап. Россіи, т. V, № 166, стр. 196; Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, № XXVII, стр. 97.

[3]) Антоновичъ, послѣдн. вр. козач., стр. 37.

[4]) Костомаровъ, т. XV, стр. 634.

[5]) Ibidem, стр. 634—635.

и эта послѣдняя попытка окончилась неудачей, Собѣсскій рѣшился на послѣдній важный и рѣшительный шагъ, сдѣлавшій роковой поворотъ въ судьбѣ правобережной Украины.

Съ этихъ поръ Украина дѣйствительно начала колонизоваться, появились люди, дѣйствительно стоявшіе за народные интересы, но вмѣстѣ съ тѣмъ, естественно, возгорѣлась новая борьба съ Польшей, имѣвшая теперь ужъ не такой характеръ, какъ прежде. Весь народъ проникся интересомъ къ ней, вѣрилъ въ козачество, стоявшее на челѣ, и надѣялся на успѣхъ. Но было уже поздно. Этотъ послѣдній актъ борьбы съ Польшей закончился въ началѣ XVIII вѣка вторымъ запустѣніемъ Украины; козачество и посполитое население исчезло, и хотя впослѣдствіи она снова заселилась, но козачество исчезло въ ней навсегда и безвозвратно.

Въ томъ же 1684 году Собѣсскій издалъ универсалъ, на основаніи котораго уступалъ козакамъ для поселенія земли, уже предназначенныя къ вѣчному запустѣнію и только по имени принадлежавшія Польшѣ. Земли эти уступались козакамъ въ границахъ между Тясьминомъ и Тикичемъ и границами Кіевскаго Полѣсья, бывшіе города Чигиринъ, Черкассы, Умань, Корсунь, Лисянка и другіе [1]), т. е. пространство бывшихъ полковъ чигиринскаго, каневскаго, корсунскаго, черкасскаго, уманскаго, кальницкаго и бѣлоцерковскаго [2]). Если бы со стороны сейма Собѣсскій встрѣтилъ сопротивленіе, то онъ разсчитывалъ успокоить шляхту указаніемъ на то, что этимъ пріобрѣтается значительная военная помощь, безъ всякихъ со стороны шляхты расходовъ, которыми она такъ сильно тяготилась. Онъ думалъ убѣдить ее, что уступка земель, которыя въ сущности представляютъ только номинальную собственность, такъ какъ пользы осязательной изъ нихъ нельзя извлечь никакой—не можетъ считаться пожертвованіемъ [3]). Онъ и повѣрившая ему шляхта забыли, что землю эту населитъ народъ, который лишь только столкнется съ шляхтой, немедленно вступить съ ней въ борьбу, и борьба эта будетъ не на жизнь, а на смерть. Онъ надѣялся, что съ окончаніемъ войны можно будетъ какъ угодно урѣзать границы земель, отданныхъ ко-

---

[1]) Арх. Юго-Зап. Россіи, т. II, ч. III, № XXV, стр. 94.

[2]) Антоновичъ, стр. 39.

[3]) Ibidem.

[4]) Ibidem.

закамъ, такъ какъ въ универсалѣ границы этихъ земель не были строго обозначены [1]). Шляхта не противорѣчила Собѣсскому, онъ пользовался среди нея большимъ авторитетомъ, прославившись побѣдами надъ турками.—Она готова была согласиться на все, что ни предлагалъ ей любимый король.—Сеймъ, собравшійся въ Варшавѣ 16 февраля 1685 года и длившійся шесть недѣль, подтвердилъ королевскій универсалъ сеймовой конституціей, статья которой, относящаяся къ козацкому вопросу, гласила слѣдующее: „Такъ какъ войско запорожское доказало Речи Посполитой искреннюю вѣрность дѣяніями своими во время двухъ послѣднихъ походовъ, а кромѣ того и впредь обѣщаетъ твердо хранить рвеніе къ рыцарскимъ подвигамъ, ненависть къ врагамъ святаго креста и свою наслѣдственную (sic) къ Речи Посполитой вѣрность, то мы принимаемъ въ отеческое наше попеченіе всѣхъ козаковъ Низовыхъ и Украинныхъ, тѣхъ, которые теперь находятся на дѣйствительной службѣ подъ рейментомъ гетмана нашего Могилы, такъ и тѣхъ, которые впредь пожелали бы признать этого гетмана и поселиться въ Украинѣ. Мы подтверждаемъ всѣ вольности, свободы и привилегіи, дарованныя козакамъ нашими предшественниками, и въ доказательство нашего благорасположенія мы назначаемъ коммиссаровъ для распредѣленія и обезпеченія заселенія въ Украинѣ нашихъ земель для пользы нашей и Рѣчи Посполитой [2]). Такимъ образомъ, этимъ постановленіемъ козачество оффиціально возобновлялось, и все зависѣло отъ того, найдутся ли люди, которые сумѣютъ пріобрѣсть народныя симпатіи, поймутъ народные интересы и дѣятельно поведутъ дѣло колонизаціи. Событія показали, что недостатка въ такихъ людяхъ не было и что они съ успѣхомъ выполнили свою задачу.

На первыхъ порахъ, королевскій универсалъ произвелъ сильное движеніе въ средѣ народа, населявшаго Кіевское Полѣсье, на которое онъ собственно даже и не простирался. Движеніе это сразу должно было доказать, что колонизація будетъ имѣть успѣхъ; но въ то же время оно ясно показывало, что народъ понимаетъ козачество вовсе не въ такомъ смыслѣ, какъ то было желательно польскому правительству, что инстинктивная ненависть народа ко всему польскому и шляхетскому не заглохла и что не сдобровать шляхтѣ, какъ

---

[1]) Антоновичъ, Послѣдн. вр. козач., стр. 39.
[2]) Volumina legum, т. V, стр. 050, параграф. 25.

только колонизація пойдетъ успѣшно, а съ нею вмѣстѣ возрастетъ и окрѣпнетъ новосозданное козачество. Но Собѣсскій и шляхта, увлекшись минутнымъ успѣхомъ и временными выгодами, не заглядывали въ будущее. Лишь только пронеслась молва о новомъ распоряженіи польскаго правительства, какъ началось движеніе среди оставшихся въ Дымерѣ козаковъ. Начальствующій надъ ними Миронъ, получившій отъ Могилы громкій титулъ наказного гетмана, разослалъ повсюду своихъ агентовъ волновать народъ. Расходясь по селамъ и мѣстечкамъ, агенты эти распускали слухъ, что польское правительство уступило козакамъ всю землю по Случь, какъ то было во времена Хмельницкаго, что теперь занимается заря свободы, что козачество должно распространиться на весь народъ и что крестьяне имѣютъ теперь право становиться козаками и не повиноваться панамъ. Волненіе, производимое этими агентами, по всей вѣроятности было очень сильное, потому что свѣдѣніе о немъ очень скоро дошло до польскаго правительства, представителемъ котораго въ данномъ случаѣ являлся региментарь Дружкевичъ. Онъ рѣшилъ скорыми и строгими мѣрами прекратить это движеніе и въ началѣ потушить могущій сильно разгорѣться пожаръ. 16 августа 1684 года Дружкевичъ издаетъ универсалъ, въ которомъ онъ приводитъ точную редакцію распоряженія, сдѣланнаго королемъ въ его универсалѣ, въ опроверженіе нелѣпыхъ и ложныхъ слуховъ, распускаемыхъ агентами Мирона; онъ очень удивляется тому, что Миронъ на старости лѣтъ взялъ на себя такія обязанности, которыя вовсе не входятъ въ кругъ его полномочій. Для того же, чтобы сразу прекратить всѣ толки, распускаемые агентами, Дружкевичъ строго приказываетъ ловить каждаго такого агента, гдѣ бы онъ ни появился, и доставлять въ городъ, гдѣ они для всеобщаго назиданія будутъ сажаемы на колъ, а одинъ изъ нихъ будетъ для той же цѣли отправленъ къ королю [1]). По всей вѣроятности мѣропріятія Дружкевича достигли желаемаго результата—по крайней мѣрѣ въ дальнѣйшихъ извѣстіяхъ мы не находимъ свѣдѣній о томъ, чтобы предпріятіе это расширялось и имѣло какойнибудь успѣхъ. Тѣмъ не менѣе, впечатлѣніе, произведенное универсаломъ, не было уничтожено мѣрами, прекратившими предпріятіе Мирона, и народъ, тѣмъ или инымъ путемъ, заявлялъ о своихъ до сихъ поръ скрытыхъ стремленіяхъ, вызванныхъ къ жизни универсаломъ.

---

[1]) Арх. Юго-Зап. Россіи, т. II, ч. III, № XXV, стр. 94—97.

Такъ, напр., мѣщанинъ и войтъ города Овруча, Гарасько Митюхна Москаленко бунтовалъ мѣщанъ и крестьянъ, гдѣ только могъ, на базарѣ, въ церквахъ, на всякихъ многолюдныхъ собраніяхъ: „Недалеко вже той часъ, кричалъ онъ, когда я замѣню въ Овручѣ мѣсто короля, гетмана и старосты; не новинка мнѣ и моимъ помощникамъ бить, топить ляховъ—и мы это скоро докажемъ, очистивши, какъ только наступитъ удобное время, окрестности города Овруча отъ всѣхъ пановъ, какіе только имѣются“ [1]). А пока что̀, мѣщане Овручскіе словомъ и дѣломъ показывали свою ненависть къ панамъ и желаніе избавиться отъ нихъ. Они рубили шляхетскіе лѣса, отнимали пчелы, отбирали у нихъ при встрѣчѣ оружіе, лошадей, сбрую и повозки, а также всѣ имѣвшіяся у нихъ деньги, самихъ же шляхтичей ловили „арканами за шею“, сажали ихъ въ холодную, морили голодомъ и жаждою, били и приговаривали: „Якъ тилько будешь позивать насъ, то відай, що на кавалки тебе ділити будемо и всихъ виріжемъ и випалимъ“ [2]). Дворяне Редчичи, жалуясь на этихъ мѣщанъ, говорили, что ихъ неистовства по отношенію къ шляхтѣ извѣстны всему міру, а въ особенности жителямъ Кіевскаго воеводства [3]). Черезъ село Боровичи проѣзжалъ шляхтичъ Дубецкій, посланный своимъ господиномъ Мартиномъ Чаплицемъ на ревизію Рокитенскаго имѣнія, и остановился отдохнуть у одного мужика. Дѣло кончилось тѣмъ, что въ дворъ набралось масса крестьянъ и исколотили несчастнаго шляхтича [4]), выразивъ при этомъ желаніе: „Якъ би намъ можна з сих краів усіх ляхів вигнати, то булоб гараздъ“ [5]). Крестьяне села Народичъ истязали всѣхъ пановъ, какіе только попадались имъ подъ руку. Вотъ какъ описываетъ шляхтичъ Якубовскій положеніе шляхты, живущей въ окрестностяхъ села Народичъ. Трудно даже изобразить, пишетъ онъ, что дѣлаютъ эти крестьяне съ заслуженной шляхтой—они бьютъ ихъ кіями, какъ снопы молотятъ, катуютъ, убиваютъ топорами, копьями, цѣпами, лопатами, косами и всѣмъ, что ни попадется имъ подъ руку [6]). На такой „палочный бенкетъ“ [7]), подъ такую

---

[1]) Арх. Юго-Зап. Рос., т. II, ч. III, № XII, стр. 44, 45.
[2]) Ibidem, № LII, стр. 177, 178.
[3]) Ibidem, стр. 176.
[4]) Ibidem, № XXI, стр. 77—79.
[5]) Ibidem, стр. 78.
[6]) Ibidem, № XXIII, стр. 83—84.
[7]) Ibidem, стр. 84.

„густую березовую и добовую руку“ [1]) попадались шляхтичи Трипольскій, Глембоцкій, Якубовскій и др. Крестьяне мѣстечка Дымера прогнали и прибили своего управляющаго, шляхтича Скорупскаго, за то только, что онъ прочелъ имъ универсалъ королевскій на Дымерское староство, и на основаніи этого требовалъ отъ нихъ повиновенія [2]). Конечно, всѣ эти вспышки затаенной ненависти и скрытаго желанія освободиться навсегда отъ власти пановъ ни къ чему не могли привести до тѣхъ поръ, пока самая обширная часть территоріи Украинской была не заселена и козачество въ ней въ смыслѣ народныхъ желаній и понятій не было образовано. Тѣмъ не менѣе, приходилось считаться и съ этими вспышками, такъ какъ все же онѣ причиняли извѣстный вредъ шляхтѣ, изъ которой собственно и состояла тогдашняя Речь Посполитая. И вотъ для того, чтобы дать выходъ стремленіямъ народа и вмѣстѣ съ тѣмъ отвлечь отъ шляхты непріятности, которыя эти стремленія ей причиняли, рѣшили увеличить число козацкаго войска. Янъ Собѣсскій приказалъ усилить вербовку козацкихъ полковъ на Полѣсьи. Въ 1684 году многіе шляхтичи начали получать такъ называемые „приповѣдные листы“ на вербовку новыхъ козацкихъ полковъ. Дѣятельно пошла эта вербовка; шляхтичи принимаютъ въ свои полки всѣхъ безъ разбору: козаковъ изъ-за Днѣпра, разныхъ гулякъ и бродягъ, мѣщанъ, околичную шляхту и т. п. [3]). Но большинство въ этихъ новозатяжныхъ полкахъ состояло изъ бездомныхъ шляхтичей, по крайней мѣрѣ, фамиліи старшины въ этихъ полкахъ всѣ безъ исключенія польскія; такъ мы встрѣчаемъ слѣдующія фамиліи: Демблевскій [4]), Струсь [5]), Жубръ [6]), Піотровскій [7]), Кончаковскій [8]), Ходаковскій [9]), Вабишевскій [10]) и много другихъ. Между тѣмъ мѣра, придуманная королемъ, не привела къ тѣмъ результатамъ, для которыхъ она была пущена въ ходъ: ни шляхты она не успо-

---

[1]) Арх. Юго-Зап. Россіи, т. II, ч. III, № XXIII, стр. 84.
[2]) Ibidem, стр. 118, 119.
[3]) Антоновичъ, послѣдн. вр. козач. стр. 43.
[4]) Арх. Ю.-З. Рос., т. II, ч. № XXXIII, стр. 118.
[5]) Ibidem. № XXX, стр. 103.
[6]) Ibidem.
[7]) Ibidem, стр. 142.
[8]) Ibidem.
[9]) Ibidem.
[10]) Ibidem.

коила, ни принесла правительству пользы, въ смыслѣ увеличенія военнаго контингента. Шляхтичи, получивъ приповѣдные листы и ставъ во главѣ довольно значительной военной силы, разсчитали, что идти на войну не стоитъ, а гораздо лучше воспользоваться имѣющимися людьми для личныхъ цѣлей. Одни употребляютъ свои силы для того, чтобы грабить сосѣдей-помѣщиковъ и такимъ образомъ увеличивать свои средства; другіе,—чтобы отомстить за личныя оскорбленія; третьи, наконецъ, для того, чтобы овладѣть имѣніями, подлежащими съ ихъ стороны иску, или чтобы принудить противниковъ къ юридическимъ въ ихъ пользу уступкамъ [1]). Напрасно гетманъ и назначенный региментарь Дружкевичъ своими универсалами старались остановить ихъ грабежи и насилія, напрасно призывали ихъ идти на войну [2]),—шляхтичи-полковники не обращали на эти универсалы никакого вниманія.

Вотъ передъ нами прежде всего панъ Криштофъ Лончинскій. Этотъ „уродзоный“ полковникъ, набравши полкъ, принялся грабить своихъ сосѣдей, съ цѣлью личной наживы. Первый подвигъ этого пана обрушился на имѣніе дворянина Ремигіана Сурина, Выступовичи. Козаки его заняли село, ночевали тамъ двѣ ночи и заставляли крестьянъ приносить себѣ и своимъ конямъ пищу и питье. Не довольствуясь этимъ, они взимали съ крестьянъ значительную контрибуцію, забирали у нихъ все, что было лучшаго, грабили и били ихъ безъ пощады [3]). Любопытно, что во всѣхъ этихъ грабежахъ большое вліяніе оказывали женщины, жены новозатяжныхъ полковниковъ, которыя подговаривали своихъ мужей и подчиненныхъ имъ козаковъ вершить свои подвиги. Примѣромъ такихъ дамъ могутъ служить: пани Лончинская и пани Тышкевичева [4]). Затѣмъ панъ Лончинскій ограбилъ богатое Чернобыльское имѣніе, принадлежавшее Яну Сапѣгѣ. Козаки Лончинскаго собирали провіантъ, грабили жителей, били и даже убивали ихъ, насиловали женщинъ, выпустили изъ чернобыльскаго замка содержавшагося тамъ важнаго преступника и, наконецъ, поколотили управляющаго имѣніемъ шляхтича Скорульскаго, вздумавшаго протестовать противъ такого поведенія [5]). Никакихъ преградъ не суще-

---

[1]) Антоновичъ, стр. 44.

[2]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, № XXVI, стр. 95, 96, 140, 141.

[3]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, № XI, стр. 42, 43.

[4]) Ibidem, стр. 42 и 45.

[5]) Ibidem, № XXX, стр. 103—109.

ствовало для пана Лончинскаго—не щадилъ онъ и монастырей. Такъ, въ іюнѣ 1685 года козаки его напали на имѣнія доминиканскаго чернобыльскаго монастыря, село Паришевъ, и здѣсь расправлялись такъ-же, какъ и другихъ селахъ, гдѣ имъ приходилось хозяйничать. И здѣсь они грабили крестьянъ, забирали все, что только могли захватить, не брезгали ничѣмъ, изнасиловали трехъ женщинъ и въ довершеніе всего избили по полусмерти ксендза, заступившагося за обиженныхъ, а также трехъ крестьянъ, войта, кассира и другихъ,—тоже вѣроятно заступившихся за своихъ собратій [1]). Не останавливали Лончинскаго никакія охранныя грамоты, даваемыя волостямъ. Такъ. онъ, не обращая вниманія на такую охранную грамоту, выданную Ивану Потоцкому на всю Народичскую волость, вмѣстѣ съ сотникомъ своимъ Демблевскимъ напалъ на села этой волости, собиралъ тамъ обильную контрибуцію и насильно принуждалъ крестьянъ и шляхту поступать въ свой полкъ, угрожая въ случаѣ несогласія смертью [2]). „Панъ Лончинскій, жаловались на него сосѣди, сдѣлался полковникомъ не ради защиты отечества и не ради услугъ Речи Посполитой. а исключительно для своихъ домашнихъ хозяйскихъ выгодъ, для угнетенія родовитой шляхты Кіевскаго воеводства и для опустошенія ихъ имѣній [3])". Слѣдующій подвигъ Лончинскаго былъ для него послѣднимъ: Услыхавъ о смерти бывшаго козацкаго полковника Максимиліана Булыги, онъ ворвался со своей бандой въ имѣнія его, Бранки и Клинецъ, разграбилъ ихъ такъ же, какъ и другія. Не довольствуясь этимъ, онъ ворвался въ женскій монастырь въ селѣ Клинцѣ, куда скрылась отъ его преслѣдованій жена покойнаго Булыги, Елена, избилъ ее и отобралъ все захваченное ею съ собой имущество, а также и все монастырское имущество [4]). Чаша шляхетскаго терпѣнія переполнилась вмѣстѣ съ этимъ подвигомъ. Собравъ ополченіе подъ начальствомъ одного изъ потерпѣвшихъ, шляхтича Яблонскаго, они напали на Лончинскаго поздней ночью, когда онъ, возвращаясь послѣ своего послѣдняго подвига, остановился на ночлегъ въ селѣ Кобылинѣ. Произошла кровопролитная схватка. Банда Лончинскаго была разбита на голову и самъ Лончинскій попалъ въ плѣнъ. Яблонскій отвезъ

---

[1]) Арх. Ю.-З. Рос., т. II, ч. III, № XXXI, стр. 109—112.
[2]) Ibidem, № XXXII, стр. 113—117.
[3]) Ibidem, № XXXI, стр. 110.
[4]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, № XLII, стр. 141—144.

его, помимо прямой судебной инстанціи, къ коронному гетману, убѣдилъ его судить Лончинскаго военнымъ судомъ и судъ этотъ приговорилъ „уродзонаго“ полковника къ смертной казни. Всю добычу. захваченную при взятіи въ плѣнъ Лончинскаго, Яблонскій присвоилъ себѣ [1]). Но одинъ только Лончинскій такъ несчастно кончилъ свою бурную жизнь—остальные не только не понесли никакой кары за свои подвиги, а, напротивъ, наслаждались плодами своихъ грабежей. Прежде всего предъ нами рисуется группа изъ четырехъ лицъ: Кошарскіе отецъ и сынъ, Иванъ и Яковъ Ловицкій. Относительно дѣятельности этой „честной компаніи“, имѣемъ свѣдѣніе только объ одномъ подвигѣ. Они ворвались въ имѣніе дворянъ Ставецкихъ Валавскъ и забрали у крестьянъ всѣ имѣвшіяся у нихъ деньги; не довольствуясь этимъ, они опустошили поля и огороды и захватили у крестьянъ, кромѣ денегъ, все, что только можно было унести [2]). На этомъ и органичилась ихъ дѣятельность. Не такъ бѣдна подвигами эпопея другого такого же полковника, Даніила Федоровича: козаки его собрали огромную контрибуцію съ хабенской волости, принадлежавшей дворянину Станиславу Бржескому. При томъ козаки Федоровича болѣе другихъ причиняли насилій жителямъ [3]). Далѣе онъ собралъ такую контрибуцію съ селъ, принадлежавшихъ Овручской іезуитской коллегіи, причемъ козаки совершили опять таки массу преступленій, перечень которыхъ мы имѣемъ [4]). Затѣмъ онъ разорилъ контрибуціями Народицкую волость, имѣніе Ивана Потоцкаго [5]), и наконецъ имѣніе Ѳеодора Ельца [6]). Впослѣдствіи онъ получилъ титулъ ротмистра его королевской милости и на деньги, полученныя отъ награбленной добычи, взялъ въ аренду обширное Иванковское имѣніе [7]).—Но коллекція наша была бы далеко не полна, если-бы мы не упомянули о типичнѣйшемъ представителѣ новосозданныхъ шляхтичей полковниковъ, панѣ Каролѣ Тышкевичѣ. Своевольный, гордый и буйный панъ Тышкевичъ, еще до назначенія своего полковникомъ, славился своими подвигами на поприщѣ заѣздовъ и сутяжниче-

---

[1]) Архивъ Ю.-З. Рос., т. II, ч. III, стр. 105—107, 173—176.
[2]) Ibidem, стр. 98, 99.
[3]) Ibidem, стр. 138—140.
[4]) Ibidem, стр. 145—147.
[5]) Ibidem, стр. 159—162.
[6]) Ibidem, стр. 211—217.
[7]) Ibidem, стр. 182—184.

ства. Гродскіе суды и Люблинскій трибуналъ неоднократно за эти подвиги приговаривали его къ „банниціямъ“ и инфаміямъ, т. е. лишенію чести и покровительства закона. Мало обращалъ вниманія Тышкевичъ на эти приговоры и продолжалъ свой образъ жизни. Можно себѣ представить, какъ онъ себя почувствовалъ, получивъ въ 1684 году приповѣдный листъ на составленіе козацкаго полка. Теперь-то можно будетъ, не боясь никакихъ судовъ, вволю удовлетворить всѣмъ своимъ инстинктамъ, а также чувству мести противъ всѣхъ тѣхъ, кто доселѣ противорѣчилъ ему или являлся виновникомъ вышеупомянутыхъ приговоровъ.—И дѣйствительно, набравъ козацкій полкъ, Тышкевичъ развернулся, ни въ чемъ себя не стѣсняя. Прежде всего Тышкевичъ обрушился на имѣнія тѣхъ шляхтичей, которые, такъ или иначе, были съ нимъ во враждебныхъ отношеніяхъ. Первой жертвой было имѣнія Мартіяна Сурина и Якубовскаго, село Ноздричи. Теперь не было уже рѣчи о сборѣ какой-нибудь контрибуціи—козаки грабили все, что попадалось, истязали при этомъ крестьянъ и насиловали женщинъ [1]). Затѣмъ той же участи подвергалось село Метыйки, имѣніе дворянина Скипора. Здѣсь работалъ сотникъ Тышкевича Гордѣй, при чемъ, кромѣ обыкновенно принятаго грабежа, истязанія крестьянъ и насилованія женщинъ, они избили самого владѣльца и грозили убить его. Все захваченное отвозилось въ имѣніе Тышкевича, Христиновку. Предусмотрительный полковникъ хотѣлъ составить себѣ на старость лѣтъ приличное состояніе [2]). Та же самая исторія повторилась и въ имѣніи Антонія Потоцкаго [3]). Въ имѣніи пана Поецкаго, Норинской волости, тотъ-же самый Гордѣй, съ отрядомъ въ 300 человѣкъ, также точно грабилъ крестьянъ, избилъ самъ Поецкаго и собиралъ дань деньгами въ пользу, какъ полковника, такъ и всей полковой старшины [4]). Такой же точно участи подверглось имѣніе пана Рончковскаго, село Яблоновка, которое онъ опустошилъ не грабежами, какъ другія имѣнія, а безпрерывными козацкими постоями [5]). Но хуже всего пришлось тѣмъ панамъ, которые имѣли съ Тышкевичемъ, прежде какія нибудь тяжбы. Такъ, мы имѣемъ свѣдѣнія о двухъ та-

[1]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III. № XV, стр. 49–51.
[2]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 51–56.
[3]) Ibidem, стр. 56–63.
[4]) Ibidem, стр. 63–68.
[5]) Ibidem, стр. 79–83.

кихъ пострадавшихъ. Вспомнилъ Тышкевичъ, что недавно, по приговору трибунала, онъ присужденъ былъ возвратить дворянину Стефану Криницкому село Варовичи, захваченное имъ, и рѣшился отомстить. Собравъ свой козацкій полкъ, Тышкевичъ разставилъ большую часть его въ Варовичахъ. Постой этотъ, взиманіе контрибуціи и требованіе постоянныхъ подводъ съ крестьянъ, подорвали въ корнѣ благосостояніе села, а грабежи, которыми Тышкевичъ, не довольствуясь взимаемой контрибуціей, отяготилъ село, окончательно раззорили его, такъ что Криницкій не могъ извлечь изъ него никакой пользы [1]). Затѣмъ Тышкевичъ обратился противъ другихъ своихъ враговъ, шляхтичей Харлинскихъ и Любовицкихъ, съ которыми онъ долго тягался по судамъ за право владѣнія мѣстечкомъ Бышевымъ. Теперь онъ рѣшилъ отомстить и этимъ своимъ врагамъ. Вначалѣ онъ ринулся на имѣніе Любовицкихъ и Бржескихъ, Хабенскую волость. Здѣсь онъ поставилъ своихъ козаковъ, взималъ съ крестьянъ контрибуцію, грабилъ ихъ и вообще всячески опустошалъ упомянутую волость [2]). Но не довольствуясь этимъ, онъ съ значительнымъ отрядомъ напалъ на спорное м. Бышевъ; отбилъ его у прежнихъ владѣльцевъ, водворился въ немъ самъ и разграбилъ все имущество Харлинскихъ. Добыча свозилась въ его имѣнія: Карловку и Христиновку [3]). Жалобы на дѣйствія Тышкевича посылались десятками. „Панъ Тышкевичъ, писала обиженная шляхта взялъ, приповѣдный листъ на козацкій полкъ, не столько для услуги его королевской милости и Речи Посполитой, сколько для угнетенія и униженія шляхетскаго сословія, для уничтоженія ихъ домовъ и мѣстностей и для увеличенія себѣ и женѣ своей различныхъ имѣній и выгодъ [4]). Пылая жаждой мести противъ заслуженныхъ отечеству шляхтичей, жаловались далѣе обиженные, за всѣ тѣ инфаміи, которыя онъ получилъ за свои наѣзды и грабежи отъ судовъ и трибуналовъ коронныхъ и литовскихъ, разставилъ своихъ людей по имѣніямъ шляхтичей, не обращая вниманія на посполитое право. Люди его дерзкіе, грубые и своевольные, подъ видомъ квартирныхъ и подводныхъ, собираютъ деньги, которыя имъ вовсе не слѣдуютъ, при этомъ бьютъ крестьянъ и грабятъ шляхетскіе дворы,

[1]) Архивъ Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 45—47, 68—72.
[2]) Ibidem, стр. 73—75.
[3]) Ibidem, стр. 99—102.
[4]) Ibidem, стр. 49.

отбиваютъ коморы, выпрягаютъ на „добровольныхъ“ дорогахъ лошадей и воловъ, которые получше забираютъ себѣ, а худшихъ отгоняютъ за нѣсколько миль, грабятъ купеческіе обозы и т. д. [1]). Но Тышкевичъ мало обращалъ вниманія на такія жалобы. Онѣ его ничуть не коснулись. Онъ продолжалъ свой образъ дѣйствій, нисколько не измѣняя его. Такъ прошелъ годъ. По прошествіи этого года Тышкевичъ распустилъ свой полкъ [2]), и началъ пожинать плоды своихъ подвиговъ. Онъ поселился въ деревняхъ своихъ: Карловкѣ и Христиновкѣ, обогащенныхъ свезенной туда добычей, а также и въ м. Бышевѣ, отнятомъ у его враговъ Харлинскихъ. Никто его не тревожилъ, и такъ спокойно прожилъ оно до самой смерти. Паномъ Тышкевичемъ исчерпывается серія полковниковъ шляхтичей, получавшихъ приповѣдные листы на вербовку козацкихъ полковъ. Ихъ мѣста занимаютъ лица украинскаго происхожденія. Польское правительство, видя, что своя шляхта не годится для этой функціи, вздумало нѣсколько измѣнить положеніе и отдало дѣло въ руки козацкихъ полковниковъ; но они немного поправили дѣло. Полковники, заступившіе мѣсто шляхтичей, немногимъ отличались отъ послѣднихъ. Да оно и естественно. Лица съ серьезнымъ историческимъ значеніемъ еще не появлялись, да и они искали мѣстъ не заселенныхъ, гдѣ бы они могли начать свое дѣло колонизаціи, и путемъ медленной работы создать козачество въ народномъ смыслѣ этого слова. А тѣ, которые бросались на заселенныя мѣстности, каковымъ тогда было Кіевское Полѣсье, не могли, конечно создать условій, которыя были бы удобны для развитія козачества, опять таки въ народномъ смыслѣ. Войско, собираемое ими, представляло лишь военныя банды, а потому и естественно было имъ желать пожить въ свое удовольствіе, будучи совершенно чуждыми тому народу, среди котораго жили. Поэтому-то прежде всего выступаютъ на сцену удальцы, въ родѣ Апостола Щуровскаго, Яремы Гладкаго, Игната Макухи, Василія Искрицкаго и др., которые мало чѣмъ отличались отъ упраздненныхъ шляхтичей. Вся разница состояла развѣ только въ томъ, что они съ большей охотой и послушаніемъ шли на войну, а во всемъ остальномъ, въ отношеніяхъ своихъ къ населенію, они представляли полную аналогію съ только что описанными шляхтичами. Да какъ имъ было и не грабить, когда само

---

[1]) Архивъ Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 50.

[2]) Ibidem, стр. 99.

польское правительство ставило ихъ въ необходимость поступать такъ. а не иначе. Произошло это вслѣдствіе безпорядка, царствовавшаго въ польскихъ финансахъ.

Нуждаясь въ деньгахъ, правительство рѣшило удовлетворять нанятые имъ полки не выдачей жалованья отъ казны, а сборомъ изъ земскихъ средствъ Кіевскаго воеводства. Но въ виду того, что администраціи въ тогдашней Польшѣ не существовало, пришлось поручить взиманіе этихъ сборовъ самимъ козакамъ, т. е. лицамъ, наиболѣе заинтересованнымъ въ дѣлѣ. Вслѣдствіе этого волости расписаны были по количеству полковъ, и каждый полковникъ получалъ право сбора „борошна“ (такъ назывались средства, которыя получали козацкіе полки во ввѣренныхъ имъ волостяхъ). Подъ названіемъ „борошна“, козаки имѣли право требовать съ жителей выдачи себѣ жалованья, снабженія ихъ провіантомъ на время похода, прокормленія ихъ во во все время зимы и наконецъ доставки орудій, необходимыхъ для лагерной жизни, т. е. возовъ съ лошадьми, топоровъ, косъ, лопатъ и т. п. Въ виду того, что требованія, которыя могли предъявлять козаки, не были строго ограничены, они, кромѣ того, что содержаніе ихъ ложилось тяжестью на жителей волостей, назначенныхъ имъ для постоя, естественно всегда могли требовать надбавки, смотря по желанію, и расширять эти требованія до какихъ угодно предѣловъ. Такъ оно дѣйствительно и получилось въ результатѣ. Не имѣя надъ собой никакого контроля, кромѣ самихъ-же себя, козацкая вольница, которой хотѣлось пожить въ свое удовольствіе, требовала, чтобы кромѣ борошна имъ давали: табакъ, соль, порохъ, свинецъ а подчасъ и рыбу, говядину и водку. Въ случаѣ же отказа со стороны жителей, они сами брали, что имъ было нужно, да еще въ наказаніе били и изтязали жителей, и окончательно расхищали ихъ имущество. Такимъ образомъ мѣра раздачи полковничьихъ приповѣдныхъ листовъ въ руки лицъ украинскаго происхожденія ни къ чему не привела, не принесла шляхтѣ никакой пользы, и не дала, въ то же время, исхода скрытымъ желаніямъ населенія. Полѣсье въ теченія почти десяти лѣтъ стонало подъ гнетомъ безчинствъ козацкой вольницы. Такъ недальновидна была политика Яна Собѣсскаго въ дѣлѣ внутренняго управленія.

Изъ новопоставленныхъ полковниковъ, на первомъ планѣ рисуется какой-то Макуха, собиравшій борошно въ мѣстечкѣ Городищѣ. Въ это мѣстечко онъ вторгнулся въ отсутствіе помѣщика Виржбов-

скаго и разграбилъ его въ конецъ за время постоя, причемъ сильно пострадало имущество помѣщика [1]). Далѣе, идетъ рядъ подвиговъ полковника Апостола-Щуровскаго, который, какъ и всѣ другіе, понималъ свое призваніе только въ смыслѣ возможности легкаго обогащенія, и широко пользовался правомъ собиранія борошна. Такъ, онъ въ 1687 году разграбилъ подъ видомъ сбора борошна имѣніе дворянина Θеодора Ельца [2]). Затѣмъ въ 1687 году онъ перешелъ въ Брагинскую волость, имѣніе Конецпольскаго, и здѣсь также хозяйничалъ по своему [3]). Вслѣдъ за нимъ является новый полковникъ, Василій Искрицкій, выходецъ изъ лѣвобережной Украины. Онъ былъ, по свидѣтельству Соловьева, тесть миргородскаго полковника Апостола и владѣлъ обширными помѣстьями въ нынѣшей Кіевской губерніи. Лицо приближенное къ королю, онъ былъ посланъ, какъ уполномоченный въ Украину, но, говоритъ Соловьевъ, неизвѣстно, для какихъ цѣлей [4]). Но г. Антоновичъ утверждаетъ, что онъ отправилъ былъ для наблюденія за дѣйствіями другихъ полковниковъ, находившихся въ Полѣсьи [5]). Но вмѣсто наблюденія за благоприличнымъ поведеніемъ другихъ, Искрицкій самъ началъ вести себя весьма предосудительно. Первое нападеніе его, въ формѣ раззорительнаго постоя, обрушилось на мѣстечко Чернобыль и прилежащія села той же волости. Козаки Искрицкаго грабили и обижали крестьянъ, изъ которыхъ многіе бѣжали, и вообще причиняли массу вреда и убытка владѣльцамъ [6]). Слѣдующимъ подвиговъ Искрицкаго было нападеніе на Хабенскую волость, сопровождавшееся такимъ же точно разграбленіемъ крестьянскаго имущества и насиліемъ надъ ихъ личностью, что заставило многихъ бѣжать куда глаза глядятъ [7]).

Далѣе послѣдовало разграбленіе Унинской и Воробьевской волостей, принадлежавшихъ уніатскому епископу Діонисію Жабокрицкому [8]). Затѣмъ Искрицкій напалъ на Демидовскій замокъ, выгналъ оттуда шляхтича Скорупскаго, предварительно избивъ его, и пріоста-

---

1) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, № XXXIV, стр. 119—122.
2) Ibidem, стр. 212—213.
3) Ibidem, стр. 148—158.
4) Соловьевъ, т. XIV, стр. 167.
5) Антоновичъ, стр. 51.
6) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II. ч. III, стр. 217—220.
7) Ibidem, стр. 223—226.
8) Ibidem, стр. 526—230.

новилъ добываніе желѣзной руды, производившееся вблизи этого замка, а самый замокъ разрушилъ [1]). Когда онъ уѣхалъ въ Варшаву, то поставленный имъ эсаулъ Моисей и наказной полковникъ Пиляй усердно продолжали собирать борошно. Но чаша терпѣнія наконецъ переполнилась, и дворяне-землевладѣльцы Кіевскаго воеводства подали коллективную жалобу на Искрицкаго, Моисея и Пиляя, заявляя, что они буквально не даютъ никому жить во всемъ воеводствѣ, похваляются истребить всю шляхту и нападаютъ даже на польскія хоругви, расположенныя въ Полѣсьи [2]). Эта коллективная жалоба обратила на себя вниманіе коронного гетмана Яблоновскаго. Еще раньше, онъ своимъ универсаломъ пытался остановить буйства Искрицкаго [3]), а теперь уже увидалъ, что тотъ перешелъ всякія границы и что необходимо вмѣшаться въ это дѣло. Отправленъ былъ приказъ схватить всѣхъ козаковъ виновныхъ въ разграбленіи шляхты и представить въ лагерь къ коронному гетману для суда надъ ними [4]). Завязалось дѣло судебнымъ порядкомъ: возный вручилъ позовъ, за отсутствіемъ Искрицкаго, его эсаулу Моисею [5]), и, казалось бы, не сдобровать ему. Но вышло совсѣмъ не такъ, какъ можно было предполагать. Дѣло заглохло. Очевидно, что Искрицкій съумѣлъ склонить на свою сторону гетмана, потому что послѣдній даже ходатайствовалъ за него передъ судомъ, прося отложить разбирательство на шесть недѣль, такъ какъ невозможно проѣхать, опасаясь нападенія со стороны Паліевыхъ козаковъ [6]). Завязавшееся, но ничѣмъ не окончившееся дѣло, нисколько не повліяло на образъ дѣйствій Искрицкаго: вплоть до 1694 года имѣются упоминанія о его подвигахъ на Полѣсьи. Назначенные имъ эсаулы Кевличъ и Мартинъ [7]), дѣятельно продолжали и въ этомъ году собирать борошно съ неизбѣжными аксессуарами этого сбора [8]).— Вотъ, наконецъ, и еще одинъ герой изъ сферы этихъ полковниковъ, необходимый для полноты картины — это нѣкій Ярема Гладкій. Въ 1690 году онъ состоялъ охотницкимъ полковникомъ на службѣ у Ма-

[1]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 237—239.
[2]) Ibidem, стр. 241—248.
[3]) Ibidem, стр. 236—237.
[4]) Ibidem, стр. 249—250.
[5]) Ibidem, стр. 251—253.
[6]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 272—273.
[7]) Ibidem, стр. 382.
[8]) Ibidem, стр. 288—292.

зены [1]). Въ 1691 году онъ перешелъ на службу за Днѣпръ, къ польскому королю [2]), получилъ „приповѣдный листъ", собралъ полкъ и пошелъ хозяйничать по Полѣсью. Своими подвигами онъ превзошелъ всѣхъ своихъ товарищей по ремеслу. Его козаки забирали все, что попадалось, даже крестьянскую одежду; сами крестьяне были всегда истязаемы; жены же ихъ подвергались насилію повсемѣстно, гдѣ только появлялись Яремины козаки. Такъ они разграбили имѣнія Овруцкой езуитской коллегіи, села: Базаръ, Калиновку, Игнатполе и др. [3]). Далѣе они перешли и заняли постоемъ Чернобыльскую волость, причемъ, подъ предлогомъ законной контрибуціи, грабили и сопроовждали свои подвиги истязаніемъ крестьянъ и насилованіемъ ихъ женъ [4]). Далѣе, такой же участи подвергалось село Обиходы, имѣніе Сурина, тоже подъ предлогомъ постоя, согласно распоряженію региментаря Бальцера Вильги [5]). Зимою того же 1694 года Ярема опустошилъ села Домонтовъ и Лопатки и всю Горностайпольскую волость [6]). Его полкъ пріобрѣлъ настолько грозную репутацію, что и послѣ смерти Яремы появленіе его козаковъ заставляло жителей браться за оружіе и отражать ихъ силою. Такъ, въ 1696 году, уже послѣ смерти Яремы, когда сотники Лобода и Чепурнякъ хотѣли занять постоемъ, одинъ-село Остроглядовичи, а другой село Хойники, то крестьяне послѣдняго вышли противъ нихъ съ оружіемъ въ рукахъ и отразили нападеніе, причемъ былъ убитъ бояринъ Покровскій [7]). Нельзя пройти молчаніемъ одной черты этихъ полковниковъ, которая состояла въ полномъ неуваженіи къ законамъ и ничѣмъ неограниченномъ стремленіи ко всякаго рода буйствамъ изъ-за удовлетворенія простой прихоти. Мы имѣемъ этому разительный примѣръ въ одномъ изъ полковниковъ—Апостолѣ-Шуровскомъ.

Стоя въ селѣ Брагинѣ у пана Силина, онъ встрѣтилъ разъ, во время прогулки, на улицѣ, одного шляхтича Ловицкаго, физіономія котораго ему не понравилась. Не говоря дурного слова, онъ подходитъ къ шляхтичу и начинаетъ колотить его чѣмъ попало. Удо-

[1]) Арх. Зап. Россіи, т. V, стр. 241, 242.
[2]) Лѣтопись Величка, т. III, стр. 190.
[3]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 395—301.
[4]) Ibidem, стр. 302—307.
[5]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 315—317.
[6]) Ibidem, стр. 319—322.
[7]) Ibidem, стр. 351—352.

влетворивъ своему дикому желанію, онъ еще велѣлъ своимъ козакамъ схватить Ловицкаго и бросить въ тюрьму. Только на другой день онъ опомнился и велѣлъ выпустить ни въ чемъ не повиннаго шляхтича. Такая же точно участь постигла шляхтича Котарскаго. Затѣмъ, узнавъ, что шляхтичъ Чеховскій хочетъ жаловаться на него Конецпольскому—Щуровскій велѣлъ по всѣмъ дорогамъ ловить этого шляхтича и во что бы то ни стало представить его предъ грозныя полковничьи очи. Но его не удалось поймать, и козаки вмѣсто этого напали на его домъ, разграбили имущество и избили паню Чеховскую, угрожая при этомъ убить ея мужа, если только онъ попадется въ ихъ руки [1]).

Такимъ образомъ мы видѣмъ, что набранные полки совершенно терроризировали край, приводя его въ состояніе полной анархіи вездѣ, гдѣ они ни появлялись. Сама шляхта, хотя и жаловалась на ихъ поведеніе, но собственными поступками, такъ сказать, потворствовала и поддерживала всѣ эти беззаконія и безобразія. Дѣло въ томъ, что въ характерѣ шляхты лежала черта постоянныхъ ссоръ между собой. Съ давнихъ поръ шляхетская свобода дозволяла въ случаѣ ссоры нападать одному на другого; и если военная сила одного, превосходила таковую же другого, то побѣдитель, конечно, завладѣвалъ имуществомъ побѣжденнаго. Присутствіе въ краѣ готовой милиціи, проводившей праздно время, давало возможность удовлетворять этому буйному характеру шляхтичей въ дѣлѣ заѣздовъ другъ на друга.

Съ одной стороны, козаки охотно готовы были предложить свои услухи шляхтѣ въ ихъ ссорахъ: вѣдь во время наѣздовъ и на ихъ долю кое-что перепадало; а съ другой стороны, и шляхта не менѣе охотно готова бы воспользоваться такими услугами. Мы имѣемъ массу примѣровъ такого обоюднаго соглашенія. Считаю долгомъ иллюстрировать фактами только-что высказанное положеніе. Такъ, двѣ отрасли семейства дворянъ Дидковскихъ ссорились между собой. И вотъ одна отрасль, воспользовавшись услугами козаковъ изъ полка Даніила Федоровича, напала на имѣніе враговъ и растаскала весь хлѣбъ изъ клуни [1]). Въ отвѣтъ на это потерпѣвшие наняли козаковъ того-же Федоровича и напавъ, на имѣніе обидчиковъ, разграбили ихъ имуще-

[1]) Арх. Ю.-З России, т. II, ч. III, стр. 162—165.

[2]) Ibidem, стр. 122—124.

ство и вдобавокъ исколотили ихъ женъ [1]). — Дворяне Радзиминскіе, съ отрядомъ слугъ и нанятыхъ козаковъ, ворвались въ имѣніе дворянина Трипольскаго, село Ласки, овладѣли имъ, ограбили дворъ и истязали жену и дѣтей управляющаго [2]). Дворянинъ Скальковскій и дворянка Маріанна Яницкая, нанявъ козаковъ изъ полка Даніила Федоровича безъ вѣдома самого полковника, напали на село Максимовичи, имѣніе шляхтича Войниловича, и разграбили его въ конецъ [3]). Управляющій королевскими таможнями, панъ Павелъ Горчинскій, нанявъ 15 козаковъ изъ полка Искрицкаго, напалъ на имѣніе Іосифа Шумлянскаго, Толоконь, избилъ управляющаго имѣніемъ, Вильковскаго, а село разграбили [4]). Въ отвѣтъ на это Рудницкій, нанявъ козаковъ изъ того же полка Искрицкаго, напалъ на имѣнія дворянъ Олексинца и Дрогоевскаго, села Веремійки и Крымска-Рудня, гдѣ арендаторомъ былъ обидчикъ Горчинскій, выгналъ владѣльцевъ изъ села, а Горчинскаго засадилъ въ тюрьму [5]).—Дворянинъ Пашинскій, нанявъ козаковъ изъ полка какого-то Киліяна, напалъ на имѣніе шляхтича Болсуновскаго, избилъ его жену и брата, а имѣніе разграбилъ [6]). Иногда козаки оставались недовольны своими нанимателями и сгоняли на нихъ же свое неудовольствіе.

Такъ, во время нападенія Радзиминскихъ на Трипольскихъ, козаки поссорились со своими нанимателями и помѣшали имъ воспользоватся плодами удачнаго нападенія [7]). Оставшись, по всей вѣроятности, недовольными платой, выданной имъ Скальковскимъ за участіе въ наѣздѣ на имѣніе Войниловича, козаки полка Федоровича напали на имѣніе Скальковскаго, село Жеревъ, избили его самого и его жену и захватили все имущество, и всю богатую добычу отвезли въ арендуемое ихъ полковникомъ имѣніе, село Иванковъ [8]). Вообще Полѣсье буквально стонало подъ гнетомъ условій, порожденныхъ пребываніемъ тамъ новозатяжныхъ полковъ по приповѣднымъ листамъ. Жалобы десятками сыпались на обидчиковъ. Всѣ свѣдѣнія мы почер-

---

[1]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 124—126.
[2]) Ibidem, стр. 126—132.
[3]) Ibidem, стр. 136--133.
[4]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 261—263.
[5]) Ibidem, стр. 264-266.
[6]) Ibidem, стр. 277—281.
[7]) Ibidem, стр. 129.
[8]) Ibidem, стр. 134-135.

паемъ изъ жалобъ частныхъ лицъ. Тяжесть положенія вызвала шляхту на нѣсколько коллективныхъ жалобъ. Такъ, въ 1687 году урядники гродскіе кіевскіе заявили протестъ, что они вслѣдствіе разбоевъ, чинимыхъ козаками по всѣмъ большимъ дорогамъ, не имѣютъ возможности проѣхать въ свои гроды: Овручъ и Житомиръ, а поэтому не могутъ поручиться за безопасность судебныхъ засѣданій и вслѣдствіе этого принуждены отложить разбирательство всѣхъ дѣлъ, стоящихъ на очереди [1]). Далѣе, въ 1692 году поданы были шляхтичами Кіевскаго воеводства двѣ коллективныя жалобы—одна противъ насилій полковника Искрицкаго [2]), другая на региментаря войскъ козацкихъ Станислава Дружкевича, который, вмѣсто того, чтобы, навербовавъ козацкіе полки, двинуть ихъ въ Молдавію и Буджакскія степи, противъ враговъ святаго Креста, а затѣмъ охранять границы воеводствъ, разставилъ полки по квартирамъ въ кіевскомъ воеводствѣ, и они, вмѣсто защиты, опустошаютъ и грабятъ шляхетскія имѣнія [3]). На всемъ пространствѣ, отъ рѣки Ирпеня до рѣкъ Славечны и Случи, жаловалась шляхта, происходитъ постоянное опустошеніе и раззореніе. Полнѣйшая руина царствуетъ въ этихъ мѣстахъ. Людей бьютъ и истязаютъ, наѣзжаютъ на ихъ села и дома, грабятъ и растаскиваютъ ихъ имущество, такъ что никто не можетъ быть увѣренъ ни въ своей безопасности, ни въ томъ сколько, времени придется ему свободно и безъ всякаго риска владѣть своимъ имуществомъ [4]). Но что могло сдѣлать польское правительство, получая такія жалобы. Оно было совершенно безсильно помочь горю, хотя и ясно понимало невозможность такого положенія. Первое и радикальнѣйшее средство помочь горю было бы, конечно, распоряженіе отнять у козаковъ право собирать борошно, и назначить имъ жалованье изъ казны. Но тутъ являлось непреодолимое препятствіе—въ польскомъ государственномъ казначействѣ не было денегъ, польскіе финансы пришли въ крайнее разстройство. Съ другой стороны, еслибы все таки оставить на обязанности Кіевскаго воеводства содержать милицію на свой счетъ, но предоставить ея сборъ дворянамъ, то тѣ самые шляхтичи, которые жаловались на тяжести, наносимыя имъ козаками, при сборѣ ими

---

[1]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 170, 171.
[2]) Ibidem, стр. 241—248.
[3]) Ibidem, стр. 230—231.
[4]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 231.

самими установленнаго налога, не стали бы его вовсе платить своей собственной администраціи. Такимъ образомъ вопросъ оставался бы, все таки, неразрѣшеннымъ, и козаки, не получая должнаго содержанія, постарались бы сами, своими средствами собрать его. Въ то-же время козаки, при первой попыткѣ польскаго правительства отнять у у нихъ это борошно, или хоть уменьшить его количество, совершенно отказывались идти въ какіе бы то ни было походы [1]), и такимъ образомъ упразднялась и та малая доля доля пользы, которую козаки приносили въ качествѣ вспомогательнаго войска. И вотъ, польское правительство, не будучи въ состояніи, въ виду вышеизложенныхъ соображеній, радикально помочь горю, думало какъ-нибудь подѣйствовать различными палліативами. Съ одной стороны, то коронный гетманъ, то регментари начинаютъ издавать универсалы къ козацкимъ полкамъ, убѣждая ихъ не обижать шляхту, очистить ту или другую волость, вознаградить убытки шляхтичей и т. д. Мы имѣемъ нѣсколько такимъ универсаловъ, изъ которыхъ первый, короннаго гетмана Яблоновскаго, относится къ августу 1684 года и писанъ ко всѣмъ козацкимъ войскомъ, съ тѣмъ, чтобы они не смѣли обижать шляхту Кіевскаго Полѣсья [2]). Но и другіе подобные универсалы не производили никакого дѣйствія на козаковъ, къ которымъ исключительно были обращены; за то польское правительство формально слагало съ себя отвѣтственность, запретивъ козакамъ продолжать свой образъ дѣйствій. Не виновато же польское правительство, что козаки его не слушаютъ. Другая мѣра, которой правительство думало помочь горю, была смѣна регментарей, которымъ поручено было главное начальство. Назначенный раньше регментаремъ Дружкевичъ, еще передъ Вѣнскимъ походомъ собиравшій вспомогательные полки на службу Рѣчи Посполитой, продержался на этомъ посту вплоть до 1692 года. Въ этомъ году на него подана была жалоба отъ дворянъ Кіевскаго воеводства [3]). Неизвѣстно, это-ли повліяло на польское правительство, но только послѣ этой жалобы мы не встрѣчаемъ уже Дружкевича въ качествѣ регментаря; на его мѣстѣ является новый—шляхтичъ Бальцеръ Вильга. Но и эта смѣна мало повліяла на положеніе вещей. Вильга не въ состояніи былъ что-либо подѣлать съ козаками.

---

[1]) Ambroży Grabowski, Staroż. hist. polskie, т. II, стр. 532.
[2]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 95, 96, 140, 141.
[3]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 230, 231.

Не только онъ не могъ, подобно Дружкевичу удерживать козаковъ отъ гибельнаго для шляхты поведенія, но козаки принуждали его даже поступать такъ, какъ имъ было угодно. Принуждаемый козаками онъ смѣнилъ полковника Манька, задобреннаго помѣщиками и удерживавшаго свой полкъ отъ взиманія контрибуцій, и назначилъ какого-то козака Кривоносенка, который не церемонился съ шляхтой: для перваго же дебюта онъ разграбилъ село Бородянку, находившееся въ арендномъ владѣніи пана Горчинскаго. Кромѣ того Вильга принужденъ былъ распредѣлить волости козакамъ, для сбора провіанта [1]). Если онъ и хотѣлъ какъ-нибудь отвлечь козаковъ отъ раззорительныхъ постоевъ, то могъ это сдѣлать не иначе, какъ призывая ихъ на какой нибудь походъ [2]). Но и самъ Вильга былъ не прочь погрѣть руки и поживиться въ свою собственную пользу, когда къ тому представлялась возможность—такъ, онъ разграбилъ имѣніе Михаила-Өедора Ельца [3]). Затѣмъ, отправляясь въ походъ противъ Палія въ 1694 году, онъ велѣлъ по дорогѣ разграбить имѣніе Ремигіана Сурина, село Гостомль, несмотря на протестъ сына владѣльца, Ивана Сурина, находившагося тутъ же на службѣ въ одной изъ панцырныхъ хоругвей [4]). Наконецъ, въ 1696 году, на него была подана такая же точно жалоба, какъ и на Дружкевича [5]), и онъ также былъ смѣненъ.

Вышеизложенными фактами исчерпывается исторія новообразованнаго козачества на Полѣсьи. Кромѣ приведенныхъ нами полковниковъ, мы имѣемъ свѣдѣніе еще о какомъ-то дворянинѣ Павлѣ Трипольскомъ, ограбившемъ, во главѣ своихъ козаковъ, городъ Овручъ [6]), а затѣмъ уже встрѣчаемъ послѣдняго полковника, какого-то молдавскаго выходца Кутысскаго Барабаша. Этотъ господинъ отличался тѣмъ, что даже оффиціально не признавалъ надъ собой никакой власти польскаго правительства и часто говаривалъ „У мене король-царь турецкій, гетманъ-господарь волосскій, бо треба и тое відати, що де Барабашъ, тамъ ничого не машъ [7]).

---

[1]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 196–199, 315–317.
[2]) Ibidem, 281—282.
[3]) Ibidem, стр. 215—217.
[4]) Ibidem, стр. 312—314.
[5]) Ibidem, стр. 330—332.
[6]) Ibidem, стр. 87—92.
[7]) Ibidem, стр. 337.

На этомъ мы оканчиваемъ описаніе первыхъ шаговъ возобновленнаго козачества, основавшагося въ заселенныхъ мѣстностяхъ, гдѣ, не будучи въ состояніи сдѣлаться явленіемъ народнымъ, оно стало въ положеніе совершенно чуждой населенію касты. Любопытно то обстоятельство, что козачество это, не имѣвшее рѣшительно никакихъ связей съ народомъ и ложившееся на него такой тяжестью, все таки, такъ или иначе, боролось съ шляхтой. Но его мѣсто вскорѣ заняли новыя лица и новыя событія. Появились люди, возобновившіе козачество въ смыслѣ народныхъ желаній — описаніе этого послѣдняго эпизода существованія козачества на правой сторонѣ Днѣпра составитъ предметъ послѣдней главы моей работы.

ГЛАВА V.

Дѣятельные колонизаторы: Искра, Самусь, Абазинъ и Палій. Послѣдній актъ борьбы козачества съ Польшей. Плѣнъ, ссылка Палія. Его возвращеніе. Второе запустѣніе Украины.

Въ то время, какъ только-что описанные нами полковники, получивъ приповѣдные листы, бросились въ населенное Полѣсье съ цѣлью личнаго обогащенія, личной наживы, удовлетворенія мелкимъ эгоистическимъ разсчетамъ и необузданной удали,—въ глуши украинскихъ степей, представлявшихъ теперь пустыню, шла дѣятельная, но пока еще тихая и ничѣмъ не безпокоившая шляхту, колонизація и образованіе козачества, но уже въ смыслѣ народныхъ желаній. Шляхта, терроризованная тѣми полковниками, которые, живя на Полѣсьи, грабили, роззоряли и всячески угнетали ее, не обратила никакого вниманія на эту работу; она даже рада была, что хоть часть этихъ полковниковъ, которыхъ она ставила всѣхъ подъ одну мѣру, ушла куда-то въ степь. А между тѣмъ недальновидная шляхта не понимала, что въ этихъ-то людяхъ, сидящихъ гдѣ-то въ глубинѣ степи, и таится главная для нея опасность. Всѣ Яремы, Искрицкіе, Щуровскіе, Макухи—все это было временное, минутное бѣдствіе. Они ничѣмъ не были воодушевлены, кромѣ своекорыстныхъ эгоистическихъ интересовъ, никѣмъ не поддерживаемы, а потому, такъ или иначе, ихъ легко было сломить и уничтожить при первомъ дружномъ усиліи. Не то были люди, сидѣвшіе тамъ въ глубинѣ степи и, до поры—

до времени, не трогавшіе шляхту,—они были глубоко преданы народнымъ интересамъ и народному дѣлу; они всецѣло были проникнуты чувствомъ гражданскаго долга и сознаніемъ необходимости безкорыстнаго служенія тому народу, среди котораго они жили. Они понимали народъ, и народъ понималъ ихъ, а потому они и были имъ поддерживаемы, и ихъ сломить—разъ они придутъ въ соприкосновеніе съ шляхтой, а съ тѣмъ вмѣстѣ возобновится и борьба, было уже не такъ легко.

Воспользовавшись королевскимъ универсаломъ объ уступкѣ украинскихъ земель козакамъ, и безпечностью шляхты, обрадовавшейся тому, что хоть часть козацкихъ полковниковъ ушла отъ нихъ, люди эти дѣятельно принялись колонизировать пустыню, надѣясь всему населенію дать козацкое устройство, а затѣмъ усилившись, отвергнуть совершенно вліяніе и власть Польши, и примкнуть къ восточной Украинѣ, ставъ подъ протекцію московскаго царя. Люди эти были: Захарій Искра, Самусь, Абазинъ и Семенъ Палій.

Захарій Ивановичъ Искра участвовалъ въ Вѣнскомъ походѣ Яна Собѣсскаго и, вѣроятно, тутъ же обратилъ на себя вниманіе польскаго короля, и получилъ приповѣдный листъ на вербовку козацкаго полка. Получивъ этотъ листъ, онъ отправился въ незаселенныя мѣста и началъ колонизировать край въ окрестностяхъ Корсуня. Полкъ его не назывался уже охотницкимъ, а получилъ мѣстное названіе Корсунскаго полка, чѣмъ Искра хотѣлъ, по всей вѣроятности, показать, что онъ имѣетъ чисто земскій народный характеръ [1]). Вслѣдствіе участія въ походахъ Собѣсскаго на турокъ, онъ укрѣпляетъ за собой право на тѣ земли, которыя онъ занялъ и колонизовалъ своимъ полкомъ. Такъ, въ походахъ 1686 и 1687 годовъ въ Молдавію Искра былъ раненъ [2]), и въ награду получилъ право на наслѣдственное владѣніе участками земли въ городѣ Житомирѣ [3]). Насколько онъ былъ преданъ интересамъ народа и чуждъ своекорыстныхъ цѣлей, свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что когда, въ разгаръ протеста козацкаго, польское правительство желало уже уничтожить козачество, которое ему теперь было не нужно, и намѣревалось задобрить Искру, предложивъ ему дворянство вмѣстѣ съ сыновьями

---

[1]) Лѣтоп. Величка, т. II, стр. 533, 550.
[2]) Zaluski, т. I, ч. II, стр. 965, 966, 998, 1002.
[3]) Арх. Ю.-З. Рос., т. II, ч. III, стр. 239—241.

Иваномъ, Климентомъ и Григоріемъ, то Искра съ полнымъ пренебреженіемъ отнесся къ этому предложенію [1]).

Самусь—или Самуилъ Ивановичъ, фамилія котораго неизвѣстна, еще болѣе Искры ознаменовалъ себя услугами Польшѣ, во время турецкихъ войнъ. Онъ отражалъ весьма счастливо вторженія татаръ въ Украину, разбивалъ возвращавшихся татаръ, отбивалъ у нихъ массу плѣнныхъ и добычи и безпокоилъ турокъ, занявшихъ Подолію. За это король наградилъ его титуломъ гетмана, прислалъ знаки гетманскаго достоинства и пригласилъ его поселиться въ Немировѣ или Винницѣ, принявъ на себя управленіе козацкими полками [2]). Когда Самусь получилъ гетманскій титулъ, въ точности неизвѣстно, такъ какъ въ началѣ 1692 года мы застаемъ какого-то наказного гетмана Гришка [3]). Въ томъ-же году региментарь Дружкевичъ именуетъ Самуся еще полковникомъ и говоритъ, что его полкъ густо населенъ и потому склоненъ къ бунту [4]). Въ 1694 году онъ съ титуломъ наказного гетмана, совмѣстно съ региментаремъ Вильгою, начальствуетъ надъ всѣми козацкими полками [5]), а въ 1696-мъ онъ является уже съ самостоятельной властью, что можно заключить изъ того, что всѣ распоряженія короннаго гетмана козакамъ передаются черезъ него [6]).

На ряду съ Самусемъ, въ опустѣвшей Брацлавщинѣ является еще полковникъ подольскій, Абазинъ, который дѣятельно ведетъ дѣло колонизаціи. Его поселенія занимаютъ территорію бывшихъ полковъ брацлавскаго и кальницкаго [7]). Региментарь Дружкевичъ въ 1694 году сообщаетъ также, что и его полкъ очень многолюденъ, и что постоянно появляются новыя поселенія въ окрестностяхъ Немирова, Винницы, Ильинецъ и Браслава [8]). Абазинъ дѣятельно занимался борьбой съ татарами, вошелъ черезъ посредство Палія въ сно-

---

[1]) Антоновичъ, Послѣдн. вр. козач., стр. 59.

[2]) Лѣтоп. Грабянки, стр. 241; Лѣт. Рубана, 145; Ригельм., ч. III, 13.

[3]) Ambr. Grabowski, Staroż. hist. polskie, т. II, 532; Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 235.

[4]) Ambr. Grabowski, т. II, стр. 532.

[5]) Лѣтопись Величка, т. III, стр. 260.

[6]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 329.

[7]) Антоновичъ, стр. 59.

[8]) Ambr. Grabowski, Staroż. hist. polskie, т. II, стр. 532.

шенія съ Мазепой, и чрезъ него сообщалъ этому послѣднему о движеніяхъ татаръ и турокъ [1]).

Такимъ образомъ, Самусь въ Богуславѣ [2]), Искра въ Корсунѣ, Абазинъ на Подоліи дѣятельно начали и продолжали колонизацію опустѣвшей страны.

Еще далѣе, на западѣ отъ поселеній Абазина, до самаго Днѣстра, возникали поселенія изъ различныхъ выходцевъ, которые тоже принимали козацкое устройство и селились въ видѣ различныхъ ротъ, сотенъ и т. д. Во главѣ этихъ поселеній стояли люди со странными не украинскими фамиліями, напр.: Палладій, Валлазонъ, Рынгашъ и друг. [3]).

Но вся дѣятельность всѣхъ этихъ людей, хотя и преданныхъ народному дѣлу, являлась ничтожной, сравнительно съ дѣятельностью человѣка, съумѣвшаго соединить въ себѣ всѣ народныя стремленія и всѣ народныя симпатіи. Человѣкъ этотъ былъ Семенъ Ивановичъ Гуркó, по прозвищу Палій. Совершенно чуждый своекорыстныхъ цѣлей и эгоистическихъ намѣреній, Семенъ Палій глубоко и всей душой преданъ былъ народу и его интересамъ. Ясно сознавая въ то-же время, чего хотѣлъ народъ, онъ съумѣлъ прокладывать дорогу его желаніямъ, среди всѣхъ противорѣчивыхъ обстоятельствъ. Онъ твердо шелъ къ намѣченной цѣли, ни на шагъ не уклоняясь въ сторону и не опуская головы ни передъ какими затрудненіями. Жизнь его совершенно безупречна въ смыслѣ отсутствія всѣхъ эгоистическихъ намѣреній и инстинктовъ, и онъ является, быть можетъ, единственнымъ человѣкомъ въ исторіи Украины, на репутаціи котораго не лежитъ ни одного темнаго пятна. Палій понималъ народъ, и народъ цѣнилъ и понималъ своего вождя, который одинъ заслуживалъ съ полнымъ правомъ титулъ „батька козацкого“. Въ глазахъ народа онъ остался на вѣки героемъ, и ни одинъ герой Украины не окруженъ въ нардной памяти столькими преданіями и пѣснями, сохранившимися до нашего времени, какъ послѣдній представитель давно зародившейся и сознанной народомъ политической и общественной цѣли освободить южно-русскій народъ отъ всякаго панства, въ какой-бы формѣ оно ни являлось и утвердить вольный козацкій строй подъ протекціей русскаго царя.

---

[1]) Лѣтопись Величка, т. III, стр. 219.

[2]) Ibidem, т. II, стр. 550.

[3]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 449—450.

Народная память окружила своего героя какой-то сверхъестественной славой и мистическимъ величіемъ. Легенды дѣлаютъ изъ него любимѣйшаго богатыря. Онъ одаренъ сверхъестественной силой и знаніемъ таинственныхъ неопредѣленныхъ средствъ, гарантирующихъ успѣхъ въ войнѣ. Онъ умѣетъ заряжать пушки наперекрестъ [1]), проѣзжаетъ незримый среди непріятельскаго войска [2]), сила его такъ велика, что ни одна лошадь, кромѣ его собственной, не можетъ вынести его тяжести, сабля его вѣситъ пять пудовъ, а кружка, изъ которой онъ пьетъ, вмѣщаетъ въ себѣ полведра. Его не беретъ ни пуля, ни сабля, онъ выходитъ цѣлъ и невредимъ изъ всякой битвы [3]). И всѣ эти качества дарованы ему свыше: „Вин не волшебствомъ, а ангельскимъ чиномъ воевавъ“, гласитъ народное преданіе [4]). Окружая своего героя такими сверхъественными качествами, народное преданіе, въ то-же время, совершенно ясно высказываетъ полное пониманіе историческаго значенія и характера дѣятельности Палія. Вотъ одно преданіе, заимствованное мною изъ сочиненія Г. Антоновича. Отправился крестьянинъ пахать поле. Плугъ его задѣлъ въ почвѣ за какой-то предметъ. Присмотрѣвшись, крестьянинъ увидалъ, что это голова—огромная мертвая голова. Вѣроятно, это голова какого-нибудь славнаго рыцаря, подумалъ крестьянинъ, и взялъ ее съ собою съ намѣреніемъ похоронить и отслужить панихиду по умершемъ. Принеся ее домой, онъ положилъ на столъ и сѣлъ съ семьей ужинать. Послѣ ужина жена посмотрѣла на голову и сказала: „Много, вѣрно, голова эта на своемъ вѣку хлѣба съѣла“.—„Будетъ она и еще ѣсть“, отвѣчала сама голова. Въ перепугѣ крестьянинъ сжегъ голову, а дочь его, по ошибкѣ, съѣла вмѣсто соли золу, образовавшуюся отъ этой головы, и забеременила. Узнавъ о случившемся, панъ велѣлъ уничтожить перегорѣлые кости, но не могъ остановить рожденія Богатыря. Богатырь этотъ былъ „добрый козакъ“, Семенъ Палій [5]). Мнѣ кажется, всякому понятенъ аллегорическій смыслъ этого преданія: чудесное возрожденіе козачества отъ соприкосновенія народа со старыми преданіями, возрожденіе, которому тщетно желаетъ противуборствовать панскій элементъ.

---

[1]) Антоновичъ, стр. 61—примѣч.

[2]) Кулишъ, Записки о Южн. Руси, т. I, стр. 126.

[3]) Кулишъ, Записки о Южн. Руси, т. I, стр. 126.

[4]) Ibidem.

[5]) Антоновичъ, стр. 62.

Относительно полученія Семеномъ Паліемъ своего прозвища существуютъ еще и другія преданія. По однимъ варіантамъ онъ сжегъ куринь на Запорожьи, чтобы добиться чести у запорожцевъ, не желавшихъ приглашать его, въ виду того, что онъ не могъ указать на свой родъ [1]). Въ этомъ преданіи несомнѣнно есть указаніе на будущій характеръ Палія, придававшаго такъ мало значенія всему родовитому. По другому преданію онъ сжегъ курень по нечаянности, оставшись одинъ въ Сѣчи, по уходѣ запорожцевъ [2]). Наконецъ, по третьему варіанту, онъ названъ Паліемъ за то, что „спаливъ чорта“ и за этотъ подвигъ ему было предназначено идти въ Украину и истреблять тамъ „всяку нехрість“, въ лицѣ ляховъ, татаръ и Мазепы [3]).

Переходя къ исторически вѣрнымъ біографическимъ свѣдѣніямъ о Паліѣ, могу сказать, что объ его жизни, до начала его дѣятельности, мало что извѣстно. Съ достовѣрностью только можно сказать, что фамилія его была Гуркó [4]), и что онъ родомъ былъ изъ подъ Борзны [5]). Въ Батуринѣ у него былъ совмѣстный съ братомъ Павломъ домъ. Палій—было прозвище, данное ему въ Сѣчи [6]). Когда онъ родился и сколько было ему лѣтъ—объ этомъ мы ничего не знаемъ. Извѣстно только, что сначала онъ служилъ на лѣвомъ берегу, считаясь въ компутѣ нѣжинскаго полка. Между прочимъ, въ селѣ Пуховкѣ сохранились о немъ преданія [7]). Въ 1677 году онъ уже отдалъ дочь свою, Параску, замужъ и, вѣроятно, тогда же ушелъ на Запорожье [8]). Въ 1683 году онъ участвовалъ въ Вѣнскомъ походѣ съ Яномъ Собѣсскимъ [9]). 1684-й годъ застаетъ его около Мошенъ и въ Немировѣ; очевидно, популярность его была велика, потому что около него и двухъ его товарищей сосредоточивается до 4000 выходцевъ съ лѣваго берега. Затѣмъ онъ уходитъ въ Сѣчь и посольство Порадовскаго и Монтковскаго въ іюнѣ 1684 года застаетъ его еще тамъ [10]). Затѣмъ, вплоть до 1688 года имѣемъ о немъ самыя

[1]) Антоновичъ, стр. 63.
[2]) Кіев. Стар. 1888 г. Май. Отд. II, стр. 47.
[3]) Антоновичъ, стр. 63.
[4]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 784.
[5]) Костомаровъ, Мазепа, стр. 155.
[6]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 784.
[7]) Антоновичъ, стр. 74.
[8]) Ibidem.
[9]) Кіев. Стар., 1885 г., № I, стр. 64 и 65
[10]) Костомаровъ, т. XV, стр. 634, 635.

скудныя свѣдѣнія. Знаемъ только, что онъ селится въ Хвастовѣ, женится вторично на сестрѣ какого-то Саввы, бывшаго все время его ревностнымъ сотрудникомъ [1]), вдовѣ, потому что находимъ упоминаніе о пасынкѣ Палія—Сѣмашкѣ [2]). Менѣе свѣдѣній имѣемъ мы о промежуткѣ времени отъ 1684 по 1688 годъ, но несомнѣнно, что это время прошло у него въ колонизаторской дѣятельности, потому что въ 1688 году онъ впервые обращается къ Мазепѣ съ просьбой принять его со всѣми войсковыми и жилыми фастовскими людьми подъ свою державу [3]). Изъ этого свидѣтельства становится яснымъ, что къ этому времени бывшая пустыня была уже довольно густо заселена.

Постараемся прослѣдить, какъ шло дѣло этой колонизаціи, и взвѣсить всѣ условія, способствовавшія Палію пріобрѣсти популярность и успѣшно вести свое дѣло. Воспользовавшись универсаломъ короля объ уступкѣ козакамъ пустынныхъ земель и получивъ въ 1684 году приповѣдный листъ на вербовку козацкаго полка, Палій прежде всего озаботился о сформированіи этого полка. Въ началѣ полкъ этотъ состоялъ изъ запорожскихъ козаковъ, „городовыхъ гулякъ и всякой сволочи", по выраженію лѣтописи" [4]). Образовавъ изъ этихъ элементовъ ядро своего полка, Палій занялъ пространство бывшаго Бѣлоцерковскаго полка, и дѣятельно принялся за его колонизацію. Соображенія, заставившія его занять эту именно территорію, по мнѣнію проф. Антоновича, были слѣдующія. Территорія эта находилась очень близко отъ Кіева, такъ что можно было легко сноситься съ Россіей черезъ посредство воеводы, жившаго въ Кіевѣ, а также непосредственно съ Мазепой; кромѣ того, территорія эта граничила съ Кіевскимъ Полѣсьемъ, мѣстностью населенною, которую въ случаѣ успѣха колонизаціи, можно было попробовать отбить отъ Польши [5]).

Но въ границахъ этой территоріи оставался одинъ весьма неудобный пунктъ для начинаній Палія—пунктъ этотъ былъ Бѣлая Церковь, до сихъ поръ занятая польскимъ гарнизономъ. Изъ всего

---

[1]) Ambr. Grabowski, Staroż. hist. polskie, т. II, стр. 531.

[2]) Антоновичъ, стр. 64.

[3]) Соловьевъ, т. XIV, стр. 174; Костомаровъ, Мазепа, стр. 159.

[4]) Лѣтоп. Рубана, стр. 145.

[5]) Антоновичъ, стр. 66.

предыдущаго мы видимъ, что поляки очень дорожили этой крѣпостью и ни за что не хотѣли выпустить ея изъ рукъ. Никакія усилія Дорошенка, никакія обязательства передъ Турціей, какъ, напр., по Бучацкому договору, не могли заставить Польшу очистить эту крѣпость. Наконецъ, по Журавницкому трактату она осталась законнымъ образомъ въ рукахъ поляковъ. Въ договорѣ съ Москвой 1686 года поляки опять таки выговорили себѣ эту крѣпость. Очевидно, они очень дорожили ею, какъ важнымъ стратегическимъ пунктомъ. И дѣйствительно, Бѣлая Церковь находилась въ сердцѣ Украины и присутствіе тамъ польскаго гарнизона было очень важно для Польши. Съ другой стороны, и Палію было очень важно, чтобы какъ-нибудь выжить оттуда поляковъ—и вотъ онъ селится въ близкомъ сосѣдствѣ къ Бѣлой Церкви, надѣясь, что сосѣдство это дастъ ему возможность уловить какой-нибудь моментъ оплошности со стороны поляковъ, который послужитъ ему помощью овладѣть Бѣлой Церковью. Мѣсто, выбранное Паліемъ, было мѣстечко Фастовъ.

Было еще одно соображеніе, заставившее его избрать именно это мѣстечко. Для того, чтобы яснѣе его представить, нужно обратиться къ исторіи этого мѣстечка. Съ давнихъ поръ Фастовъ являлся центромъ, гдѣ гнѣздились езуиты и откуда шла ихъ пропаганда. Въ началѣ XVI вѣка мѣстечко принадлежало роду дворянъ Макаревичей. Одинъ изъ представителей этого рода заложилъ свое имѣніе кіевскому бискупу, Пацу, за 15 рублей. Въ 1516 году сыновья вышеупомянутаго дворянина заявили, что отецъ ихъ не имѣлъ права закладывать имѣніе. Завязался процессъ, продолжавшійся очень долго, и окончившійся тѣмъ, что люблинскій трибуналъ призналъ мѣстечко Фастовъ, за давностью лѣтъ, собственностью кіевскаго бискупа. Долго стоялъ онъ совершенно пустынно, пока, наконецъ, въ 1582 году одинъ изъ кіевскихъ епископовъ, Верещинскій, вспомнивъ объ немъ, заложилъ тамъ поселеніе и въ честь собственнаго своего имени назвалъ его Новый-Верещинъ. Въ 1593 году, вслѣдствіе заявленія того же епископа, новое поселеніе было освобождено отъ всякихъ податей. Онъ основалъ тутъ костелъ и назначилъ для него парафію. Изъ писемъ этого епископа явствуетъ, что онъ предназначалъ Фастовъ для великой цѣли ополяченія всей Украины. Онъ основалъ здѣсь типографію, написалъ проектъ школы рыцарства, нѣчто въ родѣ Мальтійскаго ордена. Въ 1601 году, уже при бискупѣ Казимирскомъ, Сигизмундъ III даровалъ новому городу, который теперь

уже назывался Фастовъ, магдебургское право. Наступила для него счастливая пора. Въ 1612 году епископъ Радошевскій перенесъ сюда езуитскую коллегію и фастовскіе езуиты весьма много потрудились въ дѣлѣ распространенія католичества въ Украинѣ. Въ 1638 году Александръ Соколовскій перенесъ сюда и орденъ бернардиновъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что Фастовъ сдѣлался центромъ католической пропаганды на Украинѣ. Такъ стояло дѣло, когда вспыхнуло возстаніе Богдана. Козацкіе загоны овладѣли Фастовомъ и опустошили его въ 1649 году. Затѣмъ въ 1651 году Фастовъ подвергся новому опустошенію; такъ что когда впослѣдствіи черезъ него проходили польскія войска, то не встрѣтили тамъ ни одного человѣка. Послѣ этого бискупы уже не могли удержать его за собой. Езуитскій коллегіумъ переведенъ былъ въ Овручъ, а бернардины—въ Житомиръ [1]). Естественно, что въ виду такого значенія Фастова, какъ центра католицизма, Палію интересно было занять этотъ городъ, чтобы отнять у Польши возможность снова сдѣлать его такимъ же центромъ, какъ и прежде. И дѣйствительно, предположеніе Палія впослѣдствіи оправдалось. Съ одной стороны католическое духовенство и не думало отказываться отъ своей пропаганды; такъ, въ ноябрѣ 1689 года, кіевскій епископъ писалъ въ римскую конгрегацію, что хотя только одна двадцатая часть епархіи находится въ его вѣденіи, остальныя отошли или къ Россіи, или захвачены Паліемъ, однако онъ все же надѣется путемъ постоянной посылки миссіонеровъ укрѣплять въ вѣрѣ католиковъ и обращать схизматиковъ [2]). Съ другой стороны, бискупы и не думали забывать Фастова, къ которому они такъ привыкли. Такъ, когда въ 1699 году, послѣ сейма pacificationis, полкъ Палія оффиціально пересталъ существовать, сейчасъ же кіевскій епископъ Гомолинскій отрядилъ въ Фастовъ двухъ ксендзовъ „dla odebrania dobr swoich“ [3]).

Итакъ, Палій поселился въ Фастовѣ. Онъ объявилъ желающимъ селиться на его территоріи широкое право слободы, гарантируя всему новому населенію козацкія права. Поселенцы записывались въ компутъ бѣлоцерковскаго полка, состоявшаго на службѣ у Речи Посполитой. Такимъ образомъ козачество получало законное право на

существованіе и въ то же время оно становилось имъ въ народномъ смыслѣ этого слова. Далѣе Палій разсчитывалъ, усилившись, свергнуть власть Польши и отдаться подъ покровительство Россіи. Вся новообразованная козаччина должна была соединиться для этой цѣли. За это ручалась популярность Палія, росшая не по днямъ, а по часамъ, вслѣдствіе того чисто народнаго характера, который онъ придавалъ своей дѣятельности. Далѣе можно было расчитывать на то, чтобы изгнать изъ Югозападнаго края всю шляхту и привлечь его къ новому козачеству въ тѣхъ границахъ, въ которыхъ съ давнихъ поръ, со времени Хмельницкаго, указывало народное пониманіе, т. е. по рѣку Случь. За успѣхъ всѣхъ этихъ замысловъ опять таки ручалась популярность Палія, заставлявшая весь народъ поддерживать его, кромѣ того его поддерживала и Россія.

Первые шаги Палія на поприщѣ колонизаціи пошли съ такимъ успѣхомъ, что теперь можно было уже съ увѣренностью сказать, что Палій не ошибся въ своихъ расчетахъ. Поселенцы тысячами валили къ нему. Шли они изъ Поднѣстрія, изъ Молдавіи, изъ Галиціи: окрестности Перемышля и Санока совершенно опустѣли; въ нѣкоторыхъ селахъ ни одной хаты нельзя было найти населенной—все ушло къ Палію [1]). Но больше всего поселенцевъ валило съ лѣваго берега. Мазепа жаловался въ Москву, что вопреки договору не заселять праваго берега, цѣлыя слободы развелись въ Мошнахъ, Драбовкѣ, Богуславѣ и Корсунѣ, что нельзя удержать бѣглецовъ, потому что нельзя по всему берегу Днѣпра разставить стражу [2]). Больше всего бѣглецовъ съ Переяславской стороны идетъ къ Палію, жаловался Мазепа [3]).

Помимо популярности Палія, были и другія причины, заставлявшія народъ бѣжать къ нему. Любопытно, что въ судьбѣ Палія была какая-то фатальность совпаденій—причины, способствовавшія къ усиленному переходу народа къ нему на жительство, тѣ же самыя причины впослѣдствіи послужили къ погибели его и его дѣла.

Причины эти коренились въ томъ незавидномъ положеніи народа на лѣвой сторонѣ, которое не только не улучшилось послѣ паденія Самойловича, а напротивъ, ухудшилось. Подавивъ возстаніе,

---

[1]) Антоновичъ, стр. 68.
[2]) Соловьевъ, т. XIV, стр. 320.
[3]) Ibidem, стр. 318.

вспыхнувшее противъ стѣснительныхъ порядковъ, послѣ паденія Самойловича, Мазепа не озаботился о томъ, чтобы хоть сколько-нибудь устранить причины, вызвавшія это возстаніе. Даже Москва обратила вниманіе на стѣсненное положеніе народа и писала къ Мазепѣ, прося его какъ-нибудь облегчить положеніе поспольства. Но Мазепа отвѣчалъ уклончиво, ссылаясь на право давности и т. д. [1]). Очевидно, что положеніе народа стало ужъ очень стѣснительно, если появленіе такого выскочки, каковъ былъ Петрикъ, и то вызвало въ народѣ желаніе, формулировавшееся въ такихъ словахъ: „Пристанемъ къ Петрику, побьемъ старшину и арендаторовъ и сдѣлаемъ по прежнему, чтобы все было козачество, а пановъ не было" [2]).

Мазепа былъ типичный представитель старшины того направленія, первымъ представителемъ котораго былъ Выговскій. Для своего времени онъ былъ человѣкомъ очень образованнымъ; жизнь его была полна приключеніями и переворотами, что показываетъ, сколько было въ немъ природнаго ума и изворотливости. Сначала королевскій пажъ, потомъ уполномоченный отъ имени короля къ Тетерѣ, далѣе писарь Дорошенка, потомъ попавшій къ Самойловичу, и тутъ умѣвшій всѣмъ понравиться, и наконецъ гетманъ, Мазепа доказалъ, какъ ловко умѣлъ онъ пользоваться всякими самыми противорѣчивыми обстоятельствами. Лучшіе годы его жизни прошли въ Польшѣ, да еще при королевскомъ дворѣ. Здѣсь онъ воспитался, здѣсь сложились всѣ его убѣжденія и воззрѣнія. Въ душѣ его прочно сложились и укрѣпились извѣстные общественные и государственные идеалы и образцомъ ихъ служила естественно шляхетская Речь Посполитая. Явившись въ Украинѣ гетманомъ, онъ, конечно, долженъ былъ стать въ рѣзкую противоположность ко всѣмъ, вѣками выработавшимся, стремленіямъ и идеаламъ того народа, которымъ онъ взялся управлять. Народъ поражалъ его своими мужицкими инстинктами— каковыми, для такого убѣжденнаго шляхтича, казались вѣковые демократическіе идеалы народа. Онъ считалъ, что недостатокъ шляхетства и ненависть ко всѣмъ панскимъ и шляхетскимъ притязаніямъ происходитъ вслѣдствіе грубости и необразованности, и взялъ на себя задачу восполнить этотъ недостатокъ. Вся его дѣятельность пошла какъ разъ въ діаметрально-противоположномъ направленіи желаніямъ

---

[1]) Соловьевъ, т. XIV, стр. 193.
[2]) Ibidem, стр. 185.

народа. Онъ рѣшился создать въ Украинѣ шляхетское сословіе и поставить его въ такія отношенія къ народу, какія существовали въ Польшѣ. Онъ пошелъ далѣе своихъ предшественниковъ по убѣжденію, и открыто преслѣдовалъ тѣ цѣли, ради которыхъ онъ прикрывался маской стремленія къ общему благу.

Для начала онъ приглашаетъ къ себѣ на службу польскихъ шляхтичей и составляетъ изъ нихъ почетный караулъ, подъ названіемъ „гетманскихъ дворянъ" [1]). Въ свитѣ и отрядѣ, его окружавшемъ, находились исключительно одни поляки. Князь Барятинскій, кіевскій воевода, писалъ въ Москву: „Начальные люди въ Малороссіи теперь все поляки; при Обидовскомъ, племянникѣ гетмана, нѣтъ ни одного козака. Гетманъ держитъ у себя въ милости и призрѣніи только полки охотницкіе, компанейскіе и сердюцкіе, надѣясь на ихъ вѣрность, а въ полкахъ этихъ нѣтъ ни одного козака—все поляки" [2]). Помимо этого, Мазепа стремился и въ самой Малороссіи создать классъ наслѣдственныхъ дворянъ. Съ этой цѣлью онъ основалъ совершенно новый, до него не существовавшій, классъ старшины, подъ названіемъ „бунчуковыхъ товарищей". Въ этотъ классъ попадали сыновья всѣхъ генеральныхъ старшинъ, а также полковниковъ и знатнѣйшей шляхты. Такимъ образомъ формировалась родовая аристократія, доселѣ неизвѣстная въ Украинѣ, гдѣ можно было добиться привилегированнаго положенія только путемъ извѣстнаго рода заслугъ [3]). Кромѣ этихъ дѣйствій въ пользу своихъ идеаловъ, Мазепа всячески поддерживалъ старшину въ ея желаніи подчинить себѣ побольше поспольства, а также и простыхъ козаковъ. Въ письмѣ, которое мы только-что цитировали, князь Барятинскій пишетъ еще: „У козаковъ жалоба великая на гетмана, полковниковъ и сотниковъ, что они, для искорененія старыхъ козаковъ, всѣ ихъ прежнія вольности отняли, обратили ихъ себѣ въ подданство; земли всѣ по себѣ разобрали. Изъ какого села прежде выходило по полтораста, теперь выходитъ только по пяти или по шести" [4]). По отношенію же къ поспольству Мазепа строго слѣдилъ, чтобы посполитые не смѣли записываться въ козаки. „Пильне упоминаемъ и приказуемъ, же бы нигдѣ ново козаки

---

[1]) Лѣтопись Величка, т. III, стр. 442.
[2]) Соловьевъ, т. XIV, стр. 317.
[3]) Бантышъ-Каменскій, т. III, стр. 204.
[4]) Соловьевъ, т. XIV, стр. 317.

съ тяглыхъ людей не уписывалися въ реестръ козацкій" [1]). Понятно, что такія условія ничего не могли породить въ народѣ, кромѣ ненависти къ тому, кто ихъ создавалъ, и желанія освободиться какъ-нибудь отъ этихъ условій. Вѣдь подобныя же условія породили многолѣтнюю вражду съ Польшей, и вдругъ, своя же старшина создаетъ подобныя условія. Мазепа ясно понималъ ненависть народную къ себѣ, прорвавшуюся уже въ желаніи поддержать Петрика, и всячески старался оградить себя отъ этой ненависти и ея проявленій. Мы ужъ только что говорили, что его окружали наемные полки, гдѣ вовсе не было природныхъ козаковъ, и на нихъ Мазепа совершенно полагался. Кромѣ того, онъ выпросилъ у московскаго правительства цѣлый полкъ стрѣльцовъ и помѣстилъ ихъ въ Батуринѣ. Такимъ образомъ онъ, подобно тому, какъ когда-то Тетеря, держался только благодаря посторонней силѣ. Это было такъ очевидно, что даже Лукьяновъ, только проѣздомъ бывшій въ Батуринѣ, пишетъ: „Гетманъ стрѣльцами-то и крѣпокъ, а то бы хохлы его давно уходили, да стрѣльцовъ боятся" [2]).

Таково было положеніе народа на Украинѣ. Естественно, что при желаніи народа освободиться отъ такого тягостнаго положенія, появленіе на правой сторонѣ такого человѣка, какъ Палій, этого „батька козацкаго", должно было обратить къ нему всѣ народные сердца. Народъ видѣлъ въ немъ олицетвореніе всѣхъ своихъ завѣтныхъ идеаловъ, казавшихся Мазепѣ мужицкими инстинктами, видѣлъ въ немъ и подвластной ему территоріи осуществленіе этихъ идеаловъ, и, конечно, никакія силы не могли остановить бѣжавшихъ къ нему людей, искавшихъ мира и свободы. Популярность его росла еще болѣе отъ сравненія съ такимъ непопулярнымъ лицомъ, каковъ былъ Мазепа. До Мазепы доносились ужъ слухи, что козаки поговариваютъ: „Дадимъ Палѣю гетманство, вручимъ ему всѣ клейноты—Палѣй пойдетъ уже не Петриковою дорогой, знаетъ онъ, какъ украинскихъ пановъ прибрать къ рукамъ" [3]). Помимо того, что популярность Палія казалась для Мазепы оскорбительной, она унижала его гордость и возбуждала въ немъ чувство зависти—популярность эта была для него опасной, потому что Палій шелъ и дѣйствовалъ въ противопо-

---

1) Акты Зап. Россіи, т. V, стр. 220.
2) Рус. Арх. 1863 г., стр. 35.
3) Соловьевъ, т. XIV, стр. 208.

ложномъ направленіи всѣмъ тѣмъ стремленіямъ и идеаламъ, которые были выработаны Мазепою. Такимъ образомъ, тѣ самыя причины, которыя возвышали популярность Палія и увеличивали число поселенцевъ, стремившихся къ нему, впослѣдствіи должны были его погубить,—вѣдь Мазепа во всякомъ случаѣ долженъ былъ быть сильнѣе Палія, на его сторонѣ стояла и Москва и въ то же время онъ не могъ допустить безъ сопротивленія такого возвышенія своего врага. Между тѣмъ иронія судьбы выразилась въ томъ, что обстоятельства постоянно заставляли Палія просить помощи и покровительства у того человѣка, который былъ въ сущности его злѣйшимъ врагомъ. Борьба, которая неминуемо должна была возникнуть вслѣдствіе антагонизма стремленій двухъ этихъ людей, выразилась не въ открытой формѣ: Мазепа изподтишка выжидалъ удобный моментъ, чтобы однимъ ударомъ сразить своего врага. Сущность этого антагонизма,—котораго Палій въ своемъ чистосердечіи не сознавалъ, да и некогда было ему обращать на него вниманіе,—народъ сознавалъ вполнѣ ясно. Сознаніе что выразилось въ легендахъ относительно взятія Палія подъ арестъ Мазепой. Такъ, одна легенда говоритъ, что Мазепа за то погубилъ Палія, что народъ его сильно любилъ, называлъ козацкимъ батькомъ, за то, что Палій искренно былъ преданъ народу и защищалъ его отъ пановъ и отъ всѣхъ, кто хотѣлъ его обидѣть [1]). Народная дума вкладываетъ въ уста Мазепы слѣдующія слова, обращенныя къ шведскому королю Карлу: „Бо у Семена Палія хочь и не велике військо охотнее, тилько одна сотня, а буде нашу тысячу гнати и рубати, буде намъ, *великимъ панамъ*, великого страху завдавати“ [2]). Такимъ образомъ мы видимъ, что, кромѣ антагонизма между Мазепою и Паліемъ, совершенно отчетливо указывается и на чисто демократическій характеръ дѣятельности послѣдняго.

Изъ всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній, мнѣ кажется, становится яснымъ, что дѣятельность Палія на почвѣ колонизаціи должна была увѣнчаться полнѣйшимъ успѣхомъ. Самъ Палій писалъ Мазепѣ: „Я нашелъ здѣсь край опустѣлый и работалъ около Фастова, какъ около своего хозяйства; обширныя поля засѣялись хлѣбомъ, увеличилось число жителей, не такъ изъ польскихъ панскихъ подданныхъ, какъ съ береговъ Днѣпра, изъ войска запорожскаго и изъ Волош-

---

[1]) Антоновичъ, стр. 73.

[2]) Сборн. пѣсенъ Максимовича, изд. 1849 г., стр. 89.

го края; и церкви Божіи во славу имени Божія я построилъ и ıасилъ“ [1]). Другой современникъ, священникъ Іоаннъ Лукьяновъ, ıсываетъ Фастовъ слѣдующими словами: „Хвастовъ городина крѣп-ı, красовито стоитъ на горѣ, острогъ деревянный кругъ жилія го; валъ земляной по виду не крѣпокъ добре, но сидѣльцами крѣ-ːъ“ [2]). Этихъ свидѣтельствъ, мнѣ кажется, совершенно достаточно ː доказательства того, что колонизаторская дѣятельность Палія шла ːѣшно.

Для того, чтобы не нарушать успѣшности хода колонизаціи, лій въ промежутокъ времени отъ начала своей дѣятельности до 38 года не трогаетъ поляковъ и всячески старается избѣгать лкновеній съ ними, заботясь въ то же время о томъ, чтобы со-эсти тѣ условія, которыя онъ принялъ на себя въ смыслѣ участія войнѣ съ турками и татарами. Война эта была для него необхо-ıа также потому, что ему нужно было обезопасить границы коло-зованныхъ земель и, кромѣ того, укрѣпить за собой репутацію ıвнаго воина, необходимую для полноты качествъ любимаго наро-ıъ героя.

И дѣйствительно, Палій начинаетъ дѣятельно вести войну съ 'арами и всегда съ неизмѣннымъ успѣхомъ. Онъ врывается въ джакскія степи, захватываетъ массу добычи и разбиваетъ всѣ от-ды, высылаемые противъ него; одинъ разъ ему посчастливилось ıть въ плѣнъ одного татарскаго султана [3]). На турокъ и татаръ ь нагонялъ такой страхъ, какого не внушалъ имъ еще ни одинъ зацкій предводитель со времени смерти Сѣрка [4]). Такъ, турки, про-жавшіе караванъ купцовъ, съ которыми возвращался Лукьяновъ, рѣшились провожать ихъ дальше границъ Украины, мотивируя ɔй отказъ страхомъ передъ Паліемъ [5]).

Въ свою очередь и татары отплачивали Палію тѣмъ же и имъ ɜвалось иногда побѣдить Палія. Какъ на примѣръ такой удачи, жно указать на нападеніе татарскаго отряда, заставившаго Палія ıереться въ старомъ городѣ, и отраженнаго только благодаря по-

[1]) Костомаровъ, Мазепа, стр. 156.
[2]) Рус. Арх., 1863 г., стр. 46.
[3]) Лѣтопись Грабянки, 241; Лѣт. Рубана, 146; Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, 276.
[4]) Соловьевъ, т. XIV, стр. 193.
[5]) Рус. Арх. 1863 г., стр. 411.

мощи съ лѣваго берега [1]). Но такіе факты не оставались въ народной памяти, между тѣмъ какъ разсказы о его подвигахъ передавались изъ устъ въ уста, и еще больше увеличивали популярность Палія и укрѣпляли за нимъ титулъ „козацкаго батька".

Не смотря на такое, казалось-бы, скромное поведеніе Палія и не смотря на то, что онъ выполнялъ всѣ принятыя на себя обязательства относительно Польши, дѣятельность его обратила на себя вниманіе польскаго правительства и очевидно возбудила въ немъ различныя опасенія, потому что оно вдругъ, безъ всякой причины, порѣшило избавиться отъ Палія, человѣка, казалось-бы, столь полезнаго для Польши. Не знаю, вслѣдствіе-ли просьбы Палія принять его со всѣмъ фастовскимъ населеніемъ подъ московскую державу, послѣдовавшей въ 1688 году [2]), о которой намъ приходилось уже говорить, или поняли поляки, куда сремится Палій, но только въ 1688 году произошло первое столкновеніе Палія съ Польшей. Совершенно неожиданно Палій былъ схваченъ въ Немировѣ, посаженъ сначала тамъ въ тюрьму, а затѣмъ отвезенъ въ лагерь къ коронному гетману подъ Каменнымъ Бродомъ [3]). Малорусскія лѣтописи смѣшиваютъ, по всей вѣроятности, плѣнъ Палія съ плѣномъ Тукальскаго и Гуляницкаго, называя мѣстомъ, гдѣ содержался въ плѣну Палій, городъ Мальборкъ [4]). Въ то же время въ Фастовъ явились два ксендза съ требованіемъ отдать имъ Фастовъ, который составляетъ собственность кіевскихъ бискуповъ, а также и церковь, которая была изъ уніатской обращена въ православную. По всей вѣроятности, этихъ ксендзовъ сопровождалъ значительный отрядъ, потому что козаки хотя и отстояли церковь, но не въ состояніи были выбить кзендзовъ изъ города, гдѣ тѣ и водворились [5]).

Какъ-бы въ отместку за это, Паліевы козаки обрушились на Кіевское Полѣсье, гдѣ они до сихъ поръ не бывали. Но вторженіе ихъ было совершенно различно отъ поведенія тѣхъ козаковъ, о которыхъ мы раньше говорили. Паліевцы грабили и обижали только шляхту. Такъ, они раззорили имѣніе дворянъ Меленевскихъ [6]); за-

[1]) Сборн. Лѣт., изд. 1888 г., стр. 269, 270.
[2]) Соловьевъ, т. XIV, стр. 174.
[3]) Лѣтоп. Грабянки, стр. 246; Лѣт. Рубана, стр. 145.
[4]) Лѣтоп. Грабянки, стр. 246; Лѣт. Рубана, стр. 145.
[5]) Соловьевъ, т. XIV, стр. 174.
[6]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 174.

тѣмъ обрушились на имѣнія езуитовъ овручской коллегіи, которая, какъ извѣстно, сначала находилась въ Фастовѣ, а затѣмъ переведена была въ Овручь. Это была уже настоящая месть за то, что ксендзы предъявили свои права на Фастовъ. Езуиты, для защиты отъ Палієвыхъ козаковъ, вызвали отрядъ польскаго войска подъ начальствомъ Гуровскаго, который расположился въ Горностайполѣ [1]). Затѣмъ, далѣе, сотники Паліева полка, Андрушенко и Тишко, напали сначала на имѣніе дворянина Ѳедора Ельца [2]), а затѣмъ, отраженные оттуда, они въ количествѣ 500 человѣкъ напали на арендуемое паномъ Ѳедоровичемъ, бывшимъ полковникомъ, имѣніе Иванковъ, и разграбили его въ конецъ; они разогнали панскихъ слугъ, захватили все имущество, серебро, посуду, сукна, деньги и, подъ конецъ, насмѣхаясь надъ религіозными обрядами поляковъ, выволокли на мостъ дохлую свинью и кричали: „Нехай ляхи зъїдять, буде имъ на ціли святки". Они отступили отъ замка, который принялись осаждать, только тогда, когда имъ заплатили окупъ за сохраненіе замка и церквей, по всей вѣроятности, обращенныхъ въ уніатскія [3]).

Между тѣмъ Палій, просидѣвъ въ плѣну цѣлый годъ, весной 1689 года вырвался оттуда и бѣжалъ въ Фастовъ при помощи козаковъ. Мы не знаемъ, какъ совершилось это бѣгство. Лѣтописи говорятъ о немъ такъ смутно, что трудно составить себѣ ясное понятіе, какъ оно совершилось. Вотъ, напр., описаніе, приведенное у Грабянки: „Откудова, по довольномъ сидѣніи, на нарочно подведеннаго коня въ кайданахъ спадши, къ своему войску прибѣгъ" [4]). Какъ видно изъ приведенныхъ словъ, очень смутное описаніе. Точно то же приведено и у Рубана [5]). Костомаровъ, на основаніи одной народной пѣсни, въ сопоставленіи съ извѣстіемъ недостовѣрной Исторіи Руссовъ—Кониcскаго, дѣлаетъ догадку, что козаки освободили своего предводителя, тайно въѣхавши въ городъ, гдѣ онъ сидѣлъ, скрытые между воловьими шкурами, навьюченными на возы. Когда наступила ночь, они схватили привратниковъ, сторожившихъ темницу, гдѣ сидѣлъ Палій, и, освободивъ своего полковника, увезли его

---

[1]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 180, 181.
[2]) Ibidem, стр. 182—184.
[3]) Ibidem, стр. 215.
[4]) Лѣт. Грабянки, стр. 240.
[5]) Лѣт. Рубана, стр. 145.

съ собой. Но догадка эта, какъ сознается и самъ Костомаровъ, можетъ быть отнесена къ области болѣе или менѣе остроумныхъ гипотезъ [1]).

Во всякомъ случаѣ, Палій освободился изъ плѣна и явился въ Фастовъ.

Прежде всего онъ потребовалъ удаленія ксендзовъ изъ города; но когда тѣ отвѣчали отказомъ на его требованіе, то онъ велѣлъ ихъ схватить и, по приговору войсковой рады, отрубить имъ головы [2]).

Съ этого времени Палій становится во враждебныя отношенія къ Польшѣ. Съ одной стороны, онъ обращаетъ свою вражду на шляхту, стараясь всячески выжить ее изъ имѣній, вмѣшивается въ ихъ ссоры, заступается за крестьянъ и вообще дѣятельно и открыто дѣйствуетъ въ пользу плана повсемѣстнаго изгнанія шляхты изъ южно-русскиго края. Съ другой стороны, онъ становится во враждебныя отношенія къ польскому правительству, всячески стараясь убѣдить Мазепу и Москву принять его подъ свою державу. Обратимся сначала къ первой сторонѣ его дѣятельности.

Начиная съ 1687 года, Палій вступаетъ въ открыто-враждебныя отношенія съ шляхтой. За неимѣніемъ этого сословія въ мѣстностяхъ, занятыхъ собственно поселеніями Палія, отряды его полка нападаютъ на шляхетскіе дома и имѣнія на Полѣсьи и Волыни, и всячески стараются вытѣснить шляхту изъ имѣній и причинить ей, если-бы не удалось достигнуть этого результата, какъ можно больше вреда и убытка, съ цѣлью обезсиленія ея. Нападенія эти представляютъ собой ужъ не тѣ безсмысленные грабежи и разбои, которыми такъ богата исторія собственно полѣсскихъ полковъ. Паліевы набѣги обладаютъ одной весьма характерной чертой, а именно—постояннымъ присутствіемъ строго намѣченной политической цѣли—изгнать всю шляхту изъ границы юго-западнаго края, на пространствѣ отъ Днѣстра до Случи и Днѣпра, освободить крестьянъ совершенно отъ власти и зависимости панской, замѣнивъ эту зависимость извѣстными налогами въ пользу козацкаго устройства въ формѣ податей или несенія военныхъ повинностей—и цѣль эта понималась не только самимъ Паліемъ, или его козаками, близко къ нему стоящими, она понималась всѣмъ народомъ, и въ этомъ взаимномъ пониманіи и ко-

---

[1]) Русск. Мысль, 1880 г., № VI, стр. 44. 45.

[2]) Соловьевъ, т. XIV, стр. 174.

ренилась главная причина такого быстраго успѣха Палія и его начинаній. Въ доказательство только-что высказаннаго положенія я приведу одинъ примѣръ. Нападая на панскіе дворы вмѣстѣ съ палѣевыми козаками, крестьяне говорили: „За Вислу треба ляхівъ прогнати, щоби ихъ тутъ и нога не постала“ [1]).

Посмотримъ, какъ Палій приводилъ въ исполненіе свой планъ вытѣсненія шляхты. Прежде всего козаки его врывались въ панскія имѣнія, выгоняли и били панскихъ урядниковъ и старались заставить крестьянъ выселяться въ Хвастовщину. Постараемся фактами иллюстрировать это положеніе. Такъ, козаки его заняли Новоселки и Оранное Унинской волости, принадлежавшія прежде Кіево-Печерской Лаврѣ и поступившія теперь во владѣніе уніатскаго епископа Діонисія Жабокрицкаго, — козаки растаскали пасѣки, разграбили хлѣбъ, сложенный уже въ клуни, и вообще причинили владѣльцу убытковъ болѣе чѣмъ на 20000 золотыхъ [2]).

Далѣе, одинъ отрядъ его напалъ на ярмарку въ м. Народичахъ и заставилъ евреевъ и богатыхъ мѣщанъ заплатить выкупъ [3]).

Далѣе, отрядъ Палія, соединившись съ отрядомъ Захарія Искры, занималъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ имѣніе дворянъ Немировичей, волости Горошковскую и Ушомерскую, при чемъ довели ихъ до такого состоянія, что всѣ крестьяне оттуда выселились и богатое имѣніе превратилось въ совершенную пустыню: такъ, въ селѣ Горошкахъ осталось только четыре хаты, а въ Исайкахъ двѣ [4]).

Естественно, что шляхтѣ, лишившейся своихъ имѣній, ничего не оставалось болѣе, какъ выселяться изъ края. Территорія этихъ имѣній могла поступить во власть Палія, и такимъ образомъ цѣль его достигалась.

Далѣе, козаки, кромѣ грабежа, нанесли страшные побои дворянину Ясеньковскому [5]); занявъ постоемъ села Вязовку, Верестъ и Хвосенку, козаки заставили всѣхъ крестьянъ выселиться въ Фастовщину, и тѣмъ лишили арендатора-шляхтича возможности добывать хоть какой-нибудь доходъ съ арендуемыхъ имѣній [6]).

---

[1]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 284.
[2]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч III, стр. 207—209, 209—211.
[3]) Ibidem, стр. 238.
[4]) Ibidem, стр. 372—374.
[5]) Ibidem, стр. 374—375.
[6]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 365—367.

Далѣе, племянникъ Палѣя, Чеснокъ, съ 50-ью козаками напалъ на имѣніе пани Ласковой, Бѣлиловку, разрушилъ тамъ селитряный заводъ, угналъ воловъ, необходимыхъ для производства этого продукта, отвезъ всю имѣвшуюся тамъ селитру въ Фастовъ и всѣхъ крестьянъ заставилъ выселиться оттуда [1]). Этихъ примѣровъ, мнѣ кажется, достаточно для подтвержденія высказаннаго мною положенія.

Не довольствуясь вышеуказанными дѣйствіями, Палій постоянно вмѣшивается въ различныя ссоры между шляхтичами, поддерживая то одну, то другую сторону. Опять таки и въ этихъ случаяхъ его поступки совершенно разнятся отъ поступковъ прежнихъ полковниковъ, уже описанныхъ нами. Этимъ способомъ Палій преслѣдовалъ двѣ цѣли: съ одной стороны, онъ поддерживаетъ въ средѣ шляхты постоянныя распри, чѣмъ значительно ослабляетъ это сословіе, лишая его внутренняго единства; съ другой стороны, очень часто въ награду за оказанную помощь, онъ не требуетъ денежной платы, а только требуетъ, чтобы спорное имѣніе подчинено было его власти, а всѣ крестьяне освобождены были отъ зависимыхъ отношеній къ своимъ помѣщикамъ. Вотъ весьма характерный эпизодъ изъ такого рода вмѣшательства. Между прочимъ, въ немъ принимаютъ участіе лица, уже извѣстныя намъ изъ предыдущаго.

Мы уже знаемъ, что вслѣдствіе споровъ между паномъ Тишкевичемъ и панами Бржескими и Харлинскими, Тишкевичъ напалъ на Бышевъ и отнялъ это мѣстечко у прежнихъ владѣльцевъ въ свое владѣніе. Теперь, зимой 1689 года, дворянинъ Харлинскій явился къ наказному полковнику Палія, прося у него помощи противъ Тишкевича. Помощь была дана подъ условіемъ, что бышевскимъ крестьянамъ будетъ объявлена полная свобода отъ всякой панской зависимости, а самъ Бышевъ подчиненъ будетъ власти Палія. Въ экспедицію отряженъ былъ сотникъ Зеленскій и ему данъ былъ полковничій перначъ, какъ знакъ полномочія для принятія Бышева. Когда они подошли къ Бышеву, крестьяне съ радостью впустили козаковъ въ мѣстечко, „соблазненные, какъ жаловалась впослѣдствіи Тишкевичева, обѣщаніемъ широкой слободы, къ чему всякій хлопъ склоненъ по природѣ, которая ведетъ его къ бунту противъ пановъ, особенно въ мѣстностяхъ, близкихъ къ козакамъ, которые подстрекаютъ крестьянъ къ неповиновенію своимъ помѣщикамъ, и гораздо болѣе

[1]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 380—381.

самихъ дѣдичей властвуютъ надъ его имуществомъ". Ворвавшись въ Бышевскій замокъ, козаки и крестьяне разграбили все имущество Тишкевичей, награбленное въ бытность его полковникомъ и сложенное въ Бышевѣ, какъ мѣстѣ безопасномъ. Случайно въ Бышевъ возвратилась пани Тишкевичева. Крестьяне, подстрекаемые новыми владѣльцами, напали на ея квартиру, двери которой она постаралась забаррикадировать, ворвались въ ея комнату и принялись колотить ее чѣмъ попало, приговаривая: „Не здорова ти вже видсиль вийидешь, позбудешься и души, не то що маетности". Ее спасли только козаки, которые выволокли ее изъ комнаты, положили на маленькія саночки и вывезли изъ мѣстечка. Затѣмъ появился въ Бышевъ и самъ Тишкевичъ, ѣздившій жаловаться на Палія коронному гетману; его постигла та же судьба, что и его супругу, и онъ тоже едва спасся, благодаря тому, что ему удалось спрятаться въ квартирѣ козацкаго сотника Зеленскаго [1]). Бышевъ остался во власти козаковъ, а за земли, оставшіяся отъ крестьянъ, долго боролись противники, пока въ 1694 году панъ Тишкевичъ умеръ, а жена его изгнана была навсегда изъ Бышева Паліевымъ сотникомъ Слѣпымъ [2]).

Этимъ фактомъ не ограничилось вмѣшательство Палія въ ссоры между шляхтичами. Такъ, въ 1696 году онъ помогъ шляхтянкѣ Катеринѣ Дрогоевской отнять у коронпаго референдарія Станислава Шуки, волости Горностайпольскую, Бородянскую и Козаревицкую [3]). Далѣе, подольскій чашникъ Шумлянскій напалъ при помощи Паліевыхъ козаковъ на имѣнія волынскаго стольника Адама Олизара Волчкевича, волости Унинскую и Воробьевскую, грабилъ и въ мѣстечкѣ Унинѣ захватилъ кассу владѣльца, спрятанную тамъ, какъ въ мѣстѣ наиболѣе удаленномъ отъ Фастова [4]). Далѣе, дворяне Любичъ-Зеленскій и князь Илья Четвертинскій съ помощью Паліевыхъ козаковъ напали на Сѣнницкое староство, принадлежавшее Антону Чарнецкому [5]).

Не только шляхта изъ Кіевскаго воеводства прибѣгала къ помощи Палія. Искала ее и шляхта изъ отдаленной Волыни. Примѣ-

---

[1]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 185—195.
[2]) Ibidem, стр. 392—295.
[3]) Ibidem, стр. 347—349.
[4]) Ibidem, стр. 382—383.
[5]) Ibidem, стр. 419—421.

ромъ этого можетъ служить панъ Микульскій, отнявшій при помощи Паліевыхъ козаковъ имѣніе пани Гловинской, Шумскъ. [1]). Много еще можно было-бы привести примѣровъ аналогичнаго содержанія, но мнѣ кажется, что приведенные примѣры совершенно достаточно подтверждаютъ мое мнѣніе.

Вскорѣ слава о томъ, что Палій уже привелъ свой планъ въ исполненіе относительно изгнанія польскихъ пановъ изъ всего южно-русскаго края, слава, пускаемая, конечно, прежде всего заинтересованными крестьянами, достигла лѣваго берега—по крайней мѣрѣ ее записали малорусскія лѣвобережныя лѣтописи: „Утишивши же все Заднѣпра, читаемъ въ лѣтописи Грабянки, и поосажовавши многіе грады людьми, осѣлъ Палій, яко удѣльный панъ, войска свои охотніи по Полѣсью даже до Литовской границы разстановляюще, десятины съ пасѣкъ, индукты и всякіе приходы со всего Заднѣпра, даже до Днѣстра и Случи на себе отбирающи“ [2]) То же самое повторяетъ и лѣтопись Рубана.

И сами поляки понимали такое направленіе Палія; такъ, въ письмѣ къ королю региментарь Дружкевичъ пишетъ: Палій организуетъ около Фастова удѣльную область: онъ укрѣпляетъ городки, собираетъ отовсюду людей и претендуетъ на весь край отъ Днѣпра до Случи [4]).

Конечно, молва о томъ, что Палій достигъ ужъ своей цѣли, распространившаяся, какъ мы видѣли, даже на лѣвомъ берегу, была сильно преувеличена. Дѣятельность его въ этомъ направленіи шла довольно медленно. Палій отлично понималъ, что если-бы онъ вздумалъ однимъ усиліемъ изгнать всю шляхту изъ Полѣсья и Волыни, то результатомъ этого была-бы полная неудача всѣхъ его плановъ; всполошилось-бы и польское правительствво, и Палію, который былъ еще не настолько силенъ, чтобы вступить въ борьбу со всей Речью Посполитой—не сдобровать. Особенно онъ старался не трогать пока польскихъ магнатовъ, которые, какъ ему было извѣстно, составляли главную силу въ Речи Посполитой. Онъ старался дѣйствовать противъ отдѣльныхъ личностей, чтобы поступки его, если-бы

---

[1]) Архивъ Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 381—386.
[2]) Лѣтоп. Грабянки, стр. 239—240.
[3]) Латоп. Рубана, стр. 147.
[4]) Ambroż. Grabowski, Staroż. hist. polskie, т. II, стр. 532.

и вызвали жалобы шляхтичей, то единичныя, на которыя помимо вліянія польскихъ магнатовъ, съ которыми Палій не разрывалъ мирныхъ отношеній, правительство не обратитъ никакого вниманія. Напротивъ, Палій старался войти въ тѣсныя дружественныя отношенія съ представителями наиболѣе выдающихся и вѣскихъ польскихъ фамилій—что ему дѣйствительно и удалось. Намъ извѣстно, что, напр., съ Любомирскими онъ былъ такъ друженъ, что впослѣдствіи одного изъ нихъ обвиняли даже въ томъ, что онъ виновенъ въ возстаніи Палія[1]. Кромѣ того, онъ находился въ перепискѣ съ гетманомъ Литовскимъ Сапѣгой, съ Францискомъ Замойскимъ и многими другими[2]).

Опираясь, такимъ образомъ, на дружбу съ представителями крупныхъ шляхетскихъ родовъ, Палій, по отношенію къ мелкой шляхтѣ, неизмѣнно продолжалъ свой образъ дѣйствій, отнимая и присоединяя къ своимъ владѣніямъ всѣ ихъ имѣнія, какъ только представлялся къ тому удобный случай. Такъ, онъ завладѣлъ Мотовиловкой, лежавшей уже на границѣ московскихъ владѣній, выгналъ оттуда владѣльца Аксака, бѣжавшаго на Волынь, и поставилъ тамъ цѣлую сотню своихъ козаковъ. Владѣльцы Аксаки такъ были напуганы Паліемъ, что, когда его уже не стало, они не рѣшались возвратиться въ свои имѣнія[3]). Въ 1689 году онъ завладѣлъ Паволочью[4]). Изгнанный оттуда владѣлецъ никогда ужъ не возвращался въ свое имѣніе[5]). Такая же судьба постигла помѣщика села Котельни, изгнаннаго изъ имѣнія, которое досталось Палію[6]). Далѣе, шуринъ Палія, Савва, напалъ на имѣніе хорунжаго кіевскаго, Өедора Ельца, и путемъ грабежа заставилъ удалиться изъ имѣнія какъ самого владѣльца, такъ и арендатора[7]). Далѣе, козаки его заняли Иванковское имѣніе и разрѣшили крестьянамъ не выполнять никакихъ повинностей въ пользу помѣщика и арендатора; всѣ повинности крестьянъ сведены были на небольшую медовую повинность въ пользу пасѣкъ Палія[8]). Въ Радомыслѣ, Унинѣ, Кухарахъ и другихъ селахъ,

---

[1]) Соловьевъ, т. XV, стр. 41; Антоновичъ. стр. 144.
[2]) Антоновичъ, стр. 87.
[3]) Rulikowski, Opis pow. Wasylkowskiego, стр. 137.
[4]) Кіев. Стар. 1885 г., № 1, стр. 77.
[5]) Арх. Ю.-З. Россіи. т. II, ч. III, стр. 628—631.
[6]) Ibidem.
[7]) Ibidem, стр. 260, 261.
[8]) Ibidem, стр. 370, 372.

принадлежавшихъ львовскому уніатскому митрополиту, Палій разрѣшилъ крестьянамъ не платить панамъ никакихъ податей, а самаго арендатора Рудницкаго заставилъ платить себѣ подать за право жительства, въ виду того, что Рудницкій не желалъ выѣхать изъ арендуемыхъ имъ имѣній [1]). Очень любопытно то обстоятельство, что Палій претендовалъ на извѣстную подать даже съ тѣхъ шляхтичей, которые бѣжали на Волынь. Чтобы имѣть возможность взыскать съ нихъ деньги, онъ останавливалъ гдѣ-нибудь на дорогѣ возы съ добромъ, принадлежавшимъ какому-нибудь шляхтичу, требовалъ съ него выкупъ въ размѣрѣ той суммы, которую по разсчету онъ имѣлъ право получить съ бѣжавшаго шляхтича, а потерпѣвшему выдавалъ росписку на право полученія отъ того шляхтича взысканной уже Паліемъ подати [2]).

Была въ дѣйствіяхъ Палія еще одна любопытная черта, служившая очень часто поводомъ къ столкновенію съ шляхтой. Черта эта заключалась въ томъ заступничествѣ, которое онъ готовъ былъ дать каждому крестьянину противъ кого угодно, и каждый крестьянинъ зналъ, что онъ можетъ придти къ Палію пожаловаться на притѣсненія, чинимыя тѣмъ или другимъ паномъ, и всегда получить помощь отъ Палія для наказанія и отмщенія обидчику. Такіе случаи столкновенія Палія съ шляхтичами изъ-за крестьянъ, приходившихъ къ нему съ жалобой, очень часты. Такъ, крестьянинъ Прокопъ изъ села Мартыновичи, принадлежавшій дворянину Стецкому, навелъ на имѣніе своего пана, причинявшаго ему когда-то различныя обиды, Паліевыхъ козаковъ и разграбилъ его въ пухъ [3]). Изъ села Кошицъ, принадлежавшаго дворянину Матіашкевичу, бѣжали, спасаясь отъ притѣсненій, крестьянинъ Моисей съ двумя сыновьями: Иваномъ и Мартиномъ въ село Клочки, имѣніе дворянина Трипольскаго. Оттуда одинъ изъ сыновей поступилъ къ Палію въ козаки и навелъ отрядъ на имѣніе первоначальнаго обидчика Матіашкевича и разграбилъ дома его и его родственниковъ [4]). Крестьяне села Чайковки, которое находилось въ арендномъ пользованіи у дворянина Якубовскаго, выведенные изъ терпѣнія его притѣсненіями, призвали козаковъ Палія,

---

[1]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 670, 681.
[2]) Ibidem, стр. 664—666.
[3]) Ibidem, стр. 283—285.
[4]) Ibidem, стр. 307—310.

которые напали на домъ Якубовскаго, разграбили имущество, истязали его тещу и побили слугъ Якубовскаго, посланныхъ для отысканія бѣжавшихъ крестьянъ [1]). Шляхтичи Недашковскіе отняли воловъ у своихъ сосѣдей-крестьянъ селъ, принадлежавшихъ овручской езуитской коллегіи,—крестьяне, въ свою очередь, пригласили Паліевыхъ козаковъ и отняли обратно своихъ воловъ, при томъ еще поколотили изрядно самихъ обидчиковъ [2]), и т. д.

Но не однимъ крестьянамъ оказывалъ Палій свое покровительство, а и всѣмъ сословіямъ, которыя по своему положенію и образу жизни были солидарны съ народомъ. Такъ, онъ охотно принималъ въ свой полкъ козаками околичныхъ шляхтичей, помогалъ имъ въ ихъ столкновеніяхъ съ старостою и вообще всячески ихъ поддерживалъ [3]).

Для того, чтобы обрушиться на какого-нибудь пана, Палію и его козакамъ нуженъ былъ только самый ничтожный поводъ. Такъ, одинъ изъ козаковъ Палія, Андрей Синица, вспомнилъ, что онъ когда-то, еще въ 1675 году бѣжалъ со своей матерью изъ Немирова за Днѣпръ и вымѣнялъ при этомъ у шляхтича Милькевича за двѣ верховыхъ лошади одну упряжную. Теперь онъ вдругъ разобидѣлся на этого шляхтича за то, что тотъ, воспользовавшись его затруднительнымъ положеніемъ, принудилъ его къ такой невыгодной мѣнѣ, навелъ на него Паліевыхъ козаковъ и принудилъ вознаградить сторицею понесенную имъ, Синицею, когда-то потерю [4]). И не отъ однихъ пановъ защищалъ Палій крестьянъ—козаки его, напр., защищали крестьянъ села Черниговецъ отъ притѣсненій, чинимыхъ имъ козаками полковника Кутысскаго-Барабаша [5]).

Изгоняя шляхту изъ края, Палій, въ то же время, старался уничтожить всѣ слѣды того гражданскаго строя, который созданъ былъ Польшей, уничтожить весь юридическій строй, замѣнивъ его судомъ козацкой рады. Такъ, каптуровый судья кіевскаго воеводства, стольникъ житомирскій Ремигіанъ Суринъ возвращался изъ села Кухары, куда онъ ѣздилъ чинить судъ. Проѣзжая черезъ село Ка-

---

[1]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 338—343.
[2]) Ibidem, стр. 322—325.
[3]) Антоновичъ, стр. 85, примѣч.
[4]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 274—276.
[5]) Ibidem, 377.

линовку, на него напалъ Паліевъ сотникъ Цвиль съ козаками,—били несчастнаго Сурина и его слугъ, отняли у нихъ все, что было поцѣннѣе и уничтожили всѣ находившіеся при нихъ документы. Всѣ эти дѣйствія козаки сопровождали весьма характерными возгласами: „Бийте ляхівъ, бийте!—кричали они,—нехай не издять на суды, нашъ тутъ козацькій судъ“ [1]; обыкновенно же при наѣздѣ на панскій дворъ козаки уничтожали всѣ бумаги и юридическіе документы, которые имъ попадались въ руки. Этими фактами исчерпывается дѣятельность Палія по отношенію къ шляхтѣ,—обратимся теперь къ другой сторонѣ его дѣятельности въ борьбѣ съ Польшей, на поприщѣ политики и дипломатіи.

Борьба эта состояла въ усиліяхъ Палія освободиться изъ-подъ польской власти и присоединиться къ восточной Украинѣ, подъ протекцію московскаго царя. Съ этой цѣлью въ продолженіе шести лѣтъ онъ ведетъ дѣятельныя сношенія съ Мазепой, стараясь черезъ посредство его убѣдить московское правительство принять его и его полкъ подъ свою державу. Намъ уже извѣстно, что еще до своего плѣна въ 1688 году онъ въ первый разъ обратился черезъ Мазепу къ московскому правительству съ просьбой принять его со всѣми колонизированными имъ землями подъ свою протекцію. На предложеніе это послѣдовалъ изъ Москвы отвѣтъ, что невозможно исполнить желаніе Палія въ виду договора съ Польшей, мира съ которой нарушать не желательно; но если онъ хочетъ, то пусть со своими людьми уйдетъ на Запорожье, а оттуда ужъ можетъ перейти подъ власть Москвы [2]. Конечно, такой способъ былъ неисполнимъ. Палій вовсе не хлопоталъ о томъ, чтобы подчинить Россіи полкъ въ смыслѣ вооруженной милиціи—онъ хотѣлъ отдать подъ ея покровительство территорію, населенную козаками. Исполнить рѣшеніе Москвы, значило отказаться отъ всѣхъ своихъ плановъ, оставить на произволъ судьбы всю, колонизированную имъ такъ удачно, территорію.

Возвратившись изъ плѣна въ 1689 году, Палій вторично обратился къ Мазепѣ съ тѣмъ же предложеніемъ [3]. „Польскій король, писалъ онъ Мазепѣ, прощаетъ мнѣ всѣ проступки и приглашаетъ служить вѣрно Речи Посполитой, но я и мой народъ желаемъ лучше

[1]) Архивъ Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 356—360.
[2]) Костомаровъ, Мазепа, изд. 1883 г., стр. 159—160.
[3]) Соловьевъ, т. XIV, стр. 115.

служить православному царю, и не желаемъ находиться подъ властью польскихъ пановъ [1]). Мазепа съ своей стороны принялъ сторону Палія и каждый разъ, когда этотъ послѣдній предлагалъ Москвѣ подчиниться ея протекціи, Мазепа отъ себя писалъ въ Москву и совѣтовалъ принять Палія. Такъ и теперь, отправляя въ Москву просьбу Палія, онъ присовокупляетъ, что слѣдуетъ ее исполнить, и указываетъ на городъ Триполье, что тамъ можно-бы было поселить Палія [2]). Очевидно, Мазепа съ одной стороны разсчитывалъ расширить свою территорію, а съ другой, думалъ, что, подчинивъ подъ свой рейментъ подвластныя Палію земли, онъ будетъ имѣть возможность сломить такъ или иначе столь противоположнаго ему и его начинаніямъ человѣка. Теперь-же, когда Палій самъ предлагалъ принять его подъ покровительство Москвы, можно было-бы все это дѣло обдѣлать тихо и мирно. Но изъ Москвы послѣдовалъ такой же точно отвѣтъ, какъ и въ первый разъ.

Тогда Палій начинаетъ новымъ способомъ стремиться все къ тому же соединенію съ восточной Украиной. Съ этой цѣлью онъ начинаетъ напрашиваться на совмѣстные съ лѣвобережными полками походы противъ татаръ, руководясь въ данномъ случаѣ слѣдующимъ разсчетомъ. Этимъ путемъ, помимо оффиціальныхъ сношеній, Палій думалъ заставить московское правительство по необходимости принять его подъ свою протекцію. Если услуги его будутъ приняты, то онъ тѣмъ самымъ, въ качествѣ полковника, станетъ подъ управленіе гетмана наравнѣ со всѣми лѣвобережными полками. Послѣ похода онъ получитъ наравнѣ съ другими царское жалованье, сдѣлается необходимымъ Москвѣ въ смыслѣ сторожевого поста, будетъ передавать вѣсти о движеніяхъ турокъ и татаръ, и такимъ образомъ, мало-помалу и Россія и Польша свыкнутся съ мыслью о присоединеніи его къ Россіи, такъ какъ это не будетъ уже имѣть характера отторженія отъ Польши, а только признаніе существующаго уже факта [3]). Палій ежегодно устраивалъ походы, и послѣ каждаго такого похода обращался въ Москву съ просьбой принять его подъ свою державу.

Какъ мы уже говорили, Мазепа поддерживалъ его въ этомъ намѣреніи. Такъ, въ 1690 году Палій предложилъ Мазепѣ совмѣстно

---

[1]) Костомаровъ, Мазепа, стр. 161.
[2]) Ibidem.
[3]) Антоновичъ, стр. 78—79.

съ лѣвобережными полками двинуться подъ Кизикермень и оттуда, раззоривъ его, вторгнуться далѣе за Днѣстръ и Бугъ [1]). Мазепа съ удовольствіемъ принялъ это предложеніе и отрядилъ ему на помощь полки охотницкій и компанейскій, а также 1000 человѣкъ лубенскаго и столько же переяславскаго полка [2]). Отрядамъ этимъ приказано было не двигаться съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не тронется Палій [3]). Походъ окончился полной удачей. Тронувшись изъ Фастова, Палій двинулся къ Лебедину, далѣе надъ Тясминымъ соединился съ лѣвобережными полками [4]) и двинулся оттуда въ степь. Кизикермень былъ опустошенъ, войско татарское разбито, и побѣдители получили въ награду деньги и сукно [5]).

Возвратившись изъ этого похода въ 1691 году, Палій снова предложилъ Москвѣ принять его, извѣщая, что онъ сталъ ужъ въ открыто-враждебныя отношенія къ полякамъ, и что если Россія его не приметъ, то онъ принужденъ будетъ обратиться къ крымскому хану. Мазепа по этому поводу писалъ въ Москву, что ханъ съ охотой приметъ Палія, что за нимъ вслѣдъ пойдутъ и запорожцы и что вслѣдствіе этого Крымъ много увеличитъ свои силы въ ущербъ московскому государству. Поэтому Мазепа полагалъ, что нужно принять Палія, оговорившись передъ Польшей какъ-нибудь, чтобы не разорвать съ ней мирныхъ отношеній. Но изъ Москвы отвѣчали, что Палія принять нельзя, но все-таки слѣдуетъ постараться отклонить его отъ союза съ Крымомъ [6]). Обнадеженный тѣмъ, что Москва имъ до извѣстной степени интересуется, Палій въ 1692 году совершилъ удачный набѣгъ на Очаковъ. Городъ этотъ былъ раззоренъ, и Бендеры избѣжали той же участи только потому, что, по выраженію лѣтописца, „настала росквась великая“ [7]). Палій снова получилъ жалованье, и снова въ концѣ 1692 г. обратился къ Мазепѣ съ той же просьбой, прося еще помощи противъ поляковъ, которые наступаютъ на него со всѣхъ сторонъ, и угрожая, что если онъ не получитъ помощи, то „какъ тонучий бритвы“, по собственному его вы-

---

[1]) Акты З. Россіи, т. V, стр. 223—236.
[2]) Ibidem, стр. 233.
[3]) Ibidem, стр. 236, 237.
[4]) Ibidem, стр. 239, 240.
[5]) Ibidem, стр. 240, 241.
[6]) Соловьевъ, т. XIV, стр. 193, 194.
[7]) Лѣтопись Самовидца, изд. 1873, стр. 181.

раженію, „хопится онъ хана“ [1]). Мазепа по этому поводу снова писалъ въ приказъ и указывалъ на необходимость принять Палія, напирая на то, что если ему теперь не подать помощи, то можетъ получиться вещь, гораздо болѣе опасная, чѣмъ появленіе людей въ родѣ Петрика и Стецка Ягорлыцкаго, которыхъ поддерживали татары. „Палѣй, писалъ Мазепа, между военными людьми имѣетъ большую честь и за нимъ пойдутъ многіе“. Поэтому Мазепа совѣтовалъ хотя-бы дипломатическимъ путемъ устроить дѣло такъ, чтобы можно было принять Палія [2]). Но московское правительство оставалось непреклоннымъ въ своемъ рѣшеніи и отвѣчало, что принять Палія нельзя ни въ какомъ случаѣ; если хочетъ, то пусть идетъ на Запорожье, а оттуда переходитъ на лѣвую сторону; помощи же ему военной подавать ни въ какомъ случаѣ нельзя [3]).

Въ слѣдующемъ 1693 году Палій наиболѣе старался быть полезнымъ Москвѣ. Онъ постоянно доносилъ туда о движеніяхъ турокъ и татаръ, присылая Мазепѣ то захваченныхъ языковъ, то перехваченныя письма [4]). Наконецъ, осенью того же года Палій вмѣстѣ съ полками переяславскимъ и однимъ охотницкимъ совершилъ походъ въ Бѣлогородскія степи. Козаки опустошали окрестности Бендеръ, какъ вдругъ на рѣкѣ Кодымѣ на нихъ напала Бѣлгородская орда, вышедшая было изъ дому для грабежей въ окрестностяхъ Кіева, но возвратившаяся, узнавъ, что козаки кинулись въ степи. Въ первой стычкѣ они захватили въ плѣнъ переяславскаго полковника Мировича. Козаки окопались. Тогда, по свѣдѣніямъ, добытымъ отъ Мировича, татары ударили на ту часть стана, гдѣ расположились переяславскіе козаки, разсчитывая, что ихъ удастся легче сломить. Но по несчастной для татаръ случайности, тамъ оказался самъ Палій со своими козаками, который встрѣтилъ нападающихъ такимъ „встрентомъ“, что въ происшедшей сѣчѣ, длившейся почти два дня, всѣ татары сложили свои головы. Все поле укрыто было татарскими трупами [5]). Въ награду за такой подвигъ поручено было Мазепѣ передать Палію царскіе подарки съ тѣмъ условіемъ, чтобы это было

---

[1]) Лѣтопись Величка, т. III, стр. 127.
[2]) Костомаровъ, Мазепа, стр. 162.
[3]) Соловьевъ, т. XIV, стр. 194.
[4]) Лѣтопись Величка, стр. 176.
[5]) Ibidem, т. III, стр. 179—181, 185—187.

сохранено въ полной тайнѣ. Но сохраненіе тайны было вовсе не планахъ Палія. Ему важно было разгласить свои пріятельскія с шенія съ Москвой, чтобы тѣмъ самымъ заставить ее волей-нево принять его подъ свое покровительство. Онъ съ величайшимъ т жествомъ разъѣзжалъ по Кіеву со знаменами, полученными имъ Мазепы, и громогласно объявлялъ объ этомъ всему народу [1]).

Въ декабрѣ того же года Палій писалъ Мазепѣ, что поляки большими силами собираются сдѣлать на него наступленіе, что о умоляетъ о помощи, а въ крайнемъ случаѣ, проситъ позволить е переселиться со всѣми людьми въ Триполье и Васильковъ. Но и эту просьбу Палія, не смотря на представленія Мазепы, что Па необходимо принять, иначе Мазепа боится, какъ-бы изъ Палія вышелъ для нихъ врагъ большій и опаснѣйшій, чѣмъ былъ для По ши Богданъ Хмельницкій,—московское правительство уперлось своемъ и прислало такой же точно отвѣтъ, какъ и во всѣхъ пре идущихъ случаяхъ [2]).

Въ началѣ 1694 года Палій совершилъ послѣдній совмѣстн съ лѣвобережцами походъ. Они ворвались въ Бѣлгородскія сте опустошили все пространство между Бѣлгородомъ и Бендера разбили всѣ войска, высланныя противъ нихъ; далѣе, сожгли Ки кермень и Очаковъ, взяли 7 пушекъ и раззорили 7 ханскихъ се Возвращаясь изъ этого похода и проходя мимо Бѣлой Церкви, Па жаловался, что лѣвобережцы его не хотѣли слушать, а то, говори онъ, мы-бы совершенно опустошили Буджакъ [3]).

Послѣ этого похода Палій снова, и это уже въ послѣдній ра обращался къ Мазепѣ съ просьбой принять его подъ московск державу, представляя ему, сколько выгодъ получитъ московское п вительство и вся Украина, и просилъ, наконецъ, чтобы ему дозво ли хотя-бы переселиться въ Триполье и Васильковъ. И снова на просьбу послѣдовалъ отказъ [4]), и Палій рѣшилъ, что ему нечо больше надѣяться на соединеніе съ Москвой и что ему нужно дѣ ствовать другими средствами, выжидая, для исполненія своего на ренія, болѣе удобнаго времени.

---

[1]) Лѣтопись Величка, т. III, стр. 200—201.

[2]) Соловьевъ, т. XIV, стр. 212.

[3]) Лѣтопись Величка, т. III, 234—237; Лѣтопись Самовидца, 183, 184; Лѣ пись Грабянки, 242; Сборн. Лѣт. изд. 1888 г., стр. 215—217.

[4]) Лѣтопись Величка, 208—211; Костомаровъ. Мазепа, 163.

А между тѣмъ дѣйствія Палія, не смотря на всю безпечность польскаго правительства, должны были обратить на себя вниманіе, и Польша, не смотря на безпорядочность своей администраціи, должна была вмѣшаться въ это дѣло. Жалобы на козаковъ отъ шляхты сыпались просто десятками, сотнями, но такъ какъ это были просьбы и жалобы единичныя, а не коллективныя, то на нихъ особеннаго вниманія и не обращали; тѣмъ болѣе, что магнаты, какъ мы видѣли, не были затронуты, слѣдовательно Польша могла и не разбирать этихъ жалобъ.

Но въ дѣйствіяхъ Палія было нѣчто такое, что должно было возбудить вниманіе Польши,—это было присутствіе во всѣхъ дѣйствіяхъ Палія постоянной политической цѣли. Съ одной стороны, быстрое расширеніе его территоріи, посредствомъ изгнанія шляхты изъ ея имѣній, и открыто объявленная Паліемъ и сочувствовавшимъ ему народомъ, претензія на территорію на Случѣ, съ другой,—непрерывныя сношенія съ Москвой и усиленныя просьбы принять его со всей землей подъ свою державу: все это стоило того, чтобы обратить на себя вниманіе Польши.

Сначала польское правительство прибѣгло къ своей обычной мѣрѣ. Коронный гетманъ издалъ цѣлый рядъ универсаловъ, въ которыхъ убѣждалъ Палія то не трогать шляхты, то удалиться изъ извѣстной мѣстности и даже изъ всего Полѣсья [1]). Но, какъ мы видѣли, Палій мало обращалъ вниманія на всѣ эти универсалы и продолжалъ идти по разъ намѣченному пути.

Тогда польское правительство увидало, что нужно принять болѣе энергичныя мѣры. И вотъ, региментары польскіе пускаютъ въ ходъ цѣлый рядъ попытокъ очистить отъ Паліевыхъ козаковъ Полѣсье и даже вытѣснить Палія изъ Фастова. Они собираютъ польскіе хоругви и всѣ находящіеся у нихъ подъ рукой козацкіе наемные полки, и стараются при помощи этой военной силы привести въ исполненіе свои планы. Такимъ образомъ, начинается открытая борьба Польши съ вновь созданнымъ козачествомъ. Какъ увидимъ далѣе, всѣ эти попытки, вплоть до взятія Мазепой Палія и ссылки его въ Сибирь, не увѣнчались успѣхомъ. Враждебныя дѣйствія открылись въ 1691 году. Тогдашнему региментарю, Дружкевичу, по-

[1]) Арх. Юго-Зап. Россіи, т. II, ч. III, стр. 200, 201, 235, 236, 260, 261 и др.

ручено было захватить Палія въ степи. Онъ воспользовался съ этой цѣлью временемъ, когда Палій возвращался домой послѣ удачнаго нападенія на Бѣлгородъ (Аккерманъ). Подъ Паволочью встрѣтилъ Палія отрядъ, посланный Дружкевичемъ, состоявшій изъ польскихъ хоругвей и наемнаго козацкаго полка уже извѣстнаго намъ полковника Апостола-Щуровскаго. Палій готовился вступить въ бой съ преграждавшимъ ему путь отрядомъ, какъ вдругъ козаки Апостола-Щуровскаго взбунтовались противъ своего полковника и не захотѣли идти въ битву. Самъ Апостолъ былъ убитъ, а козаки пристали къ Палію. Польскія хоругви отступили и Палій безпрепятственно могъ продолжать свой путь [1]). Возвратившись домой, онъ рѣшилъ не оставлять безъ послѣдствій этого инцидента и наказать своего коварнаго врага Дружкевича. Для того, чтобы привести въ исполненіе этотъ планъ, нужно было застигнуть его въ степи, подобно тому, какъ Дружкевичъ застигъ его самого. Палій намѣревался поступить съ своимъ врагомъ довольно коварно. Не подавая вида, что онъ знаетъ, что экспедиція Паволочская совершилась по приказанію и почину Дружкевича, Палій послалъ къ нему посланца съ просьбой уплатить ему и его полку жалованье. Задобренный любезными словами Паліева письма, Дружкевичъ послалъ ему на нѣсколько тысячъ злотыхъ сукна, которое Палій не замедлилъ отправить въ Кіевъ и продать. Затѣмъ онъ предложилъ Дружкевичу, совмѣстно съ его хоругвями, и подъ его начальствомъ, совершить походъ въ степь противъ татаръ. Дружкевичъ, весьма обрадованный такимъ удачнымъ исходомъ такъ неудачно начатаго дѣла, дался на удочку и согласился отправиться на этотъ походъ.

Весной 1692 года Палій явился въ лагерь регментаря близъ Сорокъ, гдѣ онъ стоялъ, и, готовясь переправляться через Днѣстръ, предложилъ Палію оставить 600 человѣкъ козаковъ въ Сорокахъ въ качествѣ гарнизона. Палій съ охотой согласился на это предложеніе. Три сотни его полка переправились черезъ Днѣстръ вмѣстѣ съ региментаремъ, а остальные, съ Паліемъ, остались на томъ берегу, обѣщая также немедленно переправиться. Но лишь только региментарь съ войскомъ очутился на другой сторонѣ Днѣстра, какъ Паліевы козаки взбунтовали козаковъ, находившихся въ войскѣ региментаря подъ начальствомъ наказного атамана Гришка. Возмутив-

[1]) Соловьевъ, т. XIV, стр. 175.

шіеся козаки, вмѣстѣ съ паліевцами, захватили судна, на которыхъ совершена была переправа, и переправились назадъ къ Палію, а судна пустили внизъ по теченію рѣки. Тотчасъ же гонецъ Палія далъ знать Бѣлгородской ордѣ, что на ея сторонѣ находится польскій регіментарь съ незначительнымъ отрядомъ, а самъ Палій со всѣми козаками удалился въ степь. Съ большимъ трудомъ удалось Дружкевичу переправиться обратно черезъ Днѣстръ и избѣжать столкновенія съ татарами. Но этимъ бѣдствія его не окончились. При переправѣ черезъ Бугъ, у города Брацлава, ожидалъ его Палій. Всѣ козаки, которые оставались еще при Дружкевичѣ, измѣнили ему и передались Палію. Кромѣ того, Палій захватилъ весь обозъ и артиллерію, бывшую у регіментаря. Самъ Дружкевичъ едва успѣлъ спастись бѣгствомъ [1]). Въ томъ же году Дружкевичъ былъ смѣненъ и на его мѣсто назначенъ былъ новый регіментарь, Бальцеръ Вильга, но враждебныя дѣйствія противъ Палія не прекратились.

Коронный гетманъ велѣлъ разставить польскія хоругви на Полѣсьи, между Овручемъ и Дымеромъ, и на весну готовиться идти походомъ на Фастовъ [2]). Въ то же время отставленный регіментарь Дружкевичъ писалъ къ Палію слѣдующее угрожающее письмо: „Изъ ада родомъ, сынъ немилостивый! Ты отрекаешься отъ подданства короля, ты смѣешь называться полковникомъ руки его царскаго величества, ты твердишь, будто граница тебѣ указана по Случь, ты грозишь раззорить польскія владѣнія по Вислу и за Вислой! Смѣха достойны твои слова и угрозы! Помнишь-ли ты, какъ когда-то ты пришелъ ко мнѣ въ короткой сермяжкѣ, заплатанной полотномъ, а нынѣ выше лба носъ дерешь. Король такъ накормилъ тебя хлѣбомъ, что онъ изо рта у тебя лѣзетъ. Учинившись господиномъ въ Фастовѣ, въ королевской землѣ, ты зазнался. Полѣсье разграбилъ, да еще обѣщаешь наѣздомъ идти на наши города. Смотри, будемъ бить какъ непріятеля“ [3]). Но ни письмо, ни распоряженіе короннаго гетмана не увѣнчались успѣхомъ. На письмо Палій не обратилъ никакого вниманія, какъ на пустую угрозу. А посланныя въ Полѣсье хоругви не исполнили функціи, на нихъ возложенной. Паліевы козаки не

---

[1]) Ambr. Grabowski, Staroż. hist. polskie, т. II, стр. 531, 532.

[2]) Лѣтоп. Величка, т. III, стр. 126.

[3]) Костомаровъ, Мазепа, стр. 101.

допустили ихъ войти въ Полѣсье, а когда они хотѣли насильно тамъ водвориться, то были изгнаны и принуждены удалиться съ большимъ урономъ. Такъ, сотники Палія Уласъ, Левко, Михаилъ Даренко, Гаврило Великій, Бутко, Костырка и Панько очень удачно отразили и вытѣснили польскія хоругви, пытавшіяся занять квартиры въ Овручскомъ староствѣ. Жолнеры были прогнаны съ большимъ урономъ, а начальникъ ихъ, Францишекъ Рудницкій, поплатился даже жизнью за эту попытку [1]).

Въ томъ же 1693 году враждебныя дѣйствія со стороны поляковъ снова возобновились. Теперь дѣло изгнанія и уничтоженія Палія поручено было новому региментарю, Бальцеру Вильгѣ. Вильга расположилъ свои хоругви по всему Овручскому Полѣсью [2]), а главную квартиру назначилъ въ Чернобылѣ [3]). Съ нимъ было около 50 хоругвей различнаго наименованія, кромѣ того ему обѣщано было прислать артиллерію и нѣмецкую пѣхоту; да, кромѣ того, бывшій региментарь Дружкевичъ стоялъ на Волыни съ резервами [4]). Были у Вильги еще и наемные козацкіе полки подъ начальствомъ Яремы Гладкаго, Искрицкаго и др. [5]). Еще въ октябрѣ Палій былъ извѣщенъ какимъ-то игуменомъ и полковникомъ Яремой Гладкимъ, въ сущности воевавшимъ противъ него, что готовится сильно нашествіе поляковъ на него [6]). Въ ноябрѣ свѣдѣнія объ этомъ нападеніи стали доходить все чаще и чаще. Для того, чтобы развѣдать дѣло изъ первоисточника, Палій послалъ коронному гетману своихъ посланцевъ подъ предлогомъ доставки татарскихъ языковъ. Яблоновскій сказалъ имъ: „Палій не слушается моихъ приказаній, надѣясь на помощь Россіи и Мазепы. Но надежды его напрасны. Пусть онъ знаетъ, что если я только захочу, то мнѣ его тотчасъ же выдадутъ: пишутъ ко мнѣ заднѣпровскіе полковники, что ненавидятъ Палія и ежели нужно, то готовы его выдать. Поэтому, козаки, если хотите быть въ милости у короля и Речи Посполитой, то выберите себѣ другого полковника, вамъ, вѣдь, не новость мѣнять ихъ [7]). Изъ этого

---

1) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 267—272.
2) Ibidem, стр. 285—287.
3) Лѣтопись Величка, т. III, стр. 132.
4) Ibidem.
5) Ibidem.
6) Ibidem, стр. 190.
7) Соловьевъ, т, XIV, стр. 210.

Палій увидалъ, что приближается критическій моментъ борьбы. Онъ посылаетъ къ Мазепѣ письмо за письмомъ, прося у него помощи, или, по крайней мѣрѣ, хоть позволенія въ крайнемъ случаѣ куда-нибудь укрыться [1]). Получивъ отказъ, онъ хотѣлъ было обратиться къ помощи крымскаго хана, но потомъ сообразилъ, что помощь эта, если даже на нее послѣдуетъ согласіе, явится слишкомъ поздно, и рѣшился положиться только на свои собственныя силы.

Большинство своихъ козаковъ Палій разставилъ по Полѣсью, въ имѣніяхъ, отбитыхъ имъ у шляхты, для того чтобы отразить нападеніе жолнеровъ. Въ Хвастовѣ у него оставалось не болѣе 2000 собственно козаковъ, если не считать массы крестьянъ, сбѣжавшихся изъ Полѣсья, и козаковъ съ лѣвой стороны, бѣжавшихъ къ Палію, не смотря на всѣ препятствія со стороны Мазепы. Объ этомъ доносилъ Мазепа, присовокупляя, что „Семенъ Палій зъ якими людьми певне въ бою противъ наступуючого польского войска отважне продержится, а може о семъ числѣ зачался у нихъ бой“ [2]). Писано это было 8-го ноября 1694 года.

Впереди польскаго войска посланы были два универсала коронаго гетмана въ Хвастовъ—одинъ, обращенный къ козакамъ, а другой—къ посполитымъ людямъ. Оба эти универсала могутъ служить характернымъ примѣромъ ни на чемъ не основаннаго хвастовства и угрозъ, которыми польское правительство думало запугать своихъ враговъ: „Писалъ я вамъ,—обращался коронный гетманъ къ козакамъ,—что упомянутый Палій, равно и всякъ, кто его держится, за свои великія буйства, ослушанія и преступленія, подлежитъ наказанію, за бунтъ назначенному. Такимъ образомъ, и нынѣ напоминаю вамъ, чтобы каждая изъ вашихъ сотенъ, лишь только получите этотъ универсалъ, не дожидаясь прихода въ одно мѣсто остальныхъ сотенъ, не слушали-бы Палія, отступились-бы отъ него и присоединились къ полкамъ, вѣрнымъ и покорнымъ Речи Посполитой. Въ противномъ случаѣ, рѣшился я истреблять васъ и поступать съ вами, какъ съ врагами его королевской милости и Речи Посполитой. Выбирайте одно изъ двухъ“ [3]). Такого же точно содержанія былъ и универсалъ, обращенный къ остальнымъ жителямъ Хвастова, убѣж-

---

[1]) Лѣтоп. Величка, т. III, стр. 192.
[2]) Лѣтоп. Величка, т. III, стр. 193.
[3]) Ibidem, стр. 195—197.

давшій ихъ выдать Палія, угрожая въ противномъ случаѣ тѣмъ же самимъ, что и козакамъ [1]). Но угрозамъ короннаго гетмана не удалось исполниться.

Пока Вильга сидѣлъ въ Чернобылѣ и обдумывалъ свой планъ, да поджидалъ прихода артиллеріи и нѣмецкой пѣхоты, своевольные полки Яремы и Искрицкаго испортили все дѣло. Наскучивши сидѣть сложа руки, они въ день „кгди окрутной Иродъ младенцевъ забилъ", т. е. 29 декабря 1693 года, бросились на хоругви Палія, расположенныя имъ по Полѣсью. Въ волостяхъ Демидовской и Бородянской имъ удалось, съ большимъ урономъ, выбить козаковъ изъ занятыхъ ими квартиръ, но въ Радомыслѣ шуринъ Палія, Савва, успѣлъ задержаться, укрѣпившись въ церкви. Вскорѣ на помощь къ нему подошелъ полкъ Киліяна изъ Коростышева, передавшійся Палію, и они, въ свою очередь, отразили поляковъ [2]). Вильга двинулся было своимъ на помощь, но увидѣвъ, что опоздалъ, расположилъ свои войска по Полѣсью и отложилъ нападеніе на Фастовъ до весны слѣдующаго 1694 года. Но весной онъ ограничился тѣмъ, что сдѣлалъ только незначительную рекогносцировку къ границамъ Паліевой территоріи, которая ничѣмъ не окончилась, кромѣ ограбленія Вильгой въ свою пользу нѣсколькихъ дворовъ своихъ же собратій-шляхтичей [3]). Такимъ образомъ, нападеніе это, болѣе грозное, чѣмъ существенное, было отражено. Палій рѣшился отомстить всѣмъ тѣмъ козацкимъ полковникамъ и вообще козакамъ, принимавшимъ участіе въ походѣ, совмѣстно съ поляками, противъ него. Онъ велѣлъ своимъ сотникамъ и козакамъ ловить ихъ по всѣмъ дорогамъ, гдѣ только они не попадутся, и вести въ Фастовъ на расправу [4]). Такъ, одинъ сотникъ, съ 150-ью козаками, захватилъ какого-то наказнаго полковника изъ козаковъ, враждебныхъ Палію, и привелъ его въ Фастовъ. Палій тутъ же хотѣлъ его казнить, и только благодаря просьбамъ находившагося здѣсь посланца Мазепы, Романа Проценка, замѣнилъ казнь тюремнымъ заключеніемъ [5]). Искрицкій былъ такъ напуганъ Паліемъ, что, какъ намъ извѣстно, коронный гетманъ хло-

---

[1]) Лѣтопись Величка, т. III, стр. 198, 199.
[2]) Ibidem, стр. 132.
[3]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 313.
[4]) Соловьевъ, т. XIV, стр. 213.
[5]) Лѣтоп. Величка, т. III, стр. 202.

поталъ передъ судомъ, прося отсрочки разбирательства дѣла по обвиненію Искрицкаго въ виду того, что ему нельзя проѣхать на судъ, вслѣдствіе опасности со стороны козаковъ Палія [1]). Полкъ Яремы существовалъ дольше—до 1696 года. Въ этомъ году самъ Ярема попалъ въ руки Палія и былъ имъ казненъ [2]), а его козаки, большей частью, перешли къ Палію.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что нападеніе поляковъ принесло Палію только пользу, объединивъ большую часть козаковъ, даже наемныхъ, подъ его властью и вліяніемъ. Но какъ-бы тамъ ни было, продолжать непрерывную борьбу съ Польшей онъ еще не могъ—не было у него еще достаточно силъ для этого. И вотъ, въ виду того, что Россія отказывалась принять его подъ свое покровительство и оказать ему помощь противъ враговъ, необходимо было сдѣлать перерывъ въ борьбѣ. Поэтому онъ посылаетъ къ Яблоновскому посла съ упреками за внезапное и несправедливое на него нападеніе [3]). Яблоновскій отвѣчалъ ему длиннѣйшимъ письмомъ, въ которомъ, объясняя причину похода Вильги поведеніемъ самого Палія, въ концѣ обнадеживаетъ Палія королевской милостью, но съ условіемъ, чтобы онъ безпрекословно покорился и прислалъ въ качествѣ заложниковъ свою дочь и пасынка, сдѣлалъ размѣнъ плѣнныхъ и, наконецъ, лично пріѣхалъ поклониться королю [4]).

Получивъ такое письмо, Палій поѣхалъ въ мартѣ 1694 года къ Мазепѣ и старался убѣдить его принять въ подданство. „Нельзя“, отвѣтилъ и на этотъ разъ Мазепа [5]).—„Ну, такъ я, сказалъ Палій, присягну на вѣрность королю, но изъ Хвастова низачто не выйду; а якъ стануть ляхи сильно наступати, то хоть-бы завчасу до якого запустѣлаго города мавъ я прихилитися [6]). И дѣйствительно, Палій отпустилъ плѣнныхъ, но аманатовъ не далъ; изъявилъ готовность присягнуть, на самого короля („а не на тѣхъ, кто на меня наступать будетъ“) руки не поднимать [7]). Кромѣ того, онъ послалъ королю посланцевъ съ языками, захваченными въ Бѣлгородщинѣ, и съ очень

---

[1]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 273.

[2]) Ibidem, стр. 371.

[3]) Антоновичъ, стр. 97.

[4]) Соловьевъ, т. XIV, стр. 212, 213.

[5]) Ibidem, стр. 214.

[6]) Костомаровъ, Мазепа, стр. 163.

[7]) Соловьевъ. т. XIV, стр. 214.

любезнымъ письмомъ, въ отвѣтъ на которое получилъ также весьма любезныя письма отъ короля, Яблоновскаго и Замойскаго, причемъ гетманъ и король разрѣшали ему даже занять зимнія квартиры на Полѣсьи [1]).

Такимъ образомъ, Палій съумѣлъ задобрить польское правительство, но нисколько не измѣнилъ своего образа дѣйствій по отношенію къ шляхтѣ. Теперь, напротивъ, въ случаѣ сопротивленія, оказываемаго ему, онъ обращался съ ними, какъ съ ослушниками королевскихъ приказаній. Такъ, когда въ 1695 году польскія хоругви вздумали вытѣснить Паліевыхъ козаковъ изъ занятыхъ ими квартиръ, Палій писалъ къ начальникамъ этихъ хоругвей, что Полѣсье уступлено ему и его козакамъ, а потому, если они будутъ ихъ выгонять, то онъ велитъ своимъ козакамъ обращаться съ ними, какъ съ иноземцами, и добывать себѣ хлѣбъ оружіемъ [2]). Ничего не помогали и попытки региментаря Бальцера Вильги ограничить дѣйствія Палія. Каждый его неудачный походъ въ этомъ направленіи оканчивался тѣмъ, что козаки Палія грабили тѣхъ шляхтичей, которые приглашали Вильгу, и уничтожали всѣ документы [3]). Такимъ образомъ, утвердившись въ Полѣсьи путемъ, съ одной стороны, самовольнаго захвата, а съ другой—временнаго позволенія польскаго правительства, Палій продолжалъ свой образъ дѣйствій по отношенію къ шляхтѣ, выгонялъ ее изъ имѣній и расширялъ свою территорію по направленію къ Припети и Случи. Не останавливали его въ этомъ дѣлѣ никакіе универсалы коронногаго гетмана, старавшагося удержать его и облегчить участь шляхты, приходившей съ нимъ въ соприкосновеніе [4]). Такъ продолжалось дѣло вплоть до 1699 года, когда новыя событія дали совершенно новое направленіе козацко-польской борьбѣ.

Польское правительство, въ лицѣ представителей его, короля и коронногаго гетмана, тѣмъ болѣе склонно было мирволить Палію и не обращать вниманія на жалобы шляхты, что, пока велась турецкая война, Палій былъ необходимъ, какъ весьма выгодная военная сила. Но тѣ мирныя и дружественныя отношенія, въ которыя Палій во-

---

[1]) Лѣтоп. Величка, стр. 237—262.
[2]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 326, 327.
[3]) Ibidem, стр. 327—328.
[4]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 360—363.

шелъ съ польскимъ правительствомъ, не могли служить ему надолго гарантіей его безопасности и безпрепятственнаго продолженія его образа дѣйствій. Дѣло въ томъ, что шляхта царствовала всецѣло. Естественно имъ было постараться провести на сеймѣ законопроэктъ, въ силу котораго Палій съ его полкомъ и, вообще, все козачество, доказавшее, что возобновленіе его неминуемо влечетъ за собой тяжелую борьбу для шляхты, было формально уничтожено. И это дѣйствительно случилось въ 1699 году. Событію этому предшествовали обстоятельства, служившія въ пользу такому рѣшенію, упразднившія для Польши необходимость козачества, даже какъ военной силы. Въ 1696 году Янъ Собѣсскій, поставившій цѣлью своей жизни войну, скончался, а выбранный на его мѣсто король-курфирстъ Саксонскій, Августъ II, поспѣшилъ заключить миръ съ Турціей. Дѣйствительно, въ январѣ 1699 года въ Карловицѣ былъ заключенъ миръ, въ силу котораго Турція уступала Польшѣ Подолію и Каменецъ и отказывалась навсегда отъ Украины [1]. Такимъ образомъ, необходимость Палія упразднялась,—слѣдовательно, можно было подумать и объ упраздненіи самого Палія и всего козачества.

Начали собираться частые сеймы,—явленіе обыкновенное во время междуцарствія. На всѣхъ этихъ сеймахъ шляхта, поднявъ голову, настойчиво требовала уничтоженія козачества. Требованія исходили не только отъ кіевской шляхты, какъ наиболѣе заинтересованной въ этомъ дѣлѣ, но и отъ представителей самыхъ отдаленныхъ воеводствъ, какъ, напр., Калишское и Познанское [2]. Очевидно, вся шляхта поняла, что козаки и она—два элемента совершенно непримиримые, и хотѣла въ своемъ краѣ уничтожить этотъ враждебный для нея элементъ, возобновленный собственнымъ правительствомъ. Также и духовенство католическое сильно настаивало на уничтоженіи козачества, указывая на сильное уменьшеніе своихъ доходовъ [3]. Король Августъ, всходя на престолъ, обѣщалъ исполнить это всеобщее желаніе шляхетства.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, кіевскіе шляхтичи начали дѣйствовать смѣлѣе: они сами пробовали было въ началѣ 1699 года выживать Паліевыхъ козаковъ изъ занятыхъ ими квартиръ; но

---

[1]) Przezdziecki—Podole, Wołyń y Ukraina, т. I, стр. 230—232.

[2]) Антоновичъ, стр. 101.

[3]) Ibidem.

Палій, который пока еще имѣлъ возможность дѣйствовать на законной почвѣ, остановилъ эти попытки универсаломъ, обращеннымъ къ дворянамъ Кіевскаго воеводства. Въ этомъ универсалѣ, датованномъ 16 апрѣля 1699 года, Палій обращался къ шляхтѣ съ слѣдующими словами: „Доходятъ до меня письма отъ сотниковъ моихъ, которые жалуются, что вы выгоняете козаковъ изъ квартиръ, занятыхъ ими, и многихъ даже покалѣчили. Люди эти находятся тамъ не своевольно, но по желанію короля и Речи Посполитой. Поэтому извольте ваши милости удержать свое непотребное злопамятство, потому что я готовъ на всякомъ мѣстѣ заступиться за обиды моихъ людей, заслужившихъ у Речи Посполитой кусокъ хлѣба и мизерную кровлю“ [1]). Но вскорѣ у Палія отнята была возможность прикрываться службой Речи Посполитой и приходилось дѣйствовать на свой страхъ. Въ іюнѣ 1699 года собрался такъ называемый примирительный (pacificationis) сеймъ. Одна изъ конституцій этого сейма гласила слѣдующее постановленіе о козакахъ: „Въ виду того, что козаки, не смотря на всѣ требованія, не хотятъ удалиться изъ воеводствъ Кіевскаго и Брацлавскаго, какъ то слѣдовало согласно постановленію нашего коронаціоннаго сейма, а напротивъ, не перестаютъ чинить всякія обиды шляхтичамъ, забывая законъ о „свободѣ всѣхъ земскихъ имѣній отъ всякихъ повинностей“, то настоящая сеймовая конституція постановляетъ распустить всѣ какъ конные, такъ и пѣшіе козацкіе полки и возстановить законъ 1646 года „о вербовкѣ новаго войска“ [2]). А закономъ 1646 г. распускались всѣ наемныя войска и предавались инфаміи всѣ лица, принимающія отъ короля приповѣдные листы, помимо согласія сейма [3]). Короннаго гетмана конституція 1699 г. обязывала объявить козакомъ объ этомъ постановленіи и озаботиться, чтобы въ теченіе двухнедѣльнаго срока постановленіе это приведено было въ исполненіе [4]).

Итакъ, законодательной властью рѣшенъ былъ въ принципѣ вопросъ объ уничтоженіи козацкаго войска. Но не такъ легко было власти исполнительной привести его въ силу. 29 августа 1699 года коронный гетманъ Яблоновскій издалъ универсалъ, обращенный къ Палію, Самусю, Искрѣ, Абазину, Барабашу и всѣмъ всякаго званія

[1]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 367—368.
[2]) Volumina legum, т. IV, стр. 34, параграф. 14.
[3]) Ibidem, стр. 43, параграфъ 2.
[4]) Ibidem, стр. 34.

›закамъ. Въ универсалѣ этомъ онъ передавалъ имъ постановленіе ›йма и приказывалъ не только очистить занимаемыя ими квартиры, › и разойтись, уничтоживъ и распустивъ набранные ими полки. Въ случаѣ-же, если вы,—заканчивалъ Яблоновскій,—не исполните ›ихъ требованій, то я буду считать васъ за своевольныя разбой-ичьи купы и велю бить васъ, какъ непріятеля“ [1]). Но все это было ›гко сказать, а не такъ легко сдѣлать. Конечно, постановить за-›нъ объ уничтоженіи козачества было легко, но обстоятельства по-›азали, что исполнить это постановленіе и уничтожить козаковъ, ›тнявъ у нихъ занятыя ими земли, было гораздо труднѣе.

Какъ мы видѣли, первое и главное вниманіе было обращено на Іалія, занимаемая которымъ территорія была наиболѣе обширна, на-›одилась въ самомъ сердцѣ Украины, и самъ онъ пользовался наи-›ольшимъ вліяніемъ. Палій увидалъ, что обстоятельства совершенно ›змѣняютъ его положеніе и онъ заговорилъ совершенно иначе, чѣмъ ›оворилъ доселѣ. „Я поселился въ вольной Украинѣ, объявилъ онъ ›вившимся ксендзамъ, Речи Посполитой нѣтъ дѣла до этой области, ›олько я одинъ имѣю право въ ней распоряжаться, какъ истинный ›озакъ и выборный вождь козацкаго народа“. Ксендзы были схва-›ены, посажены въ тюрьму, а затѣмъ съ позоромъ выгнаны изъ ›вастова [2]).

Тогда поручено было генералу Брандту, квартировавшему въ ›ѣлой Церкви, хитростью захватить Палія. Брандтъ послалъ нѣ-›колько десятковъ жолнеровъ въ засаду къ Паліевымъ посѣкамъ, а ›ь нему отправилъ еврея, покупавшаго у него медъ, пригласить его ›ъ пасѣку для осмотра меду, который онъ думалъ купить. Къ счастью ›алій былъ въ этотъ день выпивши и вмѣсто себя послалъ пасынка ›оего Семашка. По дорогѣ его догналъ гонецъ отъ Палія съ извѣ-›іемъ, что одинъ изъ пасѣчниковъ далъ знать, что около пасѣкъ ›рятаны какіе-то люди. Семашко немедленно убилъ еврея, возвра-›лся въ Фастовъ, взялъ съ собой довольно значительный отрядъ и ›ничтожилъ всѣхъ бывшихъ въ засадѣ [3]). Такимъ образомъ, хитрость ›е удалась.

---

[1]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 368—370.

[2]) Rulikowski, Opis pow. Wasylkowskiego, стр. 72; Костомаровъ, Мазепа, ›тр. 167.

[3]) Rulikowski, Op. pow. Wasylkowskiego, стр. 73.

Приходилось въ виду открыто поставленнаго Паліемъ вопроса, силой оружія выбивать его изъ Фастова. Первая и послѣдняя попытка въ этомъ направленіи принадлежитъ первому году XVIII вѣка.

Въ 1700 году региментарь Цинскій получилъ отъ Яблоновскаго приказъ силой оружія изгнать Палія изъ Хвастова. Дѣло было въ сентябрѣ. Съ отрядомъ въ 4000 человѣкъ подступилъ Цинскій къ Фастову. Туда сбѣжалась масса народа, подъ защиту своего „батька". Палій успѣлъ укрѣпить городъ, а передъ городомъ устроена была „загорода", гдѣ сложено было сѣно и хлѣбные запасы въ скирды. Въ первую же ночь поляки гранатами зажгли эти скирды и на пожарѣ погибло нѣсколько козаковъ [1]). Этимъ и окончились удачи польскаго войска. О ходѣ дальнѣйшей осады мы ничего не знаемъ. Извѣстно только, что экспедиція не увѣнчалась успѣхомъ. Одни малорусскіе источники говорятъ, что Палій раздѣлилъ своихъ козаковъ на двѣ части: одну часть ночью отправилъ въ засаду въ тылъ польскаго войска, а съ другой на утро сдѣлалъ вылазку изъ города. Отправленные въ засаду козаки ударили на поляковъ съ тылу, и соединенными усиліями обратили ихъ въ бѣгство [2]). По свидѣтельству польскихъ источниковъ, Палій откупился денгами, приславъ Яблоновскому нѣсколько боченковъ злотыхъ [3]). Я не знаю, которому извѣстію придавать болѣе вѣроятія. Съ достовѣрностью только можно сказать, на основаніи актовъ, что походъ окончился неудачно. Уже въ октябрѣ 1700 г. жолнеры возвращались изъ этого похода [4]). Съ Паліемъ заключено было перемиріе [5]), условія котораго намъ неизвѣстны, а польскія войска не заняли квартиръ въ окрестностяхъ Фастова, а удалились на Волынь, причемъ ограбили по дорогѣ имѣніе пана Константина Корженевскаго село Брусиловъ [6]). Сами поляки сознавались въ томъ, что походъ былъ неудаченъ; такъ, одинъ польскій писатель говоритъ: „отправленный региментарь Цинскій не въ состояніи былъ усмирить Палія и отнять у него Фастовъ [7]).

---

[1]) Ibidem; Костомаровъ, Мазепа, стр. 167.
[2]) Лѣтоп. Грабянки, стр. 240; тоже, Рубанъ и Ригельманъ.
[3]) Rulikowski, стр. 73.
[4]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 378.
[5]) Ibidem, стр. 387.
[6]) Ibidem, стр. 366—389.
[7]) Pikulski, Successalbo hist, univers., стр. 761—762.

Насколько неудаченъ былъ походъ, свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что жолнеры на возвратномъ пути подвергались совершенно безпрепятственно насмѣшкамъ и поруганію со стороны крестьянъ. Такъ, когда они проходили черезъ мѣстечко Лабунь, лежащее на границѣ Волыни, товарищъ панцырной хоругви, Иванъ Либицкій, обратился къ крестьянину, стоявшему на скирдѣ съ вопросомъ о направленіи дороги на Волынь; вмѣсто отвѣта крестьянинъ этотъ—тутъ я обращаюсь къ латинскому тексту акта—„juxta suam barbariam rusticam tergiversionem inhoneste pokazał“. Обиженный бросился на обидчика, произошла свалка, въ которой сбѣжавшіеся мѣщане и крестьяне избили довольно изрядно жолнеровъ, а затѣмъ подоспѣвшіе козаки схватили Либицкаго и хорунжаго Чаплица, и держали ихъ подъ арестомъ, пока они не удовлетворили одного раненаго крестьянина [1]).

Такимъ образомъ, эта неудачная попытка ни къ чему не привела. Дѣло съ Паліемъ оставалось въ первоначальномъ положеніи. Обѣ враждовавшія стороны пока не трогали другъ друга. Палій приготовлялся къ борьбѣ собирая и группируя свои силы и ища союзниковъ для исполненія своего плана.

А шляхта ограничивалась тѣмъ, что составляла на своихъ сеймахъ постановленія требовать отъ короля и правительства изгнанія Палія и уничтоженія козачества. Мы имѣемъ два такихъ постановленія: одно Волынскаго, а другое Кіевскаго воеводства. Такъ, шляхта Волынскаго воеводства въ инструкціи, данной посламъ своимъ на сеймъ, требовала, чтобы король не оказывалъ покровительства Палію, чтобы никто изъ гражданъ Речи Посполитой не смѣлъ завязывать сношеній съ нимъ и чтобы коронный гетманъ изгналъ его изъ границъ отечества [2]). Инструкція эта была вручена посламъ въ 1701 году.

Еще рѣзче выразилась шляхта воеводства Кіевскаго. Посламъ поручено было обратиться къ гетманамъ съ требованіемъ немедленнаго изгнанія Палія, съ угрозой сорвать сеймъ въ случаѣ, если требованіе это не будетъ исполнено до конца сеймовыхъ засѣданій [3]). Такимъ образомъ, шляхта начала принимать рѣшительныя мѣры, противъ Палія.

[1]) Архивъ Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 337-380.
[2]) Ibidem, стр. 395.
[3]) Ibidem, стр. 410, 411.

Понуждаемый сеймомъ, король 6-го января 1702 года издалъ Палію указъ [1]) и написалъ собственноручное письмо [2]). Оба эти документа, совершенно аналогичнаго содержанія, заключали въ себѣ требованіе не только очистить всѣ занятыя имъ земли, но и навсегда распустить козацкіе полки. Письмо и приказъ вручены были Палію депутатами воеводства Кіевскаго отъ имени сеймика, собравшагося въ Житомирѣ. Но Палій съ совершеннымъ пренебреженіемъ отнесся къ этимъ требованіям, а пословъ припугнулъ даже смертной казнью.

Онъ поступилъ такъ рѣшительно потому, что зналъ, что Польша находится въ такомъ незавидномъ положеніи, что не можетъ исполнить ни одной изъ своихъ угрозъ. Дѣло въ томъ, что король Августъ несмотря на протестъ очень многихъ вліятельныхъ лицъ, даже самого коронннаго гетмана Яблоновскаго [3]), впутался въ войну со Швеціей, которая пошла весьма неудачно для Польши. Польскія ополченія были разбиваемы одно за другимъ; въ самой Польшѣ произошло раздѣленіе на двѣ партіи—одна за Августа, другая за шведовъ; во главѣ той и другой, стояли представители наиболѣе вліятельныхъ родовъ въ Польшѣ. Сеймики нѣкоторыхъ воеводствъ вовсе не хотѣли покоряться королю [4]). Конечно, въ виду такого замѣшательства въ польскомъ правительствѣ, некому и некогда было думать объ исполненіи сеймовой конституціи 1699 года, и о требованіяхъ шляхты. Палій съ своей стороны понималъ, что теперь именно настало удобное время для исполненія его плана: совершеннаго изгнанія шляхты изъ предѣловъ южнорусскаго края, распространенія козацкаго строя на все населеніе и совершеннаго отторженія этого края отъ Речи Посполитой.

Начиная съ 1701 года въ дѣятельности Палія замѣчается усиленное приготовленіе къ исполненію его плана. Онъ собираетъ отовсюду силы и групируетъ ихъ около Фастова. Онъ входитъ въ сношенія съ Запорожьемъ и запорожцы, судя по донесенію Головина, объявляютъ себя съ нимъ солидарными [5]). Къ нему массами сбѣгаются бездомные люди съ Волыни, Полѣсья и Подоліи. Бѣжали къ

---

[1]) Архивъ Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 416—417.

[2]) Ibidem, стр. 418—419.

[3]) Костомаровъ, Мазепа, стр. 167.

[4]) Соловьевъ, т. XV, стр. 11—14.

[5]) Ibidem, стр. 22.

нему и крестьяне изъ за Днѣпра,—всѣ они готовы были мириться съ самыми невыгодными условіями, въ ожиданіи нападенія на сосѣднюю шляхту. Вотъ какъ описываетъ Лукьяновъ этихъ людей, массами стекавшихся къ Палію: „А люди въ немъ, т. е. въ Хвастовѣ, что звѣри. По земляному валу ворота частые, а во всякихъ воротахъ копаны ямы, да солома наслана въ ямы—тамъ Палѣевщина лежитъ, человѣкъ по двадцати, по тридцати; голы, что бубны, безъ рубахъ, нагіе страшны зѣло“. Далѣе, когда они добрались до Паволочи, такъ „насъ обступили, какъ есть около медвѣдя: всѣ козаки, палѣевщина, и свадьбы покинули; а все голудьба безпорточная, а на иномъ и клока рубахи нѣту, страшны зѣло, черны, что арапы и лихи они, что собаки изъ рукъ рвутъ“ [1]).

Но не прошло и года—картина совершенно измѣнилась. Тотъ же самый Лукьяновъ, возвращавшійся изъ Іерусалима, совершенно иными красками описываетъ людей Палія. Лишь только они достигли Паволочи, какъ оттуда выскочилъ по знаку наказного полковника Палія отрядъ конныхъ козаковъ со знаменами въ полнѣйшемъ порядкѣ. О „голутьбѣ безпорточной“ уже не было и помину. Около Хвастова ихъ встрѣтила, за отсутствіемъ самого Палія, его жена съ отрядомъ въ 500 человѣкъ и съ честью проводила ихъ до города; затѣмъ въ станъ ихъ прислала вина и мяса [2]) и т. д.

Къ несчастью мы не имѣли никакого матеріала для составленія себѣ понятія о внутреннемъ бытѣ владѣній Палія, такъ хорошо отвѣчавшихъ народнымъ понятіямъ и народнымъ вкусамъ.

Не ограничиваясь одной группировкой силъ около Хвастова, Палій входитъ въ сношенія съ остальными правобережными полковниками, Самусемъ, Искрой и Абазинымъ. Съ этой цѣлью состоялось совѣщаніе всѣхъ этихъ полковниковъ въ Хвастовѣ, совѣщаніе, о которомъ мы находимъ упоминаніе въ различныхъ актахъ [3]). Но мы ничего не знаемъ, о чемъ трактовали народные представители и къ какому рѣшенію пришли. О рѣшеніи этомъ можно будетъ судить только по послѣдующимъ событіямъ. Усиленныя приготовленія Палія вызывали къ жизни самые разнородные элементы, готовые броситься въ борьбу со шляхтой. Не говоря уже о крестьянахъ, которые, ко-

---

[1]) Рус. Арх. 1863 г., стр. 46.
[2]) Ibidem, стр. 411.
[3]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 502, 518, 519.

нечно, находились всѣ на сторонѣ Палія, который представлялъ собой олицетвореніе всѣхъ народныхъ желаній и идеаловъ.—Мнѣ кажется, что изъ предыдущаго разсказа должно бы было убѣдиться, что крестьянское сочувствіе всецѣло было на сторонѣ Палія и его начинаній.

Кромѣ крестьянъ, въ дѣлѣ Палія, начали принимать участіе и другія сословія, ставшія на сторону народныхъ интересовъ. Такъ, мы видимъ мѣщанъ, принимающихъ участіе въ этомъ дѣлѣ; затѣмъ межирицкаго войта Григорія Коссова (раньше онъ участвовалъ въ набѣгѣ Паліевыхъ козаковъ на имѣніе пани Ласкавой, Билиловку) [1]; теперь же онъ присутствовалъ на совѣщаніи полковниковъ въ Хвастовѣ, а затѣмъ былъ схваченъ поляками и по приговору сеймика Волынскаго воеводства казненъ за то, что ѣздилъ къ Самусю и Палію и принималъ участіе въ ихъ совѣщаніяхъ [2]).

Далѣе, и духовенство не осталось глухимъ на призывъ Палія. Такъ, имѣемъ примѣръ священника Іоанна Клеванскаго, который отказался, вмѣстѣ съ Діонисіемъ Жабокрицкимъ принять унію и дѣятельно поддерживалъ у себя на родинѣ православіе; совѣтовалъ прихожанамъ своимъ изгнать уніатскихъ священниковъ, присланныхъ кіевскимъ бискупомъ; онъ былъ отлученъ отъ церкви Жабокрицкимъ и потребованъ на епископскій судъ. Вмѣсто суда Клеванскій отправился въ Фастовъ, прожилъ здѣсь три мѣсяца, присутствовалъ на вышесказанномъ совѣщаніи полковниковъ и, наконецъ, послѣ трехмѣсячнаго отсутствія, воротился на родину съ инструкціями для пропаганды Паліевскаго дѣла [3]). Мы не имѣемъ больше примѣровъ сношенія духовенства съ козаками, но очевидно, что случаи такихъ сношеній были, если шляхта заподозрила въ этихъ сношеніяхъ даже такого человѣка, какъ уніатскій митрополитъ Діонисій Жабокрицкій. Одинъ шляхтичъ увѣрялъ, что онъ видѣлъ у Палія собственноручныя письма Жабокрицкаго [4]).

Наконецъ, въ народномъ дѣлѣ принимали участіе и шляхтичи. Яркимъ примѣромъ этого можетъ служить венденскій подчашій Даніилъ Братковскій. Родъ Братковскихъ издавна былъ православнымъ

---

[1]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 405—406.
[2]) Ibidem, стр. 518—519.
[3]) Арх. Ю.-З. Россіи, стр. 501—503.
[4]) Ibidem, стр. 407—408.

и таковымъ остался настоящій представитель его Даніилъ. Этотъ человѣкъ представлялъ собой рѣдкое исключеніе въ шляхетскомъ обществѣ, будучи весьма просвѣщеннымъ и съ весьма искренними убѣжденіями. Первые же шаги его дѣятельности поставили его во враждебныя отношенія со шляхетскимъ обществомъ [1]). Величко сообщаетъ о немъ, что онъ былъ „человѣкъ ученый, поэтъ отличный. который книжку подъ заглавіемъ: Swiat przeyrzany, рифмами польскими красно и съ успѣхомъ зложилъ“ [2]). Дѣйствительна, книга эта, о которой я могу говорить только слѣдуя словамъ Г-на Антоновича, представляетъ собой довольно ѣдкую и правдивую сатиру на современное шляхетское общество. Она состоитъ изъ мелкихъ стихотвореній и бичуетъ пороки, гнѣздившіеся въ шляхетскомъ обществѣ. Конечно, ужъ одна эта книга, въ которой не было ничего лестнаго для мелкаго самолюбія шляхты, не могла ничего другого возбудить въ ихъ обществѣ, кромѣ ненависти и вражды къ ея автору. Не довольствуясь своимъ сочиненіемъ, Братковскій вступаетъ въ упорную борьбу за вѣру православную. Первыя его легальныя попытки на этомъ пути, выразившіяся въ томъ, что онъ съумѣлъ сгруппировать вокругъ себя православныхъ дворянъ Кіевскаго воеводства и Волынскаго, и, поддерживаемый ими, старался отстаивать интересы православія, не привели ни къ чему [3]). Тогда Братковскій отправляется къ Мазепѣ, надѣясь хоть тамъ найти помощь и сочувствіе въ борьбѣ съ шляхетскими началами. (Онъ былъ, по свидѣтельству Величка, „давній знаемый Мазепы“). Но у него онъ не нашелъ себѣ ни сочувствія, ни помощи, и возвратился изъ Батурина къ себѣ, на родину, безъ всякаго успѣха. На Волыни, въ Олыкѣ, онъ былъ схваченъ какими то встрѣтившимися шляхтичами и посаженъ въ тюрьму „вслѣдствіе подозрѣнія со стороны апостатовъ православія святого“ [4]).

Освободившись изъ тюрьмы, Братковскій рѣшилъ, что всѣ легальные пути имъ испробованы и что теперь остались для борьбы пути нелегальные.

А въ это время въ шляхетскомъ обществѣ начинали уже тревожиться относительно намѣреній Палія, хотя онъ и не думалъ еще

---

[1]) Антоновичъ, стр. 114.
[2]) Лѣт. Величка, т. III, стр. 566.
[3]) Антоновичъ, стр. 115—117.
[4]) Лѣтопись Величка, т. III, стр. 566.

открыто дѣйствовать. Такъ, въ 1701 году, въ апрѣлѣ, когда не было еще помину ни о какомъ возстаніи, коронный гетманъ, Феликсъ Потоцкій [1], замѣнившій Яблоновскаго, предостерегалъ уже шляхту различныхъ воеводствъ о томъ, что козацкій полковникъ Палій, идя по стопамъ Хмельницкаго, старается зажечь пламя крестьянской войны [2]. Очевидно, что и Братковскій слышалъ о Паліѣ и рѣшился обратиться къ нему. Но зная, что такое предпріятіе вещь весьма рискованная, онъ предварительно выкупилъ, заложенное имѣніе, Свищевъ, передалъ его своимъ сыновьямъ, Ивану и Александру, по дарственной записи, а самъ отправился къ Палію [3]. Здѣсь онъ принималъ дѣятельное участіе въ помянутомъ совѣщаніи полковниковъ, составилъ воззваніе къ православнымъ жителямъ Речи Посполитой, призывавшее къ борьбѣ за вѣру, и удалился въ Украину разносить эти воззванія и побуждать жителей къ возстанію [4].

И дѣйствительно, изъ послѣдующихъ событій можно видѣть, что дѣятельность Братковскаго не осталась безъ послѣдствій. Такъ, среди возстанія мы встрѣчаемъ людей шляхетскаго сословія, принимавшихъ въ немъ участіе и помогавшихъ козакамъ. Такъ, встрѣчаемъ боярина Мацеевскаго, живущаго въ селѣ Борсуковцахъ, который занимался побужденіемъ крестьянъ къ возстанію; а когда управляющій села, гдѣ это происходило, приказалъ его задержать, Мацеевскій убѣжалъ, оставивши свою лошадь [5]. Далѣе, дворянинъ Иванъ Опацкій былъ обвиненъ въ подстрекательствѣ крестьянъ въ мѣстечкѣ Ямполѣ и хотя обвиненіе это осталось недоказаннымъ, но на судѣ показали, что во время возстанія онъ произносилъ неосторожныя и возбуждающія рѣчи [6]. Далѣе, во время возстанія схваченъ былъ войтъ села Кузьмина и при немъ былъ найденъ списокъ крестьянъ, обѣщавшихъ содѣйствовать козацкому возстанію. Арестованный войтъ со спискомъ посаженъ былъ въ Константиновскій замокъ — какъ вдругъ, Кузминскій осадчій дворянинъ, Криштофъ Керекеша, напалъ, въ послѣднихъ числахъ февраля 1709 года на замокъ, освободилъ войта, и всѣ бумаги, компрометтирующія какъ его, такъ и другихъ

---

[1]) Niesiecki, Korona Polska, т. Ш, стр. 693.
[2]) Zaluski, т. Ш, стр. 126.
[3]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. П, ч. Ш, стр. 389—390, 391—392.
[4]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. П, ч. Ш, стр. 483.
[5]) Ibidem, стр. 225—226.
[6]) Ibidem, стр. 573—574.

лицъ, сжегъ [1]). Далѣе, въ Брацлавщинѣ встрѣчаемъ дворянина Михаила Клитынскаго, который укрывалъ у себя возставшихъ крестьянъ, доставлялъ бунтующимъ козакамъ военные припасы, извѣщалъ ихъ о движеніи польскихъ войскъ, и даже былъ виновникомъ погибели одной хоругви [2]). Наконецъ, узнаемъ о шляхтичѣ Нижинскомъ, который принималъ дѣятельное участіе въ козацкомъ возстаніи въ качествѣ сотника, и даже убивалъ свою братью—шляхтичей [3]).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что настроеніе въ Украинѣ было такъ напряжено, что при малѣйшемъ поводѣ возстаніе должно было вспыхнуть.

Роковой конфликтъ разразился въ 1702 году. Поводъ былъ со стороны поляковъ и первая вспышка разразилась не по инициативѣ Палія, и онъ даже долгое время отклонялъ отъ себя обвиненіе въ участіи въ этомъ дѣлѣ.

Въ августѣ 1702 года въ Богуславъ и мѣстности, занятыя полками Самуся и Искры, прибыли польскіе старосты, помѣщики, и евреи, подкрѣпленные отрядомъ польскаго войска, и потребовали, чтобы козаки очистили занятыя ими мѣстности, или поступили подъ власть помѣщиковъ и старостъ.

Въ отвѣтъ на это Самусь, Искра и находившійся въ Корсунѣ пасынокъ Палія Семашко подали сигналъ къ возстанію. Наѣхавшіе паны, евреи и жолнеры были перебиты въ Богуславѣ, Корсунѣ, Лисянкѣ, окружающихъ селахъ и мѣстечкахъ [4]). Крестьянамъ была объявлена полная, вѣчная свобода отъ пановъ [5]). Самусь присягнулъ на вѣрность московскому царю и объявилъ себя состоящимъ подъ реиментомъ Мазепы [6]).—Самусь отправился осаждать Бѣлую Церковь, разсылая воззванія ко всѣмъ отдѣльнымъ козацкимъ отрядамъ, приглашая ихъ прибывать въ станъ подъ Бѣлую Церковь [7]), гдѣ и Самусь принялся за осаду города [8]).

---

1) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 577—578.
2) Ibidem. стр. 624—625
3) Ibidem, стр. 762.
4) Соловьевъ, т. XV, стр. 15—16; Zaluski, т. III, стр. 248; Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 442, 445—447.
5) Бантышъ-Каменскій, т. III, стр. 39.
6) Арх. Ю.-З. Россіи, стр. 450.
7) Ibidem, т. II, ч. III, стр. 449—450.
8) Zaluski, т. III, стр. 279.

Главный лагерь былъ расположенъ подъ Бѣлой Церковью, и туда вскорѣ начали стекаться крестьяне, козаки, выходцы изъ Молдавіи и изъ-за Днѣпра [1]). Во многихъ мѣстахъ Подоліи нѣкоторыя села совершенно опустѣли, вслѣдствіе бѣгства крестьянъ къ Палію, такъ что владѣльцы принуждены были даже просить правительство объ отсрочкѣ платежа податей [2]). Всѣхъ собравшихся подъ Бѣлую Церковь начальники осматривали, отбирали годныхъ къ оружію и формировали изъ нихъ полки [3]).

Самусь, еще съ самаго начала возстанія, извѣщалъ о случившемся Мазепу и просилъ принять его подъ свою державу, а также прислать хоть немного вспомогательнаго войска. Мазепа отвѣчалъ уклончиво—а въ Москву доносилъ, что возстаніе Самуся совсѣмъ „непротивно“ его видамъ, какъ хорошій урокъ полякамъ, такъ часто выражавшимъ свои претензіи на Украину и Кіевъ [4]).

Въ началѣ возстанія Палій увѣрялъ польковъ, что въ этомъ возстаніи онъ не принимаетъ никакого участія [5]). Даже Мазепѣ писалъ то же самое, объясняя присутствіе своего пасынка въ Корсунѣ во время начала возстанія простой случайностію [6]). Въ дѣйствительности, это, конечно, была уловка. Было бы совершенно неестественно, чтобы Палій остался равнодушенъ къ такому дѣлу, какъ поднятое Самусемъ возстаніе. Вѣдь ему выгоднѣе было, чтобы другіе начали, а онъ продолжалъ бы и доканчивалъ дѣло повсемѣстнаго изгнанія шляхты. Въ его разсчеты входило закрыть глаза шляхтѣ Кіевскаго воеводства, чтобы ополченіе ихъ отправилось на войну со шведами, и, такимъ образомъ, оставшаяся въ границахъ Кіевскаго воеводства шляхта была бы совершенно беззащитной.

Дѣйствительно, дворяне сначала мало обратили вниманія на возстаніе Самуся, и шляхта на сеймикахъ изъявила готовность составить ополченіе и идти на войну со шведами. Въ просьбахъ относительно усмиренія возстанія Самуся и Искры ничего не упоминалось о Паліѣ. Дворяне жаловались только, что Палій до сихъ поръ не

[1]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 458.
[2]) Ibidem, стр. 529—530.
[3]) Антоновичъ, стр. 101
[4]) Соловьевъ, т. XV, стр. 15.
[5]) Zaluski, т. III, стр. 279.
[6]) Костомаровъ, Мазепа, стр. 171.

очистилъ Фастова и оскорбилъ пословъ, отправленныхъ къ нему отъ Кіевскаго воеводства [1]).

Между тѣмъ Палій, лишь только узналъ, что Самусь осадилъ Бѣлую Церковь, тотчасъ послалъ ему подмогу въ 1500 своихъ козаковъ [2]), а затѣмъ и самъ отправился туда же [3]). Силы козаковъ въ лагерѣ увеличивались съ каждымъ днемъ. Въ началѣ октября, по свидѣтельству польскаго источника, цифра повстанцевъ достигала 10000 человѣкъ [4]). Поговаривали, будто Мазепа прислалъ своихъ людей въ помощь Самусю. Въ дѣйствительности же Мазепа прислалъ только немного пороху и свинцу, чтобы „не отогнать вовсе Самуся отъ моего реименту“ [5]). Послѣ двухнедѣльныхъ осадныхъ работъ, пріѣхалъ къ Самусю посолъ Косовскій отъ новопоставленнаго короннаго гетмана Іеронима Любомирскаго. Онъ объявилъ Самусю, что если онъ положитъ оружіе, то получитъ прощеніе за все то, что произошло въ Богуславѣ, Корсунѣ и другихъ городахъ. Но Самусь отвѣчалъ: „Мы тогда будемъ желательны королю и Речи Посполитой, когда у насъ во всей Украинѣ отъ Днѣпра до Днѣстра и вверхъ до рѣки Случи не будетъ ноги лядской“ [6]). Ужъ одинъ этотъ отвѣтъ доказываетъ, что главную роль въ этомъ возстаніи игралъ Палій, хотя самъ и не начиналъ его и старался отклонить отъ себя подозрѣніе въ участіи.

Не смотря на довольно значительное количество силъ, сосредоточившихся около Бѣлой Церкви, первый приступъ былъ отраженъ. Самусь рѣшилъ, что не слѣдуетъ охлаждать новосформированное изъ крестьянъ войско долгой осадой. Удача возстанія могла быть достигнута лишь быстрыми успѣхами. Кромѣ того слѣдовало не упускать минуты, пока шляхта въ безпечности своей не обращаетъ на нихъ особеннаго вниманія, и обрушиться на нее неожиданно. Съ этой цѣлью Самусь передалъ веденіе осады Палію, который наиболѣе былъ заинтересованъ, а самъ двинулся къ границамъ Волыни и Подоліи. Наконецъ, третій отрядъ отправленъ былъ въ Брацлавщину и По-

---

[1]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 536—440, 440—443, 444—446.
[2]) Соловьевъ, т. XV, стр. 16.
[3]) Костомаровъ, Мазепа, стр. 174.
[4]) Zaluski, т. III, стр. 274.
[5]) Соловьевъ, т. XV, стр. 16.
[6]) Костомаровъ, Мазепа, стр. 174.

бережье (Поднѣстровье), откуда жители прислали къ Палію депутацію съ просьбой принять ихъ подъ свое покровительство и прислать имъ для защиты козаковъ [1]). Туда отправился Семашко [2]).

Самусь бросился въ ту часть Кіевскаго воеводства, которая находилась еще въ рукахъ шляхты. Разсчетъ его былъ слѣдующій. Большая часть воеводства, какъ намъ уже извѣстно изъ предыдущаго, досталась по рѣку Тетеревъ въ руки Палія. Кромѣ того, какъ мы только что говорили, шляхта готовилась къ войнѣ со шведами и не обращала особеннаго вниманія на возстаніе. Ихъ можно было, слѣдовательно, застигнуть врасплохъ и совершенно очистить отъ нихъ границы воеводства. А разъ все воеводство находилось-бы въ рукахъ козаковъ, то, не имѣя въ тылу у себя врага, гораздо удобнѣе было напасть на остальныя три воеводства: Волынское, Подольское и Брацлавское.

Первые шаги Самуся увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Какъ только пронеслась вѣсть, что Самусь бросился въ Кіевское воеводство, тотчасъ же въ Бердичевѣ собрались войска для защиты Кіевскаго воеводства. Прежде всего туда пришелъ полковникъ Даніилъ Руцицъ, посланный съ отрядомъ кварцянаго войска на рекогносцировку [3]). Далѣе, явился туда староста хмельницкій, Яковъ Потоцкій, со своимъ ополченіемъ. Наконецъ, явилась туда и часть ополченія дворянъ Кіевскаго воеводства, собравшагося идти ня войну со шведами.

Исторія этого ополченія весьма характерна въ смыслѣ той безурядицы, которая царила въ средѣ шлхяты. Какъ намъ уже извѣстно, ополченіе это рѣшено было въ принципѣ еще въ августѣ 1702 года. Но, по причинѣ раздоровъ между начальниками, ополченіе это не отправилось противъ шведовъ. По обычаю, начальство надъ ополченіемъ долженъ былъ принять старшій находящійся въ немъ офицеръ. Но тутъ оказалось, что имѣется таковыхъ два и, притомъ, совершенно одинаковаго ранга: староста житомирскій, Корчевскій, и староста овручскій, Францискъ Потоцкій. Между ними возникли пререканія. Большинство шляхты признало своимъ начальникомъ Корчевскаго. Но Потоцкій не покорился—собралъ себѣ

---

[1]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 450—451.
[2]) Zaluski, т. III, стр. 333.
[3]) Ibidem, стр. 294.

партію и, отдѣлившись отъ ополченія, сталъ отдѣльнымъ лагеремъ на рѣкѣ Палчи подъ Овручемъ [1]).

Когда большая часть ополченія ушла по приглашенію Рущица въ Бердичевъ, то оставшійся въ краю Потоцкій принялся расправляться со своими противниками, державшими руку за Корчевскаго. Онъ устроилъ у себя въ лагерѣ военный судъ и по приговору его надъ тѣмъ или другимъ членомъ противной ему партіи, онъ нападалъ на ихъ дома, грабилъ и раззорялъ ихъ имущество, родственниковъ ихъ билъ и убивалъ, а если ему въ руки попадались его противники, то онъ сажалъ ихъ въ тюрьму [2]).

И въ Бердичевѣ дѣло не ладилось: возникли споры между Рущицемъ и хмельницкимъ старостою, Яковомъ Потоцкимъ, о томъ, кому начальствовать надъ ополченіемъ. Потоцкій для того, чтобы привлечь на свою сторону общественное мнѣніе, устроилъ у себя въ лагерѣ грандіозную попойку Какъ разъ въ самый разгаръ этого пира въ Бердичевъ ворвались козаки, а оттуда напали на беззащитный таборъ. Поляки падали десятками. Самъ Рущицъ, пытавшійся запереться въ замкѣ, принужденъ былъ бѣжать черезъ окно. До 2000 поляковъ легло на полѣ битвы [3]). Богатая добыча досталась въ руки побѣдителей. Одинъ Яковъ Потоцкій исчисляетъ убытки, понесенные въ этомъ дѣлѣ, въ 22000 злотыхъ [4]).

Лишь только разнеслась вѣсть о побѣдѣ, всѣ крестьяне, поголовно, возстали и, приставая къ козакамъ, грабили обозы шляхтичей, участвовавшихъ въ походѣ. Весь житомирскій повѣтъ Кіевскаго воеводства освободился отъ пановъ [5]). Отголоски бердичевской побѣды слышны были еще въ 1707 году, когда крестьяне, захватившіе различныя земли и угодья, не хотѣли вплоть до этого года допустить помѣщиковъ до пользованія ими [6]).

Шляхта послѣ бердичевскаго пораженія и не думала сопротивляться, она начала сваливать вину пораженія то на того, то на другого. Одинъ Францискъ Потоцкій гордо держался, обвиняя враждебную шляхту въ государственной измѣнѣ и въ томъ, что она, не зная

---

[1]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 438.
[2]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 542—550, 581—483, 590—591.
[3]) Лѣтоп. Грабянки, стр. 241; Первыя Русск. Вѣдомости, стр. 7—25.
[4]) Первыя Русск. Вѣд., стр. 25.
[5]) Арх. Ю. З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 507—508; 533—534.
[6]) Ibidem, стр. 704—707.

военнаго дѣла, пошла на козаковъ, раздражила ихъ и послужила причиной гибели довольно большого отряда [1]).

Сломивъ, такимъ образомъ, силы Кіевскаго воеводства и обезпечивъ себѣ безопасность съ тылу, Самусь бросился въ Подолію; Волынь, хотя и ближе расположенная, оставлена была Самусемъ по причинамъ, о которыхъ будемъ говорить впослѣдствіи. Между тѣмъ, всѣ обстоятельства складывались такъ, что Подолія и Брацлавщина представляли весьма удобную почву для козацкаго возстанія.

Только 3 года тому назадъ, какъ Подолія быля обратно уступлена Польшѣ и возвратившіеся вновь туда паны, для привлеченія жителей въ свои запустѣвшія имѣнія, должны были объявить широкое право слободы на болѣе или менѣе продолжительный срокъ. Естественно, что крѣпостное право не успѣло еще тамъ утвердиться и крестьяне склонны были на вѣки отъ него освободиться. Въ этомъ стремленіи поддерживали ихъ козацкія поселенія Абазина, какъ намъ извѣстно, поселившагося въ Брацлавщинѣ. Кромѣ того, все Побережье, какъ намъ тоже извѣстно, предложило Палію свою покорность и свое участіе въ его дѣлѣ.

А шляхта на Подоліи была такъ безсильна, что могла выставить ополченіе только въ 400 человѣкъ [2]). Въ Брацлавскомъ воеводствѣ шляхта чувствовала себя настолько слабой, что отправила даже къ Палію пословъ просить его не разрывать мирныхъ сосѣдскихъ отношеній, предлагала ему свою дружбу и обѣщала ходатайствовать за него передъ коронныжъ гетманомъ, если-бы правительство начало его притѣснять [3]).

Опасенія шляхты были весьма основательны. Первыя же извѣстія о возстаніи Самуся начали волновать крестьянъ. Волненія эти, очевидно, достигли большой силы, если въ іюнѣ 1702 года шляхта Подольскаго воеводства сдѣлала на одномъ изъ своихъ сеймиковъ постановленіе, для того, чтобы сразу пресѣчь начавшееся среди крестьянъ волненіе, обязать сельскихъ урядниковъ подъ опасеніемъ смертной казни, чтобы они бунтовщиковъ преслѣдовали и сажали въ тюрьму [4]). Появились шайки, такъ называемыхъ „левенцовъ“, кото-

---

[1]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 496—505.
[2]) Антоновичъ, стр. 131.
[3]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 433—435.
[4]) Ibidem, стр. 423—425.

рые начали такъ сильно безпокоить подольскую шляхту, что къ коронному гетману отправлены были послы съ просьбой прислать помощь для защиты ихъ отъ „левенцовъ“ [1]). Волненія росли съ каждымъ днемъ и достигли достаточной степени интензивности; подольская шляхта въ іюлѣ 1702 года составила на одномъ изъ своихъ сеймиковъ постановленіе, на основаніи котораго всей шляхтѣ предписывалось поголовно собраться въ ополченіе и ограничить крестьянъ посредствомъ приведенія слободскихъ условій къ одному, гораздо болѣе стѣснительному уровню [2]). Такимъ образомъ, мы видимъ, что почва на Подоліи и въ Брацлавщинѣ была достаточно подготовлена къ возстанію и что Самусь не ошибся, бросившись именно туда.

На границѣ Брацлавщины лежала крѣпость, охранявшая входъ въ это воеводство—Немировъ. Мы видѣли, что въ договорахъ съ Россіей и Турціей поляки старались сохранить за собой эту крѣпость. Очевидно, они считали ее очень важной для себя. Первый натискъ Самуся обрушился на эту крѣпость. Взять ее было необходимо и вслѣдствіе стратегическаго положенія этой крѣпости, и вслѣдствіе того, что комендантъ ея сильно озлобилъ противъ себя окрестное населеніе [3]). Соединившись съ Абазинымъ, пришедшимъ съ юга, Самусь ударилъ на эту крѣпость. Она не долго сопротивлялась. При содѣйствіи крестьянъ и мѣщанъ, городъ былъ взятъ безъ труда. Жестоко расправлялись козаки съ нерусскими жителями Немирова. Весь гарнизонъ, всѣ шляхтичи и евреи, искавшіе спасенія въ Немировской крѣпости, были поголовно перебиты. Коменданту отрубили руки, обрѣзали губы и для большаго мученія заперли ротъ замкомъ, продѣвъ сквозь остатокъ губъ. Езуиту Циколовскому содрали съ бороды кожу [4]).

Послѣ взятія Немирова отряды козацкіе разсыпались по всему Подолію. Часть ушла къ Палію помогать ему въ осадѣ Бѣлой Церкви, а часть бросилась къ Бару. Барскій гарнизонъ и всѣ шляхтичи ушли въ Межибожъ, представлявшій больше гарантій для защиты. Вслѣдъ за ними бросились и козаки, сожгли городъ, но замка взять не могли [5]). Козацкіе отряды появились даже въ воеводствѣ Рус-

---

[1]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 425—427.
[2]) Ibidem, стр. 428—432.
[3]) Церв. Рус. Вѣдом., стр. 18.
[4]) Ibidem, стр. 2, 18; Załuski, т. III, стр. 294, 332.
[5]) Ibidem, стр. 19, 21.

скомъ (т. е. въ Галиціи) и на Волыни. Разбившій отрядъ, посланный противъ нихъ коронныкъ гетманомъ, козаки похвалялись, что пойдутъ прямо на Каменецъ послѣ взятія Межибожа [1]). Козацкіе отряды очень численные, достигавшіе количествомъ до 3000 человѣкъ, ходили въ окрестностяхъ Сатанова, Сокаля и Злочева, появлялись даже около Львова.

Взятіе Немирова и появленіе козаковъ на Подоліи и Брацлавщинѣ вызвали повсемѣстное возстаніе крестьянъ. Вторгнувшійся въ Побережье Семашко овладѣлъ 20-ью волостями, признавшими власть Палія и присоединившимися къ козацкому устройству [3]). То же самое происходило и на Подоліи. „Бунтующее гультайство,—писалъ подольскій подкоморій Богушъ въ универсалѣ, обращенномъ къ подольской шляхтѣ,—жестоко расправляется, не щадя никого, ни дворянъ, ни губернаторовъ, ни пановъ. Всѣмъ подрядъ рубятъ голову“ [4]).

Для иллюстраціи того, что творилось въ Подоліи, приведемъ нѣсколько примѣровъ. Изъ окрестностей Сатанова писали: „Бунтующая „галастра“ грабитъ мѣстечки, пасѣки и продовольствіе, спрятанное на зиму, чинятъ, гдѣ только можно, всякія шкоды, а гдѣ поймаютъ поляка или жида, то тутъ же на мѣстѣ убиваютъ“ [5]). Такъ, козаки съ крестьянами совершенно раззорили Старый Константиновъ [6]). Мѣщане города Гусятина сформировали отрядъ въ количествѣ 130 человѣкъ и дѣятельно принимали участіе въ козацкомъ возстаніи, причемъ убили дворянина Іосифа Млодецкаго [7]). Далѣе, рабочіе съ рудниковъ, принадлежавшихъ кармелитскому Дорогостайскому монастырю, изъ села Искорости, въ соединеніи съ козаками напали на имѣніе Діонисія Жабокрицкаго и раззорили его [8]). Затѣмъ, жители мѣстечка Стрижавки составили цѣлый отрядъ и разбили одну польскую хоругвь [9]).

---

[1]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 458.
[2]) Ibidem, стр. 320; Załuski, т. III, стр. 279.
[3]) Załuski, т. III, стр. 333.
[4]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 452.
[5]) Ibidem, стр. 520.
[6]) Ibidem, стр. 599—601.
[7]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 607—610.
[8]) Ibidem, стр. 610—611.
[9]) Ibidem, стр. 612—615.

Много можно-бы было еще привести примѣровъ, но это занялобы много мѣста и времени.

Обыкновенно крестьяне какой-нибудь мѣстности сами добровольно присоединялись къ возстанію, а кто не хотѣлъ, того принуждало общественное мнѣніе; такъ, по крайней мѣрѣ, при допросахъ показывали сами крестьяне. Отправлялась депутація къ Самусю или ближайшему начальнику козацкаго отряда и съ того времени крестьяне считали себя уже козаками [1]). Такъ, крестьяне мѣстечка Зинькова напали на село дворянина Пепловскаго, Макіевцы, и, захвативъ жену управляющаго, требовали отъ нея горѣлки и указанія мѣста, гдѣ она спрятала жида: „Давай, така-сяка, горѣлки!—кричали они,—да кажи, де діла жида, а то ми тобі хату перевернемъ—пізнаешь тоді Самусевыхъ козаківъ“ [2]). Многіе крестьяне, какъ мы уже видѣли, не довольствовались освобожденіемъ, а составляли отряды и принимали дѣятельное участіе въ дальнѣйшемъ ходѣ возстанія. Такъ, мы видимъ примѣры на крестьянахъ Гусятина и Стрижавки, которые совмѣстно съ мѣщанами составляли цѣлыя ополченія. Далѣе, то же учинили жители Дунаевецъ и Студеницы. Мѣщане города Летичева совмѣстно съ крестьянами составили ополченіе [3]). Въ окрестностяхъ Немирова появился нѣкій Федоръ Шпакъ, который сформировалъ изъ крестьянъ цѣлый полкъ [4]).

Каждая изъ ватагъ старалась избрать себѣ полковника и мы встрѣчаемъ въ актахъ массу именъ этихъ новыхъ полковниковъ: Карнаухъ, Дубина, Мидопака, Скоричъ, Аксентій, Дерикалика и др. Такъ, въ Дунаевцахъ былъ свой полковникъ; это доказывается тѣмъ, что мѣщане, поймавъ шляхтича Слязскаго, кричали: „Ведить его, собаку, до полковника! Буде намъ добрий языкъ“ [5]).

Такому быстро распространявшемуся возстанію подольская шляхта не могла противопоставить никакого отпора. Еще въ сентябрѣ подкоморій подольскій, Иванъ Богушъ, призывалъ своимъ универсаломъ шляхту составить ополченіе противъ растущаго не по днямъ, а по часамъ возстанія [6]). Но универсалъ этотъ остался гла-

---

[1]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 535—636.
[2]) Ibidem, стр. 452—453.
[3]) Ibidem, стр. 522—523.
[4]) Ibidem, стр. 521—522.
[5]) Ibidem, стр. 511—512.
[6]) Ibidem, стр. 451—452.

сомъ вопіющаго въ пустынѣ, и шляхта ограничилась тѣмъ, что постановила просить гетмана о присылкѣ помощи и объ усиленіи Каменецкаго гарнизона [1]). Вскорѣ уѣхалъ изъ Подоліи Иванъ Богушъ, сочтя за лучшее ретироваться.

Когда появились козаки въ Подоліи, то оставшійся въ воеводствѣ старшій чиновникъ Домбровскій сталъ своими универсалами сзывать шляхту на поголовное ополченіе противъ возстанія [2]). Но и тутъ шляхта показала себя вполнѣ безпечной. Собравшись на сеймѣ въ Каменецъ въ концѣ ноября она пообѣщала, что впослѣдствіе ополченіе будетъ составлено, а пока назначила начальниковъ для этого ополченія, отправила пословъ къ гетманамъ съ просьбой о помощи, да выбрала еще пана Шидловскаго стражникомъ Подольскаго воеводства, поручивъ ему охранять порядокъ въ воеводствѣ, и чуть только замѣчено будетъ какое-нибудь волненіе, тотчасъ же хватать виновныхъ и карать ихъ весьма строго [3]).

Но Шидловскій былъ безсиленъ исполнить возложенныя на него обязанности. Это доказали первые же шаги его дѣятельности. Чтобы показать видъ, что онъ исполняетъ возложенныя на него функціи, Шидловскій съ нѣсколькими пріятелями отправился въ объѣздъ. Они остановились на ночлегъ въ селѣ Нефедовцахъ. Тотчасъ же объ этомъ разнесся слухъ по окрестностямъ, сбѣжались крестьяне, напали на квартиру стражника, заграбили все его имущество, а самъ стражникъ, призванный охранять порядокъ въ воеводствѣ, едва успѣлъ скрыться [4]). Когда потомъ Шидловскій требовалъ отъ крестьянъ села Копайгрода, чтобы выдали ему вора, у котораго оказались во дворѣ его лошади, то крестьяне отвѣчали: „Теперъ намъ и злодій потрибный, а ваше панство вже мынается [5]). Дѣятельность Шидловскаго окончилась тѣмъ, что тѣ же самые Копайгродскіе крестьяне напали на село Берлинцы и разграбили его въ конецъ [6]).

Застигнутая такимъ образомъ шляхта бѣжала безъ сопротивленія. Она цѣлыми толпами убѣгала на Волынь и вообще куда-нибудь подальше. Бѣжали шляхтичи отдѣльно и соединившись вмѣстѣ

---

[1]) Арх Ю-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 457-459.
[2]) Ibidem, стр. 468—469.
[3]) Ibidem, стр. 478-481.
[4]) Ibidem, стр. 503-505, 507.
[5]) Ibidem, стр. 576.
[6]) Ibidem, стр. 576.

съ другими въ обозы для большей безопасности [1]). Страхъ былъ такъ великъ, что крестьяне, пользуясь этимъ, заставляли безъ всякаго труда шляхтичей бѣжать и оставлять имъ на расхищеніе свое имущество. Крестьяне поднимали ложную тревогу, и шляхтичи въ ужасѣ, полуодѣтые спасались бѣгствомъ куда только могли [2])

Изъ многихъ мѣстъ евреи выселились вовсе; такъ, мы имѣемъ примѣръ на евреяхъ города Любара, которые выселились оттуда и не возвращались на свои старыя мѣста цѣлыхъ три года [3]). Даже стѣны большихъ городовъ, куда стекались шляхтичи, не ободряли ихъ. Такъ, въ Львовѣ ежеминутно ожидали прихода козаковъ и крестьянъ [4]). Въ Каменцѣ шляхта, жолнеры и евреи смотрѣли подозрительно на русиновъ, и собирались даже изъ предосторожности перебить всѣхъ жителей русскаго происхожденія [5]).

Вся эта безурядица увеличивалась самими шляхтичами, которые и въ такомъ бѣдственномъ положеніи не отказывались искать случая для собственнаго обогащенія на счетъ ближняго, или удовлетворенія личной мести. Многіе, переодѣвшись козаками, нападали на дома и имѣнія бѣжавшихъ согражданъ и грабили ихъ [6]) Другіе призывали козаковъ, служили имъ проводниками и, ограбивъ домъ или цѣлое имѣніе какого-нибудь своего же брата-шляхтича, дѣлились съ козаками добычей [7]). Третьи, руководясь личной местью, останавливали бѣгущихъ шляхтичей и убивали ихъ [8]). Четвертые, наконецъ, врывались, по слѣдамъ козаковъ, въ ограбленные уже дома шляхтичей и забирали все то, что не было захвачено козаками, а также ловили бродячихъ крестьянъ, принадлежащихъ какимъ-либо другимъ помѣщикамъ, и водворяли ихъ въ свои имѣнія [9]). Я не стану иллюстрировать примѣрами только что описанныхъ положеній. Примѣры эти были бы только повтореніемъ сказаннаго. Скажу только, что нѣкоторые шляхтичи доходили до того, что, отдѣлясь отъ земскихъ ополченій, грабили по дорогамъ обозы бѣглецовъ. Такъ,

---

1) Арх. Ю.-З, Россіи, т. II, ч. III, стр. 487—492, 509—510, 605—607.

2) Ibidem, стр. 619.

3) Ibidem, стр. 681—682.

4) Перв. Рус. Бѣд., стр. 24.

5) Архивъ Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр 455—456

6) Ibidem, стр. 562—564.

7) Ibidem, стр. 596—598, 653-655.

8) Ibidem, стр 509-510.

9) Ibidem, стр. 551—552, 562—564, 578-579, 601—603, 603—605, 614—615.

шляхтичи Езерскій и Дидковскій, отдѣлившись отъ ополченія Волынскаго воеводства, нанялись проводить обозъ богатыхъ евреевъ изъ м. Полоннаго. Навели его на ложный путь и въ глухомъ лѣсу ограбили обозъ, а евреевъ, которыхъ они взялись провожать, бросили на произволъ судьбы [1]).

Между тѣмъ, пока такъ успѣшно шли дѣла Самуся, бросившагося въ Брацлавщину и Подолію, Палій въ самомъ концѣ ноября 1702 года овладѣлъ Бѣлой Церковью. Онъ пытался, послѣ ухода Самуся, взять приступомъ Бѣлую Церковь, но былъ отбитъ; тогда онъ употребилъ хитрость. Сдѣлавъ видъ, что, потерявъ надежду на взятіе крѣпости, онъ уходитъ въ Хвастовъ, Палій разставилъ вокругъ города засаду изъ козаковъ. Хитрость его удалась. Тотчасъ по удаленіи Палія, бѣлоцерковскій комендантъ, Галецкій, вышелъ изъ крѣпости для осмотра укрѣпленій. Немедленно на него напали козаки и онъ, спасая свою жизнь, бѣжалъ въ поле, а оттуда въ Хвастовъ. Палій предложилъ ему одно изъ двухъ—или смерть или сдачу крѣпости. Галецкій написалъ своимъ офицерамъ приказъ сдать козакамъ Бѣлую Церковь, что и случилось въ концѣ ноября [2]). Самъ Галецкій изъ боязни наказанія отъ своего правительства остался въ Хвастовѣ на жительство.

Палій въѣхалъ въ Бѣлую Церковь съ торжествомъ, шестерней въ каретѣ [3]), и перенесъ туда свою резиденцію.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что цѣль Палія до извѣстной степени были достигнута. Воеводства Кіевское, Брацлавское и вся Подолія находились въ рукахъ козаковъ, и паны повсемѣстно были изгнаны.

Не имѣло совершенно успѣха возстаніе на Волыни. Мы упоминали, что Самусь оставилъ намѣреніе напасть на Волынь и кинулся въ Брацлавщину, вслѣдствіе существовавшихъ на Волыни причинъ, дѣлавшихъ нападеніе на эту область неудобнымъ. Волынская шляхта была сильна уже тѣмъ, что могла выставить ополченіе численностью въ 6000 человѣкъ [4]). Затѣмъ, на Волыни царило необычайное для шляхетскаго общества единодушіе. Вся шляхта на Волыни преклонялась и благоговѣла передъ личностью и авторите-

---

[1]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 487—492.

[2]) Rulikowski, стр. 105—106; Перв. Русск. Вѣдом., стр. 44, 63.

[3]) Перв. Русск. Вѣдом., стр. 44.

[4]) Załuski, т. III, стр. 294.

томъ одного человѣка, и это обстоятельство спасло Волынь. Личность эта—былъ каштелянъ волынскій, Францискъ Ледуховскій. Онъ находился во главѣ посполитаго рушенія въ лагерѣ подъ Сендомиромъ, когда къ нему пришла вѣсть о возстаніи Самуся. Тотчасъ же онъ рѣшилъ взять въ свои руки дѣло обороны родного воеводства отъ козаковъ. Онъ издалъ универсалъ, приглашая шляхту Волынскаго воеводства собраться 14 сентября на сеймикъ въ Мятинъ, надъ рѣкою Иквой, указывая имъ на необходимость охраненія границъ воеводства отъ козаковъ, которые не напрасно выбрали для своего возстанія время, когда всѣ военныя силы Речи Посполитой заняты войной со Швеціей [1]). Прибывъ на сеймикъ, онъ продолжалъ понуждать шляхту къ ополченію, поддерживая ихъ усердіе универсалами, въ которыхъ онъ то пріятно щекоталъ шляхетское самолюбіе [2]), то устрашалъ ихъ опасностью, извѣщая о походѣ Самуся изъ-подъ Бѣлой Церкви [3]), то, наконецъ, угрожалъ имъ военнымъ судомъ [4]).

Сначала Ледуховскій съ ополченіемъ, которое дѣйствительно собралось, сталъ лагеремъ у Заславля и хотѣлъ было идти на помощь осажденной Бѣлой Церкви, но тутъ одно обстоятельство показало, что не нужно выходить изъ предѣловъ воеводства, а позаботиться о томъ, чтобы подавить и не допустить развиться здѣсь крестьянскому возстанію. Патрули ополченія совершенно случайно поймали Даніила Братковскаго, который въ одеждѣ крестьянина старался избѣжать встрѣчи съ шляхтичами. При обыскѣ найдены были бумаги, компрометтирующія, во-первыхъ, самого Братковскаго, а во-вторыхъ, доказавшія Ледуховскому, что готовится крестьянское возстаніе ни Волыни [5]).

18 ноября Ледуховскій учредилъ въ лагерѣ своемъ военный судъ и поручилъ его членамъ преслѣдовать лицъ, заподозрѣнныхъ въ возстаніи, или же въ упущеніи своихъ обязанностей [6]). Судъ дѣятельно принялся за дѣло. Хватали всѣхъ, заподозрѣнныхъ только въ участіи, подвергали пыткѣ и, въ случаѣ сознанія, казнили четвертованіемъ и развѣшивали члены казненныхъ по большимъ дорогамъ.

---

[1]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 447—448.
[2]) Ibidem, стр. 460—461.
[3]) Ibidem, стр. 463—464.
[4]) Ibidem, зтр. 461—462.
[5]) Ibidem, стр. 483—484.
[6]) Ibidem, стр. 465—466.

Такъ, всѣ крестьяне села Деревичей были приговорены къ пыткѣ за то, что ихъ обвинили въ сочувствіи къ козацкому возстанію [1]. Одного изъ этихъ крестьянъ, нѣкоего Ивана, за то, что было доказано, что онъ похвалялся: „буду бродити въ крови ляхской и жидовской", подвергли только-что указанной нами казни [2]. Дѣятельность Ледуховскаго не прекратилась и тогда, когда стало извѣстнымъ, что Самусь, минуя Волынь, направился въ Брацлавщину. 2-го ноября онъ универсаломъ сзывалъ шляхту на сеймикъ въ Луцкѣ, для изысканія мѣръ къ прочной оборонѣ Волынскаго воеводства [3]. Сеймикъ дѣйствительно собрался къ 20-му ноября и здѣсь постановлено было собрать ополченіе противъ казаковъ въ размѣрѣ одного солдата съ 30 дымовъ, устроить сборъ податей, предоставить Ледуховскому право созывать поголовное ополченіе, отправить пословъ къ гетманамъ, а также къ воеводствамъ Русскому, Бѣльскому и Люблинскому просить помощи [4]. Всѣ эти мѣры помѣшали возстанію крестьянъ на Волыни. Все дѣло кончилось нѣсколькими вспышками, быстро подавленными [5], да сожженіемъ нѣсколькихъ панскихъ дворовъ [6]. На этомъ же сеймикѣ Ледуховскій получилъ право судить Братковскаго. Написавъ завѣщаніе, полное религіознаго и общественнаго чувства [7], Братковскій былъ пытанъ [8], приговоренъ къ смерти [9] и, наконецъ, казненъ въ Луцкѣ жесточайшимъ образомъ [10]. Такимъ образомъ, Ледуховскій не только спасъ шляхту Волынскаго воеводства, но и уничтожилъ одного изъ наиболѣе ревностныхъ сотрудниковъ народнаго дѣла.

Такъ обстояло дѣло въ Украинѣ, когда польское правительство, доселѣ предоставлявшее самимъ мѣстнымъ шляхетскимъ обществамъ бороться противъ козаковъ и крестьянъ, сочло нужнымъ вмѣшаться въ это дѣло. Давно уже оно видѣло необходимость такого рѣшенія, но до конца 1702 года не могло изыскать мѣръ къ его исполненію.

---

[1] Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 486—487
[2] Ibidem, стр. 493.
[3] Ibidem, стр. 467—468.
[4] Ibidem, стр. 474—478.
[5] Ibidem, стр. 435—436.
[6] Ibidem, стр. 527—529.
[7] Ibidem, стр. 470—471.
[8] Ibidem, стр. 484.
[9] Ibidem, стр. 494—495.
[10] Лѣтописъ Величка, т. III, стр. 566

Еще въ концѣ октября польское правительство, не имѣя возможности отдѣлить часть войска, занятаго войной со Швеціей, рѣшило заставить Россію путемъ дипломатическихъ сношеній принять на себя это дѣло. Польское правительство начало представлять русскому послу, Долгорукову, что шведскіе сторонники распускаютъ молву, будто царь московскій поддерживаетъ образъ дѣйствій Самуся. Долгорукій старается всѣми силами убѣдить поляковъ, что слухи эти ложны, что царь очень сожалѣетъ о Польшѣ, попавшей въ такое затруднительное положеніе, и что онъ постарается сдѣлать все, что въ его силахъ, чтобы помочь Речи Посполитой [1]). И дѣйствительно, онъ отправилъ два письма Мазепѣ, въ которыхъ, сообщая о существованіи такихъ слуховъ, просилъ принять всѣ зависящія отъ него мѣры для прекращенія оныхъ [2]).

Тѣмъ не менѣе, слухи и молва о томъ, что царь поддерживаетъ Самуся, не стихали. Іеронимъ Любомирскій доносилъ даже, что Мазепа съ 20000 войска готовится перейти черезъ Днѣпръ на помощь Самусю [3]). Тогда, въ началѣ декабря король Августъ отправилъ царю Петру письмо, въ которомъ излагалъ ходившіе слухи, говорилъ, что онъ имъ не вѣритъ, но въ то же время просилъ Петра, дабы снять съ себя тѣнь подозрѣнія, принять на тебя дѣло усмиренія козаковъ [4]). Въ началѣ января послано было къ Петру новое письмо аналогичнаго содержанія [5]).

И Петру было выгодно усмирить бунтъ, безпокоившій Польшу, въ виду необходимости поддерживать союзъ съ нею, для шведской войны.

28-го декабря 1702 года отправлены были грамоты къ Самусю и Палію, чтобы они прекратили бунтъ; если же они чувствуютъ себя въ чемъ нибудь обиженными, то могутъ обратиться за правосудіемъ къ королю, и совѣтовалъ имъ обратить оружіе противъ шведовъ [6]). Но не таково было дѣло возстанія Самуся и Палія, чтобы его можно было усмирить однимъ почеркомъ пера. На царскую грамоту козаки отвѣчали, что не могутъ выносить лядскихъ жестокостей

[1]) Zaluski. т. III, стр. 338; Перв.' Русск. Вѣдом., стр. 38.
[2]) Zaluski, стр. 374; Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 495- 496.
[3]) Zaluski, т. III, стр. 337.
[4]) Ibidem, стр. 374.
[5]) Ibidem, стр. 375.
[6]) Соловьевъ, т. XV, стр. 17.

и не могутъ оставить успѣшно начатой и, по ихъ мнѣнію, справедливой войны [1]). Такимъ образомъ, помощь Россіи свелась къ тому, что Мазепа написалъ коронному гетмнту два письма, въ которыхъ старался отклонить взведенное на него обвиненіе, да еще по приказу царя разставилъ сторожу на берегу Днѣпра, чтобы не пропускать на правый берегъ охотниковъ [2]).

Тогда пришлось Польшѣ самой взяться за дѣло. Коронный гетманъ не находилъ возможнымъ собрать войско для борьбы съ козаками. 13 ноября онъ доносилъ въ Варшаву, что всѣ попытки покончить дѣло съ Самусемъ миромъ ни къ чему не привели. Самусь отвѣчалъ, что возстаніе возгорѣлось вслѣдствіе притѣсненій крестьянъ и попытокъ закрѣпостить козаковъ. Вслѣдствіе этого Любомирскій предлагалъ назначить коммиссію для разбора недоразумѣній съ козаками [3]). Но отвѣта отъ правительства на это представленіе не послѣдовало.

Тогда, 25-го ноября того же года, Любомирскій собралъ во Львовѣ военный совѣтъ для изысканія мѣръ къ войнѣ противъ козаковъ. Рѣшили, что въ виду невозможности отрывать свои войска отъ войны со шведами, нужно пригласить на помощь крымскаго хана, котораго если подкупить хорошимъ подаркомъ, то онъ съ удовольствіемъ пришлетъ часть орды. Но такъ какъ въ казнѣ денегъ не оказалось, то обязали гетмана достать ихъ и отправить хану, а паны своимъ вліяніемъ на сеймѣ ручались, что долгъ этотъ будетъ уплоченъ [4]).

Между тѣмъ, всѣ эти планы не возымѣли своего дѣйствія. Шляхта, склонная видѣть въ козацкомъ возстаніи происки частныхъ лицъ, обвиняла въ этомъ Любомирскихъ, которые, какъ намъ извѣстно, были съ Паліемъ въ дружбѣ. Поэтому на проекты его въ сенатѣ посмотрѣли, какъ на измѣну, и отвѣчали, что ни та, ни другая мѣра не пригодна. Коммиссія приведетъ только къ тому, что дастъ возможность козакамъ высказывать разныя дерзкія требованія, какъ тому былъ примѣръ въ Гадячской коммиссіи, а призывъ татаръ противенъ договору съ Турціей и покажетъ только крымцамъ путь

---

[1]) Соловьевъ, т. XV, стр. 17.
[2]) Костомаровъ. Мазепа, стр. 181.
[3]) Zaluski, т. III, стр. 332
[4]) Ibidem, стр. 315.

въ Польшу. Сенаторы удивлялись, какъ это козацкое дѣло могло выросги до такихъ размѣровъ, и предписывали коронному гетману отозвать хоругви, отправленныя противъ шведовъ, въ Великую Польшу, обѣщать имъ уплату жалованья и двинуть противъ козаковъ, подъ начальствомъ польнаго гетмана, Адама Сенявскаго [1]).

Самъ Сенявскій напрашивался на этотъ постъ. Недавно назначенный въ польные гетманы, онъ хотѣлъ ознаменовать себя военными подвигами и думалъ, что въ войнѣ противъ козаковъ ему это легче удастся, чѣмъ противъ шведовъ. Еще до полученія начальства онъ отправился къ границамъ Волыни и хотѣлъ заявить себя тѣмъ, что увѣщевалъ пановъ дать ему свои надворныя хоругви, обѣщая съ ихъ помощью быстро усмирить козаковъ [2]). Такъ затянулось дѣло до половины декабря. Получивъ назначеніе, Сенявскій издалъ универсалъ, созывающій всѣ отданныя въ его распоряженіе войска въ лагерь подъ Бережаны [3]). Но войска сходились медленно, и прошелъ цѣлый мѣсяцъ, пока Сенявскій собрался съ силами. Кромѣ регулярнаго войска, къ нему стекались паны, каждый со своимъ отрядомъ.

Такъ, пришелъ виленскій каштелянъ, Янушъ Вишневецкій [4]), пришли два Потоцкіе: Яковъ и Іосифъ, одинъ староста хмельницкій, а другой воевода кіевскій. Оба они прислали довольно значительныя ополченія [5]). Далѣе, дворяне Волынскаго воеводства поручили Сенявскому свою милицію и обѣщали, въ случаѣ надобности, поголовно ополчиться [6]). Наконецъ, и Любомирскіе не остались въ тѣни. Іеронимъ, коронный гетманъ, прислалъ коронную артиллерію, подъ начальствомъ генерала Брандта [7]), а два другіе прислали тоже значительныя ополченія [8]).

Съ такими силами двинулся Сенявскій въ январѣ 1703 года противъ козаковъ. Ему предшествовалъ королевскій универсалъ, обращенный къ Самусю и всѣмъ вообще старшинамъ, напоминавшій имъ ихъ долгъ, увѣщевавшій мирно разойтись по домамъ; а если

---

[1]) Zaluski, т. III, стр. 336.
[2]) Перв. Русск. Вѣдом., стр. 19.
[3]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 499—501.
[4]) Арх. Ю.-З. Россіи. т. II, ч. III, стр. 524—525.
[5]) Zaluski, т. III, стр. 452—512, 515.
[6]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 513—517.
[7]) Перв. Русск. Вѣдом., стр. 21.
[8]) Ibidem, стр. 45; Zaluski, т. III, стр. 452, 512, 515.

кто дѣйствительно обиженъ, то для этого есть законный способъ бороться противъ обидчиковъ [1]). Почти одновременно король отправилъ личное письмо къ Палію, также съ увѣщаніемъ не принимать участія въ бунтѣ и отклонять отъ него другихъ [2]). Сдѣлано это было съ цѣлью остановить Палія, который былъ опаснѣе всѣхъ, если-бы принялъ участіе въ дѣлѣ сопротивленія Сенявскому.

Вступивъ въ Подолію, Сенявскій увидалъ, что паническій страхъ шляхты сильно преувеличенъ. Почти на всемъ пути онъ не встрѣтилъ сопротивленія. Причиною было то, что всѣ полковники дѣйствовали отдѣльно, а крестьянскія ополченія представляли собой нестройныя толпы, да къ тому же ихъ было на Подоліи, послѣ недавняго владычества Турціи, не такъ и много. Всѣ отряды, встрѣчаемые Сенявскимъ въ окрестностяхъ Константинова, Межибужа и Винницы, были разбиты [3]). Самусь попробовалъ было защищать Немировъ, но не выдержалъ напора и бѣжалъ въ Богуславъ, бросая въ безпорядкѣ по дорогѣ свой обозъ [4]). Многіе козаки бѣжали въ Браславль.

Наибольшее сопротивленіе полякамъ оказалъ Ладыжинъ. Здѣсь заперся Абазинъ, къ которому сбѣжалось много народа изъ окрестностей. Когда подошло польское войско, Абазинъ съ отрядомъ всего въ 2000 человѣкъ безстрашно вышелъ имъ навстрѣчу. Завязалась отчаянная битва. Козаки дрались съ мужествомъ отчаянія. Но что могли они сдѣлать противъ непріятеля, въ нѣсколько разъ сильнѣйшаго. Потерявъ болѣе трехъ четвертей своего отряда, Абазинъ былъ взятъ въ плѣнъ [5]). Событіе это, вѣроятно, вслѣдствіе своего трагическаго исхода, преимущественно передъ другими событіями этой эпохи, запечатлѣлась въ народной памяти въ формѣ пѣсни [6]). Послѣ пораженія Абазина, Сенявскій вступилъ въ Шаргородъ, и отсюда разослалъ отряды для окончательнаго усмиренія бунтовщиковъ. Полковники козацкіе спасались каждый, кто и какъ могъ. Такъ, Ѳедоръ Шпакъ вошелъ въ сношеніе съ каменецкимъ комендантомъ и достигъ того, что поляки не обратили на него вниманія [7]). Большинство же спасалось за Днѣстръ и уходило въ Молдавію.

---

[1]) Zaluski, т. III, стр. 375.
[2]) Кіев. Стар. 1885 г.
[3]) Zaluski, т. III, стр 416.
[4]) Перв. Русск. Вѣдом., стр. 23, 78, 80.
[5]) Ibidem, стр. 80, 83.
[6]) Русск. Мысль 1880 г., кн. VI, стр. 41.
[7]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 521-522.

Впослѣдствіи когда подольскіе дворяне требовали у молдавскаго господаря возвращенія своихъ бѣжавшихъ крестьянъ, то представили цѣлый списокъ селъ, которыя принимали участіе въ возстаніи, и затѣмъ, по усмиреніи бунта, бѣжали по наущенію своихъ полковниковъ въ Молдавію. Такъ, полковникъ Скоричъ взбунтовалъ, а затѣмъ, по усмиреніи возстанія, перевелъ за Днѣстръ, а оттуда въ Молдавію жителей городовъ и селъ: Камоса, Ушицы, Лоѐвецъ, Козлова, Лядавы, Лясковецъ, Деремова, Жвана, Могилева и другихъ [1]). Полковникъ Дубина, преслѣдуемый коронньмъ подкоморіемъ Любомирскимъ, переправился черезъ Днѣстръ у Рашкова и ушелъ также въ Молдавію [2]). Многіе уходили къ Палію; иные окапывались въ лѣсахъ, или на островахъ рѣкъ. и дорого продавали полякамъ свою жизнь [3]).

Такимъ образомъ, возстаніе было усмирено и Сенявскій началъ расправу надъ усмиренными. Абазинъ былъ посаженъ на колъ [4]). Съ другими повстанцами расправлялись не менѣе жестоко: ихъ вѣшали, сажали на колъ, бросали съ высокихъ стѣнъ на желѣзные колья и крючья, и т. д. [5]). Особенной жестокостью отличался панъ воевода кіевскій, Іосифъ Потоцкій. Для того, чтобы оставить на долго память объ усмиреніи возстанія, онъ предложилъ всѣмъ крестьянамъ и ихъ семействамъ, заподозрѣннымъ въ возстаніи, отрѣзывать лѣвое ухо; такимъ образомъ, по свидѣтельству польскаго же историка, было заклеймено до 70000 человѣкъ [6]). Кромѣ того, онъ велѣлъ выбрать изъ собственныхъ волостей: Немировской и Константиновской нѣсколько тысячъ крестьянъ и казнилъ ихъ смертью [7]).

Наконецъ, дѣло окончательнаго разслѣдованія поручено было подольской шляхтѣ и подольскому стражнику Шидловскому [8]).

Шляхта энергично принялась за дѣло. Гродскіе суды приговаривали цѣлыя села къ смерти за одно подозрѣніе въ участіи въ возстаніи [9]). Шляхтичи, встрѣчая на улицахъ крестьянъ, заподозрѣнныхъ

---

[1]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 561.
[2]) Перв. Русск. Вѣдом., стр. 109—110.
[3]) Ibidem, стр. 92.
[4]) Ibidem. стр. 83.
[5]) Соловьевъ, т. XV, стр. 22.
[6]) Pikulski. Sukces albo historia uniwersalna, стр. 765
[7]) Zegota Pauli - Zywoty hetmanow, стр. 92.
[8]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 530—532.
[9]) Ibidem. стр. 585 - 588.

ими, убивали ихъ, какъ собакъ [1]). Наконецъ, сеймикъ постановилъ сократить срокъ слободы до одного года, послѣ чего крестьяне должны отбывать барщину, и конфисковать весь крестьянскій скотъ на пространствѣ всего воеводства [2]).

Но дальше дѣло не пошло. Шляхтѣ самой было невыгодно преслѣдовать своихъ же крестьянъ. Съ ними вмѣстѣ они теряли рабочую силу.

И вотъ шляхтичи начинаютъ заступаться, каждый за своихъ крестьянъ. Такъ, одни шляхтичи старались выгородить своихъ крестьянъ изъ дѣла возстанія. Они доказывали, что ихъ крестьяне не принимали въ немъ никакого участія, а напротивъ, способствовали къ усмиренію его [3]). Другіе брали своихъ крестьянъ на поруки, и даже отбивали арестованныхъ другими шляхтичами [4]), и т. д. Что же касается крестьянъ бѣжавшихъ въ Молдавію, то придумывали какъ бы ихъ оттуда возвратить, подвергнуть достодолжному наказанію, или по крайней мѣрѣ снова поселить на своихъ земляхъ.

По просьбѣ шляхты коронный гетманъ отправилъ письмо къ господарю молдавскому Константину Дукѣ съ просьбой выдавать, по требованію подольской шляхты, крестьянъ, принимавшихъ участіе въ возстаніи и затѣмъ бѣжавшихъ за Днѣстръ [5]). Вслѣдъ за этимъ сеймикъ подольскаго воеводства отправилъ къ Дукѣ пословъ съ такой же просьбой, присовокупивъ просьбу выдать также и всѣхъ молдаванъ, участвовавшихъ въ этомъ возстаніи. Въ инструкціи, данной посламъ, былъ поименный списокъ полковниковъ, бѣжавшихъ за Днѣстръ, а также селъ, откуда крестьяне бѣжали [6]). Господарь отвѣчалъ, что онъ выдастъ бѣжавшихъ только тогда, если будутъ выданы таковые же бѣглецы изъ Молдавіи въ Подолію; а относительно молдаванъ, участвовавшихъ въ возстаніи, онъ обѣщалъ самъ судить тѣхъ лицъ, виновность которыхъ будетъ доказана [7]). Тѣмъ же окончилась посылка новой депутаціи, съ такой же цѣлью, къ Дукѣ [8]).

---

[1]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 557—558.
[2]) Ibidem, стр. 570—572.
[3]) Ibidem, стр. 532, 538—540.
[4]) Ibidem, стр. 566, 574—575, 631—632.
[5]) Ibidem, стр. 550—551.
[6]) Ibidem, стр. 558—562.
[7]) Ibidem, стр. 567—570.
[8]) Ibidem, стр. 570—572.

А крестьяне, бѣжавшіе въ Молдавію собирали тамъ отряды и нападали на своихъ прежнихъ пановъ [1]). Сенявскій удовольствовался усмиреніемъ возстанія въ Подоліи и Брацлавщинѣ. Онъ не трогалъ Палія, боясь завязывать съ нимъ дѣло, изъ опасенія испортить впечатлѣніе, произведенное побѣдами надъ крестьянами и козаками.

Онъ доносилъ королю, что козаки такъ наказаны, что впредь не смогутъ поднять такъ голову, какъ прежде [2]).

Вопреки просьбамъ шляхты подольскаго воеводства оставить часть войска для охраненія края [3]), а также шляхты кіевскаго воеводства дать имъ военную силу для водворенія въ свои имѣнія, откуда большинство было вытѣснено на Волынь [4]), Сенявскій ушелъ въ глубь Польши подъ предлогомъ, что войска нужнѣе для войны со шведами, чѣмъ для взятія Бѣлой Церкви [5]). Уходя онъ издалъ всеобщую амнистію для принимавшихъ участіе въ возстаніи крестьянъ [6]). Наконецъ, 18-го марта Сенявскій издалъ универсалъ къ начальникамъ отрядовъ войскъ, оставленныхъ въ Подоліи, гдѣ онъ объявлялъ о своемъ уходѣ и приказывалъ прекратить безпорядки, чинимые подъ предлогомъ усмиренія возстанія [7]).

А между тѣмъ козацкое дѣло далеко не было окончено усмиреніемъ крестьянскаго возстанія на Подоліи. Самусь и Искра продолжали сидѣть, одинъ въ Богуславѣ, а другой въ Корсунѣ, и расширяли и укрѣпляли свои поселенія [8]). Палій сидѣлъ въ Бѣлой Церкви и дѣятельно велъ дѣло ея укрѣпленія. Болѣе пятисотъ человѣкъ работаетъ ежедневно надъ укрѣпленіемъ Бѣлой Церкви, доносили изъ Львова, и хотя Палій гультяй, злой и пьяница, но человѣкъ способный и расторопный и имѣетъ надежду долго продержаться [9]). Теперь Палій перемѣнилъ уже тактику—онъ не только не предлагалъ Москвѣ принять его подъ свое покровительство, но даже на всѣ требованія сдать Бѣлую Церковь, какъ со стороны

---

[1]) Ibidem, стр. 668—669.
[2]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 668—669.
[3]) Ibidem, стр. 337.
[4]) Ibidem, стр. 553—557.
[5]) Перв. Рус. Вѣдом., стр. 93.
[6]) Zaluski, т. III, стр. 415—417.
[7]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 395—396.
[8]) Соловьевъ, т. XV, стр. 39.
[9]) Арх. Ю.-З. Рос., т. II, ч. III, стр. 395—396.

Польши, такъ и со стороны Россіи, отвѣчалъ отказомъ. „Ни ляхамъ, ни кому иному Бѣлой Церкви я не сдамъ, писалъ онъ Мазепѣ, развѣ меня оттуда выволокутъ за ноги“ [1]).

Вторая половина 1703 и начало 1704 года прошли спокойно.

Шляхта кіевскаго воеводства, въ которомъ Палій распоряжался, какъ дома, потерявъ всякую надежду на помощь со стороны правительства, рѣшила смириться передъ Паліемъ. Въ іюлѣ 1703 года сеймикъ кіевскаго воеводства, собравшійся въ Лугиняхъ, отрядилъ къ Палію пословъ съ просьбой, дабы онъ дозволилъ дворянамъ кіевскаго воеводства возвратиться въ свои имѣнія и безпрепятственно собираться на съѣзды [2]).

Для расширенія своей территоріи, Палій и въ Подоліи началъ употреблять то же средство, которое онъ съ такимъ успѣхомъ практиковалъ на Полѣсьи, т. е. постепенное вытѣсненіе шляхты изъ имѣній и присоединеніе ихъ мало-по-малу къ своей территоріи. Такъ, жители села Стрижавки ударили, по распоряженію священника, въ набатъ и выгнали изъ села расположившуюся тамъ польскую хоругвь [3]). Далѣе, въ хмельницкомъ староствѣ, крестьяне не давали прохода польскимъ хоругвямъ, выгоняли ихъ и отнимали обозы [4]). Въ ягорлицкомъ староствѣ, крестьяне напали на хоругви, поставленныя у нихъ, и выгнали ихъ за 7 миль [5]). Въ Лодыжинѣ жители пригласили 200 паліевыхъ козаковъ и прогнали расположенныя тутъ польскія хоругви [6]). Кромѣ того, Палій приглашалъ къ себѣ запорожцевъ, подъ предлогомъ похода на татаръ [7]). Его козаки и вообще собравшіеся въ Фастовѣ и Бѣлой Церкви жители пріобрѣли благообразный видъ, были хорошо вооружены и снабжены всѣмъ необходимымъ [8]).

Не смотря на всѣ эти условія, участь Палія была уже предопредѣлена. Съ одной стороны, Польша, не будучи въ состояніи сама выжить Палія изъ Бѣлой Церкви, обратилась вновь къ помощи русскаго правительства. Съ другой стороны, царю выгодно было угодить

[1]) Соловьевъ, т. XV. стр. 40.
[2]) Арх. Ю.-З. Рос., т. II, ч. III, стр. 588—594.
[3]) Ibidem, стр. 612—614.
[4]) Архивъ Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 615—617.
[5]) Ibidem, стр. 622—624.
[6]) Ibidem, стр. 627—628.
[7]) Перв. Русск. Вѣдом., стр. 184.
[8]) Русск. Арх. 1863 г., стр. 411.

Польшѣ, и наконецъ, Мазепа, которому очень часто поручалось вести дѣла съ Паліемъ, какъ мы уже видѣли, былъ очень заинтересованъ тѣмъ, чтобы какъ-нибудь сломить и уничтожить Палія.

Это положеніе было не по силамъ Палію, и онъ неминуемо долженъ былъ пасть подъ его тяжестью. Польша, хотя и не непосредственно, а черезъ Мазепу, который собственно былъ представителемъ того шляхетско-панского направленія, которое за все время своей самостоятельной политической жизни проводила Польша, сломила его. Постараемся прослѣдить ходъ этой катастрофы.

Въ началѣ 1703 года польское правительство снова обратилось къ московскому царю и Мазепѣ, съ обычными представленіями о томъ, что невозможно вести какъ слѣдуетъ войну со шведами, въ виду постоянныхъ безпокойствъ со стороны Палія [1]). Петръ отвѣчалъ, что все зависящее отъ него уже сдѣлано, что онъ воспретилъ своимъ козакамъ принимать участіе въ дѣлѣ Палія и Самуся, и что хотя онъ не имѣетъ права посылать приказанія заднѣпровскимъ полковникамъ, какъ королевскимъ подданнымъ, однако имъ отправлена грамота къ Палію и Самусю, увѣщевающая ихъ не бунтовать и сидѣть смирно [2]).

И дѣйствительно, того же числа отправлены были грамоты къ Палію и Самусю [3]).

Мазепа въ свою очередь писалъ къ гетманамъ отъ 20 февраля, что ни онъ, ни царь не отвѣтственны за возстаніе Самуся и Палія, но что онъ сдѣлалъ съ своей стороны все, что могъ, добился обѣщанія полковниковъ не трогать Волыни и Подоліи, но не можетъ онъ заставить Палія отдать Бѣлую Церковь [4]).

На самомъ дѣлѣ Мазепа готовилъ совершенно другой исходъ. Потерявъ съ 1694 года надежду мирнымъ путемъ присоединить къ своему гетманству территорію, занятую Паліемъ, и потомъ уже какъ-нибудь сломить представителя ненавистныхъ ему мужицкихъ интересовъ, Мазепа перемѣнилъ свое отношеніе къ нему. На видъ онъ оказывалъ Палію то же любезное расположеніе, но тайнымъ образомъ доносилъ въ приказъ, что Палій уже не тотъ, что былъ

---

[1]) Антоновичъ, стр. 156.

[2]) Zaluski, т. III, стр. 422.

[3]) Ibidem, стр. 436; Чтен. Импер. Общ. Ист. и Древн. 1859 г., кн. I, отд. 2, стр. 59—90.

[4]) Zaluski, т. III, стр 400—402.

раньше, что онъ готовъ служить полякамъ, и вообще старался дискредитировать искренность поступковъ Палія передъ русскимъ правительствомъ [1]). Необыкновенно быстро развивающаяся популярность Палія не давала ему, положительно, покоя и все больше и больше укрѣпляла въ мысли о необходимости сломить этого человѣка.

Когда возникли сношенія съ польскимъ правительствомъ по поводу принужденія Палія выйти изъ Бѣлой Церкви и уступить занятую имъ территорію полякамъ, Мазепа рѣшился на новый планъ дѣйствій. Содѣйствовать полякамъ въ изгнаніи Палія, значитъ тѣмъ самымъ отказаться отъ правобережной Украины, чего вовсе Мазепѣ не хотѣлось. Рѣшиться на смѣлый шагъ, и помимо Польши принять Палія подъ свое покровительство, тоже было опасно въ виду той популярности Палія, о которой мы уже говорили. Уступать правый берегъ полякамъ, да еще и содѣйствовать въ покореніи его—это значило для Мазепы, совершенно дискредитировать свой авторитетъ на лѣвомъ берегу во всѣхъ слояхъ общества.

И вотъ Мазепа ведетъ дѣло такъ, чтобы убѣдить русское правительство, что нельзя отдавать правый берегъ въ руки полякамъ, что тамошній народъ не можетъ и не желаетъ подчиняться полякамъ [2]).

Въ то же время онъ начинаетъ постепенно обвинять Палія въ томъ, что онъ желаетъ сойтись съ поляками, что если это случится, то будетъ весьма опасно для лѣваго берега.

Въ то же время онъ предлагалъ такой способъ: поѣхать въ Кіевъ, выманить туда Палія, схватить его и держать подъ стражей, пока не будетъ рѣшенъ вопросъ о правобережной Украинѣ [3]).

Въ началѣ января пріѣхали къ переяславскому полковнику, Мировичу, Самусь и Искра, сложили свои клейноты и присягнули на вѣрность царю [4]). Такимъ образомъ, теперь Палій остался единственнымъ вождемъ правобережнаго козачества, и еще болѣе возбуждалъ противъ себя зависть и ненависть Мазепы.

Въ концѣ марта 1704 года, Мазепа прямо писалъ Головину, что слѣдуетъ выманить Палія изъ Бѣлой Церкви, заковать въ кан-

---

[1]) Костомаровъ, Мазепа, стр. 169.

[2]) Соловьевъ, т. XV, стр. 21—22.

[3]) Соловьевъ, т. XV, стр. 38—29; Костомаровъ, Мазепа. ств. 185.

[4]) Коостомаровъ, Мазепа, стр. 184.

далы и отправить въ Батуринъ, иначе всему малороссійскому краю угрожаетъ великое зло, и поляки найдутъ себѣ опору въ малороссійскомъ народѣ, для исполненія своихъ злыхъ замысловъ [1]). Пока велась эта интрига противъ Палія, онъ то подъ однимъ, то подъ другимъ предлогомъ отклонялъ требованіе сдачи Бѣлой Церкви. То онъ требовалъ времени на размышленіе, то объявлялъ, что сдалъ уже крѣпость царю и Мазепѣ, и безъ ихъ вѣдома не имѣетъ права отдать ее, то требовалъ совмѣстнаго приказа отъ короля и царя, то говорилъ, наконецъ, что не отдастъ Бѣлой Церкви потому, что есть опасность, какъ бы шведы не заняли этой крѣпости [2]).

Наконецъ, явился къ Палію человѣкъ, предъявившій требованіе и отъ Польши и отъ Россіи, сдать Бѣлую Церковь. Человѣкъ этотъ былъ извѣстный Паткуль.

Возвращаясь изъ Вѣны, куда онъ ѣздилъ посланникомъ, Паткуль столкнулся съ Сенявскимъ, который усмирялъ подольское возстаніе. Зашелъ разговоръ о томъ, какъ трудно Польшѣ справиться съ козаками. Сенявскій просилъ Паткуля убѣдить царя вмѣшаться и помочь Польшѣ. Паткуль, славившійся своими дипломатическими способностями, съ удовольствіемъ взялся за это дѣло, и взявъ отъ Сенявскаго довѣренность на право веденія переговоровъ съ Паліемъ, отправился въ Бѣлую Церковь, давъ обѣщаніе въ самоскорѣйшемъ времени добиться у Палія сдачи крѣпости.

Но всѣ дипломатическія способности Паткуля оказались безсильными передъ природнымъ умомъ и хитростью стараго козака.

Пріѣхавъ въ Бѣлую Церковь, Паткуль предъявилъ универсалъ короля и полномочіе Сенявскаго, и требовалъ именемъ царя, чтобы Палій уступилъ Бѣлую Церковь. Палій потребовалъ письменной грамоты отъ царя и Мазепы, и сказалъ, что тогда онъ сдастъ крѣпость. „Въ желаніи царя не можетъ быть сомнѣнія, сказалъ Паткуль, Бѣлая Церковь уступлена Польшѣ еще по договору 1686 года, договоръ съ того времени не нарушался, а ты, своими дѣйствіями, только мѣшаешь веденію войны со шведами“. Но Палій упорно продолжалъ стоять на своемъ. Паткуль сердился, горячился, даже ругался, но ничего не достигъ.

[1]) Костомаровъ, Мазепа, стр. 186.
[2]) Перв. Русск. Вѣдом., стр. 92.

Онъ писалъ Сенявскому, что войска у Палія много, а потому не слѣдуетъ рисковать слабыми силами Речи Посполитой съ врагомъ многочисленнымъ и отчаяннымъ [1]).

Несмотря на то, что Палій умѣлъ такъ хорошо изворачиваться, однако не могъ долго продержаться. Такъ, или иначе, а надо было кончить дѣло.

Въ февралѣ 1704 года, къ Палію отправлена была грамота, но уже грознаго содержанія: царь требовалъ отдать Бѣлую Церковь полякамъ, угрожая поддержать свое требованіе силой [2]). Въ августѣ того же года, подписанъ былъ въ Нарвѣ договоръ между уполномоченными русскими и польскими, на основаніи 4-й статьи котораго Палій приносился въ жертву успѣшному веденію войны съ Швеціей. Царь бралъ на себя, тѣмъ или инымъ путемъ усмирить Палія и заставить отдать его территорію полякамъ [3]).

Но въ то время, какъ писался этотъ договоръ, Палій былъ уже въ плѣну, а Мазепа владѣлъ Бѣлой Церковью.

Вотъ какъ это случилось. Еще въ апрѣлѣ Мазепа получилъ приказъ идти съ войскомъ на правый берегъ и дѣйствовать противъ пановъ, перешедшихъ на сторону шведовъ [4]). Отправляясь въ походъ, Мазепа имѣлъ уже тайное намѣреніе схватить Палія. Онъ доносилъ въ Москву, что на основаніи показаній какого-то канцеляриста, Палій ведетъ дѣятельныя сношенія съ Любомирскими, представителями шведской партіи [5]).

Остановившись лагеремъ у Могилы Перепятихи, Мазепа ожидалъ сбора войскъ [6]). Когда онъ стоялъ станомъ подъ Паволочью, явился къ нему и Палій, тоже приглашенный идти совмѣстно въ походъ [7]). Палій полагалъ, что появленіе Мазепы на правомъ берегу равносильно признанію этой области соединенною съ восточной Украиной, подъ протекціей Россіи. То же думалъ и весь народъ, и поэтому, лишь только Мазепа появился на правомъ берегу, тотчасъ

---

[1]) Załuski, т. III, стр. 418—419, 434—435.

[2]) Маркевичъ, Истор. Малороссіи, т. IV, стр. 154; Чт. Моск. Общ. 1889 г., кн. I. стр. 41.

[3]) Volumina legum, т. VI, стр. 82; Полн. Собр. Зак., т. IV, стр. 268.

[4]) Соловьевъ, т. XV, стр. 40; Костомаровъ, Мазепа, стр. 194.

[5]) Костомаровъ. Мазепа, стр. 194.

[6]) Лѣтопись Грабянки, стр. 256.

[7]) Костомаровъ, Мазепа, стр. 194.

въ Брацлавщинѣ и Подоліи вспыхнуло возстаніе, поднятое агентами Палія.

Интересенъ очень эпизодъ возмущенія Немирова. Туда прибылъ агентъ Палія, погребищенскій сотникъ Борисенко. Братъ этого Борисенка, бывшій однимъ изъ начальниковъ мѣстнаго возстанія въ 1702 году, былъ убитъ сотникомъ надворной команды Потоцкаго, Олексіемъ, а голова его была отправлена къ этому пану какъ трофей. Теперь Борисенко, встрѣтивъ этого сотника на улицѣ, застрѣлилъ его и началъ побуждать народъ къ возстанію. Жители волновались, но сдѣлать рѣшительный шагъ не осмѣливались [1]). Какъ вдругъ неожиданный случай далъ рѣшительный толчекъ дѣлу. Черезъ Немировъ проѣзжалъ нѣкій шляхтичъ Пирха. На базарѣ его остановила толпа крестьянъ. Узнавъ въ чемъ дѣло, Пирха, какъ человѣкъ находчивый, не потерялся и придумалъ средство выпутаться изъ этого положенія. Онъ вынулъ изъ сѣдла связку бумагъ и показалъ ихъ крестьянамъ, объявивъ, что онъ королевскій уполномоченный и задерживать его они не смѣютъ. Толкуя будто королевскій универсалъ, Пирха говорилъ, что король разсердился на пановъ за то, что они держатъ сторону шведовъ, и велитъ крестьянамъ ихъ бить. Тутъ же Пирха указалъ на хоругви, пришедшіе въ Синяву, и совѣтовалъ напасть на нихъ. Крестьяне взволновались. Пирха съ торжествомъ выѣхалъ изъ Немирова, а крестьяне ударили въ набатъ, составили ополченіе и подъ начальствомъ Борисенка двинулись подъ Синяву. Тамъ дѣйствительно оказались польскія хоругви. На жолнеровъ напали, порубили ихъ, поранили, а взятую добычу и плѣнныхъ отправили къ Палію въ Хвастовъ [2]).

Возстаніе росло и ширилось. Возвратился изъ-за Днѣстра Ѳедоръ Шпакъ. Вокругъ него начали группироваться крестьяне, съ которыми онъ пошелъ убивать, грабить и изгонять шляхту.

Сеймикъ подольскаго воеводства постановилъ, въ іюлѣ 1704 года, составить поголовное ополченіе, но не довѣряя собственнымъ силамъ, просить короля усилить гарнизонъ Каменецкой крѣпости, отрядить польнаго гетмана, и требовать у Мазепы отозванія Шпака [3]).

Тѣмъ не менѣе, возстаніе ширилось и возставшіе собирались въ „купы“. Польское правительство еще и въ слѣдующемъ году

[1]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 646—647.
[2]) Ibidem, стр, 643—645.
[3]) Ibidem. стр. 635—639.

заботилось объ уничтоженіи этихъ купъ и вообще о подавленіи возстанія [1]).

Но это возстаніе, какъ то показали обстоятельства, было начато не во время. Мазепа былъ не такой человѣкъ, чтобы потворствовать возстанію. Надѣясь, что правобережная Украина останется за нимъ, онъ, конечно, видѣлъ въ присуствіи тамъ готовой шляхты возможность скорѣйшаго приведенія въ дѣйствительность его завѣтныхъ идеаловъ.

Кромѣ того, возстаніе ускорило развязку судьбы Палія. Прибывъ съ своими полчанами къ лагерю Мазепы у Паволочи, Палій былъ принятъ имъ очень любезно. Между тѣмъ Мазепа сталъ получать жалобы какъ отъ губернаторовъ, помѣщиковъ, такъ и отъ самого Августа, что крестьянское возстаніе, вспыхнувшее въ Побужьи и Поднѣстровьи, началось и поддерживается Паліемъ. Мазепа 10 іюля привелъ Палія къ себѣ въ станъ и сообщилъ о жалобахъ на него. Палій отвѣчалъ, что хотя онъ и запретилъ своимъ полчанамъ трогать поляковъ, но что же ему дѣлать, если они его не слушаютъ. Тогда гетманъ сказалъ ему, чтобы онъ, по царскому желанію, ѣхалъ въ Москву. „Нема чого мені туди издити“, отвѣчалъ Палій. Тогда Мазепа не отпустилъ его, но удержалъ въ своемъ лагерѣ [2]). Съ этого времени онъ началъ осаждать правительство письмами о томъ, что необходимо арестовать Палія. То писалъ онъ, что Палій безпросыпный пьяница, то что онъ отъ старости совершенно выжилъ изъ ума и можетъ надѣлать много бѣдъ [3]). Сидя въ лагерѣ Мазепы, онъ и тутъ не оставлялъ своихъ надеждъ и идей. Онъ пробовалъ возмущать сотниковъ полтавскаго полка, говоря имъ: „Добра не буде. поки ви не сбудете своихъ панівъ и арендарівъ“. Сотники донесли объ этомъ Мазепѣ [4]), и, вѣроятно, это заставило его поскорѣе раздѣлаться съ Паліемъ. Онъ доноситъ въ Москву, что добылъ улику, свидѣтельствующую объ измѣнѣ Палія въ пользу шведской партіи. Улика была необходима, такъ какъ Головинъ, съ которымъ Мазепа сносился о Паліѣ, позволялъ его арествовать только тогда, если найдена будетъ улика. Таковой послужило показаніе одного хвастов-

---

[1]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II. ч. III, стр. 666—667, 683—684.
[2]) Костомаровъ, Мазепа, стр. 196 - 197.
[3]) Соловьевъ, т. XV, стр. 40—41.
[4]) Костомаровъ, Мазепа, стр. 197.

скаго еврея, что онъ самъ велъ сношенія Палія съ Любомирскими, которые обѣщали Палію жалованье отъ шведскаго короля и Бѣлую Церковь въ наслѣдственное владѣніе, а Палій обѣщалъ съ своей стороны помогать имъ противъ Августа и доносить о движеніяхъ русскихъ и польскихъ войскъ. То же показаніе подтвердилъ и нѣкій священникъ Карасевичъ [1]). Для Мазепы этого было достаточно. Онъ перенесъ свой лагерь подъ Бердичевъ и здѣсь взялъ Палія подъ стражу [2]).

Народная память, сохранившая это событіе въ формѣ пѣсенъ, разсказываетъ, что Мазепа зазвалъ Палія на пиръ, напоилъ его и пьянаго бросилъ въ темницу [3]).

Какъ бы тамъ ни было, а 1-го августа Мазепа издалъ универсалъ къ жителямъ Фастова, въ которомъ говорилось, что „удаливши для певныхъ причинъ пана Семена Палія отъ уряду полковничьяго", на его мѣсто назначилъ Михаила Омельченка; онъ уговариваетъ хвастовцевъ повиноваться своему новому полковнику [4]). Сопротивленіе было невозможно. Большая часть военной силы была захвачена вмѣстѣ съ Паліемъ, а приближенные его, какъ Танскій [5]) и Чеснокъ [6]), были задобрены Мазепой, получивши изрядные участки земли во владѣніе, а другіе, подобно пасынку Палія, Семашку, раздѣлили его участь [7]). Оставшіеся въ Бѣлой Церкви козаки не хотѣли было сдаваться: „Умремо тут усі, а не сдамося, коли нема нашого батька" [8]). Но они принуждены были сдаться, ихъ заставили мѣщане, которые не хотѣли терпѣть осады.

Для того, чтобы задобрить общественное мнѣніе, Мазепа позволилъ козакамъ и поспольству раздѣлить между собой все имущество плѣннаго полковника. Затѣмъ, передвинувшись лагеремъ подъ Любаръ, Мазепа отправилъ Палія и его пасынка въ Батуринъ, въ тюрьму, а оттуда онъ былъ препровожденъ въ Москву и сосланъ въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири, а именно въ Енисейскъ [9]). Народная память

---

[1]) Соловьевъ, т. XV, стр. 42—43; Костомаровъ, Мазепа, стр. 198.
[2]) Костомаровъ, Мазепа, 197; Соловьевъ. стр. 43.
[3]) Антоновичъ, стр. 170.
[4]) Арх. Ю.-З. Рос.. т. II, ч. III, стр. 639—640.
[5]) Ibidem, стр. 698—699.
[6]) Антоновичъ, стр. 172, примѣч. 2.
[7]) Соловьевъ, т. XV, стр. 43; Костомаровъ, Мазепа, стр. 198.
[8]) Бантышъ-Каменскій, т. III, стр. 48; Костомаровъ, Мазепа, 197.
[9]) Соловьевъ, т. XV, стр. 43.

и тутъ не оставила своего любимаго героя: „Ой высоко сонце сходить, низенько заходить. Ой десь то нашъ Семенъ Палій по Сибиру бродыть“, поется въ народной пѣснѣ [1]). Преданіе говоритъ, что онъ заключенъ былъ въ глубокую темницу, и ключи отъ нея заброшены были въ море, такъ что только чудомъ Палій освободился потомъ оттуда [2]). Другое преданіе представляетъ его заточеніе въ видѣ огромной башни, куда Мазепа замуровалъ народнаго любимца живьемъ [3]).

Между тѣмъ, съ погибелью народнаго вождя, прекратилось и начатое имъ дѣло—по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ единой политической цѣли, которую онъ преслѣдовалъ. Мелкая борьба съ Польшей продолжалась вплоть до самаго конца существованія козачества на правомъ берегу. Мазепа, овладѣвъ фактически всѣмъ правымъ берегомъ, и не думалъ отдавать его полякамъ. Напротивъ, стоя подъ Любаромъ, куда онъ передвинулся изъ-подъ Бердичева, онъ старался письмами убѣдить Москву въ томъ, что никакъ нельзя отдать Украину Польшѣ. Во-первыхъ, пишетъ онъ, это можетъ вредно отразиться вообще на политикѣ, вслѣдствіе близости сосѣдства съ Запорожьемъ и Крымомъ, а во-вторыхъ, съ лѣваго берега будутъ безпрестанно бѣгать на правый, „избѣгая повинностей“ [4]). Мазепѣ удалось убѣдить русское правительство въ томъ, что не слѣдуетъ отдавать правобережной Украины въ руки полякамъ. По крайней мѣрѣ вплоть до своего вторичнаго запустѣнія она фактически находилась въ рукахъ Россіи.

Посмотримъ теперь, какія установились тамъ отношенія между народомъ, козаками и шляхтой. Вначалѣ, какъ только Мазепа явился господиномъ края, онъ пробовалъ успокоить шляхту и привести отношенія ея къ народу въ нормальный и выгодный для шляхты порядокъ. Еще въ обозѣ, подъ Паволочью, издалъ онъ универсалъ, обращенный къ шляхтѣ кіевскаго воеводства, въ которомъ успокаивалъ ее, говоря, что пришелъ, какъ союзникъ, противъ общихъ враговъ—шведовъ, что шляхта можетъ возвращаться въ свои оставленныя имѣнія и требовать повиновенія отъ своихъ крестьянъ, нисколько не опасаясь крестьянскаго возстанія, усмиреніе котораго онъ бралъ на себя. Обращаясь къ посполитому народу, въ томъ же универсалѣ,

[1]) Русск. Мысль, 1880 г., кн. VI, стр. 47.
[2]) Антоновичъ, стр. 175.
[3]) Кулишъ, Записки о Южн. Руси. т. I, стр. 115.
[4]) Бантышъ-Каменскій, т. III, стр. 49.

онъ призывалъ его къ повиновенію своимъ помѣщикамъ, присовокупляя, что если бы они вздумали подымать какіе-либо бунты, то онъ самъ озаботится объ ихъ подавленіи [1]). — Стоя подъ Любаромъ, онъ усердно старался войдти въ добрыя отношенія съ шляхтой и не только не трогалъ ихъ домовъ и имѣній, но давалъ имъ даже своихъ козаковъ, въ качествѣ охраны, какъ то гласитъ жалоба одного еврея на крестьянъ села Смордыревки [2]). Впослѣдствіи, видя, что стоянка его въ тягость шляхтѣ волынскаго воеводства, Мазепа универсаломъ предложилъ имъ свезти должный ими войску провіантъ къ границамъ воеводства, обѣщая съ войскомъ уйти въ Литву [3]). Шляхта не осталась въ долгу у своего покровителя и благодарила его въ лицѣ двухъ депутацій: отъ кіевскаго [4]) и отъ подольскаго [5]) воеводствъ.

Но отношенія, какія хотѣлъ установить Мазепа, были пока неосуществимы на правомъ берегу. Даже сами козаки Мазепы, и тѣ приходили очень часто въ непріязненныя столкновенія съ шляхтой. Дѣло въ томъ, что мазепиному войску, какъ союзникамъ, шляхта должна была доставлять провіантъ,—но шляхта не любила исполнять какія-нибудь повинности, такъ что приходилось собирать провіантъ насиліемъ. Мазепа старался уклониться отъ неизбѣжныхъ столкновеній, но все-таки приходилось для сбора провіанта прибѣгать къ контрибуціи, налагаемой на имѣнія пановъ шведской партіи: то брать съ католическаго духовенства и церквей, то, наконецъ, брать его у самой шляхты. Столкновенія поэтому были неизбѣжны.

Снова появились жалобы, что козаки нападаютъ на имѣнія, грабятъ, разрушаютъ дома и убиваютъ крестьянъ [6]). Что же касается козаковъ праваго берега, которыхъ Мазепа тамъ уже засталъ, то о нихъ и говорить нечего. Полки Самуся, Искры, Шпака и Танскаго, принявшаго начальство надъ бѣлоцерковскими козаками, находившимися съ Паліемъ въ станѣ Мазепы—это былъ такой народъ, который, привыкнувъ бороться со шляхтой, не могъ уже отрѣшиться отъ этой борьбы. Посольство, приходившее въ августѣ 1705 года къ Мазепѣ благодарить его за доброе отношеніе къ

---

[1]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 632-635.
[2]) Ibidem, стр. 656.
[3]) Ibidem, стр. 686 688.
[4]) Ibidem. стр. 450-451.
[5]) Ibinem, стр. 684—686.
[6]) Ibidem, стр. 692-695, 701—703, 703-704

шляхтѣ, жаловалось ему теперь на полки Искры, Самуся и Шпа которые при всякомъ удобномъ случаѣ нападають на шляхетс имѣнія, жгутъ и грабятъ, а шляхтичей убиваютъ [1]). Нерѣдко слу лось, что при приближеніи козаковъ этихъ полковъ, крестьяне вс минали доброе старое время, объявляли себя козаками, и прини лись грабить пановъ и евреевъ [2]). Сами крестьяне ни за что хотѣли повиноваться панамъ, особенно на территоріи, нѣкогда п властной Палію. Несмотря на всѣ распоряженія Мазепы и нов бѣлоцерковскаго полковника Омельяновича, крестьяне объявили, кака они платили только незначительную подать въ войсковую каз такъ и теперь будутъ платить, а никакихъ пановъ знать не же ютъ. Козаки ихъ поддерживали въ этомъ намѣреніи, и надея шляхты на водвореніе ея сама собой уничтожалась [3]).

Всѣхъ этихъ обстоятельствъ Мазепа или не могъ пересили или же надоѣла ему шляхта своими постоянными жалобами, только онъ пересталъ обращать вниманіе на существующія от шенія, такъ что послѣ его паденія русское правительство принужд было назначить особую коммиссію для разбора жалобъ шляхты козаковъ и крестьянъ [4]).

Между тѣмъ, хотя край и находился во власти Мазепы, порядки въ немъ оставались тѣ же, что заведены были при Па Земли было много, всякій владѣлъ ею свободно, и лѣвобереж старшина не успѣла наложить свою руку на этотъ порядокъ. П селенцы вплоть до самаго второго запустѣнія Украины продол стремиться на правый берегъ. Край принималъ все болѣе и козацкое устройство. Въ 1709 году здѣсь насчитывалось уже зацкихъ полковъ: Чигиринскій, Уманскій, Корсунскій, Брацл Могилевскій, Бѣлоцерковскій и Богуславскій [5]). Въ Брацлавс Могилевскомъ полкахъ полковниками были старые нача крестьянскихъ бандъ еще въ 1702 году. Одинъ изъ нихъ Са прозванію Волошинъ, а другой Иваненко. Они захватили М Винницу и Браславъ [6]) и расширяли свои владѣнія на сче

---

[1]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 685.
[2]) Ibidem, стр. 657, 699—701.
[3]) Ibidem, стр. 779—681.
[4]) Ibidem, стр. 712—713. 714-715.
[5]) Ibidem, стр. 696, 632; Матеріалы Судіенка, т. II, 2, 4, 6, 7, 9,
[6]) Ibidem, стр. 696; Матеріалы Судіенка, т. II, стр. 22, 122.

хетскихъ имѣній. Никакія жалобы, никакія приказанія русскаго правительства не могли на нихъ подѣйствовать [1]). Въ Чигиринѣ вновь назначеннымъ полковникомъ оказался Галаганъ [2]). Въ Богуславскомъ полку полковникомъ оставался Самусь, вплоть до самой смерти въ 1713 году [3]).

Такъ обстояли дѣла на Украинѣ, когда возвратился изъ ссылки Палій. Случилось это весной 1709 года. „Великимъ постомъ, весняною погодою ставъ,—по словамъ думы,—Семенъ Палій до білого царя прибувати" [4]). Возвращеніе его явилось логическимъ послѣдствіемъ паденія Мазепы. Въ концѣ марта онъ прибылъ въ Воронежъ, а 30-го былъ отправленъ къ Скоропадскому [5]). 3 іюня въ лагерѣ гетмана Скоропадскаго, подъ Богачкой, онъ выхлопоталъ себѣ универсалъ о возвращеніи своего имущества, отданнаго когда-то Мазепой на разграбленіе [6]). Затѣмъ онъ принималъ участіе въ полтавской битвѣ [7]), а оттуда, набравъ отрядъ козаковъ, двинулся въ свою Хвастовщину [8]), гдѣ его съ нетерпѣніемъ ожидали, какъ законнаго владѣльца. Бывшій полковникъ Омельяновичъ въ апрѣлѣ 1709 года, какъ родственникъ Мазепы, былъ арестованъ и препровожденъ сначала въ Кіевъ [9]), а затѣмъ въ Глуховъ [10]).

Возвратившись въ Хвастовъ, Палій немедленно же принялся за свой старый образъ дѣйствій. Онъ разставилъ своихъ козаковъ по Полѣсью [11]) и началъ вытѣснять шляхту изъ порубежныхъ имѣній. Еще до его возвращенія, тотчасъ послѣ смѣны Омельяновича, крестьяне волостей Горностайпольской, Козаревской и Бородянской присвоили себѣ козацкія права и отказались повиноваться своимъ помѣщикамъ [12]). Палій записалъ ихъ въ „компутъ" бѣлоцерковскаго полка и принялся тѣснить остальную шляхту. 10-го сентября сеймикъ кіев-

---

[1]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 714; ibidem, стр. 134.
[2]) Матеріалы Судіенка, т. II, стр. 6, 7.
[3]) Максимовичъ, т. II. стр. 279.
[4]) Сборн. Украин пѣс. Максимовича, изд. 1849 г., стр. 89.
[5]) Матер. Судіенка, т. II, стр. 118, 125, 286.
[6]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 711, 712.
[7]) Кратк. опис. Малороссіи, стр. 301; Лѣтопись Грабянки, стр. 242.
[8]) Архивъ Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III стр. 772.
[9]) Матеріалы Судіенка, т. II, стр. 6, 9.
[10]) Ibidem, стр. 15.
[11]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 772.
[12]) Ibidem, стр. 710—711.

скаго воеводства отправилъ депутатовъ къ кіевскому губернатору князю Голицыну съ жалобой, что козаки Палія, перейдя рѣку Ирпень, врываются въ шляхетскія имѣнія, отбираютъ медовыя дани и изгоняютъ шляхтичей изъ имѣній [1]). Далѣе, 7-го января 1710 года, та же шляхта обращалась черезъ своихъ депутатовъ къ королю, прося его требовать отъ русскаго правительства обезпеченія отъ козаковъ Палія [2]). Наконецъ, такая же точно депутація отправлена была къ Меншикову съ просьбой удержать Палія отъ изгнанія шляхты изъ повѣтовъ Овручскаго и Житомирскаго [3]).

Между тѣмъ, Польша все настойчивѣе и настойчивѣе требовала возвращенія подъ свою власть правобережной Украины, такъ случайно попавшей въ руки Россіи. Пока шли въ Польшѣ междоусобія между шведской партіей и партіей короля Августа, Петръ отложилъ подъ этимъ предлогомъ отдачу Украины [4]). Но когда послѣ Полтавской битвы партія Лещинскаго пала безвозвратно, Петръ думалъ возвратить Украину Польшѣ. Это можно заключить изъ того, что, назначая Палія полковникомъ въ Бѣлую Церковь, онъ называлъ его не бѣлоцерковскимъ полковникомъ, а полковникомъ охотницкимъ [5]). Затѣмъ, это можно усмотрѣть изъ переписки Долгорукова съ Скоропадскимъ по поводу Палія [6])

Но Палій не дожилъ до отдачи Украины Польшѣ, судьба пощадила его—онъ умеръ въ промежутокъ времени между 10 января и первыми числами марта 1710 года. По крайней мѣрѣ, послѣдняя переписка о немъ датована 10 января [7]), а черезъ полтора мѣсяца Танскій искалъ уже мѣста бѣлоцерковскаго полковника, вакантнаго за смертью Палія [8]). Въ ноябрѣ 1710 года Августъ II раздаетъ староства на территоріи, подвластной Палію. Такъ, Романовское староство отдано Самсону Бомбеку [9]). Похороненъ Палій былъ, по всей вѣроятности, въ Межигорскомъ монастырѣ. По крайней мѣрѣ до конца существованія монастыря въ Святодуховской церкви, вмѣстѣ съ портре-

---

[1]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 717–723.
[2]) Ibidem, стр. 723–727.
[3]) Ibidem, стр. 727—729.
[4]) Соловьевъ, т. XV, стр. 201.
[5]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 715–716.
[6]) Матеріалы Судіенка, т. II, стр. 407.
[7]) Ibidem, стр. 144.
[8]) Ibidem, стр. 150.
[9]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 741–742.

тами Евстафія Гоголя и Богдана Хмельницкаго висѣлъ и портретъ Палія, а надъ нимъ на ветхомъ коврикѣ висѣла стараго „батька козацкаго" сабля безъ рукоятки и серебряный полковничій перначъ съ тремя перьями [1].

Послѣ смерти Палія мѣсто его занялъ Антонъ Танскій, его зять. Человѣкъ этотъ очень хорошо характеризуется тѣмъ, что когда схваченъ былъ Палій, онъ перешелъ на службу къ Мазепѣ, а когда палъ Мазепа, то онъ также измѣнилъ и ему, какъ Палію. Онъ стремился къ собственному обогащенію, и потому просился на должность бѣлоцерковскаго полковника, надѣясь воспользоваться порядками, заведенными тамъ Паліемъ. Онъ началъ наскучать Скоропадскому, прося назначить его на мѣсто бѣлоцерковскаго полковника. Скоропадскій, не будучи въ состояніи отвязаться отъ него и въ то же время не зная, будетъ-ли отдана правобережная Украина Польшѣ или нѣтъ, назначилъ Танскаго не полнымъ, а наказнымъ бѣлоцерковскимъ полковникомъ [2]. Головкинъ это одобрилъ [3]), и въ мартѣ Танскій отправился уже въ Бѣлую Церковъ. Тотчасъ къ нему явилось посольство отъ кіевской шляхты съ просьбой устранить тяжелые для шляхты порядки, заведенные Паліемъ [4]. Дѣйствительно, первое время Танскій не трогалъ шляхты. Ему было некогда—онъ былъ занятъ пріобрѣтеніемъ дружбы кіевскаго губернатора, князя Голицына [5].

Между тѣмъ, случилось обстоятельство, отклонившее на время русское правительство отъ мысли отдать Украину Польшѣ. Петръ Первый объявилъ въ 1710 году войну Турціи и ему важно было въ тылу имѣть область, ему подвластную. Понималъ и Карлъ XII, который, сидя въ Турціи, былъ одной изъ главныхъ причинъ возгорѣвшейся войны съ Турціей, всю важность Украины въ этомъ отношеніи и попробовалъ овладѣть ею. Въ началѣ марта 1711 года вступило въ Украину ополченіе, состоявшее изъ Буджацкихъ и Бѣлгородскихъ ордъ, оставшихся при Мазепѣ послѣ его бѣгства въ Турцію козаковъ и поляковъ, остатковъ шведской партіи. Начальникомъ надъ этой сборной дружиной былъ, избранный въ Бендерахъ козацкой старшиной, гетманъ Филиппъ Орликъ.—Я не буду оста-

---

[1]) Максимовичъ. т. II, стр 278-279.
[2]) Матеріалы Судіенка. т. II, стр. 152; Арх. Ю.-З. Россіи, стр. 730.
[3]) Ibidem.
[4]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 732—733.
[5]) Ibidem, стр. 730.

навливаться на исторіи этого похода: онъ нимало не относится къ моей темѣ—скажу только, что начатый довольно удачно, походъ этотъ окончился ничѣмъ. Дружина отступила туда, откуда пришла [1]). Тѣмъ не менѣе, походъ этотъ воочію доказалъ Петру, какъ важна для него эта провинція въ случаѣ удачнаго исхода турецкой войны. Перемѣнилъ на время Петръ свой взглядъ на Украину и рѣшилъ не отдавать ее Польшѣ.

Между тѣмъ, въ февралѣ 1711 года Скоропадскій прислалъ Танскому универсалъ на назначеніе его полнымъ бѣлоцерковскимъ полковникомъ [2]). Тутъ Танскій развернулся. Жестоко ошиблась бѣдная шляхта, думавшая отдохнуть послѣ смерти Палія. На его мѣстѣ явился человѣкъ, хотя и не убѣжденный, но не менѣе Палія наносившій уронъ шляхтѣ. Три раза въ теченіе года собирался сеймикъ Кіевскаго воеводства и постановлялъ посылать посольства къ Голицыну, Шереметеву, Меншикову, Скоропадскому, королю и даже самому Петру просить усмирить Танскаго [3]). „Танскій такъ опустошилъ наши имѣнія,—жаловалась шляхта,—что къ нимъ совершенно приложимо выраженіе „гдѣ стояла Троя, тамъ теперь волнуется созрѣвшая нива". Но въ нашихъ селахъ даже жатва не волнуется—все превращено въ совершенную пустыню" [4]). Но обстоятельства спасли шляхту. Вслѣдствіе неудачной турецкой войны, Петръ Великій принужденъ былъ заключить Прутскій договоръ, по которому, между прочимъ, онъ обязывался отказаться отъ Украины и вывести войска изъ предѣловъ Речи Посполитой. На скорѣйшемъ исполненіи этихъ статей Турція настаивала безотступно и, наконецъ, 1713 года были ратификованы [5]).

23 сентября 1713 года изданъ былъ царскій указъ, на основаніи котораго все козачество должно было перейти на лѣвый б[ерегъ]: „и землямъ тѣмъ, говорилось въ указѣ, надлежитъ быть въ [пустѣ] всегда" [6]). Такимъ образомъ Украина снова предназначалась пустѣнію, въ какомъ она находилась въ 1682 году.

---

[1]) Антоновичъ, стр. 187—189.
[2]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 748—749.
[3]) Ibidem, стр. 738-740. 743-747, 752-755.
[4]) Ibidem, стр. 746.
[5]) Соловьевъ, т. XV, стр. 92, 127.
[6]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 756, 757.

Дѣятельно принялось русское правительство, а съ нимъ вмѣстѣ и покорный ему Скоропадскій, заниматься переселеніемъ жителей на лѣвый берегъ. Еще раньше заключенія вышеупомянутаго договора Скоропадскій предлагалъ, въ 1711 году, перевесть всѣхъ жителей изъ мѣстностей, покорившихся Орлику при его вторженіи въ западную Украину, на лѣвый берегъ [1]). Петръ охотно согласился на это предложеніе и оно отчасти было исполнено, что можно заключить изъ письма Петра къ Меншикову [2]).

Послѣ процитированнаго нами указа, еще дѣятельнѣе пошло переселеніе. Съ конца 1711 года Скоропадскій, Григорашъ и Танскій [3]), а также и генералъ Реннъ [4]), переселяли жителей. Движеніе началось отъ Днѣстра и тянулось постепенно къ Днѣпру. Уходя изъ края, жители забирали съ собой все, что только могли, а чего нельзя было захватить, то предавалось уничтоженію, чтобы не оставлять ничего полякамъ [5]).

Наконецъ, въ 1712 году переселеніе дошло до Хвастовщины и Бѣлоцерковщины. Такъ какъ населеніе было здѣсь гуще, то и переселять его было труднѣе. Поэтому русское правительство, понуждаемое требованіями шляхты поскорѣе очистить Хвастовщину и Бѣлоцерковщину [6]), сочло за лучшее прибѣгнуть къ слѣдующему средству. Полковнику Танскому дано было званіе кіевскаго полковника, которое было вакантно за смертью стараго полковника [7]), и дозволено было селить жителей бывшаго бѣлоцерковскаго полка на томъ пространствѣ праваго берега, которое уступлено было Россіи еще по договору 1686 г., т. е. полосу земли между Вышгородомъ, Трипольемъ, Мотовиловкой, Трехтемировымъ и Стайками [8]). Начавшееся въ 1712 году переселеніе Хвастовщины окончилось только въ 1714 году, когда Бѣлая Церковь передана была польскимъ коммиссарамъ [9]). Такимъ

---

[1]) Матеріалы Судіенка, т. П, стр. 38, 38.
[2]) Антоновичъ, стр. 192.
[3]) Матеріалы Судіенка, т. II, стр. 347, 348.
[4]) Лѣтоп., изд. Бѣлозерскимъ, стр. 91; Сборн. Лѣт., изд. 1888 г., стр. 51.
[5]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. П, ч. Ш, стр. 782.
[6]) Ibidem, стр. 763—768.
[7]) Матер. Судіенка. т. II, стр. 354; Арх. Ю.-З. Рос., т. II, ч. Ш, стр. 768, 769.
[8]) Матеріалы Судіенка, т. II, стр. 355.
[9]) Антоновичъ, стр. 193.

образомъ, опустѣли города и села: Бѣлая Церковь, Чигиринъ, Фастовъ, Рожевъ, Бышевъ, Гороховатка и др. [1]).

Для того чтобы вполнѣ представить себѣ, насколько пустъ былъ край къ концу 1714 года, приведемъ нѣсколько данныхъ, заимствуемыхъ изъ современныхъ актовъ. Такъ, населеніе богатой могилевской волости съ городомъ Могилевомъ и со всѣми окрестными мѣстечками, христіанъ и евреевъ, съ женами и дѣтьми, состояло всего изъ 152 человѣкъ [2]). Управляющій имѣніями кіевскихъ бискуповъ, принявшій въ свое управленіе Хвастовщину, нашелъ въ ней всего, въ селѣ Черногородкѣ, 8 человѣкъ [3]). Региментарь Галецкій, отправленный въ Кіевское воеводство съ отрядомъ въ 1200 человѣкъ, не могъ размѣстить его не только во всей Украинѣ, но и въ южной части Полѣсья, вслѣдствіе совершеннаго отсутствія жителей. По его донесенію, онъ нашелъ только въ мѣстечкѣ Вильскѣ 3-хъ человѣкъ, остальное же пространство было совершенно пусто [4]).

Въ опустѣвшую Украину вступилъ Андрей Любомирскій съ 12000 человѣкъ войска и издалъ въ пустынѣ универсалъ, по которому онъ принималъ Украину во владѣніе Речи Посполитой [5]). Тутъ онъ встрѣтилъ послѣдній протестъ со стороны, вступившаго прежде него въ Украину, ополченія запорожцевъ и остававшихся въ Турціи козаковъ, отъ имени Орлика, занявшаго Украину.

Запорожскій полковникъ Поповичъ, занялъ Умань и берега Буга, отъ имени Турціи [6]). На универсалъ Любомирскаго, одинъ изъ старшины, Перебійносъ отвѣчалъ протестомъ, что если русскіе очистили Украину, то это не значитъ, чтобы поляки имѣли на нее какія-нибудь права. Несмотря на свои незначительныя силы ополченіе Перебійноса вздумало сопротивляться войску Любомирскаго. У села Погребыщъ они напали на передовой отрядъ Любомирскаго и разбили его; но когда явился самъ Любомирскій со всѣмъ войскомъ, то сопротивленіе ужъ было невозможно [7]).

---

[1]) Сборн. Лѣтоп., изд. 1888 г., стр. 51.

[2]) Арх. Ю.-З. Россіи, т. II, ч. III, стр. 770.

[3]) Ibidem, стр. 774.

[4]) Ibidem, стр. 776.

[5]) Антоновичъ, стр 193.

[6]) Матеріалы Судіенка, т. II, стр. 50.

[7]) Антоновичъ, стр. 193—194.

Послѣ погребыщской стычки, еще два раза запорожцы старались тревожить поляковъ. Такъ, въ 1713 году бывшій прилуцкій полковникъ Горленко занялъ Брацлавъ; но съ нимъ было только 250 человѣкъ и долго продержаться онъ не могъ [1]). Затѣмъ сотникъ Швачка появился въ Богуславѣ съ 100 козаковъ и угрожалъ Триполью, но также безъ послѣдствій [2]).

Такимъ образомъ, навсегда исчезло въ правобережной Украинѣ козачество, возобновленное тамъ, въ смыслѣ народныхъ желаній, усиліями Палія и его сподвижниковъ, уступивъ мѣсто другому элементу протеста народнаго, который неминуемо долженъ былъ возникнуть противъ Польши, когда край вновь начнетъ заселяться и народъ вступитъ въ соприкосновеніе съ ненавистнымъ шляхетствомъ. Протестъ этотъ выразился уже въ формѣ гайдамацкихъ движеній.

[1]) Матеріалы Судієнка, стр. 52.

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 02665 7976

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN · LIBRARIES · 1817

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN · LIBRARIES · 1817

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
1817

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
1817
·LIBRARIES·

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
1817
·LIBRARIES·

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
1817
·LIBRARIES·

3 9015 02665 7976

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
1817

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
1817

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
1817

DO NOT REMOVE
OR
MUTILATE CARD